

ОБЩЕСТВО - СРЕДА - РАЗВИТИЕ

www.terrahumana.ru

№ 4(25)'12

Выходит 4 раза в год

Входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов...» ВАК Минобрнауки РФ

ОБЩЕСТВО

Эффективное управление

- С.А. Дятлов.* Энтропийная экономика: методологические аспекты анализа мирового экономического кризиса 4
- О.И. Лебедева.* Управление недвижимостью в условиях российской экономики 10
- В.Ф. Богачев, Н.В. Метлюк.* Инновационные предпринимательские структуры: облачный принцип формирования 14
- А.И. Лосев.* Логистический альбом как информационный массив данных для определения перспективности логистических проектов (на примере проекта «ДАНКО») 18
- В.Н. Рудченко.* Многоуровневый подход в формировании туристского продукта 21

Рыночная среда

- А.А. Курфин, И.В. Жук.* Роль адаптивного потенциала в создании эффективных механизмов управления предприятием в изменяющихся условиях функционирования 25
- Т.Н. Кошелева.* Управление развитием малого предпринимательства в условиях организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур 29
- В.В. Рицци.* Состояние, проблемы и перспективы развития туристского потенциала Северо-Западного федерального округа 34

История и современность

- Ю.Н. Стиридонова.* Формирование первых акционерных страховых обществ в России 39
- В.А. Ермолов.* Преемственность власти и осуществление реформ в России в XIX веке 44
- А.Ю. Суслов.* Российские социалисты после октября 1917 года: проблемы теории и методологии изучения 49
- Т.А. Абрамова.* Промышленность Советского Союза: плановое развитие и цикличность 54
- А.Ю. Комарков.* Корабельный ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны 59
- Р.И. Филиппенко.* Харьковская школа истории искусства: А.И. Кирпичников 64

Стратегия дискурса

- Е.Е. Тарандо.* Теория собственности в экономической социологии 69
- И.Г. Афанасьева.* Взаимодействие личности и общества как социальная функция собственности 74
- П.Г. Черникова.* Категория «запредельного опыта» в художественной традиции XX века 79
- В.А. Куц.* Защитные функции в системе культуры: оптимальная стратегия снижения риска на основе байесовского подхода 84

Глобализация: полемика цивилизаций

- А.А. Петрова.* Россия периода «великих реформ» Александра II в восприятии испанского путешественника 89
- В.В. Никифоров.* О структуре межнациональных отношений в русской цивилизации 94
- К.С. Кокомбаев.* Полиэтнический социум и проблемы образа жизни народа 102
- Ф.Р. Джантуева.* Политические партии – индикатор состояния гражданского общества (на примере Кабардино-Балкарской Республики) 106
- Е.В. Стецко.* «Глобальное управление» и роль неправительственных организаций в его становлении 110

2 Феномены социального развития

- А.В. Петров.* Социальное партнерство и проблемы занятости молодежи в современной глобальной экономике 116
- Д.А. Виноградов.* Векторы развития корпоративной социальной ответственности предпринимательства в современной России 121

Правовое общество

- И.Н. Денисов.* Город-герой Ленинград: история превращения в Санкт-Петербург 125

Языки культуры

- М.Дж. Тезич.* Языковая политика и ее роль в формировании строительства нации в Тувинской Народной Республике (Танну-Тува) в 1921–1944 гг. 131
- И.Б. Горбунова, М.С. Заливадный.* Опыт математического представления музыкально-логических закономерностей в книге Я. Ксенакиса «Формализованная музыка» 135
- О.А. Кириллова.* Визуальная стилистика и эстетика модерн в российском кино 139

Мир художественной культуры

- А.Э. Жабрева.* «Запона на ней с камнем, петли жемчужные...»: костюм русского дипломата конца XVII в. Петра Ивановича Потемкина (по изобразительным и документальным источникам) 144
- С.В. Ляшенко.* Пейзаж в творчестве Н.С. Самокиша 150
- М.А. Marchenko.* Recycling. Play, Art and Life 154
- Р.Г. Шитикова.* Развитие идеи контраста как жанрообразующего фактора в сонате классицизма и романтизма 158
- Е.Ю. Пономаренко.* Вокально-исполнительское искусство Генриетты Ниссен-Саломан 163
- С.Е. Курносова.* «Русская тема» в сонате для фортепиано Григория Корчмара 167
- А.А. Тимошенко.* Церковно-певческая традиция современного Полоцка. К вопросу о звукоидеале 172
- И.А. Чудинова.* Преподобная Евфросиния Полоцкая и традиции византийского женского монашества 177

Культурное наследие

- В.А. Заборовская.* Сохранность и доступность документального памятника: аспекты реставрации и трансляции 182

Ценностный опыт

- Т.В. Шоломова.* Ценностные ориентиры отечественной интеллигенции 187
- Е.Н. Барсукова, И.Б. Романенко.* Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход 193
- Цинь Цинь.* Феномен универсализма творческой личности на примере жизни и деятельности Чжоу Гуанжэнь 197
- М.К. Шемякина.* Формы воплощения концепта «возрождение» в календарно-обрядовой культуре русского народа 202
- Н.И. Верба.* Мифологема свадьбы в «Русалке» А.С. Даргомыжского: к вопросу о смысловом ориентире финала оперы 207

Педагогический опыт

- К.В. Султанов, А.А. Воскресенский.* Гуманитарные технологии: на пути к единому образовательному пространству 212
- В.С. Моисеева, Д.М. Маникина.* Волонтерский Центр Санкт-Петербурга по подготовке студентов высших и средних специальных учебных заведений для участия в Олимпиаде «Сочи–2014» 217
- В.А. Рабош, А.С. Макашова, Н.В. Шахно.* Alma mater. Формы взаимодействия педагогического вуза с выпускниками 221

Научный поиск

- А.Э. Назиров.* Методология построения теории сервиса 226

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Осмысление ноосферы

- А.И. Субетто.* Гелиокосмическая революция и евразийство как моменты вернадскианско-гумилевского переворота в научной картине мира начала XXI века 230

<i>О.М. Евдокимова. Природные катаклизмы в генезисе византийского иконоборчества (726–843 гг.)</i>	234
Глобальный экологический кризис: мифы и реальность	
<i>А.С. Излев. Аэрозоли и глобальные изменения климата</i>	238
<i>В.В. Дроздов, Н.П. Смирнов, Г.Т. Фрумин, А.В. Косенко. Анализ влияния климатообразующих процессов на океанологический режим Балтийского моря и экологические условия, необходимые для распространения чужеродных видов, приводящих к биологическому трансграничному загрязнению</i>	245
Природная среда	
<i>А.И. Дивинский, А.С. Излев. О воде и аэрозолях вулканического происхождения в высоких слоях атмосферы</i>	254
<i>Н.В. Ловелиус, А.Н. Соболев, П.А. Феклистов. Черты единства в природе сосны и ели на Соловецком архипелаге и факторы среды</i>	262
<i>Е.В. Мухачев, И.А. Габай, В.Н. Носов, К.А. Михайлова, Д.П. Канайкин. Влияние электромагнитного излучения модуля беспроводной передачи данных по протоколу IEEE 802.15.1 (Bluetooth) на динамику выработки условного пищевого рефлекса у крыс</i>	268

ЛЕКСИКОН

<i>Исупов К.Г. Космос русского самосознания</i>	
Число.....	273
Эстетизм.....	275

НОВОСТИ

<i>А.Ю. Жанаев, Д.Д. Цыренов. «Пограничья культур – культуры пограничья: старые проблемы – новые вызовы», 2–30 мая 2012 г., Варшава</i>	278
<i>Ю.В. Болтач. Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир», 13–15 июня 2012 г., Санкт-Петербург</i>	280
<i>Е.В. Кислов. IV международная конференция и III молодежная школа-семинар «Ультрабазит-базитовые комплексы складчатых областей и их минерогения», 27–31 августа 2012 г., ст. Байкальский прибор (Республика Бурятия)</i>	282
<i>А.А. Алимов. Интеграция наук и знаний в решении экологической проблемы</i>	283
<i>Н.В. Ловелиус. Таймырскому краеведческому музею 75 лет</i>	285
<i>Н.В. Никифорова. История технологии в транснациональной перспективе: результаты, вызовы, перспективы</i>	286
<i>А.В. Петров. Международная конференция «Китайская и российская молодежь в контексте глобализации», 26–27 октября 2012 г., Пекин</i>	290
<i>Н.В. Ловелиус. К итогам «Дендро–2012» в МГУЛеса. Мудрое начало будет служить вечно, 7–10 ноября 2012 г., Мытищи</i>	292
<i>А.А. Мельникова. Универсалии цивилизации vs. глубинных оснований русской культуры: причины противостояния. Рецензия на статью К.Г. Исупова «Универсалии цивилизации»</i>	294
<i>Е.Л. Бестужев. Рецензия на книгу С.А. Емельянова «Сколько стоит русская идея? Практические аспекты проблемы идеального и национального»</i>	296
<i>Н.А. Захаров. Рецензия на книгу С.И. Шелонаева «Медиапространство: опыт социологического анализа»</i>	298
<i>В.И. Грищенко. Правда о войне. Отзыв на монографию Н.А. Седых «Истоки и уроки Великой Победы. Книга 1. Истоки Великой Победы. Книга 2. Уроки Великой Победы»</i>	299
Summary	300
Сведения об авторах	308
Содержание журнала за 2012 г.	312
Условия подачи материалов	319
Редакционный совет	320

УДК 33
ББК 65.01

С.А. Дятлов

ЭНТРОПИЙНАЯ ЭКОНОМИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА*

Обоснован междисциплинарный методологический подход к исследованию энтропийной экономики, раскрытию ее сущности, анализу особенностей проявления. Раскрыто содержание ряда новых понятий: «энтропийная экономика», «синергичная экономика», «целевая доминанта развития», «энтропийные методы управления», «синергичные интегральные эффекты». Обоснована необходимость перехода к новой модели развития, которая определяется как инновационно-гиперконкурентная экономика с информационно-синергичной доминантой развития и с соответствующим механизмом макрорегулирования.

Ключевые слова:

синергичные интегральные эффекты, энтропийная экономика, энтропийные методы управления, целевая доминанта развития.

Мировая и национальные хозяйственные системы в современных условиях вступили в эпоху динамично развертывающегося, ускоряющегося и воспроизводящегося глобального системного финансово-экономического кризиса. Важнейшей задачей экономической науки сегодня является исследование природы и характера глобального финансового кризиса, выявление его существенных свойств и качественных характеристик, определение его типа и форм проявления. Наиболее плодотворно данное исследование проводить на основе новой теоретической парадигмы, которую мы назвали субстанционально-информационной парадигмой общественного развития [1], основу которой составляет методология энтропийно-синергичного содержательного анализа, новый категориальный аппарат и аналитический инструментарий.

В рамках развиваемой нами субстанционально-информационной парадигмы общественного развития мы обосновываем положение о том, что современный кризис – это системный гуманитарно-цивилизационный, организационно-управленческий, финансово-экономический кри-

зис, в рамках которого следует говорить о кризисе старой парадигмы развития, о кризисе генотипа глобальной индустриально-рыночной системы, о кризисе самой модели (типа) мировой экономики, кризисе старых институтов, структур, механизмов регулирования и методов управления. В основе современного кризиса лежит комплекс глубинных противоречий, присущих ныне действующей **энтропийной индустриально-рыночной модели** глобальной финансово-экономической системы, неустойчивость, несбалансированность, дезорганизованность которой в последнее время резко возросла.

Важнейшее значение для современной науки и практики имеет новая научная дисциплина «теория энтропийной логики – наиболее перспективная», на наш взгляд, и активно используемая в XXI в. в гиперконкурентной борьбе. Разработкой *теории энтропийной логики* в последние десятилетия XX в. занимался физик, специалист в области информационных технологий и социальной психологии Теодор ван Хоуэн. Теория энтропийной логики представляет собой новую, динамично развивающуюся интегральную (междис-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00375а.

циплинарную) научную дисциплину, которая оказывает решающее влияние на трансформацию содержания, трактовок, функций, областей использования базовых научных дисциплин, включая гуманитарные науки, в начале XXI века.

Теория энтропийной логики построена на основе синтеза знаний, принципов, положений, методов различных отраслей современной науки. Теория, методология и инструментарий энтропийной логики положены в основу разработки и создания современных ИКТ, систем управления общественным сознанием и ведения высокоэффективной гиперконкурентной борьбы в культурной, политической, военной и экономической сферах. Сегодня тот, кто владеет и использует весь арсенал методологии и инструментария информационно-сетевой экономики (энтропийно-синергической экономики) и энтропийной логики, имеет инструментарий управления будущим, успешно реализует свои конкурентные преимущества и побеждает в острой гиперконкурентной борьбе.

О связи теории энтропийной логики и теории информационной экономики мы писали в научных статьях по теории информационной экономики в 1995 г. Рассмотрению теоретических подходов к исследованию порядка и хаоса в социально-экономической системе было посвящено специальное исследование, поддержанное грантом Государственного Комитета по высшему образованию по фундаментальным проблемам в области экономических наук в 1995–1996 гг. [14]. Ряд исследователей занимается популяризацией теории энтропийной логики и рассмотрением применения данной теории к отдельным отраслям науки и практики. В качестве примеров можно привести работы Э. Крика [6], В.И. Нестерова [8].

Для классификации общественно-экономических систем целесообразно использование понятий «энтропия» и «синергия». В соответствии с синергично-энтропийным подходом следует классифицировать социально-экономические системы в соответствии с двумя основными типами: энтропийный и синергичный. Основы теоретико-методологических подходов к исследованию *энтропийной экономики* и *синергичной экономики* разработаны нами в рамках субстанционально-информационной парадигмы и изложены в ряде работ [4; 5].

Понятию «энтропия» более правильно противопоставлять не информацию как таковую, а понятие «информационная

синергия». В дальнейшем в самом общем виде мы будем считать, что *информационная синергия* в системе есть мера упорядоченности, или организованности, системы (объекта, явления). *Энтропия* системы есть мера дезорганизованности, или неупорядоченности системы. Классификация и развитие социально-экономических систем может быть осуществлена на основе синергично-энтропийного критериев. Информационный синергично-энтропийный подход лежит в основе исследования и выявления условий и закономерностей развития общества по траектории повышения организованности и упорядоченности или дезорганизации и хаоса.

В синергичной системе увеличивается, улучшается когерентность, т.е. согласованное упорядоченное поведение ее структурных динамических элементов. Синергичные системы – это сложные открытые целесообразно самоорганизующиеся системы, которые способны на внешнее воздействие отвечать целевой упорядоченностью, более высокой самоорганизацией и эффективностью структур.

В рамках развиваемой нами субстанционально-информационной парадигмы хаос и порядок в социально-экономических системах не могут осуществляться сами по себе. У любого процесса, явления, объекта, системы есть свои определенные субъекты управления: энтропийные субъекты, осуществляющие (увеличивающие) хаос, и синергичные субъекты, осуществляющие (увеличивающие) порядок в системе. С учетом этого экономика или экономическая система не может быть бессубъектной, которая стихийно развивается сама по себе, у неё всегда есть свои соответствующие субъекты управления. Поэтому применительно к социально-экономическим системам вполне правомерно использовать понятия: управляемый кризис (хаос), детерминированный и обусловленный поведением главных управляющих субъектов.

Мерой организованности (упорядоченности) или хаоса (дезорганизованности) социально-экономической системы является информационная энтропия или информационная синергия в своих определенных количественных и качественных характеристиках. Следовательно, хаос в социально-экономической системе не может возникнуть сам по себе, стихийно. *Хаос* – это всегда информационно обусловленный и управляемый процесс, результат определенного целенаправленного воздействия, результат затрат конкретных усилий и

6 энергии определенных субъектов для достижения конкретных целей. Тот или иной тип процесса перехода системы от порядка к хаосу есть процесс всегда в принципе программируемый и управляемый. Протекание каких-либо целесообразных процессов в той или иной открытой сложной системе всегда обусловлено участием в них соответствующих субъектов управления.

Уменьшение энтропии (хаоса) и увеличение синергии (порядка) системы должно быть обеспечено за счет эффективных управленческих решений, принимаемых на основе анализа не только прошлых параметров-состояний системы, но и сравнительного анализа потенциально достижимых вариантов информационных моделей будущего состояния данной системы. На наш взгляд, главная задача синергино-информационного эффективного управления состоит (с учетом прошлого и наличия существующих нынешних условий) в способности в настоящем запрограммировать будущее (не просто выбрать, а целенаправленно сформировать будущий наиболее оптимальный режим функционирования и развития системы, сделать целевой функцией развития данной системы, подчинив ей все ресурсы и поведение субъектов-исполнителей).

Важнейшими принципами эффективного управления являются целостность, системность, доминантность, синергичность, информационное целеполагание. Выбранная главная цель (целевая идея, идеология) должна стать доминантным движущим мотивом, главным интересом, потребностью, мотивом всех участников реализации доминантной цели развития данной систем (в единстве руководителей, исполнителей и контроллеров) т.е. доминантная идея (цель), осознанная и принятая как руководство к согласованному действию всеми, становится реальной творческой силой, реализующей и достигающей данной доминантной цели. Лаконично формулируя, универсальная формула такова: **делая целостно-целевой, оптимальный, синергино-управленческий выбор в настоящем – программировать будущее, изменяя прошлое, достигая в целом повышения порядка, организованности и устойчивой динамики данной системы.**

Человеческое общество (общественное сознание, сознание человека) в соответствии с его естественной природой представляло собой *целесообразную многоуровневую синергичную систему*. В человеческой общественной системе осуществляется согласованное,

упорядоченное взаимодействие субъектов, элементов, структур и функций, объединенных общей значимой и полезной целью (целеполаганием). Человеческое общество – это сложная, многоуровневая, открытая, неравновесная, диссипативная самоорганизующаяся система, которая способна на различные (внешние и внутренние) воздействия отвечать созданием новых высокоорганизованных (более высокого уровня организации) структур [9]. При этом возникают новые интегрально-синергичные свойства этой новой организованной структуры. Открытые социально-экономические системы являются самоорганизующимися и нелинейными, которые целевым образом программируются и управляются и в которых посредством позитивной целесообразной деятельности людей повышается порядок и уменьшается энтропия. В данных системах развитие идет за счет возникновения качественно новых подсистем и синергичных эффектов.

Наряду с первым типом существует второй тип общественных систем – *открытые социально-экономические системы энтропийного типа*, в которых посредством негативной деятельности управляющих субъектов возрастает энтропия и уменьшается порядок. Данные системы могут существовать и поддерживать свое существование только за счет поглощения ресурсов других открытых систем (внешней среды) и их постепенного разрушения.

Исследование понятия «энтропийная экономика» наиболее продуктивно на основе использования интегральной методологии, центральное место в которой занимает системная методология, а также энтропийно-синергичный подход к исследованию. В связи с этим вводимые нами понятия «энтропийная экономика» и «синергичная экономика» являются новыми объектами экономического анализа.

Энтропийно-синергичный подход к исследованию открытых социально-экономических систем позволяет выявить причины возникновения, тип, характер развертывающегося системного мирового экономического кризиса, определить меру увеличения или уменьшения порядка в открытой социально-экономической системе, сформулировать принципы и закономерности преодоления ее энтропийного неравновесия и энтропийной деградации. Новый методологический подход предполагает разработку и введение в научный оборот целого ряда новых экономических понятий.

В рамках развиваемого нами методологического подхода существует два

основных типа общественных (социально-экономических) систем: синергийного типа (синергийно-инновационного) и энтропийного типа (энтропийно-инерционного). *Общественная система синергийного типа* характеризуется четко заданной творческим субъектом управления целевой доминанты развития, ростом меры целесообразности и организованности, повышением уровня порядка (упорядоченности) и иерархичности, улучшением качества структурно-функциональной организации, получением положительных интегрально-синергийных эффектов, увеличением информационной емкости и энергетического потенциала данной системы в целом и всех ее элементов.

Синергийно-инновационная система развивается в соответствии со своей генетической природой и целевой доминантой развития (целевым функциональным предназначением). Развитие синергийной общественной системы (синергийной экономики) осознанно управляется творческим субъектом, посредством системно-целостной синергийной логики принятия управленческих решений реализующим выбранные и поставленные социально значимые цели и интересы, в результате чего данная система качественно совершенствуется и количественно обогащается, все более и более полно реализует свою системную целостность, устойчивость и жизнеспособность (увеличивается интегральное единство элементов) и все более и более полно реализует свое главное функционально-целевое предназначение, все более и более соответствует своей генетически заданной природе.

Общественная система синергийного типа, функционируя и развиваясь, снижает меру своей неупорядоченности через целесообразную позитивную деятельность, достигая посредством синергийных целей, механизмов и методов мотивации, организации и управления все большей организованности, упорядоченности и управляемости, а также реализации конкурентных преимуществ. Синергийные цели, механизмы и методы мотивации, организации и управления в обществе предполагают целевое воздействие, побуждающее людей к эффективному, упорядоченному, организованному поведению, соблюдению нравственных, юридических и экономических законов.

Общественная система энтропийного типа характеризуется нечетко заданной творческим субъектом управления (или отсутствием) целевой доминанты

развития, уменьшением меры целесообразности и организованности (ростом дезорганизованности), снижением уровня порядка (ростом неупорядоченности) и иерархичности, ухудшением качества структурно-функциональной организации, получением отрицательных интегрально-энтропийных эффектов, уменьшением информационной емкости и энергетического потенциала данной системы в целом и всех ее элементов.

Развитие энтропийной общественной системы (энтропийной экономики) управляется творческим субъектом, посредством асистемно-фрагментарной энтропийной логики принятия управленческих решений реализующим выбранные и поставленные асоциальные (эгоистические) цели и интересы, в результате чего данная система качественно деградирует и количественно беднеет, все более и более приобретает асистемность и фрагментарность (увеличивается обособленность элементов), все более и более теряет свою системную целостность и не реализует свое главное функционально-целевое предназначение, все менее и менее соответствует своей генетически заданной природе.

На наш взгляд, такие распространенные в мировой и российской экономике явления, как *инфляция и коррупция*, имеют по сути энтропийную природу и уменьшают меру целостности, упорядоченности, сбалансированности, устойчивости (жизнеспособности) хозяйственных систем.

В российской науке энтропийный анализ для исследования социальных структур, для проверки построения классификации использовали И.Н. Таганов, О.И. Шкаратан, В.Н. Сергеев [10; 13]. Рассмотрению энтропийного подхода к моделированию бизнес-процессов посвятили свою статью Ю.Ф. Ставенко, Ф.И. Громов [12]. Энтропийный метод мониторинга реализации экономических стратегий предложили использовать А.В. Крянев, В.В. Матохин, В.В. Харитонов [7]. Л.Н. Слуцкий в своей работе прямо ставит задачу необходимости изучения взаимосвязи энтропии и инфляционных процессов [11]. Нами обоснован вывод о том, что индустриально-рыночная экономика инфляционна по своей природе, по своему устройству [2; 3]. Инфляция и коррупция имеют энтропийную природу и поэтому бороться с коррупцией и тем более ее победить старыми, традиционными методами невозможно. Для успешной борьбы с коррупцией необходимо использовать современную антиэнтропийную методологию, метод информационного со-

8 держательного анализа (информационно-го депрограммирования).

Целевая доминанта развития (целесолагание развития) общественной системы бывает двух видов: *позитивное целесолагание* и *негативное целесолагание*. Творческие субъекты управления бывают двух основных типов: *синергические субъекты управления*, которые являются носителями системно-синергической логики принятия управленческих решений, и *энтропийные субъекты управления*, которые являются носителями асистемно-фрагментарной энтропийной логики принятия управленческих решений.

Современная экономическая система имеет чрезвычайно сложную структурно-функциональную организацию, в которой отдельные подсистемы и элементы приобретают все более и более черты сложного интегрального целого, что в условиях перехода к информационному обществу с экономикой знаний означает повышение роли творческой личности человека, генерирующего новые знания, роста значимости научного управления, усиление роли планирования, контроля, прогнозирования и предвидения на основе использования новых методологических подходов и инструментария экономической науки инновационно-синергического типа. С учетом всего сказанного логично использовать такие понятия, как «**управляемый устойчивый экономический рост**» и «**управляемый (программируемый) кризис**».

На основе нового энтропийно-синергического подхода в ряде работ нами обосновано, что ныне развертывающийся мировой финансово-экономический кризис носит системный характер и имеет энтропийную природу [2; 15]. При структурном кризисе из нескольких возможных целенаправленно реализуемых сценариев функционирования и развития системы имеется хотя бы один, при переходе к которому данная система сохраняет свои основные признаки и функциональные особенности, т.е. происходит только ее структурная перестройка. При системном кризисе старая система разрушается, исчезает и на ее месте возникает принципиально новая система. При этом переход к новой системе в современной форме основаны на технологиях управляемого хаоса.

Поведение открытых социально-экономических систем не однонаправлено (не однозначно), а многоальтернативно, их развитие может идти различными путями. При этом им присущи неустойчивость, неравновесность и наличие критических значений (так называемых констант про-

порциональности и устойчивости) структурно-функциональных параметров. У любой общественной системы имеется определенный уровень ее организованности, называемый *критическим*.

Современный мировой кризис – это системный кризис генетических основ индустриально-рыночной цивилизации, это программируемый и управляемый кризис, у которого есть свои субъекты управления энтропийного типа (энтропийные менеджеры), которые являются персонифицированными носителями энтропийного способа мышления (энтропийного экономического мышления), асистемно-фрагментарной энтропийной логики (энтропийных методов) принятия управленческих решений. На наш взгляд, правомерно сегодня поставить вопрос о необходимости анализа целого класса новых понятий: «энтропийный менеджер», «энтропийный менеджмент», «энтропийное экономическое мышление» и др.

На основе использования данных понятий следует обосновать необходимость использования информационно-системно-содержательного подхода к разработке методов оценки усилий управляющего субъекта (менеджера) по принятию эффективных решений, требующихся для преодоления энтропийности, неопределенности и риска и повышения меры организованности экономической системы. В XXI веке менеджер принимает управленческие решения в условиях высокой гиперконкурентной борьбы, очень высокой неопределенности, высоких рисков, неполноты информации, невозможности контролировать все параметры и ограниченности во времени. Энтропийный менеджер в этих условиях не способен действовать своевременно и эффективно.

Следует учитывать, что предельная отдача от каждой вновь напечатанной и вброшенной в мировой экономическо-торговый оборот дополнительной денежной единицы (а также от вновь созданных государственных и частных долговых обязательств) резко уменьшается. Сто лет назад для производства единицы нормального блага требовалось в сотни раз меньше денежных ресурсов (денег и финансово-денежных суррогатов), чем сегодня. Это, на наш взгляд, есть наглядное выражение действия вводимого нами в научный оборот понятия «*финансово-денежная энтропия*».

В рамках новой парадигмы логично поставить вопрос о существовании в человеческом обществе *интегрально-синергических информационных эффектов* (социальных, экономических, этнокультурных

и др.), которые начинают проявляться с наибольшей полнотой на информационной стадии общественно-исторического развития. Информационно-сетевые мультипликационные эффекты – это эффекты от инноваций, это синергино-сетевые (интегральные) эффекты, выражающиеся в различных формах. В высокотехнологичной экономике синергиного типа возникает информационная рента, которая имеет также синергииную природу.

Для преодоления системного, масштабного, углубляющегося мирового кризи-

са требуется использование методологии синергиного мышления, информационно-синергиного содержательного анализа, депрограммирования кризиса, информационного программирования, запуска и реализации управляемого устойчивого инновационного экономического роста. В основе этого должна быть положена синергиная парадигма и модель развития экономических систем, синергиная логика принятия управленческих решений и получение различных интегрально-синергиных эффектов.

Список литературы:

- [1] Дятлов С.А. Информационная парадигма социально-экономического развития // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 1995, № 3–4. – С. 17–30
- [2] Дятлов С.А. Механизм противодействия кризису и стимулирования реального сектора экономики: инвестиционная концепция развития России // Общество. Среда. Развитие – 2009, № 3. – С. 3–10.
- [3] Дятлов С.А. Типология мирового финансово-экономического кризиса и целевая доминанта инновационной антикризисной политики / Первый Российский экономический конгресс. – М., 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.econogus.org/cprogram.phtml?vid=tconf&sid=7&ssid=241&rid=242
- [4] Дятлов С.А. Энтропийная экономика и синергиная экономика: введение в методологию исследования энтропийных и синергиных социально-экономических систем. – СПб.: Астерион, 2012. – 88 с.
- [5] Дятлов С.А. Энтропийная экономика: типология и методология анализа системного мирового экономического кризиса // Новая модель экономики России: условия и основные направления инновационного развития. – Тамбов, 2012.
- [6] Крик Э. Теория энтропийной логики Теодора Ван Ховена и расширяющиеся горизонты естествознания. – М., 1998.
- [7] Крянев А.В., Матохин В.В., Харитонов В.В. Энтропийный метод мониторинга реализации экономических стратегий // Экономические стратегии. – 2010, № 5. – С. 1–5.
- [8] Нестеров В.И. Теория энтропийной логики и живые организмы. – М., 1999.
- [9] Никифоров В.В. Модернизация: кампания или системная функция? // Общество. Среда. Развитие. – 2010, № 4. – С. 4–7.
- [10] Сергеев Н.В. Ранжирование критериев стратификации методом энтропийного анализа // Мир России. – 2002, № 3. – С. 171–184.
- [11] Слуцкий Л.Н. Статистический анализ инфляционных процессов в промышленных секторах американской экономики в 1959-1996 гг. // Прикладная Эконометрика. – 2009, № 1 (13). – С. 89–104.
- [12] Ставенко Ю.Ф., Громов Ф.И. Энтропийный подход к моделированию бизнес-процессов // Перспективы развития информационных технологий. Сборник материалов III Международной научной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2011.
- [13] Таганов И.Н., Шкаратан О.И. Исследование социальных структур методом энтропийного анализа // Вопросы философии. 1969. № 5. – С. 74–82.
- [14] Теория информационной экономики. Порядок и хаос в социально-экономической системе // Реферативный сборник конкурсных проектов, получивших гранты на исследования в области фундаментальной экономики в 1995–1996 годах. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998.
- [15] Типология и макропараметры глобального финансово-экономического кризиса // Интеллектуальные технологии в экономике и управлении. Сб. научных трудов. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – С. 81–88.

УПРАВЛЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Представлены основные особенности управления недвижимым имуществом в российской экономике. Показано, что переход к экономическим методам управления землепользованием и недвижимостью невозможен без наличия полной и достоверной информации о состоянии земельных участков и объектов недвижимости, их распределении по различным формам собственности, без государственной защиты налогообложения.

Ключевые слова:

государственная собственность, земельные отношения, недвижимое имущество, оценка недвижимости, рынок недвижимости, управление недвижимым имуществом.

Во многих странах мира крупным предпринимателем является само государство, в собственности которого находится от 20 до 50% национального богатства. Сфера недвижимости в России составляет 2/3 объема национальной экономики. Ответственность за решение задач управления государственными производственными фондами особенно велика, т.к. от них зависит согласование целей и задач владельцев, пользователей и других лиц, связанных с недвижимостью. В условиях рыночной экономики управление недвижимостью подчиняется закону спроса и предложения: рынок определяет уровень ставок аренды и цены предлагаемых услуг.

Главной проблемой формирования системы организации управления государственной собственностью является разработка концепции стратегии управления. Важная роль в этой стратегии отводится оценке недвижимости, которая содействует практической реализации намеченных планов с учетом конкретных условий. Мощным импульсом развития этой деятельности стала переоценка основных фондов 1995–1997 гг., в ходе которой привлекались независимые экспертные организации для определения рыночной стоимости имущества предприятий. В последнее время неуклонно возрастает интерес к проблемам, связанным с оценкой объектов собственности, как со стороны органов власти и управления, так и самих предпринимателей [2].

Наиболее часто встречаемой формой стоимости является рыночная стоимость – максимальная в денежном выражении цена, которую принесет реализация объекта собственности на открытом рынке при соблюдении всех условий, присущих справедливой сделке. Учитывая, что рыночная стоимость является идеальным стандартом, который не всегда достижим, реальная рыночная цена сделки зачастую

существенно отличается от рыночной стоимости.

Таким образом, понятия «стоимость» и «цена» в оценке часто разграничивают, т.к. стоимость – это некая ожидаемая цена, которая должна быть достигнута в результате сделки, а цена – это реальная денежная сумма, фактически затраченная на приобретение объекта в совершившейся сделке [4].

Цель оценки – определение вероятной денежной суммы, которую можно реально выручить при отчуждении имущественных прав на оцениваемый объект в конкретных рыночных условиях. Оценка подлагает: недвижимость (включая земельные участки, здания, сооружения), машины, оборудование, транспортные средства, интеллектуальная собственность, ценные бумаги, действующие предприятия, природные ресурсы. При этом имеется в виду их рыночная, инвестиционная и залоговая стоимости. Оценочные данные свидетельствуют о приросте стоимости в результате реструктуризации предприятия, реинжиниринга бизнес-процессов, разработки и реализации инноваций.

Обычно, когда говорят об оценке, в первую очередь имеют в виду оценку недвижимости. Так, стоимость основных фондов предприятий и организаций выступает как важный фактор, активно воздействующий на себестоимость продукции, позволяющий посредством амортизации создавать фонды финансовых ресурсов, обеспечивающих воспроизводство промышленного потенциала и формирующих инвестиционную привлекательность конкретных секторов экономики. Вывод очевиден: чем ближе фактическое значение стоимости объекта к истинному, тем меньше вероятность ошибки при принятии решения в области управления недвижимостью. Поэтому оценке

должен предшествовать системный анализ параметров качества и ресурсоемкости объекта, а также условий и факторов внешней среды, влияющих на эти параметры [1].

Рассматривая перспективы развития рынка недвижимости в России, можно предположить, что на некоторых этапах мы также можем столкнуться с кризисами. Однако не только угроза кризисов, но и текущие повседневные проблемы – возрастающая конкуренция, снижение возможностей для получения краткосрочных сверхприбылей, начало реализации долгосрочных и капиталоемких проектов развития недвижимости – объективно свидетельствуют о том, что значимость качественного анализа на рынках недвижимости России будет в ближайшее время возрастать. Понятие «анализ рынка недвижимости» в его повседневном использовании включает в себя две процедуры: мониторинговое исследование с целью выявления общих и частных тенденций и исследование для обоснования конкретного инвестиционного решения. По нашему мнению, анализ рынка недвижимости производственного назначения следует начинать с такого основополагающего фактора, как текущая экономическая ситуация региона, в котором находится данное предприятие. Это позволит выявить приоритетные направления развития производственного потенциала, а значит, увеличит вероятность получения правильной рыночной стоимости оцениваемого объекта и приведет к эффективному управлению недвижимым имуществом.

Поскольку недвижимость – товар особого рода, наиболее фундаментальный и долговечный, удовлетворяющий сложную потребность клиентов, изменение стоимости любой недвижимости, включая производственные здания и сооружения, зависит от целого ряда факторов, которые проявляются на различных стадиях процесса оценки. Оценка стоимости объектов собственности должна базироваться на научно обоснованной методологии.

Стоимость недвижимости в учетных регистрах, бухгалтерских документах и финансовых отчетах у большинства предприятий нельзя назвать рыночной. Применение различных способов и методов оценки недвижимости оказывает серьезное влияние на показатели финансовой отчетности.

В зависимости от характера объекта недвижимости и цели оценки применяются методы, основанные на трех основных подходах, основанных на:

- сравнении продаж, когда используется процедура сопоставления объекта недвижимости с его объектами-аналогами, имеющими известную рыночную цену;

- калькуляции всех затрат при строительстве аналогичного объекта;

- на расчете величины, качества и продолжительности периода получения тех выгод, которые данный объект будет приносить в будущем [3].

Для сложных объектов оценка производится с использованием методов всех трех подходов.

Также следует уделить существенное внимание синергетическому подходу к оценке влияния экологических факторов на стоимость земельного участка в системе подсчета полной стоимости недвижимости. Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы и изучаться различными науками. В частности, экономика недвижимости занимается закономерностями процессов, происходящих на рынке недвижимости.

Существенными характеристиками недвижимости являются стационарность и материальность, а также разнородность и уникальность. Физические характеристики объекта недвижимости включают размеры и формы, внесенные улучшения, поверхностный и подпочвенный слой, дренаж, ландшафт, подъездные пути, окружающую среду и т.д. Совокупность этих характеристик определяет полезность объекта.

Долговечность недвижимости превышает этот показатель практически всех иных товаров, кроме отдельных видов драгоценных камней и изделий из редких металлов.

Очень важной особенностью недвижимости является необходимость постоянного управления объектами собственности.

Недвижимость выступает основой личного существования для граждан и служит базой для хозяйственной деятельности и развития предприятий и организаций всех форм собственности.

Существующие подходы к оценке недвижимого имущества опираются на западные условия протекания экономических процессов, что существенно осложняет систему оценки недвижимого имущества в современных российских условиях. Необходимо выявить параметры, влияющие на стоимость недвижимости в России, провести анализ данных условий и ввести в действующие формулы оценки новые показатели, которые смогут отразить изменения всей системы [5].

Рассмотрим некоторую взаимосвязь стоимости недвижимого имущества и экологических факторов, которые существенно влияют на ценность того или иного объекта недвижимости. Благоприятность экологической обстановки на территории, на которой размещена недвижимость, влияет на спрос этих объектов недвижимости. Следовательно, стоимость данных объектов находится в прямой зависимости от уровня атмосферного, шумового или иного загрязнения окружающей среды. Данное замечание не всегда отражается в стоимости недвижимого имущества российского рынка. Экологию объекта собственности образуют три составляющие: экология района, экология прилегающей территории, экология объекта недвижимости.

При оценке недвижимости необходимо провести оценку влияния негативного экологического фактора на стоимость недвижимости с помощью расчета экологического ущерба, причиняемого объекту недвижимости, используя значения затрат (предельных) на предотвращение и компенсацию воздействия негативного экологического фактора на объект недвижимости.

При подсчете стоимости недвижимости затратным подходом применяется классическая базовая модель:

$$V = LV + (IV - D), \text{ где}$$

V – стоимость существующего объекта собственности; LV – стоимость земельного участка; IV – затраты на возведение улучшений (здания, сооружения на земельном участке); D – накопленный износ.

Сферы применения затратного подхода:

1) оценка собственности специального назначения;

2) технико-экономический анализ нового строительства;

3) анализ вариантов наилучшего и наиболее эффективного использования;

4) оценки на пассивных рынках;

5) в качестве проверки результатов, полученных другими подходами – итоговое согласование стоимости (логическое и аналитическое обоснование окончательной величины стоимости, исходя из результатов примененных методов оценки);

6) при наложении ареста, когда требуется определить стоимость улучшений земельного участка и стоимость земли.

Этапы применения метода:

1) оценить стоимость земельного участка с использованием рыночного или доходного или обоих методов;

2) оценить текущую стоимость замещения или воспроизводства (восстановительная стоимость);

3) оценить и вычесть накопленный износ;

4) прибавить стоимость зданий, сооружений к стоимости земельного участка.

Следовательно, при оценке собственности специального назначения, технико-экономическом анализе нового строительства, анализе вариантов наилучшего и наиболее эффективного использования, выявляются новые составляющие, которые необходимо рассмотреть в контексте синергетического подхода.

Экологические факторы делятся на:

– управляемые – уровень чистоты потребляемой воды; лесистость территории и разнообразие зеленых насаждений; режим увлажнения, оползневая опасность и т.п.;

– неуправляемые – тип почв; рельеф местности; ветровой режим; температурный режим; сейсмичность территории; загрязнение воздушного бассейна; шумовое, радиационное и другое антропогенное загрязнение и т.п.

Некоторые виды экологических факторов носят переходящий характер. Например, шумовое загрязнение можно рассматривать и как управляемый экологический фактор, т.к. в настоящее время имеются технические средства, снижающие негативные воздействия шума: шумопоглощающие оконные рамы, внутренняя перепланировка здания с целью снижения прямого воздействия шума. А также строительные компании всё чаще занимаются улучшением экологии территории строительства.

Таким образом, классическая базовая модель затратного подхода приобретает новый вид, который отражает экологическую составляющую стоимости недвижимого имущества:

$$C = (Z - A(n_1; n_2; \dots n_k)) + ((S - I) - B(m_1; m_2; \dots m_k)), \text{ где}$$

C – стоимость существующего объекта собственности; Z – стоимость земельного участка; S – затраты на возведение улучшений; I – накопленный износ; $A(n_1; n_2; \dots n_k)$ – стоимость загрязнения земельного участка; n_k – параметр загрязнения земельного участка; $B(m_1; m_2; \dots m_k)$ – стоимость загрязнения зданий, сооружений; m_k – параметр загрязнения зданий, сооружений.

Аналогичные по всем техническим параметрам объекты оценки могут иметь различные стоимостные показатели. Таким образом, экологические факторы оказывают непосредственное воздействие на эффективность и полезность использования объекта недвижимости.

При этом экологический фактор в стоимости недвижимости формируется, во-первых, под воздействием субъективного представления каждого покупателя о том, что такое хорошая и плохая экология, а во-вторых, по сложившимся стереотипам и визуальной оценке. Недостаток информации о состоянии территорий, качестве материалов, используемых при строительстве, формирует субъективную оценку потенциальным покупателем недвижимого имущества и, тем самым, влияет на поведение кривой спроса рынка недвижимости.

Трудности, возникающие при оценке экологических факторов, и ее субъективность дают широкие возможности для извлечения прибыли, особенно при использовании методов активного маркетинга и агрессивной рекламы, следовательно, необходимо внести данные виды факторов в оценку недвижимого имущества с целью наиболее точного представления влияния экологии на стоимость недвижимости.

Изменяя местонахождение рассмотренных видов экологических факторов, можно влиять на стоимость недвижимости путем устранения их из существующей модели затратного подхода, тем самым вносятся изменения в целую систему оценки недвижимого имущества.

Совокупность экологических факторов, влияющих на стоимость объекта недвижимости, анализируется с позиции как негативного, так и позитивного влияния. С позиции негативного влияния экспертиза должна проводиться на основе анализа окружающей среды по трем основным видам загрязнения: механическое (захламление территории, участка земли объекта недвижимости, оказывающее лишь механическое негативное воздействие без физико-химических последствий), химическое и физическое.

Система измерений экологических факторов, влияющих на рыночную стоимость объекта недвижимости, имеет сложную структуру. В этой связи при проведении экологической экспертизы этих факторов можно ограничиваться лишь качественным анализом, но при этом необходимо доста-

точно полно раскрыть качественную характеристику всех экологических факторов.

Высокая оценка покупателями экологии недвижимости дает возможность сделать застроенный комплекс действительно уникальным и получить существенную экономическую выгоду.

Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что влияние экологических факторов на стоимость весьма существенно, а инвестиции в улучшение экологии района, где находится объект собственности, могут приносить ощутимый доход.

Формирование эффективного управления недвижимостью неразрывно связано с оценкой недвижимости, т.к. управление государственной собственностью представляет собой систему организационно-экономических отношений между ее различными субъектами и менеджерами. Отношения эти складываются по поводу организации воспроизводства, использования и трансформации объектов недвижимости, а целью их является реализация основополагающих социальных и экономических интересов общества и государства.

Управление недвижимостью – это комплексная система удовлетворения потребностей клиентов в конкретном виде недвижимости. Эффективность же управления определяется возможностью извлекать из нее наибольшую прибыль при том или ином варианте использования. Если этого не происходит, следует изменить тактику управления и продумать новый вариант использования, повышающий доходы от данной недвижимости.

В любом случае для реализации намеренных целей необходимо провести оценку недвижимости, что поможет проанализировать существующую специфику региона и определить стоимость недвижимости. Только после этого можно будет говорить о сдаче ее в аренду, продаже либо ликвидации. Поэтому самую важную роль в этом процессе должна играть разработка и реализация системы управления недвижимостью, особенно находящейся в государственной собственности, что позволит включить ее в группу эффективно работающих активов.

Список литературы:

- [1] Ушаков Е.П. Организация и моделирование массовой оценки недвижимости в имущественном налогообложении. – М.:ЦЭМИ, 2000. – 41 с.
- [2] Федоткин В. Управление собственностью: противоречия федерального и регионального уровней // Пробл. теории и практики упр. – 2001, № 5. – С. 38–44.
- [3] Фридман Д., Ордуй Н. Анализ и оценка приносящей доход недвижимости / Пер. с англ. – М.: Дело ЛТД, 1995. – 480 с.
- [4] Шабалин В.Г. Сделки с недвижимостью в новых вопросах и ответах / 4-е изд., перераб и доп. – М.: Филин. Зеленый проспект, 2001. – 462 с.
- [5] Яценко А. Оценка недвижимости: затратный подход // Экономист. – 2001, № 5–6. – С. 52–53.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ СТРУКТУРЫ: ОБЛАЧНЫЙ ПРИНЦИП ФОРМИРОВАНИЯ

Рассматриваются вопросы формирования инновационных организационных структур управления компаниями, основанных на облачном принципе. Определены основные признаки, достоинства и недостатки в сравнении с существующими предпринимательскими структурами.

Ключевые слова:

конкуренция, краудсорсинг, организация, облачная структура управления, социальная сеть.

Современный бизнес не может находиться в статическом состоянии в глобально меняющемся мире, а должен искать все более эффективные формы организации управления. Это относится, в первую очередь, к инновационным компаниям, которые требуют адекватных организационных структур, способных гибко и своевременно реагировать на изменяющиеся условия. Компания в общепринятой интерпретации – это объединение юридических или физических лиц для проведения совместной экономической (производственной, торговой, посреднической, финансовой, страховой) деятельности. Под компанией понимают предприятия, имеющие различные организационно-правовые формы, статус юридического лица, эффективно выстраивающие бизнес, чтобы как можно дольше оставаться конкурентоспособными на рынке [2].

Особый интерес в контексте получения конкурентных преимуществ на рынке инновационного предпринимательства в последнее время представляют т.н. «облачные» компании – инновационные предприятия (организации), имеющие постоянно изменяющуюся внутреннюю организационную структуру, подчиненную тактическим задачам и действующим параметрам управляющей информационной системы.

Основными признаками облачных компаний является следующее.

1. Наличие информационной системы, контролирующей бизнес-процессы на предприятии.

2. Постоянно меняющийся кадровый состав (достигается за счет привлечения фрилансеров, краудсорсинга).

3. Отсутствие четкой организационной структуры (меняется в зависимости от проекта, текущих задач).

Второстепенные признаки:

– быстрая адаптация к меняющейся конъюнктуре рынка;

- использование краудсорсинга;
- широкий спектр предоставляемых типов услуг в своей отрасли;
- производство высокоинтеллектуальных продуктов (доля интеллектуального капитала преобладает) или единичных/малотиражных продуктов;
- сотрудники облачных компаний могут во время производственного процесса находиться в разных городах и странах (географическое перераспределение персонала вне зависимости от места выпуска/сдачи продукта);
- инновационность как образ жизни компании;
- работа на новых рынках;
- большинство работ выполняется в группах и на основе проектов.

Организационная структура базируется на функциональных единицах в пределах предприятия при наличии отдельных подразделений, занимающихся маркетингом, финансами, реализацией продукции. Число и тип подразделений определяются характером хозяйственной деятельности, которой занимается предприятие. Это позволяет ей реализовать преимущества специализации и разделения труда [1, с. 37].

Руководитель предприятия наделен ответственностью и руководит всеми аспектами бизнеса – как повседневными, так и долгосрочными, стратегическими. Вся информация, получаемая подразделениями, передается руководителю, который использует ее для принятия стратегических и оперативных решений.

Подразделениями управляют менеджеры среднего звена, которые отчитываются перед руководителем. Возможности для независимого поведения весьма ограничены, поскольку среднее звено не имеет возможностей для принятия решений; управленцы должны выполнять указания руководителя и отчитываться перед ним о достигнутых результатах.

Пока предприятие, использующее об-лачную организационную структуру, оста-ется сравнительно небольшим, руководи-тель может эффективно следить за работой менеджеров. Если при росте предприятия эта организационная структура будет со-хранена и полномочия на принятие реше-ний не будут делегированы управляющим среднего звена, возникнут проблемы мо-ниторинга и оценки корпоративной де-ятельности. Это происходит следующим образом.

1. По мере увеличения размера фирмы и диверсификации выпускаемой продук-ции и рынков возникает вероятность того, что директор будет перегружен информа-цией.

2. Организационная структура, в осно-ве которой лежат функциональные под-разделения, предполагает, что директор основную часть времени тратит на пов-седневное управление и принятие опера-тивных решений. Это может сказаться на качестве принимаемых решений и потере существенных перспектив в бизнесе.

3. Проблемы, связанные с мониторин-гом деятельности, могут спровоцировать управляющих подразделениями действо-вать в собственных интересах, которые могут не соответствовать стратегическим задачам предприятия.

Преимущества данных организацион-ных структур следующие:

- обеспечивается быстрое осуществле-ние действий по распоряжениям и указа-ниям;

- предполагается формирование функ-циональных подразделений на основе их специализации, отражающей разделение труда, что само по себе увеличивает про-изводительность труда;

- обеспечивается быстрое осуществ-ление действий по принимаемым распо-ряжениям, спускаемым «сверху вниз»; до-стигается взаимодействие между разными уровнями управления «по вертикали» на основе обратной связи;

- создаётся возможность для быстро-го маневрирования производственными, трудовыми, материальными ресурсами.

Недостатки заключаются в следую-щем:

- торможение процесса подготовки и принятия управленческих решений, свя-занных с осуществлением любой пере-стройки и технического развития произ-водства;

- при возникновении большого числа вопросов увеличивается объем информа-ции, которую приходится обрабатывать

при принятии решения. Это приводит к перегрузке руководителя.

Для реализации проектов в рамках об-лачных структур наиболее предпочтитель-ен матричный принцип их формирования, который характеризуется тем, что испол-нитель может иметь двух и более руко-водителей (один – линейный, другой – руко-водитель программы или направления). Такая схема давно применялась в управ-лении НИОКР, а сейчас широко применяется в фирмах, ведущих работу по многим направлениям. Она все более вытесняет из применения линейно-функциональную схему (рис. 1) [4; 5].

Множественная структура объединяет различные структуры на разных ступе-нях управления. Например, филиальная структура управления может применяться для всей фирмы, а в филиалах – линейно-функциональная или матричная (рис. 2).

Ключевые особенности этих организа-ционных структур состоят в следующем. Проектная структура – это временная структура, создаваемая для решения кон-кретных задач. Смысл заключается в сборе в одну команду квалифицированных со-трудников для решения задачи (осущест-вления проектов). Когда проект завершен, команда расформируется. Члены этой команды переходят в новый проект, возвращаются к постоянной работе или уходят совсем [4].

При матричной структуре создается координационный центр, который воз-главляет руководитель этого центра. Он в свою очередь подчиняется руководителю предприятия. В состав координационно-го центра входят представители функци-ональных областей (ведущие специали-сты из каждой функциональной зоны). В состав координационного центра могут входить также специальные советники на контрактной основе. Руководители фун-циональных зон обеспечивают своих представителей в координационном цент-ре всеми необходимыми ресурсами и ока-зывают поддержку для выполнения своих функций на высоком уровне [1; 3].

Значительными преимуществами таких блочно-матричных структур являются:

- возможность решения проблем раз-личными специалистами в процессе не-посредственных контактов (по горизон-тали);

- открываются широкие возможности для эффективного использования эконо-мико-математических методов для повы-шения эффективности управления и при-нимаемых решений;

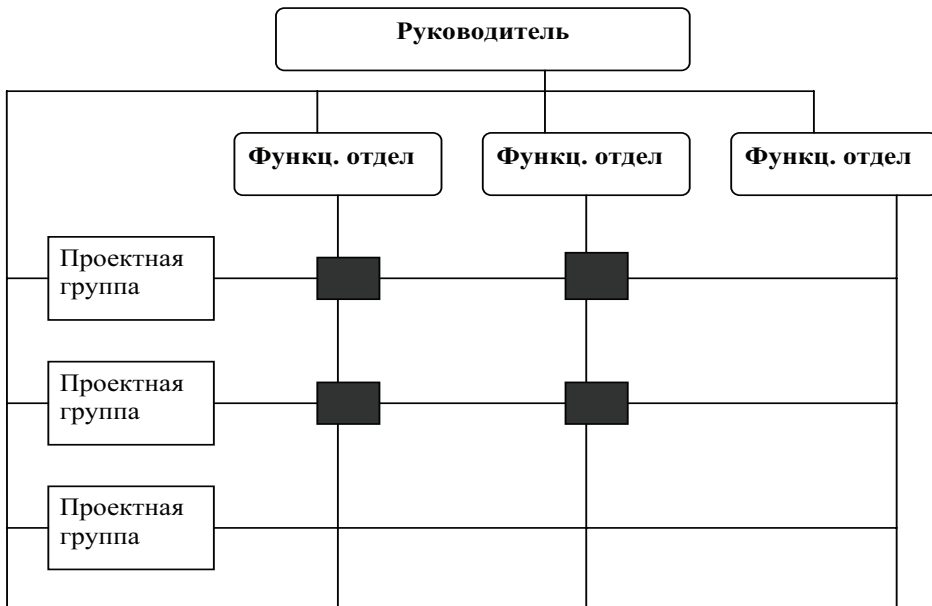

Рис. 1. Матричная структура управления, ориентированная на продукт.

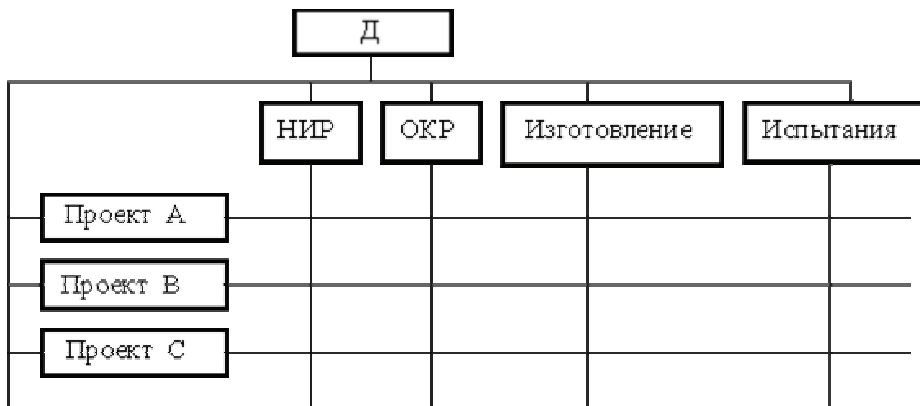

Рис. 2. Матричная структура управления по проектам

– гибкость структуры управления;
 – большие возможности для творческой реализации сотрудников;
 – повышение качества выполнения проектов, задач;
 – устранение внутриорганизационных бюрократических барьеров.
 – Наряду с достоинствами таких организационных структур существуют и недостатки:
 – частичное дублирование функций управления;
 – сложность построения и функционирования структуры;
 – необходимость четкой координации задач;

– некоторая «размытость» полномочий и ответственности.

Облачная структура решает проблему двойного (множественного) подчинения, так как в проектной горизонтальной связи нет руководителя, а есть информационная система, отвечающая за взаимодействие, сбор данных и отправки ее на следующий этап бизнес-процесса. Также она позволяет непосредственному руководителю подразделения (если таковой имеется) следить за результатами и ходом выполнения заданий различными сотрудниками. В данном случае руководитель подразделения осуществляет контроль горизонтальной связи и руководство всеми проектами,

находящимися в работе у его структурного подразделения. Данный факт положительно влияет на быструю замену сотрудника, занятого в проекте по причине болезни или ухода, так как руководитель подразделения в курсе данного проекта и может более эффективно осуществить замену и достижение результата.

Таким образом, новый тип организационной структуры, так называемая облачная сетевая структура является усовершенствованной моделью матричной структуры, в полном объеме сохраняя все ее достоинства и устраняя основные недостатки: отсутствия принципа единоначалия (убирает принцип двойного подчинения).

Структура получила название сетевой или облачной по той причине, что термин «сетевая» связан своей этимологией в данном контексте не с сетевыми магазинами или сетевой моделью ведения бизнеса, а скорее с понятием социальной сети, сети для взаимодействия и общения людей.

Разные источники дают множество определений социальным сетям, но более полным и обобщающим мы считаем следующее. Социальная сеть (от англ. *social networking service*) – платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений. Именно задачу организации взаимоотношений и передачи информации внутри бизнес-процесса призвана решать информационная система облачной компании. По сути, такая небольшая социальная сеть и является информационным облаком для

компании. Слово «облачная» исходит из понятия облачных вычислений в информатике. Облачные вычисления (англ. *Cloud computing*) в информатике — это модель обеспечения повсеместного и удобного сетевого доступа по требованию к общему пулу конфигурируемых вычислительных ресурсов (например, сетям передачи данных, серверам, устройствам хранения данных, приложениям и сервисам – как вместе, так и по отдельности), которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены с минимальными эксплуатационными затратами и/или обращениями к провайдеру. В данном случае проект/заказчик получает доступ только к необходимым ресурсам компании, которые, в свою очередь, могут быть географически распределены, и осуществляет связь только с помощью ИС компании. Таким образом, достигается финансовая экономия, а главное – экономия времени. Причем не в ущерб эффективности процесса, т.к. сам продукт становится более кастомизированным, т.е. на каждый внешний запрос облачная структура реагирует по-своему, мгновенно создавая цепь бизнес-процессов на основе существующей сети между сотрудниками.

Следует отметить, что подобные структуры в настоящее время характерны для малых предприятий. Создание подобных структур на практике – сугубо эволюционный процесс, происходящий вследствие бурного развития информационных технологий, поэтому изучение компаний подобного рода и их организационных структур требует дальнейшего глубокого научного исследования.

Список литературы:

- [1] Андерсен Берн. Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования / Пер. с англ. С.В. Ариничева; науч. ред. Ю.П. Адлер. 3-е изд. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2003. – 272 с.
- [2] Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2006. – 895 с.
- [3] Друкер Питер Ф., Макьярелло Джозеф А. Менеджмент / Пер. с англ. – М.: ИД Вильямс, 2010. – 704 с.
- [4] Гольдштейн Г.Я. Основы менеджмента / Уч. пос.; изд 2-е, доп. и перераб. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2003. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m77/4_4.htm
- [5] Теория организации / Учебник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 408 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://management61.ru/index.php?do=static&page=teororganizitiul>

ЛОГИСТИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ МАССИВ ДАННЫХ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «ДАНКО»)

В статье вводятся понятия «логистическая карта» и «логистический альбом». Рассмотрены принципы их формирования и методы оценки логистических проектов. Разобраны основные признаки логистического проекта «ДАНКО», рассчитаны оценки этих признаков и получена общая оценка проекта.

Ключевые слова:

Арктический регион, Дальневосточный регион, логистическая карта, логистический альбом, логистический проект, минеральное сырьё, органическое сырьё, полезные ископаемые, проект «ДАНКО».

Решить проблемы, связанные с перспективами развития экономики, в том числе и нефтегазового сектора, могла бы разработка и последующее применение так называемой «логистической карты».

Логистическая карта – новое понятие в логистике. Смысл создания логистических карт состоит в определении перспективности тех или иных логистических проектов. Проекты могут быть связаны с освоением новых территорий, тех или иных полезных ископаемых и вообще задач самого широкого логистического спектра.

Каждая логистическая карта должна представлять собой примыкающие друг к другу районы, области, провинции или регионы, выделенные на карте, например, окрашенные в определенные цвета, отвечающие той или иной оценке, принимающей значения в диапазоне от 0 до 1 включительно, то есть на отрезке [0;1].

Необходимо оговориться, что представляют собой крайние значения оценок, и какие районы или области отвечают вышеуказанным оценкам.

В нашем понимании нулевая оценка – это наименьшая оценка региона или проекта, где осуществление проекта бесперспективно или крайне затруднено.

Оценка, равная 1 – это максимальная оценка региона или проекта, где осуществление проекта крайне эффективно.

Районы или проекты, имеющие высокий рейтинг (например, 0,5 и более) по разным параметрам, можно считать очень перспективными, средний (от 0,3 до 0,5) – перспективными, низкий (от 0,1 до 0,3) – малоперспективными и мизерный (от 0 до 0,1) – бесперспективными.

Любая карта отвечает за тот или иной признак (фактор) логистического проекта. Выделим основные пять из них:

- а) количество запасов минерального или органического сырья,
- б) климатические условия,
- в) рельеф местности,
- г) развитие окружающей инфраструктуры,
- д) экологическая безопасность.

Ясно, что перечень признаков для разных логистических проектов может быть либо сокращен, либо расширен в зависимости от важности характерного для данного проекта признака.

Набор логистических карт, отвечающий важнейшим, характерным для данного логистического проекта признакам, назовем «логистическим альбомом».

Логистический альбом для данных полезных ископаемых – вариант логистического альбома, который может быть составлен для тех или иных участков местности, районов, областей, стран, континентов или всего Земного шара, выбранный для реализации определенного логистического проекта.

Для районов Восточной Сибири, Арктики и Дальнего Востока Российской Федерации логистическая карта углеводородов, составленная для того или иного признака проекта, представляет собой чертеж этих районов, выполненный в определенном масштабе, разбитый на замкнутые области, имеющие вполне определенную логистическую оценку внутри каждой области.

Области, имеющие разные оценки, обозначаются разными цветами на карте исследуемых районов; имеющие одну и ту же оценку окрашены в один и тот же цвет.

Наличие такого логистического альбома позволяет оптимизировать процесс определения перспективности логисти-

ческих проектов в исследуемых районах (в частности, районах Арктики, Восточной Сибири и Дальнего Востока для проекта «ДАНКО» [1, с. 52–54]).

Логистический альбом является необходимым элементом проектирования оптимальных путей доставки углеводородного сырья на внутренние и внешние рынки страны.

Собрав альбом логистических карт, необходимо разработать критерий эффективности логистического проекта.

Нами предлагается один из таких, достаточно простых, критериев – в соответствии с которым, если речь идет о магистральном трубопроводе, весь путь разбивается на участки, оцениваемые по единой рейтинго-балльной шкале. Баллы характеризуют успешность маршрута, проложенного на данном участке. Суммируются длины всех участков, имеющих одинаковую оценку, т.е. будет известна общая длина участка с минимальной оценкой, общая длина участка с оценкой следующей по возрастанию, отличной от минимальной, и так далее.

Потом эти просуммированные длины умножаются на соответствующие им бал-

лы, а результаты складываются. Полученное число делится на общую длину трассы трубопровода.

В результате этих действий получим **оценку признака проекта.**

Описанной процедуре можно придать следующее математическое оформление [2, с. 186]:

$$MX_i = x_i^1 p_i^1 + x_i^2 p_i^2 + \dots + x_i^n p_i^n,$$

где: i – номер логистической карты, $i = \{1, \dots, m\}$;

$x_i^1 = l_i^1/l$, $x_i^2 = l_i^2/l$, ..., $x_i^n = l_i^n/l$;

MX_i – оценка i -го признака проекта;

l_i^1 – длина участка трубопровода i -й логистической карты имеющего минимальную оценку p_i^1 ;

l_i^2 – длина участка трубопровода i -й логистической карты имеющего оценку p_i^2 ;

l_i^n – длина участка трубопровода i -й логистической карты имеющего максимальную оценку p_i^n ;

l – общая длина трубопровода.

В результате получаем некоторый набор оценок проекта, каждую из которых можно рассматривать как аналог математического ожидания (математическо-

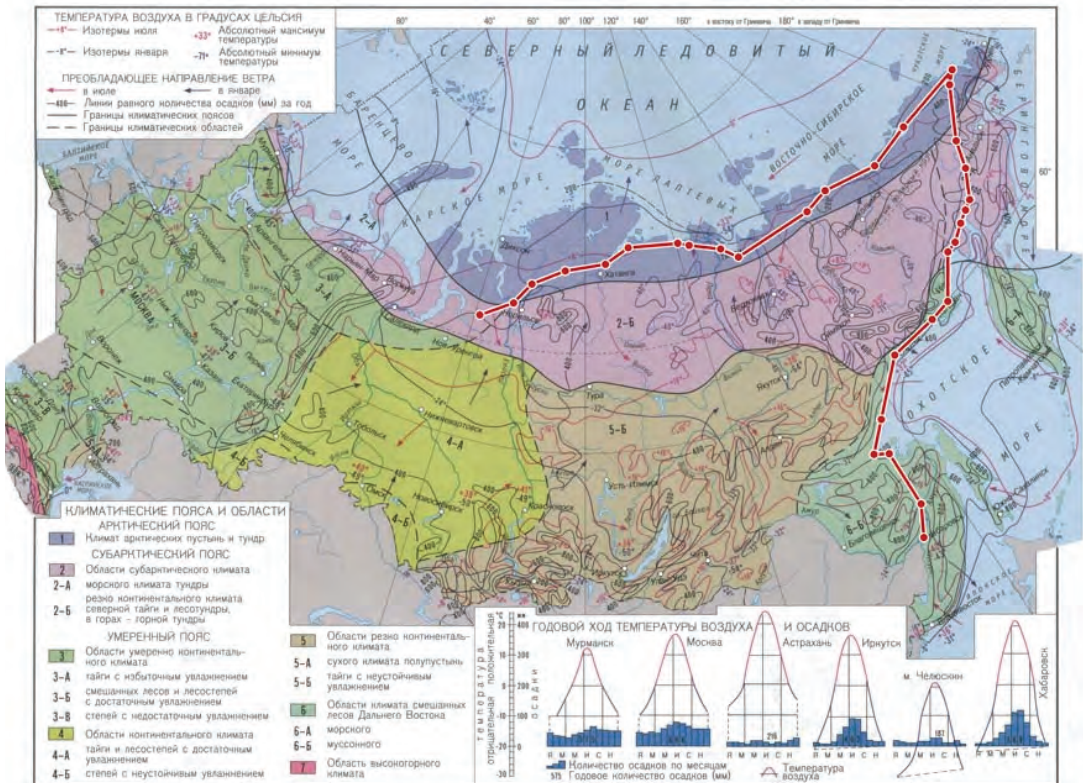

Рис. 1. Логистическая карта проекта «ДАНКО».

20 | го среднего) признака проекта. Ясно, что каждая полученная оценка не будет превышать наибольшую и не будет меньше наименьшей оценки территорий, включающих маршрут исследуемого проекта для каждого признака.

Чтобы оценить весь проект в целом, предлагается использовать следующую процедуру. Нужно ввести неотрицательные весовые коэффициенты для всех признаков, характерных для данного проекта, так, чтобы их сумма была равна единице.

То есть ввести коэффициенты a_1, a_2, \dots, a_m , такие, что

$$a_1 + a_2 + \dots + a_m = 1.$$

А итоговую оценку проекта искать как линейную комбинацию оценок признаков проекта, то есть:

$$MX = a_1MX_1 + a_2MX_2 + \dots + a_mMX_m$$

При сравнении с альтернативными проектами выбирается проект, имеющий максимальную итоговую оценку, конечно, если полученная оценка достаточно велика. Если максимальная итоговая оценка проекта невелика, нужно отказаться и от него, а не только от проекта с меньшей оценкой, и искать более перспективный.

В данной статье решение задачи оценки перспективности проекта «ДАНКО» найдем согласно приведенному выше алгоритму.

Касаясь первого фактора, характеризующего количество углеводородных запасов, нужно подчеркнуть, что в проекте «ДАНКО» представлен вариант единого освоения Дальнего Востока и Арктического Севера: континентальной части того и другого регионов России, а также шельфов морей двух океанов — Северного Ледовитого и Тихого, запасы которых превышают 90 млрд баррелей нефтяного эквивалента. Поэтому оценку проекта по данному признаку нужно взять максимально большой, то есть единичной.

Список литературы:

- [1] Лосев А.И. Управление потоками и запасами нефти и нефтепродуктов на примере Проекта перспективного развития Дальневосточного и Арктического регионов «ДАНКО» // Логистика. – 2012, № 7. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.logistika-prim.ru/archive/2012/7>
- [2] Ширяев А.Н. Вероятность. – М.: Наука, 1980. – 574 с.

Касаясь климатического фактора, на климатической карте, на которой представлен проект «ДАНКО» (рис. 1), можно видеть, что трасса трубопровода проходит по следующим трем климатическим зонам:

- арктический климатический пояс,
- субарктический климатический пояс,
- умеренный климатический пояс.

В первых двух поясах строительство и эксплуатация трубопровода крайне тяжелы. Поэтому коэффициенты p_2^1 и p_2^2 принимают наименьшее нулевое и близкое к нулю равное 0,1 значения. В умеренном климатическом поясе значение p_2^3 можно принять за 1/2, что характеризует относительную частоту дней со средней неотрицательной температурой. Значения $x_2^1=0,54$, $x_2^2=0,1585$ и $x_2^3=0,3015$ рассчитаны, исходя из выше описанной процедуры.

Подставляя исходные данные, отвечающие проекту «ДАНКО», получим оценку климатического фактора проекта .

$$MX_2 = x_2^1p_2^1 + x_2^2p_2^2 + x_2^3p_2^3 = 0,17$$

Что касается третьего фактора, учитывающего рельеф местности, по которой проходит трасса проекта «ДАНКО», можно видеть, что 1300 км трубопровода проходит по среднегорью ($p_3^1 = 0,3$), а остальной путь - по относительно равнинной местности ($p_3^2 = 1$).

$$MX_3 = x_3^1p_3^1 + x_3^2p_3^2 = 0,05 + 0,84 = 0,89$$

Аналогично, не вдаваясь в подробности, рассчитаны

$$MX_4 = 0,37 \text{ и } MX_5 = 0,29$$

Итоговая оценка проекта рассчитана исходя из одинаковой важности всех факторов проекта:

$$MX = a_1MX_1 + a_2MX_2 + \dots + a_5MX_5 = 0,54$$

Таким образом, проект «ДАНКО» является очень перспективным.

МНОГОУРОВНЕВЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА

Раскрыты особенности туристского продукта с точки зрения его многоуровневого формирования. Главное достоинство предложенного подхода состоит в возможности применения как одновременно всех его уровней, так и каждого в отдельности при формировании туристского продукта.

Ключевые слова:

туристский продукт, уровни туристского продукта, формирование туристского продукта.

Постоянное возрастание значения туризма и усиление его влияния на экономику – общемировая тенденция. Поэтому необходимо изучать виды туристских продуктов (ТП) с точки зрения многоуровневого подхода. С одной стороны, экономические, социальные, демографические и другие факторы оказывают влияние на туристский продукт, с другой – покупатель сравнивает между собой все большее разнообразие туристских предложений, тем самым предъявляя новые и новые требования к самому продукту, который формируется и компонуется по выбору и желанию путешественников с целью максимального удовлетворения их потребностей.

Среди основных тенденций, влияющих на выбор ТП, мы выделяем следующие: экологичность, отказ от массовых и переход к индивидуальным туристским продуктам, растущий интерес к безопасности туризма, расширенное и повсеместное использование Интернета. Таким образом, изменения, которые выражаются в формировании нового потребительского поведения и новых мотивов приводят к необходимости пересмотра сущностной структуры самого ТП. Поэтому нами разработан подход, при котором предлагается рассматривать ТП как многоуровневую структуру. Сам туристский продукт определяется как совокупность товаров и услуг специфического характера и качества, относящихся к определенной территории и подготовленных для реализации потребителям в сфере туризма. Предлагается рассматривать следующие уровни формирования ТП:

1-й уровень – универсальный. На данном уровне осуществляется глобальное планирование туризма, регулируются туристические потоки и мировые направления. Например, Еврокомиссия приняла общую для всех стран ЕС стратегию развития туризма, которая направлена на привлечение в Европу туристов из России, Китая, Индии и Бразилии. Вице-предсе-

датель Еврокомиссии А. Таяни заявил, что «общая стратегия дает ясный политический знак России и другим странам. Мы хотим, чтобы у бразильцев, русских, индийцев, китайцев было желание приезжать к нам» [8]. С нашей точки зрения, стратегия развития туризма, предложенная в ЕС, главным образом нацелена на повышение конкурентоспособности европейского туризма, однако не учитывает интересы России. ЕС старается максимально приспособить к заявленной стратегии развития туризма финансовые инструменты и законодательные нормы ЕС. Следовательно, чтобы большая часть мировых туристских потоков не перешла на территорию ЕС и не игнорировала территорию России, мы считаем необходимым:

1. Создать для развития отечественного туризма инфраструктуру, построить ценовую политику отечественных ТП, разработать систему продвижения национального туристского продукта и т.д.

2. Разработать единую методологию развития туризма на всем туристском пространстве России и стран СНГ на основе построения единой межстрановой концепции туризма.

3. Построить единую стратегию развития туризма для стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика).

Чрезвычайно важно, чтобы жители туристской территории участвовали в процессе принятия решений по вопросам планирования, развития и управления туризмом. Через туризм можно усилить спрос на товары и услуги, производимые на той или иной территории. Одновременно, чтобы туризм был устойчивым, характер и объемы туристской деятельности должны учитывать пропускной потенциал природных и историко-культурных ресурсов государств. Для соблюдения данного баланса необходимо проводить планирование ТП в контексте общего планирования уже на

международном уровне, что дает основу для обеспечения комплексного, контролируемого и устойчивого развития всего международного туризма.

2-й уровень – межнациональный. На этом уровне формируется ТП, который возникает как результат взаимодействия нескольких государств в сфере туризма. В рамках данного альянса участники проводят совместные презентации ТП, а также рабочие встречи с представителями туристского бизнеса. Примером межнационального сотрудничества в туризме может служить «The European Quartet – One Melody» – слоган, под которым, начиная с 2004 г. продвигают свои туристические предложения Венгрия, Польша, Словакия и Чехия, входящие в маркетинговое объединение «Вышеградская четверка». Целью объединения является совместное продвижение туристских возможностей стран-участниц и привлечение внимания зарубежных специалистов к их межрегиональным ТП [1; 12]. Каждая страна, входящая в объединение, уникальна по своему, и именно в комплексном подходе к организации туристского продвижения представители данного альянса видят дальнейшее развитие туризма. Продвижение осуществляется следующим образом. Чехия предлагает свои замки, совмещенные отдыха с посещением лечебных курортов. Словакия развивает активный отдых с акцентом на горнолыжные трассы. Венгрия продвигает SPA и лечение в термальных источниках.

3-й уровень – национальный. На данном уровне происходит зонирование территорий туризма в государстве и разрабатывается стратегия национального развития туризма.

4-й уровень – межрегиональный. По нашему мнению, межрегиональный ТП формируется в результате взаимодействия регионов страны на основе формирования комплексной национальной программы развития туризма. Данный подход особенно эффективен, когда в стране неравномерно распределены туристские ресурсы, и через создание единого ТП, например, «тур по стране», возможно внести перераспределение в концентрации туристских потоков. Одним из примеров межрегионального туристского продукта могут служить активно развивающиеся и пользующиеся огромной популярностью у туристов в России «Золотое кольцо» и «Серебряное кольцо» [2; 4]. «Кольца» связали между собой различные регионы России в концепции единого тура, что позволило

стране на комплексной основе развивать региональные туристские продукты.

5-й уровень – региональный. На региональном уровне происходит уточнение национальной стратегии продвижения ТП. Например, определяется детализация проектов, территорий и туристских направлений. Основное внимание уделяется разработке общей политики и стратегии крупномасштабных планов и программ развития, маркетинга, например:

- разработка политики социального туризма;
- разработка законодательства по вопросам безопасности туристов, а также охраны здоровья;
- создание крупных транспортных систем для перевозки туристов в страну и из нее, а также по ее территории;
- охрана достопримечательностей, таких как государственные заповедники и национальные парки;
- создание информационной и рекламной системы, занимающейся продвижением данной дестинации и страны в качестве туристских центров;
- координация усилий в рамках индустрии туризма и в контексте взаимоотношений между правительством и профессиональными туристскими кругами и связанными с ними ассоциациями.

Туристская сущность каждого региона может быть раскрыта более глубоко и ее ТП продвинут более эффективно при выделении внутри региона различных видов ТП по дестинациям. Таким образом, региональный ТП предлагается рассматривать по двум направлениям:

1) Региональный ТП на основе одной дестинации. Данное направление основывается на четком определении «туристского локомотива» в регионе и развитии всего региона через использования данного туристского бренда. Примером может служить развитие туристского продукта в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Основной туристской дестинацией, привлекающей туристов, является Санкт-Петербург, что способствует развитию туристского продукта его пригородов – Петродворца, Пушкина и др. То же можно сказать о Париже и Версале, Риме и Остии [6; 9; 13]. В качестве туристских дестинационных примеров из пригородной зоны можно выделить развитие туризма в Великом Новгороде, куда продаются туры, совмещенные с соседними менее туристически развитыми территориями [3].

2) Региональный ТП на основе многодестинационного подхода. При планирова-

нии по данному направлению необходимо рассматривать различные ТП, входящих внутрь данного региона. Основной целью становится разработка генеральной комплексной стратегии развития, состоящей из туристских стратегий дестинаций данного региона. Следует подчеркнуть, что через синергетический эффект индивидуальных туристских стратегий продвижения туристского продукта дестинаций можно построить механизм эффективного решения проблемы выживания региона в рамках комплексной целевой стратегии продвижения ТП.

6-й уровень – формирование туристского продукта, связанного с событием/мероприятием (event – англ.). В качестве объекта привлечения можно использовать вариант проведения различных фестивалей, культурных событий, которые могли бы послужить толчком для дальнейшего развития не только культурного туризма, но и других его видов в рамках данной территории. Интересным может быть создание музеев нового типа, где посетители играют активную роль, участвуют в процессе создания экспонатов. Примером служить музей стекла в Дании, где посетители имеют возможность самостоятельно выдувать различные изделия, тем самым приобщаясь к процессу формирования коллекции музея [6]. Процесс развития ТП, основанного на событии, можно представить следующим образом.

Первая стадия – преодоление. Туристская территория затрачивает основные усилия на преодоление своих проблем путем привлечения инвестиций, планирования и продвижения своего event-продукта на рынок. Данный подход требует крупных затрат со стороны общества.

Вторая стадия – устойчивый рост поклонников (туристов) события, который основывается на постепенном восстановлении потенциала, затраченного на «раскручивание» event-продукта.

Третья стадия – развитие туристского продукта региона/города на основе привлечения туристов на мероприятие/событие. Достижение нового уровня развития ТП и освоение новых рынков осуществляется на протяжении целого ряда лет путем внедрения и проверки на практике новых проектов. Имеется 2 модели.

1) Первая модель – «Удовлетворение любопытства». Характеризуется значительным увеличением туристского потока в период проведения мероприятия и резким снижением до прежнего уровня после него. Примером может служить туризм в Атланте и Солт-Лейк-Сити [11].

2) Вторая модель – «Открытие новых возможностей» отличается значительным увеличением туристского потока в период мероприятия и узнаваемость города как нового для туристов места назначения. Примером может служить развитие туризма в Сеуле и Барселоне.

Четвертая стадия – оценка результатов выбранной стратегии. Автор предлагает оценивать результаты реализации и эффективности сформированного и реализованного ТП за счет event-продукта на основе анализа следующих компонентов: достопримечательностей и форм организации досуга; инфраструктуры приема и услуг; транспортной инфраструктуры и обслуживания; базовой местной инфраструктуры; организации поездов; продвижения ТП и наличия службы туристской информации.

7-й уровень – стратегия развития туристского продукта на уровне туристского объекта. В.А. Сидоров говорит, что разработка туристского продукта на уровне объекта туризма осуществляется на четырех различных организационных уровнях [7]:

1) Корпоративная стратегия формирования ТП (общая для всего предприятия и сфер ее деятельности).

2) Деловая стратегия формирования ТП (для каждого отдельного вида деятельности компании).

3) Функциональная стратегия формирования ТП (стратегии функциональных систем управления предприятия – стратегия маркетинга, финансовая, производства, управления персоналом)

4) Операционная стратегия или «стратегия линейных отделений, подразделений и других организационных единиц, занятых конкретным бизнесом».

После комплексного рассмотрения уровней формирования туристского продукта от международного до уровня туристского участка мы можем отметить, что существенными недостатками большинства стратегий формирования и продвижения туристского продукта является то, что конкретные объекты туристической отрасли рассматриваются:

– вне контекста особенностей и перспектив развития мировой экономики на современном этапе;

– вне перспектив развития индустрии в структуре экономики регионов;

– вне особенностей и перспектив развития национальных особенностей страны.

Проведя анализ национальной и региональной стратегий развития туризма, мы считаем, что, формируя туристский про-

1. Социально-экономические: возрождение национальной культуры, создание дополнительных рабочих мест; повышение уровня жизни работников туристской сферы и связанных с ней производств; улучшение качества культурного и сервисного обслуживания населения и туристов до необходимого международного уровня; увеличение объема поступлений в доходную часть бюджета.

2. Творческо-производственные:

– обеспечение заказам местных хозяйствующих субъектов (предприятий промышленности, сферы услуг и т.д.);

– повышение качества предоставляемых услуг и выпускаемой туристской продукции в результате внедрения инновационных достижений и современных технологий. Инновации при формировании ТП главным образом должны быть направлены на разработку нового рекреационно-туристского продукта и маркетинговую деятельность, а также на применение новых методов управления и активное использование современных информационных технологий, что существенно влияет на уменьшение цены этого продукта.

– существенное увеличение на региональном потребительском рынке доли продукции отечественного, местного производства и усиление ее конкурентоспособности в условиях кризиса.

Насколько важно планирование продвижения ТП для обеспечения комплексности внутри системы туризма, настолько же важно гармонично вписывать общую

стратегию развития туризма в политику страны и региона. Большинство российских территорий продолжают хаотически развивать свои ТП в привязке к уже зарекомендовавшим себя на мировом туристском рынке продуктам.

Разрабатывая ТП, необходимо действовать поступательно и гибко по отношению к сопутствующим отраслям. Слишком жесткое планирование может не позволить процессу развития реагировать на изменения – политики на государственном уровне, в техногенной и социальной областях жизни общества, в транспортной технологии, появление новых форм туризма, изменение рыночных тенденций. Поэтому использование представленного многоуровневого подхода в формировании ТП позволит получить следующие результаты:

1. На национальном уровне – возможность для подготовки квалифицированных кадров в туризме и сопутствующих отраслях; совершенствование инфраструктуры и системы коммунальных объектов и служб; новые рабочие места, новые профессии и технологии; создание новых форм досуга, как для местных жителей, так и для туристов.

2. На мировом уровне – разрабатывая туристский продукт в рамках представленного многоуровневого подхода возможно не только учитывать международные течения и тенденции, но и делать упор на самобытности, культуре и креативности различных ТП.

Кроме того, сбалансированная и единая концепция формирования туристского продукта будет создавать новые возможности для капиталовложений в сопутствующие туризму отрасли.

Список литературы:

- [1] Вышеградская четверка (The European – Quartet – One Melody). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.atorus.ru/events/play/nomination/article/1312.html>
- [2] Золотое кольцо. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.zolotoe-koltso.ru/>
- [3] Интернет портал «Великий Новгород». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.novgorod.ru/>
- [4] Каллиома Л. Туристско-рекреационные зоны должны начать работать быстрее и эффективнее // Российская Бизнес-газета. – 2009, № 723 (39) (13 октября). – С. 54.
- [5] Направления развития туризма в Европе. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/>
- [6] Отдых в Дании. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/tourism/tourisminf.asp>
- [7] Сидоров В.А. Управление экономикой туристско-экскурсионного предприятия.- М.: ЦРИК Турист, 1990.
- [8] Таяни А. Выступление Еврокомиссии. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/>
- [9] Cooper, Fletcher, Gilbert D. Tourism: Principles and Practice. – London: Prentice Hall, 2012. – 504 p.
- [10] Goeldner C.R., Ritchie J.R.B. Tourism: Principles, Practices, Philosophies. – John Wiley and Sons, 2005. – 688 p.
- [11] ITA official of tourism and travel industries. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://tinet.ita.doc.gov/view/m-2011-I-001/index.html>
- [12] Poon A. Tourism, technology and competitive strategy. – London: Pitman, 2010. – 250 p.
- [13] Ritchie, J.R.B., Crouch Geoffrey.I. The Competitive Destination: A Sustainable Tourism Perspective. – CABI, 2003. – 272 p.

УДК 62-50: (075.8)
ББК 65.050.03 К 89

А.А. Куприн, И.В. Жук

РОЛЬ АДАПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОЗДАНИИ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Рассматриваются вопросы, связанные с анализом форм адаптации предприятий, раскрытия направлений необходимых изменений в их деятельности и взаимосвязей, где наиболее важным представляется анализ результативности адаптации предприятий, определение глубины качественных сдвигов в их производственной и организационной структуре. В этой связи роль адаптивного потенциала в управлении предприятием в изменяющихся условиях функционирования и масштабы его практического применения в современной экономике значительно возрастают.

Ключевые слова:

адаптивный потенциал, адаптивность систем управления, адаптационная деятельность, контроллинг, система качества.

Современные условия функционирования рыночной системы таковы, что адаптация предприятий зависит, прежде всего, от эффективного использования их внутреннего потенциала, который выражается в реализации приоритетов долгосрочного развития. А это невозможно без внутренней перестройки самого предприятия, т.е. формирования и развития таких функций и механизмов в системе управления, которые способствуют повышению его коммуникационной активности. Проблема адаптации предприятий к изменениям внешней среды приобрела новые черты, т.к. достижение предприятием стационарного состояния становится временным явлением из-за существенного увеличения уровня изменчивости и влияния неопределенности.

Изучение теоретических основ поведения предприятия, связанного с устойчивостью, адаптацией и ростом показывает, что процесс развития предприятия можно рассматривать как последовательность сменяемых под влиянием изменений среды, равновесных состояний, в рамках которых обеспечивается надежная адаптация предприятия к определенному типу и интенсивности возмущений [4].

Совокупность внешних и внутренних условий, управленческих приемов, струк-

турных ограничений, обеспечивающих поддержание баланса материальных и финансовых потоков предприятия со средой для каждой области равновесного состояния, определяет характерную модель роста, адекватно отражающую текущие и будущие условия целевых рынков предприятия, а также его организационно-технологические возможности [5].

Реализация моделей требует определенной поднастройки основных компонентов организационной и производственной структур предприятия, а переход от одной модели к другой должен осуществляться с минимальными издержками, обеспечивая максимальное использование существующего потенциала и развивая его в наиболее перспективных направлениях.

Однако анализ источников, посвященных этой области деятельности, сложность и недостаточная разработанность проблемы адаптивного управления предприятиями в условиях динамично развивающихся рыночных преобразований определяют целесообразность более углубленного изучения данной проблематики.

Инициирование решений, направленных на корректировку годами складывающегося механизма адаптивного управления предприятия на базе только

аналитических разработок, порождает серьезный риск. Более того, в случае таких намерений в отношении крупных организаций и предпринимательских структур результаты неудачного начинания могут отразиться на уровне жизни всего населения прилегающей территории.

С 1997 г. развернута целевая программа президента России для подготовки управленческих кадров с привлечением до 5000 специалистов в год. Такими мерами государственной поддержки делается попытка придать процессу реформирования всей экономики страны в сторону поддержания ее жизнеспособности и обеспечения устойчивой эффективности через адаптацию к внешним изменениям целевой, т.е. иметь устойчивый характер [3].

Изучение практики управления предприятиями развитых стран создает возможность активного заимствования современных технологий регулирования адаптивности, что, в конечном счете, должно позволить сократить потери времени на восстановление жизнеспособности отечественных предприятий и государства в целом, необходимого для нормального вхождения России в мировую экономическую систему.

К середине 90-х в работе российских предприятий такую черту, как адаптивность в управленческой и маркетинговой деятельности, можно оценить как декларативно заявленную, но не обеспеченную должной методической и кадровой поддержкой.

Для крупных европейских предприятий широкое применение имеет практика стратегического управления деятельностью предприятия. Методические основы такой деятельности позволяют формировать долгосрочные цели развития, оценивать шансы и возможные риски, перспективную конкурентоспособность предприятия на насыщенном рынке товаров и услуг, на основании чего формируется система адаптивности организации.

Исследователи отмечают, что глобализация вынуждает предприятия активизироваться в создании и поддержании системы адаптивного управления, чтобы оставаться конкурентоспособными [1]. Объективно все улучшения необходимо планировать и организовывать, чтобы они позволяли достичь уровня лидеров рациональным и экономичным способом. Этой цели например может служить практика эталонного тестирования – бенчмаркинг. Его применение понимается как постоянный процесс измерения характеристик продукции, услуг и реального порядка ве-

дения работ относительно лучших компаний.

В основе построения структуры управления организации используется принцип формирования вертикальных функционально самостоятельных секторов. При этом предусматривается возможность реализации полномочий экономического (финансового) и административного управления в направлении «сверху вниз» и последующей ответственности за результаты работы в обратном направлении.

Каждый сектор, как правило, возглавляется полномочным руководителем на уровне заместителя директора (вице-президента и т.п.). Указанные руководители обеспечивают полную работоспособность порученных секторов работы и единолично отвечают за конечные результаты работы. Решая общую задачу производства и сбыта продукции, руководители всех секторов (руководители верхнего уровня) координируют работу между собой.

Наиболее существенным в этом вопросе является то, что организационная и нормативная регламентация функционирования структуры управления обеспечивает эффективную работу механизма, оперативного исполнения, который реализуется по горизонтальным связям и позволяет организации реализовывать принцип адаптивности.

В основе такого механизма лежит возможность формирования рабочих групп – исполнителей конкретного контракта заказа, поручения и т.п. с делегированием необходимых полномочий для достижения поставленной цели.

Используемые структуры управления должны отличаться разнообразием и избирательностью применения. Например, в дополнение к линейно-функциональной структуре – применение дивизиональных структур, которые, как правило, специализируются по видам бизнеса (деятельности) и рынкам сбыта.

Особого внимания заслуживает также практика принятия решений при управлении предприятиями или организациями, именно здесь следует отметить различные подходы, различающиеся организацией вариантов с централизацией либо децентрализацией и делегированием полномочий. Сравнение различных типов структур показывает, что организации с меньшим числом уровней и более широким контролем оказываются более гибкими и динамичными.

Исключительно важным моментом, характеризующим уровень развития адап-

тивности системы управления, является повсеместное применение, особенно в зарубежной практике, серьезного подхода к обеспечению качества, включающего в себя не только обеспечение качества на стадии производства продукции, но и на стадии ее разработки, организации производства, сбыта, подготовки персонала и др. Практически все крупные компании при организации своей работы руководствуются специально разработанными системами качества, причем предъявление и подтверждение эффективности таких систем является необходимым условием при проведении любых контрактных сделок.

Например, регулирование требований и организационных подходов к разработке систем качества обеспечивается стандартами Международной организации по стандартизации ISO серии 9000* (далеко не все российские предприятия имеют системы качества, отвечающие общепризнанным международным стандартам). А ведь стандарты серии ISO 9000 являются важнейшим источником для разработки вопросов качества в любой организации и могут, и должны использоваться в качестве общей эталонной модели для интеграции качества в бизнес и в современной практике управления предприятиями просто необходимо акцентировать необходимость общесистемности менеджмента качества, и к этому систематическому подходу следует относиться, как к «добавкам» качества во все фактические действия по управлению бизнесом [6].

К сожалению в российской действительности сертификация системы качества на соответствие стандартам ISO серии 9000 свидетельствует лишь о соответствии тем минимальным требованиям, на основании которых конечный потребитель может и оценивает возможность заключения с организацией партнерских отношений, и не более. Практика показывает, что для успешной и эффективной деятельности одной сертификации системы качества явно недостаточно, необходимо разрабатывать и развивать эту систему, основываясь на методах и принципах TQM, т.е. принципах всеобщего управления качеством.

В разработку системы управления в соответствии с принципами TQM необходимо вовлекать большинство сотрудников организации, а полное воплощение этой системы производить с применением современных технологий (управленческих, информационных и др.). Безусловно, этот процесс

потребует перестройки всей деятельности организации, более согласованной работы всех структурных подразделений, а также длительного периода времени.

Практика и многочисленные проводимые исследования показывают, что квалифицированное использование методологии TQM (Total Quality Management – всеобщее управление качеством) обеспечивает [1]:

- не только увеличение степени удовлетворенности потребителей товарами и услугами, но и возможности дополнительного предупреждения их ожиданий;
- улучшение деловой репутации организации;
- повышение производительности и эффективности труда;
- увеличение прибыли;
- повышение качества производимой продукции и услуг а также конкурентоспособности;
- обеспечение экономической устойчивости и ликвидности предприятия;
- более рационального использования всех видов ресурсов;
- повышение качества решений управленческих решений в области ;
- оперативное внедрение инновационных достижений.

Рассматривая приведенные выше методические аспекты управления организациями целесообразно сделать акцент на практическом использовании методологии контроллинга. Практическое применение контроллинга как эффективного инструмента с развитыми системами учета и планирования, позволяет обеспечивать руководителей различных уровней необходимой управленческой информацией.

Объективная полнота и высокая степень детализации такой информации в сочетании с автоматизацией ее сбора и последующей высокопроизводительной компьютерной обработкой, создает возможность гибкого управления затратным механизмом предприятия. Техническое обеспечение решения таких задач осуществляется, как правило, с использованием корпоративных гибко настраиваемых информационно-управляющих ERP-систем, т.е. планирование ресурсов предприятий, работающих в режиме реального времени [2].

Однако следует отметить невысокий уровень проработанности организационных, методических и технических решений для широкого применения контроллинга в отечественной практике

* ИСО 9000 описывает основные положения систем менеджмента качества и устанавливает терминологию для систем менеджмента качества

28 | управления. Можно констатировать, что глубоко осмысленное практическое приложение контроллинга носит скорее исключительный характер, нежели нормы [7].

Касаясь информационной обеспечения управленческой деятельности, следует особо выделить высокий общий уровень присутствия информационных технологий в ведении работ на европейских предприятиях, где аналитики определяют два центральных элемента в необходимости использования на предприятии информационных технологий в бизнесе: во-первых, большой объем информации и, во-вторых, быстрые изменения в экономике. Эти факторы приобретают еще большее значение в зависимости от сложности предприятия. В этом случае бизнес-аналитика является необходимым инструментом для того, чтобы сделать эффективность организации и ее бизнес-процессов обозримыми и логичными в представлении каждого работника на предприятии и за его пределами.

Зарубежная и российская практика адаптивности системы управления рассматривает усилия по созданию эффективных механизмов менеджмента как важнейшую задачу для успешного развития бизнеса и укрепления предприятий и организаций, что в свою очередь, влияет на деловую репутацию предприятий и организаций, делает их более привлекательными для инвесторов, повышает их ценность. А изучение управленческого опыта по адаптивности показывает, что деятельность крупных предприятий в рассматриваемой области носит систематический характер, а затраты при планировании к реализации каждого из компонентов управления носят достаточно глубоко осмысленный характер, т.е. в этом случае практику тиражирования эффективных механизмов хозяйствования можно квалифицировать как повсеместную, комплексные работы по совершенствованию механизмов управления носят целевой характер, а, значит,

форма организации всего комплекса работ имеет статус целевого проекта.

Таким образом, можно констатировать, что современная практика создания эффективных механизмов адаптивности системы управления носит комплексный целенаправленный характер и охватывает многие сферы деятельности. Анализ деятельности предприятий и ускорение адаптации предприятий зависит от реализации следующих мероприятий [3]:

- установление исходных параметров адаптивного потенциала предприятия на базе достигнутых показателей в предшествующем периоде и их корректировка в соответствии с результатами анализа сложившихся условий производства;

- разработка мер, повышающих общий уровень производственного потенциала предприятия;

- корректировка параметров потенциала предприятия с учетом улучшения условий функционирования производства;

- проверка на соответствие фактической величины потенциала предприятия требуемой величине;

- формирование новых адаптивных производственных структур с целью доведения имеющегося потенциала целевого назначения до требуемой величины;

- распределение потенциала по структурным подразделениям и этапам жизненного цикла продукции;

- формирование систем внутренней и внешней поддержки функционирования предприятия в реальном режиме.

- выявление потенциальных возможностей предприятия и оценке адаптивного потенциала, что позволит более полно учесть неиспользованные внутрипроизводственные резервы создавая предпосылки и возможности для устойчивого экономического развития предприятия, определяющие ожидаемые характеристики его развития при различных сценариях изменения окружающей среды.

Список литературы:

- [1] Ансофф И. Стратегическое управление / Уч. пос.; пер. с англ. – М.: Экономика, 2006. – 358 с.
- [2] Аубакирова Г.М. Адаптивное управление предприятием. – Караганда: Экожан, 2006. – 257с.
- [3] Аубакирова Г.М. Адаптация предприятий к работе в условиях рынка. – Караганда: САНАТ-Полиграфия, 2004. – 214 с.
- [4] Бедрина Е.Б., Козлова О.А. и др. Введение в экономическую теорию / Уч. пос. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ; 2009. – 210 с.
- [5] Иванов А.Д. Формирование адаптационного механизма предприятия к конкурентной среде / Уч. пос. – М.: Инфра-М, 2006. – 116 с.
- [6] Попов В. Приведение системы качества в соответствие с требованиями МС ИСО серии 9000 // Стандарты и качество. – 2006, № 3. – С. 68–69.
- [7] Срагович В.Г. Адаптивное управление / Уч. пос. – М.: Наука, 2004. – 260 с.

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР

Рассматриваются направления трансформации организационно-экономических форм взаимодействия и взаимосвязей малых и крупных предпринимательских структур. В качестве форм управления организационно-экономическим взаимодействием в условиях рыночной экономики предлагается формирование самодостаточной хозяйственной системы. Управлять развитием малого предпринимательства в направлении организационно-экономического взаимодействия предлагается в форме создания общедоступной информационной системы, а также формированием предпринимательских сетей на основе выстраивания франчайзинговых взаимосвязей.

Ключевые слова:

информационная система, малое предпринимательство, организационно-экономическое взаимодействие, предпринимательские сети, ремесленное предпринимательство, самодостаточная хозяйственная система, франчайзинг.

Особенности управления развитием малого предпринимательства определяются многими факторами, в т.ч. управляющими воздействиями государства. Именно организационно-экономическое взаимодействие малых и крупных предпринимательских структур формирует условия для управляющего воздействия государства. А управление развитием малого предпринимательства реализуется через организацию новых форм организационно-экономического взаимодействия малых и крупных предпринимательских структур и стимулированием выстраивания такого взаимодействия в соответствии с отраслевыми приоритетами государства.

Объективной необходимостью управления выстраиванием новых форм организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур как основной производительной силы отечественной экономики является не только технико-технологическая отсталость средств производства многих отраслей, но также высокая степень физического износа оборудования, что обуславливает кратное отставание производительности труда занятых в этих отраслях работников. Так, износ оборудования достигает в отдельных отраслях промышленности 80% при динамике их обновления менее 11% [4]. Производственные мощности, имеющие возраст до пяти лет, за последние 30 лет снизились с 40,8 до 9,6%. Для того, чтобы решить проблему замены основных производственных фондов и обеспечить перевооружение и модернизацию производства с переводом нашей экономики на инновационный путь развития, необходимо организационно-экономичес-

кое развитие предпринимательских структур – в первую очередь, субъектов малого предпринимательства.

В регионах формируются и действуют в русле современных технико-технологических преобразований инновационные центры, включающие в свою структуру различные элементы – научно-исследовательские, опытно-внедренческие, технопарки в сфере высоких технологий, инфраструктуру коммерциализации научно-технических, технологических, организационно-управленческих разработок, и т.д. Значительное место в их работе занимает программа создания новых высокотехнологичных рабочих мест для предприятий и отраслей того или иного региона. Такие инновационные центры могут выступать базой для выстраивания организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур, вокруг которых могут формироваться новые формы взаимосвязей малых и крупных предприятий.

В основу организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур в форме взаимодействия малых и крупных предприятий может быть положена недостаточно развитая на сегодняшний день ремесленная деятельность. Она выступает составной частью малого предпринимательства, больше того, именно на основе ремесленной деятельности и осуществляется мелкая производственная деятельность и разрабатываются производственные инновации, т.е. те инновации, которые в советское время относили к изобретательству и рационализации. Именно ремесленное предпринимательство выступает основой выстраивания предпри-

нительских взаимосвязей. Ремесленное предпринимательство осуществляет свою деятельность в сфере бытового обслуживания населения, охватывая и местную промышленность, работает в сфере непосредственного производства малых объемов или по индивидуальным заказам населения.

Методы управления инновационным развитием малого предпринимательства на основе управления выстраиванием организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур представляют собой способы воздействия на управляемую систему взаимоотношений и взаимосвязей предпринимательских структур для реализации поставленных целей преобразования (планирование, организация, мотивация, контроль).

Сущность механизма управления инновационным развитием малого предпринимательства через управление выстраиванием организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур предполагает налаженный механизм целеполагания. Для рационального функционирования и развития малого предпринимательства необходимо иметь цель развития, т.к. хаотичное развитие можно рассматривать как структурные изменения сложного поведения детерминированных нелинейных динамических систем, не приводящих ни к каким позитивным преобразованиям. Целевое развитие субъектов малого предпринимательства соответствует его внутреннему строению, наличию и расположению его элементов, а также их соотношению в существующей структуре. При этом организационная структура взаимосвязей и взаимодействия малого и крупного предпринимательства стремится к удержанию элементов в их текущем порядке и взаимосвязи, но экономическое развитие предполагает их постоянное изменение на инновационной основе, в т.ч. в организационно-экономическом направлении.

Понятие «развитие» малого предпринимательства еще, чем «структурные изменения», т.к. последние могут иметь регрессивную траекторию. Таким образом, развитие малого предпринимательства включает в себя позитивные структурные изменения и соотносится с основными целями развития системы предпринимательской деятельности.

Обеспечение благоприятных условий управления развитием малого предпринимательства связано с особенностями развития инновационной инфраструктуры, оказывающей непосредственное влияние на создание новых форм организационно-

экономического взаимодействия предпринимательских структур, т.е. подразумевает создание условий для развития конкурентной рыночной среды и поддерживающей инновационной инфраструктуры. Инфраструктура поддержки инновационной активности и развития малого предпринимательства, выстраивающая приоритеты с акцентом на определенных отраслях и сферах предпринимательской деятельности, способна влиять на изменение отраслевой структуры малых предприятий, создавая тем самым условия для изменения организационно-экономического взаимодействия малого и крупного бизнеса.

Стимулирование развития малого предпринимательства со стороны государства не означает увеличения только их количества и роста совокупного дохода. Это означает развитие новых организационно-экономических форм взаимодействия и взаимосвязей предпринимательских структур, изменение структуры малого предпринимательства в отраслях и в регионах со значительным смещением от преобладания торговых малых предприятий в сторону производственных. Трансформация организационно-экономических форм взаимодействия и взаимосвязей малых и крупных предпринимательских структур позволит ускорить техническое перевооружение производств и даст новые стимулы для инновационной деятельности в рамках формирования предпринимательских сетей. Именно развитие малого предпринимательства в направлении выстраивания новых форм организационно-экономического взаимодействия будет стимулировать повышение квалификации кадров и облегчит обмен и переток временно свободных и не занятых кадров с одного предприятия на другое, что даст сотрудникам защищенность и уверенность в завтрашнем дне даже в условиях моногородов. С помощью финансовых инструментов (выделение субсидий и т.п.) государство может воздействовать на увеличение количества малых предприятий в определенных отраслях и регионах и таким образом трансформировать отраслевую структуру малого предпринимательства в сторону увеличения производственных малых предприятий.

Формами управления организационно-экономическим развитием предпринимательского взаимодействия в условиях рыночной экономики выступают: финансовые инструменты (льготы по продаже или аренде земельных участков, производственных зданий и оборудования; льготные займы, кредиты; помощь при подготовке и пере-

подготовке кадров; предоставление гарантий по кредитам и т. д.), инструменты налогообложения и формирование элементов инфраструктурной поддержки. При такой постановке проблемы не предусматривается механизм стимулирования повышения качества и конкурентоспособности малых предприятий в рамках выработки государственной экономической политики развития малого предпринимательства. Стимулирование инновационной активности, в основе которого лежит выстраивание взаимодействия между предпринимательскими структурами и формирование предпринимательских сетей, должно способствовать росту конкурентоспособности малых предприятий и инновационной активности.

В качестве одной из форм управления организационно-экономическим развитием предпринимательского взаимодействия формируются предпринимательские системы кластерного взаимодействия с достаточно широкими возможностями – от проведения научно-исследовательских работ до выпуска и продвижения на рынок высокотехнологичной конкурентоспособной продукции. Важное место занимают здесь кадровые центры, обеспечивающие регулирование процессов подготовки кадров, повышения их квалификации в профессионально-образовательных учебных заведениях региона по заказам предпринимательских структур. Именно такие кластеры на сегодняшний день составляют ядро инфраструктуры инновационного развития в регионах. Наличие в регионе инновационной инфраструктуры как основы инновационной среды является одним из факторов для размещения на данной территории крупными инвесторами высокотехнологичных производств. Но такие предпринимательские системы кластерного взаимодействия пока не позволяют раскрыть полностью свои потенциальные возможности, для чего необходимо продолжить разрабатывать новые формы организационно-экономического развития малого предпринимательства.

Важнейшими факторами реализации структурной и инновационной стратегии управления развитием малого предпринимательства в направлении выстраивания организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур выступает также включение в цепочку взаимосвязей крупных предприятий с высокотехнологичной конечной продукцией и получение дополнительного эффекта от такого взаимодействия. Формированием организационно-экономического взаимодействия тоже можно управлять на основе

выстраивания новых хозяйственных цепочек взаимосвязей, формирования новых организационных форм развития и взаимодействия малого и крупного предпринимательства, в т.ч. и на основе самодостаточной хозяйствующей системы. Такая система может формироваться и по отраслевому, и по региональному признаку, но должна обязательно включать и учитывать межотраслевые и межрегиональные взаимосвязи.

Английский экономист Фридрих фон Хайек отмечает возможность выстраивания «самоорганизующегося или спонтанного порядка», правила функционирования которого основываются на принципах рыночной экономики в специфических условиях определенных хозяйственных систем [5]. Под хозяйственной системой мы предлагаем понимать систему комплексных организационно-производственно-экономических отношений, определяющих порядок взаимодействия и взаимосвязей малых, средних и крупных хозяйствующих субъектов в рамках определенных добровольных договоренностей и условий.

Значение самодостаточности хозяйственных систем в развитых странах рыночной экономики состоит в том, что для ее обеспечения необходимо функционирование управляемого государством процесса производства в стране, что способствует обеспечению стабильности в обществе и дальнейшему развитию рыночной экономики. Но хозяйственная система является открытой системой, и на ее самодостаточность оказывают влияние очень много внешних факторов. Кроме того, сама хозяйственная система не является абсолютно устойчивой, а все время находится в динамике. Самодостаточная система постоянно стремится к динамическому равновесию, и выстраивание системы взаимосвязей и взаимозависимостей на основе взаимодействия и дифференциации производственного технологического процесса на части, выполняемое в рамках хозяйственной системы самостоятельными предпринимательскими структурами, может обеспечить возможность достижения такого равновесия. Устойчивость дает возможность самодостаточной хозяйственной системе двигаться по траектории саморазвития, при которой внутренние инвестиционные источники будущего воспроизводства не наносят ущерба текущему воспроизводству. Управление трансформацией организационно-экономического взаимодействия малого и крупного предпринимательства осуществляется поступательно, в результате чего

происходит усиление эффекта взаимодействия: устойчивый рост производственной компоненты мультиплицирует показатели организационно-экономического развития, т.е. получается синергетический эффект. В противном случае, утрата хозяйственной системой экономической устойчивости влечёт за собой потерю стабильности в темпах развития. При этом вынужденная дополнительная поддержка хозяйственной системы привлекает необходимые ресурсы, и, как следствие, развитие самодостаточной хозяйственной системы в целом тормозится – система приобретает выраженные признаки механизма с отрицательными обратными связями.

Управление формированием условий организационно-экономического развития самодостаточной хозяйственной системы возможно с помощью создания элементов инфраструктуры, которые в качестве основных элементов включают в себя: центры коммерциализации разработок, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, центры трансфера технологий, межведомственный центр нанотехнологий, венчурные фонды и др.

Управление развитием малого предпринимательства в форме стимулирования организационно-экономического формирования самодостаточной хозяйственной системы включает в себя и создание общедоступной информационной системы для эффективного предпринимательского взаимодействия. Но отсутствие необходимой информации о государственной поддержке, незнание возможностей специальных программ финансовых институтов для субъектов малого предпринимательства, отсутствие информации о всевозможных формах региональной и муниципальной финансовой поддержки, отсутствие информации о программах финансирования инновационных проектов (в форме грантов, венчурных компаний и т.д.) и др. выступает своеобразным ограничением для развития малого предпринимательства. На сегодняшний день существует своеобразный информационный вакуум в отношении существующих финансовых инструментов, обеспечивающих становление и развитие малого предпринимательства. Одно из возможных направлений в снятии данного ограничения нами предлагается рассмотреть преимущественное развитие не «ресурсоемких» видов деятельности субъектов малого предпринимательства, а «информационноемких», которые должны снизить финансовые риски субъектов малого предпринимательства и, таким образом,

снимется основное препятствие для создания информационной системы как необходимое условие развития малого предпринимательства [2, с. 122].

Обеспечение развития малого предпринимательства необходимой информацией – это не просто создание определенных информационных потоков информации, это создание системы обеспечения информацией, которая должна включать в себя технологическое поле для обмена информацией, инструменты для получения и использования получаемой информации и т.д. [1, с. 56–57]. Очень удобно в процессе формирования информационной системы использовать электронные площадки, т.к. они достаточно доступны для всех участников предпринимательской среды. Но в данной ситуации возникают определенные сложности с получением информации, т.к. финансовые институты являются достаточно закрытыми для малых предпринимательских структур. Основной причиной закрытости, в первую очередь, банковских структур по отношению к субъектам малого предпринимательства выступает нежелание финансовых институтов тесно сотрудничать с малыми предпринимательскими структурами, которые обладают крайне высокими рисками. Но, процесс снижения рисков малого предпринимательства также зависит и от недостатка информации о деятельности и о будущих планах самих субъектов малого предпринимательства. Все эти проблемы в процессе развития малого предпринимательства также можно решить с помощью выстраивания организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур и формирования самодостаточной хозяйственной системы с выстроенной системой взаимосвязей и взаимозависимостей малых и крупных предпринимательских структур, обеспечивающих возможности для создания информационного поля и системы снижения рисков на основе взаимовыгодного взаимодействия и совместной хозяйственной деятельности подчиненной общим целям самодостаточной хозяйственной системы.

Развитие малого предпринимательства в направлении выстраивания организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур включает в себя организационные изменения (в первую очередь на основе принципов франчайзинга), экономическое развитие которых сопровождается рациональным целенаправленным формированием взаимосвязей предпринимательских структур. Франчайзинг как форма хозяйственной

интеграции малых и крупных предпринимательских структур достаточно эффективно используется в сфере услуг экономикой многих развитых стран.

Франчайзинг наиболее интенсивно развивается в тех странах и сферах предпринимательской деятельности, где существует возможность добиться существенного роста прибыли на предоставляемые подсетям субъектов малого предпринимательства по договорам франчайзинга материальные активы бизнеса. Привлекательность франчайзинга в качестве организационно-экономического развития малого бизнеса в сфере услуг подтверждается статистикой Международной ассоциации франчайзинга [3]: длительность жизненного цикла более 85% независимых малых предприятий составляет пять лет, а в системе франчайзинга – только 14% малых предприятий закрывается за тот же период. Франчайзинг представляет собой наиболее благоприятную организационную форму для развития малого предпринимательства, особенно в сфере услуг. Это объясняется тем, что между франчайзером и франчайзи устанавливаются постоянные взаимосвязи и взаимозависимости.

Сетевое развитие малого предпринимательства является инструментом, который позволяет структурировать транзакции и минимизировать издержки на инновационное развитие, поскольку выступает защитным механизмом, компенсирующим негативные воздействия рынка на малые предпринимательские структуры и нивелирующие влияние рисков. С точки зрения управления организационно-экономическим развитием взаимодействия предпринимательских структур, формирование предпринимательских сетей – это создание корпоративных структур, являющихся результатом многочисленных взаимоотношений малых, средних и малых предпринимательских структур и стратегических альянсов. С позиции управления развитием малого предпринимательства в условиях трансформации организационно-экономического взаимодействия преиму-

ществами сетевой организации является выстраивание структуры взаимосвязей с сохранением обособленности всех предпринимательских структур при культивировании коллективных ценностей и стремлении к достижению частных целей, выступающих этапами достижения общих целей. На основе сетевого развития малого предпринимательства происходит интеграция знаний, опыта, организационно-экономических возможностей и передовых технологий всех участников сетевой хозяйственной системы и совместное стремление к максимально эффективному инновационному росту, который позволит каждому из участников-предпринимательских структур достигнуть своих целей, достижение которых невозможно при индивидуальной предпринимательской деятельности. Развитие малого предпринимательства в направлении образования сетевых взаимосвязей может позволить обеспечить нивелирование слабых мест субъектов малого предпринимательства и усиление преимуществ крупных и средних предпринимательских структур.

Основными принципами работы предпринимательских сетей с центром в форме крупной предпринимательской структуры являются: юридическая самостоятельность и выстраивание структурных взаимосвязей между малыми и крупными предпринимательскими структурами; объединяющая общая цель; рациональность и целесообразность в процессе выстраивания взаимосвязей внутри хозяйственной предпринимательской сети; регламентация уровней отраслевого и регионального взаимодействия малых, средних и крупных предпринимательских структур.

Таким образом, особенностями развития малого предпринимательства в направлении выстраивания организационно-экономического взаимодействия выступает создание самодостаточной хозяйственной системы, а также формирование предпринимательских сетей на основе выстраивания франчайзинговых взаимосвязей.

Список литературы:

- [1] Кошелева Т.Н. Стратегии развития малого инновационного предпринимательства. – СПб.: ГУАП, 2009. – 205 с.
- [2] Кошелева Т.Н. Малое предпринимательство: ограничения, факторы инновационного роста и направления развития. – СПб.: Издательство «СПбАУЭ», 2011. – 234 с.
- [3] Майлер А. Франчайзинг как наиболее успешная система развития малого бизнеса в мире // Клуб франчайзи. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.profmir.ru/16> (06.09.2012)
- [4] Московский Ю. Износ оборудования как угроза национальной безопасности России // Научно-культурологический журнал «regla». – 2012, № 14 (252), 25.09.2012. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2816&level1=main&level2=articles> (26.09.2012)
- [5] Hayek Friedrich A. The Constitution of Liberty. – London: Routledge and Kegan Paul, 1960. – 324 p.

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Дана характеристика Северо-Западного федерального округа в контексте его географического положения, природных, рекреационных и культурно-познавательных ресурсов. Описано состояние, сформулированы предпосылки, проблемы и угрозы развития туризма в регионе. Приведены федеральные и региональные правовые акты, регулирующие развитие туризма в округе. Указаны направления развития туристского потенциала Северо-Западного федерального округа

Ключевые слова:

туристский потенциал, рекреационные ресурсы, объекты всемирного наследия, событийный и деловой туризм, туристский поток.

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) расположен на севере и северо-западе европейской части России и включает в свой состав 11 субъектов Российской Федерации, центром округа является город федерального значения Санкт-Петербург. СЗФО занимает выгодное геополитическое положение – граничит с Финляндией, Норвегией, Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой, Беларусью, имеет выход в Балтийское, Белое, Баренцево, Карское моря. Площадь округа составляет 1677,9 тыс. кв. км (10,5% территории России), на территории округа проживают более 14 млн человек.

Значительные размеры территории округа определяют разнообразие его природных условий. Преобладает равнинный и слабохолмистый рельеф, переходящий к востоку в горную полосу Северного, Приполярного и Полярного Урала. На севере округа в пределах Кольского полуострова расположены низкогорные массивы Хибинских и Ловозерских тундр. Территория округа находится в зонах смешанных лесов, тайги, лесотундры, а также тундры (в районах, примыкающих к побережью Северного Ледовитого океана, и на арктических островах). Значительны водные ресурсы округа, на долю которых приходится почти половина ресурсов европейской части страны. Крупнейшие реки – Северная Двина с притоками Вычегдой и Сухонной, а также Печора. Исключительно много озёр, особенно в северо-западной части округа. Здесь находятся крупнейшие озёра Европы – Ладожское и Онежское.

В округе сосредоточено около 50% лесных ресурсов европейской части России, причём хвойные породы занимают большую часть лесопокрытой площади, главным образом в Архангельской области, республиках Коми и Карелия.

Важнейшим экономическим, научным, культурным и туристским центром округа и страны в целом является город Санкт-Петербург с населением более 5 млн чел. Постоянно возрастает значение города как одного из крупнейших общеевропейских культурных центров и места концентрации внутреннего и международного туризма.

СЗФО обладает обширными рекреационными ресурсами, богатейшим культурным наследием и имеет благоприятные возможности для развития туристической отрасли, в частности въездного и внутреннего туризма. Развитие туристско-рекреационного комплекса СЗФО осуществляется в русле мировых и российских тенденций отрасли.

Въездной туристский поток в СЗФО по итогам 2011 – начала 2012 гг. составил около 11 млн чел. Большую долю потока составляли российские граждане – 69%, въезд иностранных туристов составил 31%. Наилучшую динамику увеличения въездных потоков продемонстрировали Ленинградская, Вологодская области и Республика Карелия [6]. При этом все регионы существенно уступают регионам-лидерам по объёму въездного потока. На долю Санкт-Петербурга, Ленинградской и Вологодской области в 2011 г. пришлось около 87% всего въездного потока в Северо-Западный федеральный округ (в т.ч. на Санкт-Петербург – 43%). Доля Санкт-Петербурга, в суммарном въездном потоке в Северо-Западный федеральный округ год от года увеличивается [6].

Развитие сферы туризма в России во многом определяется государственной политикой. Основные цели, задачи, принципы и направления государственной политики России в сфере туризма определены

в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [5], Стратегии социально-экономического развития России до 2020 года [3], Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 год [2], Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы) и других политико-правовых документах [4].

Государственная политика в сфере туризма является составной частью внутренней и внешней политики России и включает в себя систему вырабатываемых и реализуемых государством целей, приоритетов и способов государственного регулирования туристской деятельности, направленных на поддержку и развитие в стране ответственного, устойчивого и всеобщего доступного туризма.

Важной частью политики государства является система нормативного регулирования туристической индустрии. Так, в марте 2009 г. для иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в туристических целях на пассажирских паромах, установлен безвизовый режим въезда и пребывания в нашей стране на срок до 72 часов. В число портов, через которые разрешен безвизовый въезд, вошли Санкт-Петербург, Калининград и Выборг. Расширение практики кратковременного въезда туристов на территорию Российской Федерации на пассажиров аэропортов округа также будет способствовать росту въездного туризма в Северо-Западном федеральном округе.

На территории округа размещены достопримечательности мирового наследия, внесенные в список ЮНЕСКО (Российская Федерация находится на 9-м месте в мире по количеству объектов всемирного наследия, охраняемых ЮНЕСКО). Из 24 российских объектов этого списка 8 объектов находится на территории СЗФО.

Наличие квалифицированных кадров и учебных заведений туристической направленности в Санкт-Петербурге, Калининграде, Новгороде, Пскове и Петрозаводске также является фактором, содействующим развитию туризма.

Препятствуют развитию туризма недостаточно развитая транспортная инфраструктура, недостаточное количество мест в гостиницах, слабое развитие объектов индустрии развлечений и низкий уровень благоустройства, отсутствие соответствующей международным требованиям отраслевой статистики, обеспечивающей информационную и управленческую поддержку развития туризма, неподготовлен-

ность местного населения большинства регионов к работе с туристами, отсутствие выстроенной системы безопасности и сопровождения туристов на значительной части территории округа.

К негативным факторам, сдерживающим туристско-рекреационное развитие в СЗФО, также относятся: низкий уровень внутрирегионального интеграционного взаимодействия в процессе развития туризма и рекреации; неравномерность развития туризма и рекреации на территории СЗФО; отсутствие маркетинговой программы; жесткая конкуренция со стороны отечественных (в первую очередь московских) и зарубежных турфирм за использование туристско-рекреационных ресурсов СЗФО и за турпотоки.

Развитие туризма в регионах Северо-Западного федерального округа на основе исторических, культурных и природных достопримечательностей является потенциально крупным источником доходов для регионов и муниципалитетов, может ускорить их экономическое развитие и существенно улучшить социально-экономическую ситуацию в них.

Предпосылками развития туризма в СЗФО являются:

- высокий платежеспособный спрос и стабильная социально-экономическая ситуация в отдельных регионах СЗФО, способствующие формированию регионального спроса на туристические услуги;

- активная инвестиционная политика органов власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав СЗФО, способствующая привлечению иностранных и российских инвесторов для финансирования развития туристической инфраструктуры;

- устойчивое восприятие округа как территории, привлекательной для внутреннего туризма;

- возросший интерес граждан России к ее историко-культурному наследию и природным богатствам.

Угрозами для развития туристической индустрии в СЗФО являются:

- конкуренция со стороны городов центральной России и сопредельных государств Европы;

- разрушение объектов исторического и природного наследия из-за недостатка финансовых ресурсов на их восстановление, поддержание и развитие;

- высокая чувствительность природных памятников и ландшафтов к антропогенному воздействию (вытаптывание почвы, повреждение растительности и др.);

– отток туристов в соседние регионы и за границу в связи с низким уровнем качества предоставляемых услуг и высокими ценами на них.

Туристско-рекреационная деятельность приобретает все более массовый характер. Северо-Западный федеральный округ не обладает благоприятными климатическими условиями, но в нем сосредоточены уникальные объекты природного и культурно-исторического наследия. Именно они и являются главным фактором развития этой достаточно новой для России отрасли экономики.

При этом главными стратегическими направлениями развития туристско-рекреационной деятельности являются:

– совершенствование институциональной структуры управления и поддержки туризма, совершенствование нормативной базы;

– развитие инфраструктуры туризма (модернизация существующих и строительство новых объектов санаторно-курортной направленности с учетом своеобразия погодных условий, рекреационных ресурсов, строительство гостиниц эконом класса (2–3 звезды) в исторических городах, а также пансионатов в местах интенсивного посещения туристов, приютов и баз на туристских маршрутах;

– совершенствование маркетинговой политики в туризме;

– сохранение единого культурного пространства Русского Севера как особого региона российского культурного наследия и уникального памятника мировой культуры;

– проведение эффективной политики в деле сохранения объектов природного и культурно-исторического наследия;

– развитие транспортной инфраструктуры, обеспечивающей доступность объектов природного и культурно-исторического наследия;

– развитие рекламы и создание брендов.

Наиболее важными мерами по реализации стратегических целей являются создание, развитие и модернизация туристической инфраструктуры в СЗФО, в том числе:

– завершение строительства Морского пассажирского порта Санкт-Петербурга «Морской фасад»;

– облегчение вопросов резервирования земель для туристических нужд;

– содействие в организации привлекательных инвестиционных площадок для создания объектов туристической инфраструктуры;

– открытие судоходства на внутренних акваториях округа для спортивных и прогулочных судов под флагом иностранного государства;

– развитие круизного судоходства на внутренних акваториях округа на судах российских компаний;

– создание сети объектов размещения в непосредственной близости и на территории развитых туристических кластеров;

– развитие традиционных ремесел, проведение творческих конкурсов, субсидирование и рыночное продвижение производств и предпринимателей в сфере местных индустрий, создание творческих кварталов в городах;

– создание туристско-рекреационного кластера «Псковский» (Псков);

– создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (Псковская область);

– реализация проекта сохранения и использования культурного наследия в России, включающего Покровскую башню Псковского кремля и Музейный квартал (Псковская область), парк Монрепо и Дом станционного зрителя (Ленинградская область), Рюриково городище и Белую башню (Новгородская область), с привлечением займа Международного банка реконструкции и развития;

– развитие туристско-рекреационного комплекса «Куршская коса», а также игровой зоны (Калининградская область);

– создание финно-угорского этнокультурного парка в Республике Коми;

– создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Русская Лапландия» на территории Мурманской области;

– реализация проекта развития международного круизного и паромного сообщения на базе порта Мурманск «Арктическая гавань».

Наиболее перспективным направлением туристической деятельности является развитие событийного и делового туризма – привлечение массового или специализированного контингента туристов, пользуясь каким-либо событием культурной или спортивной жизни округа, региона или населенного пункта (конгрессы, фестивали, конкурсы, городские праздники, соревнования, конференции и др.). В контексте развития этого вида туризма велика роль Санкт-Петербурга и руководство города принимает соответствующие меры по развитию Санкт-Петербурга как центра делового и культурно-познавательного туризма СЗФО и России в целом.

В июне 2011 г. Правительством Санкт-Петербурга была принята новая программа развития туризма в городе на период 2011–2016 гг. На ее реализацию планировалось затратить свыше 3 млрд руб. Однако редакцией Постановления о «Программе развития Санкт-Петербурга как туристского центра на 2011–2016 гг.» от 26.09.2011 эта сумма была сокращена до 898 млн руб. [1].

По прогнозам Комитета по инвестициям и стратегическим проектам Правительства Санкт-Петербурга, масштабное вливание средств на развитие туризма должно привести к увеличению количества въездных туристов в Санкт-Петербург, а, следовательно, и увеличению доходов от отрасли. Например, к 2016 г. планируется увеличение туристского потока до 8,1 млн человек, что на 50% по сравнению с плановыми показателями 2011 г. [1].

Одной из целей долгосрочной стратегии развития туризма в Санкт-Петербурге является вхождение к 2020 г. Санкт-Пе-

тербурга в 20 ведущих конгрессных городов мира и в 10 конгрессных столиц Европы. Развитию делового туризма должно способствовать открытие новых выставочных площадей, строительство современных и комфортабельных гостиничных комплексов во всех регионах Северо-Западного федерального округа.

Другими направлениями развития туризма в СЗФО является развитие:

– круизного туризма (г. Санкт-Петербург, Республика Карелия, Архангельская, Вологодская и Мурманская области);

– экологического туризма (Республика Карелия, Республика Коми, Вологодская, Калининградская и Мурманская области), имеющего в большей степени неорганизованный характер, чем другие виды туризма, не требующего высококачественного сервиса и инфраструктуры, но требующего государственного внимания к сохранению природных памятников и ландшафтов.

Наличие рекреационных ресурсов недостаточно для привлечения туристов в Севе-

Таблица 1

Состояние гостиничной инфраструктуры Северо-Запада РФ по состоянию на 01.01.2012 г. [6, с. 57]

	Число гостиниц и аналогичных средств размещения, ед.	Доля гостиниц от общего числа средств размещения по субъектам РФ, %	Количество мест в гостиницах, ед.	Доля мест в гостиницах по субъектам РФ, %	Суммарный въездной турпоток, тыс. чел.	Доля суммарного въездного потока по субъектам СЗФО, %
Северо-Западный федеральный округ	1355	100,00	90 720	100,00	11056,9	100,00
Республика Карелия	91	6,72	6226	6,86	1650,0	4,92
Республика Коми	72	5,32	5651	6,23	36,0	0,32
Архангельская область	100	7,38	106	1,22	203,0	1,84
Ненецкий автономный округ	6	0,44	57	0,06	20,0	0,18
Вологодская область	93	6,86	5806	6,40	1360,0	12,30
Калининградская область	68	5,02	1714	1,89	360,0	3,26
Ленинградская область	127	9,37	4718	5,20	1850,0	16,74
Мурманская область	69	5,09	2525	2,78	270,1	2,44
Новгородская область	51	3,76	4678	5,16	257,8	2,33
Псковская область	44	3,25	3105	3,43	250,0	2,26
Санкт-Петербург	634	46,79	55 134	60,77	4800,0	43,41

38 | ро-Западный федеральный округ, необходима развитая сеть средств размещения.

Рассмотрим состояние инфраструктуры туризма в контексте средств размещения в Северо-Западном федеральном округе (табл. 1), которая свидетельствует о наличии развитой сети коллективных средств размещения, особенно в Республике Карелия, Архангельской обл., Вологодской обл., Ленинградской области и Санкт-Петербурге.

Анализ данных табл. 1 показывает, что на начало 2012 г. величина туристского потока значительно превышает количество мест в коллективных средствах размещения. Въездной поток в СЗФО в 122 раза превышает количество мест в гостиницах. Если предположить, что большая часть туристов остается в дестинации на срок более суток, то количество мест в гостиницах для этой категории лиц недостаточно.

В эту группу входят лица, остановившиеся у родных и знакомых. Нельзя исключать и тот факт, что часть туристов размещаются в частном секторе. Кроме того, возможно отсутствие достоверной информации по количеству размещенных туристов в коллективных средствах размещения. Таким образом, государство теряет часть доходов из-за отсутствия контроля за притоком туристов в дестинации.

К основным тенденциям в области развития туризма и рекреации, характерным для Северо-Запада России, могут быть отнесены: увеличение туристского интереса к экологически чистым, нетронутым хозяйственной деятельностью территориям; к активным формам туризма, связанным с посещением в рамках одного путешествия максимально возможного количества дестинаций; событийному, санаторно-курортному, морскому и речному круизному туризму, клубному и семейному неорганизованному туризму, включая туризм выходного дня и сельский туризм.

Анализ состояния регионального рынка туруслуг показывает, что индустрия туризма менее уязвима по сравнению с другими отраслями. Об этом свидетельствует объем выручки туристских компаний от оказания туристских услуг населению, который в 2011 г. вырос в 1,5 раза по сравнению с 2010 г. по СЗФО.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (распоряжение Правительства России от 17 ноября 2008 г. N 1662-р) туризм рассматривается как существенная составляющая инновационного развития нашей страны в долгосрочной перспективе, экономически выгодная и экологически безопасная отрасль национальной экономики.

На совещании, проходившем 1 августа 2008 г. в Угличе (Ярославская область), президент Российской Федерации Д.А. Медведев отметил, что богатейшее культурно-историческое наследие страны и уникальные природные условия представляют собой грандиозный ресурс для развития туризма. По мнению президента, именно в туризме заложена одна из точек роста для многих российских регионов.

Действительно, как показали последние несколько лет, в отдельных российских регионах и, в частности, в СЗФО, туризм развивается достаточно успешно. Он позволяет обеспечить высокие и устойчивые темпы экономического роста, интеграцию национальной туристической индустрии в мировую экономику, способствует росту занятости и повышению уровня жизни населения, а также увеличивает поступления в бюджеты всех уровней. Кроме того, будучи экспортоориентированной сферой, туризм проявляет стабильность по сравнению с другими отраслями в условиях неустойчивой ситуации на мировых рынках.

Список литературы:

- [1] В Санкт-Петербурге принята новая программа развития туризма на 2011-2016 гг. // РБК. Исследования рынков. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://marketing.rbc.ru/news_research/14/11/2011/562949982043484.shtml (15.11.2012).
- [2] Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года // Официальный сайт Федерального агентства по туризму Министерства культуры Российской Федерации – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://russiaturism.ru/files/STRATEGIA.doc> (15.11.2012)
- [3] Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года // Стратегия–2020. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://strategy2020.rian.ru/documents/> (15.11.2012)
- [4] Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 – 2018 годы)». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2013/361/> (15.11.2012)
- [5] Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ozpp.ru/zknd/turi/> (14.11.2012)
- [6] Черненко В.А., Колпащикова Т.Ю. Развитие культурно-познавательного туризма в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации: монография. – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2012. – 179 с.

УДК 94 (470): 368.032.1
ББК У 29

Ю.Н. Спиридонова

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ АКЦИОНЕРНЫХ СТРАХОВЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ

Представлен анализ создания и развития первых отечественных акционерных страховых обществ в конце XIX – начале XX вв. Рассматриваются исторические предпосылки, условия возникновения и развития института социального страхования в России. Отображена роль учредителей и акционеров первых страховых компаний. Проанализированы первые шаги отечественных предпринимателей на страховом рынке до того момента, когда они уже играли на этом рынке немалую роль, добились определенных достижений и имели свою нишу на российском рынке страховых услуг. Также показано иностранное участие в русском страховом деле.

Ключевые слова:

страхование, учредительство, страховые товарищества, страховые общества, страховое законодательство, виды страхования

Во второй четверти XIX в., когда повелением императора Николая I была образована первая в России страховая компания на акциях, акционерный капитал в страховом предпринимательстве выполнял несколько функций первостепенной важности. Прежде всего он гарантировал безостановочное удовлетворение кредиторских претензий к предприятию (главными кредиторами страховой компании выступают держатели полисов). Исключительно важной была его роль в начальный этап работы страховых обществ на рынке. За счет средств, внесенных акционерами, покрывались немалые расходы организационного периода.

Интерес к первому опыту создания акционерной страховой компании в петербургских деловых кругах был немалый – список акционеров насчитывает 643 фамилии и купеческие фирмы. Но среди них довольно мало обладателей не только сверхкрупных, но и просто крупных пакетов. В числе первых семеро основателей Первого общества: первой гильдии купец Егор Алексеевич Жадимеровский (300 акций), коммерции советник Венедикт Венедиктович Крамер (300), граф Юлий Помпеевич Литта (300), адмирал Николай Семенович Мордвинов (300 акций), коммерции советник Прокофий Иванович Пономарев

(300), граф Северин Потоцкий (100), барон Людвиг Штиглиц (300).

На пакет в 60 штук акций подписалось 38 человек, в основном аристократы и крупные купцы, торговавшие при Санкт-Петербургском порте. Среди мелких акционеров также немало богачей – дворян и купцов.

Генерал-адъютант А.Д. Балашов владел пакетом из 15 акций, шталмейстер А.В. Васильчиков – 25; баронесса С.И. Велио купила 15 акций, герцог Александр Виртембергский – 20, обер-прокурор И.И. Волков – 8, князь П.М. Волконский – 30, действительный статский советник Ф. Вронченко – 45, князь И.А. Гагарин – 16, князь К.Ф. Друцкой-Любецкий – 8, граф В.П. Кочубей – 50, граф К.В. Нессельроде – 50, князь В.Ф. Одоевский – 4, действительный тайный советник М.М. Сперанский – 10, князь и княгиня Юсуповы – по 30 штук. Среди акционеров были несколько петербургских ювелиров и даже придворная актриса Нимфодория Семенова (16 акций).

К участию в обществе проявили почти полное равнодушие московские и провинциальные коммерсанты. Первогильдейский купец из Москвы И.А. Колесов приобрел 8 акций, московская фирма «Марк и К^о» – 16. Астраханский рыбопромышленник Сапожников подписался на 17 акций.

Компаньон Штиглица по деловым операциям в Петербурге купеческий дом «Мольво с сыном» приобрел 16 акций. Удивляет небольшое участие придворного банкира А.А. Раля – всего 7 акций [2, с. 34]. Впрочем, в то самое время Раль испытывал трудности с текущими платежами кредиторам. Спрос на акции Первого общества оказался большим. Вопрос в том, насколько этот спрос был платежеспособен. О процедуре подписки на акции мы ничего не знаем. Не знаем мы, какую роль в ней сыграл купеческий капитал. Можно лишь предполагать широкое участие в ней денег Штиглица и других состоятельных купцов Петербургского порта, в большинстве своем иностранцев.

Общество 1827 г. работало с самым блестящим результатом и, вместо того, чтобы покрывать убытки путем взноса денег по акциям, акционеры получали дивиденда 40–50 % на капитал при самых ничтожных оборотах по страховым операциям – об этом помнили много лет спустя [16, с. 21].

Коммерческие успехи общества отразились на биржевых курсах его акций. Если в 1827 г. цена одной акции на бирже Санкт-Петербурга составляла 57 руб. 14 коп. серебром, то к 1850 г. она дошла до 600 руб. серебром за акцию [9, с. 12].

Своим успехом общество было обязано во многом мощной правительственной поддержке, проводившейся сразу по нескольким каналам. Как пионеру в области огневого страхования, «Российскому страховому от огня обществу, учрежденному в 1827 год» (таково официальное название предприятия) было даровано сроком на 20 лет монопольное право на производство операций по страхованию имущества от пожаров в обеих столицах, губерниях Петербургской, Московской, Курляндской и Эстляндской, а также городе Одессе. Общество получило также освобождение от всех налогов.

В рекламном проспекте Первого общества говорилось, что независимо от обеспечения имущества от пожаров, страхование строений и товаров открывает желающим средства к различным оборотам.

Окрыленные достижениями Первого общества, организаторы второй компании огневого страхования рассчитывали обернуться с таким же капиталом – 2 млн рублей ассигнациями. Деньги удалось собрать достаточно быстро, но правительство обеспокоилось тем, что среди акционеров преобладали иностранные купеческие дома. Поэтому оно настояло, чтобы часть бумаг была реализована среди тех, кому предстояло страховаться в обществе. Вы-

яснилось, что в российской глубинке с деньгами туго и потому неразобранная часть была предложена к подписке среди петербургского чиновничества.

Второе страховое от огня общество получило право на монопольное производство операций на территории, которая не вошла в круг действий Первого общества (40 губерний), на период до 27 июля 1847 г., т.е. до окончания срока привилегии Общества 1827 г. Имущество, застрахованное во Втором обществе, также дозволялось принимать в залоги по ссудам в государственных кредитных установлениях и по обязательствам перед казной.

От исполнительной власти Обществу была дарована еще одна существенная льгота. Учитывая, что действовать обществу приходилось на обширной территории и, соответственно, нести значительный расход по аквизиции (приобретению страхований), первоначально обязанности страховых агентов выполняли почтовые чиновники, за услуги которых, согласно постановлению правления от 11 мая 1835 г., отчислялось 5% собранной премии. В 1846 г. из 194 агентов Второго страхового от огня общества было 114 почтмейстеров. Лишь с учреждением в 1847 г. товарищества «Саламандра», в состав правления коего вступил управляющий почтовым департаментом генерал-адъютант граф Адлерберг, почтмейстеры стали принимать на себя агентуру вновь учрежденного товарищества «Саламандра» – сказано в официальной истории Второго общества. В реализации его акций на местах принимало участие Министерство внутренних дел [6, с. 6–7].

Не было обойдено правительственным вниманием и первое в России предприятие страхования жизни. Инициатором его создания явился прусский подданный, купец Ф.Д. Шведерский. В 1834 г. он обратился в высокие правительственные инстанции с ходатайством об учреждении общества страхования капиталов и пожизненных доходов с предоставлением ему некоторых исключительных преимуществ. Рассмотрев ходатайство, Государственный Совет постановил: разрешить учреждение компании на акциях и даровать исключительное право на 20 лет принимать разного рода страхования, не отнимая страхового права у сберкасс, обществ при Евангелических церквях и приходских училищ.

Предприятие Шведерского было освобождено от всех налогов, исключая пошлины в пользу казны по 25 копеек в год с каждой тысячи рублей платимых обществом капиталов и полпроцента с пожизненных

доходов [13, с. 9]. Успех общества на первых порах был ничтожен – в России при крепостном праве отсутствовал необходимый контингент страхователей. Но льготы помогли ему по крайней мере, удержаться на плаву и дожидаться лучших времен.

Дела Второго общества страхования от пожаров пошли не столь успешно, как Первого, и поэтому при учреждении третьей по счету компании огневого страхования (товарищества «Саламандра») в 1845 г. был запроектирован акционерный капитал в сумме уже 3 млн рублей серебром – 6 тысяч паев по 500 рублей за пай.

Паи товарищества «Саламандра» разошлись в подавляющем большинстве среди иностранных коммерсантов и их комиссионеров в Петербурге. Торговый дом «Д. Лодер и К°» приобрел 210 паев, «Луттерет и К°» – 166, «Симон Якоби и К°» – 512, Л. Штиглиц – 982. Из высших сановников удалось заинтересовать паями страхового предприятия лишь тайного советника Опочина (2 пая) и генерал-адъютанта Перовского (18 паев) [2, с. 35]. Участие купцов с русскими фамилиями и дворян в паевом капитале «Саламандры» было более чем скромным. В числе учредителей и акционеров всех четырех страховых компаний был Л. Штиглиц – хорошо известный в России и за границей придворный банкир, биржевик, коммерсант и промышленник. Вместе с ним, можно думать, подписывались на акции его должники и деловые партнеры. В числе последних известна банкирская фирма Николая Молво, которая фигурирует в списке акционеров Первого общества.

Трудности с реализацией акционерных капиталов первых страховых компаний порождались хронической нехваткой денежных капиталов в стране. Из отечественной научной литературы мы знаем, что уже в первой половине XIX в. Россия не испытывала нехватки в богатых и предприимчивых людях. В.Н. Яковцевский пишет о «скоплении в руках немногих несметных богатств» [18, с. 188].

Российские купцы «наживали большие состояния на продаже вина, на крупных казенных подрядах, на поставках в армию и на колониальном грабеже национальных районов»; новая буржуазия учреждала промышленные предприятия и своим обликом сильно отличалась от старого гильдейского купечества: «...она была предприимчивее и энергичнее, меньше опиралась на монополии и привилегии, дарованные сверху, лучше разбиралась в меняющихся рыночных отношениях» – сообщает ака-

демик Н.М. Дружинин [17, с. 228]. Сказанное обоими учеными в общем верно, но их мнение о накоплении крупных денежных капиталов во внутренней торговле нельзя считать доказанным.

В статьях Н.М. Дружинина, посвященных генезису капитализма и промышленному перевороту в России, проблема образования капиталов именно в денежной форме не исследуется вообще [4, с. 24].

Значительное накопление денежных капиталов просто трудно представить себе в крепостной России. До реформы Е.Ф. Канкринна официальной денежной единицей считался ассигнационный рубль, неразменный на серебро. Даже Государственный Заемный банк и тот требовал бумажных денег, отказывая должникам в праве расплачиваться серебряными деньгами.

Гораздо более правильно по сравнению с советскими историками трактует своеобразие русского купеческого капитала американский историк и политолог Ричард Пайпс – «товар был основной формой капитала ... Русская коммерция тяготела к натуральному товарообмену» [11, с. 272].

Богатство верхушки российского купечества и помещного дворянства первой половины XIX в. заключалось в недвижимости, товарах, вкладных билетах дореформенных кредитных установлений и разного рода долговых обязательствах. Популярностью пользовались изобретенные Канкриным «серии», которые ходили как процентные деньги.

Лишь сравнительно узкая прослойка купечества, связанная с внешнеторговыми операциями по западной границе империи, располагала более-менее значительными суммами валютных денег. В 1843 г. Ф. Вогау, московский второй гильдии купец, производивший торговлю в Москве и на Кяхте привез товаров на 98.687 рублей серебром, а отвез на 19.793, а всего на 118.480 рублей. В 1858 г. его оборот составил уже 960.991 руб. Савва Морозов, богородский первой гильдии купец, в том же году привез товаров через Санкт-Петербург на сумму 735.400 руб. сер.; И. Лепешкин, московский первой гильдии купец – на 718.046 руб. По сравнению с ними оборот Людвига Кюпа, норвежского первой гильдии купца, выглядит скромно – всего 326.325 руб. [3, с. 164].

В 50–60-е годы русские купцы стали куда активнее, чем прежде, заниматься экспортно-импортными операциями, выходили на международный рынок. Так, для непосредственного сравнения со своими зарубежными партнерами по поставкам товаров для фаб-

ричного производства Хлудовы открыли в Ливерпуле отделение своей фирмы. Там же держали контору и владельцы Никольской мануфактуры Саввы Морозова: помимо закупок сырья и машин для фабрик, они занимались еще и сбытом за границу хмеля, разведением которого промышляли крестьяне Богородского уезда.

Из-за слабого развития внутренних рыночных отношений и крайне ограниченного участия российских купцов в международной торговле страна испытывала острый дефицит универсальных средств обращения. Вспомним, что известный всему миру кяхтинский торг с 1800 по 1855 гг. производился вообще без участия денег и кредита, посредством простой мены. Запрещение покупать у китайцев товары на золото и серебро диктовалось соображениями меркантилистской торговой политики, цель которой заключалась в накоплении драгоценных металлов в стране. Патриархальная меновая торговля производилась и на Оренбургском гостином дворе. В Сибири она процветала вплоть до октября 1917 г.

Отмена кяхтинской монополии была крупной внутривосточной ошибкой российского правительства. Как следствие бедности денежными капиталами во внутреннем товарообороте страны получили распространение весьма колоритные правила и обычаи, удивлявшие иностранцев. В среде состоятельного российского купечества сложилась своеобразная деловая этика. Например, в обычае купцов не предъявлять просроченные векселя должников к протесту усматривается даже благодарство поступков [1, с. 50].

Дело тут, конечно же, совсем не в соображениях высокой морали. Московские толстосумы избегали вексельных протестов, руководствуясь трезвым расчетом, гласящим, что «береженого Бог бережет» [8, с. 9]. Внутренняя торговля питалась ростовщическим кредитом. Простой вексель, повсеместно распространенный во внутреннем российском товарообороте, выступал как его орудие. Нежелательные подробности, предаваемые огласке в ходе судебных тяжб о банкротствах, серьезно подрывали престиж крупного купечества в глазах общественного мнения.

В России ростовщические сделки – взимание чрезмерных процентов и кабальные условия займа – запрещались законом [14]. Запрет обходили следующим образом: помимо начисления легальных 6–8% годовых за срок при расчете на векселя, продавец-оптовик накидывал еще примерно столь-

ко же на сумму сделки в качестве комиссионного вознаграждения. Таким образом, рост скрывался в цене товара. При учете финансовых векселей то же самое, помимо платежа процентов вперед в размере 6–8% годовых, вполне легально еще взималась комиссия до 12% [15]; таким образом действительный процент в вексельной ссуде составлял 18% годовых и выше.

Подобный заем лишь в насмешку может быть назван кредитом. Ссуда же требует залога. В обычае российских ростовщиков – купцов, дисконтеров, закладчиков – было требование, чтобы стоимость залога многократно превосходила размер задолженности клиента. Для крупных купцов не составляло большого труда заставить своих контрагентов принять в «нагрузку» к хорошему товару товар безусловно плохой, например, просроченный вексель или что-либо еще в этом роде, в зависимости от обстоятельств.

На склоне лет Н.А. Варенцов вспоминал, как в 80-е годы XIX в. составлялся капитал Среднеазиатского Товарищества «Н. Кудрин и К°». Фабриканты-текстильщики, кровно заинтересованные в развитии торговых сношений со среднеазиатскими колониями России, «подписывались на паи, но, по своему мировоззрению, вместо кредиток за паи вручали залежавшиеся у них товары, то есть брак». Владелец процветавшего текстильного предприятия, богач А.А. Лосев расплатился за купленные им паи партией залежалого чая, который был впоследствии продан с большой уступкой в цене [7, с. 56].

Мануфактурой за паи «Н. Кудрина и К°» расплачивались и такие пайщики товарищества как Тимофей Саввич Морозов (Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°»), Николай Николаевич Коншин (Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове), Давид Иванович Морозов (Богородско-Глуховской мануфактуры), М.А. Хлудов (Товарищество Ярцевской мануфактуры Алексея Хлудова), П.П. Малютин (Товарищество Раменской мануфактуры) [12, с. 9].

Капитал страховых компаний подобным образом собираться не мог. Страхование уже тогда вполне обнаружило свою интернациональную природу, а заграничному партнеру, будь то коллега-страховщик или клиент-страхователь, не вернешь в уплату за убыток негодный вексель, бракованный ситец или заплесневелый чай. Поэтому страховые общества и в первой половине XIX в., и в более позднее время требовали производить все платежи наличными деньгами.

В инструкции для агентов Первого общества сказано: «Общественные деньги должны быть высылаемы в правление в переводных билетах Государственного банка или в переводных билетах частного банка или кредитными билетами» [15].

Вот почему среди акционеров первых российских страховых компаний столь видное место занимали иностранцы, имевшие в Петербурге свои конторы – они вели дела с заграницей, постоянно покупали и продавали тратты (переводные векселя) на зарубежные банкирские дома и свободные капиталы держали в наличных деньгах. Их коммерческий интерес далеко не во всех случаях связывался с получением доходов по акциям страховых компаний.

Внимание иностранцев к российскому страховому делу вытекало не в последнюю очередь из их экспортно-импортных операций, которые базировались на кредитных сделках. Последние обеспечивались ценными залогами, а их, естественно, требовалось страховать в надежных учреждениях. Впоследствии кодифицированному, страховые полисы на имущество должника передавались кредитору, и он получал право на страховое вознаграждение в случае несчастия с залогом.

Иностранное участие в русском страховом деле оставалось заметным и в последующее время. В списке акционеров Московского страхового общества к общему собранию 12 марта 1906 г. фигурирует несколько десятков явных иностранцев, большей частью с мелкими пакетами. Исключение составил Торнтон Ли Вильям, владелец 100 акций [10, с. 14]. Генеральное общество страхования жизни и пожизненных доходов вообще было создано в 1901 г. на средства предпринимателей из Голландии.

Равным образом организаторы страховых компаний старались привлечь в число акционеров представителей исполнительной власти, рассчитывая на их поддержку и покровительство. Так московский генерал-губернатор А.А. Закревский подписался на акции Московского страхового от огня общества. Последним страховым предприятием, получившим прямую правительственную помощь в тяжелое для него время, стало Санкт-Петербургское общество страхований. Ему были переданы казенные страхования жизни, заключенные в царстве Польском. Но обе эти компании создавались уже в следующую эпоху истории русского страхования, прошедшую под знаком индустриализации.

Список литературы:

- [1] Аксаков И.С. Письма к родным. – М., 1994. – 165 с.
- [2] В память 50-летнего юбилея Российского страхового от огня общества, учрежденного в 1827 году. Исторические и статистические сведения о деятельности общества за 50 лет. – СПб., 1877. – 130 с.
- [3] Государственная внешняя торговля в разных её видах за 1843 год. – СПб., 1844. – 230 с.
- [4] Дружинин Н.М. Генезис капитализма в России. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. К вопросу о генезисе капитализма в России // Дружинин Н.М. Избранные труды [Текст] Кн. 2: Социально-экономическая история России / Н.М. Дружинин; отв. ред. С.С. Дмитриев; Акад. наук СССР, Отд-ние ист.; Ин-т ист. СССР. – М.: Наука, 1987. – 421 с.
- [5] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX века. – М., 1967. – 350 с.
- [6] Краткий очерк пятидесятилетней деятельности Второго Российского страхового от огня общества (1835–1885). – СПб., 1885. – 23 с.
- [7] Лаврычев В.Я. Московские фабриканты и среднеазиатский хлопок. // Вестник МГУ. Серия IX. История. – 1970. – № 1. – С. 56–57.
- [8] Максимов В.Я. Ростовщичество. Закон о преследовании ростовщических действий с изложением рассуждений, на коих он основан и разъяснениями правительствующего Сената. – М., 1911. – 68 с.
- [9] О цели и действиях Первого Российского страхового от огня общества, учрежденного в 1827 году. – СПб., 1850. – 43 с.
- [10] Отчет о торжественном собрании по случаю пятидесятилетия деятельности Санкт-Петербургского общества страхований 18 июня 1908 года. – СПб., 1908. – 35 с.
- [11] Пайпс Р. Россия при старом режиме / Ричард Пайпс. – М., 1993. – 385 с.
- [12] Первое Российское страховое общество, учрежденное в 1827 году. – Инструкция агентам и первое к этой инструкции прибавление. – СПб., 1906. – 56 с.
- [13] Пятидесятилетие Высочайше утвержденного Российского общества застрахования капиталов и доходов. 1835–1885. – СПб., 1885. – 145 с.
- [14] ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 7. Д. 279. Л. 149. «Из протокола допроса И.А. Марголина, киевского 2-ой гильдии купца».
- [15] ЦИАМ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 24. Л. 65об.
- [16] Шахт А.А. Практика огневого страхования. – Пг., 1915. – 150 с.
- [17] Шацлло М.К. Московское предпринимательство. Деловая этика. // История Москвы с древнейших времен до наших дней в 3-х томах. Т. 2. XIX век. – М., 1997. – 430 с.
- [18] Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. – М., 1953. – 265 с.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РЕФОРМ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Рассматриваются проблемы преемственности власти и падения престижа венценосцев Российской империи в XIX в. Анализ поведения и личности правителей России позволил сделать вывод о том, что успех или провал многих начинаний был напрямую связан с их неумением или нежеланием брать на себя ответственность и принимать решения.

Ключевые слова:

конституционное правление, либерализм, общественная жизнь, оппозиция, престолонаследие, переворот, самодержавие, террористы

Произвол в престолонаследии и преемственности власти в России особенно обострившийся в XVIII в. после смерти Петра I, в начале XIX в. совпал с неслыханно бурными и крутыми переменами в государственной жизни и международных отношениях стран европейского континента. Французская буржуазная революция потрясла самодержавную Европу. Правда, Российской империи буржуазные перемены пока не угрожали, поскольку царизм был еще очень крепок. Однако молодые русские дворяне с симпатией отнеслись к Французской революции, пока она не вышла за рамки конституционной монархии и не приняла характера плебейской революции. Граф Растопчин писал Воронцову о петербургской молодежи: «Вы остолбенеете, увидев здесь сотни молодых людей, которые достойны быть приемными сыновьями Робеспьера и Дантона» [14, с. 142]. Поэт и драматург С.Н. Глинка, брат прозаика и публициста Ф.Н. Глинки, перевел на русский язык «Марсельезу» [15, с. 142].

В обстановке всеобщей сумятицы умов неожиданно и негаданно произошла смена власти, которую тайно подготовила аристократическая оппозиция. В результате переворота был убит император Павел I. В обеих столицах (Москве и Петербурге) да и в губернских городах страны весть о кончине сумасбродного императора встретили с восторгом, но в королевских домах Европы это известие не получило одобрения.

Старшему сыну императора великому князю Александру Павловичу предстояло занять престол. Но парадокс состоял в том, что все трое Павловичей: Александр, Константин и Николай, как показало время, отнюдь не рвались к власти. При ближайшем рассмотрении периодов их царствования бросается в глаза их нежелание управлять государством и какая-то усредненность личностей российских венценосцев XIX в. Не последнюю роль в про-

цессе и результатах их государственной деятельности сыграло воспитание. Александра в детстве учили, «как чувствовать и как держать себя, но не учили, как мыслить и как действовать; его не заставляли ломать голову, его не воспитывали, а как сухую губку пропитывали дистиллированной политической и общечеловеческой моралью» [7, с. 257]. Учителя жаловались, что только приступая к серьезному труду, «он уже пугался затруднений, смотрел уже на конец, а если конец не был близок, он готов был чувствовать себя утомленным» [11, с. 262]. «Природа, по словам писателя и журналиста Греча, не дала ему самостоятельности характера...» [3, с. 193]. Будучи 18-летним юношей, цесаревич мечтал о том, «как бы впоследствии, отрекшись от престола, поселиться с женой на берегу Рейна и вести жизнь частного человека в обществе друзей и в изучении природы» [10, с. 192].

Средний брат Константин Павлович (1779–1831), великий князь, участник походов А.В. Суворова и Отечественной войны 1812 г. тайно, но добровольно отказался от престола, выбрав для себя светскую жизнь [16, с. 837]. Буквально на следующий день после убийства он заявил: «После того, что произошло, мой брат может царствовать, если ему угодно, но если престол когда-либо перейдет ко мне, я его не приму» [8, с. 129]. Младшему Николаю еще рано было думать о судьбе престолонаследия. На момент переворота 11 марта 1801 г. ему было всего 5 лет. В результате вопрос преемственности власти уже в самом начале XIX в. едва не повис в воздухе. Репутация правящего дома оказалась сильно подмоченной согласием на переворот сыновей царя – Александра и Константина, которые надеялись, что все пройдет бескровно.

Оппозиционеры сделали ставку на Александра, хотя и были наслышаны о ли-

беральных и конституционных намерениях престолонаследника, но рассчитывали парализовать его реформаторские устремления и подчинить своим интересам. Для Александра этот выбор оказался полной неожиданностью. «От чего я? – растерянно спросил он. – Какого императора вы намерены сделать из меня?». Уваров воскликнул: «Настоящего императора!» [19, с. 42]. По Петербургу поползли слухи о желании заговорщиков принудить царя подписать конституцию, гарантирующую монополию аристократическому дворянству. В случае несогласия один из заговорщиков (Бибилов) предлагал вообще избавиться от всех членов императорской фамилии. Таким образом, с первых же дней царствования Александр был поставлен под жесткий контроль заговорщиков. Только этим и можно объяснить обещание Александра I, что он будет управлять «богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу августейшей бабки нашей», подчеркивая тем самым свою приверженность политическому и экономическому курсу Екатерины II.

Зависимое состояние «самодержца» метко подметила на одной из публичных церемоний французенка г-жа Бонней: «Молодой император шел, предшествуемый убийцами своего деда, сопровождаемый убийцами своего отца и окруженный своими собственными убийцами» [22, с. 133].

Постепенно удалив под разными предлогами всех заговорщиков, которые так и остались безнаказанными, Александр I приступил к модернизации страны. Реформы первых 10 лет правления Александра (создание Негласного комитета, Указа «О вольных хлебопашцах», Государственного совета, Министерства народного просвещения, целого ряда новых университетов, Царскосельского лицея, введения в начальной школе бесплатного обучения и либерализации цензуры и т. д.) были положительно встречены обществом, которому особенно импонировало стремление Александра I поставить себя в зависимость от закона. А.С. Пушкин определил этот период как «дней Александровых прекрасное начало» [18, с. 289].

К сожалению, император не смог избежать серьезных промахов как во внешней, так и во внутренней политике. Попытка Александра проявить себя на военном поприще при отсутствии таланта полководца привела в 1805 г. к разгрому русско-австрийских войск при Аустерлице и распаду 3-й антифранцузской коалиции. Вдовствующая императрица Мария Федоровна в письме от 18 апреля 1806 г. сооб-

щала о недовольстве, которое существует не только в столицах, но и в провинции. Публика, «не видя государя в ореоле славы, критикует вольно» [13, с. 50]. Затем последовал Тильзитский мир (1807 г.), по которому вопреки чаяниям общества Россия присоединялась к континентальной блокаде своего основного торгового партнера – Англии. Блокада больно ударила по российским производителям товарного хлеба и понизила курс рубля на 50%. Последнее обстоятельство вызвало застой в торговле, повсеместное безденежье и всеобщее недовольство. «Уважение и любовь к монархам, – сообщал бывший тогда в России торговый агент Леспес, – ...до такой степени ослабели, что надо опасаться всего: ропот стал уже явным, и открыто порицал поступки и поведение правительства» [13, с. 52].

После окончания Отечественной войны 1812 г. русское общество ожидало от императора преобразований, но Александр устал от реформаторских неудач и неготовности России к его благим начинаниям. Он остро чувствовал свою непопулярность и стал постепенно отходить от дел. Александр с увлечением занялся спасением династий Гогенцоллернов и Габсбургов, что никак не соответствовало интересам России и вызвало к жизни уже прогрессивную оппозицию, а с нею и революционные тайные организации. Отсюда опасение императора за свою судьбу и желание покинуть Россию. Звание «примирителя», писал П.А. Вяземский, «дорого по сердцу ему для того, что дает средство при первой искре, вылетающей из трубы, где бы то ни было, сесть в коляску и ускользнуть от России, которая дома, как неугомонный заимодавец, не дает ему покоя ни днем, ни ночью, требуя уплаты векселей, давно опротестованных перед судом людей и небес» [2, с. 60–61].

К началу 20-х гг. XIX в. Александр I, напуганный революциями в Италии и Испании и выступлением лейб-гвардии Семеновского полка, начинает «чистку» армии, из которой удаляются все инакомыслящие офицеры. В 1824–1825 гг. императора не раз предупреждали о подготовке офицерского заговора и восстания. «Не мне их судить», — отвечал Александр I и не принимал никаких мер [5, с. 16].

Беспримерное отчуждение общественного мнения от мнения правительственного толкала дворянских революционеров к привычному, силовому методу смены верховной власти. Члены «Союза благоденствия» И.Д. Якушкин, Ф.П. Шаховской, Д.И. Завалишин, А.И. Якубович, П.Г. Ка-

46 | ховский и М.И. Муравьев вызвались совершить цареубийство [9, с. 152]. И лишь преждевременная смерть императора в Таганроге помешало осуществить задуманное.

За время царствования Александр (1813–1825) в стране произошло более 500 крестьянских выступлений. Многие были результатом Отечественной войны 1812 г. и крушением надежд на получение свободы. По словам В.О. Ключевского, «правительство и общество разошлись, как никогда не расходились прежде» [10, с. 208].

Очередная смена власти произошла 26 декабря 1825 г. (14 декабря по ст. стилю). Она еще более обострила проблему преемственности. Константин, отказавшись от престола и в 1814 г. стал наместником Царства Польского. Младший, Николай, хотя ему было уже 29 лет, не готовился и не желал царствовать. Еще в 1819 г. бездетный Александр I предупредил великокняжескую чету Николая и Александру Федоровну о том, что ему, Николаю, предстоит в будущем занять престол [9, с. 152], а в 1823 г. Александр I подписал соответствующий случаю Манифест, но тот был засекречен [5, с. 34].

Петербургский генерал-губернатор М.А. Милорадович, ничего не знавший о секретном манифесте Александра I, отказался признать новым государем Николая Павловича и настоял на принесении присяги Константину Павловичу. Николай присягнул первым, а за ним присягнули генералы, гвардия и Сенат. Константин, узнав о присяге брата, сам присягнул ему, да и еще прислал письмо со своим отречением матери Николая.

Разразился скандал. Узнав о военном заговоре офицеров, Николай Павлович 12 декабря 1825 г. принял решение объявить себя императором. В письме князю Волконскому он сообщал: «После завтра я буду императором всероссийским, или же буду мертв» [9, с. 155]. Вечером 13 декабря государственный совет присягнул Николаю I, а утром 14 декабря 1825 г. – другие высшие государственные учреждения. В тот же день на Сенатской площади произошло восстание декабристов, подавлением которого Николай I руководил лично [6, с. 35–36].

Николай и по характеру, и по воспитанию, и по образу мыслей заметно отличался от старшего брата. Это была цельная фигура, как в своем мировоззрении, так и в своем выдержанном и последовательном поведении. Он многое сделал для поднятия престижа России и добился немалых военных и внешнеполитических успехов.

Были победоносно завершены войны с Персией (1826–1828 гг.) и Османской империей (1828–1829 гг.) и др.

В тоже время в международных делах Николай I продолжил политику Александра I. По словам фрейлины А.Ф. Тютчевой, «он... считал себя поэтому обязанным служить интересам государей, находящимся в противоречии с либеральными стремлениями народов. Он сделался как бы опекуном государей и полицмейстером народов» [24, с. 167–168]. Все эти устремления Николая дорого обходились государственному бюджету и были чужды интересам России.

В эпидемии холеры, охватившей Петербург в октябре 1830 г., «чернь», по замечанию П.А. Вяземского, видит «более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революциею» [19, с. 21]. В этом же году возникают новые группы тайных кружков: братьев Критских, кружок брата декабриста Владимира Раевского – Петра Раевского, Сунгурова и др. Дворянин Боев соглашается взять на себя убийство Николая I [16, с. 324].

Несмотря на рост недовольства в обществе, Николай I продолжил линию по усилению централизации и бюрократизации государственного аппарата, начатую еще Александром I. Если в 1796 г. в России насчитывалось приблизительно 15–16 тыс. чиновников, то в 1847 г., чиновничий аппарат составлял уже 61 тыс. 548 человек [7, с. 195].

Начиная перестройку государственного управления, Николай I пошел по пути военизации государственного аппарата, поскольку твердо верил во всемогущество государства. Вся администрация, по замыслу императора, должна была действовать в русле армейской дисциплины. Результат оказался обратным. Милитаризация управленческой системы в конечном итоге привела к тому, что аппарат управления мог блокировать как указы императора, так и предоставление ему достоверной информации [12, с. 93].

На протяжении всего 30-летнего правления Николая I крестьянский вопрос находился в центре внимания. Признавая крепостное право очевидным злом, император считал, что «прикасаются к нему теперь было бы делом еще более гибельным», поскольку «земля есть собственность не крестьян, которые на ней поселены, а помещиков» [14, с. 159]. Отсюда все действия по крестьянскому вопросу сводились, хотя и к нужным мероприятиям (переселение государственных крестьян на свободные

земли, регулирование оброчной системы, перевод натуральных повинностей в денежные и т. д.), но все-таки не внесли принципиальных изменений в положение государственных крестьян. С 1826 по 1854 гг. произошло 674 крупных крестьянских волнения [16, с. 42].

Угроза революционного взрыва заставила Николая I в конце 40-х годов открыто встать на путь реакции и отречься от своих прежних намерений постепенно идти к освобождению крестьян. Но поражение в Крымской войне, техническая отсталость и повальное казнокрадство подтвердило нецелесообразность сохранения самодержавного строя, приведшего к катастрофе в войне с государствами, имевшими другие политические и экономические системы управления. Россия оказалась перед выбором: революция снизу или реформы сверху.

Разгрести груды колоссальных злоупотреблений, которую Николай I «нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти», пришлось его старшему сыну Александру II. Сын в отличие от отца «не был одарен от природы ни сильным умом, ни крепкой волею... Недостаток ума заменялся у него устойчивым здравым смыслом, который позволял ему... остановиться на среднем, благоразумном решении; слабость воли заменялась постоянством...» [1, с. 117]. Но именно ему выпало исполнить одну из труднейших задач, стоящих перед самодержавием – отменить крепостное право.

Александру II пришлось править страной в новый период истории России. Реформирование страны он начал с отмены крепостного права (1861), с введения местного самоуправления – земского (1864) и городского (1870). Затем последовала судебная реформа (1864), новый университетский устав, военная и финансовая реформы. В конце 1850-х гг. левый берег Амура и Уссурийский край стали российскими. В 1864 г. завершилась многолетняя Кавказская война. В 1870 г., используя благоприятную политическую конъюнктуру, Россия отказалась от условий Парижского мира и стала воссоздавать военный флот на Черном море [5, с. 17–18].

Проведение реформ столкнулось с массой трудностей, которые ни император, ни его окружение, ни общество не знали, как разрешить. Сановники Александра II страшались предстоящих перемен, да и в значительной своей части не одобряли реформ. Современники отмечали, что ошибки правительства «возбуждали неприятные толки и насмешки; уважение к власти рушилось в самодержавном государстве:

никакой системы, никакого общего плана действия... С власти слетали роскошные покровы. Она больше не внушала благоговения. Ей уже отказывали в простом почтении» [21, с. 161].

Страна запуталась в перестроечных процессах. Уровень жизни заметно снизился. Осторожная внутренняя политика Александра II вызывала в правительстве резкую критику либералов. Великий князь Константин Николаевич, Д.А. Милютин, М.Х. Рейтнер, А.В. Голицын, А.А. Суворов и другие выступали за скорейшее проведение буржуазных реформ. Поторапливало царя и общество, но Александр II отвергал конституционные требования из опасения, что это ввергнет Россию в смуту и приведет к ее распаду «на куски».

Не находя поддержки среди своего окружения, кроме министра внутренних дел П.А. Валуева, Александр II растерялся. Он перестал доверять «не только себе, он не доверял и другим; он скрытничал, лукавил, старался уравнивать различные направления, держа между ними весы, но делал это так, что каждое парализовалось...» [1, с. 117].

Вмешательство России в балканские дела закончилось, как известно, войной (1877–1878 гг.), которая с одной стороны ознаменовалась блестящими победами русской армии и территориальными приобретениями в Азиатской Турции и придунайской Бесарабии, с другой – обидными для престижа страны условиями мира на Берлинском конгрессе, расстроеными финансами и негодованием большей части русского общества. П.А. Вяземский, недовольный сентиментальными утопиями правительства, да и значительной части русского общества, писал: «Неужели мы своими боками, кровью своей, может быть, будущим благоденствием своим должны жертвовать для того, чтобы сербы здравствовали? Сербы сербами, а русские – русскими. В том-то и главная погрешность, главное недоразумение наше, что мы считаем себя больше славянами, нежели русскими. Русская кровь у нас на заднем плане, а спереди – славянолюбие» [23, с. 318.]

Реформы продолжали идти медленно, что вызывало все большее неудовольствие общества, и оно стало искать нового лидера, на которого можно было сделать ставку. Выбор пал на интеллигенцию. Парадокс выбора состоял в том, что интеллигенция сама находилась в состоянии войны с самодержавием и в случае своей победы неминуемо похоронила бы под обломками самодержавия и самих царских

48 | бюрократов, делавших все, чтобы дать власть интеллигенции. Началась планомерная охота на государя, закончившаяся смертельным ранением Александра II на Екатерининском канале 1 марта 1881 г. Как отреагировало общество на это событие? А оно до тех пор заворожено следившее за единоборством правительства с кучкой террористов, ужаснулось, узнав, что во главе заговора стояла женщина, да и к тому же дочь высокопоставленного чиновника [4, с. 22].

С правления Александра II восстановилась преемственность власти и престолонаследие, но отношение общества к власти по-прежнему оставалось негативным. Последующие государи – Александр III

и Николай II практически ничего не сделали для укрепления престижа власти. Борьба Александра III с народолюбцами привела к отказу от реформ и переходу к реакции. Полностью прекратилась реформаторская деятельность, что вызвало даже в самых умеренных кругах недовольство правительством и страх перед новым революционным взрывом. По словам одного из думских депутатов, «иногда сама государственная система роковым образом подготавливает политическую катастрофу» [22, с. 177]. И она произошла в феврале 1917 г. Революционная волна смела в мусорную корзину истории, как преемственность власти, так и престолонаследие. Россия вступила в новый виток своего развития.

Список литературы:

- [1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. Записки прошлого / Под ред. В.И. Невского. – М.: Изд. «Север», 1934. – 372 с.
- [2] Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / Изд. подготовила В.С. Нечаева. – М.: Изд-е АН СССР, 1963. – 505 с.
- [3] Греч Н.И. Записки о моей жизни / Текст по рукописи под редакцией и с коммент. Р.В. Иванова-Разумника, Д.М. Пинеса. – М.;Л.: Academia, 1930. – 896 с.
- [4] Ермолов В. А. Фанатики революции // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. – М. – 1998. – № 7.
- [5] История России XVIII–XIX вв. Кн. 1. А–М. – М.: ОЛМА–ПРЕСС; Образование, 2004. – 320 с.; ил.
- [6] История России XVIII–XIX вв. Кн. 2. М–Я. – М.: ОЛМА–ПРЕСС; Образование, 2004. – 319 с.; ил.
- [7] История России. Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней / Под ред. проф. Б. В. Личмана. – Изд. втор. допол. и пераб. / Кафедра истории России Уральского госуд. техн. ун-та. – Екатеринбург, 1993. – 331 с.
- [8] История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо; Пер. с фр. Т. 2. Время Наполеона I (1800–1815). Часть вторая. – М.: ОГИЗ, 1938. – 579 с.; ил.
- [9] История XIX века / Под ред. проф. Лависса и Рамбо; Пер. с фр. Т. 3. – М.: ОГИЗ, 1939. – 631 с.; ил.
- [10] Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. V. – М.: Мысль, 1989. – 457 с.
- [11] Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть V, перераб. гос. соц.-экон. изд. – М.: 1937. – 596 с.
- [12] Лапин А. Если бы не военные, то было бы плохо // Родина. – 1993. – № 1.
- [13] Мельгунов С.П. Александр I. Сфинкс на троне / С.П. Мельгунов. – М.: Вече, 2010. – 308 с.
- [14] Мироненко С. Бессилие власти // Родина – 1993. – № 1.
- [15] Новицкий Г.А., Бурджалов Э.Н. История России (XVIII век). Курс лекций. прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б). – М., 1945. – 186 с.
- [16] Окунь С.Б. Очерки истории СССР. Вторая Четверть XIX века. Кризис феодально-крепостнической России. – Л.: 1957. – 431 с.
- [17] Первый толковый БЭС (большой энциклопедический словарь). – СПб.: «Норинт»; М.: ИД «РИПОЛ классик, 2006. С. 837. – 2144 с.
- [18] Пушкин А.С. Соч. в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – М.: Худож. лит., 1985. – 735 с.
- [19] Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). – М.: Изд. МГУ, 1989. – 446 с.
- [20] Сидорова М.В. При дворе Павла Петровича (Из воспоминаний графа А.Х. Бенкендорфа) / Император Павел I – взгляд XXI века (к 250-летию со дня рождения). Материалы научно-практической конференции (в рамках цикла конференции «Императорские Чтения») 21–22 октября 2004 г.: Сб. ст. – СПб.: ООО «Селеста», 2004. – 280 с.; ил.
- [21] Соловьев Ю. Странички летописи сумасшедшего дома // Родина. – 1993. – № 1.
- [22] Степанский А. Последнее величие // Родина. – 1993. – № 1.
- [23] Татищев С.С. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 2. – СПб., 1903. – 380 с.
- [24] Тютчева А.Ф. Воспоминания при дворе двух императоров / Сост., вступ., ст., пер. с фр. Л. Гладковой; переиздание. – М.: «Захаров», 2008. – 592 с.

РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ

Рассматриваются современные теоретико-методологические подходы к изучению историографии российских социалистических партий – социалистов-революционеров и социал-демократов. Особое внимание обращается на понимание термина «историография», характерные черты советской и постсоветской исторической науки, категории дискурса, интеллектуальной истории и исторической памяти.

Ключевые слова:

интеллектуальная история, историческая память, историография, социалистические партии.

Модернизация России в начале XX века была связана с выбором одной из возможных моделей общественного развития: либеральной или социалистической. Однако выбор склонялся в пользу социалистического пути. Либеральная и консервативная альтернативы революции были утопичными. Социалистические идеи в первой четверти XX века в России были гораздо более популярны, о чем свидетельствует количество членов социалистических партий и итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г., наиболее свободного и демократичного голосования. В 1917 г. основные разногласия были не между социализмом и либерализмом, а внутри самого социализма – между его революционным и эволюционным течениями.

Интерес к социалистическим партиям вызван не только их ролью в общественно-политической борьбе как одного из главных противников большевизма, но и в контексте предлагаемых альтернатив в выборе путей развития страны.

Выявление и анализ системы исследовательских представлений, формировавшихся и сложившихся в среде отечественных ученых в ходе изучения истории социалистических партий России после октября 1917 г., требует определения предметного поля историографии. Историк, как подчеркивают современные исследователи, должен демонстрировать не только профессиональную культуру, но и иметь собственную исследовательскую стратегию [8, с. 269], что невозможно без четкого представления о предмете своей науки.

Ряд исследователей характеризуют современную историографическую ситуацию как «историографическую революцию», характерными чертами которой являются, с одной стороны, возрастание интереса к теоретико-методологическим проблемам исторической науки», а с другой – демонс-

тративный «методологический нигилизм» довольно значительной части профессиональных историков.

Сформировалось несколько тенденций относительно понимания предмета историографии. А.В. Клименко, автор соответствующего раздела в учебнике по историографии истории России до 1917 года, отмечает, что «большинство современных историографов в вопросе об определении предмета собственной науки разделяют позицию, в наиболее полном виде сформулированную в трудах А.М.Сахарова» [3, с.16]. Историографией в широком смысле называют специальную историческую дисциплину, которая изучает процесс развития исторической науки и ее закономерности. Это традиционный для отечественной и российской науки подход.

Как отмечает Т.А. Попова, с рубежа 1970-80-х гг. эта модель получила определенную коррекцию с позиций системного подхода (И.Д. Ковальченко); была предложена экспликация понятий «историографические процессы», «историографическая ситуация» (А.Е. Кертман), «проблемная историография», «история историографии» (Р.А. Киреева); историографы обратились к категориальному аппарату и исследовательским методикам науковедения (А.М. Сахаров, Д.П. Урсу, Г.П. Мягков, И.И. Колесник и др.) [13, с. 50]. К рубежу 1980–90-х гг. историографию воспринимали как специальную дисциплину, изучающую закономерности развития исторических знаний и исторической науки в социокультурном контексте (распространилась формула «история знания и исторической науки как социального института»). Как уже отмечалось, данная традиция в «постсоветский» период в целом сохранилась.

Другой подход обозначен в серии работ Л.П. Репиной. В них обосновывается мысль о превращении историографии в

рамках «новой культурно-интеллектуальной истории» в самостоятельную и самоценную историческую дисциплину, которую сегодня, стремясь обозначить её новое качество, именуют клиографией, а в сочетании с изучением методологических и эпистемологических проблем исторической науки – клиологией. Её особым предметным полем становится «история историографии в человеческом измерении». По мысли Л.П. Репиной, «история историографии как часть интеллектуальной истории – это и не дисциплинарная история исторической науки, и не философская история исторической мысли, и тем более не вспомогательная проблемно-тематическая историография, а, прежде всего, история исторической культуры, история исторического познания, сознания и мышления – история исторических представлений и концепций, образов прошлого и “идей истории”, задающих интерпретационные модели и выступающих как мощный фактор личностной и групповой идентичности, общественно-политических размежеваний и идеологической борьбы» [16, с. 44–45].

На наш взгляд, вполне возможно позиционировать историографию как интеллектуальную историю. Ей присуща функция ретрансляции в концентрированном виде сгустков коллективной памяти об историческом прошлом, если подразумевается совокупный опыт осмысления «исторического», воссоздание образов этого прошлого, отраженного в теориях и концепциях, несущих на себе печать индивидуальности их создателей и «знаков» времени.

Советскую историографию политических партий нельзя рассматривать как чистую историю науки, но в то же время, нельзя понимать и как атрибут идеологии. Это был сложный феномен в социальной структуре советского общества, сочетавший элементы научного знания наряду с функциями идеологического воздействия.

В этом плане историография социалистических партий, эсеров и меньшевиков, имела весьма яркую специфику. Все социалистические партии России (в том числе большевистская, правящая с октября 1917 г.) вышли из единого интеллектуального поля российской революционной традиции XIX в., испытали воздействие идей народничества и европейского социализма. Они были связаны базовыми ценностями, личными отношениями, обусловленными наличием общих целей и общего врага. Эти и другие факторы привели к

формированию своеобразной субкультуры российского революционера на рубеже XIX–XX вв. [12, с. 24–43]. Наличие этой субкультуры наложило отпечаток на историографию социалистических партий на всем протяжении ее развития.

Как работы эсеро-меньшевистских авторов, так и советские исследования формировались в результате исторической практики и политической культуры, корни которой далеко не обязательно датируются 1917 г. Безграничная вера в правоту своего учения была характерна и для большевиков, и для их оппонентов. С другой стороны, и до, и особенно после 1917 г. отчетливо ощущаются различия субкультур большевиков и их оппонентов – демократических социалистов. Водоразделом стало отношение к демократии, приведшее к расколу внутри всех российских социалистических партий. Правящая партия видела в социалистической оппозиции опасность куда более реальную, чем возрождение «белой альтернативы», поскольку имела основания бояться синтеза опыта революционных партий и недовольства различных слоев российского общества в 1921–1922 гг. Поэтому советская историография социалистических партий стала формироваться под огромным влиянием политической среды.

В то же время в ходе развития советской историографии под сомнение все более и более ставились основополагающие принципы советского варианта трактовки сущности и эволюции социалистических партий. Это достаточно хорошо заметно со второй половины 1960-х гг. и особенно в 1970-е гг., когда возглавляемый академиком И.И. Минцем Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великого Октября и последующих социалистических революций» обратился к тематике истории «непролетарских» партий России, в том числе партий социалистов-революционеров и меньшевиков, историографии и источниковедению российской многопартийности.

При сохранении стандартной советской риторики, включавшей обязательные «крах», «банкротство», «агонию» мелкобуржуазных партий, как отмечает В.П. Булдаков, развернулся фактический поиск альтернатив «руководящей роли КПСС» [2, с. 24–25]. Несмотря на искреннюю (у большинства советских историков) веру, что они ничуть не подрывают идеологические устои, а, скорее, укрепляют их, происходил обратный процесс. Именно наработки советских историков позволи-

ли уже в 1990-е гг. развернуть обширные исследовательские программы по истории российской многопартийности.

Советская историографическая традиция вызывает разное отношение, безусловно связанное с оценкой событий 1917 г. и Октябрьской революции. Ее толкование как «научно-политического феномена», наиболее ярко обозначенного в известных работах Ю.Н.Афанасьева, имеет под собой серьезные основания [1, с.11].

С другой стороны советскую историографию нельзя сводить только к властно-политическим аспектам, особенно в период 1960-80-х гг. В СССР всегда в той или иной форме действовали принципы «нормальной науки» (термин, введенный Т. Куном) применительно к деятельности научного сообщества, т.е. группы специалистов со сходной научной подготовкой и одинаковым пониманием целей и задач научной деятельности внутри определенной парадигмы со всеми плюсами и минусами. Нормальную науку, по Т.Куну, отличает невосприимчивость ко всему, что не соответствует господствующей научной парадигме, поэтому нормальная наука развивается в основном количественно, прирастая фактическим материалом, повышением его точности и распространением на все более широкие области бытия. Но «аномальные» факторы, не вписывающиеся в парадигму, накапливаясь, в конце концов, подрывают и приводят к ее кризису, а затем и к формированию новой научной парадигмы [9]. В этой связи кажется удачной формулировка польского историка Г. Жалеико о том, что советская историография была нормальной наукой в «аварийных условиях» («abnormal conditions») [20, p.179]. При том, что результаты исследований советских историков были predeterminedены господствовавшей марксистско-ленинской парадигмой, сами исследования проводились все-таки в соответствии с научными принципами. Следует признать внутреннюю интеллектуальную органичность советской историографии даже в том случае, когда создававшийся в ней образ российских социалистических партий имел, с современных позиций, мифический характер.

Существенной научной проблемой является анализ языка как советской, так и эсеро-меньшевистской историографии социалистических партий. Лингвистический поворот поставил в центр изучения дискурсивную практику историков. «Лингвистическим поворотом» называют тенденцию рассматривать исторические

факты и их репрезентации субъектами истории и историками с точки зрения лингвистических «протоколов», которые в них отразились. В историографии (в первую очередь американской) такая тенденция распространилась в 1970-е гг. под влиянием постмодернистской литературной критики [7, с. 33].

На философском, эпистемологическом уровнях было выработано представление о тексте, о его читателе, об определенном типе культурной коммуникации и об общих свойствах литературно-художественных, научных, вербальных и даже невербальных текстов вообще с данной точки зрения [11, с.110]. В этом направлении первостепенное значение принадлежит понятию деконструкции как особому методу анализа текста. Исследование научных или философских текстов привело к выводу, что в любом тексте присутствуют стереотипы, формальные клише, принимаемые как аксиомы, как данность. «Историки и хотели бы говорить буквально и ничего, кроме истины, не рассказывать об объекте своего исследования, – пишет Х. Уайт, – но невозможно повествовать, не прибегая к фигуративной речи и дискурсу, который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), нежели буквалистским» [18, с. 13].

В этом плане советская историография социалистических партий весьма характерна. Начиная с работ В.И. Ленина, фиксируются речевые шаблоны по отношению к социалистам: социал-предатели, социализменники, соглашатели, ренегаты, обнаглевшая шайка, слуги капитализма, лакеи буржуазии, прихвостни, Иуды и т.п. Эти экспрессивные, эмоционально-насыщенные слова и выражения активно использовались в пропагандистской кампании, на многочисленных митингах, массовках, собраниях, агитационных пунктах. Понимание термина «социалисты-революционеры», «меньшевики» подменялось в рамках советской культуры привычкой использовать речевые шаблоны вплоть до начала 1990-х гг., а у определенной части историков – и по сей день. Яркий пример – книга В.А. Клименко «Москва: крах политики мелкобуржуазных демократов». Автор не в состоянии вырваться из советского клишированного языка: «социал-соглашатели», «социал-предатели», «эсеровские демагоги», «мелкобуржуазные контрреволюционеры» и др. [6, с. 8, 17, 22]

В текстах историков можно выявить некие постоянно воспроизводимые образцы или эталоны, в границах которых мы этот

текст осмысливаем. В итоге структурными элементами текстов являются не исторические личности или события, а некое содержание образцов употребляемых слов, что хорошо заметно на примере термина «мелкобуржуазный».

Термин «мелкобуржуазный», регулярно использовавшийся в советской историографии, также активно внедрялся В.И. Лениным. В ленинской историко-философской системе категория «мелкобуржуазности» занимала важное место. К ней, фактически, он относил все, что не укладывалось в классическое марксистское определение буржуазии. Причем между понятием «мелкая буржуазия» и производным от него прилагательным «мелкобуржуазный» у Ленина имеется существенное различие. Если первое – суть политэкономический термин, то второе имело скорее социально-психологический подтекст [4, с. 57]. Термин «мелкобуржуазность» стал маркированным, эмоционально окрашенным, а его использование, наряду с другими, стало средством управления массовым сознанием.

С другой стороны, эсеро-меньшевистская публицистика, лозунги и резолюции, выдвигаемые на собраниях и митингах представителями ПСР и РСДРП, отличались от большевистских, может быть, меньшей категоричностью и большей благозвучностью. Язык эсеровской, как и социал-демократической публицистики был близок большевистскому, что ограничивало возможности антибольшевистского сопротивления. Словом, предметом изучения могут стать различные «языки» политических дискуссий и их соотношение с языком исторического анализа. Представления о прошлом часто имеют своим происхождением не конкретные исторические факты, а язык, который использовался участниками событий или был предложен историком.

Важной теоретической проблемой современной интеллектуальной истории является обращение к феномену исторической памяти. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных

культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях [14, с. 414]. Проблему исторической памяти (на примере Великой Отечественной войны) образно выразил писатель Д. Гранин в книге «Мой лейтенант», описывая выступление одного из участников обороны Ленинграда на собрании ветеранов: «Рассказ его получился для меня о совершенно незнакомой войне, где наш батальон действовал в той же самой местности, в те же месяцы. Там должен бы быть и я, но меня там не было» [10]. Это подтверждает, что у разных людей и у разных социальных групп существует иной опыт, иная память о прошлом, в основе которой может лежать совсем иное мировоззрение.

Современная российская историографическая традиция в области изучения российской многопартийности представляет собой сложное и многоплановое явление, отражая общие проблемы отечественной науки. Большую позитивную роль сыграло преодоление национальных границ в историографии, доступность публикаций и исследований зарубежных ученых. Началось становление единого историографического пространства. Развиваются самые разные формы поддержки отечественной науки, формируются элементы негосударственной научной институциональной структуры. Возникли разные гуманитарные среды, автономные и пересекающиеся, устроенные по принципу более-менее открытых профессиональных сообществ, в своей основе использующих клубную схему функционирования. Появились журналы, которые стали не просто коммуникационной средой, но и новыми формами научной жизни и новыми местами знания («Новое литературное обозрение», «Ab Imperio» и др.). Одним из важных центров гуманитарного пространства стал Интернет.

С другой стороны, сохраняется определенная преемственность, в том числе методологическая, с советской историографией. Внутренние ценности российской историографической культуры пока еще размыты, неотрефлексированы [19, с. 296–297]. Многие исследователи подчеркивают «институциональную слабость» современной российской исторической науки, отсутствие в полном смысле этого слова исторического сообщества, отсутствие среды, которая критически воспринимает научную продукцию [15; 17]. «Архивная революция», т. е. публикация весьма об-

ширной и добротной источниковой базы, не привела сама по себе к созданию современного, конкурентного исторического сообщества.

История исторического знания, рассматриваемая в статье как интеллектуальная история, состоит, таким образом, из различных уровней, тесно взаимосвязанных. Исследование отечественной историографической традиции в сфере истории социалистических партий требует использования различных методов. Как подчеркивает Л.П. Репина, «в историографии допустимо не только сохранение и использование старых моделей, но и возрождение “хорошо забытых” интерпретаций, а также продолжительное полемическое соперничество старых подходов и концепций с новыми, как и поглощение первых последними» [14, с.76–77]. Поэто-

му наряду с традиционными подходами, сформированными в предметных полях дисциплинарной истории, проблемно-тематической историографии и истории исторической мысли, необходимо разрабатывать историю исторической культуры, образов прошлого, проблем исторической памяти и исторического сознания, исследовательскую психологию и практику в широком интеллектуальном и культурном контексте. Неразрывно связанными аспектами являются и идеологическая политика государства, задачи развития конкретных социальных систем. Ресурсы интеллектуальной истории позволяют дополнить историографическую традицию и сконцентрировать внимание не только на анализе учений и концепций, но и анализировать творческий процесс их создания и осмысления.

Список литературы:

- [1] Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. – М., 1996. – С.7–41.
- [2] Булдаков В.П. Историографический зигзаг эпохи застоя // Из архива тверских историков. Вып. 5. К 85-летию со дня рождения первого ректора Тверского государственного университета В.В. Комина. – Тверь, 2005. – С. 22–28.
- [3] Историография истории России до 1917 года: учеб. для высш. учеб. заведений: В 2 т. Т.1. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: ВЛАДОС, 2003. – 384 с.
- [4] Историческая наука в России в XX веке. – М.: Скрипторий, 1997. – 512 с.
- [5] Кикимбаева А.С. Интервью с Мариной Могильнер и Илей Герасимовым 26 января 2009 года // Мир историка: историографический ежегодник. Вып. 5. – Омск, 2009. – С.411–433.
- [6] Клименко В.А. Москва: крах политики мелкобуржуазных демократов. 1918 – 1920 гг. – М.: Спутник+, 2010. – 75 с.
- [7] Копосов Н.Е. Замкнутая вселенная символов. К истории лингвистической парадигмы // Социологический журнал. – 1997. – №.4. – С. 33–47.
- [8] Корзун В.П. Поиск образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // Мир Клио: Сб.ст. в честь Лорины Петровны Репиной. Т.2. – М., 2007. – С.266–278.
- [9] Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – 605 с.
- [10] Литературная газета. – 2012. – №4 (1 – 7 февраля).
- [11] Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения // Источниковедение. Теория. История. Метод. – М., 1998. – С.99–121.
- [12] Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 – 1926): этика и тактика противоборства. – М.: РОССПЭН, 2005. – 736 с.
- [13] Попова Т.Н. Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Історіографічні дослідження в Україні. 2008. – Вип.19. – С.42–72.
- [14] Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
- [15] Репина Л.П. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2006. – 288 с.
- [16] Репина Л.П. Проблемное поле и когнитивный потенциал современного историографического исследования // Историки в поиске новых смыслов. – Казань, 2003. – С.37–45.
- [17] Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать / Беседа Кирилла Кобриня с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. – 2007, №4. – С. 54–72.
- [18] Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 528 с.
- [19] Чеканцева З.А. Идентичность современного историка и ресурсы дисциплинарной рефлексии // Мир историка: историографический сборник. Вып.6. – Омск, 2010. – С. 295–317.
- [20] Zalejko G. Soviet Historiography as a «normal Science» // Historiography between modernism and postmodernism / E.Topolsky ed. – Rodopi, 1994. – P. 179–191.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ПЛАНОВОЕ РАЗВИТИЕ И ЦИКЛИЧНОСТЬ

Выявляются циклические характеристики народного хозяйства СССР и его подверженность волновым колебаниям. Основное внимание акцентируется на важности народно-хозяйственного планирования, впервые апробированного в промышленности Советского Союза, как неотъемлемого элемента рыночного устройства.

Ключевые слова:

административная система управления, народное хозяйство, планирование, промышленность, циклическость, экономика, экономический рост, экономическое развитие.

Истоки современного кризиса в России корнями уходят в прошлое, его природу которого невозможно понять без учёта общего контекста российских перемен, происходивших на протяжении XIX–XX вв. Изучение истории общественного развития России выводит на его принципиальную особенность: волнообразный, пульсирующий и скачкообразный характер осуществления преобразований. Такой подход совпадает с одной из сложившихся традиций в мировой экономической мысли – исследовать процессы в экономике как циклические. И если общее свойство циклического развития дореволюционного российского хозяйства и подверженность его длинноволновым колебаниям в настоящее время уже не вызывает сомнения, то с послереволюционным периодом развития советского хозяйства дело обстоит гораздо сложнее.

В своем исследовании нам хотелось бы выяснить, в соответствии с какими законами экономики развивалась советская промышленность.

Революция 1917 г. в России прервала эволюционный путь развития страны. В послереволюционный период в Советском Союзе на многие годы утвердилась общая линия на создание преимущественно нерыночного типа хозяйства. Новое руководство называло свою экономическую политику – «государственным капитализмом», который оформился с созданием Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). Обязанностями этого органа были организация, координирование и регулирование деятельности комиссариатов, управляющих торговлей и промышленностью.

Одним из первых шагов нового руководства в промышленности стала ее национализация. В государственную собственность сначала передавались отдельные предприятия и акционерные общества, затем местные органы власти и рабочие организации самостоятельно проводили

конфискацию предприятий у прежних владельцев, насильно отстраняя их от управления производством. В основном это были предприятия топливной, металлургической, химической, металлообрабатывающей промышленности, машиностроения. Все оборонные предприятия и железнодорожный транспорт были переведены на военное положение. Таким образом, государство сконцентрировало в своих руках почти все трудовые, финансовые и материальные ресурсы, заставляя их работать по принципу военного подчинения.

Впервые термин «военный коммунизм» упоминается лишь весной 1921 г., когда уже приближалось время новой экономической политики (НЭПа). Именно тогда советское руководство, стремясь оправдать резкий переход к новому курсу, возложило ответственность за все происшедшее в стране на экстраординарные обстоятельства, называя политику «военного коммунизма» временной мерой. Безусловно, эта политика решала неотложные проблемы, но в целом она была не «временной мерой», а попыткой в кратчайший срок перейти к подлинному коммунизму. Политика «военного коммунизма» была результатом не только военных обстоятельств, но и определенной идеологии, представители которой стремились преобразовать экономику страны на совершенно иных принципах [2, с. 210].

В ВСНХ было создано более 50 главных управлений, они получили абсолютные полномочия по управлению отдельными отраслями народного хозяйства. На предприятиях вводилась военная дисциплина и единоначалие, не допускалось никакой хозяйственной самостоятельности, все решения принимались директорами только после согласования с главками. Значительно расширился управленческий аппарат. Однако, несмотря на все предпринятые меры по централизации управления, государственный контроль за распределе-

нием оказался неэффективным, рынок не уничтожили, его загнали в подполье, за рамки закона.

Частная собственность в промышленности и торговле была уничтожена, прибыль отменена. Рынок был заменен политико-командной структурой в лице ВСНХ. При нем был создан специальный орган долгосрочной координации экономики – Государственный плановый комитет (Госплан). Именно в эпоху «военного коммунизма» был разработан и в 1920 г. принят первый план – Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО). В нем предусматривались восстановление и реконструкция предприятий довоенной электроэнергетики, строительство нескольких десятков новых тепловых и гидроэлектростанций, грандиозные перспективы развития транспорта и различных отраслей промышленности. Он воплощал в себе мечты большевиков о плановой экономике по образцу военной экономики Германии, однако в целом план ГОЭЛРО остался невыполненным.

Была изменена денежная политика. В результате финансовая система страны также была разрушена. Экономика вполне закономерно перешла к натуральному обмену. В промышленности внедрялась система безденежных отношений и расчетов. Для ведения производственного учета на предприятиях Совет Народных Комиссаров рекомендовал перейти к натуральным измерителям – «тредам» (трудовым единицам), которые означали определенное количество затраченного труда [2, с. 215].

Политика «военного коммунизма» объяснялась чрезвычайными условиями войны. Однако многие руководители страны, а также публицисты, ученые того времени воспринимали ее не только как вынужденную, временную, но и как вполне закономерную систему при переходе к бесклассовому обществу, свободному от рыночных отношений. Считалось, что социалистическая экономика должна быть натуральной, безденежной, что в ней обязательно будет присутствовать централизованное распределение всех ресурсов и готовой продукции [2, с. 217].

Система мер «военного коммунизма» делала невозможными рыночные отношения. Национализация всей частной собственности, чрезвычайные меры борьбы со спекуляцией и саботажем, жесткая централизация всего хозяйственного управления посредством главков, натурализация экономических связей и уравнительность натуральных выплат за обязательный труд

стали основными направлениями руководящей власти. «Военный коммунизм» привел к двум важнейшим негативным последствиям: в сфере экономики эта политика лишала крестьян хозяйственной заинтересованности, крестьянское хозяйство мертвело, что в свою очередь делало проблематичным дальнейшее развитие промышленности; в сфере идеологии режим «военного коммунизма» сформировал иллюзию о возможности перехода к коммунистическому производству и распределению [2, с. 219].

На практике политика «военного коммунизма» привела к тому, что в 1921 г. производство на шахтах и фабриках упало до 21% от уровня 1913 г., а сельскохозяйственная продукция – до 38% [1, с. 171].

Катастрофическое положение страны заставило правительство сделать выбор в пользу такой политики, которая была бы способна остановить падение в пропасть. Объективные экономические потребности выживания вынудили возродить курс на рыночные реформы, хотя рыночными их можно назвать условно, имея в виду не столько реальные масштабы, сколько потенциальную попытку преодолеть перегибы «военного коммунизма». На кризис 1921 г. партия реагировала двояко. С одной стороны, были сделаны значительные уступки крестьянству и рынку с целью оживить производство – это отступление стало новым направлением в работе правительства, новой экономической политикой, которая распространилась на все второе десятилетие XX в. С другой стороны, партия ужесточила дисциплину в своих рядах и усилила политический контроль в стране.

Курс на финансовое оздоровление экономики проводился за счет восстановления золотого стандарта рубля. Этим он перекликался с дореволюционным развитием хозяйства страны. Таким образом, нэп можно рассматривать как продолжение эволюционной линии развития, прерванной с приходом к власти большевиков.

Восстановление промышленности шло с большим трудом. Хотя некоторые показатели к 1925 г. были значительно выше уровня 1913 г. (это относится к производству электроэнергии, продукции машиностроения, легкой и пищевой промышленности), общий объем промышленного производства все еще составлял 75,5% от уровня 1913 г. Добыча угля составила 16,5 млн т против 29,1 млн т в 1913 г., железной руды – соответственно 3,3 и 9,2 млн т. Грузооборот железных дорог составил не более 80% от довоенного уровня. Требовались радикальные

56 | перемены для ликвидации многочисленных проблем в промышленности [4, с. 313].

Было денационализировано небольшое количество государственных предприятий. Разрешалось открывать собственные предприятия частным лицам с числом занятых не более 20 чел., позже этот «потолок» был поднят. К середине 1920-х гг. на долю частного сектора приходилось от 20 до 25% производства промышленной продукции [3, с. 18].

Большие изменения происходили в системе управления экономикой. Прежде всего это касалось ослабления чрезмерной централизации, характерной для периода «военного коммунизма». Были упразднены главки в системе ВСНХ, их функции на местах перешли к крупным районным управлениям и губернским совнархозам.

Следует отметить, что, несмотря на бурное развитие рыночных отношений, в годы нэпа сохранялось жесткое государственное регулирование экономических процессов. С одной стороны, допускалось функционирование различных рыночных элементов (хозрасчета, свободной торговли, кредитно-денежных отношений), с другой – у государства сохранялись «командные высоты» в крупной и средней промышленности, на транспорте, в банках, внешней торговле.

Главным приоритетом в экономической жизни страны являлось в тот период восстановление и интенсивное развитие крупной промышленности, которая рассматривалась как основная опора советской власти в крестьянской стране и как источник укрепления обороноспособности. Но для развития промышленности нужны были огромные средства, которые можно было извлечь только из сельского хозяйства через налоги и сознательное установление особой ценовой политики.

Тем самым центральная власть пыталась регулировать основные пропорции экономического роста. Но на практике это привело к глубоким диспропорциям, «ножницам цен». Если с 1913 по 1922 гг. цены на промышленные товары по сравнению с ценами на продукцию сельского хозяйства, выросли в 1,2 раза, то к концу 1923 г. «раствор» ножниц цен достиг уже 300%. Такая ценовая политика приводила к неэквивалентному товарообмену между городом и деревней, изымала из сельского хозяйства немалые средства [3, с. 24].

К 1927 г. в экономике СССР практически завершился период послереволюционного восстановления; уровень сельскохозяйственного производства составил около 90%, промышленного – около 75% от довоенного. Но исходный уровень был столь низок, что

любой прогресс выглядел быстрым, а темпы роста – высокими. Более того, ближайшая задача состояла в том, чтобы заставить заработать уже существующие предприятия, а это требовало относительно небольших капиталовложений [1, с. 191].

Однако к 1927 г. уже назрела необходимость обновления и реконструкции все более устаревающих предприятий, которые с 1913 г. не получали никаких новых инвестиций. Такие меры требовали значительных капиталовложений. Поскольку необходимые средства нельзя было привлечь из-за рубежа, как при царизме, капитал приходилось во все большем объеме переливать из отраслей, производивших товары для внутреннего потребительского рынка, в отрасли тяжелой промышленности. Это означало, что расходы на индустриализацию тем или иным способом надлежало возложить на плечи крестьян.

В 1927–1928 гг. разразился кризис. В ответ на дефицит промышленных товаров крестьяне отказывались продавать по государственным ценам зерно в размере установленных квот. К лету 1928 г. ситуация ухудшилась настолько, что в городах ввели карточную систему, а к 1929 г. аграрная Россия вынуждена была импортировать зерно. Вновь режим столкнулся с кризисом выживания.

Нэп закончился подобно политике «военного коммунизма» провалом, в результате чего возникла проблема, как сохранить власть. Встал вопрос о необходимости изменения курса. Советское руководство в конце 1929 г. отказалось от нэпа и выбрало резкий переход к насильственной коллективизации и ускоренной индустриализации. Особо следует отметить, что свертыванию нэпа способствовал самый крупный в истории мировой экономической кризис 1929–1930 гг. Он оказал заметное влияние на экономическую политику страны и одновременно вызвал усиление антирыночных настроений.

Советский Союз оставался еще страной экономически отсталой. Несмотря на то, что промышленное производство в целом превзошло уровень дореволюционной России, в ряде отраслей тяжелой промышленности, например, в черной металлургии, довоенный уровень еще не был достигнут. Советский Союз сильно отставал в технико-экономическом отношении от экономически развитых капиталистических государств. СССР вынужден был ввозить из-за границы машины и оборудование. Это создавало серьезную угрозу его экономической самостоятельности.

Жизненно важной была задача обеспечить оборонную мощь страны. Для того

чтобы укрепить обороноспособность и отстоять независимость страны, необходимо было в короткий срок превратить СССР в могучую индустриальную державу, создать современную тяжелую индустрию.

Начиная с 1929 г. в экономике утвердилась административная система управления, а к концу первой пятилетки полностью сформировалась сверхцентрализованная экономика, которая с незначительными модификациями просуществовала в СССР до конца 1980-х гг.

В начальный период Великой Отечественной войны промышленное производство сократилось более чем в два раза, резко сократилось производство самолетов, танков, боеприпасов, поскольку в это время основные мощности перебрасывались на восток страны.

В это тяжелое время достаточно оперативно и энергично проявила себя сверхцентрализованная директивная система управления. Под чрезвычайно жестким руководством Государственного комитета обороны (ГКО), созданного 30 июня 1941 г., были осуществлены эвакуация заводов, фабрик и перевод гражданского сектора экономики на военные рельсы.

В целом, несмотря на большое неравенство экономического потенциала СССР и Германии к началу войны, советская экономика в тот период оказалась более эффективной.

Особенно тяжело было предприятиям, выпускавшим продукцию для военных нужд. На них была возложена задача обеспечить фронт всем необходимым. Для выполнения этого задания им пришлось многократно увеличить производство продукции, а также переоборудовать свои мощности для выпуска требуемых товаров.

С 1943 г., по мере изгнания оккупантов, в СССР началось восстановление экономики. Помимо этих работ предстояло провести конверсию промышленности, поскольку к 1945 г. более половины объема промышленного производства приходилось на военную продукцию. Но конверсия носила частичный характер, т.к. одновременно с сокращением удельного веса выпускаемой боевой техники, боеприпасов и прочего происходила модернизация военно-промышленного комплекса (ВПК), разработка новых видов вооружения.

В послевоенный период было сделано несколько попыток реформирования в экономике СССР. Это проведение денежной реформы в 1947 г., новой экономической реформы в 1965 г., а затем – ее продолжение в 1979 г. Однако ни одна из этих

попыток не предполагала радикального реформирования командно-административной системы, а была направлена лишь на ее очередную модернизацию.

К началу 1980-х гг. состояние экономики СССР продолжало ухудшаться. Так, ежегодный прирост национального дохода страны снизился с 9% в 1965 г. до 2,6% в 1982 г., а промышленного производства – соответственно с 7,3 до 2,8% [2, с. 225].

Несмотря на очевидные достижения в освоении космоса, в разработке термоядерного оружия и военной техники, советская экономика в целом заметно отставала от промышленно развитых стран.

В июне 1987 г. был принят Закон СССР «О государственном предприятии», согласно которому руководителям и коллективам государственных предприятий предоставлялись полномочия самостоятельного выхода на внешний рынок и осуществления совместной деятельности с иностранными партнерами [2, с. 357]. Этим законом незамедлительно воспользовалось множество предприятий. Но несмотря на все попытки проведения реформ в стране, промышленность находилась в кризисе. В 90-х гг. XX в. страну охватили промышленный спад и деиндустриализация.

Таким образом, сформированная в конце 1920-х – начале 1930-х гг. социалистическая модель развития в СССР по существу была первым в истории случаем последовательного применения импортозамещающей индустриализации. С учетом модификаций, привнесенных в эту модель советским социализмом, можно выделить следующие характерные черты новой социалистической модели экономического развития:

- господство государственной собственности и ликвидация легитимной частной собственности, независимой от власти;
- доминирующая роль государства в мобилизации национальных сбережений, их распределении и использовании;
- формирование охватывающей всю экономику страны управленческой иерархии подчиняющихся друг другу начальников, обеспечивающей координацию хозяйственной деятельности прямыми распорядительными актами. Система рынков теряет свою роль основы микроэкономического регулирования, устранивается на периферию хозяйственной жизни;
- эгалитаризм, снижение характерной для молодого капитализма экстремально высокой дифференциации доходов;
- догоняющая импортозамещающая индустриализация на базе перераспределения ресурсов из аграрной сферы в про-

58 мышленную как основа структурной политики;

– жесткий политический контроль, исключающий любые несанкционированные формы массовой активности;

– мессианская идеология, обещающая достаток завтра за воздержание и самоотверженный труд сегодня.

Этот набор институциональных инноваций позволил на время снять ряд ограничений, накладываемых на экономический рост рыночными механизмами. После революционного изменения общественно-экономического и политического устройства страны в Советском Союзе утвердилась общая линия на создание преимущественно нерыночного типа хозяйства, появились пятилетние циклы, в соответствии с которыми развивалась советская плановая экономика. На долгие годы советская промышленность благодаря плановым началам и жесткому централизму в области управления народным хозяйством была отстранена от действия законов экономического развития. Доказательством отсутствия циклической динамики в советском народном хозяйстве служили достаточно высокие и длительные темпы роста производства, а также отсутствие глубоких его падений. Но цикл Кондратьева проецировался и на плановую экономику через внешние экономические связи и мировое развитие технологий. Если до 1950 г. циклическая динамика сдерживалась центральным планированием, то с усилением рыночных тенденций в экономике СССР ее проявление стало более ощутимым. Даже поверхностное рассмотрение развития истории Советского Союза путем сопоставления нэпа, хрущевско-косыгинских реформ, горбачевской перестройки обнаруживает циклическую природу рыночных преобразований. Тем более детальное исследование дает развернутую характеристику проявления свойства цикличности в развитии хозяйства Советского Союза.

Послереволюционный опыт хозяйствования СССР показал высокую результативность использования возможностей государства в целях ускорения хозяйственного развития. К тому же стремительный экономический рост СССР в 20–30-е гг. на фоне глубокого кризиса системы капиталистического хозяйства доказал про-

грессивные возможности продуманной структурной политики государства наряду с рынком и конкуренцией.

Нельзя не отметить и важную роль народно-хозяйственного планирования, которое было впервые апробировано в промышленности Советского Союза. Причем об успешности выбора пятилетнего диапазона говорит тот факт, что впоследствии он стал использоваться во всем мире. Применение планирования доказало важность учета наряду с конъюнктурой рынка целенаправленного на нее воздействия в долгосрочной перспективе для установления системы равновесия народного хозяйства. То есть система народно-хозяйственного планирования выступает как неотъемлемый элемент рыночного устройства.

Успехи, достигнутые в 50–60-е гг. на основе экономического роста 20–30-х гг., обеспечили стране высокий авторитет и лидерство в важнейших областях мирового экономического развития. Главным достижением стало создание советского многоотраслевого ВПК, в котором соединилась передовая научно-техническая мысль с системой централизованного управления промышленностью. Это свидетельствует о том, что для прошедшего исторического отрезка времени такая система хозяйства оказалась в целом достаточно эффективной в рамках решения тех задач, для которых она предназначалась.

Но достоинства и преимущества, обеспечившие процветание страны на первоначальном этапе в дальнейшем трансформировались в недостатки и, в конечном счете, породили застой и последующее крушение. Тенденция укрепления экономической мощи СССР, позволившая превратить его в одну из сверхдержав мира, со временем угасла и возобладала противоположная тенденция снижения роли СССР в мировой экономике.

Таким образом, социалистическая система хозяйства включала в себя не только плановое управление. Она также была подвержена циклическим колебаниям, которые нарастали в периоды экономических реформ. Поэтому современное народное хозяйство России должно развиваться в русле рыночной экономики и продуманной политики планирования и управления.

Список литературы:

- [1] Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. – М.: РОССПЭН, 2002. – 584 с.
- [2] Гимошина Т.М. Экономическая история России / Уч. пос. – М.: Филинь, Юстициформ, 1998. – 432 с.
- [3] Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе. Экономическая перестройка в СССР. – М.: Изд-во АПН, 1989. – 398 с.
- [4] Экономическая история России XIX–XX вв. / Отв. ред. В.А. Виноградов. – М.: РОССПЭН, 2000. – 624 с.

КОРАБЕЛЬНЫЙ ЛЕНД-ЛИЗ ДЛЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются англо-американские поставки боевых кораблей для советского Военно-морского флота по программе ленд-лиза в период войны 1941–1945 гг.; раскрывается их роль в оснащении ВМФ СССР, место в крупнейших военных операциях отечественного флота за указанный период.

Ключевые слова: антигитлеровская коалиция, боевые корабли, Великая Отечественная война, Великобритания, военно-морской флот, ленд-лиз, Северный флот, СССР, США, торпедные катера, тральщики.

С началом Великой Отечественной войны задача пополнения советского Военно-морского флота боевыми кораблями стала крайне актуальной в силу ряда обстоятельств. Дело в том, что советская судостроительная промышленность того времени в основной массе была сосредоточена в районах Ленинграда и Николаева. Этим близким к границе крупных центров обеспечения ВМФ страна лишилась уже к осени 1941 г. Верфи, расположенные во внутренних речных бассейнах, не могли компенсировать потери из-за ограничений по размерам строящихся кораблей [8, с. 92]. В связи с оставлением врагу Николаевских заводов, исключением из плана Ленинградских и передачей ряда крупных предприятий наркомату танковой промышленности, производственные мощности кораблестроения значительно снизились [12, л. 50]. Одновременно характер войны на огромном сухопутном фронте требовал сосредоточения индустриальных сил страны на вооружении для Красной Армии [4, с. 208]. В результате, база судостроения по линии кооперативных предприятий, изготовлявших главные судовые турбины, главные и вспомогательные дизели, электромоторы, артиллерийские башни, компрессора, торпедные аппараты и пр. сократилась еще больше [12, л. 50]. Состояние отечественного кораблестроения военных лет охарактеризует сравнение его валового выпуска с довоенным 1940 г. По отношению к нему было выпущено: в 1941 г. – 89%, в 1942 – 44, в 1943 – 45, в 1944 г. – 55 и в 1945 г. – 58% продукции [4, с. 208].

Таким образом, в условиях недостатка собственных ресурсов, единственным способом усиления флота оставалась внешняя помощь. Она была оказана Великобританией и США путем передачи техники

и вооружения в рамках программы ленд-лиза*. Однако сотрудничество СССР с партнерами по антигитлеровской коалиции в области морских вооружений осложнялось рядом моментов, препятствовавших эффективной помощи. Во-первых, для Соединенных Штатов и Англии океанская составляющая войны имела больший приоритет, чем морская для СССР. И те жертвы, на которые шли союзники в области сухопутных вооружений, оказывались неприемлемыми, когда речь заходила о военно-морских поставках. Кроме того, значительная часть поступлений для флота могла быть использована только на Северном и Тихоокеанском театрах. Переброска даже небольших кораблей внутренними водными путями была сопряжена с серьезными ограничениями [8, с. 93]. В результате большая часть союзнической помощи для ВМФ СССР поступила лишь во вторую половину Великой Отечественной войны. Тем не менее, в поставках по ленд-лизу из США и Великобритании на протяжении всех военных лет всегда присутствовала техника, материалы и сырье, в которых нуждался флот [6, с. 116].

В настоящей статье речь пойдет о корабельной составляющей морского ленд-лиза периода 1941–1945 гг. Точнее – о роли, которую сыграли полученные из-за рубежа тральщики, охотники за подводными лодками и торпедные катера в обеспечении операций флота СССР, противостоявшего странам Оси в акватории морей Европы. Актуальность заявленной темы обуславливается явно недостаточным представлением проблематики военно-морских поставок по ленд-лизу для отечественного ВМФ среди общего объема публикаций, освещающих различные аспекты материально-технической помощи союзников

* Ленд-лиз (Lend-Lease) – система передачи США взаймы или в аренду вооружения, боеприпасов, строительного сырья, различных товаров и услуг странами – союзниками по антигитлеровской коалиции // Энциклопедия российско-американских отношений. – XVIII – XX века. М., 2001. С. 301.

60 Вооруженным силам СССР. Помимо этого в ряде работ присутствует необоснованное преувеличение значения англо-американского морского ленд-лиза в силу ориентации авторов только на номинально высокие характеристики импортных судов без учета конкретных обстоятельств их использования в Советском Союзе. Поступление от союзников кораблей началось с весны 1942 г., когда из Великобритании на Север с конвоями стали прибывать антиманнитные тральщики типа ТАМ. Всего ВМФ СССР было принято 7 кораблей указанного типа: «Шики», «Хав», «Шуза», «Стефа», «Свега», «Сумба» и «Сильджа» [15, д. 53, л. 1]. И хотя передаваемые англичанами противоминные корабли представляли собой переоборудованные норвежские китобойные суда, тем не менее, они были оснащены современными электромагнитными и акустическими тралами, позволяющими тралить практически все типы неконтактных мин, выставяемых немецкими подводными лодками [3, с. 70].

Прибытие первых иностранных тральщиков в СССР следует рассматривать с учетом того, что к началу войны советский ВМФ был оснащен контактными тралами лишь на 64,9%, а тральщиками – на 11,4%. Крайне серьезная ситуация сложилась на Северном флоте, где обеспеченность тралами равнялась средней по ВМФ, а тральщиками – в пять раз меньше [1, с. 59]. В этих условиях даже небольшая партия судов ленд-лиза представляется значительным вкладом в укрепление боеспособности тральных сил Северного флота. Именно тральщики типа ТАМ, число которых достигло к лету 1943 г. 11 вымпелов, смогли свести к минимуму потери от минно-заградительной операции германских подводных лодок в Восточном секторе Арктики. В том числе были своевременно обнаружены и ликвидированы два немецких заграждения, заблокировавшие вход на рейд порта Диксон – важнейшего узла коммуникаций [9, с. 266].

Немногим позже, осенью 1942 г. состав Северного флота пополнился еще тремя построенными на английских верфях дизельными тральщиками типа ММС. Корабли строились в рамках специального проекта – для уменьшения собственного магнитного поля корпус был изготовлен из дерева. Принятые с конца навигации 1943 г. тральщики ММС начали принимать участие в конвоировании судов в Юго-Западной части Карского моря [3, с. 126]. А вскоре в Полярное прибыли из Англии два дополнительных новейших ба-

зовых тральщика ММС-136. Их противоминное вооружение составляли петлевой, электромагнитный и акустический тралы. Корабли участвовали в борьбе с минной опасностью как в ходе самой войны, так и в послевоенном боевом тралении [5, с. 111–112]. Но при всем уважении к помощи Великобритании, основным поставщиком кораблей для советских ВМС после распространения на СССР американского закона о ленд-лизе выступили Соединенные Штаты. Именно американцы обеспечили усиление противоминной составляющей советского флота, передав в 1943–1944 гг. свои базовые тральщики типа АМ. Это были самые совершенные тральщики нашего ВМФ периода Великой Отечественной войны. Только они отвечали всем требованиям борьбы с якорными и магнитно-акустическими минами. Всего в состав морских сил СССР вошли 34 тральщика этого типа, из которых 10 воевали на Севере, а остальные пополнили Тихоокеанский флот [11, с. 345].

Дизельные тральщики АМ, предназначенные для тральных работ и конвойной службы, обладали большой дальностью плавания, высокой мореходностью. Они имели на вооружении новейшее оборудование: контактные тралы типа «Оропеза» и разомкнутые электромагнитные тралы «Тэм», что давало возможность успешно бороться с минами в океане, море и реке и осуществлять проводку кораблей [10, с. 235–236]. Благодаря установленной на борту системе противолодочного вооружения, «Амики» были способны успешно бороться с подлодками противника. К применению их в данном качестве располагало наличие новейшего гидролокатора, двух бортовых бомбометов, двух кормовых бомбосбрасывателей, а также 24-ствольного носового противолодочного бомбомета [15, д. 121. лл. 128–128 об]. Радиолокационная станция, установленная на тральщиках типа АМ, эффективно использовалась для обнаружения подводных лодок в надводном положении [5, с. 111]. «По своим тактико-техническим данным являются вполне современными кораблями», – так отзывался о поступивших к февралю 1945 г. американских АМ Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов [15, д. 302, л. 108].

Из десяти судов этого класса, принятых Военно-морскими силами СССР к весне 1944 г., был сформирован 6-й Краснознаменный дивизион тральщиков Охраны водного района. С появлением в составе Северного флота указанных кораблей (ТЩ-111 – ТЩ-120) они стали основой

борьбы с минами и одной из ключевых сил в борьбе с подводными лодками. Можно даже утверждать, что их приход повлиял на значительное уменьшение активности подлодок Германии в зоне действия Северного флота вплоть до августа 1944 г. В области противостояния минной опасности роль кораблей соединения оказалась столь же значительной. Только один ТЩ-115, выполняя задание по разминированию залива Варангер-фьорд в интересах наступающих на суше войск, вытралил в 1944 г. более 200 мин [10, с. 237, 246–247].

Помимо тральщиков, за годы войны корабельный состав советского флота пополнился большим количеством торпедных катеров североамериканской постройки. Всего по состоянию на 1 ноября 1945 г. по ленд-лизу из США поступило 90 торпедных катеров типа «Воспер» (из них 14 в разобранном виде), 60 катеров типа «ЭЛКО» (29 разобранных), 50 ТК типа «Хиггинс» [15, д. 346, л. 472]. Однако вследствие их позднего прибытия, реальное участие в борьбе с германским судостроением успела принять, в лучшем случае, только половина кораблей вышеозначенного списка (102 единицы, полученные на 21 февраля 1945 г.) [15, д. 302, лл. 107, 109].

Тактико-технические данные трех типов американских торпедных катеров были близки: водоизмещение 45–50 т; скорость полного хода 36–39 узлов, экономического – около 22, дальность плавания 420–450 миль. Их вооружение состояло из двух торпедных аппаратов 533 мм калибра и 20 мм зенитных автоматов «Эрликон» [16, с. 257]. Вместе с тем отмечались существенные в плане эксплуатации различия, которые даже позволили инженер контр-адмиралу Якимову в беседе с председателем судостроительной компании «Хиггинс Индастриаз» сделать конкретное заявление: «Личный состав ВМФ оценивает получаемые торпедные катера: Воспер – так себе, Хиггинс – хорошие, Элко – отличные» [14, л. 99].

Действительно, самыми быстрыми и мореходными считались корабли, построенные на верфях «Электрик бот компании (ЭЛКО)». В противоположность им американские «Восперы» не дотягивали до 40-узловой планки скорости, тогда как их английские аналоги легко развивали 43–45 узлов. Мореходность судов тоже оставляла желать лучшего: вместо 6 баллов, предусмотренных проектом, американские катера могли выдержать лишь 4-балльную волну. Катера типа «Хиггинс» были немногим медлительнее «ЭЛКО», но не уступали

последним в мореходности и маневренности, помогавшей уцелеть во время налетов авиации. «Хиггинсы» легко выдерживали 6-балльную волну и были способны к длительным автономным плаваниям. В СССР они вошли в состав Северного и Тихоокеанского флотов под наименованием катеров типа «А-2» [13, с. 201, 206].

Максимальная результативность поставляемых по ленд-лизу катеров была отмечена применительно к Северному морскому театру. Там торпедные суда американской постройки, составлявшие большую и качественно лучшую часть бригады катеров Северного флота, в 1944 г. добились значительных успехов в борьбе с противником. Достижения импортных машин были напрямую связаны с их высокими характеристиками. Большая мореходность и дальность плавания позволяли расширить район воздействия на коммуникации противника. Относительно крупные размеры и мощное оборонительное вооружение увеличивали их выживаемость в столкновениях с кораблями охранения. Рост численности ТК Северного флота, достигнутый, в основном, за счет американских поставок, позволил перейти к более эффективной тактике поиска группами. Впервые в бою ими была успешно применена радиолокация для обнаружения противника в условиях плохой видимости [8, с. 94–95].

На завершающем этапе Великой Отечественной войны советский Военно-морской флот приобрел по ленд-лизу первые полноценные большие охотники за подводными лодками типа SC-110. Начиная с октября 1943 г. они стали поступать на Север, затем на Дальний Восток. В итоге Северный флот получил 36, Балтийский – 4, Черноморский – 6 и Тихоокеанский флот – 32 американских больших охотника. В советском ВМФ они относились к типу БО-1 [11, с. 286]. Данный класс катеров-охотников представлял собой дизельные деревянные корабли полным водоизмещением 119 тонн. Пара установленных двигателей мощностью в 960 лошадиных сил позволяла судам развивать скорость хода в 20 узлов. Корабли отличала высокая мореходность, обеспечивающая безопасность плавания при состоянии моря 10–11 баллов [15, д. 121, лл. 130, 130 об]. Артиллерийское вооружение включало 40 мм пушку «Бофорс», три 20 мм автомата «Эрликон», крупнокалиберные пулеметы. Для уничтожения подводных лодок на палубе большого охотника устанавливались два бомбосбрасывателя с 18 глубинными

62 бомбами и две многоствольные бомбометные установки, которых в советском флоте в то время еще не было [6, с. 120–121]. Благодаря совершенной гидроакустике и радиолокации большие охотники типа БО-1 оказались эффективными противолодочными кораблями и широко применялись на Севере для обеспечения конвоев, а также поддержания оперативного режима на подходах к базам [11, с. 286–287].

Пожалуй, единственными судами ленд-лиза, получившими в наркомате ВМФ критическую оценку, стали сторожевые корабли типа РСР и РТС. Они представляли собой поисково-спасательные катера морской авиации полным водоизмещением 27 т. Двигатели общей мощностью 1260 л.с. сообщали катеру скорость хода до 9 узлов, максимальную – до 25. Дальность плавания экономическим ходом составляла 490 миль; экипаж – 12 человек [2, с. 178.]. Всего советский флот за годы войны получил из США 59 катеров указанного типа, которые классифицировались в СССР в качестве малых охотников за подводными лодками [15, д. 346, л. 472]. Изначально такие корабли не предназначались для ведения боевых действий. Лишь по инициативе членов Советской Закупочной комиссии в США артиллерийско-стрелковое вооружение на большей части катеров МО-1 было усилено. Более половины из них оснастили 20-мм автоматами типа «Эрликон» и 3 крупнокалиберными пулеметами [16, с. 258]. Однако применяемые в качестве сторожевых кораблей и малых охотников, катера своему назначению по-прежнему не соответствовали, вследствие отсутствия приборов поиска подводных лодок (гидролокаторов) и неудовлетворительных мореходных качеств [15, д. 302, л. 109].

Каково же реальное место полученных из-за границы судов в военных усилиях Советского Союза? В первую очередь речь идет о количестве. Всего за период войны с Германией от союзников поступило 318 боевых кораблей [15, д. 321, л. 4]. В то же время отечественной промышленностью было передано флоту 2 легких крейсера, 54 подводные лодки, 18 эсминцев, 15 больших охотников за ПЛ, 55 тральщиков и около 600 боевых катеров [16, с. 288]. Исходя из анализа показателей, вклад ленд-лиза в поддержание боеспособности советских ВМС следует считать заметным только по ограниченному числу позиций. Это утверждение справедливо, например, для больших охотников (15 построенных в 1941–1945 гг. соотносятся с 46 приобретенными только для Северного, Балтийс-

кого и Черноморского флотов, как 1 к 3). В качественном отношении, о достоинствах импортной военно-морской техники можно судить из письма вице-адмирала Елисеева от 5 июня 1945 г.: «...поступившие от союзников корабли в значительной мере обеспечили деятельность Северного флота. Тральщики, охотники за подводными лодками и торпедные катера успешно действовали в соответствии со своим назначением» [7, с. 78]. Вместе с тем, приведенное изречение весьма показательно, так как оно отражает не только позитивные стороны, но и ключевое противоречие системы англо-американского судового ленд-лиза периода Великой Отечественной войны. На одной чаше весов – высокие характеристики большинства зарубежных кораблей, оснащенных не имеющими отечественных аналогов приборами (гидро, радиолокаторы и пр.), причем изучение последних позволило нашей стране в дальнейшем ликвидировать отставание по ряду направлений военного производства. На другой – факт эксплуатации подавляющего большинства поступивших из-за границы судов в водах Северного морского театра, уменьшавший их полезность для советского ВМФ в целом.

Дело в том, что во время войны с Германией основные события с участием Военно-морского флота СССР развернулись в водах Балтики и бассейне Черного моря. По сравнению с ними Север имел второстепенное значение и был важен только в плане осуществления конвойных операций. Несмотря на это, вследствие географических факторов, именно Северному флоту в полной мере удалось воспользоваться преимуществами союзнических поставок. К ноябрю 1945 г. его соединения располагали 7 тральщиками АМ, 6 тральщиками ТАМ, 33 большими охотниками за ПЛ, 5 малыми противолодочными кораблями, 11 катерами «Воспер», 14 катерами «Элко» и 14 «Хиггинсами». На Балтийском море из числа поставленных до окончания боевых действий судов тогда же находились: 4 охотника за ПЛ больших, 2 охотника за ПЛ малых, 19 ТК «Воспер» и 17 ТК «Элко». А в составе Черноморского флота числились 6 110-футовых противолодочных кораблей, 20 малых охотников и 13 «Восперов» [15, д. 346, л. 472]. Налицо как количественная, так и качественная диспропорция между театрами, наиболее заметная в отношении тральщиков и противолодочных кораблей. При этом высокая степень обеспеченности Балтийского флота катерами

нивелируется сведениями о том, что на Балтике боевые корабли ленд-лиза во время войны не применялись. А значение для боевой деятельности Черноморского флота кораблей и катеров зарубежного производства может трактоваться как чрезвычайно незначительное. Таким образом, мы вправе сделать вывод, что война на море

на важнейших стратегических направлениях – южном и западном – осуществлялась исключительно собственными силами [8, с. 94]. Именно поэтому, действительная роль поступивших из-за границы судов в большинстве важнейших операций отечественных ВМС оказывается далекой от ожидаемой.

Список литературы:

- [1] Ананьев В.В., Йолтуховский В.М. Боевая подготовка и деятельность тральных сил ВМФ СССР (1938–1945 гг.) / В.В. Ананьев, В.М. Йолтуховский. – СПб.: СПбВМИ, 2004. – 100 с.
- [2] Бережной С.С. Флот СССР. Корабли и суда ленд-лиза: Справочник. – СПб.: Велень, 1994. – 400 с.
- [3] Бурков Г.Д. Война в Арктике: к 70-летию начала Великой Отечественной войны. – СПб.: ГНЦ РФ ААНИИ, 2011. – 195 с.
- [4] Буров В.Н. Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. – СПб.: Судостроение, 1995. – 599 с.
- [5] Йолтуховский В.М., Осокин Н.В. Противоминная оборона Северного Флота (1941–1945 гг.). – СПб.: СПбВМИ, 2008. – 186 с.
- [6] Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. – М.: Наука, 2008. – 244 с.
- [7] Краснов В.Н. Ленд-лиз и развитие советского флота // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993, №1. – с. 69–85.
- [8] Ларинцев Р.И. Ленд-лиз для ВМФ СССР – помощь на завтра // Флот и победа: общерос. обществ.-науч. чтения, 19–20 мая 2004 г. – Архангельск.: Администрация Арханг. обл., 2004. – с. 91–100.
- [9] Ларинцев Р.И. Ленд-лизские поставки на Северный флот и их эффективность // Война в Арктике (1939–1945 гг.). – Архангельск: Поморский государственный университет, 2001. – с. 263–269.
- [10] Лукин А.И. На тральщике в полярных конвоях // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Выпуск 4. – М.: Андреевский флаг, 2000. – с. 234–248.
- [11] Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941–1945. – СПб.: ООО Издательство Полигон, 2002. – 640 с.
- [12] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 644. Оп. 2. Д. 28.
- [13] Торпедой – пли! История малых торпедных кораблей / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 1999. – 367 с.
- [14] Центральный военно-морской архив (ЦВМА). – Ф. 13. Оп. 71. Д. 1292.
- [15] ЦВМА. – Ф. 928. Оп.3.
- [16] Шитиков Е.А., Краснов В.Н., Балабин В.В. Кораблестроение в СССР в годы Великой Отечественной войны / Е.А. Шитиков, В.Н. Краснов, В.В. Балабин. – М.: Наука, 1995. – 301 с.
- [17] Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / Авт. и сост. проф. Э.А. Иванян. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 692 с.

ХАРЬКОВСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИИ ИСКУССТВА: А.И. КИРПИЧНИКОВ

В статье изучается история становления искусствоведческой науки в Харьковском университете и освещается харьковский период жизни крупнейшего ученого своего времени – филолога и историка искусства, профессора Харьковского, Новороссийского и Московского университетов, член-корреспондента Петербургской Академии наук А.И. Кирпичникова, который оставил заметный след в отечественной науке.

Ключевые слова:

история искусства, А.И. Кирпичников, Харьковский университет.

В конце XIX – начале XX вв. Харьковский университет стал одним из ведущих центров искусствоведческой науки в Украине. Тут работали такие выдающиеся историки искусства как Е.К. Редин (1863–1908) и Ф.И. Шмит (1877–1937). Однако вопрос изучения истории искусства в университете был бы раскрыт не полностью без упоминания имени крупнейшего ученого, филолога, искусствоведа, знатока библиотечного дела, организатора науки и общественного деятеля А.И. Кирпичникова (1845–1903). Его научно-педагогическая работа внесла значительный вклад в формирование и развитие Харьковской школы истории искусства и заслуживает, на наш взгляд, специального рассмотрения и оценки.

А.И. Кирпичников родился в 1845 г. в городе Мценске Орловской губернии в купеческой семье. После окончания I московской гимназии в 1861 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где слушал лекции Ф.И. Буслаева (1818–1897), под влиянием которого стал заниматься изучением искусства. Студент Кирпичников был одним из лучших учеников Ф.И. Буслаева. Преподаватель «руководил его занятиями, помогал ему книгами, советами и в студенческие годы, и в последующие» [14, с. 64]. В одном из писем А.И. Кирпичников просит Ф.И. Буслаева научить его с чего начать изучение искусства. В свою очередь, Ф.И. Буслаев внимательно следил за новыми исследованиями ученика, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка [9, с. 39]. Также Кирпичников изучал искусствоведческую науку слушая лекции К.К. Герца (1820–1883), который в это время занимал кафедру истории и теории искусств Московского университета.

Окончив университет А.И. Кирпичников несколько лет преподавал в московских гимназиях, путешествовал по Европе. После защиты магистерской диссертации по средневековой литературе был пригла-

шен в Харьковский университет в качестве приват-доцента по кафедре истории всеобщей литературы, где проработал с 1873 по 1884 г. В 1876 г. ученый направляется в научную командировку для сбора материала и написания докторской диссертации. В 1879 г. после успешной защиты докторской диссертации «Св. Георгий и Егорий Храбрый, исследование литературной истории христианской легенды» А.И. Кирпичников вернулся в Харьков, где был избран экстраординарным профессором Харьковского университета. Будучи профессором кафедры всеобщей литературы, читал общие и специальные курсы по истории западноевропейской и русской литературе.

В 1863 г. в Харьковском университете была основана кафедра теории и истории искусств. Создание кафедры, наряду с работой Музея изящных искусств, которым с 1881 по 1884 год заведовал А.И. Кирпичников, повлекли появление специальных курсов искусствоведческого характера.

А.И. Кирпичников одним из первых в Харьковском университете начал читать лекции по искусствознанию, продолжая проводить занятия по основным курсам. В 1882/1883 учебном году он читал курсы «Литература и искусство в первые века христианства» и «История итальянского искусства в эпоху Возрождения», в 1883/1884 учебном году – «История русского искусства» [13, с. 1].

Ученик А.И. Кирпичникова по Новороссийскому университету и приемник по Харьковскому университету Е.К. Редин (1863–1908) имел возможность ознакомиться с его литографированными лекциями курсов «Истории итальянского искусства в эпоху Возрождения» и «Истории русского искусства». «Лекции отличаются обычными достоинствами, присущими и его устным лекциям: живое, увлекательное изложение – простое, безыскусственное, с меткими характеристиками, введение в глубину вопроса, освещение его фактами, яркими примерами» [14, с. 78], – писал он.

«А.<лександр> И.<ванович> читал историю романтизма, итальянского возрождения, Гете и Шиллера, изучения народности, христианского и русского искусства и проч.», – писал ученик А.И. Кирпичникова, профессор Харьковского университета Л.Ю. Шепелевич (1863–1909) [17, с. 28], продолжая далее: «особенно увлекала А.<лександра> И.<вановича> история культа Богородицы в литературе и искусстве» [17, с. 30].

Во введении к курсу «История итальянского искусства в эпоху Возрождения» А.И. Кирпичников говорил о начальной эпохе итальянской живописи и о влиянии на нее византийской культуры. «В кратких, но метких характеристиках проходит перед слушателями история постепенного развития итальянской живописи в лице ее представителей: Чимабуэ, Дуччио да Буонинсенци, Джотто, фра-Беато Анджелико, и далее уже эпохи Возрождения: Мазаччио, Филиппо-Липпи, Сандро Боттичелли и др.» [14, с. 78]. Несмотря на то, что курс «Истории итальянского искусства» был кратким, но в связи с общим курсом истории литературы той же эпохи являлся очень полезным для студентов.

Еще большее значение имел курс «История русского искусства». Нужно отметить, что в связи с малой разработанностью памятников русской старины и почти полным отсутствием монографий, посвященных отечественному искусству, такой курс не читался вообще. Краткий курс лекций представлял собою резюме научной литературы, опубликованной в то время. А.И. Кирпичников характеризовал ключевые моменты истории русского искусства, указывая на огромную роль Византии, которую последняя сыграла в становлении и развитии отечественной культуры и общей истории человечества [14, с. 78–79].

«В лекциях профессора не было проповедей и морали, но он имел необыкновенную способность заставить своих слушателей думать не только над научными вопросами и теориями, но и над вопросами, имеющими общечеловеческое значение», – писал еще один ученик Александра Ивановича С.В. Соловьев (1862–1913) [15, с. 237].

А.И. Кирпичников охотно читал и публичные лекции. Это были, в первую очередь, лекции связанные с историей западноевропейской и русской литературы «Забывтый талант (Дружинин)», «Диккенс, как педагог», «Тургенев и его значение в истории европейского романа», «Макиавелли» и пр. Читал он и лекции истори-

ко-искусствоведческого характера, в частности, о великом итальянском художнике Рафаэле [15, с. 237]. Эта лекция была опубликована в журнале «Русская мысль» (1883, № 7) [11, с. 164].

Совмещая преподавательскую деятельность с научной работой, А.И. Кирпичников не просто интересовался искусствоведческой наукой, но и развивал ее, привлекая к этому процессу преподавателей и студентов. Будучи заведующим Музеем изящных искусств университета, он один раз в неделю, по вечерам, читал лекции и проводил практические занятия для студентов, на которых заслушивались и обсуждались рефераты по разным темам. В то время такого рода «семинарий» был только у проф. Кирпичникова [15, с. 237]. Такие же семинары А.И. Кирпичников проводил и после перехода в Новороссийский университет, о чем свидетельствует его ученик Е.К. Редин [12, с. 60], а затем и в Московском университете. Такая организация обучения являлась особенно важной, так как давала возможность на практике познакомиться с произведениями мирового искусства.

А.И. Кирпичников был организатором науки, являясь одним из членов-основателей Историко-филологического общества при Харьковском, а позже и Новороссийском университетах, деятельность которых приобрела всероссийскую известность. На заседаниях Харьковского историко-филологического общества, наряду с некрологами, докладами в области литературы и этнографии, А.И. Кирпичников выступал и с вопросами искусствоведческого характера. Он прочитал реферат «О некоторых миниатюрах средневековых Венских рукописей», который был опубликован в журнале Министерства Народного просвещения в 1883 г. [16, с. 53].

Ученый принимал активное участие в жизни университета и города, работая везде с большой увлеченностью и самоотдачей. Он был председателем «Общества пособия нуждающимся студентам», работал в различных комиссиях «Общества грамотности», активно поддерживал идею создания в Харькове общественной библиотеки, сотрудничал в журнале «Мир» в качестве редактора литературного отдела и т. д.

В 1884 г. после смерти жены А.И. Кирпичников уехал в Петербург, а затем в Одессу. В 1885 г. он был назначен ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре истории западных литератур. Кроме того, свой переход в Новороссийский университет ученый объяс-

нял необходимостью пользоваться советами Н.П. Кондакова (1844–1925), в то время уже известного ученого в вопросах изучения истории византийского искусства. В свою очередь, внимание Н.П. Кондакова привлекали сочинения А.И. Кирпичникова [9, с. 81]. В 1894 г. А.И. Кирпичников избирается член-корреспондентом Петербургской Академии наук. С 1897 г. работал в Московском университете, где был избран деканом историко-филологического факультета, а позже выполнял обязанности помощника ректора.

Научно-педагогическая деятельность А.И. Кирпичникова в Харьковском университете повлияла на формирование художественных интересов его учеников, одним из наиболее ярких представителей, которых был Н.Ф. Сумцов (1854–1922). Будучи профессором кафедры русского языка и словесности, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук Н.Ф. Сумцов интересовался проблемами развития искусства. Он являлся автором таких работ, как «К истории украинской иконописи», «Маленький отзыв о большом ученом труде», «Леонардо да Винчи» и др. Также в числе учеников А.И. Кирпичникова можно назвать имена Л.Ю. Шепелевича (1863–1909), М.Г. Халанского (1857–1910), А.М. Миронова (1866–1929?)* и др.

После переезда в Одессу А.И. Кирпичников не терял связь с Харьковским университетом. В Новороссийском университете у него учились видные историки искусства Д.В. Айналов (1862–1939) и Е.К. Редин. Александр Иванович помогал молодым искусствоведам в написании «дипломного сочинения», посвященного мозаикам и фрескам Киево-Софийского собора [1, с. 1]. В 1893 г. Е.К. Редин стал первым штатным преподавателем по кафедре теории и истории искусств Харьковского университета. А.И. Кирпичников принял участие в работе XII Археологического съезда, который прошел в 1902 г. в Харькове и т. д.

В 1888 г. чтение лекций по истории искусств в Харьковском университете было поручено профессору греческой литературы А.Н. Деревицкому (1859–1943) [13, с. 2]. В Музее истории университета сохранилось «Расписание лекций историко-филологического факультета на осеннее полугодие 1889 г.», где зафиксировано, что А.Н. Деревицкий читал лекции по теории искусств [10, Л. 11888].

* А.М. Миронов – выпускник Харьковского университета, историк искусства, профессор Казанского университета.

Научная деятельность А.И. Кирпичникова носила разносторонний характер. Ученый являлся выдающимся специалистом в области западноевропейской и русской литературы, не менее значительными были его труды в сфере литературы византийской. В начале 80-х годов он занялся изучением истории христианского искусства, избрав за основу своих работ цикл литературных и иконописных сюжетов, связанных с культом Богородицы. Разумеется, в рамках одной небольшой статьи невозможно подробно осветить все научные труды А.И. Кирпичникова в области искусствознания. В этой связи, автор рассматривает лишь начальный этап становления ученого как историка искусства, связанного с его харьковским периодом жизни.

Будучи учеником Ф.И. Буслаева, А.И. Кирпичников успешно использовал историко-сравнительный метод изучения памятников письменности и искусства. В его работах тщательный филологический анализ удачно сочетался с художественным анализом иконописи, наиболее оригинальной сферы русско-византийского искусства. В статье «Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной», которая заслуживает особого упоминания, ученый писал: «Иконопись и духовная литература, два искусства, исчерпывающие все важнейшие... идеи человечества в продолжение многих и многих столетий, находятся в теснейшей связи и влияют друг на друга постоянно и непрерывно... Поэтому близкое знакомство с памятниками одного рода необходимо для полного понимания другого...» [2, с. 213].

Первые работы искусствоведческого характера были опубликованы А.И. Кирпичниковым в 1883 г. В статье «Сказания о житии девы Марии и их выражение в средневековом искусстве» [7] автор знакомит читателя с трудами двух западноевропейских ученых, исследовавших легенды о жизни Богородицы, изучает содержание итальянской рукописи XV в., сопоставляет ее текст с разными источниками. Ученый делает вывод, что уже при первом взгляде на русские сказания о Богородице становится ясным их значение для истории сказаний и «изображений западных».

В небольшой работе «Миниатюры часословов Императорской публичной Библиотеки по отношению к легенде о Мадонне» [4] исследователь изучает часословы XIV–XV вв. из коллекции Публичной библиотеки. Автор акцентирует внимание на миниатюрах, изображающих события из

земной жизни Девы Марии, сравнивает их с миниатюрами более ранних восточных и западных памятников. Ученый пишет, что мы имеем под руками превосходный почти неисчерпаемый материал в наших иконах и миниатюрах, которые почти до наших дней сохранили предания византийского искусства его лучшей поры.

К 1883 г. относится и статьи А.И. Кирпичникова «О миниатюрах одной венской рукописи (по материалам венской придворной библиотеки)» [5] и «Древне-христианские катакомбы, с шестью рисунками» [11, с. 164].

Насколько обширен был план задуманного можно судить по «Программе исследования профессора А.И. Кирпичникова «О деве Марии в поэзии и в искусстве» [6], опубликованной в 1884 г., которая была «изложена» и в зарубежной литературе [11, с. 164]. Отзыв на «Программу» был написан Ф.И. Буслаевым, где отмечалась важность поставленных задач. Ф.И. Буслаев подчеркивал, что результаты исследования могут привести к «открытию новых и существенных данных», сохранившихся в отечественной иконописной традиции. Сам Александр Иванович, осознавая важность такого рода исследований, относился к ним критически. В одном из писем от 1884 г. ученый просил Ф.И. Буслаева: «Вы безжалостно черкайте и делайте свои замечания» [9, с. 39].

В 1884 г. А.И. Кирпичников принял участие в работе VI Археологического съезда, в «Трудах» которого были опубликованы его два иконографических очерка. В первом – «Успение Богородицы в легенде и в искусстве» [8] исследователь выясняет воздействие словесности на иконографию. Он проводит обзор легенд об Успении Богородицы и сравнительный анализ «Праздника Успения» в литературе и изобразительном искусстве. Автор изучает две главные редакции «Праздника Успения», одна из которых приписывается Иоанну Богослову, другая – Мелитону Сардийскому. Ученый вкратце пересказывает и сравнивает их содержание, изучает иконографию Успения Богородицы, делает краткий обзор русских редакций. Он исследует церковные песнопения православной церкви на успение, изучает изображения Успения на Васильевских дверях Софии Новгородской, рассматривает коллекцию икон Академии художеств, сравнивая их с иконами, хранящимися в музее Духовной академии Киева, рассказывает об иконе в Успенском кафедральном соборе Ярославля, исследует русские

подлинники и другие памятники искусства. А.И. Кирпичников обращается к западной иконографии, подчеркивая, что первые изображения изучаемого сюжета появляются в XII в. Ученый приходит к выводу, что «весь самостоятельный труд по выработке основных типов сказания о конце земной жизни Богородицы и иконографии этого сюжета выпал на долю восточной, греческой церкви» [8, с. 233]. Как следует из выше сказанного, именно византийскому искусству ученый уделял особое внимание.

С главной научной темой ученого в области искусствознания «Житие Богородицы в поэзии и искусстве» был связан и второй очерк, посвященный иконографии «Вознесения Христова» [3]. Автор изучает историю возникновения праздника Вознесения, уточняя, что появился он сравнительно поздно, не ранее VI в., описывает сюжет, проводит аналогии с миниатюрами сирийского Евангелия VI в. и другими памятниками византийского и русского происхождения.

После переезда в Одессу, а затем в Москву А. И. Кирпичников продолжал заниматься изучением истории искусства, о чем свидетельствуют его многочисленные монографии, статьи, некрологи, рецензии и публичные лекции – «О Деве Марии в поэзии и искусстве», «Чудесные статуи в Константинополе», «Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной» [2], «Исторический обзор иконописных изображений Богородицы». И это далеко не полный перечень работ историко-искусствоведческого характера, несмотря на то, что часть материалов по исследуемому вопросу так и не были напечатаны.

А.И. Кирпичников сделал значительный вклад в развитие искусствоведческой науки своего времени. Используя историко-сравнительный метод, он одним из первых обратился к изучению памятников искусства в их связях с литературой. Ученый исследовал, главным образом, иконографические сюжеты христианского искусства, в частности, русского и византийского искусства. Безусловно, работы А.И. Кирпичникова искусствоведческого характера, особенно харьковского периода, имели много недостатков. Однако их значение определялось новизной и количеством вводимого в научный оборот материала, что было крайне важно при «молодости» отечественной науки и почти полном отсутствии литературы по искусствоведению.

1. Айналов Д., Редин Е. Киево-Софийский собор. Исследование древней мозаической и фресковой живописи. – СПб., тип. имп. Акад. Наук, 1889. – 157 с.
- [2] Кирпичников А.И. Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной // Труды VIII Археологического съезда в Москве, 1890: В 4 т. / Под ред. П.С. Уваровой и М.Н. Сперанского. – М.: Тов. тип. А.И. Мамонтова, 1895. – Т. 2. – С. 213–229.
- [3] Кирпичников А.И. Иконография «Вознесения Христова» // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.): В 3 т. – Одесса, тип. А. Шульце, 1887. – Т. 3. – С. 387–395.
- [4] Кирпичников А.И. Миниатюры часословов Императорской публичной Библиотеки по отношению к легенде о Мадонне // Художественные новости. – 1883. – Т. 1. – С. 501–509.
- [5] Кирпичников А.И. О миниатюрах одной венской рукописи // Журнал Министерства народного просвещения. – 1883. – № 3. – С. 33–36.
- [6] Кирпичников А.И. Программа исследования профессора А.И. Кирпичникова «О деве Марии в поэзии и в искусстве» // Записки имп. Академии наук. – 1884. – Т. 49. – С. 47–51.
- [7] Кирпичников А.И. Сказания о житии девы Марии и их выражение в средневековом искусстве // Журнал Министерства народного просвещения. – 1883. – № 7. – С. 16–66.
- [8] Кирпичников А.И. Успение Богородицы в легенде и в искусстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.): В 3 т. – Одесса, тип. А. Шульце, 1888. – Т. 2. – С. 191–235.
- [9] Кызласова И.А. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). – М.: изд-во Моск. ун-та, 1985. – 184 с.
- [10] Музей истории ХНУ. – Ф. 7. Оп. 9. П. 4: Историко-филологическое общество.
- [11] Попруженко М.Г. Библиографический обзор трудов А.И. Кирпичникова // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – 1905. – Т. 14. – С. 162–174.
- [12] Редин Е.К. Памяти профессора А.И. Кирпичникова // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – 1905. – Т. 14. – С. 1–4, 59–62.
- [13] Редин Е.К. Преподавание искусств в Императорском Харьковском Университете: К истории Императорского Харьковского Университета (1805–1905). – Харьков: тип. и литография М. Зильберберг и с-вья, 1905. – 35 с.
- [14] Редин Е.К. Профессор Александр Иванович Кирпичников. Обзор трудов его по истории и археологии искусства // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – 1905. – Т. 14. – С. 63–80.
- [15] Соловьев С.В. Кирпичников Александр Иванович // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905): I. История факультета. II. Биографический словарь профессоров и преподавателей / Под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. – Харьков: тип. А. Дарре, 1908. – С. 232–238.
- [16] Список рефератов, читанных на заседаниях историко-филологического общества при Императорском Харьковском университете за первое двадцатилетие его существования (1876–1902) // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – 1905. – Т. 14. – С. 42–55.
- [17] Шепелевич Л. Проф. А.И. Кирпичников // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – 1905. – Т. 14. – С. 22–36.

УДК 330.522.6
ББК 60.56

Е.Е. Тарандо

ТЕОРИЯ СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Отстаивается точка зрения относительно необходимости включения в предметную область экономической социологии проблематики собственности, за счет чего формируется специальная социологическая теория – социология собственности. Собственность определяется как социальное отношение, анализируются субъект и объект собственности с позиций социологии, обозначается круг вопросов, входящих в предметную область социологии собственности.

Ключевые слова:

институт собственности, объект собственности, собственность, социология собственности, субъект собственности.

В настоящее время в социологии феномену собственности не уделяется достаточного внимания. Это объясняется тем, что большинство социологов придерживается теории социального действия как предмета социологии, полагая, что фокус социологического анализа должен сосредоточиться на социальном действии и его смысловых значениях. Однако структуру общества образуют не элементы социального действия или виды деятельности, а общественные отношения, в рамках которых осуществляется человеческая деятельность.

Исследование феномена собственности в рамках экономической социологии формирует специальную социологическую теорию – социологию собственности. Ее объектом является собственность как общественное явление, предметом – социальная специфика собственности, закономерности ее функционирования и развития, взаимообусловленность и взаимовлияние собственности как общественного отношения и всей системы общественных отношений. Задача состоит в том, чтобы теорию собственности включить в предмет экономической социологии. Это важно сделать потому, что воспринимаемая нашими авторами модель западной экономической социологии, особенно в лице М. Грановеттера, А. Этциони, исключила собственность из экономической социологии.

Исходным пунктом социологического анализа собственности является ее пони-

мание как общественного отношения, т.е. определенной связи между людьми, возникающей по поводу присвоения условий воспроизводства человеческой жизни. Чтобы вступить в эту связь (отношения), необходимо быть включенным в сообщество людей, объединенных этой связью (отношениями). Каждый человек оказывается включенным в отношения собственности только в качестве члена соответствующего сообщества: и в первобытной общине, и в семье, и в современном трудовом коллективе человек имеет отношение к средствам воспроизводства (собственности) только будучи членом этих сообществ. Отношения собственности тем самым оказываются общесоциальным, общественным явлением, присутствующим в том или ином виде практически на всех уровнях общественной системы. Следует согласиться с Г.И. Черкасовым, который считает, что «отношения собственности имеют всестороннюю распространенность в человеческом обществе, поэтому их надо считать общесоциальной реальностью» [6, с. 29–30].

Рассмотрение собственности как особого вида общественных отношений предполагает, что в повседневной жизни эти отношения реализуются через деятельность людей, подчиняющихся определенным формальным и неформальным нормам, регламентирующим присвоение благ теми или иными субъектами. С этой точки зрения собственность предстает

как определенным образом организованная совокупность правил поведения (деятельности), позволяющая или, наоборот, не позволяющая определенным субъектам присвоить те или иные объекты, что дает возможность рассматривать собственность как социальный институт. Выступая формой реализации общественных отношений, социальные институты, в т.ч. и институт собственности, является своего рода связующим звеном между деятельностью людей и теми отношениями, в рамках которых люди воспроизводят свою социальную жизнь. Поэтому понимание собственности как разновидности общественных отношений и институциональный подход к ее исследованию не являются взаимоисключающими, а призваны дополнить друг друга.

Отношения собственности являются сложными отношениями – они имеют два уровня своего осуществления [1, с. 4–5]. Во-первых, это отношение людей к условиям своего воспроизводства. Это отношение имеет место только тогда, когда данная вещь оказывается полезной, т.е. когда она задействована в процессе воспроизводства жизни людей через извлечение из нее полезных свойств, а значит, выступает условием воспроизводства.

Собственность не образуется из отношения конкретного человека к условиям своего воспроизводства. Так, человек может присваивать объективные условия воспроизводства, относиться к природным или созданным им предметам как к своим, но это еще не будет отношением собственности. Для того, чтобы оно возникло, нужно сообщество людей. Именно тогда, когда происходит присвоение условий воспроизводства в рамках коллектива, возникает отношение собственности. Поэтому в определение собственности обязательно должен быть включен второй уровень этих отношений – отношение одних людей к другим людям по поводу присвоения ими условий и средств воспроизводства, что составляет более глубокое, сущностное понимание собственности. Понимание собственности как отношения между людьми находит поддержку и среди западных ученых, касающихся в своих исследованиях данного феномена: «Благодаря институциональным связям с социальными обычаями и государством собственность одновременно является отношением и между людьми и между вещами», – пишет Дж. Ходжсон [5, с. 229]. То, что собственность представляет собой прежде всего отношение между людьми, подводит ее под определение общественных отношений и вводит в пред-

метную область социологии и тем более – экономической социологии.

В качестве общественного отношения собственность имеет свою специфику, которая заключается в том, что это есть отношения по поводу условий воспроизводства, среди которых ведущее место принадлежит средствам производства. Поэтому важным для организации отношений собственности в обществе является определенность их субъекта и объекта, каждый из которых служит основанием выделения форм собственности. Главным формообразующим элементом отношений собственности является их субъект. В качестве субъекта собственности могут выступать индивиды, выделяемые по самым разным критериям социальные группы, а также все общество в целом. В западной науке, в том числе в экономической теории прав собственности как направлении неинституционального анализа собственности, обществу обычно отказывается в способности выступать субъектом собственности. Считается, что «отсутствие каких бы то ни было исключений из доступа к ресурсу (т.е. свободный доступ к нему) означает, что он – ничей, что он не принадлежит никому или, что то же самое, – всем» [8]. Такая позиция проистекает из принципа индивидуализма, согласно которому лишь индивид обладает способностью быть реальным социальным субъектом, поскольку все социальные взаимодействия существуют лишь посредством деятельности отдельных индивидов, в то время как общество выставляется лишь суммой индивидуальных ролей. Тем самым забывается, что человек обретает свою человеческую сущность только будучи членом общества, т.е. посредством включенности в общественные отношения и усвоения через взаимодействия с другими людьми ценностей, норм и образцов поведения, составляющих ткань общественной жизни людей. И коль скоро сущность любого единичного явления составляет то общее, которое объединяет в себе отдельные единичности, то и человеческая сущность индивида выступает как его общественная сущность, как совокупность общественных отношений, носителем которой он является.

Поскольку отношения собственности имеют общественный характер, а их предпосылкой является наличие определенного сообщества, то исходным и первоначальным их субъектом выступает общество. В то же время любое общество состоит из индивидов, образующих его своей совокупностью и являющихся составляющими его

элементами. Отсюда выделяются две основные друг другу логические формы собственности – общественная и индивидуальная, субъектами которых выступают, соответственно, общество и индивид. В данном случае необходимо решить вопрос о том, каким образом соотносятся эти формы – являются ли они взаимоисключающими друг друга сущностями или, наоборот, предполагают друг друга в своем функционировании.

Очевидно, что взаимосвязь между общественной и индивидуальной формами собственности следует рассматривать со стороны взаимосвязи субъектов этих форм – общества и индивида. Любое общество всегда состоит из индивидов, это способ его существования. Одновременно индивид получает свое социальное бытие только будучи членом общества: именно в обществе индивид становится личностью. Отсюда как общество не может существовать без индивидов, так и индивид не может нормально существовать вне общества. Поэтому общественная и индивидуальная формы собственности взаимопредполагают друг друга. Так, общественная собственность становится таковой только тогда, когда происходит ее индивидуализация, когда она доводится до каждого индивида. В данном случае работает принцип: принадлежит всем, значит принадлежит каждому. Так, например, среднее образование в нашей стране является всеобщим, что предполагает его получение каждым членом общества.

Однако поскольку само общество состоит из отдельных индивидов, то в общественной собственности заложен потенциал ее отрицания в свою противоположность – индивидуальную собственность, принимающую в данном случае форму частной собственности, когда общественная форма не индивидуализируется, а отрицается, поскольку одни члены общества отчуждают (исключают) другую часть общества от средств производства, а значит и от производимого на их основе продукта. Тем самым общественная и частная собственность выступают как противоположные, взаимоисключающие друг друга формы. Антагонизм между общественной и частной собственностью выражается в неравном распределении произведенного общественного продукта между общественными группами и классами.

Между общественной и индивидуальной формой существует множество переходных – групповых (коллективных) – форм собственности, субъектами которых выступают различные социальные группы

и организации, выделяемые по самым разным основаниям.

Установление той или иной формы собственности обуславливается не только характером ее субъекта, но и спецификой объекта (так, например, выделяют земельную, интеллектуальную собственность). В самом общем виде объектом собственности выступает все то, что реально или потенциально служит основой жизнедеятельности собственника, потребление чего необходимо для воспроизводства субъекта собственности. Однако может ли все в мире, окружающем человека и общество, быть объектом собственности? Этот вопрос неизбежно встает в связи с превращением всего и всякого в товар и стоимость.

Прежде всего, поскольку отношения собственности возникают только посредством активного практического отношения к внешним условиям своей жизнедеятельности, то те объекты внешней природы, которые на данной стадии общественного развития не могут служить удовлетворению какой-либо существующей в обществе потребности и которые не могут быть присвоены посредством производительной деятельности, не составляют условий жизнедеятельности социальных субъектов, а потому не могут выступать объектами собственности. Это признается и в экономической теории прав собственности, интерпретирующей данное положение в позиции установления прав собственности на ресурсы. «Собственность в первоначальном значении этого слова относилась только к праву, титулу, интересу, а ресурсы могли называться собственностью не больше, чем они могли называться правом, титулом или интересом», – пишет Г. Демсец [7, р.17]. Собственностью могут называться только те ресурсы, по поводу которых имеется какой-либо интерес. Интерес, в свою очередь, возникает не только на основе потребности в данном ресурсе, но и предполагает наличие способов его использования, т.е. способов его присвоения посредством производительной деятельности. Только в этом случае на такой ресурс возникают права собственности, а сам он становится объектом собственности.

Кроме того отношения собственности имеют общественный характер, т.е. возникают между людьми, и присваиваемый объект природы может получить бытие объекта собственности только будучи включенным в данные отношения.

И, наконец, собственность конкретизируется как наличное бытие социального субъекта, поэтому объект собственности

должен иметь внешнюю по отношению к субъекту форму существования, т.е. выступать как вещь. В настоящее время такая форма навязывается отдельным качествам социальных субъектов, не имеющим свойств товара. Честь, совесть, красота и т.п. могут покупаться и продаваться, т.е. приобретают значение собственности.

В науках, изучающих феномен собственности, даются разные классификации ее объекта. В юридической науке в основе классификации лежат формальные характеристики, существенные для движения данных объектов в обществе и их закрепления за определенными субъектами. Тем самым объекты собственности, как правило, разделяются на движимую собственность и недвижимую, делимые и неделимые вещи, основную вещь и ее части и т.п. Причем в гражданском праве, исходящем из многообразия объектов, существуют различные их классификации. Однако все они отражают формальную сторону, существенную для определения специфики их правового режима.

В классической экономической теории все объекты собственности делятся на средства производства и предметы потребления, выполняющие разные функции в системе производства и воспроизводства. Характер роли объектов собственности в процессах производства – распределения – обмена – потребления задает определенные ограничения для ее субъекта. Так, предметы потребления, предназначенные для личного пользования, могут быть только в индивидуальной (личной) собственности: у всех народов, на какой бы ступени развития они ни находились, предметы личного обихода (утварь, украшения и т.п.) всегда являются собственностью отдельного индивида.

Важное значение для экономической социологии имеет деление объектов собственности на традиционные и нетрадиционные, предложенное в правоведении и успешно применяемое при анализе влияния комбинаций правомочий на эффективность хозяйственной деятельности в экономической теории прав собственности.

До XIX в. проблемы собственности на нетрадиционные блага не возникало. Промышленная революция сделала основным средством производства машину, поставив дальнейшее экономическое развитие в зависимость от внедрения новых, более прогрессивных средств производства, в основе появления которых лежит разработка все более высоких технологий. Последние, в свою очередь, являются про-

дуктом интеллектуального труда. И коль скоро общественное производство функционирует как товарное, то и результаты труда, производящего технологии, также должны стать товарами, т.е. стать частной собственностью, что гарантировало бы социальной группе, занимающейся производством технологий, получение соответствующей доли общественного продукта.

Между тем знания и информация обмениваются по иному, нежели товары законам. В ходе обмена знаниями и информацией не происходит отчуждения, поскольку такой обмен состоит в копировании информации партнера, у которого по окончании акта обмена все равно остается то, что он отдал в процессе осуществления этого акта. Тем самым получается, что сфера информации функционирует по законам общественной собственности.

В современном обществе данная сфера играет важную роль в развитии производства, она стала расширяться и учитываться в социально-экономических отношениях. Это обстоятельство в теориях постиндустриального общества трактуется как переход к принципиально новому типу общественных отношений, основанных на отношениях собственности на информацию и знание [4]. Между тем как бы ни возростала роль знаний и информации, сами по себе они не в состоянии обеспечить удовлетворение первичных (витальных) потребностей. Знания играют важную роль в развитии, но не в самом существовании производства как такового. Сфера информации и знаний появилась и развивается, прежде всего, ради совершенствования материального производства – экономии ресурсов, повышения качества продукции, увеличение производительности труда и т.п. Тем самым высокие технологии «овеществляются» в материальном продукте, а значит из сферы общественной собственности переходят в сферу функционирования собственности частной. Процессы развития производства знаний означают лишь изменения в сфере духовного труда, в то время как обязательной основой жизнедеятельности общества был, есть и будет производительный труд: «Какие бы изменения ни происходили в высших, непродводящих слоях общества, общество не может существовать без класса производителей» [3, с. 296].

В то же время повышение роли информации и знаний в развитии общественного производства актуализирует необходимость определения прав собственности в данной сфере. Основной проблемой здесь

является то, каким образом подвести сферу информации как сферу функционирования общественной собственности (называемую поэтому сферой нетрадиционной собственности) под отношения частной собственности, составляющие основу отношений в современном материальном производстве.

В настоящее время нетрадиционным объектом собственности становится также та часть природы, которая, будучи условием жизнедеятельности каждого члена общества, издавеле считалась собственностью общественной, но с экономическим прогрессом все интенсивнее стала вовлекаться в процесс производства, в связи с чем возникает необходимость установления прав собственности на такие объекты (речь идет о воздухе, воде и т. п.), однако прав иного порядка, нежели в случае со знанием и информацией. Если право собственности на знание и информацию представляет собой распространение частной собственности в сферу собственности общественной, то в случае с окружающей средой происходит ограничение частной собственности в том отношении, в каком это может ущемить общественную собственность на данные ресурсы.

Анализ специфики субъекта и объекта собственности, задающей то или иное оформление отношений собственности, является важным для построения теории собственности в рамках экономической социологии. Однако это не единственное направление исследований в этой области. В настоящее время перед социологией собственности стоят следующие исследовательские задачи:

1) изучение общественной природы собственности, анализ ее как общественного явления со всеми специфическими чертами, благодаря которым она отличается от других общественных явлений;

2) анализ отношений собственности как одной из основ социальной дифференциации общества, деления общества на классы и группы как основы формирования

классовых интересов и их столкновения. Без обращения к отношениям собственности на средства производства невозможно понять причины и сущность классово-борьбы и социальных конфликтов;

3) изучение характера и особенностей взаимодействия собственности и других социальных институтов (государства, семьи и т.п.). Собственность как институт, регулирующий общественное движение условий воспроизводства выступает условием функционирования и развития социальных институтов и подсистем общества, которые, в свою очередь, в обратном отношении также влияют на институт собственности;

4) рассмотрение особенностей реализации отношений собственности на уровне личности. Большое значение имеет положение о собственности как наличном бытии личности, т.е. люди приобретают возможность социального бытия только будучи включенными в отношения собственности. Форма собственности во многом предопределяет характер и черты личности, образ ее жизни, черты поведения. Через отношения собственности реализуется взаимодействие общества и личности;

5) анализ генезиса собственности как исторической смены ее форм. С одной стороны, собственность имеет свое основание в хозяйственной жизни общества, труде. Однако, с другой стороны, предпосылкой собственности выступает наличие социальной общности, общества, в рамках которого имели бы возможность сложиться отношения по поводу условий воспроизводства. Это ставит проблему определения предпосылок развития собственности, причин того или иного ее оформления в определенную историческую эпоху;

6) изучение взаимосвязи отношений собственности и властных отношений в обществе. Показывая кому и над какими условиями воспроизводства в обществе позволено господствовать, отношения собственности тем самым оказываются тесно связанными с властными отношениями.

Список литературы:

- [1] Ельмеев В.Я., Тарандо Е.Е. Социология собственности и распределения. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2009. – 100 с.
- [2] Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности: методология, основные понятия, круг проблем. – М.: АН СССР, 1990. – 98 с.
- [3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 19.
- [4] Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
- [5] Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. – М.: Дело, 2003. – 464 с.
- [6] Черкасов Г.И. Общая теория собственности. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 263 с.
- [7] Demsetz H. Toward a theory of property rights // American Economic Review. V. 57. – 1967, № 2.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СОБСТВЕННОСТИ

Исследуются проблемы взаимосвязи личности и общества, на основе чего выделяется новая социальная функция собственности. Всесторонне изучается взаимосвязь между собственностью и характером человека, а также между социальными ролями и принципом распределения с соответствия с представлениями о справедливости. Кроме того, анализируется волевое содержание собственности, основанное на факторе насилия и общественном договоре.

Ключевые слова:

волевое содержание собственности, воплощение личности в вещи, институт собственности, морально-ценностные устои, отношение лица к вещи, отношения собственности, отчуждение благ, распределение собственности, социальное неравенство, социальные роли, социальные функции собственности, философия индивидуализма, формирование личности, экономические роли, экономические функции собственности, экономическое сознание.

Известно, что правовая форма отношений собственности определяется ее экономическим содержанием [9, с. 20]. С экономической точки зрения правовое закрепление собственности необходимо собственнику для того, чтобы оградить свое имущество от посягательств и определить свое юридическое отношение к ней с целью установления границ ее использования. Экономически через присвоение одним лицом себе некоторых вещей происходит их отчуждение от других участников производства. В присвоении реализуется функция отношения собственника к присвоенному как к «своему». В процессе различения вещей на свое и чужое появляется осознание того, что несобственники должны признавать права собственников на вещь – в этом явлении кроются не только юридические и экономические, но и социальные аспекты владения собственностью, т.к. в процессе признания прав на собственность одних другими задействуются социальные институты, и поэтому реализуется важная функция собственности – соединения личности и общества, исследование которой на сегодняшний день очень актуально в силу трансформации отношений собственности в обществе в целом.

Эволюция отношений собственности приводит к изменению институционально сложившегося взаимодействия собственников и несобственников, как выражения взаимодействия личности и общества. Новые формы собственности, появившиеся в последнее время, требуют законодательного закрепления. В связи с этим особого внимания в изучении вопроса соединения личности и общества через отношения собственности заслуживает неинституциональный подход, который за счет своей

фундаментальности позволяет объяснить различия экономического поведения в правовых структурах в их статическом аспекте, а также механизмы развития этих структур в их динамическом аспекте [4, с. 279–280]. Согласно данному подходу, сложные отношения собственности находят свое отражение в институте собственности [3, с. 98].

С социальной точки зрения, обладание вещами выражает отношения между владельцем и остальными членами общества – невладельцами данной конкретной вещи, – которые имеют институциональную природу, основанную на представлениях о том, что собственность является наиболее полным воплощением личности в вещи, из-за чего исключительность характеризует саму суть собственности [8, с. 152]. Отсюда возникают предпосылки для формирования представлений о волевом содержании собственности, поскольку именно суверенная воля личности собственника определяет бытие принадлежащей ему вещи, поэтому несобственники, признавая права собственников, воздерживаются от посягательств на чужое, т.к. без отношения других лиц к принадлежащей собственнику вещи как к чужой не было бы и отношения к ней самого собственника как к своей [2, с. 413].

Разработкой концепции собственности как неотделимой части человеческой личности впервые занялся Джон Локк. Его трудовая теория происхождения собственности отстаивает мысль о том, что изначально каждый отдельный человек обладает собственностью на «собственную личность»: «труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему (человеку)» [6, с. 277]. Через извлечение из

природного мира его объектов и соединение их со своей изначальной собственностью – своим трудом – человек получает в результате блага и обозначает их как собственные. Соответственно, из состояния общего владения объект материального мира, превращенный в благо, становится частным владением, то есть частной собственностью.

Сразу необходимо отметить, что не все исследователи считают трудовую теорию происхождения собственности верной. Так, социолог и антрополог Ш. Летурно, напротив, считал ошибочными представления Локка и его последователей о том, что частная собственность возникла в результате труда, хотя и признавал, что своим физическим происхождением некоторые объекты частной собственности обязаны труду. Тем не менее, Летурно полагал, что собственность возникла в результате инстинкта самосохранения людей, живших в доисторические времена в группах и кормившихся преимущественно охотой. «Все было общим, особенно сама земля. Оружия и украшения, сделанные человеком для себя, считались его частью» [5, с. 101].

В основу частной собственности Летурно кладет насилие и агрессию, т.к. считает, что раз объектами частной собственности становятся не только те предметы, которые человек забирает у природы, но и те, что отчуждаются у других людей во время войн. В первую очередь, благодаря появлению рабства возникают первые объекты частной собственности – сам раб и его имущество. Раб был первым капиталом, из-за чего собственность стала субъективно предполагать не только наличие, но и деформацию отношений «человек–человек» и далее «человек–общество». С развитием земледелия появилась необходимость закрепления права собственности на землю. Таким образом, по Летурно, развитию капиталистических отношений, основанных на частной собственности, способствовала философия индивидуализма. Однако важно то, что как бы сильно ни прижилась в социуме философия индивидуализма, она немислима без остальных членов общества и взаимодействия с ними «индивидуалиста».

Поэтому можно согласиться с Локком в том, что извлекать из общего пользования в частное возможно лишь по соглашению всех сторон – то есть, остальные члены общества должны признать за индивидом право на собственность, будь-то созданную посредством его труда или же отчужденную через насилие у других индивидов. Однако трудовую меру собственности

«природа правильно установила в соответствии с тем, как далеко простираются труд человека и его жизненные удобства: никто не мог бы подчинить себе своим трудом, или присвоить себе, все, и никто не мог бы использовать для удовлетворения своих потребностей больше, чем только незначительную часть всего этого; так что этим путем ни одному человеку невозможно было нарушить права другого или приобрести себе собственность в ущерб своему соседу, у которого оставалось столь же хорошее владение и такой же величины (после того как тот изъял свое), как и до того, как это было присвоено» [6, с. 281].

Накопление собственности легло в основу необходимости заключения общественного договора, который защищал бы интересы собственников и регулировал права собственности. Данный договор у Локка становится базисом при основании государства: «великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности» [6, с. 283].

Контрактная теория происхождения государства, по мнению Р.И. Капелюшниковой, предполагает, что в основе процесса первоначального наделения правами собственности лежал потенциал насилия, которым располагали участники договора. Однако побочным эффектом такой кооперации становится то, что государство делит своих подданных на классы в зависимости от их полезности [4, с. 279–280]. Поэтому зачастую общество представляет собой хороший плацдарм для формирования небольших сплоченных групп, которые стремятся к перераспределению прав собственности в своих интересах.

Дальнейшей разработкой концепции собственности, как продолжения личности человека, занялся Г.В.Ф. Гегель. Как и у Локка, у Гегеля процесс творения происходит, когда человек добавляет свою рабочую силу к чему-то найденному в природе. В «Философии права» философ рассматривает собственность, как волю, помещенную в вещь [1, с. 109] и, соответственно, как право владеть, потреблять и отчуждать [1, с. 111]. Первая собственность человека у Гегеля – его тело, и обладание им порождает взаимосвязь души с телом. Из обладания своим телом появляются социальные предпосылки возникновения собственности и ее функций: раз человек властен над своим телом, то он способен владеть и чужим, а также объектами материального и нематериального мира.

Главное, для чего необходима собственность человеку – для того, чтобы посредством своей свободной воли выделяться из мира животных и «очеловечиваться». Гегель считает, что животные, в отличие от людей, не обладают свободной волей вырывать вещь из природного мира, владеть ею, пользоваться и распоряжаться. Получается, что собственность через волю помогает людям не только удовлетворять насущные потребности, но и потребностью в обладании, а также реализовываться как «*homo sapiens*» – человек разумный. «Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум» [1, с. 101]. Можно сказать, что одной из фундаментальных социальных функций собственности и у Локка, и у Гегеля выступает функция формирования личности человека и реализации ее воли, но помимо единичной воли отдельно взятой личности существует воля других людей, которые также имеют право вкладывать ее в вещи материального мира, называя их своими [1, с. 128].

Отношения между людьми по поводу собственности обязывают институционально оформлять права всех членов общества на вещи через юридическое закрепление нормативно-правовой базы: «Для собственности как наличного бытия личности недостаточно моего внутреннего представления и моей воли, что нечто должно быть моим, для этого требуется вступить во владение им. Наличное бытие, которое такое ведение тем самым получает, включает в себя и признание других» [1, с. 108–109].

Получается, что через собственность человек соотносится с внешним миром – вступает с ним во взаимодействие, а вещи выступают в роли пути опосредования воли индивида и, как и у Локка, становятся предметами договора. Раз именно благодаря собственности между людьми возникают взаимоотношения, перетекающие в договор, значит, они позволяют реализовываться индивидам как собственникам и личностям в соответствии с волением и по добровольному согласию других собственников.

Отсюда отечественный цивилист К.И. Скловский делает вывод, что договор у Гегеля – это форма собственности [8, с. 47], становящаяся основой права собственности, которое «до этого взаимодействия двух (по крайней мере) лиц еще не развернулось, не существует» [8, с. 48]. В этом кроется социальная природа соединения личности и

общества через институционально закрепленные отношения собственности, так как договор требует, чтобы «субъективная воля стала более всеобщей и возвысилась до этого осуществления» [2, с. 128]. Таким образом, владение собственностью позволяет человеку через договор с другими людьми двигаться от своей единичности к всеобщности и соединить свою личность с общностью. Так внешне проявляется социальная функция собственности соединения личности и общества.

Здесь необходимо отметить, что в экономическом плане данная функция раскрывается через привитое с детства личностное отношение человека к деньгам, капиталу, прибыли, товарно-денежному обмену и т.д., то есть через сугубо экономические категории, которые отражают «работоспособность» собственности, ее способность к своему увеличению, возрастанию. «Отсюда собственность показывает уровень активности человека, его хозяйскую сметливость и поворотливость» [3, с. 13].

В связи с этим собственностью не может не отражать личностных характеристик человека. Недаром считается, что собственностью обладают бережливые и трудолюбивые люди. Отсюда происходит представление людей о собственности, как о мере человеческих способностей и достоинств. Способность человека в экономическом плане наиболее ярко проявляются при реализации экономических ролей. Экономическая роль – понятие, введенное в оборот еще Т. Вебленом, отражает набор некоторых функций, которые индивид вынужден выполнять для удовлетворения своих потребностей. Каждый человек в процессе жизни выполняет несколько ролей. Порой одновременно индивид является «потребителем», «покупателем», «производителем» и так далее [3, с. 42]. Сообразно распределению ролей и собственности между индивидами, наличие дорогой машины, украшений, недвижимости описывают нам их обладателей лучше, чем что бы то ни было, в особенности, если речь идет о представителях «праздного класса».

Помимо личностных характеристик, которые приписываются другими людьми человеку сообразно его роли, статусу, имущественному и общественному положению, нельзя сбрасывать со счетов сам характер человека, который тоже является естественным сплавом его приобретенных и природных способностей, и оказывает непосредственное влияние на взаимодействие личности и общества, на ее интегра-

цию в социум. Согласно психофизиологическим концепциям, характер неотделим от темперамента, который дает человеку те или иные свойства. Зачастую формирование капитала зависит от таких свойств темперамента, как настойчивость, решительность, уравновешенность и работоспособность [3, с. 24]. Классификация темпераментов общеизвестна: холерик, сангвиник, флегматик и меланхолик. По мнению исследователей, наибольшей предрасположенностью к накоплению собственности обладают флегматики и сангвиники [3, с. 24].

Тем не менее, характер человека формируется с годами и на самом деле проще всего проследить взаимосвязь собственности и личности, если понаблюдать за маленькими детьми, которые в процессе роста сначала усваивают понятие «мое», а затем, учатся не только вычленять «свои» вещи в материальном мире, но и пытаются захватить «чужие». В этом, по мнению Ш. Летурно [3, с. 16], проявляется заложенный природой индивидуализм, который затем толкает индивида к для накоплению собственности. Понятия «мое» и «чужое» со временем формируют у ребенка чувство собственности.

Однако поведенческие рефлексии детей сформировались не на пустом месте, а в том числе, благодаря тысячелетиям эволюции человеческого социума. Исторически сложилось так, что посредством вещей и конфликтов, возникающих из-за них, индивид сливается с семьей, родом, племенем и обществом. Поэтому обладание вещью всегда порождало собой перенос ее свойств на владельца. Особенно сильно данный перенос прослеживается в допромышленных отношениях собственности, где, чтобы победить своего врага, «важно не только взять жизнь у него, но и захватить его имущество, а «похищение оружия героя является похищением его сущности» [8, с. 66]. Члены семьи тоже сами по себе идентифицируются с владениями собственности, которые требуют защиты. Отсюда появились представления, что человек без собственности перестает быть человеком, частью общества, теряет свою принадлежность к роду, он становится аутсайдером, изгоем, бесполезным. Получается, что собственность через вещественно-субъектную связь сопрягает человека с семьей, родом и обществом [8, с. 85].

Однако с усложнением производственных отношений, самой личности и развитием общества, собственность начинает

противопоставляться «голому человеку» – идеальным представлениям о бытии людей в гармонии со всем миром, которые легли в основу многих религий мира, в особенности, христианства. С развитием религии у человека появляется чувство вины от обладания собственностью. Если для первобытного человека внешний мир представлялся враждебным, а захват из него вещей являлся благом, то дальнейшее присвоение собственности происходит под тягостным давлением представлений о том, что собственность разобщает мир и людей, делая каждого индивида одиноким среди множества ему подобных.

Таким образом, можно говорить не только о важной социальной функции соединения личности и общества, но и о функции обратной – разобщения общества через отделение личности, в том числе, благодаря философии индивидуализма. Чувство вины от обладания собственностью у человека появилось благодаря ее меновой природе, к которой восходит понятие «оценивающего животного», выработанное Ницше в «Генеалогии морали». Собственность стала толчком к появлению у человека времен первобытной общины чувства вины, так как, вступая в отношения обмена между собой, одна личность впервые выступила против другой. Однако именно благодаря поискам способов эквивалентного обмена стали зарождаться и первые понятия о справедливости.

Но для того, чтобы в сознании индивида правильно формировались представления не только о справедливости, но и о собственной выгоде не в ущерб окружающим, необходимо развивать в личности правильное экономическое сознание, так как отношение человека к вещи, как продолжению самого себя, в том числе, формирует отношение человека к человеку посредством отношения к вещи [3, с. 17]. Экономическое сознание в силу наличия или отсутствия политической идеологии, формирует образы собственности и собственника либо в позитивном, либо в негативном ключе. Например, в СССР 70 лет кряду в сознании обычных граждан установкой сверху формировалось неприязненное отношение к собственности и собственникам, которых уничижительно называли «буржуями», «империалистами», «кулаками». Иметь много собственности в Советском союзе было стыдно, а вождельство ее – практически преступление. Политическая идеология была направлена на то, чтобы разрушить позитивный образ собственности и не позволить сформироваться

правильному экономическому сознанию у индивида, столь необходимому для полноценного взаимодействия личности и общества. Экономическое сознание в числе прочего подразумевает под собой формирование представлений об экономической независимости от обладания собственностью и ответственности за свое имущество.

В то же время, экономическое сознание необходимо для того, чтобы у личности вырос уровень самооценки: «чем богаче становится человек, тем больше это дает ему уверенность в жизни. Наличие и уровень собственности (в большинстве своем материализованных результатов деятельности) выступают мощнейшим стимулом самооценки и самоуважения личности (бедность и нищета редко укрепляют достоинство человека)» [3, с. 46-47]. Важную роль в стимулировании самооценки человека играет возможность сравнивать себя с другими, в процессе чего появляется зависть. Зависть может служить сильным стимулом к более равному распределению собственности. Такого мнения придерживаются теоретики либеральной мысли, и, к примеру, политолог и юрист Альберт Нозик. Социальная функция соединения личности и общества реализуется, в том числе, благодаря зависти, потому что это чувство может сподвигать либо к достижению лучших результатов, равняясь на более успешных членов общества, либо к попыткам отобрать и перераспределить в пользу менее успешных по принципу: «раз нет у меня, то и у тебя тоже не должно быть» [7, с. 157], порождая, тем самым, социальное неравенство и еще большую зависть людей друг к другу.

С точки зрения социального неравенства собственность, особенно на начальных этапах ее накопления, может во многом предопределять нахождение человека на социальной иерархической лестнице, что является своеобразным «индикатором»

того, насколько эффективно реализуется функция взаимодействия личности и общества для каждого конкретного человека сообразно имеющейся у него собственности и статусу, который он получает благодаря уровню достатка [3, с. 46-47]. Собственность и ее ценность, таким образом, становятся «входным билетом» к определенным социальным возможностям, «мерилом» ценности человека для общества. Ценность индивида для общества повышает его личную самооценку, а главное – экономическую эффективность и качество его деятельности. Наличие высокой самооценки собственника приравнивается к социально-значимому явлению [3, с. 51], т.к., к примеру, человек, ставший собственником на основе предпринимательства не станет производить некачественный товар или услуги, потому что ему гордость не позволит это сделать. Обычно такие люди берегут свою репутацию и фирмы, так как понимают, что она зарабатывается годами, а теряется за один день.

Таким образом, становится понятно, что собственность не является по отношению к человеку исключительно чем-то внешним – это, в том числе, свойство развивающихся взаимоотношений личности и общества. Социальный аспект отношений собственности формирует у человека чувство собственности, «хозяйина», по отношению к объектам материального мира как к своим – или чужим. Это чувство основано на глубинном инстинкте собственности, который реагирует на всегда связанные между собой процессы присвоения или отчуждения ограниченных благ [3, с. 100]. Процесс отчуждения или присвоения благ указывает на ту или иную социальную стратификацию общества, согласно которой индивид занимает то или иное место среди других людей, соединяясь, таким образом, с обществом в целом через отношения собственности между людьми по поводу благ.

Список литературы:

- [1] Гегель Г.Ф.В. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
- [2] Гражданское право: в 2 томах. Т. I. / Учебник; отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Издательство БЕК, 1998. – 816 с.
- [3] Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д., Иванова Е.А. Человек и собственность / Уч. пос. – М: Изд-во БГУЭП, 2006. – 349 с.
- [4] Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. – М.: ИЭ АН СССР, 1990. – 90 с.
- [5] Летурно Ш. Эволюция собственности. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 416 с.
- [6] Локк Дж. Сочинения в 3 томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
- [7] Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
- [8] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М.: Дело, 2000. – 512 с.
- [9] Тарандо Е.Е. Собственность: взаимосвязь сторон и дисциплинарных подходов // Общество. Среда. Развитие. – 2010, № 4. – С. 18–22.

КАТЕГОРИЯ «ЗАПРЕДЕЛЬНОГО ОПЫТА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ XX ВЕКА

Предпринимается попытка анализа текста, носителем которого является предмет художественной культуры: будь то литературное произведение, фотографический снимок, уникальное или цитируемое изображение, имеющее высокий уровень коннотаций. В данной публикации присутствует обращение к пространству жизни современного человека, который сочетает в себе вечное и сиюминутное, пространство гармоний и контрастов, меру времени пластичную, с точки зрения истории, и точно отмеренную, с точки зрения индивидуального времени отдельной личности. Приводится ряд концепций и произведений искусства, определивших одно из наиболее влиятельных направлений культур-философского дискурса XX века. Демонстрируются мысли и идеи, получившие широкое развитие в настоящее время и непрерывно утверждающие свою вневременную актуальность в вопросах культуры и искусства.

Ключевые слова:

авангард, альтернатива, интенциональность, пороговые состояния в искусстве, символ, симулякр, современные тенденции в искусстве, художественный образ, эстетический предмет.

Запредельное предстает как неведомое, как внеопытное и априорное, то есть является той сферой, в которой верификация знаний является затруднительной. Границы знания, опыта, относительность истины предполагают порог сознания, предел мышления представителя культурной формации и эпохи. Запредельное может рассматриваться как то, что не входит в сферу ведомого, находится за гранью сознательного, понимания, но при этом дано в ощущении, чувстве, переживании, опыте. Опыт выступает одним из наиболее значимых, структурообразующих элементов мировоззрения, человеческой деятельности и экзистенции, будучи неразрывно связанным с процессами культурогенеза и социально-исторического развития мышления. В художественной культуре категория запредельного опыта представлена наиболее ярко с помощью репрезентации пороговых состояний человеческой психики в искусстве. К пороговым состояниям, за счет предельной яркости и константности, в культурном тексте относятся феномены смерти, безумия, любви, а так же экстатические состояния и визионерские практики.

Сознание порогового бытия вечно для культуры. П. Клоссовски в аналитическом эссе «О симулякре в сообщении Жоржа Батая» выражает один из основных принципов культурного баланса – контрдействие: «кто говорит атеология, тот озабочен божественной вакацией – вакацией места или пространства, особым образом удер-

*Всякая теория живописи – это метафизика.
М. Мерло-Понти*

живавшихся именем Бога, гарантом личностного я» [11]. Через понятие «симулякра» в работах Ж. Батая, подобный обмен представляется возможным благодаря способности сознания к усвоению и активному использованию общих установок, образов, архетипов – таким образом, искусство есть активный, утверждающийся через образный строй феномен. Искусство – акт бытия, максимально причастный трансценденции.

Безумие, маска, игра являются основами образного ряда современной культуры, вдохновляющими и впечатляющими современных творцов. Необычность, нестандартность образного воплощения идей, нео-сюрреалистическая реальность, создаваемая в художественном пространстве современности, близки к карнавальной культуре, описанной М. Бахтиным [2, с. 115–120].

Форма искусства в данной образной системе есть форма, через которую возможно единение с трансцендентальным смыслом, посредник, с помощью которого осуществляется движение от частного, к всеобщему, к высшей идее, «платоновскому эйдосу» [5, с. 72–84]. Произведение искусства выступает своеобразным проводником от мысли к действию, от вдохновения и идеологии к практицизму и конкретике, от образа к ощущению реальности, мировоззрению.

Исследователи XX в. впервые отваживаются предпринимать попытки создать

внедогматические работы о предельном, не исходящие из богословской мистики или фатума. Образный ряд Бога, святых и мучеников, в христианстве, видится исследователям XX в. уже не только как живое, гармонически связанное символическое единство, но и как средство многовекового влияния на обывателя.

М. Фуко в «Воле к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» говорит о необходимости работы с дискурсивными пластами. Поднимая пласт осознания индивидуальности, Фуко открывает перед своим читателем историко-социологический анализ персонажа автора, в том числе автора современного, что позволяет влиять на ситуацию, корректировать ее негативные свойства. Текст, по мнению М. Фуко, предстает вечной игрой, лирической мечтой автора и создателя текста, исключая его как живое существо из внешнего и внутреннего диалога. Текст как произведение искусства – это игра взаимоисключающих и взаимосвязанных сил, облаченная в слова, смерть автора, под которой стоит росчерк его пера. «Одно и то же литературное произведение может послужить поводом для одновременного появления дискурсов очень разных типов» [9, с. 61] – сродство письма и смерти так же рассматривается в работе на примерах древних греков, пишущих, чтобы не кануть в Лету, и Шахерезады, рассказывающей сказки непрерывно, чтобы не лишиться жизни наутро. Создать текст в обоих случаях значит выжить, укорениться в мире. Текст как антагонист смерти дает автору возможность остаться в культурном сознании современников и потомков.

До двадцатого века текст был надеждой на бессмертие идей, даже в случае физической смерти автора. Сжигание еретических книг в период от прото-ренессанса (начиная с треченто) до эпохи Возрождения включительно есть не столько акт уничтожения предмета-носителя идеи, но в большей мере, символический акт табуирования, ритуального уничтожения идеи [12]. Возможным методом контроля за дискурсом, во времена Ренессанса, было также физическое и символическое устранение горящего субъекта, таким образом, в порядок дискурса никогда не вступал тот, кто не соответствовал определенным социальным требованиям.

В ряде культурологических исследований внимание, главным образом, акцентируется на креативных функциях культуры и той части регулятивных, что имеют более или менее конструктивный характер.

Культура в той же мере полна запретов, табу и иных ограничений свободы, в какой ограничено сознание ее носителей и трансляторов. З. Фрейд доказал наличие репрессивных функций культуры и сделал данную гипотезу одной из наиболее существенных основ психоанализа.

Образы, согласно концепции М. Фуко, обнаруживаются прежде всего через пограничные состояния сознания – сон, бессознательное и средства, расширяющие диапазон известного и приемлемого (разнообразные психотропные препараты). Вопрос сумасшествия часто поднимается культурой XX в., но не с точки зрения девиации, а как образ безумца – абсолютное преодоление механизмов сдерживания, табу, на которые указывает большое количество исследователей разного уровня, в т.ч., А.Я. Флиер. Безумие, таким образом, рассматривалось, как романтически-парадоксальная и всеобъемлющая сопричастность трансценденции: «среди животных нет сумасшедших, потому что они не ограничивают себя в удовлетворении своих биологических потребностей... Сумасшествие – не природное свойство человеческой психики, а результат чрезмерной культурной регуляции человеческого бытия — культурной репрессии» [8, с. 249]. Причина всестороннего интереса к безумию и смерти обусловлена, в том числе тем, что эти состояния являются наиболее явными, пиковыми и агрессивно-выразительными, с точки зрения восприятия состояний человека в культуре, и антирепрессивными, гуманизированными по своей сути.

Так называемое «ночное», «гамлетовское» сознание высшей степени напряжения и самораскрытия описывается Ф.Г. Лоркой в образе дуэнде, неслучайно сочетаемого с темой вариативности и предвечного ускользания трансцендентальной эмпирики через образы, полно и с неожиданной стороны раскрываемые перед читателем.

Дуэнде, символически отражающее мощь трансцендентального, тайну, – термин, выбранный Лоркой в силу непереводаемости, авербальности. Дуэнде Лорки представляет собой единство вечного и сиюминутного, столь будоражащее воображение художественной культуры XX в. (примером художественного воплощения гротеска в наши дни служит развитие танцевальных направлений системы Tribal-танца «древней» женщины, fire show, а также различные варианты body modification – создания новой архитектуры тела). Дуэнде как символ открытой древней силы, разлитой во всей экзистенции и извлекае-

мой оттуда субъективным переживанием, внутренним опытом причастности, с точки зрения истории искусств, является сочетание художественных приемов сюрреализма и авангарда. Дар творчества новой эпохи, рассматриваемый через образную систему испанской народной культуры (и любой этнической культуры), зачаровывающей всеобщностью своих деталей и емкостью образной системы. «Итак, дуэнде – это мощь, а не труд, битва, а не мысль... воплощает в себе демоническую природу свободы и экстаза, моща и безудержной радости творческой десрукции... его надо будить самому, в тайниках крови... Только с дуэнде бьются по-настоящему» [4, с. 391].

В данной образной системе открывается не форма, а обнаженный нерв, модернистская неподдельность, плотно связанная с болью, кривоизмом А. Арто в Театре жестокости, с его жертвенной самоотрешенностью: «Приближение дуэнде знаменует ломку канона и небывалую, немислимую свежесть – оно, как расцветшая роза, подобно чуду и будит почти религиозный восторг» [4, с. 391]. Поэтика экстаза, развиваемая модерном и постмодерном, как начало всеобщности имеет немало схожего с инсайтом и религиозным экстазом и откровением.

Жар и напряжение художника-модерниста, описанное Ф.Г. Лоркой, тесно переплетаются с подлинным откровением смерти как образной максимы и символа вечности, ночи как воплощения метафизического мрака, темной агонии как неизбежности, контрастом которой выступает образ любви, данный Ж. Батаем в «Слезях Эроса»: «сущность человека, как она дана в его сексуальности – которая есть исток и начало человека, – ставит перед ним проблему, разрешение которой ведет к безумию. Образ этого безумия дан в наивысшем эротическом переживании, в эротическом экстазе, оргазме, властно, наподобие смерти, лишаящем человека разума. Могут ли я всецело пережить эротический экстаз, не является ли это смертельно властное чувство предвкушением конечной смерти? Насилие судорожной радости вырывается из самой сокровенной глубины моего сердца. Это насилие в то же время – я трепещу, говоря эти слова, – и есть сердце смерти: оно разверзлось во мне!» [1, с. 273].

Жорж Батай, постулируя таким образом двойственное безумие жизни – предельное безумие страха, слез и смеха, объединяет переживание смерти и танатологического сознания, практика смерти с экстазом эротического переживания как состояний

предельного внутреннего опыта, опыта самоотрешения и самообретения, описанные, в том числе, в опыте суицида Стигом Даговецем, приобщившему к суицидальному опыту весьма осязаемое для общественного самосознания количество шведской молодежи.

В современной культуре, изживающей сознание смерти, все более десакрализуется тема самоуничтожения и бессознательное стремление к самоотрицанию, образуется все большее количество общностей, отвечающих поиску смерти, встречи с ней, порой за ней не видят больше, чем конец, решение всех проблем, один радикальный уход от реальности: в настоящее время существует большое количество сайтов, посвященных суициду, боли, одиночеству, не меньшее количество сайтов посвящено сексуальным этюдам различной направленности, а также – исследованиям сексуальной жизни общества.

Мещеряковское общество и Академия художеств задаются целью репрезентировать современные танатологические практики и устраивают выставки, посвященные метаморфозам смертельного сознания, трансцендентной эстетики, перформансы и модные показы, именуемые «смертным ходом» (наподобие европейских модных показов в духе Alexander McQueen, до недавнего времени, или Эльзы Скиапарелли, в начале эпохи) и часто отображающие феномены высокого готик-арта. Европейские художники продолжают развивать сюрреалистические сюжеты и мировидение, порой воскрешая их и очищая от полувековой пыли, подобно реконструкторской находке. Яцек Йерка и Роб Гонсалвес, являясь представителями магического реализма объединяют в своих работах направления реализма и сюрреализма, получая мир парадоксов и создавая мир, абстрагирующий от реального – мир сюжетной и выразительной образной линии, играющий цветом. Марк Констаби продолжает идеи Энди Уорхолла – идеи художественных фабрик, где художник выступает также и менеджером, а люди на картинах, – как фигуры, лишённые индивидуальности, как модели человека современности – обтекаемые, серовато-белые со множеством теневых переходов силуэты. Метафизическая живопись Джорджо де Кирико и Колини – тихий мир, который он принес в визуальное искусство, то же, что У. Эко – в литературу, его «король Туле» – квинтэссенция сексуализированной смерти – коронованое смертью животное с человеческим черепом и угрожающе

выпирающим фаллосом – отвратительная ирония, вызывающая тошноту, подобную ощущениям Антуана Рокантена в романе «Тошнота» Ж.П. Сартра.

Смерть, секс и трансценденция, десакрализованные и затертые массовой культурой, теряют свой прежний образный строй, но взамен ему начинает процветать игровая культура, экстазис различной генерации и формы. В эстетике современных субкультур все явственнее просвечивают хтонические, древние образы и символические базы культуры, то, что в среде сторонников альтернативной эстетики, называется queer-эстетикой, а в массах носит наименование «фриковости». Ярких примеров немало и постоянно становится все больше. В среде «ролевиков» – ролевом движении, хрестоматийным, например, может служить образ остановленного времени, как в песне рок-группы «Ария» (обращение к образу вечной жизни и древнего ритуала обретения бессмертия). Также обращения к истории культуры прослеживаются в попытках объединения и моделирования игровой системы WOD, в которой фольклорный, мифологический материал цитируется для создания игрового мира. Под руководством мастера (современного сказочника, барда), того, кто словом создает альтернативные реальности и миры, *santadoga*, как сказала бы К.П. Эстес [10, с. 3], подчеркивая целительные силы сказок и архетипов скрытых в нео-мифологическом сознании современности. В стихотворениях ролевых бардов представлена, порой достаточно противоречиво, поэтика смерти и трансцендентального откровения, достигаемого через ее катарсические объятия (песни исполнителей Мельница, Джем, Ден Назгул).

Трансцендентальный опыт и его художественная практика неизменно и в разных пропорциях включены в жизнь каждого представителя современного общества. Разные формы трансляции данного опыта являются все же традиционным обращением к сакральному знанию, соединившему в себе неуловимый запредельный денотат, общий для человеческого бессознательного, а также ценный и неповторимый субъективный опыт. Под влиянием субъективного опыта творцов эпохи художественная культура обретает все более интересные и глубокие в своих сочетаниях коннотативные значения, воплощаемые в искусстве и анализируемые в том числе с позиции феноменологической трансцендентальности. Говоря о предмете как ментальном феномене, Э. Гуссерль пи-

шет: «мир есть для нас то, что он есть из действий нашего собственного сознания» [3, с. 62] и «каждый вид предметности имеет свой собственный способ данности» [3, с. 79]. В контексте осмысления художественной культуры и искусства это предполагает, что феноменологическая дескриптивность, основывается на “предметном смысле”, на конституировании смысла в сознании, на порядке и способе организации исследуемого объекта. Посредством активации логической структуры, сознание работает с чистым смыслом, с чистым содержанием искусства, которое как умозрительный предмет описывается, как система смыслообразования, конструкторов, моделей имманентной реальности абстрактно и переносимых впоследствии на личные, субъективные сферы значимости и акцентуации исследователя, в сферу праксиса.

Опираясь на исследования Р. Ингардена, С.М. Филипов демонстрирует, как интенциональная предметность осмысляется с точки зрения предметности эстетической: «Эстетический предмет есть интенциональный коррелят эстетического переживания... Реальный предмет служит в качестве исходного пункта и основы построения эстетического предмета. Эстетический предмет многослоен. Он начинается с эмоционального ответа (чувства восхищения, наслаждения, удовольствия и т.д.) на «порадившее нас качество»... Внутреннее восприятие переживания выступает основой для возникновения и «набухания» «фантомного» сознания... Возвращение же к реальности характеризуется, в сартовских словах, «тошнотворным отвращением»... В итоге «жизненный мир» (*Lebenswelt*) покрывается трещинами: действительно ли вещь такова, какой мы ее наблюдаем, либо она лишь кажется таковой, и мы, по сути, «досоздаем» в фантазии и представлении, эстетически-ценные качества и сам предмет как таковой» [7, с. 123].

С опорой на теорию личности и концепции гештальта Вольфганга Келлера, Макса Вертгеймера, Курта Коффка, Курта Левина и других исследователей можно сказать, что сознание создает модели интересующего его предмета в нашем сознании. Не следует забывать и о других особенностях человеческого мышления, например: мы имеем погрешность в виде перцептивной системы человеческого организма, физиологические особенности (в зависимости от состояния рецепторов, роста, слуха, зрения каждый человек уни-

кально воспринимает реальность; в каком-то смысле Сикстинская капелла не только уникальна сама по себе, но уникальна для каждого из людей в силу особенностей восприятия). В процессе анализа нашему сознанию предстает эмоциональный контекст, формируется субъективное, личное отношение к предмету и ряд коннотаций, ассоциаций, которые присущи нашему сознанию в силу индивидуальной эрудиции и культурного опыта субъекта. Процессу формирования эстетического конструкта также сопутствуют: «изменения направленности сознания» [7, с. 123]. Возможность создания в сознании предмета, значительно более богатого по содержанию, нежели его выражение, о чем упоминалось ранее, зависит от культурного опыта субъекта. Далее «единое феноменологическое поня-

тие «произведения» расщепляется на две сущности, два предмета – интенциональный и эстетический; первый возникает как интенциональный, второй – эстетическо-когнитивный «переживания» [7, с. 123]. Сознание конституирует эстетическую предметность, подгоняя качества предмета под сетку знакомых сознанию категорий, структурирующих и синтезирующих «субстрат», как носитель категорий и качеств. Структуры «субстрата» могут организовываться, сочетаясь и комбинируясь между собой множеством разнообразных способов. От образа, восходя к новому ансамблю, синтетическая функция сознания современного человека создает единство более высокого уровня культурной генерализации с опорой на вечный, ускользающий и манящий *запредельный опыт*.

Список литературы:

- [1] Батай Ж. Из «Слез Эроса» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 273–278.
- [2] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле И народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – с. 115–120.
- [3] Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. – 1992, №3. – С. 62–69.
- [4] Лорка Ф.Г. Избранные произведения в двух томах. Стихи. Театр. Проза. Дуэнде тема с вариациями. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 391–394.
- [5] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 3. Высокая классика. – М.: Искусство, 1974. – С. 72–84.
- [6] Метафизические исследования // Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при фило-софском ф-те Санкт-Петербургского государственного ун-та. Выпуск 4. Культура. – СПб.: Алетейя, 1997. – 348 с.
- [7] Филиппов С.М. Феноменология и герменевтика искусства (Музыка–Сознание–Время): Исследование–Пермь, 2003. – 123 с.
- [8] Флиер А.Я. Культура как репрессия. Фундаментальные проблемы культурологии. В 4 тт. Т. I. Теория культуры. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 244–249.
- [9] Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996 – С. 60–177.
- [10] Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. – М.: Гелиос, 2002. – С. 3.
- [11] Клоссовски П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая // Комментарии. – 1994, № 3. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/03/15klos.htm#0> (20.08.2012)
- [12] Льюренте Х.А. История испанской инквизиции. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/inkvizicia/index.htm>
- [13] Фокин С. Постскриптум Жорж Батай: под маской Гегеля // Журнал Комментарии. – 1994, № 3. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/03/15fokin.htm>

ЗАЩИТНЫЕ ФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ: ОПТИМАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ СНИЖЕНИЯ РИСКА НА ОСНОВЕ БАЙЕСОВСКОГО ПОДХОДА

Байесовский подход рассматривается как универсальный для информационной и телесной самозащиты. Данный подход применен к анализу боевых искусств вообще и русского кулачного боя в частности.

Ключевые слова:

байесовский подход, русский кулачный бой, самозащита, средний риск.

Необходимость защиты от информационных атак, а также неподготовленность россиян к отражению агрессии в экстремальных жизненных ситуациях заставляют искать новые подходы к обеспечению их защиты и самозащиты. Поэтому исследования в этом направлении являются актуальными.

Рассмотрим некоторые оптимальные жизненные стратегии. Критерием оптимальности называется правило, по которому из всех возможных решений можно выбрать наилучшее. Наиболее общим критерием оптимального решения является **критерий Байеса – критерий минимума среднего риска**. По критерию Байеса оптимальным считается решение, которое имеет минимальную вероятность ошибок (рисков) с учетом их «веса», или степени нежелательности.

Жизнь диктует стратегию построения систем защиты именно на основе критерия минимума среднего риска. Человечество в ходе истории отклонилось от такой стратегии. Ошибочные решения становятся нормой. Это необходимо исправить. Но как?

Критерий Байеса – вероятностный, учитывающий многомерные плотности распределения входных обучающих (можно сказать, угрожающих) воздействий, и многочисленные варианты восприятия этих воздействий, т.е. фильтры, на выходах которых и формируется результирующий ответ. На основе критерия Байеса как частные случаи могут быть получены и другие критерии. Если принять веса ошибок одинаковыми, получим, что средний риск равен суммарной вероятности ошибки. Условие минимума суммарной вероятности ошибок называется *критерием идеального наблюдателя*. Он используется при решении задач передачи сообщений, где одинаково нежелательны как пропуски, так и искажения элементов сообщения. В радиолокации наибольшее применение находит критерий Неймана-Пирсона,

являющийся частным случаем критериев Байеса и идеального наблюдателя. Сущность критерия заключается в том, что фиксируется условная вероятность ложной тревоги, после чего максимизируется условная вероятность правильного обнаружения.

Байесовский подход широко применяется в технике. Он стал классическим для нее, он стал мерилом оптимальности построения многих технических устройств по критерию **минимума среднего риска**, минимума средней (среднеквадратической) ошибки, максимума правдоподобия в принятии решения, максимума отношения сигнал/шум.

В 2006 г. в Европе запущен исследовательский проект Bayesian Approach to Cognitive Systems (Байесовский подход к созданию когнитивных систем). Цель проекта – оценить применимость байесовского подхода для создания искусственного интеллекта. Уже сейчас есть впечатляющие результаты. Например, байесовская фильтрация используется для управления беспилотными летательными аппаратами и даже автомобилями [3, с. 90]. На основе ее алгоритмов производится обнаружение и классификация быстролетающих целей, например, в системах ПРО. Программы типа GFI MailEssentials, включающие байесовский и IP фильтр, обеспечивают многоуровневую фильтрацию спама и имеют самый низкий уровень ложных реакций.

Продвижение байесовского подхода в гуманитарные науки выполнено в трудах, ставших классическими [4; 5]. На основе байесовского подхода психологи строят современные теории поведения детей младшего возраста [1, с. 60]. Но современные технологии в культуре, в т.ч. в области информационной и телесной самозащиты, опирающиеся на байесовский подход, в настоящее время не известны.

Байесовская модель по своей сути – это **модель обучения**. Не важно, что или кто

обучается – антиспамовский фильтр или человек. Важен факт обучения как таковой. В начальном состоянии оба обучаемых «пусты», далее заполняются «библиотеками»: один – спамом, другой – культурной информацией. Это в идеале. Информационное воздействие может изменить системные основы «интеллектов» спамовского фильтра и человека, например, подростка. Миллионы бесплатных сайтов (с товарами и услугами, порнографические, игровые) – это сайты спама в том или ином виде, но их информация культурно окрашена. Интеллект человека, сидящего за компьютером, должен сам выполнять функцию байесовского фильтра, фильтровать спам и извлекать полезную информацию. Такой интеллект сформирован у многих взрослых. Но формировали они его долгие годы, шаг за шагом осваивая отечественное и мировое культурное наследие. Именно такой интеллект и выполняет **функцию фильтра**.

Каким образом сформировать интеллект, способный сдерживать информационный натиск? Один из возможных способов – это байесовская модель освоения культурного наследия.

Сущность байесовского подхода. Обычно за сложными математическими выкладками скрываются достаточно простые вещи. Язык математики понимают не все и сразу пасуют. Формула Байеса позволяет по следствию (совершившемуся событию) вычислить вероятность того, какой причиной оно вызвано. Обычно же мы, зная вероятности причин, на основе математической статистики определяем следствие (вычисляем его вероятность). **Байес поменял причину и следствие местами.** Причин, вызывающих событие, может быть несколько. Их называют гипотезами.

Поясним это на примере. Мать, узнавшая, что сын получил двойку, может его спросить: «Опять не выучил?» Она по известному следствию (двойке) на основе своего опыта определила причину – не учил. И в 99 случаях из 100 она будет права.

Функция правдоподобия позволяет нам оценивать неизвестные параметры на основе анализа результата. Спамовский фильтр – это функция правдоподобия или фильтр правдоподобия. В нем записаны образцы спама с учетом контекста. Обнаружив в информационном потоке образцы спама, антиспамовская программа не пускает его в компьютер. Точно так же обнаруживаются подводные лодки, самолеты, ракеты, террористы.

Задачи обнаружения, классификации и идентификации – это типичные задачи

защиты. Вначале мы обнаруживаем нечто, классифицируем: опасно–неопасно, свой–чужой. Сопоставляем с «библиотекой» образов (фильтром правдоподобия), т.е. идентифицируем (кто это? что это?). Далее принимаем решение – бросаться в объятия или убежать. Человек постоянно, тысячи раз на дню решает эти защитные задачи. Именно поэтому мы рассматриваем байесовский подход как универсальный для информационной и телесной самозащиты. Рассмотрим самозащиту в информационной и телесной областях жизни. Начнем с информационного воздействия, которое человеком воспринимается в виде образов и символов, которые он может декодировать.

Байесовский подход к анализу языка, этических, эстетических реакций и феномена счастья. В книге [4] дан анализ восприятия языка на основе байесовского подхода. Большинство слов в языке определены нечетко, имеют множество значений, что создает почти непреодолимые трудности для программ перевода. В человеческом интеллекте словарный запас языка хранится в вероятностной форме. Каждому смыслу данного слова (знака, образа) приписан некоторый вес, контекст помогает определить, какой из многочисленных вариантов имеется в виду. Контекст является функцией правдоподобия, семантическим фильтром, помогающим извлечь смысл из входного воздействия.

Байесовская модель объясняет и понимание юмора человеком. Контекст порождает «мгновенную» перестройку семантического фильтра и, несмотря на отличие вероятности использования некоторых слов в десятки и сотни раз, человек находит правильный вариант. Вот эта-то быстрота перестройки, противопоставление различных смыслов и порождает чувственно-эмоциональную реакцию – от улыбки до хохота. Для понимания юмора необходимо хорошее знание языка и его вероятностных характеристик, которые закладываются в подсознание по мере изучения языка. Отсутствие «библиотек» распределения вероятностей в интеллекте человека, изучающего иностранный язык, является главным препятствием в понимании языка.

Феномены восприятия красоты также могут быть объяснены на основе байесовской логики. Функцией правдоподобия, семантическим фильтром в данном случае являются культурные образцы. Полнота записи определяет последующую эстетическую реакцию. Входным воздействием является воспринимаемый образ произведения искусства. Дети в процессе освоения

культурного наследия все время стремятся получить оценку своему творчеству. Тем самым они настраивают семантический фильтр восприятия прекрасного. Байесовская модель в данном контексте непосредственно сопряжена с чувственно-эмоциональными реакциями, поэтому опишем некоторые из них на ее основе.

Важнейшей для человека чувственно-эмоциональной реакцией является счастье. Счастье – это системная социальнo-философская категория, обозначающая положительные переживания субъекта о наличии в настоящем и высокой *вероятности* сохранения в будущем устойчивости и прогресса его самого и необходимых для него систем. Счастье связано с «верностью» самому себе и ряду систем от семьи до культуры и этноса, т.е. с идентичностью национально-культурным архетипам.

Проверка «на счастье» по Байесу соответствует мультипликативному взаимодействию идеального «я» (входного воздействия) и реального «я» (функции правдоподобия). Положительная оценка говорит о движении в сторону идеала – о счастье, отрицательная – об удалении от него. Тревога, невротичность, в пределе ощущение несчастья – это непохожесть на себя идеального, это измена самому себе, это потеря самоидентичности.

Проверка национальной и культурной идентичности по Байесу также определяется мультипликативным взаимодействием метаинтеллекта культуры и портрета «себя». Потеря идентичности со своим этносом, своей нацией, своим государством, своей культурой делает оценку собственных перспектив и перспектив вышестоящих систем отрицательной. Это порождает отсутствие правильности жизненного выбора, смысла жизни, а в пределе отсутствие счастья. Счастье без связи с Родиной, являющейся важнейшим уровнем защиты, проблематично. Ностальгия – это отрицательная чувственно-эмоциональная реакция, связанная с депривацией национального бессознательного, национального архетипа. Личность чувствует, что удаляется от него, а куда – неизвестно. Большинство русских ностальгируют сейчас по своей Родине, не покидая ее. Происходит процесс утраты национальной идентичности. Национальное является мощным уровнем защиты интеллекта, оно связано с такими понятиями как Родина, отчий дом, заветы предков, т.е. первичными понятиями. Теряя их, мы теряем и отмеченные уровни защиты, обеспечивающие целостность интеллекта.

Удовольствие, получаемое человеком, – это лишь ориентир движения к цели, а не сама цель. Положительные чувственно-эмоциональные реакции, получаемые от комфорта, роскоши, праздного образа жизни все чаще становятся не ориентирами, помогающими человеку обретать смыслы и цели жизни, а непосредственными целями и смыслами. Такая подмена делает жизнь человека несистемной, отключенной от культурных архетипов, и ориентированной на простейшее удовлетворение потребностей. В интеллект традиционного человека был встроены «компас», показывающий направление на национальный архетип, а также измеритель отклонения от него (сближения-удаления) – чувственно-эмоциональная реакция. Человек постмодерна частично лишился их.

Для эффективного функционирования байесовского интеллектуального алгоритма необходимо наличие и постоянное пополнение «банков данных» – освоение культурной информации. Преимущественно это образы и знаки, заложенные с детства и возделанные той культурой и той национальной средой, в которой вырос человек. Эти образы преимущественно подсознательные и чувственно-эмоциональные, тесно связанные с телесностью человека. Человек современности, освоивший часть национального и мирового культурного наследия, имеет высокий иммунитет к воздействию массовой культуры, к знакам и образам иной культуры, несовместимой с его собственной. Его интеллект защищен в байесовском смысле. Трудно подобрать информационное воздействие, которое могло бы прорваться через этот фильтр и проникнуть в сознательную формально-логическую часть его интеллекта. Причем защита происходит почти мгновенно, т.к. подсознание обладает скоростью обработки информации на порядки превышающую скорость обработки информации в сознании. Перестроить извне системные основы интеллекта (функцию правдоподобия) с помощью информационного воздействия у такого человека почти невозможно. Только сильные средства воздействия (типа психотропных) могут пройти эту защиту.

Мифологизированный, религиозный и традиционный интеллект имеют равномерное или близкое к нему семантическое распределение, т.е. по Байесу имеют плотность распределения вероятностей смыслов (функцию правдоподобия), имеющую небольшие веса (риски) на всей области своего изменения и уходящую почти

в бесконечность. Эти интеллекты почти инвариантны к любой информации, воздействующей на них. Информационное оружие против них почти бессильно. Реакция таких интеллектов на воздействие этого оружия ничтожна. Небольшие веса (риски) подавляют все составляющие воздействия и не могут оказать влияние на системные основы интеллекта.

Интеллект человека модерна и постмодерна, как правило, имеет неравномерное семантическое распределение с пиками и провалами, т.е., по Байесу, имеет функцию правдоподобия с существенно отличающимися весами и ограниченную протяженность по оси смыслов. Интеллект человека модерна и постмодерна неинвариантен к воздействующей на него информации. Использование информационного оружия против него эффективно. Реакция такого интеллекта может быть настолько сильной, что вызовет разрушение системных основ интеллекта или, по крайней мере, существенно сдвинет пики распределения. С помощью информационного оружия интеллект человека модерна и постмодерна может быть легко «перепрограммирован».

Технология информационной защиты понятна, но труднореализуема. Необходимо осваивать культурное наследие, особенно ту его часть, которая сопряжена с национальным.

Байесовский подход к анализу средств и способов телесной самозащиты (боевых искусств). Боевые искусства также являются вероятностными по своей сути. Совокупность всех средств и способов боевого искусства – это его словарь. Каждое боевое искусство, в т.ч. и *русский кулачный бой* имеет свой словарь. Боевой словарь спортивных систем самозащиты обычно невелик (20–30 основных слов-элементов – ударов, защит, бросков и т.д.). Спортивное «общение» происходит по правилам, т.е. искусственно введенным ограничениям, повышающим зрелищность и соответствующим этическим и эстетическим нормам. Словари прикладных боевых систем, как правило, содержат большее число первоэлементов. Всего насчитывается 96 базовых движений [2, с. 6]. Связки из этих движений образуют весь арсенал защиты. В русском кулачном бою используются все 96 базовых движений, в боксе – 12, в кикбоксе – 24. В новых стилях у-шу – около 50, хотя в традиционных стилях их количество, вероятно, также было 96. В кулачном бою количество связок, состоящих из двух различных первоэлементов (защит, ударов), максимально: $96 \times 96 = 9216$ [2, с. 6].

Байесовский подход к освоению русского кулачного боя как части культурного наследия заключается в составлении частотного словаря, т.е. словаря, показывающего вероятность использования определенной связки. Естественно, определить вероятности всех 9216 связок, да еще с учетом контекста, невозможно. Боевой контекст – это формы боя: поединок, свалка-сцеплялка, стеношный бой, круговой бой, бой в стесненной ситуации, бой на скользкой поверхности, бой вслепую и т.д. Однако все связки на основе принципов симметрии движений можно разбить на 8 групп. Освоение связок по группам и составляет суть нашего подхода. Для каждого типа связок с учетом контекста определены вероятности их использования. В каждую группу входит «всего» 1152 связки. В любом боевом искусстве выделен свой набор связок. Данный набор есть совершенный творческий акт выбора на протяжении столетий в традиционной культуре, когда отбор был народным, и на протяжении десятилетий в эпоху модерна, когда отбор стал авторским. Именно по данному признаку (используемым элементам и связкам) можно в байесовском смысле классифицировать боевые искусства. Этот набор не случаен, он производится с учетом культурного контекста и исторической ситуации. Именно поэтому так неповторимы боевые искусства каждого народа. Данный набор – это боевой язык народа, которым он пользуется в боевой сфере. «Границы моего языка определяют границы моего мира», поэтому каждое боевое искусство не в состоянии выйти за границы своего боевого языка, за границы своего набора первоэлементов и связок.

Бой высокого уровня – это художественный текст, бой низкого уровня аналогичен ничему не значащей болтовне. Каждое движение противника должно быть понято (декодировано, переведено на собственный язык). Боевой язык с богатым словарем принципиально непередадим на боевой язык с «бедным» словарем. Поэтому боевое искусство создает потенциал, достигнув которого, мастер данного боевого искусства может иметь превосходство над мастером другого боевого искусства, имеющего меньший потенциал. Потенциал определяется сложностью системы или ее информационной емкостью (количеством элементов и связей между ними, т.е. связками).

В XX в. в России произошло почти полное подавление систем национальной самозащиты, в т.ч. русского кулачного боя. Под предлогом необходимости постро-

ения нового общества были разрушены почти все институты традиционного общества. Русский кулачный бой был отторгнут от народа, который остался беззащитным на телесном уровне. Справедливости ради отметим, что русский кулачный бой стал основой для боевого самбо, разработанного преимущественно А.А. Харлампиевым. В годы Великой Отечественной войны подготовка служб армейской разведки шла на основе боевого самбо. Но после войны политика подавления всего традиционного (а часто и национального) продолжалась.

Человек (особенно мужчина) даже на телесном уровне не может долго оставаться беззащитным. Он чувствует психологический дискомфорт и становится невротиком. Поэтому в 50-е – 70-е гг. произошло заполнение образовавшегося боевого вакуума западными спортивными техниками, такими как бокс, греко-римская или классическая борьба, вольная борьба и т.д. Но спрос не был удовлетворен, и с 80-х гг. началось повсеместное освоение восточных единоборств, продолжающееся до сих пор.

Синтез новой боевой системы – это новый отбор первоэлементов, установление новых связей между ними (связок) и придание им иных вероятностей в каждом из важных для системы контекстов. В следующей статье, развивающей данную тему, этот алгоритм будет раскрыт подробно.

Как рождаются боевые системы с точки зрения байесовского подхода? Боевые системы зарождаются на основе феномена спонтанности, при которой происходит «перепрограммирование» функции правдоподобия, т.е. семантического фильтра, отбирающего первоэлементы из всего возможного их набора.

Феномен спонтанности. Во всех боевых искусствах огромное значение имеет феномен спонтанности (неожиданности, непредсказуемости). Спонтанность – это нетривиальная перестройка функции правдоподобия собственного интеллекта в экстремальной ситуации, в момент выбора [5].

В современности осталось не так много практик, позволяющих спонтанно изменять смыслы. Скорее всего, такой практикой, таким генератором новых смыслов яв-

ляется *любовь*. Она является мощнейшим фильтром перестройки семантического фильтра, определяющего личность человека. Но тайны любви не раскрыты, формула любви не найдена и, будем надеяться, не будет найдена никогда.

В.В. Налимов говорит об инициации через науку, но два последних десятилетия нанесли российской науке существенный урон, поэтому данная возможность инициации стала еще более проблематичной, чем прежде. Религиозная инициация, безусловно, возможна и сегодня. Но истинных верующих меньше, чем истинных ученых.

Инициация может осуществляться через искусство во всех его многообразных формах. Но опять-таки творцов – подавляющее меньшинство. Необходимость выхода из общесистемного кризиса заставляет апеллировать к большинству.

Поэтому наиболее перспективной на сегодняшний день технологией, систематически создающей нетривиальные ситуации и потенциально охватывающей большую часть наших сограждан (преимущественно мужчин) является освоение систем национальной самозащиты вообще и русского кулачного боя в частности. Они могут быть генераторами, «тренажерами» спонтанного изменения смыслов. Нетривиальные ситуации в условиях малого времени, отведенного на их решение, порождают нетривиальные выборы, способствуя проявлению и закреплению феномена спонтанности.

Подведём некоторые итоги. Рассмотрен единый подход к стратегии информационной и телесной самозащиты. Этим подходом является байесовский, оптимальный по критерию наименьшего среднего риска. На его основе рассматриваются этические и эстетические реакции, феномен счастья, решения классических задач защиты и самозащиты: обнаружения, классификации, идентификации разрушительных для системы воздействий, а также оптимизация усилий по их нейтрализации. Вероятностный характер боевых искусств позволяет использовать байесовский метод для их анализа. Результаты этого анализа могут быть использованы для разработки технологии информационной и телесной самозащиты.

Список литературы:

- [1] Гопник Э. Как думают дети // В мире науки. – 2010, № 10. – С. 54–61.
- [2] Куц В.А. Русский кулачный бой. Традиционная и современная культура самозащиты. Связки. Защита. Оружие. – СПб.: Астер-Пресс, 2011. – 296 с.
- [3] Макгрейн Ш.Б. Байес рулит // В мире науки. – 2011, № 9. – С. 90.
- [4] Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – М.: Наука, 1979, – 304 с.
- [5] Налимов В.В. Спонтанность сознания. – М., Прометей, 1989. – 149 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОЛЕМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ББК 63.3 (0)
УДК 323 (460)

А.А. Петрова

РОССИЯ ПЕРИОДА «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» АЛЕКСАНДРА II В ВОСПРИЯТИИ ИСПАНСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Рассматривается история визита известного испанского ученого А. Паскуалья в Россию, его впечатления от посещения Санкт-Петербурга, Москвы и иных городов, которые он опубликовал в знаменитой работе «Воспоминания о России». «Воспоминания» А. Паскуалья сыграли заметную роль в формировании представлений о далекой северной стране в испанском общественном мнении XIX в.

Ключевые слова:

Александр II, история дипломатии, история нового и новейшего времени, история российско-испанских отношений А. Паскуаль.

После восстановления в 1856 г. дипломатических отношений между Испанией и Россией расширились возможности для осуществления контактов и связей между двумя странами не только на официальном уровне. Во второй половине 50-х – 70-е гг. XIX в. испанцы по разным причинам довольно часто посещали Россию и, что особенно важно, делились своими впечатлениями о далекой северной стране с испанской общественностью. Кроме того, следует отметить, что они в своих записках, отчетах, воспоминаниях уже уделяли больше внимания не столько экзотике России, сколько тем изменениям в политическом и экономическом развитии страны, которые происходили в результате реформ Александра II.

В 1872 г. в России побывал испанский ученый–статистик, специалист по лесоводству, основатель Лесотехнической школы близ Мадрида, член королевской академии Испании Агустин Паскуаль и Гонсалес (1818–1884) [2; 3, с. 125; 6, с. 148]. Он был участником Международного Статистического Конгресса в Санкт-Петербурге [Подробнее об этом Конгрессе см.: 1], а затем побывал на Политехнической выставке в Москве, посвященной двухсотлетию юбилею со дня рождения Петра I и на ярмарке в Нижнем Новгороде.

В 1873 г. в Мадриде был опубликован его отчет о поездке в Россию [4]. Издатели

объясняли свой интерес к российским впечатлениям А. Паскуалья тем, что в Испании по-прежнему плохо знают Россию, хотя это держава «первого порядка» («*primer orden*»). А. Паскуаль своей книгой, по их мнению, «закрыл еще одно белое пятно в нашем [*испанцев. – А.П.*] знании мира», показав через описание Петербурга уровень развития культуры в России, а через рассказ о Политехнической выставке – прогресс в развитии производительных сил страны. В результате читатель получил представление о том как «далеко вперед продвинулась эта огромная империя, благодаря умелой и последовательной политике [*Романовых. – А.П.*]» [5, с. V–VII].

Свой рассказ о России А. Паскуаль начал с описания путешествия из Берлина в Санкт-Петербург, отмечая при этом, что эта «империя империй» имеет площадь почти 21 млн км². Маршрут его путешествия проходил через Кенигсберг до Эйдкунена по территории Германии, а затем от Вержболова 892 км по территории России. А. Паскуаль не преминул заметить, что иностранные участники Конгресса добирались от российско-германской границы до Санкт-Петербурга всего сутки «по прекрасной железной дороге, относительно недавно построенной русскими» [4, с. 5–12].

Петербург произвел на испанского ученого огромное впечатление. Впрочем,

это не отличало А. Паскуаля от других испанских и европейских путешественников. Другое дело, что это восхищение он подкрепил большим количеством статистических данных о городе и его жителях [4, с. 16–25]. А. Паскуалю понравился регулярный план застройки города, его величественные здания, мосты и набережные. Но особенно его восхитило то, что русским удалось построить такой великолепный город в очень неблагоприятной для такого рода строительства с точки зрения природных условий местности, что, по мнению А. Паскуаля, «уже само по себе свидетельствует об [огромных – А.П.] возможностях русских» [4, с. 17].

Значительная часть российских впечатлений испанского ученого связана с работой Статистического Конгресса, проходившего в Петербурге с 19 по 31 августа 1872 г. и которому, по мнению А. Паскуаля, в России придавалось большое значение [4, с. 34–79]. На первом заседании Конгресса присутствовал сам император, что было зафиксировано А. Паскуалем. Он отметил большое внимание к Конгрессу со стороны столичной аристократии, местных финансистов и предпринимателей, а также членов императорской семьи. В частности, на первом заседании с приветственным словом к собравшимся обратился великий князь Константин Николаевич, подчеркнувший важность статистики, которая (и это особо выделил А. Паскуаль) «дает научное знание о человеке политическом и социальном...», что позволяет определить социальную политику государства на будущее» [4, с. 38, 40].

Испанский ученый дал довольно подробное описание программы Конгресса, решений, которые на нем были приняты, отметив: «Мы навсегда запоем этот праздник статистики в Санкт-Петербурге. У этой нации есть все, чтобы реализовать самые грандиозные планы...», и далее иронически заметил, что «никогда в Петербурге, по свидетельству представителя Испании при этом дворе сеньора Э. де Мураги, благодаря которому мы и попали на этот Конгресс, не видели вместе столько испанцев» [4, с. 78].*

Кроме краткого отчета о проделанной испанской делегацией работе, А. Паскуаль на основе увиденного им во время посещения Политехнической выставки в Москве и ярмарки в Нижнем Новгороде, а также впечатлений от поездки по железной дороге из Петербурга в Москву, а

затем до Нижнего Новгорода, попытался показать «достижения русского народа, мало-известные в Испании по причине трудности для средиземноморского человека познакомиться с ними [непосредственно] из-за другого климата, языка, привычек» [4, с. 78].

Среди величайших успехов России со времен Петра I («императора-революционера, который хотел сделать богатыми всех русских») [4, с. 84] А. Паскуаль прежде всего обратил внимание на железные дороги. О них он писал постоянно, отмечая, что со времени начала строительства первой железной дороги в 1836 г. Российская империя сделала огромный шаг вперед, причем буквально в последние 15 лет (25 верст в 1838 г., 973 версты в 1853 г. и 13 068 верст в 1872 г.) [4, с. 128–129]. Он отметил, что большинство дорог начали строить за счет государства или благодаря государственно-частному партнерству, а на сегодняшний день государству принадлежит лишь 194 версты [4, с. 80–83]. Причем с каждым годом их эксплуатация приносит все больший доход в связи с растущими пассажирскими и грузовыми перевозками. Он с одобрением относился к планам России по строительству железных дорог в Сибирь и Центральную Азию. В связи с этим А. Паскуаль не преминул заметить, что тогда «на Восток наконец-то двинется европейская цивилизация, родоначальница промышленности и свободы». «Железные дороги вернут Востоку свет христианства», – писал далее испанский ученый [4, с. 127].

Наряду с железными дорогами внимание А. Паскуаля, специалиста по лесоводству, привлекла организация лесного хозяйства в России, ибо лесов в стране много и их использование многопланово, тем более, что транспортировать лес легко, так как есть железные дороги, реки, озера. С точки зрения испанского ученого, организация управления лесным хозяйством, находящегося в ведении Министерства государственных имуществ (Ministerio de fincas y propiedades de Estado), проста и экономична, поскольку, как в этом, так и в других вопросах, правительство опирается на «советы ученых» (consejos científicos). «Русское лесное хозяйство развивается по пути прогресса и процветает, как и все в России в последние 15 лет», – писал А. Паскуаль [4, с. 90–91, 94]. В частности, он также отмечал, что прибыли в сельском хозяйстве за это время возросли вдвое, «несмотря на проблемы, связанные с освобождением крестьян», в 3 раза выросла внешняя тор-

* Всего на Конгрессе присутствовало 3 представителя Испании [4, с. 46].

говля, активно развивалась промышленность и т. д. И все эти успехи, по мнению испанского ученого, связаны с разумным использованием получаемых доходов, ибо в соответствии с императорским указом от 22 мая 1862 г. в России установлена «гласность» государственного бюджета, его доходов и расходов, и эта «гласность» реальна [4, с. 94–95].

Кроме того, согласно данным А. Паскуаля, в России при Александре II уделялось большое внимание народному образованию (*instrucción pública*), в том числе профессиональному. Например, доходы от лесного хозяйства использовались не только для организации охраны и воспроизводства лесов, но и для создания и содержания лесных школ (училищ). «В России... тратят много для того, чтобы освободить народ от рабства и невежества», – писал он. И хотя в этом вопросе успехи, по мнению путешественника, пока не велики (150 учеников начальных школ на 10 тыс. жителей, в то время как в Испании – 700 учеников на 10 тыс. жителей), тем не менее ситуация изменилась в лучшую сторону [4, с. 96–97].

Прогресса в области лесного хозяйства России удалось добиться и благодаря тому, что большое внимание уделялось статистике: с 1865 г. в стране действовала специальная Комиссия по статистике, которая, наряду с Географическим обществом и другими научными учреждениями, осуществляла сбор данных о природных богатствах России и их использовании, а итог был отражен в соответствующей карте. По мнению А. Паскуаля, эта карта является чрезвычайно полезным документом, позволяющим видеть достижения и перспективы развития российской экономики [4, с. 99]. То, что ученый уделил столь большое внимание этому событию, объяснялось не в последнюю очередь тем, что в Испании он занимался, не без сопротивления со стороны властей, такой же проблемой.

Поразила его экспозиция, посвященная медицине, где были показаны новейшие методы исследования здоровья человека. Причем, как замечал автор «Воспоминаний», представлена аппаратура, производимая не только за рубежом, но и в России [4, с. 105–106].

В области развития индустрии наибольших успехов Россия, по мнению А. Паскуаля, достигла в текстильном производстве, по крайней мере на выставке оно было представлено лучше всего. Кроме того, развито производство фарфора, бумаги, карандашей, а также металлургия

и добыча каменного угля. «Пока существует отставание в сфере производства паровых машин и станков... В этой сфере господствуют Англия и Германия», – заявлял испанский ученый. Однако он отметил, что в России и в этой области наметились серьезные сдвиги – новые ткацкие станки, машины для производства сахара, лесопильные машины, электроизмерительные приборы, изобретены русскими инженерами и учеными [4, с. 110–116]. Кроме того, во время пребывания в Петербурге он посетил Невский завод (Семенникова и Полеттики), который «производит хорошие паровозы, вполне достойные века» [4, с. 72].

Особое внимание А. Паскуаля привлек выставочный павильон, в котором были представлены народные промыслы (*industria domística*). По его мнению, сохранив в каждой провинции народные промыслы, Россия избежала экономических ошибок Европы, ибо такого рода производство для внутреннего потребления не требует больших капиталов и обеспечивает население без особых усилий нужными товарами. Тем более что продукция, производимая семьей или объединением семей, с его точки зрения, не особенно отличается от той, которую производит современная промышленность; а обувные базары в провинции ничем не отличаются от обувных лавок Москвы и Санкт-Петербурга, в которых также продается много обуви ручной работы [4, с. 119–120]. «Деревянные изделия из Новгорода, кружева из Вятки и Вологды, шали из Оренбурга – восхитительны», – писал он [4, с. 120].

Не мог А. Паскуаль пройти и мимо павильонов выставки, посвященных российской армии и флоту. Он отметил, что «Россия сегодня – это морская держава» обладающая большим военным и торговым флотом (344 и 2572 корабля соответственно). Особенно важно, что есть уже и пароходы, и корабли строятся в России (корабельные верфи Кронштадта), а вооружение для кораблей производят Ижорский и Обуховский заводы [4, с. 141–145]. А все началось с Петра I, который, по мнению А. Паскуаля, «открыл для русских океанскую торговлю» [4, с. 144]. А Паскуаль изложил историю создания и сегодняшнее состояние армии Российской империи, ее организацию, систему подготовки офицерского корпуса, отметив, что военные расходы составляли в 1872 г. 1/3 часть государственного бюджета [4, с. 157], тем самым подчеркнув, что армии и флоту, особенно в последние 15 лет, в России уделялось огромное внимание.

Большой интерес и особое восхищение вызвала у А. Паскуалья экспозиция, посвященная системе народного образования, поскольку «в России понимают его важность» [4, с. 203]. На него произвели впечатление макеты типовых начальных сельской (на 45 детей) и городской школ, его впечатлила та гармоничная («воспитание тела и духа») система воспитания, которая практиковалась в 70-е гг. XIX в. в земских школах [4, с. 204–205]. Он также особо отметил, что в России школы могут открывать органы местного самоуправления, общества и частные лица (*Это право было им предоставлено «Положением о начальных и народных училищах» 1864 г. – А.П.*). А. Паскуаль считал, что этот опыт необходимо использовать и в Испании [4, с. 205–206].

Довольно подробно испанский ученый рассказал о «промышленных школах» (*las escuelas industriales*) в России, то есть о профессиональном образовании, ибо этот вопрос особенно интересовал его соотечественников. В частности, он выделил Политехническую школу в Москве, готовящую специалистов по работе с металлом, Технологический институт в Санкт-Петербурге, Художественную школу в Москве (Строгановка), заметив, что в Испании этому вопросу пока не уделялось должного внимания [4, с. 208–209].

Ученый высказал одобрение, что Россия в сфере профессионального среднего и высшего образования шла по пути Германии, чью систему высшего образования (особенно университеты) он считал «лучшей в мире» на тот период [4, с. 211].

Политехническая выставка в Москве произвела на А. Паскуалья хорошее впечатление, он счел ее очень полезной, прежде всего по той причине, что организаторам удалось соединить общее и особенное, т. е. показать на фоне мировых научных, технических и экономических достижений вклад каждой страны, и, прежде всего России, в развитие мировой экономики и культуры [4, с. 213].

После посещения Политехнической выставки в Москве участники Конгресса отправились по железной дороге («409, 52 верст – поезд прошел за 26 часов») в Нижний Новгород, чтобы посетить знаменитую ярмарку, «отличающуюся от выставки тем, что на ней не только демонстрируют настоящее и будущее, но также продают и покупают» [4, с. 220]. В этом разделе автор познакомил читателя с историей Древней Руси, эпохой татаро-монгольской нашествия, историей Нижнего Новгорода, его

достопримечательностями, в частности, упоминался памятник защитникам отечества Минину и Пожарскому [4, с. 219]. Далее автор отметил, что ярмарки в Нижнем Новгороде ежегодные, с большим количеством участников. Продукция из России здесь обменивается на товары из других стран, таким образом, по мнению А. Паскуалья, ярмарка служит регулятором рынка, связывая Балтийский и Азиатский регионы, Восток и Запад [4, с. 220].

Много внимания в своем рассказе о России испанец уделил Кавказу и Средней Азии, их природе, полезным ископаемым, описанию своеобразия народов, населяющих эти части Российской империи [4, с. 159–196]. А. Паскуаль одобрял политику России в этом регионе, отмечая, в частности, что «Россия дала Кавказу то, чего он не имел ранее; а именно: спокойствие, а также право, государство, социальные институты, образование, но главное – дороги» [4, с. 170].

Рассказывая испанскому читателю о России периода великих реформ Александра II, А. Паскуаль постоянно обращался и к истории государства Российского. При этом он опирался на материалы, представленные организаторами Политехнической выставки, посвященной 200-летию со дня рождения Петра I и организованной его почитателями. Поэтому неудивительно, что А. Паскуаль в «Воспоминаниях» говорил о доромановском периоде в истории Руси, как о периоде тяжелом, порой ужасном, то есть как о фактически напрасно потерянной стране времени, а все достижения России он связывал с Романовыми. «Прогрессом в своем развитии Россия обязана Романовым», – писал он. Например, Алексей Михайлович своими преобразованиями подготовил, по его убеждению, почву для реформ Петра I [4, с. 136–137, 197–198]. Кроме того, автор, особенно в рассказе о железных дорогах, народном образовании, промышленности 60–70-х гг. XIX в., постоянно подчеркивал, что скачок в развитии России совершила за последние 15 лет только потому, что Александр II правильно усвоил уроки Петра I.

В описании Москвы испанский ученый не оригинален. По его мнению, «Москва – это город, который представляет Азию в Европе», «русская Мекка», которая сохраняет свою духовную власть над страной с древности и по сию пору. Если «Санкт-Петербург, как и все столицы, – это приют согласия, т. к. множество архитектурных стилей переплелись в нем, но без национального колорита, – писал он, – то

Москва – это русский город». «Путешественник, который прибывает в Москву из Санкт-Петербурга, – отмечал испанский ученый, – думает, что он попал в другую страну... национальный характер понижает всю архитектуру и планировку города Москвы». «Великолепна панорама Москвы..., – писал Паскуаль. – Население – 399 321 человек, площадь города, как у Парижа, а дома – низенькие, сельские, провинциальные, но много церквей и монастырей и в центре всего этого Кремль – «могущественный великан», который многократно перестраивали, что, по мнению автора, «отражает трагическую и героическую историю русского народа, всегда в боевой готовности, всегда в движении вперед» [4, с. 83, 122–123, 123–124]. Такое восприятие Москвы, ее противопоставление Петербургу – один из устойчивых мотивов, который свойственен запискам испанских путешественников, побывавших в России в разное время.

Таким образом, российские впечатления А. Паскуаля интересны тем, что он акцентировал внимание читателя на достижениях России, а ее отличие от других стран он трактовал не как отсталость,

а как своеобразие развития, связанное с особенностями истории страны. В целом, в его рассказе об империи эпохи Александра II преобладал позитивный взгляд на страну и на произошедшие в ней в результате реформ изменения.

Изданные в Мадриде в 1873 г. «Воспоминания о России» сразу привлекли внимание испанской общественности, оказав заметное влияние на формирование представлений о далекой северной стране в общественном мнении той поры. После их публикации усилился интерес испанцев к изучению прошлого и настоящего России, возросло их стремление к активизации контактов и связей с россиянами. Отчет А. Паскуаля о Международном Статистическом Конгрессе и Политехнической выставке в Москве не остался незамеченным и в России. Вклад испанского ученого в развитие дружественных отношений между Испанией и Россией был высоко оценен в обеих странах, поскольку публикация его «Воспоминаний» стала одним из факторов, способствовавших нормализации испано-российских отношений, осложнившихся в 1868–1874 гг. в связи с нестабильной внутриполитической ситуацией в Испании в годы «демократического шестилетия».

Список литературы:

- [1] Анучин Е.Н. Международный статистический конгресс. 8-я сессия. – Петербург, 1872.
- [2] Mapa forestal de España en siglo XIX. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.marm.es/ca/biodiversidad/temas/montes-y-politica-forestal/mapa-forestal/index2010-11-11_20.53.39.7172.aspx
- [3] Olivo y Otero Manuel. Enciclopedia popular. Т. II. – Paris, 1859.
- [4] Pascual Agustín. Recuerdos de Rusia. – Madrid, 1873.
- [5] Prologo // Pascual Agustín. Recuerdos de Rusia. – Madrid, 1873.
- [6] Sanz Guitián Pablo. Viajeros españoles en Rusia. – Madrid, 1995.

О СТРУКТУРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Предлагается рассматривать российский социум как систему, в которую входят элементы-этноты и элементы-территории, которые могут образовывать территориальные и этнические подсистемы. Даны характеристики элементов, а также выделены межнациональные, групповые межнациональные и внутринациональные отношения в этой системе. Делается вывод, что имеющиеся в системе связи надо развивать и укреплять, стремясь усложнять набор связей и добавлять новые. Национальная политика в России должна учитывать федеративное устройство государства, а также трудовую миграцию и иммиграцию.

Ключевые слова:

государственность, межнациональные отношения, народ, национальная политика, нация, патернализм, русская цивилизация, территория, федеральное устройство, целеполагание, этнос.

Согласно переписи 2010 г., в России «проживает 193 народа и народности, говорящих на 171 языке» [4]. Гармонизация отношений между всеми «народами и народностями» во всех сферах и на всех уровнях, поддержание стабильно позитивного характера этих отношений требует адекватных действий со стороны государства (как системорегулирующей структуры, обеспечивающей национальную политику), релевантных сложности и многоаспектности проблемы.

Решать эту проблему приходится на фоне важного обстоятельства – наличия трудовой миграции, внутренней и междунациональной. Внутренняя миграция связана с неравномерным экономическим положением различных территорий России. Аналогичные причины имеет и иммиграция в Россию из некоторых стран СНГ, а также Китая, Вьетнама и др. стран.

Ситуация, касающаяся межнациональных вопросов, неблагоприятна во многих странах, в т.ч. в России. Практически в любом российском регионе можно обнаружить ситуацию, аналогичную сложившейся в Туве, о которой говорит Ю.В. Попков: «В Туве множество проблем... Надо сказать, что Тува уникальна. Это единственный сибирский субъект федерации, где преобладают представители титульного народа. Тем не менее, считать, что отсюда полностью *выдавлены русские*, нельзя. Это просто неправда. Определенная напряженность, конечно, есть – как межэтническая, так и социальная, но, по моему мнению, это связано, прежде всего, с *экономическим неблагополучием республики*» (выделено мной – В.Н.) [7]. Такое сочетание неблагополучия в экономической и национальной сферах стало типичным в постсоветской России.

Экономическая ситуация на конкретных территориях находит объяснение в катастрофических изменениях в народном хозяйстве, происходящих в стране, начиная с 1992 г. Вопросы, возникающие на межнациональном уровне, обусловлены двумя факторами. Первый – сложившийся к моменту распада СССР, как правило, неоднородный этнический состав населения практически в каждом регионе, населённом пункте России. Второй – возникший в 90-е годы и бурно нарастающий иммиграционный поток в Россию, который принято называть *трудовой иммиграцией*.

Нарастающие в российском социуме проблемы накапливаются, начинают приводить к трагедиям – «Кондопога» становится именем нарицательным. Для поиска путей решения требуется осмыслить имеющуюся ситуацию и попытаться описать состояние нашей социальной системы, которое представляется если не идеальным, то более предпочтительным. Воспользуемся для этого системным подходом, а также применим методы, предлагаемые мир-системным анализом. Согласно такому подходу, система не складывается постепенно из кусочков, а существует изначально, только связи между элементами видоизменяются (возникают, укрепляются, ослабевают) [2; 5].

Российский социум можно представить как систему, в которую входят элементы-этноты и элементы-территории. Элементы могут также образовывать территориальные и этнические подсистемы. Такие подсистемы образуются по некоторым из имеющихся у этносов признакам. Элементы и подсистемы, обладая свойствами, образуют отношения (парные и групповые). Таким образом, мы получаем многослойную матрицу, в которой можно учесть множество

выделенных элементов системы и существующих между ними отношений. Плоскостями отношений матрицы могут быть отношения, касающиеся религии, этничности, социальной стратификации (город–деревня, богатые–бедные, образовательный статус и т.д.), территориальной привязанности (оседлость) и т.п. Связям в этой матрице можно присвоить различные характеристики – вес, направленность и т.п.

Такой подход уже разрабатывается: «каждый из этих народов обладает своей спецификой и определяемым ею статусом – положением, занимаемым им в различных сферах общественной жизни. Каждая из его социальных позиций связана с определенной сферой <жизни> общества. Соответственно этому выделяются такие виды статусов, как экологический, социально-экономический, культурный, демографический, социально-политический, правовой, социально-психологический. Каждый из них охватывает совокупность достаточно внешних по отношению к нации статусных позиций, формирует не только ее место в обществе, но и межнациональные отношения. В его структуре наличествуют как достаточно стабильные, так и относительно изменчивые вариативные структуры. Этим он представляет особый интерес для политики, поскольку допускает изменения и коррективы. Статус народа (этноса) измеряется количественно, что делает возможным проведение сравнительных исследований» [9].

Для определения этноса, нации выскажем некоторые соображения. Рассматривая весь социум в целом как систему, мы трактуем его состоящим из элементов, которые могут также образовывать подсистемы. Но четких границ мы провести не можем – ни между людьми, ни по земле. Такая структура модели не имеет признаков иерархичности, что вполне адекватно: не может быть «старших» и «младших» этносов, народов, территорий. Но также данная модель исключает и противоположное понятие – «равенство» этносов.

Попытки кодификации относительно **статуса этноса**, так же как и социальной группы, бессмысленны. Это продемонстрировал наш собственный советский опыт. В последней советской Конституции (1977 г.) провозглашалось, что на основе «юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ». Конституционное закрепление названного понятия, как мы знаем, не стало гарантией существования «новой общности». Сегод-

ня формулируется концепция «новой исторической общности», теперь – **российского народа**. Прекрасная идея, только она не нова и вряд ли раз и навсегда обеспечит собственно существование народа.

Так же бессмысленно и бесперспективно определять главенствующую роль народа – русского или какого-либо другого. Дело не в конституционном закреплении статуса, не в юридической норме. А в чём? По всей видимости, – в отношении к необходимости и значимости *смысла* такого статуса (если попытаться этот смысл вербализировать) со стороны участников процесса, в нашей модели – элементов и подсистем, образующих систему социума. Не менее важно отношение каждого элемента к системе в целом – насколько актуальным и легитимным признаётся самим элементом его включённость в систему.

Русская цивилизация формировалась более тысячелетия. Сначала умножались, прочились и усложнялись связи между древнеславянскими племенами. Появлялись связи с другими, неславянскими племенами и народами. Новые связи в свою очередь усложнялись, становились более многогранными. Сама система, таким образом, усложнялась. В орбиту её отношений вовлекались всё более отдалённые народы, принимавшие русские «правила игры». Эти народы придавали и продолжают придавать российскому космосу неповторимый колорит. Народы, объединившиеся в российском государстве – грани целого. Существует определение России как «**симфонии народов**».

Готовность этносов вливаться в систему русской цивилизации (встроенной в свою очередь в мировую межнациональную систему – например, в ослабевшую и уже практически неразличимую систему славянского мира) и осознавать свою роль и функции в этой системе – важная характеристика самой системы, обозначение её потенции к развитию, усложнению, а, следовательно, к упрочению. Это согласуется с мнением А.И. Субетто, что «новые свойства подсистемы (элемента) закрепляются, если они являются внешне целесообразными, т.е. обеспечивают отправление внешней функции системы, способствуют сохранению и развитию системы» [10, с. 127].

Трудно дать определение нации, этносу. Н.А. Бердяев дал этому такую оценку: «все попытки рационального определения национальности ведут к неудачам. Природа национальности неопределима ни по каким рационально-уловимым признакам. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими

96 национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. Национальность – сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, созидающего ее неповторимый духовный лик. И в результате всех исторических и психологических исследований остается неразложимый и неуловимый остаток, в котором и заключена вся тайна национальной индивидуальности» [1].

Попытка одного народа самоидентифицироваться привязкой к земле может привести только к непониманию какого-нибудь другого, соседнего народа, если вдруг окажется, что при таком способе самоидентификации хоть на пядь пересекается граница. Налицо конфликт. Но если эти соседствующие народы отнесутся к земле как к общей, пусть и с проведёнными «федеральными» границами, конфликту места не останется.

Административные и даже государственные границы практически нигде не совпадают с этническими. Также эти границы являются искусственными и по отношению к хозяйственно-экономическим связям. Особенно отрицательно, трагически это проявилось при скоропалительном разделении СССР на части, ставшие странами. В России эти границы обеспечиваются федеральным устройством нашего государства.

Напрашивается тема «укрепления федерации». Типичным является утверждение Е.А. Черноусовой: «в процессе совершенствования федеративных отношений открывается возможность эффективного решения ряда ключевых проблем русского народа, и, в частности, вопроса об особенностях его самоопределения, без ущемления интересов других народов страны» [13]. Но подобный тезис, который звучит у многих, не кажется бесспорным. Укреплять границы, составленные далеко не идеально, делать упор на индивидуальном развитии регионов (аналогично – и этносов) – слишком лёгкое, прямое, но и не оптимальное решение. Учитывая невозможность однозначного проведения границ для чёткого разделения регионов (тем более с учётом этнического фактора) придавать федеральному принципу главную, определяющую роль в организации жизни социума, в т.ч. и российского, не кажется самым рациональным решением. Такая организация может быть служебной, может лишь помочь структурировать, хотя и довольно грубо, наш собственный социум.

Высшей ценностью для системы «этнос» или «нация», безусловно, является потребность существовать, **быть**, продолжать себя – непрерывно и бесконечно. «Общественные системы обладают похожими свойствами, выполняют сходные функции. Их развитие протекает похожим (в т.ч. циклическим) образом, и, соответственно, подчиняется определенным закономерностям... Система не стремится к самоуничтожению, но в процессе развития при неверном выборе траектории может прекратить свое существование, распавшись на элементы» [6].

Есть одно ограничение для такого целеполагания, особенно для системы «Россия»: существование системы должно обеспечиваться не любой ценой, бытие должно опираться на принятые системой этические нормы, быть в этом смысле «качественным»; отклонение от этих норм является потерей самой себя, т.е. лучше погибнуть, чем «поступиться принципами». Но тогда, если главное – это благо системы в целом, то частный интерес может (должен?) приноситься в жертву общим целям. Однако можно смело утверждать: в сегодняшнем российском обществе набирают силу противоположные настроения, направленные на достижение индивидуальных целей, общественные потребности игнорируются многими, практически большинством. Понятие **самоотречения во имя общего дела** исчезает из сознания индивида – ввиду отсутствия этого самого общего дела. Рынок ведь – битва в первую очередь за себя. Отсюда необходимое следствие – утрата первичной, главной цели бытия системы – непрерывающегося существования. Индивидуальное благополучие как цель автоматически снимает системное ограничение качества бытия, и система остаётся без главной и единственной цели.

И общее неблагополучие в каждом конкретном регионе толкает его жителей искать опору – в чём? Первое, о чём можно думать в ситуации, когда большая, «дальняя» система тебя не поддерживает – опереться на ближнюю, маленькую, на *свою* общность – регион или этнос. Такие настроения легко канализируются заинтересованными лицами, которые, как правило, есть в каждой (местной) элите. Нельзя не согласиться с тем, что «опыт перехода России к рынку показал, что национальная идея практически приобрела характер идеи национальной элиты регионов. Важнейшим экономическим аспектом современных национальных отношений является возможность управлять ресурсами и их потоками (прежде всего, финансовыми, материальными, тру-

довыми и пр.). Для национальных элит право на управление ресурсами, собственность на них, присвоение прибыли, ренты и, соответственно, обогащение во многом является сутью (хотя это часто открыто и не декларируется) экономических отношений с федеральным Центром. Таким образом, требования о большем национальном суверенитете часто имеют вполне осязаемые экономические основания» [9].

Ощущение ненадёжности ситуации, опасение негативного развития влечёт соответствующую реакцию как этнических, так и территориальных компонент нашей системы. В пределе это ведёт к росту сепаратистских настроений. Это находит своё проявление также в акцентировании собственной этничности. Это обозначает неуверенность, слабость позиции в собственном этническом осознании, попытку гипостазировать* сформированное к настоящему времени понятие административного статуса «своей» территории, придать ему более широкое и весомое значение. И тогда индивид, например, подчёркивает свою принадлежность к родной «Республике Башкортостан» – а не умалчивает об этом, подразумевая само собой разумеющимся.

Сродни этому и навязывание обновлённых норм в русском языке (в своё время, в перестройку, эстонцы настаивали, что надо говорить «Таллинн»; теперь мы часто слышим «в Украине», «Беларусь», «Башкортостан»; всё это – вместо «Таллин», «на Украине», «Белоруссия», «Башкирия»). Однако русский язык, который много веков служит средством межнационального общения, как представляется, не должен искусственно корректироваться, фактически конструироваться, подобно эсперанто.

Понятно, что гипертрофированное проявление этничности, обусловленное социально-экономической неустроенностью, толкает представителей каждого этноса к историческому мифотворчеству. Пример такой отрицательной по отношению к другому самоидентификации можно наблюдать на Украине, где «в основу мифотворчества была положена стратегия этносимволизма, в рамках которой воссоздавался миф об исключительности исторического пути украинской нации, особый упор делался на ее героизме и страданиях. Для чего были выбраны два наиболее знаковых исторических явле-

ния – Украинская Повстанческая Армия (УПА) как пример героических страниц в истории, и Голодомор – как пример исключительной национальной трагедии» [12].

У элементов в нашей системе есть важная группа характеристик, которые можно назвать ролевыми. Такие характеристики описывают ту роль, которую играет (или сыграл) в системе элемент или подсистема. К ним следует отнести:

- влияние этноса на генезис и развитие государственности;
- роль языка этноса;
- роль в экономической жизни;
- роль в формировании общих, системных ментальных черт;
- роль в обеспечении безопасности страны.

Сколь важной ни считать роль русского народа в **формировании и развитии русской государственности**, ценность этой роли не умаляет, а даже делает более значимой роль каждого народа, этноса, вошедшего в общую российскую этно-территориальную систему, которая таким образом усложнялась как количественно, так и качественно. Количественно – новыми лицами народов, новыми территориями. Качественно – путём интеграции в систему новых культурных, ментальных и прочих характеристик, присущих до того только данному народу; после становления народа частью общей системы, общая палитра таких характеристик становится богаче, а народ, в свою очередь, становится причастен ко всему общему богатству характеристик.

Положение и **роль языка** – каждого, – безусловно, влияет на характеристики всего спектра отношений в системе. Многие российские граждане едва ли точно знают, какое количество языков существует в России, и, тем более, смогут назвать их более, например, 50 или хотя бы 20. Понятно, что языки, малоизвестные большинству, оказываются на периферии общего внимания, их воздействие на языковую ситуацию может носить специфический характер (например, вызывать стремление к их *сохранению*, что можно назвать влиянием «пассивного» типа).

Бессмысленно оспаривать уникальную роль русского языка, веками обеспечивающего межнациональное общение представителей многих десятков народов. Но и менее распространённый язык народа, входящего в нашу систему, дополняет общий многоязыкий голос страны, обогащая иногда отдельным своим словом все другие языки. И образ, стоящий за этим словом, понятен и нужен любому (вспомним: «джигит», «нарты», «чум», и т.п.).

* Гипостазировать – (от греч. hypostasis – сущность, субстанция) придавать обособленное объективное существование какому-нибудь отвлечённому представлению, качеству, признаку, рассматривать отвлечённые понятия как самостоятельно существующие объекты.

Экономическая роль не может быть адекватно оценена финансовыми показателями, если они не учитывают весь спектр других полезных хозяйственных функций, которые выполняет регион помимо финансового участия в бюджете страны. Роль элемента системы в экономической жизни – комплексное понятие в рассматриваемом контексте. Важность этой роли для системы в целом не определяется, и не должна определяться, например, уровнем налоговых и других перечислений в бюджет. Транспортный транзит через данную территорию; рекреационные возможности местного ландшафта; культурные ценности данного этноса – как материальные, так и нематериальные, духовные (служащие популярным «брендом» территории или народа и дают свой вклад в экономические процессы); и многое другое – это всё примеры составляющих экономической роли элемента системы.

Есть специфическое свойство у России, проявившееся за века, которое можно определить как **патерналистское отношение со стороны системы** в целом – к каждому своему элементу. И реализация этого свойства обеспечивается всеми входящими в российскую систему элементами, участвующими, каждый по-своему, в формировании общих, системных ментальных черт, окрашенных оттенком патернализма. Эта роль заключается как в поддержке и обеспечении существования одних элементов со стороны других, так и в противоположно направленном действии: формировании и подаче сигналов в адрес всей системы со стороны элементов, нуждающихся в какой-либо поддержке в данный момент (например, российский Дальний Восток сегодня).

Сугубо дотационные регионы, казалось бы, удерживаются в орбите российской государственности дотациями, помощью других регионов. А если переменится конъюнктура рынка или природные условия в данном регионе станут благоприятнее, и регион станет самокупаемым, «регионом-донором» – его ничто не будет удерживать в данном государстве? Модель, когда этносом осознаётся, что он переживал и пережил тяжёлые времена с помощью других и теперь искренне рад в свою очередь помогать другим, представляется более предпочтительной. Такая модель базируется не только на прагматике, она имеет ещё и нравственный потенциал. В такой модели сепаратизму, порождаемому ухудшившимися условиями и/или искусственно инспирируемым (внутренними

или внешними силами), будет не на что опереться. До начала добычи газа Надым (Ямало-Ненецкий автономный округ) не был столь привлекателен для проживания и инвестиций, как сейчас. Пройдут десятилетия, изменится технологический и энергетический уклад, эти территории изменят свой экономический статус, но ценность их в высшем смысле не должна понизиться.

Можно назвать ещё одну роль, присущую каждому элементу и немаловажную с точки зрения надёжности и стабильности существования системы – участие в обеспечении **безопасности страны**, причем самыми разными способами, начиная от направления новобранцев для прохождения срочной службы в силовых структурах и заканчивая, например, содействием обеспечению прочности внешних границ государства (для пограничных регионов).

Охарактеризовав элементы нашей системы (территории и этносы), дадим описание отношений, которыми данные элементы взаимосвязаны. На устойчивость связей влияют следующие факторы:

- исторические,
- политические,
- социально-экономические,
- этно-культурные,
- информационные,
- природные.

Они влияют не только на сами отношения, но и на восприятие последних – как участниками этих отношений, так и другими элементами и подсистемами нашей системы. Понятно, что, например, способ вхождения этноса в систему российской государственности налагает отпечаток на дальнейшие взаимоотношения, конечно, меняющиеся со временем. **Историческое** влияние имеют и почти забытое подчинение Московским княжеством других русских княжеств, и завоевание Казанского ханства. Но гораздо большее влияние оказывает на отношения, которые существуют сегодня между отдельными российскими этносами, например, история более позднего вхождения в Российскую империю кавказских регионов.

Статусное развитие отдельного этноса в российском государстве, вылившееся в сегодняшнюю **политическую** организацию его бытия, безусловно, придаёт отношениям элемента или подсистемы с другими участниками системы вполне определённую окраску. Если имя народа носит данный регион, то это влияет на статусное восприятие данного народа, даже если его численность в родном регионе не является преобладающей.

Социально-экономические условия оказывают своё влияние на отношения в системе. Качество социально-экономических условий в разных регионах нашей страны различается очень сильно, и это ведёт к определённым следствиям, касающимся внутрисистемных отношений. Московский регион сосредотачивает у себя, по некоторым оценкам, до 60–70% финансовых потоков и обеспечивает за счёт этого наиболее высокий в стране уровень социально-экономического развития. Как пишет О. Веди́на, «душевые доходы москвичей превышают среднероссийский уровень в 2,5 раза [3]. Это создаёт определённый, часто близкий к негативному, тон отношений других участников системы со столичным центром.

Различия имеются и в **этно-культурных** традициях. Этот фактор выражается в существовании естественного различия народов, входящих в систему русской цивилизации. Контакт представителей каких-либо двух народов в разных условиях будет реализовываться по-разному. Например, в городе охотник-нганасан и горожанин-русский будут взаимодействовать иначе, чем если бы они встретились в заснеженной таймырской тундре.

Недостоверность **информации** или её отсутствие может привести человека только к неправильным действиям или мыслям. Недоверие, неприязнь к этническому незнакомцу – признак если не слабости, то неуверенности в собственной значимости. Но такая значимость должна базироваться не на ощущении превосходства, а на крепких знаниях – и о себе, и об оппоненте, который тогда превращается в партнёра.

Так именно обстоит дело и в вопросах, связанных с восприятием представителями одного этноса – других, то же можно сказать и о представителях разных регионов. Сегодняшний житель любого региона России, расположенного далеко от Северного Кавказа, если впервые сталкивается с выходцем, например, из Чеченской республики, может опираться в своих оценках только на ту многочисленную, но практически исключительно негативную информацию, которую последние двадцать лет он мог почерпнуть из средств массовой информации. Другую, более многоаспектную и объективную, информацию о далёком регионе он может получить либо из прямого общения со встреченным чеченцем, либо специально обратившись к каким-либо источникам информации, отличным от СМИ (библиотека, Интернет, музеи и пр.). Разумеется, получить больше разнообразной информации о данном регионе – не только о недавнем военном

подавлении сепаратистских отрядов, – но о тамошнем быте, о традициях и обычаях, о состоянии предприятий, о местной природе, обо всём том, что окружает человека в обыденной жизни, можно составить мнение, которое окажется более благоприятным.

По такому же принципу строится наше отношение к иммигрантам, «заполонившим» нашу жизнь. Многие ли россияне знают, что таджикскому городу-музею Ура-Тюбе (Истравшану), древнему центру торговли и ремесел Центральной Азии в 2002 г. исполнилось 2500 лет? А сразу ли вспоминается, что узбекский Самарканд, один из древнейших городов мира, центр Согдианы, более двух тысяч лет являлся ключевым пунктом на Великом шёлковом пути между Китаем и Европой? Зная это, можно скорее понять, что встреченный смуглый человек – не чужак, а представитель древней культуры, попавший не по своей воле в тяжёлые обстоятельства и так же понимающий неправильность происходящего. И для него – симметрично – должно быть понятно, что нередкое высокомерие и пренебрежительность к нему со стороны встреченных русских и других россиян – не главные свойства их души; это, разумеется, возможно при условии соответствующих просветительских программ как в России, так и в родной иммигранту стране.

Информированность (конечно, лучше бы говорить об образованности) может снижать уровень необоснованного негативного отношения между представителями разных регионов и обогащать взаимные контакты дополнительными красками. Такое видение проблемы уже начинает приобретать черты реальности: по информации пресслужбы Министерства связи и массовых коммуникаций, «телеканал “Россия К” (телеканал «Культура») на постоянной основе будет размещать тематические фильмы и передачи, посвященные межнациональным отношениям» [11].

На существование этноса во вмещающем ландшафте влияют природные условия и имеющиеся там ресурсы. Это **природные факторы**, которые воздействуют на отношения в системе. Приведём пример. Начатые в конце 1930-е гг. изыскания месторождений алмазов по всему СССР увенчались успехом через 20 лет в Якутии. И, разумеется, этот природный дар благоприятно повлиял не только на хозяйственное развитие страны, но и на восприятие статуса Якутии среди других регионов. Но как бы могла возникнуть данная ситуация, если бы не ученые, геологи-изыскатели всего Советского Союза, участвовавшие

в этом проекте? Как мы знаем, они делали это совсем не для собственного прославления и даже – не одной только Якутии. Они служили своей большой Отчизне.

Среди связей, которые существуют в нашей системе, можно выделить межнациональные, групповые межнациональные отношения, внутринациональные.

Прямые **межнациональные** связи, будучи неформальными, проявляются опосредованно: на межличностном уровне; в виде упоминания в сообщениях СМИ этнической информации, касающейся освещаемых событий; в виде неформальных контактов на всероссийских культурных и научных форумах.

Групповыми межнациональными связями можно считать отношения, возникающие в условиях, когда представители нескольких этносов оказываются в более тесном взаимодействии между собой, чем с другими этносами системы. В таком случае в системе возникает подсистема элементов. Примером может служить Дагестан, в котором насчитывается 121 национальная и этническая группа [14], но очень многими жителями других регионов представители Дагестана в силу разных причин (в первую очередь из-за неосведомлённости) воспринимаются как монолитная группа. Даже если в регионе этническое разнообразие совсем невелико, групповые межнациональные связи всё равно не могут не возникать и не проявляться, о чём говорит пример Тувы, приведённый выше.

Внутринациональные отношения присущи народам, которые имеют свою собственную внутреннюю структуру, например, у русских. Наряду с главным массивом общих свойств, качеств, у таких этносов есть различия в диалектах, культурных и бытовых традициях в разных местностях. Такие различия влекут возникновение хотя бы минимально возможных отношений между отдельными странами этноса.

Выделив некоторые существенные характеристики отношений между элементами нашей системы, можно попытаться дать определение межнациональным отношениям. О них принято говорить как о субъективно переживаемых отношениях как между людьми разных национальностей, так и между этническими общностями, т.е. можно выделить два их уровня – личностный и групповой. Эти отношения существуют в самых различных областях жизни – в политике, трудовой сфере, в быту, в семье, в дружеском общении и т.п. Ведущую роль в межэтнических отношениях играют национальные интересы, которые для

индивида заключаются в этническом, национальном, развитии. Аналогично можно характеризовать и межрегиональные (межтерриториальные) отношения.

Можно выявить и составить описание многочисленных связей между элементами и подсистемами, входящими в систему, и создать таким образом базу для оценки свойств этих связей. Чем полнее окажется выборка связей в таком описании, тем адекватнее может быть их сравнение не только с качественной, но и с количественной точки зрения. Придание весовых характеристик связям – один из способов такой оценки. Если такое сравнение не делать одномерным (сводя все разнородные характеристики для каждой описываемой связи к единому параметру), а использовать несколько «плоскостей» сравнения, можно получить многомерное представление состояния сложной национально-территориальной системы с названием Россия. Можно сделать предположение, что исключение из системы какого-либо одного элемента должно приводить к редукации характеристик как всей системы в целом, так и каждого элемента, подсистемы или связи. Это можно проиллюстрировать следующим примером. Предположим, описанная модель была построена двадцать пять лет назад, когда ещё существовал Советский Союз. Теперь мы построим модель современной России вкупе со странами – бывшими составными частями СССР; большинство связей из первой модели оказались во второй либо обнулены, либо многократно ослаблены. Сравнение этих двух гипотетических моделей покажет, что вторая проигрывает первой – как количественно, так и качественно. Использование такой модели, содержащей весовые характеристики, также может позволить оценить и каждый элемент системы в отдельности.

Поэтому логичный вывод: надо не позволять имеющимся связям ослабевать, их надо укреплять, развивать, превращая каждую в более сложную, многогранную систему связей, усложнять набор связей, добавлять новые.

Но пока в России на государственном уровне такая стратегия просматривается слабо, разве только на телеканале «Культура». На практике происходит вытягивание рабочих ресурсов из периферийных регионов страны в города (особенно в крупные), что является признаком деградации системы, поскольку «весовые» характеристики регионов, выступающих в роли доноров трудовых ресурсов, снижаются, т.е. происходит деградация элементов системы. Необходимость равномернее развивать тер-

ритории – это аксиома. Однако в понятие такой политики никак не укладывается радикальное изменение границ столичного мегаполиса, произведённое в 2012 г. Десятки тысяч новых рабочих мест будут созданы в «новой Москве», и «город» станет ещё притягательней для непрощающих жителей провинциальных районов – и близких, и дальних. Появится дополнительный стимул поехать на заработки, а не работать там, где живёшь, и этой работой налаживать жизнь на месте.

Важно также не совершить ещё одной ошибки – подменить развитие собственного населения иммиграционной «подпиткой» извне, что опять возвращает нас к псевдоразвитию. Однако такой ход событий вероятен: В.В. Путин призывает «с одной стороны, направить мигрантов туда, где они будут в наименьшей степени вызывать социальное напряжение. А с другой – чтобы люди в своих родных местах, на своей малой родине могли чувствовать себя нормально и комфортно. Надо просто дать возможность людям работать и нормально жить у себя дома, на родной земле, возможность, которой они сейчас во многом лишены» [9]. Противоречивый тезис.

При таком векторе развития и межрегиональные, и межгосударственные связи будут ослабевать, поскольку представители

одного региона (государства), покидая его и переходя в другой (принимающий), перестают опосредованно реализовывать многочисленные отношения, имеющиеся между данными регионами (государствами).

Предлагаемый подход не только не исключает, но даже предполагает отказ при рассмотрении системы национальных взаимоотношений от того, чтобы ограничиваться сегодняшними границами России. Такой формат отношений возможен и на просторах бывшего СССР, и со странами, входившими в своё время в социалистический блок и являвшимися партнёрами Советского Союза на мировой арене. Не только Армения, Молдавия или Узбекистан и т.д., но и Вьетнам, и Куба, и Венесуэла также могут быть «форпостами» нашей системы.

Наша система должна позволять восстановление и формирование всех возможных связей между Россией и всеми странами, вовлечёнными прежде в орбиту нашей общей жизни. Это будет возрождением межнациональных связей, имеющих, как мы видим, глобальный характер. Разумеется, речь не идёт о воссоздании СССР-2. Система, которая образуется таким путём, будет какой-то новой русской цивилизацией, хотя и основанной на прежней общности самобытных и солидарных народов.

Список литературы:

- [1] Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности / Пред. Л. Полякова; репр. изд. 1918 г. – М.: Издательство МГУ, 1990. – 240 с.
- [2] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
- [3] Вендина О. Почему Москва не является паразитом на теле страны // Forbes. – 2012, 13 февраля. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/finansy/79227-pocemu-moskva-ne-yavlyaetsya-parazitom-na-tele-strany>
- [4] Заседание Совета по межнациональным отношениям 24 августа 2012 года, Саранск. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/16292>
- [5] Малюк А. Дискурс глобализации с точки зрения мир-системного анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005, № 2. – С. 176–196.
- [6] Никифоров В.В. Модернизация: кампания или системная функция? // Общество. Среда. Развитие. – 2010, № 4. – С. 4–7.
- [7] Попков Ю.В. Надо реанимировать интернационализм! // Наука. Сибирь. Общество. – 2011, 5 июля. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.copah.info/articles/person/nado-reanimirovat-internatsionalizm>
- [8] Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012, 23 января.
- [9] Россия федеративная: проблемы и перспективы // Под общ. ред. В.Н. Иванова. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. – 446 с.
- [10] Субетто А.И. Системотика и теория циклов. В 2-х тт. Т. 1. – М.: Иссл. центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. – 243 с.
- [11] Телеканал «Культура» расскажет о традициях и истории народов и национальностей России // Вестник Кавказа. – 2012, 23 августа. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Telekanal-Kultura-rasskazhet-o-traditsiyakh-i-istorii-narodov-i-natsionalnostey-Rossii.html>
- [12] Томайчук Л.В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 3. – С. 52–55.
- [13] Черноусова Е.А. Русский народ в системе межнациональных отношений Российской Федерации / Дисс. ... канд. политических наук. – М. – 165 с.
- [14] Этнический состав республики // Сайт Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.minnaz.ru/etnicheski_sostav

ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ СОЦИУМ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗА ЖИЗНИ НАРОДА

Важное значение в исторической ретроспективе Кыргызстана занимает период советской власти, когда интенсивность кыргызско-российских отношений стала определяться статусом союзной республики в составе СССР. Кыргызстан, пребывая в политической, экономической и социально-культурной орбите интересов СССР, получил соответствующий вектор общественного, исторического развития. Следует подчеркнуть, что с распадом многонационального государства СССР, в начальные годы суверенитета и независимости значительная часть населения новообразованного Кыргызстана не могла отречься от преемственности союзной идентичности. Несмотря на негативные последствия интернационалистической политической доктрины советского государства, руководство Кыргызстана благодаря не утраченному духу смогло сохранить полиэтничный колорит страны.

Ключевые слова:

интернационализм, образ жизни, полиэтничность, советский народ.

Современный период развития полиэтничного социума сопровождается углубляющейся проблемой межэтнических разногласий. Об этом свидетельствуют множественные негативные события и факты в жизнедеятельности многонационального социума бывших союзных республик. Необходимо подчеркнуть преобладающий позитив интернациональных взаимоотношений народов периода СССР, относительно нынешнего положения, характеризующегося открытым проявлением интолерантности в межэтнических контактах. Благодаря положительным примерам сосуществования современного полиэтничного социума можно обеспечить прогрессивную историческую преемственность, межэтническую толерантность и интернационализм.

В плане исторической преемственности образа жизни и передачи социально-культурного опыта из поколения в поколение кыргызский народ имеет традиционную геополитическую особенность. Здесь на протяжении длительного времени важную роль играла Россия, которая была крупной имперской державой, и оказывала влияние на огромное евразийское пространство. Как «государство-маяк» Россия на протяжении XVIII–XX столетий стимулировала становление и развитие кыргызской государственности, предопределив ее полиэтничное содержание. В этом отношении историческая ретроспектива Кыргызстана характеризуется поступательной динамикой, где период советской власти сформировал интернациональный колорит образа жизни народа.

Статус союзной республики в составе многонационального советского государ-

ства способствовал интенсивности кыргызско-российских отношений, отразившихся на политическом, социально-экономическом и культурном аспектах жизни кыргызского народа. Кыргызстан, пребывая в орбите интересов СССР, согласно Конституции 1936 г., получил соответствующий вектор общественного, исторического развития. Главенствующая ориентация на коммунистическую, советскую идеологию, пропагандирующую неизбежность интернационализма, на основе Морального Кодекса строителей коммунизма, закрепили в сознании людей веру в единую общность «советский народ».

Утверждение в сознании человека классового подхода, равноправия наций и народов и проведение соответствующей политической линии коммунистической партии исключали самостоятельное этнокультурное развитие субъектов союзного государства. Советская идеологическая доктрина, выдвинувшая на первый план классовый подход в формировании советской идентичности, на протяжении более чем 70-ти лет «общности» развития, осуществила основательную корректировку этнокультурного образа жизни кыргызского народа. На идейной основе интернационализма была представлена «коллективная идентичность» как главный, определяющий политический и социально-психологический критерий советского образа жизни.

Безусловно, сама идея интернационализма имеет позитивную интеграционную основу, и в масштабе многонационального государства была необходимой политической линией. Классовая сторона, отражаясь в социально ориентированной идеологии-

ческой доктрине, подчеркивала монолитность двух основных социальных групп – рабочих и колхозного крестьянства. Идеология, заблаговременно выдвигавшая два класса в социально-политическое привилегированное положение, преследовала цель изоляции наиболее образованной части населения от главной политической «игры» в государстве.

Вроде бы выражая волю советских людей, общечеловеческие принципы дружбы народов и солидарности трудящихся, коммунистические идейные вдохновители в то же время игнорировали многочисленный класс интеллигенции. Советское руководство не особо приветствовало идейных вдохновителей сохранения этнокультурных традиций в образе жизни, которые и представляли наиболее образованный, интеллектуальный потенциал национальных государственных образований. Значительная часть национальной интеллигенции, воспитанная на идейной основе интернационализма, выступала за советский образ жизни, всемерно пропагандируя многонациональное единство, равенство и дружбу народов. Однако эти идеи часто носили декларативный характер, реально не учитывали внутреннее содержание интернациональной общности «советского народа».

Исторические факты советского периода свидетельствуют, что этническая культура «благодаря» политике интернационализации, становилась не обязательным компонентом образа жизни, в том числе и у кыргызов. Образно выражаясь, она пребывала в положении изгоя, постепенно лишаясь поддержки национальной элиты, представителей которой регулярно обвиняли в национализме. В частности, репрессии в 30-х гг. XX в. и осуждение представителей политической элиты в сталинское время оставили глубокий отрицательный след в этнокультурном своеобразии народов. Преследование научных работников, преподавателей, студентов за проявление национальных чувств (не национализма), оставались главным средством дегуманизации политики интернационализации, особенно проявившимися после алма-атинских событий 1986 г.

Российские исследователи Д.Г. Когатко и В.Х. Тхакахов определяют, что сильная сторона интернационализма как ориентационного центра состоит в объеме и структуре его социальной обращенности. Изначально он формировался вне религиозной, этнической почвы, как государственно-политический компонент иден-

тичности. Интернационализм в качестве одной из фундаментальных основ советского типа идентичности, обусловил социальную и идейную привлекательность российской цивилизации периода советского модерна. Тем не менее, идейная привлекательность интернационализма, включавшая общечеловеческие ценности, не смогла стать основополагающей в поведенческой деятельности и повседневной жизни граждан страны с полиэтничным населением.

Пропаганда коммунистами идеи интернационализма, равноправия и дружбы народов изначально была утопической и сыграла неоднозначную роль в судьбе народов. Реально отражая центристскую политику «старшего брата» и обособленность Москвы, интернациональная политика искусственно насаждала идентичность «советского образа жизни». Чрезмерная идеологизация и негативные социальные практики (дискриминация по национальному признаку) поставили под сомнения ресурсы и перспективы интернационального принципа идентичности [2, с. 67]. Осуждая практическое общение представителей этнических общностей на родном для них языке, центристская политическая доктрина пресекала возможность проявления этнокультурной идентификации граждан.

Игнорирование национально-культурной самобытности народов и пренебрежение их интересами и ценностями не могли привить в массовом сознании единую национально-гражданскую идентичность. Стратегия формирования национальной государственной идентичности и создания «советского народа» завершилась событиями в Алматы, столкновениями в Сумгаите и Нагорном Карабахе, других городах и республиках, [4, с. 267] приведшими в итоге к дефолту идеи интернационализма и разрушению самого государства.

За годы советской власти, господства коммунистической коллективистской идеологии, население Кыргызстана подверглось радикальным воздействиям во всех сферах жизни. Изменению подвергся социум, постепенно «обогащаясь» поликультурным содержанием на различных стадиях развития. Полиэтнический колорит обретал свою бытность в основном в процессе искусственной миграции иноэтнических групп в республику. Насильственное переселение иноэтнических общностей в Киргизскую ССР, компактное их расселение в различных регионах республики не могло не сказаться на

уровне толерантности в межличностных, межгрупповых и тем более в межэтнических отношениях. Локальность этнокультурных образований, сохраняющих на основе этносоциальной памяти свою обособленность, способствовала столкновению интересов с другой локальностью, усиливая значимость собственной идентичности в своей общности и не тождественности с иной.

Фактор нетождественности со своей общностью традиционный этносоциум зачастую воспринимал как не приемлемое явление, чем и вызывалась интолерантность. Этносоциальная память, обеспечивающая взаимосвязь прошлого и настоящего, пребывает в подвижном состоянии. Она существует постоянно и реализуется в результате столкновения воспоминаний и поведения, относящихся к разным эпохам и сочетающихся в самых неожиданных комбинациях [3, с. 62]. В силу многих объективных и субъективных предпосылок кыргызский полиэтнический социум обрел новое качественное состояние, формировавшееся из взаимодействия ста национально-культурных общностей.

Обретенный многонациональный колорит в рамках историко-культурной, социально-экономической и политической жизни современного государства, постепенно трансформировал образ жизни кыргызов. В процессе постепенного слияния разноликой массы, взаимного сотрудничества представителей разных этнических общностей на территории Кыргызстана, обеспечивался интеграционный процесс в рамках единой союзной государственности.

В период исторического развития СССР искусственное смешивание различных этносов и социально-культурных особенностей было стремлением унифицировать население национально-этнических территориальных образований. А.И. Токтосунова пишет, что: «Национальный стереотип мышления, сведенный к внешним характеристикам проявления своеобразия, привел к нарушению внутренней целостности архетипа сознания, что естественным образом сказалось на социокультурном развитии кыргызского общества». Также она утверждает, что кыргыз на мировой арене, как и любой другой представитель Средней Азии, ассоциировался с феноменом советского человека (чаще всего русского) с определенным набором идеологических установок [5, с. 365].

Поэтому наличие двух уровней амбивалентного самосознания у советских людей, выраженных в возможностях одновре-

менно ощущать себя представителем как собственного этноса, так и более широкой надэтнической, «интернациональной» общности реально прослеживается в характере жизнедеятельности кыргызского народа. Согласно данным М.Н. Карыбаевой, на анкетный вопрос населения в 1998–1999 гг. «кем Вы ощущаете себя сегодня?» абсолютное большинство (64,8%) считали себя гражданами Кыргызстана, в том числе и не кыргызы, проживающие на территории республики; 12,8% респондентов продолжали считать себя гражданами СССР [1, с. 134]. А к 2003 г. на вопрос «кем Вы себя ощущаете?» более 90% кыргызов, русских и узбеков и 69,2% других национальностей идентифицировали себя как представителей своей национальности [6, с. 171].

Эти данные свидетельствуют о том, что интеграция различных этносов в кыргызстанском обществе остается достаточно слабой. Однако, следует подчеркнуть, что процесс полиэтнизации населения Кыргызстана начался задолго до образования союзного государства с добровольной миграцией иноэтнических групп в просторы горного края и фактическое смешивание с коренными жителями обеспечивало динамику развития колоритной полиэтничности. В процессе массового переселения этнических общностей, произошло полиэтнизованное, искусственное смещение разноэтнических общностей, приведшее к социально-психологическому дискомфорту как коренного населения, так и переселенцев.

Тем не менее, несмотря на существенные этнокультурные различия, в процессе взаимодействия, разноликое население без особых социально-психологических потрясений смогло влиться в общекультурную среду пребывания. Тем самым, полиэтничность постепенно обрела позитивно адаптационную жизнеспособность, проявляя амбивалентность чувств к тождественному и нетождественному социально-культурному окружению. Впоследствии проводимая политическая интернационализация, игнорировавшая не только этнокультурные факторы, но и неблагоприятные социально-экономические условия многонационально-государственного образования, породила интолерантность в межэтнических отношениях республики. Несмотря на принимаемые государством меры по обеспечению стабильного социально-политического положения в колоритной среде, кыргызский полиэтнический социум подвергался негативной трансформации.

Политическая трансформация полиэтнического кыргызского социума, способствовавшая изменению как среды пребывания, так и психологии самих людей, расширила возможности русскоязычной части населения, в то же время ограничивая поле деятельности титульной нации. Эти факторы наиболее ярко проявлялись в политической линии руководства республики, ориентирующейся на центральную власть. Политика, поощряющая интернационализацию кадрового потенциала, допускала значительные пробелы в отношении национальных кадров, оставшихся на второй позиции в собственном государстве. Поэтому в полиэтнической среде факторы взаимовлияния не всегда выражались позитивными мотивами, все больше усиливая критическую оценку народа не только к руководству, но и к русскоязычному населению.

Несмотря на жесткий стиль руководства центра, на местах, в том числе и в городах и столице Бишкеке, проявлялись некие шовинистические и националистические взгляды. Скрытые формы национализма не оставались без внимания командно-административной системы управления, и всегда следовало жесткое наказание. В то же время, проявление шовинизма не только не пресекалось, но и поддерживалось благодаря политической опоре центральной власти и не только в скрытой форме. Тем самым национальный вопрос приобрел большую остроту не на местах, а в умах центрального аппарата управления, не обеспечившего

реального равноправия. Равноправие наций и народов, декларируемое советским руководством, не могло обеспечиваться без учета государствообразующей роли титульной нации в самих национально-государственных образованиях. Для того, чтобы иметь прочную поддержку у народа, необходимо было обеспечить практическое правовое равенство без ущемленности национальной интеллигенции в деле управления полиэтнической общностью.

Проявление интолерантности на местах способствовало усилению противоречий, столкновению интересов, ценностей, усиливших стремление людей к идентификации на основе этнического происхождения. Особенно это наглядно проявилось с распадом Советского Союза и приобретением суверенитета и независимости Кыргызстаном. Постепенный рост эгоцентристских воззрений в кыргызском полиэтническом социуме способствовал заметному угасанию советского социального оптимизма и еще большей интолерантности в обществе.

Несмотря на негативные последствия интернациональной политической доктрины Советского государства с обретением суверенитета и независимости руководство новообразованного Кыргызстана смогло сохранить полиэтнический колорит страны. Особо следует отметить, что «советский образ жизни», прочно закрепившийся в сознании кыргызского народа, не утратил интернациональность духа полиэтнической общности.

Список литературы:

- [1] Карыбаева М.Н. Национальное самосознание: философско-методологический анализ: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. – Бишкек, 1999. – 192 с.
- [2] Когатко Д.Г., Тхакахов В.Х. Российская идентичность. Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации / Под ред. А.О. Бороноева. – СПб.: Алетейя, 2010. – 136 с.
- [3] Молдобаев К.К. Этносоциальная память, идентичность и глобализация. – Бишкек, 2005. – 205 с.
- [4] Сааданбеков Ж. Авторитаризм и демократия на Востоке. – Астана: Фолиант, 2003. – 389 с.
- [5] Токтосунова А.И. Этнокультурная идентичность и диалог в условиях глобализации. – Бишкек, 2007. – 305 с.
- [6] Чотаева Ч.Ч. Этнокультурные факторы в истории государственного строительства Кыргызстана. – Бишкек, 2005. – 275 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ – ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере Кабардино-Балкарской Республики)

Политические партии можно назвать посредниками между общественными силами, идеологиями и официальными государственными институтами. Политические партии обеспечивают взаимодействие между государством и гражданским обществом, этот аспект для современной российской политики наиболее актуален и противоречив. Поскольку сфера отношений между обществом и государством составляет ядро политической системы, именно здесь реализуется (или не реализуется) принцип демократии.

Ключевые слова:

выборы, Государственная Дума, гражданское общество, политика, политические партии.

Государство и гражданское общество, являясь сложными социальными системами, по природе своей преследуют цель установления пропорций, которые считаются справедливыми и адекватными прогрессивному развитию на каждом временном промежутке своего исторического развития. В современных условиях наиболее технологичным и успешным способом установления пропорций признаны свободные выборы, основанные на многопартийной системе. Однако в России этот механизм еще не функционирует в полном объеме, еще не позволяет переводить ожидания масс на уровень государственной власти, но зато уже вполне отчетливо позволяет увидеть перекосы и недостатки в социально-политической системе, осознать диспропорции ее развития.

Необходимость комплексного исследования политического участия на различных уровнях обусловлена тем, что Россия в настоящее время переживает период реформ, связанных с демократизацией общества. Идет формирование нового типа взаимодействия основных субъектов политического процесса – гражданского общества и государства, что предполагает активное вовлечение граждан страны в сферу политики. Развитие политическое участие становится фактором успешного демократического реформирования страны, ее способности к обновлению и развитию.

В складывающейся системе политиковавластных отношений в настоящее время значительное место занимает региональный уровень. В регионах постепенно все в большей мере обеспечиваются основные условия жизнедеятельности людей – не только экономические, социальные и духовные, но и политические. Здесь политическое участие приобретает особое значение: ведь именно на этом уровне происходит согласо-

вание интересов различных групп, формирование отношений диалога, партнерства, соучастия власти и граждан [2, с. 11].

Партия – разновидность общественно-го объединения. Это означает, что партии, равно как и иные виды общественных объединений (профсоюзы, молодежные, национально-культурные и иные объединения), представляют собой добровольные, самоуправляемые формирования, созданные по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих уставных целей.

Политические партии – это общественные, социально упорядоченные организации, образующиеся по принципу социокультурной общности, имеющие свои цели, задачи, устав и программу действий, на основе которых объединяются люди. Любая партия ведет борьбу за получение голосов избирателей по принципу состязательности. Структура политической партии включает в себя блоки избирателей, партийную организацию и партийный аппарат, целью политической партии является разработка политических программ, представляющих интересы различных социальных групп и слоев общества. Исходя из структуры, целей и задач можно выделить следующие функции политических партий: институциональную, агрегативную, артикулятивную, электоральную, состязательную, организационно-стратегическую [7, с. 216].

1. Институциональная функция политических партий – это способ ее конструктивной деятельности и обеспечения рациональности, которая не зависит от конкретных лиц. Институциональная функция политических партий включает четыре основные подсистемы: разработку политической программы, создание на этой основе политической партии, программную состязательность и проведение сво-

бодных выборов; выявление первостепенных социальных нужд и проблем граждан.

2. Агрегативная функция политических партий – это выявление социально значимых интересов индивидов и запросов членов общества, которые решаются политическими средствами. Иными словами, – это проблемно-ориентированная стратегия партии, с помощью которой выявляются и типологизируются основные проблемы различных социальных групп общества.

3. Артикулятивная функция связана с выработкой конкретных способов решения социально значимых проблем. На основе классификации и селекции основных проблем общества разрабатываются специальные программы и предлагаются меры их решения.

4. Организационно-стратегическая функция партии включает в себя следующие критерии: автономность, источники финансирования, источники пополнения, характер руководства, согласованность, фракционность, вовлеченность, стратегию, тактику.

5. Состязательная функция политических партий предполагает принцип состязательности на программной основе и ответственность за свои обещания перед обществом. Эта функция обеспечивает связь между партией и избирателями на правовой основе в социокультурном пространстве. Принцип состязательности играет роль фильтрации, устраняя неэффективные партии с политической сцены и обеспечивая поддержку конструктивно-национальной политической программы.

6. Электоральная функция обеспечивает донесение программных целей и задач до избирателей, от которых зависит их проникновение в структуры власти. Следует подчеркнуть, что все выше перечисленные функции должны осуществляться совместно, в противном случае они потеряют свой легитимный характер.

Таким образом, в рамках политической партии осуществляется два вида политико-правовой активности граждан – участие и влияние на политико-правовые процессы, с одной стороны, и государственные институты, с другой. Политической партии – единственный институт гражданского общества, которому свойственны именно такие характерные черты и функции.

Хотя в современной России существует множество партий, все они имеют низкую эффективность из-за отсутствия перечисленных функций. В связи с этим они не способны стать важнейшим институтом

гражданского общества и обеспечить принцип сдержек и противовесов.

Выясняя интересы тех или иных групп, партии сводят их воедино в такой форме, которая оказывает непосредственное влияние на решения государственных органов. Однако деятельность политических партий отнюдь не сводится к завоеванию позиций в органах государственной власти [8, с. 61]. В противном случае это предназначение с успехом могло бы выполняться временными корпоративными группировками, состав и политические ориентиры которых постоянно менялись бы в зависимости от нюансов политической ситуации.

Политические партии выражают политические интересы гражданского общества, и по степени их развития можно судить о степени развития гражданского общества. Результаты опросов общественного мнения говорят о девальвации института политических партий в сознании российских избирателей. Сохраняя в целом высокий уровень партийной идентификации и приверженность основным демократическим ценностям, россияне весьма скептически относятся к идее многопартийности. [5, с. 68]

В Кабардино-Балкарии, по сведениям управления Министерства юстиции РФ по КБР, по состоянию на 30 июля 2012 г. зарегистрированы 192 действующие организационные комитеты политических партий, начиная от политической партии «Партия Правды» зарегистрированной 15 июля 2012 г. Д. Федяевым, до всероссийской политической партии «Интернет-партия» зарегистрированной за М. Тагаевым.

По последним подсчетам на сегодняшний день в КБР зарегистрировано 776 некоммерческих организаций, для сравнения, в 2009 г. – всего 380 НКО [3].

По сведениям Управления Федеральной регистрационной службы по КБР, в республике зарегистрировано 23 региональных отделения всероссийских политических партий, которые объединяют в своих рядах 36 тыс. чел. Наиболее многочисленными из них являются 12 отделений, численность их членов превышает 1000 человек (от 1032 человек в региональном отделении политической партии «Партия социальной справедливости до 12844 человек в региональном отделении политической партии «Единая Россия»).

Однако реальной деятельностью из них занимаются только партии, представленные в парламенте. После выборов 2008 г. в законодательный орган республики вошли четыре региональных отделения всерос-

сийских партий. Самая многочисленная из них «Единая Россия», за ней следуют КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР.

Несмотря на такое представительство, гражданские институты в КБР развиты недостаточно, как и региональная партийная инфраструктура. Правозащитники считают, что в Кабардино-Балкарии гражданское общество очень слабое, что здесь уничтожены всекие ростки гражданского общества [9].

Одной из наиболее адекватных форм связи гражданского общества и политических партий являются выборы. Однако массовый избиратель отчужден от конкретной работы в политических партиях, а его политическая самоидентификация ориентирована не столько на партийные программы, сколько на лидеров и образы партий, складывающиеся в массовом сознании.

Формирование любого демократического государства в рамках развивающегося гражданского общества немислимо без проведения выборов в государственные органы власти и органы местного самоуправления. [4, с. 14] Посредством выборов реализуется представительная демократия, составляющая политическую основу гражданского общества, в рамках которой выборы являются эффективной формой контроля граждан за деятельностью органов государства и местного самоуправления, а также их должностных лиц. Представительная демократия способствует развитию и совершенствованию института конституционной ответственности государства и негосударственных структур перед обществом.

Выборы являются одним из базовых институтов демократического общества. Свободные выборы предоставляют гражданам возможность влиять на политику и формирование власти или, по крайней мере, на то, какие люди, придя к власти, будут формировать государственную политику и проводить ее на региональном и местном уровнях.

Благодаря периодическим выборам обеспечивается процесс ротации состава государственных органов и смена правящих партий. С точки зрения общественных нравов, роль выборов неоднозначна. С одной стороны, выборы усиливают политическую конкуренцию, недоброжелательство и конфликтность в обществе, обостряют интриги в политике, взвинчивают политическую пропаганду до уровня истерии. Порой, и это случается даже в развитых демократиях, именно в ситуации предвыборной борьбы политики и их сотрудники опускаются до использования предосудительных, а то и преступных средств.

Результаты парламентских выборов с наглядностью демонстрируют значительную диспропорциональность общественного развития России [9, с. 73]. На протяжении более чем десятка лет общество ясно показывает свое несогласие с основными принципами и приоритетами проводимой политики. Выражается это в мощной электоральной поддержке целого ряда оппозиционных партий, в том числе и радикальных. В то же время кадровый состав исполнительной власти и, что особенно важно, идеология проводящихся реформ, практически никак не коррелировали с результатами парламентских выборов. Результаты народного волеизъявления, мнение общества относительно политического развития не учитывались, институт политических партий планомерно и методично дискредитировался.

Однако слабость гражданского общества, пассивность и гражданская апатия в КБР не позволяют влиять на процесс выборов, а тем более на их результаты. Говорят об этом нарушения и недостатки в период последних выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. Никаких неожиданностей выборы в Госдуму РФ не принесли: по официальным данным в день голосования жители республики проявили удивительную активность. На избирательные участки Кабардино-Балкарии в тот день не явились только 1,7 % граждан. Абсолютным лидером в регионе стала «Единая Россия», что никого не удивило. В КБР партия власти набрала 81,9% голосов, а, например, в Карачаево-Черкесии и того больше – 88%. На вторую позицию в обоих регионах вышли коммунисты. Остальные пять партий не набрали и 2% голосов, вместе взятые.

Официальные СМИ республики цитировали в дни выборов секретаря Избиркома КБР Ирину Агмурзаеву. По ее словам, в период проведения выборов и до подписания итогового протокола жалоб на нарушение федерального законодательства о выборах в избирком не поступало. «Были обращения, мы отвечали на интересующие избирателей вопросы, но жалоб на нарушения к нам не поступало», – цитирует ее газета «Кабардино-Балкарская правда».

Однако, по мнению представителей оппозиции, результаты выборов сильно раздуты. По словам лидера регионального отделения «Яблока» в КБР Хакима Кучмезова, на всех избирательных участках республики были допущены существенные нарушения. «Я бы не стал называть мероприятие, прошедшее 4 декабря в стране, выборами», – говорит он. «Я сам был на участках, ездил весь

день. Могу сказать, что всюду была одна картина – полное игнорирование этого мероприятия со стороны избирателей, – говорит Кучмезов. – В течение часа, что я был на участке, ни одного человека не видел. Мало того, меня самого не оказалось в списках». По подсчетам «Яблока», явка на участки составила не больше 37% [1].

Этого же мнения придерживается руководитель регионального отделения партии «Патриоты России» в КБР Александр Ордашев. Он призывает задуматься, почему именно дотационные республики показывают на федеральных выборах высокий процент явки и поддерживает именно правящую партию [1].

Официальные данные свидетельствуют о высокой активности жителей республики, все же некая апатия в обществе налицо. Это свидетельствует о низкой активности гражданского общества. Ведь гражданское общество через свои социальные институты должны оказывать влияние на государство с целью совершенствования политических отношений. Однако развитию гражданского общества в регионе остро не хватает активности общественных организаций – постоянного контроля за сферой политики и неполитического участия в ней.

Необходимость повышения роли институтов гражданского общества диктуется всей логикой общественного развития. Это требует объединения усилий и государства, и бизнеса и, конечно, широкого общественного участия. При принятии конкретных решений для осуществления значимых изменений в этой сфере необходимо понимать процессы, которые происходят сегодня в гражданском обществе, а также основные тенденции его развития.

Политические партии и гражданское общество так и не получили устойчивых и

партнерских взаимоотношений. Обмен интересами по коммуникационному и организационному каналам практически не имеет обратной связи. По сути, работа партий сегодня заключается скорее в навязывании обществу своих позиций, которые трансформируются в общественное мнение.

Выполнение политическими партиями роли агента двусторонней связи между гражданским обществом и государством обусловлено исходной историко-политической ситуацией и российским институциональным дизайном, что привело к тому, что политические партии не стали центральным фактором принятия решений. В стране системообразующим элементом политической системы является исполнительная власть, а не гражданское общество и не политические партии. Единственным государственным институтом, где фиксируются результаты межпартийной борьбы и партии играют ключевую роль, можно назвать Государственную Думу, которая, опять же, все в большей степени превращается из публичного политического института в канцелярию руководства страны, призванную утверждать спущенные сверху законы.

Повышение эффективности партий как института гражданского общества и политической системы требует, прежде всего, значительных изменений конституционного и федерального законодательства. Однако это должно происходить только в случае укоренения партий в толще гражданского общества и усиления гражданского контроля за деятельностью государства, поскольку становление партий как полноценного института гражданского общества и политической системы должно сопровождаться встречными процессами – укреплением институтов государства и гражданского общества.

Список литературы:

- [1] Арсланова З. Горькая дума горцев России. – Интернет-ресурс. Режим доступа: kavpolit.com/gorkaya-duma-gorcev-rossii (02.08.12)
- [2] Веденеев Ю.А., Чижов Д.В. Политические партии: между гражданским обществом и государством // О выборах. – № 2, 2002. – С. 9–14.
- [3] В КБР мало кто интересуется наукой и защитой природ / Без автора. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://07kbr.ru/2011/09/14/v-kbr-malo-kto-interesuetsya-naukoj-i-zashhitoy-prirody/> (07.08.12)
- [4] Горшков М. В зеркале общественного мнения // Выборы: законодательство и технологии. – 2000, № 12. – С. 13–16.
- [5] Зотова З.М. Политические партии России: организация и деятельность / Науч. ред. Ю.А. Веденеев. – М.: Рос. центр обучения избир. технологиям, 2001. – 122 С.
- [6] Лапкин В.В., Пантин В.И. Общественное мнение и изменение политических институтов в России и на Западе // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – С. 100–135.
- [7] Оганьян О.С. Модернизация и политика в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011. – 336 с.
- [8] Санжаревский И.И. Пропорциональность в современных социально-политических отношениях / Под ред. проф. В.М. Долгова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 144 с.
- [9] Тхагапсоев Х.Г. В Кабардино-Балкарии закладывается основа конфликта на десятилетия вперед – правозащитники. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21035> (21.07.12).

«ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ» И РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЕГО СТАНОВЛЕНИИ

Глобальное управление рассматривается как механизм противодействия глобальным вызовам и как прообраз будущего мироустройства. Анализируются сильные и слабые стороны идеи «глобального управления». Особое внимание уделяется роли неправительственных организаций, их статусу, методам деятельности и роли в формировании глобального управления.

Ключевые слова:

глобализация, глобальное управление, глобальные проблемы, международные отношения, международные неправительственные организации, ООН.

Проблема глобального управления является сейчас одной из самых популярных и дискуссионных тем среди экспертов-международников, политологов менеджеров, юристов. Активно она обсуждается и в заинтересованных кругах гражданского общества. Проблемы и «вызовы» глобализации становятся всё более очевидными для каждого, а решения и «ответы», предлагаемые современными государствами и межгосударственными институтами оказываются недостаточно эффективными. В этой связи встаёт вопрос о новой системе управления мировым сообществом, становящимся всё более взаимозависимым и – одновременно – более уязвимым.

При рассмотрении глобализации может показаться, что изначально этот процесс никем и ничем не управлялся. Мера хаоса нарастала, но была не критичной. И лишь только технологическая и информационная революция второй половины XX в. ускорила и резко обозначила этот процесс: повысилась плотность и скорость коммуникаций, потребовались иные масштабы и меры в сфере принятия управленческих решений, обнажились проблемы гигантских диспропорций между развитыми и развивающимися странами. На самом деле, конечно, любая тенденция мирового развития на каждом историческом этапе находила свои управленческие решения. И долгое время механизмами такого глобального менеджмента являлись Вестфальские соглашения 1648 г., определившие статус суверенных государств и, в целом, – Вестфальскую систему международных отношений. А также – окончательно кодифицированное в XX в. международное право.

Роль государства и права в системе управления международными отношениями определялась традиционными представлениями о силе («мощи») политического

субъекта и связывалась с волей правителя-суверена и подчинённой этому правителю волей подданных. Правитель-суверен или правительство суверенного государства олицетворяли совокупную волю народа (многих) и принимали решения путём договора или войн с другими такими же суверенами. По мере усложнения системы – роста промышленности, торговли, конкуренции, технологических достижений – появились новые средства решения международных проблем – мировые войны и международные организации различной направленности и масштабов. Повысилась политическая роль крупного бизнеса, мировой общественности, отдельных политиков, деятелей культуры и харизматических лидеров. Однако все эти меры до определённого момента соответствовали принципам Вестфальской системы. Традиционные законы и нормы права какое-то время сохраняли запас прочности при нарастающих изменениях. Роль субъектов, принимающих глобальные решения, была распределена между правительствами великих держав и международными (межправительственными) организациями. Можно сказать, что биполярная система с двумя центрами силы в США и Советском Союзе, а также ООН были своеобразным «мировым правительством» второй половины XX в. А Устав ООН стал рассматриваться как некий кодекс поведения для государств (хотя, конечно, весьма далёкий от прообраза мировой Конституции). Противодействовать хаосу и поддерживать относительную стабильность помогали различные политические, экономические и военные альянсы, а также возможности ООН как демократической трибуны и «коллективного разума». Борьба за союзников и «дружба против кого-то» в рамках существующего международного права и институтов и составляла суть мировой политики. «Мировое правительство»

в этом историческом контексте состояло из государственных элит (развитых государств) и бюрократии крупнейших международных организаций.

Именно на это «мировое правительство» и возлагались большие надежды и после трансформации биполярной системы, информационной революции, появления Интернета и распространения сетевых технологий, качественного и количественного роста гражданского общества, обострения глобальных угроз. Однако стало очевидным, что содержание системы, появившиеся в ней новые структуры и типы коммуникаций вступили в противоречие с традиционной формой. Для новых акторов и типов взаимодействий она оказалась «прокрустовым ложем», в котором приходится существовать, но трудно развиться. Энергия противодействия порождает ситуацию неуправляемого хаоса в мирополитических отношениях. В этой связи стали востребованными исследования по синергетике, по процессам управления сложными неравновесными системами. И они нашли свою интерпретацию в политологии и теории международных отношений. Само понятие «мирового (или глобального) правительства» было потеснено многофункциональным – «глобальным управлением».

Формирование понятия «глобальное управление». Стало традиционным при определении «глобального управления» приводить исследования Дж. Розенау [8]. Он проанализировал английские термины «government» (правительство) и «governance» (управление). Понятие «правления» включает в себя некие структуры, наделённые властными полномочиями и опирающимися на общественное и международное признание. Властные функции правительства также закреплены в праве, в конституциях государств. Правовые механизмы наделяют правительства не только всей полнотой власти, но и возлагают на него всю меру ответственности. «Управление» понимается, прежде всего, как функция некоего процесса; в нашем случае – процесса глобального развития, глобализации. Само понятие «управления» не подразумевает персонификации власти и создания конституционно закреплённых властных структур. Напротив, такая система «глобального управления» предполагает гибкость, сменяемость и взаимозаменяемость своих структур, быстрое реагирование на изменение процессов и поведение акторов. Однако, мера ответственности в «глобаль-

ном управлении» не фиксируется законодательно. Успешность такого управления определяется эффективностью, выгодой, ростом доступных социальных благ или же отсутствием перечисленного. Отсутствие властных функций и ожидание того, что глобальная система управления сама организует себя, чревато для мирового сообщества возможностью усугубления социальных диспропорций, конфликтности и хаотизации международных процессов.

Таким образом, идеи «глобального (мирового) правительства» и «глобального управления» должны были бы быть адаптированы к реалиям современного мира. Нужно учитывать, с одной стороны, невозможность построения всемирной империи (или федерации) и наделения мирового правительства конкретными полномочиями и обязательствами, с другой – непреодолимость в обозримом будущем социально-экономических, культурных и прочих диспропорций в глобальном масштабе, которые не позволят управлять миром как совокупностью корпораций.

«Глобальное управление» как противодействие вызовам глобализации. Несмотря на всю противоречивость применения «глобального управления» для регулирования мировых процессов, сама идея весьма удачно подошла для мобилизации усилий по противодействию глобальным проблемам. Можно сказать, что апробирование идеи «глобального управления» в рамках уже имеющейся глобальной структуры ООН для решения конкретных задач стало площадкой для совершенствования данной концепции, с одной стороны, и подготовки общества к её восприятию и признанию – с другой.

Экологические и футурологические исследования 70–80-х гг. XX-го в. относительно будущего человеческой цивилизации (в частности, доклады Римского клуба) приобрели широкий общественный резонанс и внимание ведущих политиков. Желание привлечь внимание к проблемам окружающей среды и выживания человечества перед лицом новых вызовов, а заодно сплотить мировое сообщество и попытаться обойти традиционные противоречия, побудило начать процесс реформирования ООН.

Изначально идея «глобального управления» прокладывала себе дорогу в кругах ООН благодаря деятельности трёх независимых комиссий: Независимой комиссии по проблемам международного развития (Комиссии В. Брандта), Всемирной комиссии по окружающей среде и разви-

тию (Комиссии Г.Х. Брунтланд) и Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности (Комиссии У. Пальме). Собственно, Комиссия Брунтланд была создана в 1983 г. на основе выводов комиссий Брандта и Пальме. Именно в рамках работы этих комиссий впервые прозвучала мысль о необходимости совместного (глобального) управления окружающей средой с целью выживания человечества и сохранения ресурсов для будущих поколений. В 1987 г. впервые был введён термин «устойчивое развитие» в докладе комиссии Брунтланд «Наше общее будущее» («Our Common Future»). «Всемирная программа изменений», сформулированная в данном докладе, предполагала создание системы принятия решений для управления окружающей средой [4].

А уже в 1992 г. была создана организация, в названии которой было прямое указание на необходимость глобального управления – Комиссия по глобальному управлению и сотрудничеству, которую возглавил бывший на тот момент президент Социнтерна И. Карлссон. В 2001 г. ей на смену пришла Комиссия по глобализации, но направление деятельности осталось тем же.

В 1995 г. Комиссия по глобальному управлению подготовила доклад «Наше глобальное соседство» («Our global neighborhood») [7]. В докладе говорилось о необходимости коренного переустройства ООН, и даже выдвигался соответствующий проект, согласно которому в рамках универсальной организации должен был появиться новый орган – Совет экономической безопасности (СЭБ), который бы осуществлял координацию между глобальными и региональными экономиками мира, структурами ООН и региональными организациями. Именно здесь раскрылась идея глобального управления, как системы основанной на демократических принципах и правовых нормах, исполнение которых обязательно для всех. Идеологической основой глобального управления также являлась «глобальная гражданская этика», которую предстояло выработать на основе общечеловеческих ценностей с уважением различных культурных, политических и религиозных воззрений.

Впоследствии проект СЭБ не был принят, а функции СЭБ перешли в ЭКОСОС (Экономический и Социальный Совет) ООН. Ранее, с 1992 г., в рамках ЭКОСОС стала функционировать и Комиссия по устойчивому развитию. На эту комиссию и была возложена роль координатора про-

грамм всех специализированных учреждений ООН и других международных организаций, в документах и деятельности которых намечались цели и задачи устойчивого развития.

Таким образом, идея глобального управления окружающей средой (и развитием!) стала постепенно осуществляться и координироваться в рамках специализированных организаций системы ООН с привлечением к сотрудничеству существующих региональных организаций, сетей научно-исследовательских институтов, партнёрских неправительственных организаций.

Почему это стало возможным именно в рамках программ по защите окружающей среды, выживанию и развитию человечества? Прежде всего, потому что экологическая тематика не только глобальна, но и наднациональна и надидеологична. В этом смысле объединить усилия и создать соответствующие сетевые структуры более легко, чем если бы аналогичные организации создавались бы для решения проблем национальных и этнических конфликтов, миграции, экономического неравенства и т.п.

Можно сказать, что экологическая проблема и сопутствующие ей диспропорции глобального развития сыграли (и играют) роль внешней угрозы, «общего врага», для отпора которого нужно выступить единым фронтом, с единым командованием и стратегией. Не случайно, на наш взгляд, концепция «глобального управления» и усилия по её институционализации особенно ярко проявились в середине 90-х гг. XX-го в., когда стало ясно, что bipolarная система с меняющимися полюсами «добра» и «зла» была, хотя и архаичной и несовершенной, но всё же весьма стабильной. Стабильной даже в своей постоянной политической и военной напряжённости. И это стабильное противостояние могло бы продолжаться сколь угодно долго, если бы не технологическая революция, рост гражданского самосознания и, как следствие – появление новых акторов международных отношений, претендующих на реальное участие в мировой политике.

Перемещение акцентов с борьбы за власть и влияние между новыми и традиционными акторами на борьбу за устойчивое развитие и охрану окружающей среды для выживания нынешних и будущих поколений – это некая «разрядка напряжённости». Критика общества потребления и техногенной цивилизации хотя бы немного – в рамках политической моды – способна снизить накал борьбы за все виды

ресурсов, и, в конечном итоге – борьбы за господство. А сетевые формы взаимодействия и управления в рамках решения данных глобальных проблем – вряд ли помогут их решить радикально, но сформируют навыки сотрудничества с правительствами и лицами, принимающими решения, контроля и быстрого реагирования. Таким образом, гражданское общество, качественно и количественно возросшее за последние десятилетия, участвуя (хотя бы даже в малой степени) в системе глобального управления реализует свою активность и снижает протестные настроения.

Неправительственные организации как элементы системы «глобального управления». В последние несколько десятилетий неправительственные организации (прежде всего, МНПО) стали полноправными акторами международных отношений и активно влияют на мировые политические процессы. А, следовательно, в меру своих возможностей, НПО пытаются в эти процессы встраиваться и отчасти даже ими управлять.

«В начале XXI века МНПО активно действуют по следующим направлениям:

- поднимают вопросы, которые не затрагиваются деятельностью правительств;
- собирают, обрабатывают и распространяют информацию о международных проблемах, требующих общественного внимания;
- инициируют конкретные подходы к их решению и побуждают правительства к заключению соответствующих соглашений;
- лоббируют правительства и межгосударственные структуры с целью принятия необходимых решений;
- осуществляют наблюдение за деятельностью правительств и межгосударственных структур в тех или иных сферах международной жизни и выполнении государствами и МНПО взятых на себя обязательств;
- мобилизуют общественное мнение и способствуют возникновению чувства причастности «простого человека» к крупным международным проблемам» [3].

Почему для реализации «глобального управления» НПО являются не только возможным, но и необходимым структурным элементом? Прежде всего, потому что, как мы уже выяснили, «глобальное управление» представляет собой **управление процессом**, а не властную форму правления, основанную на принадлежности к династии и/или богатству. Эта же менеджерская

функция «управления – решения задачи» составляет основу миссии любой неправительственной организации. По сути дела, разница между попытками реализовать идею «глобального управления» и реально работающими международными НПО – только в количестве глобальных проблем, которые необходимо решить. У НПО это ограниченный круг, «глобальное управление» претендует на абсолютный охват. Что, впрочем, делает его утопичным, и вызывает критику даже у сторонников этой идеи. Однако само намерение взять под контроль и, по крайней мере, вовремя и адекватно реагировать на неизбежные и часто непредсказуемые проявления глобализации, заслуживает внимания и дальнейшего развития.

Далее в этой связи необходимо обратить внимание на юридический статус неправительственных организаций. Он уникален, т.к. является нейтральным по отношению к властным полномочиям, получению коммерческой прибыли и принадлежности к какому-либо государству или политической силе.

Официальный статус неправительственных (негосударственных, некоммерческих) организаций определяется внутренним гражданским законодательством и международным правом, прежде всего – Уставом и резолюциями ООН, а также международными конвенциями, принятыми различными межправительственными организациями, с которыми НПО желают вступить в формальные отношения.

Современное международное право не выработало единого определения неправительственной организации, но, тем не менее, можно выделить несколько критериев, которым НПО должны соответствовать. Во-первых, неправительственные организации создаются не на основе межправительственного соглашения и, таким образом, не связаны с суверенитетом государств. Во-вторых, это некоммерческий характер деятельности НПО. В резолюциях ООН это определяется требованием финансирования организации самими членами и/или добровольными взносами [5]. Совет Европы прямо указывает на обязательность «некоммерческих целей» таких организаций. Следовательно, транснациональные корпорации не могут рассматриваться как НПО [6]. Тем не менее, формально некоторые некоммерческие организации, объединяющие представителей бизнеса, лоббирующих коммерческие интересы, признаются в качестве НПО и ООН и Советом Европы (например, Меж-

В-третьих, организация не должна использовать или пропагандировать насильственные методы, что исключает из круга НПО освободительные движения, воюющие или восставшие стороны и прочие вооружённые группировки, даже если их действия легитимны по международному праву (например, Организация освобождения Палестины). И, в-четвёртых, НПО не должна принимать участие в политике с целью достижения власти. Следовательно, в качестве НПО не рассматриваются всевозможные политические партии и оппозиционные объединения, хотя некоторые из них, например, Либеральный интернационал, Социалистический интернационал, Международный союз демократов считаются НПО [1].

Таким образом, неправительственной организацией является любой добровольный некоммерческий союз граждан, организованный на местном, государственном или международном уровне, не имеющий целью достижение власти. Что касается уточнения статуса международных организаций в качестве неправительственных, то кроме необходимого отсутствия межправительственного соглашения, нужно также наличие отделений данной организации, по крайней мере, в трёх странах. Это дополнение было введено резолюцией ЭКОСОС 288 В (Х) 1950 года. И большинство субъектов международного права придерживаются этой трактовки в своих отношениях с международными НПО. В разработанной Советом Европы «Европейской Конвенции о признании международных неправительственных организаций субъектами права» 1991 г. говорится о том, что международный статус НПО подтверждается и при её деятельности в двух странах. Однако обе эти страны должны быть членами Совета Европы [6].

Понятно, что официальная (юридическая) независимость от власти, бизнеса, идеологии, религии и прочих институтов далеко не всегда является таковой в реальности. В настоящее время существуют многочисленные НПО, созданные донорами (правительствами государств, крупным бизнесом, криминальными и террористическими структурами) непосредственно под свои проекты и для решения своих проблем. Но все перечисленные субъекты задействуют НПО именно потому, что юридически последние являются независимыми и нейтральными. А «независимость» – это дорогой элемент имиджа. Именно нейтральный

статус создаёт эффект объективности и незаинтересованности в продвижении чьих-либо национальных и прочих интересов. В свою очередь, защита общечеловеческих ценностей такими нейтральными неправительственными организациями становится своего рода попыткой воплощения мечты о социальной справедливости. Это же стремление к обеспечению социальной справедливости и устойчивого развития подразумевает и идея «глобального управления».

Кроме миссии и статуса есть ещё, на наш взгляд, два аспекта, которые «роднят» «глобальное управление» с деятельностью НПО.

Для любого управления, в том числе и прежде всего глобального, нужны ресурсы и стратегии. Ресурсы могут быть очень серьёзными и дорогостоящими. Например, военная сила или деньги. Понятно, что этими ресурсами обладают государства, транснациональные банки и транснациональные корпорации. И эти крупнейшие «ресурсные» акторы неизбежно встроены – в даже несовершенную – систему «глобального управления» и имеют свои стратегии поведения, устанавливая свои правила игры. Но чтобы осуществлять глобальное взаимодействие, эффективную коммуникацию, нужно иметь более гибкие стратегии и уникальные ресурсы (управленческие и уникальные). Именно ими и обладают НПО.

Эти гибкие стратегии деятельности обусловлены, прежде всего, тем, что НПО в настоящее время развиваются и поддерживают свою жизнедеятельность как сетевые структуры и в режиме сетевых взаимодействий. Именно возможность создания сетей позволяет НПО быстро приобрести транснациональный характер. Для этого достаточно заявить актуальную миссию (цель) и найти сетевых единомышленников. Последующие акции не заставят себя долго ждать. По завершении работы глобальные сетевые коалиции могут также быстро распасться и вновь собираться уже для исполнения других проектов. Такое быстрое реагирование, текучесть, заполнение проблемных «пустот» в социальном пространстве, все эти методы НПО в идеале должны воспроизводиться в системе «глобального управления».

В связи с сетевым принципом работы современных НПО важно отметить ещё один уникальный ресурс, который неправительственные организации эффективно используют. Это информация. Добывают информацию неправительственные организации благодаря всё тем же нейтраль-

ному статусу и своей миссии – это позволяет везде быть и никому не принадлежать (по крайней мере, формально). Работа с полученной информацией, её умелая подача составляют основу деятельности многих НПО. «Эту особенность неправительственных объединений хорошо иллюстрирует типология основных методов деятельности так называемых «транснациональных сетей влияния» (transnational advocacy networks): *информационная политика* (способность доставлять политически важную информацию быстро и надёжно туда, где её влияние будет наибольшим), *символическая политика* (способность вызывать в сознании аудитории, не знакомой с ситуацией, символы, действия и истории, помогающие ей составить представление о сути проблемы), *политика рычагов* (способность подключать к своей деятельности более сильных акторов, когда собственных сил недостаточно для изменения ситуации), *политика подотчётности* (способность обязывать более сильных акторов действовать на основе политики или принципов, которые они формально одобрили) [2].

Это обладание информационным капиталом позволяет не только считаться с НПО как с политической силой, но и делает их реально существующими, хотя и не институционализированными механизмами «глобального управления».

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на имеющиеся у мирового

сообщества средства, механизмы и организационные структуры для реализации идеи «глобального управления», в действительности в настоящее время она может быть осуществлена лишь в отдельных аспектах международной жизни. Для реального внедрения системы «глобального управления» необходимо упрочение наднациональных структур в региональных организациях, эффективность их деятельности и готовность выходить на более высокий – мировой – уровень. Однако в условиях нынешнего политического и экономического кризиса суверенные государства вряд ли согласятся передать национальную бюджетную политику и руководство вооружёнными силами некоему мировому центру.

Одним из альтернативных путей развития системы «глобального управления» можно рассматривать упрочение роли ООН при условии изменения структуры Совета Безопасности и создании собственных вооружённых сил. Однако реализация этой возможности (как, впрочем, и все разговоры о мировом правительстве и управлении) будут сопровождаться и сопровождаются «теориями заговора» и изучением происков «мировой закулисы», что само по себе невозможно ни абсолютно доказать, ни абсолютно опровергнуть. Подтверждение эффективности и завоевание доверия системы «глобального управления» – дело будущего.

Список литературы:

- [1] Кузнецова Е.В. Эволюция консультативного статуса международных неправительственных организаций при Экономическом и Социальном Совете ООН // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001, № 3. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.cenunst.bsu.by/2001.3/kuznetsova.shtml>
- [2] Михеев А.Н. Неправительственные объединения как акторы мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. – М., 2008. – С. 132–133.
- [3] Наумов А.О. Международные неправительственные организации в современной мирополитической системе. – М., 2009 – С. 50–51.
- [4] Павленко В.Б. Устойчивое развитие как инструмент глобализации // Мир и политика. – 2012, № 4 (067). – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://mir-politika.ru/356-ustoichivoe_razvitie.html
- [5] Резолюция ЭКОСОС 1296 (XLIV) от 23 мая 1968 г. Пункт 36(b). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/question/eres1296.pdf>
- [6] Статья I Конвенции Совета Европы о признании международных неправительственных организаций субъектами права. – Интернет-ресурс. режим доступа: <http://www.noncommerce.rin.ru/information/priz.html>
- [7] Our Global Neighborhood: The Report of the Commission on Global Governance. – N.Y.: Oxford University Press, 1995.
- [8] Rosenau J. Governance in a New Global Order // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance / Edit. D. Held, A. McGrew. – Polity Press, 2002.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Рассматриваются проблемы занятости молодежи в современных условиях глобальных социально-экономических трансформаций. Уделяется внимание дискуссиям о проблемах глобальной безработицы и мерах по их решению. Рассматривается роль систем социального партнерства в решении проблем занятости и регулирования социально-трудовых отношений.

Ключевые слова:

глобальная безработица, занятость молодежи, мирохозяйственные отношения, социально-трудовые отношения, социальное партнерство, социология труда, экономическая социология.

Совсем недавно, в конце XX – начале первого десятилетия XXI вв. многие исследователи были убеждены, что те универсально-интеграционные процессы, которые именуют «экономической глобализацией», смогут позитивно повлиять на увеличение занятости по всему миру, в том числе и занятости молодежи. Свобода торговли, помноженная на безоглядную открытость национальных экономик (прежде всего развивающихся стран, не упорствующих в своей протекционистской политике) – главные, по мнению ультраглобалистов, атрибуты успешной глобальной экономической интеграции – должны создать предпосылки для повсеместного устойчивого экономического роста, почти автоматически решающего все основные социально-экономические проблемы, в том числе проблемы занятости и повышения доходов трудящихся. Неолиберально настроенные эксперты были уверены, что «рабочие получают значительную выгоду от экономического роста, сопровождающего интеграцию... В долговременном отношении интеграция с мировой экономикой поднимает заработную плату...», а «уровень безработицы в странах с открытой экономикой перестает повышаться». Данные исследований 1990-х годов о влиянии либерализации торговли на занятость были противоречивы. Это не мешало делать однозначный вывод о том, что открытость,

даже если и ведет к потере некоторыми работниками своих рабочих мест (как правило, в «традиционных» отраслях с низкой производительностью труда), в итоге приводит к созданию новых рабочих мест [3, с. 126–127, 134–135]. Тем самым, чем интенсивнее глобализуется экономика, тем больше новых возможностей для трудоустройства, ведь свободное движение капиталов и технологий в современном мировом хозяйстве (разумеется, при условии создания благоприятного инвестиционного климата в рамках национальных экономических систем бедных стран с высоким уровнем безработицы) формирует условия для более эффективного глобального перераспределения существующих ресурсов, а «более эффективное использование имеющихся ресурсов позволит создать взамен ликвидированных тысячи новых рабочих мест... К тому же масштабная либерализация экономики приводит к удешевлению товаров, в которых нуждаются рабочие» [8, с. 125–126]. Безусловно, глобальные экономические трансформации создают условия для усиления конкуренции и, как следствие, сокращения занятости в отраслях, конкурирующих с импортом. Но, как отмечает один из ярких представителей неолиберального глобализма Дж. Бхагвати, «хотя в некоторых отраслях может увеличиться безработица, возрастает занятость в экспортном секторе, расширяющем-

ся благодаря либерализации торговли. Общий уровень безработицы останется неизменным: кто-то потеряет работу, а кто-то, наоборот, ее получит. Национальный доход не уменьшится, зато вырастет эффективность производства, поскольку ресурсы переместятся из менее прибыльных, в более прибыльные отрасли...». Нарушение же «прав трудящихся, попавших в ряды безработных, будет компенсировано расширением прав тех, кто займет новые рабочие места. Даже в случае роста безработицы сопутствующие потери в доходах несравнимы с теми выгодами, которые приобретают потребители. Чистый эффект либерализации торговли всегда будет положительным» [1, с. 338–339].

Глобальный экономический кризис середины 2000-х – начала 2010-х гг., оказавший существенное негативное влияние на перспективы роста глобальной экономики, национальных экономик развитых и развивающихся стран, обострил все негативные тенденции в сфере занятости, которые накапливались в мировом хозяйстве последние несколько десятилетий, окончательно рассеяв большинство иллюзий на счет позитивности процессов «экономической глобализации». Особенно сложная ситуация в современной мировой экономике сложилась с трудоустройством молодежи. По данным глобальной социальной статистики и демографии на 2012 г. возраст почти каждого пятого человека в мире составляет от 15 до 24 лет, в мире насчитывается более 1,2 млрд. молодых людей. Большинство молодых людей – около 90% – проживает в развивающихся странах, из них 60% – в Азии и 17% – в Африке. При этом снижение численности молодежи в ближайшие несколько десятилетий демографы прогнозируют в развитых странах Европейского союза (ЕС), странах Центральной и Юго-Восточной Европы (без ЕС) и в Содружестве независимых государств (СНГ), а также в Восточной Азии, Юго-Восточной Азии, в странах Тихого океана и на Ближнем Востоке. Однако, быстрый рост численности молодежи прогнозируется в африканских странах, расположенных к югу от Сахары, умеренный рост прогнозируется в странах Южной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна, а также в странах Северной Африки [6, с. 9, 11].

Специалисты отмечают, что глобальная экономика столкнулась к началу второго десятилетия XXI в. с существенным «вызовом»: из 3,3 млрд. работников 200 млн. не имеют работы, а 900 млн существуют вместе со своими семьями на сумму

ниже 2 долл. США в день. Таким образом, один из трех работников в мире – либо безработный, либо живет в крайней нищете, при том, что имеющиеся данные не включают увеличивающееся число работающих бедных в развитых странах, иначе ситуация выглядела бы еще более удручающей. Уровень глобальной безработицы составляет почти неизменные за четыре года кризиса 6%, несмотря на некоторое оживление мировой экономики в 2010 г. – рост 5,1%, а 2011 г. – 4% [13, с. 31]. Уровень безработицы в развитых странах, которые принято считать «локомотивами» глобальных экономических трансформаций, в 2011 г. был почти на 3% выше, чем в «докризисный» 2007 г., при увеличении глобальной застойной безработицы (особенно среди молодежи – с 13% в 2007 г. до 18% в 2011 г.), сохранении значительной доли низкооплачиваемых, занятых неполный рабочий день, не имеющих стабильных трудовых контрактов и не охваченных системой социальной защиты трудящихся в развивающихся странах [7, с. 4–5].

Сложная ситуация с трудоустройством молодежи сложилась, например, в странах Ближнего Востока и Северной Африки, где уровень безработицы среди молодежи превышает 25% [13, с. 33]. Следует отметить, что важно, на протяжении последних 15 лет развития глобальной экономики специалистами фиксировался рост низкооплачиваемого труда, при том, что риск получения низкой заработной платы и в развитых, и в развивающихся странах гораздо выше среди молодых работников, чем среди представителей иных групп трудящихся [4, с. 34, 42–43].

Эксперты МОТ говорят о «кризисе до кризиса» – то есть о наличии признаков структурного (долговременного) кризиса занятости молодежи, поскольку глобальный циклический экономический кризис лишь усугубил негативные тенденции в сфере занятости молодежи, которые формировались последние 20 лет развития мировой хозяйственной системы – за эти десятилетия уровень молодежной безработицы был в три раза выше уровня безработицы среди взрослых (в некоторых регионах этот показатель в пять раз выше). По имеющимся данным в период с 2000 по 2011 гг. уровень участия молодежи в составе глобальной рабочей силы в целом снизился с 52,9 до 48,7%, при том, что доля занятой молодежи от общей численности молодого населения также уменьшилась с 46,2 до 42,6% [6, с. 1, 12–13].

Последствием негативных тенденций в сфере занятости молодежи стал существенный рост социальной напряженности во второй половине 2000-х гг. как в развивающихся, так и в развитых странах, ярче всего проявившейся в политических протестах в странах Северной Африки, Латинской Америки, Южной Европы, США, в которых принимают активное участие, прежде всего, молодые люди.

Молодежь в этих странах протестует против усиления внутриобщественной и межгосударственной социально-экономической дифференциации (оказывающей влияние на увеличение разницы в возможностях трудоустройства), уменьшения государственных расходов на решение социально-экономических проблем молодежи и создание новых рабочих мест, отсутствия равного доступа к одному из основных конкурентных преимуществ в «экономике знаний» – качественному образованию, низкого качества имеющихся рабочих мест (увеличение временной занятости и заемного труда, расширение вынужденной занятости в неформальном секторе экономики с низким уровнем производительности труда и низким уровнем оплаты труда), ослабления системы социальной защиты и социального обеспечения, которой молодые работники зачастую вообще бывают не охвачены. Кроме того, существующая во многих странах система организации социально-трудовых отношений лишь способствует усилению межпоколенческих конфликтов, основой которых служит отсутствие широких возможностей для вертикальной социально-трудовой мобильности молодежи. Специалисты отмечают, что современный затяжной кризис занятости молодежи ставит под угрозу принцип равенства возможностей разных поколений трудящихся в поиске приемлемых, качественных рабочих мест [6, с. 4]. В связи с этим отдельной социальной проблемой становится также проблема преемственности поколений как на уровне отдельных предприятий и организаций, так и на уровне национальных экономик разных государств (которая может проявляться в общем снижении уровня профессионализма, снижении качества интеллектуального капитала, росте числа индустриальных конфликтов и дестабилизации социально-трудовых отношений).

Главное мерой по решению проблем трудоустройства молодежи как раньше, так и в нынешний период «великой рецессии», являются всесторонние, комплексные и, главное, скоординированные посредством

межгосударственных соглашений и более активного участия международных неправительственных и общественных организаций (усилия государств (развитых и развивающихся), которые должны быть направлены на формирование условий для достижения максимально возможной в современных условиях сбалансированности спроса и предложения на глобальном и локальных (региональных, национальных) рынках труда, при расширении глобальной занятости и, особенно, возможностей для трудоустройства молодежи.

Страны, которые благодаря процессам экономической глобализации и транснационализации сделали ставку на расширенное использование либо исключительно дешевого труда, либо исключительно квалифицированной и высококвалифицированной рабочей силы, должны понимать, что оборотной стороной подобной стратегии развития национальных рынков труда могут стать не только высокие экономические результаты – неэффективное использование национальных трудовых ресурсов и увеличение расходов на социальное обеспечение неработающих граждан (разумеется, при наличии развитой системы социальной защиты) зачастую влечёт значительно более высокие общественные издержки в форме социальной изоляции молодежи и молодых работников (отсутствие возможностей для постоянной занятости и профессионального роста), увеличения числа экономически неактивных молодых граждан (то есть не стремящихся к самореализации в труде) и, в конечном счете, маргинализации значительных групп молодежи (стремление к самореализации в различных видах антиобщественной и антигосударственной деятельности). Сами по себе глобальные трансформации не могут изменить сложную ситуацию с глобальной застойной безработицей к лучшему. Более того, эти процессы могут ее усугубить. Экономическая глобализация и транснационализация вовсе не гарантируют увеличения количества и улучшения качества рабочих мест. В безграничном стремлении любой ценой привлечь в национальную экономику транснациональные корпорации и иностранные инвестиции не следует забывать о том, что «глобализация означает конкуренцию, основанную на более высоком уровне производительности труда, она ведет к большему выходу продукции на единицу рабочей силы, – подчеркивает известный латиноамериканский социолог-экономист и теоретик зависимости Ф.Э. Кардозо. Таким образом, безработица

является следствием тех же самых причин, которые позволяют экономике быть конкурентоспособной» [5, с. 9].

Надежды сторонников неоллиберальной глобализации на решение социально-экономических проблем посредством исключительно создания условий для свободы предпринимательской деятельности, либерализации глобальной торговли и движения капиталов в современной системе мирохозяйственных отношений не оправдались. Как справедливо отмечает И. Валлерстайн, с 1980-х гг. «политически сторонники неоллиберальной глобализации были очень успешны», но «единственной проблемой при этом большом политическом успехе было то, что он не сопровождался успехом экономическим. Застой в прибылях промышленных предприятий всего мира сохранялся.

Повсеместный взлет мировых фондовых рынков основывался не на доходах от производства, а на спекулятивных финансовых махинациях. Распределение доходов во всем мире и по странам приобрело перекошенные формы — массовый рост доходов 10% самых богатых, особенно верхнего 1%, и падение реальных доходов большинства остального населения мира». Таким образом, со второй половины 2000-х гг. мировая экономическая система оказалась «в начале полнокровной всемирной депрессии с большой безработицей почти везде» [2, с. 92–93]. Противоречивые глобальные трансформационные процессы требуют мер антициклического, антикризисного регулирования, особую роль в котором должны играть современные государства и межгосударственные объединения. В качестве основных мер, направленных на решение проблем трудоустройства молодежи в современной системе глобальных экономических трансформаций, можно назвать:

- проведение сбалансированной межгосударственной и внутригосударственной политики, направленной на формирование условий для устойчивого глобального и регионального экономического роста при развитии государственных программ социального обеспечения, в том числе, социального обеспечения молодежи (поддерживаемых международными организациями, регулирующими социально-трудовые отношения);

- развитие институциональных условий для увеличения объема внешних и внутренних инвестиций в создание новых качественных рабочих мест для молодых работников разной квалификации, а также

- особых условий для открытия молодыми предпринимателями собственного дела;

- расширение доступа к получению бесплатного непрерывного, качественного общего и профессионального образования, в том числе посредством увеличения количества и масштабов национальных и международных образовательных программ, особое внимание уделяя развитию среднего профессионально-технического образования (развитие национальных и международных структур профессионально-технической подготовки по разным направлениям обучения квалифицированных работников);

- проведение активной политики развития глобального и региональных рынков труда, направленной на устранение дискриминации работников по возрасту и полу, а также включение в национальные трудовые законодательства, регулирующие функционирование рынков труда, специальных положений о молодых работниках и специалистах;

- формирование гибких, отвечающих требованиям современной затаяжной кризисной ситуации в сфере занятости и оплаты труда молодых работников, национальных систем социальной защиты трудящихся, ориентированных на создание особых мер защиты молодых работников только начинающих свою трудовую деятельность, развитие которых следует согласовывать на уровне межгосударственных договоров и организаций.

В той или иной степени большинство специалистов разделяют необходимость реализации этих мер. Данные обследования домохозяйств ряда стран показывают, что молодежь чаще всего оказывается в числе работающих бедных, составляя до 23,5% от их числа (при крайне низком уровне образования и низкопроизводительном труде), и лишь 18,6% всех благополучных работников [14, с. 27]. Поэтому, особую роль в решении проблем трудоустройства молодежи также должны играть глобальная и региональные (национальные) системы социального партнерства и организации конструктивного социального диалога между работодателями, наемными работниками и представителями власти, которые на сегодняшний день (по ряду причин требующих отдельного анализа) не достаточно эффективно справляются со своими функциями регулирования международных и внутригосударственных социально-трудовых отношений. Эксперты отмечают, что на сегодняшний день молодежные организации по всему миру слабо

представлены в системе социального партнерства, а в рамках социального диалога редко затрагиваются проблемы занятости молодежи и возможные пути ее решения. В основном проблемы трудоустройства молодежи рассматриваются в структурах трипартизма лишь в контексте общих мер борьбы с безработицей и повышения уровня занятости (хотя есть и позитивные примеры решения социально-трудовых проблем молодежи в некоторых странах Западной Европы и Латинской Америки) [6, с. 97, 99]. Тем не менее, у социального партнерства имеется весьма значительный потенциал не только в решении или предотвращении индустриальных конфликтов [9, с. 55–66; 10, с. 214–225; 11, с. 89–93], повышения эффективности мер

социальной политики [12, с. 49–56], но и в решении социально-трудовых проблем молодежи. В этой связи одной из главных задач развития социального партнерства и трипартизма в современных ухудшающихся глобальных условиях занятости является повышение уровня включенности молодых работников в деятельность профсоюзов. Речь идет не только о повышении уровня юнионизации среди молодежи (например, трудовых мигрантов), но и о существенной активизации участия молодых работников в выработке и принятии решений, направленных на повышение эффективности социального диалога, а также политико-правовых, экономических и социальных мер по обеспечению занятости.

Список литературы:

- [1] Бхагвати Дж. В защиту глобализации / Пер. с англ., под ред. В.А. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2005.
- [2] Валлерстайн И. Иммануил Валлерстайн о современном кризисе // Социологические исследования. — 2009, № 6. — С. 91–94.
- [3] Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004.
- [4] Доклад «Заработная плата в мире в 2010–2011 гг.: политика в области заработной платы в период кризиса». – Женева: Международная организация труда, 2010.
- [5] Кардозо Ф. Э. Социальные последствия глобализации // Латинская Америка. – 1997, № 5. – С. 4–11.
- [6] Международная конференция труда, 101-я сессия, 2012 г. Доклад V. Кризис в сфере занятости молодежи: Время действовать. – Женева: Международное бюро труда, 2012.
- [7] Мировое экономическое развитие и перспективы в 2012 году. Резюме. – Нью-Йорк: ООН, 2012.
- [8] Норберг Ю. В защиту глобального капитализма. Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007.
- [9] Петров А. В. Профсоюзы – институт гражданского общества // Общество. Среда. Развитие. – 2008, № 3. – С. 55–66.
- [10] Петров А. В. Капитализм и профессиональные союзы: современные проблемы и перспективы борьбы за социальную справедливость / Капиталистическое общество: проблема справедливости / Под ред. Ю. В. Веселова. – СПб.: НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2011. – С. 214–225.
- [11] Петров А. В., Сунарчина М. М. Региональные проблемы социального партнерства в условиях современных глобальных трансформаций // Общество. Среда. Развитие. – 2011, № 2. – С. 89–93.
- [12] Петров А. В., Ярунин С. В. Исследования особенностей и приоритетов социальной политики в условиях глобализации: подход экономической социологии // Общество. Среда. Развитие. – 2009, № 3. – С. 49–56.
- [13] Global Employment Trends 2012: Preventing a Deeper Jobs Crisis. – Geneva: ILO, 2012.
- [14] Global Employment Trends for Youth 2012. – Geneva: ILO, 2012.

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматриваются проблемы становления концепции корпоративной социальной ответственности бизнеса в России. Особое внимание уделяется инициативам бизнес-сообщества по решению проблем становления корпоративной социальной ответственности на современном этапе развития российского бизнеса.

Ключевые слова:

корпоративная социальная ответственность, предпринимательская деятельность, социальная ориентированность бизнеса, социология предпринимательства, устойчивое развитие, экономическая социология.

Термин «корпоративная социальная ответственность» (КСО) стал активно использоваться в отечественных социальных науках и бизнесе лишь в последние десять лет. Но, даже рассматривая только этот период, можно сделать вывод о том, что концепция КСО в России получила активную поддержку и с каждым годом взгляды различных групп предпринимателей на понимание «просто хорошего бизнеса» меняются в позитивном ключе. Отчасти, это связано с глобальными трансформационными процессами и их влиянием на изменения основ ведения бизнеса в нашей стране [9, с. 81–99; 10, с. 19–31; 11, с. 539–546; 12, с. 49–56]. Фактическим утверждением принципов социально-ориентированного предпринимательства является: разработка нормативных документов, стандартов корпоративной этики, появление профессиональных сообществ, объединений. Так в 2007 г. Всероссийской организацией качества (ВОК) была разработана первая версия Стандарта социальной ответственности организации («ВОК – КСО – 2007»), в котором изложены основные требования к компаниям, ведущим экономическую деятельность на территории Российской Федерации. При этом стандарт является международным, и некоторые его модули идентичны международному стандарту SA 8000. Переизданная в 2008 г. версия стандарта («CSR/КСО – 2008»), была введена в действие также Украинской ассоциацией качества, Международной ассоциацией менеджеров и аудиторов Казахстана и Сербской организацией качества [15]. Весьма показательно то, что стандарт сперва не включал модуль, являющийся одним из основополагающих для большинства признанных мировых стандартов «Удовлетворение интересов потребителей». В этом кроется одна из ключевых особенностей исторического пути развития

КСО в России: бизнес был заинтересован в установлении благоприятных отношений в первую очередь с представителями власти. Реакция же общества, потребителей его интересовала в меньшей степени в силу того, что спрос на продукцию создавался искусственно.

Впоследствии, однако, при участии представителей международных ассоциаций модуль «Удовлетворение интересов потребителей» был включен в российский стандарт социальной ответственности, и в 2011 г. при прочих дополнениях была выпущена последняя редакция российского стандарта социальной ответственности бизнеса («IC CSR-08260008000»).

Большой вклад в развитие КСО в России внесли крупные объединения профессиональных сообществ, такие как Ассоциация менеджеров, Российский союз промышленников и предпринимателей, выше упомянутая Всероссийская организация качества. Однако и по сей день не существует единой организации (помимо внутренних органов ВОК), которую могли бы признать все стейкхолдеры основной, интегрирующей большинство процессов, направленных на развитие КСО на территории Российской Федерации и стран СНГ. Тем не менее, уже работает ряд небольших объединений, специализирующихся сугубо на вопросах социально ответственного бизнеса, такие как Деловой клуб по развитию нефинансовой отчетности или Фонд «Единое общество».

В 2010 г. в рамках ВОК появился Международный комитет по Корпоративной социальной ответственности, состоящий из представителей России, Казахстана, Украины, Сербии. На первом заседании Комитета учреждается Международная система сертификации деятельности организаций в области социальной ответственности «ИНТЕРСОЦСЕРТ». Основой послужила си-

стема «СОЦСЕРТ», разработанная Центром экспертных программ ВОК еще в 2006 г.

В то же время по официальным данным ВОК в 2010–2012 гг. добровольную сертификацию в области КСО прошли не более 15 российских компаний.

Еще в 2005 г. приказом Министерства промышленности и энергетики РФ был создан Технический Комитет № 471 по стандартизации «Социальная ответственность» [13]. Обсуждения вопросов КСО стали более частыми в рамках различных конференций и семинаров, а представители ТК № 471 – их традиционными участниками [14]. Но одного комитета, занимающегося разработкой стандартов недостаточно, и основная роль в развитии и популяризации концепции социальной ответственности в России все равно принадлежит бизнес-сообществу.

Благодаря инициативам отдельных брендинговых агентств (рекламное агентство «Репутация», рекламное агентство «Эксперт» и т. д.) в нашей стране проводится ряд крупных ежегодных мероприятий, посвященных вопросам развития КСО, объединяющих различных стейкхолдеров: Национальный Форум Корпоративной Социальной Ответственности (с 2008 г., организатор – коммуникационное агентство PRP Group), Форум «Бизнес-репутация» (Тема форума 2012 – «Корпоративная Социальная Ответственность. Традиции. Практика. Перспективы», организатор – РА «Репутация»).

Впрочем, сертификация по стандартам социальной ответственности пока не пользуется популярностью среди российских предпринимателей. Объяснить это можно тем, что органы власти пока не требуют от представителей крупного предпринимательства (не говоря уже о среднем и малом) соответствия критериям социально ответственного бизнеса. Даже для участия в государственных проектах этот критерий не является обязательным, а, вернее сказать, не рассматривается как возможный. На фоне существующих более острых проблем требовать от бизнеса социальной ответственности по западным стандартам (большинство пунктов российского стандарта «IC CSR-08260008000» основаны на модулях мировых стандартов «Social Accountability 8000» и «ISO 26000»), по мнению представителей власти, пока совершенно не уместно [18].

В то же время российская действительность показывает, что реакция представителей бизнес-сообщества на общемировые тенденции опережает государственные меры поддержки КСО в России. И в этом заключается еще одна особенность исто-

рического пути становления российской социальной ответственности бизнеса. В отличие от Запада и, в первую очередь, Европы, где необходимо вести социально ответственный бизнес прививалась предпринимателям зачастую под нажимом государства, в России предприниматели стремятся добровольно брать на себя социальные обязательства в рамках КСО. Можно также констатировать, что все больше предприниматели осознают необходимость построения внутренней социально-ориентированной стратегии ведения бизнеса, обращая внимание не только на новомодное управление внутрикорпоративной культурой труда [6, с. 80–83], но и на необходимость неформального учета требований персонала, например, посредством работы с профсоюзами [8, с. 55–66].

Не проявляя активность в добровольной сертификации по государственным стандартам КСО, российские бизнес-структуры при этом пытаются создавать свои критерии оценки социальной ориентированности их деятельности. Так, на 2012 г. существуют два постоянных рейтинга, касающихся социальной ответственности российских компаний. Агентство «Эксперт РА» ежегодно публикует рейтинг качества управления крупных российских компаний. Практически все критерии оценки связаны с факторами, формирующими портрет корпоративной социальной деятельности предприятия. Согласно рейтингу, компания, имеющая балл от 6 до 8 имеет низкие риски корпоративного управления, соблюдает требования российского законодательства в этой области, следует большей части рекомендаций российского Кодекса корпоративного поведения и отдельным рекомендациям международной передовой практики [16].

В частности, факторами, оказывающими позитивное влияние на рейтинговую оценку компании, являются:

- высокий уровень организации взаимодействия между органами управления компаний;
- высокий уровень раскрытия нефинансовой информации;
- сравнительно высокий уровень раскрытия финансовой информации;
- высокий уровень соблюдения прав акционеров;
- высокий уровень организации деятельности исполнительных органов и системы контроля за финансово-хозяйственной деятельностью компаний;
- высокий уровень взаимодействия между органами управления;

– информативность корпоративного раздела интернет-сайта.

17 сентября 2012 г. рейтинговое агентство «Репутация» объявило о присвоении рейтингов корпоративной социальной ответственности первым компаниям. Речь идет о новом российском рейтинге, посвященном исключительно вопросу корпоративной ответственности компании. Рейтинг позволяет объективно оценить и продемонстрировать вклад компании или организации в общественное благосостояние и социальное обустройство общества, а также оценить эффективность деятельности и управленческих решений в области КСО. Составляющие рейтинга:

– оценка социоориентированности организации;

– оценка степени интеграции компании или организации в социальную жизнь;

– оценка степени реализации возможностей компании выполнять свои обязательства перед обществом, а также сохранять качество и эффективность корпоративных стратегий в области корпоративной социальной ответственности, ответственного предпринимательства и экологической безопасности.

Деятельность компаний оценивается по следующим направлениям корпоративной социальной ответственности:

– экономическая результативность и организационное управление;

– взаимодействие с потребителем;

– трудовые отношения и права персонала;

– взаимодействие с обществом;

– экология и охрана окружающей среды.

Данный рейтинг, охватывающий уровень КСО российских компаний, во многом ориентирован на международную аудиторию. Формат баллов выбран аналогично международным рейтингам крупнейших мировых агентств («Moody's», «Standard and Poor's», «Fitch Ratings» и т.д.) – буквенная система (AAA, AA+, AA...).

С одной стороны, появление подобных рейтингов означает их определенную востребованность в современном российском обществе. Следует подчеркнуть, что рейтинги возникли по инициативе агентств – представителей бизнес-сообщества, без участия государства. С другой стороны, участники российских рыночных отношений пока не готовы рассматривать КСО компании при совершении каких-либо действий. Для предприятий, выбирающих себе партнера по бизнесу, пока совершенно

не важен комплексный портрет социальной ответственности того или иного стейкхолдера. Похожая ситуация и с российскими потребителями, для которых первоочередное значение будут иметь качество и цена товара/услуги. КСО компании может иметь значение для потребителя лишь тогда, когда прочие характеристики товаров разных производителей фактически не имеют различий.

Тем не менее, представители крупного бизнеса в России оценивают важность появившихся рейтингов КСО в контексте возможных прибылей/убытков. Информация о пониженном или повышенном рейтинге КСО компании может иметь значение на фондовом рынке, где стоимость акции зависит от множества факторов.

К тому же и внимание западных партнеров активно концентрируется на этике российского бизнеса. Российские компании не могут не учитывать этого фактора при выходе на международные рынки, а, следовательно, будут заботиться о положительных рейтинговых оценках своего устойчивого развития. Так как в ближайшем будущем внимание Запада к социальной ответственности российского бизнеса будет только расти (благодаря таким событиям, как вступление России во Всемирную Торговую Организацию), то стремление отечественных предпринимателей к получению положительной оценки КСО своего бизнеса имеет большие перспективы.

Важную роль в сегодняшнем процессе укрепления практик КСО в России играют средства массовой информации. Проводимые исследования сигнализируют о масштабной проблеме нехватки информации по вопросам развития КСО. Речь идет о том, что современное общество редко сталкивается с постановкой вопроса о КСО в повседневной жизни. В научной среде эта тема популярна, обсуждается [3, с. 64–47]. Но, стоит признать, что даже в рамках теоретических экономико-социологических исследований пока не выработан общий подход к трактовке термина КСО. Нет и единой методологии изучения проблем КСО. Хотя следует обратить внимание на ряд серьезных исследований, в рамках которых уже решается часть теоретических и прикладных задач исследования КСО в России [1, с. 4–7; 2; 4; 5; 7, с. 367–378; 17; 18].

Общенациональное исследование, проведенное в 2008 г. Ассоциацией менеджеров в рамках проекта программы развития ООН по продвижению Глобального договора при участии Высшей

124 Школы Менеджмента СПбГУ и поддержке Стратегического программного фонда Посольства Великобритании, показало большую разрозненность оценок и трактовок смыслов КСО в среде крупного российского бизнеса [2, с. 223]. В то же время, есть и положительные процессы в вопросах освещения социальной деятельности российского бизнеса. Осознавая потребность в должном обсуждении, распространении информации о развитии КСО, предпринимательская среда в России самостоятельно стала организовывать информационные площадки. Существенный вклад в популяризацию КСО в России внесло Агентство Социальной Информации, созданное еще в 1994 г. [13].

Другой успешный российский информационный проект о КСО – портал CSRJOURNAL.com. Портал позволяет получать полноценное представление о

практическом развитии КСО в России. Ощутив заинтересованность массовой аудитории в получении информации в сфере КСО, владельцы CSRJOURNAL.com в сентябре 2012 г. начали выпуск печатного журнала «Устойчивый бизнес», где освещаются многие проблемы развития КСО в нашей стране [15].

Появление и развитие СМИ, специализирующихся на вопросах развития корпоративной социальной ответственности, свидетельствует о том, что российские предприниматели сегодня полностью осознают всю важность социального подхода при формировании стратегий ведения своего бизнеса. Еще остается много нерешенных проблем развития КСО у нас в стране, но выше указанные примеры демонстрируют большой потенциал возможностей их решения в обозримой перспективе.

Список литературы:

- [1] Алексеева О. Корпоративная социальная ответственность в России. Взросление в неблагоприятном окружении // SEAL. – 2004, № 1. – С. 4–7.
- [2] Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. Ю.Е. Благов; Высшая школа менеджмента СПбГУ. – СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2010. – 272 с.
- [3] Виноградов Д.А., Петров А.В. Социальная ответственность российского бизнеса в период современного глобального экономического кризиса: проблемы и тенденции // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 3. – С. 64–67.
- [4] Демидов Е.Е., Николаева М.И. Корпоративная социальная ответственность: сообразим на троих // Корпоративный менеджмент. – 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.cfn.ru/anticrisis/macroeconomics/government_program/csr.shtml (02.09.2012)
- [5] Ивченко С.В., Либоракина М.И., Сиваева Т.С. Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний / Под ред. М.И. Либоракиной. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2003. – 136 с.
- [6] Карасева К.С., Петров А.В. Исследования корпоративной культуры труда в современной экономической социологии // Общество. Среда. Развитие. – 2010, № 4. – С. 80–83.
- [7] Козина И.М. Особенности «Социально ответственного бизнеса» российских предприятий // Журнал исследований социальной политики. – 2004, № 3 (3). – С. 367–378.
- [8] Петров А.В. Профсоюзы – институт гражданского общества // Общество. Среда. Развитие. – 2008, № 3. – С. 55–66.
- [9] Петров А.В. Глобализация и социальные основы экономического суверенитета России // Общество. Среда. Развитие. – 2009, № 1. – С. 81–99.
- [10] Петров А.В. Имитационный капитализм в России: социально-экономические последствия международного разделения труда // Общество. Среда. Развитие. – 2009, № 4. – С. 19–31.
- [11] Петров А.В., Ярунин С.В. Экономическая глобализация и нелиберальная модернизация в России // Вестник СПбГУ. Сер. 12. – 2008, вып. 4. – С. 539–546.
- [12] Петров А.В., Ярунин С.В. Исследования особенностей и приоритетов социальной политики в условиях глобализации: подход экономической социологии // Общество. Среда. Развитие. – 2009, № 3. – С. 49–56.
- [13] Портал Агентства Социальной Информации. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.socotvet.ru/asi/aboutasi/whoiswe> (14.07.2012)
- [14] Приказ Ростехрегулирования № 1526 о Создании Технического комитета по стандартизации «Социальная ответственность» // Российский Правовой Портал. – 2008. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.law7.ru/base79/part1/d79ru1512.htm> (01.09.2012)
- [15] Портал о корпоративной социальной ответственности CSRJOURNAL. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.csrjournal.com/o_proekte.html (28.09.2012)
- [16] Стандарты по Корпоративной социальной ответственности // Портал корпоративной социальной ответственности Всероссийской Организации Качества. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ksovok.com/standarts.php> (22.08.2012)
- [17] Туркин С.В. Социальные инвестиции в бизнесе: Пособие для менеджеров. – М.: Русский университет, 2003. – 240 с.
- [18] Яровой А.И. Влияние институтов власти на развитие корпоративной социальной ответственности в России и Европейском союзе // Гуманитарные Технологии и развитие человека. – 2010. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2596> (10.09.2012)

УДК 910+94(47)
ББК 26.8

И.Н. Денисов

ГОРОД-ГЕРОЙ ЛЕНИНГРАД: ИСТОРИЯ ПРЕВРАЩЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Рассматриваются исторические, правовые и моральные аспекты произведённого в 1991 году переименования города-героя Ленинграда, героически выдержавшего блокаду, в Санкт-Петербург.

Ключевые слова:

блокада Ленинграда, Верховный Совет СССР, Ленинград, Ленсовет, Санкт-Петербург, топонимика

В конце 1980-х гг. на волне перестройки и «нового мышления» страну охватила эпидемия переименований улиц и городов. При этом возвращение старых названий шло в русле сведения политических счётов и приобретения дешёвой популярности. Наиболее рельефно такая тенденция проявилась в переименовании города-героя Ленинграда.

Главный довод сторонников «возвращения исторического имени»: Санкт-Петербург является первоначальным названием города, которое он получил при основании Петром Великим в 1703 г. Этот аргумент не совсем корректен, поскольку в первый год существования в разных официальных актах Петербург очень часто именовался Петрополем. Например, один из ближайших сподвижников Петра I фельдмаршал, генерал-адмирал и начальник посольского приказа Ф.А. Головин в письме от 16 июля 1703 г. сообщает: «Сей город новостроящийся назван в самый Петров день – Петрополь, и уже онога едва не с половиною состроили». Письмо помечено: «из Петрополя». Та же самая помета находится и на

письме Ф.А. Головина, написанном 12 августа [2, с. 7–9].

Встречаются и другие варианты названия. Так, в письме князя Б.А. Голицына Петру от 17 августа 1703 г. Петербург называется Питерпол. На гравюре «Новый способ арифметики, феорики или зрительные» (Москва, 1705) было воспроизведено изображение крепости с надписью на нём: «S.Петрополись, 1703» [10].

Следующий аргумент – первоначальное название менять нельзя. Дескать, «нельзя менять полученное при рожде-

Фёдор Никитин, Михаил Петров. Фрагмент офорта 1705 г. «Новый способ арифметики, феорики или зрительные...»

нии имя». Так ли это? Открываем Гражданский Кодекс РФ, читаем: «гражданин вправе переименовать своё имя...» (Подраздел 2. Глава 3. Статья 19). На Руси этим правом люди пользовались издревле. Так, при пострижении в монахи смена имени было вообще обязательной. Известный церковный деятель эпохи Петра Великого Феофан Прокопович менял имя не один раз. Тем, кого данная проблема интересует, можно порекомендовать книгу большого знатока русской старины М.И. Пыляева «Старая Москва». Примеров как смены личных имён, так и переименования объектов топонимики в ней предостаточно [8].

Смена названий городов в дореволюционное время также была в порядке вещей:

Корела – Кексгольм;

Орешек – Нотебург – Шлиссельбург;

Хлынов – Вятка и т.д.

Екатерина II добралась даже до водных объектов: при ней река Яик получила название Урал.

Ещё одним аргументом стал тезис, что «Санкт-Петербург является историческим названием города». Такое утверждение несостоятельно. Если у человека было несколько имён, то историческим будет лишь то, под которым он совершал свои самые значительные поступки.

Преподобный Сергей Радонежский до принятия монашества звался Варфоломеем. Далеко не все из нынешних верующих знают об этом. Но вряд ли найдётся хоть один православный, который не знал бы основателя Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Сергия, под этим именем он прославился и вошёл в историю России. Что же мы видим? Варфоломей – первоначальное имя, Сергей – историческое, а человек один и тот же.

Что касается населённых пунктов, если они носили несколько названий, то историчность их имён определяется тем вкладом, который они внесли в развитие своей страны и всей цивилизации. Поэтому надо признать бесспорным тот факт, что из всех названий нашего города историческим с большой буквы является только Ленинград.

При всём уважении к Петербургу, нельзя не согласиться, что слава Петербурга уступает славе Ленинграда. Ведь Ленинград – город-герой, воплотивший в своём названии трудовую доблесть и боевое мужество России. Если Петербург был известен в мире как центр науки и культуры, то Ленинград, ничуть не уступив прежних традиций, прославился как город-защит-

ник своей Родины. По образному выражению журналиста Ильи Груздева, «Ленинград был во время Великой Отечественной войны Малаховым курганом России, Северо-Западным бастионом её» [3]. Если Петербург многое брал из мировой цивилизации, то Ленинград внёс огромный вклад в спасение мирового сообщества цивилизованных стран. Вот признание Лондонского радио (1945 год): «Защитники Ленинграда внесли самую замечательную страницу в истории мировой войны, ибо они, больше, чем кто бы ни было, помогли грядущей победе под Германией». У С.И. Когана читаем: «Сообщения о героическом сопротивлении советских людей и, вместе с тем, об ужасных невзгодах, переносимых защитниками Ленинграда, тронули сердца британцев и подняли мощную волну солидарности. Жители шотландских городов Эйрдри и Котбридж создали общество “Россия сегодня”. Входившие в общество женщины любыми способами старались помочь русским. Было принято решение собрать подписи женщин в Эйрдри и в соседнем городе Котбридже с выражением восхищения мужеством жителей города и солидарности с ними и как-нибудь отправить их в Ленинград» [6, с. 96].

Поэтому говорить о возвращении нашему городу «исторического названия» «Санкт-Петербург» бестактно.

Четвёртый аргумент: поскольку наш город был заложен в Петров день (29 июня 1703 г.) и согласно церковным канонам получил имя своего небесного покровителя апостола Петра (дословный перевод Санкт-Питер-Бурх – «Святого Петра город») то названию «Санкт-Петербург» никакой альтернативы нет.

При всём уважении к святым Русской Православной Церкви и к РПЦ вообще, нельзя согласиться с тем, что имя апостола Петра является весомым доводом в пользу переименования. Ведь в нашем городе проживает большое количество людей как неверующих, так и исповедующих другие религии, поэтому его название должно быть нейтральным по отношению к распространённым среди горожан верованиям.

Ведь, если говорить откровенно, святость защитников Ленинграда, святость миллионов погибших в блокаду ленинградцев и защитников города многократно превосходит святость евангельского апостола. И если заходит разговор о святости, то более святого города, чем Ленинград на Земле не существует.

Православная Церковь причисляет к лику святых великомучеников и великих защитников родной страны. Почти половина жителей блокадного Ленинграда умерли мучительной смертью от голода и холода. Они сказали: «скорее смерть испугается нас, чем мы смерти». И своей смертью погибшие ленинградцы попрали смерть. Оставшиеся в живых героически боролись с врагом и победили его.

Так давайте исполним свой долг памяти, назвав ленинградцев святыми людьми, а Ленинград – святым городом.

Кроме того, восстановление названия «Санкт-Петербург» – это ещё и удар по национальному патриотизму, который всегда был главной традицией русского государства. Из поколения в поколение передавалось уважение к защитникам Отечества. Особую любовь народа снискали Александр Невский, Дмитрий Донской, Дмитрий Пожарский, Козьма Минин, генералиссимус Суворов, фельдмаршал Кутузов, маршал Советского Союза Жуков.

Точно так же священным в народной памяти всегда были названия местностей и населённых пунктов, где русские воины проявляли массовый героизм и одерживали выдающиеся победы. Вот эти названия: Куликово поле, Полтава, Бородино, Севастополь. В грозные годы Великой Отечественной войны в этот славный боевой ряд встали новые города-герои, среди которых звёздами первой величины сверкают имена Ленинград и Сталинград. Их подвиг, по словам президента США Франклина Д. Рузвельта, «символизировал несокрушимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех наций мира, сопротивляющегося силам агрессии».

Поэтому фактическая ликвидация памяти города-героя Ленинграда является актом национального предательства.

А теперь посмотрим «в корень». То, что Пётр очень любил немцев, вряд ли будет спорным вопросом. Именно при нём впервые за всю историю государства российского царствующая династия стала родниться с немецкими курфюрстами. Соответственно, царь Пётр стал насаждать в России немецкие слова. Не миновала эта участь и названий населённых пунктов: Петергоф, Ораниенбаум, Екатеринбург и... Санкт-Петербург.

Сравним «топономическую политику» Петра I с практикой испанских завоевателей Американского континента. Вот уже минуло 500 лет с начала великих и географических открытий и, тем не менее, всё

пространство Нового света от Огненной земли до Калифорнии усеяно испанскими названиями. Значит, испанцы были патриотами своей родины, если они на территориях, расположенных за многие тысячи миль от Испании давали новым провинциям, населённым пунктам, рекам и горным хребтам свои испанские названия.

А как поступал Пётр Алексеевич? На землях, издревле принадлежащих России, основывал «бурги» и «гофы». Вот Пётр в 1703 г. прогоняет шведов из Нотебурга (бывшей русской крепости Орешек!). Он что, возвращает крепости первоначальное русское название? Нет! Царь переименовывает «Нотебург» на «Шлиссельбург»! И совсем несуразно вышло с названием новой столицы. Где, в каком царстве-государстве столицы назывались чужестранными именами? Наверное, только у нас, в России.

В сборнике «Пётр Великий в оценке современников и потомства» глава 9 носит название «Антипатриот» [5, с. 151–157]. Петру Алексеевичу вменяется в вину, что он унизил национальный дух русского народа.

И абсолютно прав был Александр Солженицын: «Я слышал, что в Вашем городе готовится референдум о возвращении ему названия “Санкт-Петербург” (а исторически-то “Питербурх”?) Я хотел бы тоже подать голос и убедить Вас, что этого звучания возвращать не надо. Оно было в XVIII веке навязано вопреки русскому языку и русскому сознанию (Как и город на Урале, его устроителем В.Н. Татищевым хорошо звавшийся “Екатерининск”, был утверждён петербургскими бюрократами – “Екатеринбург”).

Переименование в 1914 году “Петроград” было вполне разумным, и оно верно, если считать город названным в честь императора. (Если же хотели сохранить, как исторически было, в честь Апостола Петра – то естественная русская форма: Свято-Петроград).

И может быть, это решение по важности должно быть обсуждено не только жителями Вашего города, но и всей России» [9].

А вот что пишет уже цитировавшийся выше известный дореволюционный историк князь Н.В. Голицын: «Нельзя тем не менее не признать, что имя, которым Головин первоначально окрестил новый городок на берегах Невы, это греко-византийское название “Петрополь”, сроднее и ближе русскому слуху, чем чуждое ему шведско-голландско-немецкое “Санкт-Петербург”. Простой народ не переварил этого имени и своевольно сократил его в

128 | характерное “Питер”; вряд ли бы понадобилось ему произвести такое же искажение с именем “Петрополь” [2, с.10].

Приведём свидетельства из газет августа 1914 года:

«Волею Державного Хозяина Земли Русской восприняло славянское наименование сама столица русского государства. Как ни свыклось наше ухо с названием столицы, но всегда в этом прозвище не чувствовалось ничего родного...

Петроград — это наименование будет, несомненно, любезнее русскому народу, чем Петербург» [7].

«Наша Северная Пальмира, “полночных стран краса и диво”, именовавшаяся в течение 210 лет чужестранной кличкой, по воле Монарха переименовала своё название на чисто-русское – Петроград.

Совершился крупный шаг, о котором мечтали лучшие русские люди, наши славяно-филы, скорбевшие душой о том, что лучший наш город, столица единственного великого и независимого славянского государства, лишена счастья именоваться родным русским словом...

С уничтожением немецкого слова “Петербург”, нужно надеяться, будет искоренено и всё то отрицательное, что так тесно было связано с этим словом и что лишало нашу столицу древне-русского облика.

Как по своему названию, так и по нравам и обычаям он был чужд подлинной многомиллионной России. Он не умел согреть русскую душу тёплой лаской, мы не находили в нём отрады и утешения в такой степени, как это нам давала Москва.

Петербург не был нашим домом, мы к нему ездили “в гости”, как к чужому...” [4].

Таким образом, переименовав Санкт-Петербург в Петроград, Николай II осуществил вековые чаяния русского народа.

Рассмотрим теперь правовые аспекты переименования Ленинграда.

12 июня 1991 года в соответствии с решением Ленсовета был проведён «Опрос населения Ленинграда о восстановлении первоначального названия города». Рассмотрев итоги опроса, Ленинградский Совет народных депутатов обратился в Президиум Верховного Совета РСФСР с просьбой законодательно закрепить изменение названия города. На основании этого Обращения Президиум ВС РСФСР в сентябре 1991 года принял Указ «О возвращении городу Ленинграду его исторического названия «Санкт-Петербург». Юридическая процедура смены названия города была осуществлена с грубейшими нарушениями элементарной законности.

Первое, что обращает на себя внимание – явное противоречие идеологии возврата к «Санкт-Петербургу» требованиям государственной топонимической политики, заложенным в соответствующих правовых актах СССР и РСФСР.

17 сентября 1979 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Постановление «О практике применения законодательства и порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц и населённых пунктов». В констатирующей части Постановления обращалось внимание на то, что «в некоторых случаях переименования производятся без особой в том надобности...» Постановление обязывало Президиумы Верховных Советов союзных республик «обеспечить строгое соблюдение законодательства СССР и союзных республик по данному вопросу, глубокое и всестороннее изучение каждого предложения о наименовании и переименовании, не допуская в этом доли поспешности и субъективности. При этом исходить из того, что переименование должно производиться лишь в исключительных случаях с учётом общегосударственных интересов, а также географических, исторических, национальных, бытовых и других местных условий...»

В полном соответствии с упомянутым союзным постановлением 21 июля 1980 г. в РСФСР было принято идентичное республиканское Постановление, в которое гарантировало выполнение на своей территории всех союзных требований.

Таким образом, сторонники «Санкт-Петербурга» стали действовать вне правового поля. Ведь никакого исключительного повода для переименования города-героя Ленинграда не существовало. О соблюдении каких-то государственных интересов тоже не могло быть речи. В историческом плане снова надевать на город «немецкий выцветший сюртук», да ещё после жестокой немецкой блокады – архинедостойно.

Из всего вышесказанного следует, что вопрос с переименованием Ленинграда при полном игнорировании базовых юридических документов выносить на обсуждение было противозаконно.

Уже только по одной этой причине считать правомерным опрос, проведённый 12 июня 1991 года в Ленинграде, категорически нельзя. Тот факт, что М.С. Горбачёв не пресёк в зародыше «собчаковско-петербургское дело» говорит о том, что нарушение Конституции СССР стало для президента нормой поведения.

Второе. Властные структуры РСФСР не имели юридических прав для решения вопроса о переименовании Ленинграда.

Дело в том, что Ленинград носит почётное звание «город-герой» Союза ССР. Здесь необходимо твёрдо уяснить, что переименование города-героя могло производиться лишь союзной властью как акт разжалования за какие-то позорные поступки. Но таковых у города-героя Ленинграда не было! Из этого неукоснительно следует, что руководство Ленсовета и РСФСР, затеяв переименование Ленинграда, село не в свои сани.

Городские власти Ленинграда преднамеренно совершили два противоправных действия: проигнорировали волю народов СССР; ради осуществления своих политических амбиций обратились в Президиум Верховного Совета РСФСР, который для решения данного вопроса не имел юридических полномочий.

Третье. Процедура переименования Ленинграда путём проведения опроса была незаконной, ибо, в отличие от референдума, результаты опроса не могут служить основанием для принятия последующих административных или политических решений. «Всенародный опрос» – массовый сбор первичной информации по общественно-важному вопросу с целью получения и изучения мнения населения по нему. Именно такое понимание юридического толкования термина «Опрос» («Всенародный опрос») подтвердил заместитель Председателя ВС РСФСР Р.И. Хасбулатов. В своей телеграмме на имя А. Собчака он разъяснял: в связи с многочисленными письмами, запросами народных депутатов о переименовании города Ленинграда прошу дать разъяснения в средствах массовой информации: 12 июня (1991 года) проводится опрос о переименовании города Ленинграда, который следует считать только как выявление мнения населения по данному вопросу. Последствия опроса не могут иметь юридической силы.

Пятое. В принятом «Положении об опросе...» отсутствовало юридическое определение термина «Опрос» и не регламентировались условия, при которых он мог считаться состоявшимся.

Шестое. Единственным юридическим результатом Опроса состоял в том, что название «Санкт-Петербург» поддержали лишь 1345582 избирателя (35,49% от общего числа), т. е. Подавляющее меньшинство. Иначе говоря «мероприятие» провалилось.

Кроме того, имеются все основания утверждать, что Указ о переименовании Ленинграда в «Санкт-Петербург», датиро-

ванный 6-м сентября 1991 года, на самом деле подписан Р.И. Хасбулатовым позднее, т.е. «задним числом».

Как известно, на пятницу 6 сентября 1991 года было назначено заседание Президиума Верховного Совета РСФСР. В повестке дня значился вопрос о возвращении Ленинграду названия «Санкт-Петербург». Ленинградскую (пока ещё!) делегацию возглавлял председатель Ленсовета Беляев Александр Николаевич. Его интервью «Как это было в столице» газете «Вечерний Петербург» [1] до сих пор является единственной опубликованной информацией о том «знаменательном» событии. Ни дать, ни взять – тайная вечеря.

По словам А. Беляева, «всё решилось быстро и даже убеждать никого не пришлось». В 23.55 Беляев и К⁰ поездом Красная стрела уезжают из столицы и 7 сентября в 8.20 утра выходят на перрон Московского вокзала (пока ещё в Ленинграде!) И сразу же дотошная журналистка газеты «Вечерний Петербург» Инна Иванова начинает задавать вопросы А. Беляеву.

«– Нашим читателям будет интересно прочитать сам текст постановления.

– Пожалуйста, “Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР “О возвращении городу Ленинграду его первоначального имени “Санкт-Петербург”. Рассмотрев обращения Ленинградского Совета народных депутатов о возвращении городу Ленинграду его первоначального имени Санкт-Петербург, Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет: в соответствии с волей населения г. Ленинграда, выраженной в ходе опроса, проведённого 12 июня 1991 года, вернуть г. Ленинграду его первоначальное имя “Санкт-Петербург”» [1].

Запомним этот текст. Субботним вечером 7 сентября 1991 года газета рассказывает своим читателям о том, что накануне произошло в Москве. Под броским заголовком «СВЕРШИЛОСЬ! Да святится имя твоё» «Вечерний Петербург» публикует так называемое «Слово к читателям», в котором уверяет, что молитвы о «Санкт-Петербурге» наконец-то дошли до Бога:

«Президиум Верховного Совета России принял вчера решение о возвращении нашему городу его исторического названия».

И ниже давалось интервью с А.Н. Беляевым.

Но где же официальный текст Указа?!

Он появляется в газетах («Российская газета», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.) только во вторник 10 сентября 1991 года:

«Указ
Президиума Верховного Совета
РСФСР

“О возвращении городу Ленинграду его исторического названия Санкт-Петербург”.

Москва

Дом Советов РСФСР

6 сентября 1991 года

Первый заместитель Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов»

Начинаем рассуждать.

Было бы исключительно эффектно напечатать данный Указ афишными буквами на первых полосах бывших ленинградских газет, вышедших 7 сентября 1991 года и уже под ним изливать «демократические» восторги: «СВЕРШИЛОСЬ!», «Да святится имя твоё!» и прочее и прочее.

Но этого сделано не было. Коротенький Указ на правах «пропавшей грамоты» три дня находился где-то «в нетях». Значит, как говорил Штирлиц, «что-то у них не связалось».

Если посмотреть в ретроспективе, то обнаружится, что все советские Указы ранга СССР и РСФСР всегда публиковались в утренних газетах уже на следующий день после официального подписания.

Указ, подписанный, допустим, 11 февраля, на следующее утро (12 февраля!) уже красовался на газетных полосах.

Теперь нетрудно предположить, как происходило «принятие» Указа. Участни-

ки заседания набросали лишь проект документа (т.е. то «Постановление», которое было зачитано журналисткой Инной Ивановой) и поручили аппарату (юристам) довести его «до ума».

При этом А. Собчаку и А. Беляеву были даны твёрдые заверения, что в любом случае датой принятия Указа будет 6 сентября 1991 года. «Петербуржским» руководителям дали словесное «добро» действовать 7 сентября в Ленинграде, «от имени и по поручению». После этого и разошлись: члены Президиума Верховного Совета – по домам, юристы из аппарата – «делать Указ», а «петербуржцы» поехали на Ленинградский вокзал столицы садиться в «Красную стрелу».

Утром 7 сентября (в 8.20) возле вагона красного экспресса А. Беляев, совершенно не вдаваясь в тонкости формулировок, зачитал вместо официального Указа (которого он, естественно, и в глаза не видел!) рабочее постановление. Мол, в такой эйфории, «на-ура» всё сойдёт.

Таким образом, 7 сентября 1991 года руководители города, не имея официального документа о переименовании действовали на его основании!

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод: переименование города-героя Ленинграда в «Санкт-Петербург» было совершено в нарушение законного порядка.

Список литературы:

- [1] Вечерний Петербург. – 1991, 7 сентября. – № 206 (19496). – С. 1.
- [2] Голицын Н.В. Петербург или Петрополь? К 200-летию основания Петербурга. (Новое свидетельство об основании Петербурга) – СПб.: тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1903. – 16 с.
- [3] Груздев И. Ленинград и Берлин // Правда. – 1945, 23 февраля. – № 46 (9817). – С. 3.
- [4] Д.К. Обновлённая столица // Двуглавый орёл. – Киев, 1914, 27 августа. – № 189. – С. 2.
- [5] Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор: Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии / А.А. Кара-Мурза, Л.В. Поляков. – Иваново: Изд. фирма «Фора», 1994. – 319 с.
- [6] Коган С.И. Народная дипломатия как форма культурного сотрудничества СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны и в послевоенный период // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 1. С. 94–98.
- [7] Петроградские ведомости. – 1914, 20 августа (2 сентября). – № 187. – С. 1.
- [8] Пыляев М.И. Старая Москва: рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. – СПб.: Паритет, 2002. – 606 с.
- [9] Солженицын А.И. К жителям города на Неве // Смена. – 1991, 30 апреля. – № 99 (19849). – С. 1.
- [10] Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год: Книга исследований. – СПб.: журнал «Нева», 2004. – 783 с.

УДК 316.454.7
ББК 60.5

М.Дж. Тезич

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СТРОИТЕЛЬСТВА НАЦИИ В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (ТАННУ-ТУВА) В 1921–1944 гг.

Рассматривается процесс сложения нации и роль языковой политики как основного инструмента. Утверждается, что язык является главным элементом в процессе этногенеза и средством конструирования национальной культуры, неотъемлемая часть которой – национальное сознание. Как и в Европе, языковая политика в период образования тувинского национального государства играла необходимую роль в формировании национальной идентичности.

Ключевые слова:

буддизм, нация, Тибетский язык, Тува-старо-монгольский язык, Сибирь, языковая политика.

Проблема национального литературного языка связана с проблемой конструкции нации. Рассмотрим это на примере Тувы. Мы утверждаем, что язык является главным элементом в процессе этногенеза и средством конструирования национальной культуры. Формирование национального языка протекает по-разному в различных регионах мира, в Туве же язык формировался на основе одного диалекта и был инструментом в процессе строительства национальной культуры.

В этой статье мы сравниваем исторический процесс строительства нации в Тувинской народной республике с теориями Б. Андерсона и Э. Геллнера – на примерах литературного языка, образования и национальной прессы.

Геллнер в своей книге «Нации и национализм» определяет суть национализма как общество, объединенное общей культурой и политической единицей – государством [5, с. 36–42]. Он утверждает, что национальное государство является средством социо-культурной гомогенизации. Национализм – социальное условие объединения граждан, основанного на стандартизации, гомогенизации и имеющего централизованную поддержку высокой культуры.

По мнению Геллнера, переход из аграрного общества в индустриальное вызывает социальную трансформацию. В аграрном

обществе «высокая» письменная традиция, которая основана на религиозной вере, сосуществует с культурой малых народов, проживающих в отдельных и замкнутых общинах. Переход же к индустриальному обществу выводит социально-культурную структуру индустриального общества к культурной однородности, которая основана на стандартизированном образовании и языке.

Единообразие культуры, основанное на системе кодификации обеспечивается с помощью централизованной системы образования и нуждается в особом типе политического образования – государстве. Последнее через свои учреждения вырабатывает и распространяет стандартизированные системы образования. Так через образование общины, проживающие на разбросанных территориях, («малые традиции») трансформировались из народной формы в нацию.

Следовательно, политическое сообщество – нация – образовалось в рамках норм общей стандартизированной культуры.

Автор другого подхода Андерсон [5, с. 64–72] определяет термин «нация» как воображаемое сообщество, отдельные его члены никогда не знают всех участников сообщества, не встречались с ними и не слышали о них. Но в умах каждого из участников живет образ их общности.

Изменения в социальном развитии в Европе XVII в. вызвали социальную транс-

формацию общины в национальную общность, открылись социальные связи для усиления национального самосознания.

По мнению Андерсона, образование письменного языка осуществляется через гомогенизацию местных диалектов. Таким образом, его функции – не только в объединении населения, живущего в одном административном регионе в рамках общего национального сознания, но он и отличает носителей языка от остальных общин.

В то время, как Геллнер утверждает первостепенное значение роли государства и образования «высокой культуры», в формировании нации, Андерсон говорит о центральной роли письменного языка и печати в формировании национального сознания.

Ситуация в Туве аналогична европейской. Тибетский и старомонгольский языки образовались как языки высокой культуры. Несмотря на функционирование разных диалектов, языками обучения или администрации были тибетский или старомонгольский. Таким образом, мы считаем что, как и в Европе, языковая политика в период образования тувинского национального государства играла необходимую роль в формировании национальной идентичности.

Рассмотрим языковую политику и ее роль в формировании Тувинской национальной республики. Эти вопросы будут исследованы по нескольким аспектам: через формирование национального литературного языка, формирование национального алфавита, прессы и образования в национальных школах.

В ходе истории территория нынешней Тувы находилась под господством различных властей. В результате такой исторической судьбы языковая структура региона оказалась под влиянием тюркского, монгольского, самодийских, палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских элементов [8]. Итогом длительного языкового взаимовлияния разных диалектов в регионе стало образование нового языкового формирования. Однако можно сказать, что до революции (1921) языковая ситуация в Туве была фрагментарной, поэтому трудно говорить о языковом единстве в Туве. До этого периода в Туве различные племена в различных регионах говорили на разных диалектах.

В Туве пользовались древнетюркской письменностью несмотря на монгольское и последующее маньчжуро-китайское правление (с XII в. до первой пол. XVIII в. Тува находилась в составе монгольского ханства Алтын Ханов и Джунгарии; с 1757 г. по 1911 г. в Туве господствовала маньчжуро-

китайская династия). С насаждением буддизма как государственной религии среди тувинских феодалов, чиновников, баев старомонгольский и тибетский языки стали языками бюрократии и образования. В рамках этого в Туве при монастырях были организованы школы, которые называются «дуганы». В них учились писать на монгольском языке [3, с. 261].

В результате, в то время как тувинский язык был устным языком, деловым языком стал старомонгольский язык [8].

Тувинский язык состоит из четырёх основных диалектов, включающих говоры.

1. Центральный диалект состоит из говоров: сут-хольско-чаданский, овюрский, чаа-хольско-улу-хемский и уюк-туранский.

2. Западный диалект состоит из говоров: монгун-тайгинский, кара-хольский верхнехемчический.

3. Северо-восточный диалект с таежным и речным говорами.

4. Юго-восточный диалект с тандинским, тес-хемским и эрзинским говорами [1, с. 206].

После революции было решено создать национальный литературный язык. В рамках этого говор населения – дзун-хемчикского хошуна (района) был выбран как основа нового национального тувинского литературного языка. Но позже было осознано, что решение взять этот говор за основу диалекта нового национального тувинского литературного языка было неправильным.

В дальнейшем было высказано мнение, что центральный диалект тувинского языка более, чем дзун, подходит в качестве основного диалекта нового национального тувинского литературного языка [1, с. 171].

Территориальное пространство, находившееся под влиянием центрального диалекта, совпадало с крупной административной единицей. Оно было более развито, чем остальные регионы, в которых разговаривали на разных диалектах тувинского языка. Поэтому посчитали основой литературного тувинского языка диалект, который называется «койне» [1, с. 172].

В IV съезде ТНРПа (1925) был поставлен вопрос о необходимости разработки национальной письменности [7, с. 163]. Обсуждения создания нового национального алфавита сконцентрировались, главным образом, вокруг трех проектов.

Во-первых, алфавит старомонгольской письменности. Приверженцы этого решения подчеркивали историческое прошлое и значение старо-монгольской письменности для тувинского народа. По словам сторонников этой модели, поскольку ста-

ромонгольский и тибетский язык использовались в области религии и бюрократии, он должен быть основой официального алфавита [4, с. 263].

Во-вторых, Бриуханов (Сотпа) и Р. Бузыкаев предложили другой проект, основанный на русской графике. Этот алфавит, который назвался «миссионерский алфавит», был разработан для алтайского и хакасского языков. В XIX в. он использовался для того, чтобы приобщить эти народы к христианству [4, с. 263].

Третьей альтернативой был проект создания нового национального алфавита на основе латинской графики. Проект латинизации имел два направления. Первое направление, под руководством профессоров Е.В. Поливанова и Н.Н. Попе, основывалось на модели нового тюркского алфавита. Новый тюркский алфавит был советской моделью, которая специально развивалась для тюркских народов Советского Союза. Он имел целью унифицировать все тюркские диалекты по единому образцу [4, с. 263].

С другой стороны, М. Лопсан-Чимит подготовил свой проект, который был основан на немецком алфавите [4, с. 263].

Концом этого сложного процесса в 1930 г. стало создание новой тувинской письменности на основе латинизированного новотюркского алфавита [6, с. 97]. С укреплением отношений между тувинским правительством и правительством Советского Союза в 1943 г. письменность перешла на русскую графику.

Целью оставалось развитие «высокой культуры» в тувинском обществе через национальный литературный язык. В этих рамках основной задачей, вставшей перед интеллектуалами, было распространение национального литературного языка и борьба с безграмотностью. С распространением национального обучения периферия стала переходить под влияние центра, стало формироваться единое поле тувинской национальной культуры.

После формирования национальной письменности правительство ТНР приступило к созданию системы обучения. Новая система обучения в Туве основывалась на модели советского типа, которая базировалась на принципах советского мировоззрения и всеобщего обучения. Значит – право получения образования на равных правах (без учета возраста, классовой принадлежности, национального происхождения и вероисповедания).

На VIII-м съезде ТНРПа (1929) говорилось, что новые государственные школы и их кадры должны быть основаны на уче-

нии революционного государства, а не на принципах ламских монастырских школ [2, с. 177–178]. Существовали три разных вида школ в системе нового типа образования ТНР: школы-интернаты, летние школы и школы приходящего ученичества, соответствующие кочевому образу жизни.

Школы-интернаты были устроены таким образом, что дети аратов-кочевников могли жить и получать образование в таких школах в течение всего учебного года. С 1930 г. эти школы открывались в кобунах и сумонах (административные районы в Туве). Сумонная школа-интернат была основана на двухгодичном обучении, и ученики готовились для поступления в третий класс кожунной школы. Кожунная школа-интернат строилась на принципе четырехклассного образования [4, с. 276].

Кроме школ-интернатов существовали летние школы для детей кочующих аратов. Летние школы работали только летом. В 1937 г. число летних школ достигло количества 42, они охватывали 1640 человек. В то время, как число школ-интернатов в учебном 1930/31 году было 7, и они охватывали 7,3% детей от 8 до 12 лет, число школ-интернатов в учебном 1943/44 году достигло 84, они охватывали 55,4% детей от 8 до 12 лет [4, с. 276].

С развитием школьного образования возник вопрос подготовки педагогических кадров. Первые годы существовали две группы педагогических учреждений: месячные педагогические курсы и годовичные курсы. Следовательно, учителя имели низкий уровень квалификации. С 1939 г. кроме временных курсов, обучение воспитательных кадров велось на педагогическом отделении Кызыльского учебного комбината [9]. С другой стороны, в области подготовки кадров учителей и специалистов, Советский Союз оказал исключительно важную помощь. В течение периода с 1925 г. по 1940 г. велась подготовка специалистов в различных учебных заведениях разных городов Советского Союза (Москва, Ленинград, Иркутск, Улан-Удэ и т.д.) [9].

Развитие национальных печатных изданий было другим направлением языковой политики. Появились газеты и журналы, которые издавались на тувинском языке.

Другими словами, по теории Андерсона, с распространением прессы на периферии Тувы в общество проникали государственная идеология и формировалось национальное сознание.

В 1930 г. газета «Танну-Тувагийн унэн», которая публиковалась на монгольском

языке, начала печатать материалы на тувинском языке. И в августе того же года газета переименовалась в «Тыаараттын шыны» («Правда тувинского арата») а с 1931 г. получила своё современное название «Шын» (Правда) и стала выходить полностью на тувинском языке. В 1933 г. появилась новая еженедельная газета «Рэванэ Шыны» (Правда Ревомола). После 1936 г. газета «Рэванэ Шыны» переименовалась в «Аревэ Шыны» (Ревсомольская правда).

В 1936 г появилась первая молодежная газета «Хостг арат» (Свободный арат). Главная тема газеты – коллективизация аратских хозяйств. Периодически публиковались газеты «Ленинчи Орук» (Ленинский Путь) и «Кооперас Оруу» (Путь Кооператива). Эти газеты систематически пропагандировали значение кооперативной торговли.

В связи с проблемой промышленности и появления национального рабочего класса с 1935 г. стала выходить первая рабочая газета «Тувинский горняк».

Наряду с газетами также появились общественно-политические и литературно-художественные журналы. В 1937 г. начали печатать политико-экономический журнал «Революстуг арат» (Революционный арат) и в 1939 г. – партийный журнал «Революстуг Интернационализм ДЭЭШ» (За революционный интернационализм). Кроме того, в 1939 г. стал издаваться детский журнал на тувинском языке «Пионер», а в 1941 г. – литературно-художественный журнал «Революстун херели» (Заря революции) и журнал «Эртем оруу» (Путь науки) [3, с. 281–289; 5, с. 209; 10].

Наряду с газетами также появились общественно-политические и литературно-

но-художественные журналы. Тувинский язык начали использовать в музыкально-драматическом театре, радио, в художественной деятельности [6, с. 98].

В итоге национальный язык явился важным фактором для гомогенизации национального единства. Мы определяем процесс образования тувинского национального языка как конструкцию, поскольку национальный язык был гомогенизирован на основе одного диалекта.

На сконструированном национальном языке создавалась национальная литература, которая помогала оформлению национального искусства, была основным элементом высокой культуры. Так через конструирование литературы и искусства была образована стандартизованная национальная «высокая культура».

Исследуя опыт Тувы, мы наблюдаем параллелизм с опытом исторического развития в Европе.

В начале образования национального государства Тува была в составе культурного пространства буддизма. Поэтому тибетский и старомонгольский языки были языками обучения и администрации. При этом разные диалекты тюркского языка использовались только в общении в разных местах Тувы.

Но после политического освобождения, в рамках строительства национального государства формирование и развитие литературного языка приобрели преимущества. Этому способствовали общее образование, развитие письменного языка и прессы, которые, по Геллеру и Андерсону, играют важную роль в процессе конструкции национального сознания.

Список литературы:

- [1] Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских финно-угорских и монгольских языков. – М.: Наука, 1969. – 482 с.
- [2] История Тувы. В 2 тт. Т. 2 / Под общ. ред. С.К. Тока, Ю.Л. Аранчына, Л.П. Потапова. – М.: Наука, 1964. – 456 с.
- [3] История Тувы. Т. 1 / Под ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск, 2001. – 367 с.
- [4] История Тувы. Т. 2 / Под общ. ред. В.А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 430 с.
- [5] Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999. – 139 с.
- [6] Монгуш, Д. А. Развитие тувинского языка в советскую эпоху // Учен. зап. Тув. НИИ яз., лит. и истории. – Кызыл., 1967, вып. XII. – С. 96–107.
- [7] Монгуш Д.А. Тувинская письменность и некоторые вопросы ее дальнейшего развития // Учен. зап. Тув. НИИ яз., лит. и истории. – Кызыл., 1970, вып. XIV. – С. 163–173.
- [8] Олуп-оол. У. С древности до современности // Тувинская правда.– 1990, № 146 (13767). – С. 5.
- [9] Сердобов Н.А. Народное образование в Туве краткий исторический очерк. – Кызыл., 1953. – С. 15–52.
- [10] Танова Е. Рождение национальной печати // Тувинская правда.– 2001, № 88 (15422). – С. 2.

ОПЫТ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ В КНИГЕ Я. КСЕНАКИСА «ФОРМАЛИЗОВАННАЯ МУЗЫКА»

Анализируется математическая интерпретация логических закономерностей музыки, осуществленная в книге выдающегося французского композитора и архитектора греческого происхождения Янниса Ксенакиса (1922–2001). Используются устоявшиеся подходы к изучению структуры сообщений с помощью теории множеств, теории вероятностей и теории информации. Эти подходы дают возможность выявить в книге Ксенакиса исследовательские результаты, имеющие наибольшее значение для решения указанной проблемы и существенные для современной теории музыки и для практической композиции.

Ключевые слова:

Яннис Ксенакис, математика и музыка, теория множеств, теория вероятностей, теория информации.

Книга «Формализованная музыка» («Musiques formelles» [22]*) – основная музыкально-теоретическая работа выдающегося французского композитора и архитектора греческого происхождения Янниса Ксенакиса (1922–2001), занимающая видное место в теоретической мысли второй половины XX в. о музыке. Автор книги (судя по предисловию к первому ее изданию) рассматривал свою задачу как попытку выработки универсального музыкально-логического аппарата на основе ряда областей математики и некоторых общенаучных дисциплин (теория информации, общая теория систем), импульсом к активному развитию которых послужила научно-техническая революция середины XX в. Не являясь последовательным представлением искомой (отчасти – и декларируемой) автором обобщающей музыкально-логической системы, работа Ксенакиса тем не менее содержит фундаментальные составляющие (можно сказать – «архитектурные блоки»), необходимые для ее построения – как в основных теоретических положениях глав книги, так и в замечаниях автора, высказываемых попутно при изложении той или иной конкретной проблематики.

Наиболее фундаментальные идеи, способные играть ведущую роль в качестве элементов такого построения, сосредоточены преимущественно в главах, составивших первое издание книги (1963), которые и рассматриваются в настоящей статье. Значение дополнительных глав книги (вошедших в ее издания на английском языке) выглядит уже не столь всеобщим и в боль-

шей мере относящимся уже к специальной области изучения творческого наследия автора книги; это относится, в частности, и к привлеченному вниманию ряда исследователей применению Ксенакисом теории математических «сит», или «решеток» (sieves) с целью логического представления музыкальных звукорядов (разъяснения основных принципов такого применения даны, например, в работе [10]).

Фундаментальные теоретические идеи книги Ксенакиса позволяют говорить о ее высокой эвристической значимости, подтверждающейся дальнейшим развитием как теории музыки, так и самой музыкальной практики. В общей картине развития теоретической мысли о музыке во второй половине XX – начале XXI вв. оригинальные идеи Ксенакиса занимают видное место, существенное для создания объективного представления о фундаментальных достижениях этого этапа истории теоретического музыкознания. В силу этого представляется, что более активное обращение к музыкально-теоретическим идеям Ксенакиса может в современных условиях оказаться весьма полезным и способным привести к новым плодотворным теоретическим и практическим результатам. Нами были предприняты опыты практического применения идей Ксенакиса к различным областям теории музыки и практической композиции (см., например, [3; 6; 17] и др.). Одним из авторов осуществлен полный перевод на русский язык первого издания книги [11].

Основываясь на уже сложившихся подходах к изучению структурно-логических закономерностей формирования и вос-

* Нумерация глав книги в тексте статьи дается по первому изданию.

приятия сообщений (к которым относится и музыка), возможно сгруппировать важнейшие из этих составляющих по следующему рубрикам:

1. Теория множеств. В книге Ксенакиса были впервые представлены в развернутом виде возможности этой области математики применительно к выражению логических закономерностей музыки. Соответствие этого аппарата особенностям музыки как системы, характеризующейся изобразительно-знаковыми свойствами (что не исключает иных ее семиотических аспектов) очевидно из книги также благодаря тому, что эти свойства находят выражение в форме пространственных (графических) представлений, что придает самой книге своеобразную «мультимедийность» изложения. Введение этого аппарата создает возможности для выявления предпосылок данной области математики в истории музыкальной теории (этой теме с привлечением данных книги Ксенакиса посвящена, в частности, работа [8]). С другой стороны, аппарат теории множеств позволяет трактовать те или иные проявления музыкально-звуковой системы многосторонне, учитывая характеристики всех свойств звука и компактно объединяя их в стройное логическое целое. В этом отношении работа Ксенакиса (как и его творческая практика) вносит свой вклад в развитие многомерной техники композиции, основы которой были заложены учителем Ксенакиса О. Мессианом в середине XX в. [13].

Одной из особенностей многомерного представления звуков как элементов музыкально-логической системы у Ксенакиса является выделение характеристики положения звука во времени в отличие от длительности (гл. 5), составившее значительное продвижение вперед в теоретическом обобщении закономерностей музыкального ритма. Необходимо отметить также вынесение производных показателей музыкально-логического развития (например, характеристик плотности звучания) в отдельные измерения многомерного пространства (гл. 2). Эти подходы впоследствии легли в основу процессов компьютерного моделирования музыкального творчества и исполнительства [9; 15; 19].

В ходе рассмотрения множеств музыкально-логических характеристик Ксенакис уделяет внимание бинарным (парным) отношениям между их элементами и следующим из этих отношений законам математической композиции. В связи с этим

в книге кратко затрагиваются возможности применения математической теории групп к музыкально-звуковой системе, пока, по-видимому, имеющей для музыкальной теории и практики преимущественно методологическое значение (трактовка музыкально-звуковой области как системы взаимно обусловленных противоположностей, при относительном характере различий между входящими в систему простыми и составными элементами), но заключающие в себе примечательные логико-технологические и художественно-творческие перспективы (об этом свидетельствует, например, более ранний опыт «скрытого» применения закономерностей математических групп в книге С.И. Танеева «Подвижной контрапункт строгого письма» [18]). Нами анализируется формально-логический аппарат композиционных построений с использованием музыкально-компьютерных технологий, а также рассматривается возможности применению теории групп к анализу музыкальных построений ([3] и др.).

2. Теория вероятностей. Благодаря творческой практике Ксенакиса широкую известность приобрел стохастический метод композиции, основанный на применении закономерностей, изучаемых этой областью математики. Разработка этого метода (как и «обратные» ему опыты музыкально-статистических исследований) составила важный шаг на пути к более полному осмыслению музыкально-логической системы как принципиально всеобщего по своему значению «единства числа, времени и случая» (отмеченного еще в 20-е гг. XX в. А. Лосевым [12]). Историческая заслуга Ксенакиса в отношении данного метода заключается в соединении его основ (известных, например, из работ К. Шеннона, Дж. Пирса, Л. Хиллера и Л. Айзексона – см.: [9; 14; 21]) с высоким уровнем техники музыкальной композиции.

В книге Ксенакиса намечаются связи и параллели между теоретико-множественными и теоретико-вероятностными аспектами изучения музыкально-логической системы. Примечательный пример в этом отношении – двоякое применение матриц для характеристики вероятностей переходов между рассматриваемыми элементами системы (гл. 2) и для оценки таких переходов в условных единицах (баллах) в связи с трактовкой последовательности этих переходов как игры (гл. 3). Такое приведение двух различных аспектов музыкальной логики к единой основе заключает в себе

постановку вопроса об их совмещении и синтезе (что вполне отвечает приведенной выше трактовке музыкально-логической системы как «единства числа, времени и случая»).

Отметим, что эта же синтезирующая тенденция обнаруживается в ряде опытов математического исследования музыки, оформившихся уже после выхода в свет книги Ксенакиса; таково, например, представление музыкального лада как многомерной пространственной структуры с выделением множества вероятностей (в диапазоне чисел от 0 до 1) в качестве одного из пространственных измерений [1; 2] или использование аппарата теории нечетких множеств для характеристики исполнительских интерпретаций музыкальных текстов [16].

3. Теория информации. Информационность музыкально-логических структур характеризуется Ксенакисом на основе статистической теории информации К. Шеннона. Однако благодаря указанному выше «двойному применению» матриц в книге (поскольку в теоретико-игровых ее разделах отчетливо представлен элемент оценки сообщений) присутствует и постановка вопроса о синтезе статистических и теоретико-множественных подходов к изучению информации, имеющая несомненную перспективную ценность.

По нашему мнению, в качестве одного из шагов на пути решения этой проблемы применительно к музыкально-логической (и в целом музыкально-семантической) области возможно использование системы «банальностей вычетов» (соответственно частоте повторения того или иного элемента или сочетания элементов) из значений величин, характеризующих разнообразие соотношений между элементами в тех или иных музыкальных построениях, при информационной оценке этих последних. Система эта выглядит как обратно-симметричная по отношению к системе внутренних подразделений музыкально-логических (и музыкально-семантических) характеристик, известных из теории музыки (например, для звуковысотной организации музыки это – ступеневая величина интервала, регистровое его положение, место в системе кварто-квинтовых соотношений, проекция на равномерную темперацию), образующих различные «порядки» и «сверхпорядки» по отношению друг к другу. Данное предположение, в частности, высказывалось в свое время одним из авторов (М. Заливадным) на семинаре по

проблемам современного музыкознания и творчества молодых композиторов, проходившем в Ереване в 1978 г.; отдельные аспекты системы рассматривались также в статьях [5; 7].

Непосредственно с теоретико-игровыми аспектами книги Ксенакиса связаны идеи «пространства музыкальной оригинальности» (вспомним понятие «приятности» в музыке [20]) и «информационно-соревнования» музыкальных ладов и композиционных построений (например, сравнение характерных ладов Скрябина с данными мажоро-минорной системы и целостной тональной 12-тоновости, прослеживание линий сквозного развития звуковысотной системы в тональной и серийной музыке и т.п.). В настоящее время идеи Ксенакиса, изложенные в данной книге, находят своё реальное воплощение в развитии музыкально-компьютерных технологий и современных программно-аппаратных комплексах.

Среди попутных замечаний, высказываемых в книге без применения математических формул, необходимо отметить идею вариационности как основы музыкального развития (проблематика математического выражения этой идеи на более широкой основе также рассматривается нами в [8]) и приближения к идее зонной природы музыкального слуха (характеристика звуковых составляющих высотно-громкостных «сеток»). Интересный вклад в дискуссию по проблематике программности в музыке представляет поддержанная Ксенакисом идея (высказанная композитором М. Филиппо) предварительного построения «органиграмм» создаваемых композиций (гл. 1), в том числе – с применением алгебры множеств (гл. 5). Частично эта проблема рассмотрена авторами статьи в работах [3; 4; 8].

Таким образом, несмотря на то, что архитектурная «постройка» книги Ксенакиса включает в себе известные черты недовершенности в соотношении различных аспектов музыкально-логической системы, она содержит в себе также стимулы к дальнейшему продвижению по намеченным в книге путям исследования, предполагающему творческий подход со стороны читателя. Эти стимулы уже по самой их природе составляют несомненное достоинство книги; однако и те бесспорные исторические достижения, которые реально присутствуют в этой работе, позволяют рассматривать ее в ряду классических трудов по музыкальной композиции и теории музыки.

- [1] Гейн А.Г. О формализации понятия гармонического «поля» // Всесоюзная школа молодых ученых и специалистов «Свет и музыка». – Казань: КАИ, 1979. – С. 77–78.
- [2] Гейн А.Г., Цеханский В.М. Психологические проблемы компьютерного обучения // ЭВМ и проблемы музыкального образования. – Новосибирск: НГК, 1989. – С. 31–49.
- [3] Горбунова И.Б. Информационные технологии в музыке. Т. 3. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 411 с.
- [4] Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Кибиткина Э.В. Музыкальное программирование. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.
- [5] Заливадный М.С. Измерение семантического пространства музыки // Семинар «Синтез искусств в эпоху НТР». – Казань: КАИ, 1987. – С. 110–112.
- [6] Заливадный М.С. Теоретические проблемы компьютеризации музыкальной деятельности / Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2000. – 23 с.
- [7] Заливадный М.С. О теории ритма А.С. Оголева // Памяти М.А. Этингера. Сборник научных статей. Вып. 1. – Астрахань: Астраханская песня, 2006. – С. 30–37.
- [8] Заливадный М.С., Бурштын Л.Н., Будейкина Т.Б. Преобразования музыкальной темы: движение теории музыки навстречу математике // Научная сессия ГУАП (Государственного университета аэрокосмического приборостроения). Ч. II. Технические науки. – СПб.: СПбГУАП, 2008. – С. 95–97.
- [9] Заринов Р.Х. Кибернетика и музыка. – М: Наука, 1971. – 235 с.
- [10] Кон Ю.Г. О теоретической концепции Янниса Ксенакиса // Кризис буржуазной культуры и музыка. Вып. 3. – М., 1976. – С. 106–134.
- [11] Ксенакис Я. Формализованная музыка. Новые формальные принципы музыкальной композиции. – СПб.: СПбГК, 2008 – 117 с., илл. (Перевод хранится в отделе иностранной литературы Научной музыкальной библиотеки С.-Петербургской гос. консерватории).
- [12] Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики (1927) // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 195–392.
- [13] Мессиаен О. Четыре ритмических этюда (1950). – Л.: Музыка, 1974. – 42 с.
- [14] Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы. – М.: Мир, 1967. – 337 с.
- [15] Пучков С.В., Светлов М.Г. Компьютерные музыкальные технологии. – СПб.: СПбГУП, 2005. – 212 с.
- [16] Смирнова М.В., Соловьева Н.А. Анализ исполнительских интерпретаций и математические методы исследования // Современное музыкальное образование-2002. Материалы Международной научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 94–99.
- [17] Соловьева Н.А., Бурштын Л.Н. Комплексная модель семантического пространства музыки: основы структуры и возможности применения // VI научная сессия аспирантов ГУАП. Ч. 1. – СПб., 2003. – С. 302–303.
- [18] Танеев С.И. Подвижной контрапункт строгого письма (1909). – М.: Музгиз, 1959. – 383 с.
- [19] Чибирев С.В. Исследование математических моделей, разработка алгоритмов и интерфейса программного комплекса обработки звуковых фрагментов в формате MIDI / Автореф. дисс. ... канд. технич. наук. – СПб., 2007. – 18 с.
- [20] Эйлер Л. Опыт новой теории музыки, ясно изложенной в соответствии с непреложными принципами гармонии. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 273 с.
- [21] Hiller L.A., Isaacson L.M. Experimental Music. Composition with an Electronic Computer. New York – Toronto – London: McGraw-Hill, 1959. – 176 p.
- [22] Xenakis I. Musiques formelles // La Revue musicale, № 253/254. Paris, 1963. – 233 p. (Данные последующих изданий книги (на английском языке): Xenakis I. Formalized Music. Thought and Mathematics in Composition. Bloomington – London: Indiana University Press, 1970 (2nd print 1972). – 273 p.; Xenakis I. Formalized Music. Thought and Mathematics in Music. Stuyvesant and Hillsdale, N. Y.: Pendragon Press, 1992 – 387 p.)

ВИЗУАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА И ЭСТЕТИКА МОДЕРН В РОССИЙСКОМ КИНО

Стиль модерн рубежа XIX–XX вв. впервые исследуется в пространстве современного российского кинематографа, в котором он широко представлен в фильмах-экранизациях, фильмах-стилизациях, фильмах-биографиях.

Ключевые слова:

визуальность, культура ракурса, модерн, синтез искусств (гезамткунстверк), стилевое пространство, стилизация.

Кинематограф и стиль модерн как явления возникают практически синхронно, однако долгое время модерн остается на маргиналиях экрана, не уделяющего должного внимания стилиевой рефлексии. Лишь с 1980-х гг. российский кинематограф начинает осознанно осваивать эстетику модерна, выводя из «фонового» режима, делая основой произведения – морфологической, идеологической, эстетической, дифференцируя локальные варианты: либерти, сецессион, северный модерн. В предлагаемой статье мы рассмотрим формы использования стиля модерн в российском кино двух последних десятилетий, учитывая, что подобного исследования не проводилось ранее – возможно, в связи с тем, что данная тема возникает на стыке искусствоведения, истории стилей и киноведения, требует культурологического синтеза, чем и обусловлена специфика подхода.

Стиль модерн в кинематографе проявляется как в простом использовании соответствующего декора и антуража в интерьере и экстерьере, так и в стилизации кадра, в интертекстуальных диалогах внутри произведения, в морфологии самой кинореальности. Среди наиболее удачных примеров *целостной* визуальной стилизации следует назвать фильмы А. Сокурова «Скорбное бесчувствие» (1987), О. Тепцова «Господин оформитель» (1988), В. Грамматикова «Сестрички либерти» (1990), Ж. Бардавила «Откровения незнакомцу» (1995, совместный франко-российский проект), А. Германа-мл. «Гарпагум» (2005), Т. Воронцовкой «Натурщица» (2007). Удачные примеры *частичной стилизации* можно наблюдать в фильмах А. Иванова «И вечный бой» (1980), А. Сахарова «Лестница» (1989), В. Панина «Захочу – полюблю» (1990), А. Учителя «Дневник его жены» (2000), С. Соловьева «О любви» (2003), К. Серебренникова «Рагин» (2003), А. Балабанова «Морфий» (2008), и некоторых других. Наиболее часто используемые

элементы стиля модерн в кинематографе: 1) специфическая организация внутренне-пространства дома, соединяющая принцип разомкнутости пространственной формы (разворачивающейся по спирали вдоль изогнутой оси лестницы) с принципом художественной самости комнат как отдельных эстетических миров (заданного ещё Ж.-К. Гюисмансом в романе «Наоборот» [3, с. 51–80]); 2) обыгрывание элементов интерьера в стиле модерн; 3) использование произведений изобразительного искусства модерна в качестве интерьерных/экстерьерных знаков; 4) трансформация кинореальности в «стилизованную реальность» модерна всеми доступными художественными средствами.

Основа стиля – «линия Орта» или же обривовская линия «удар бича» внедряется в кинематограф, становясь композиционной основой кадра, хронопируя фильм. Искусствоведы видят в ней *линейный символ* (см.: С. Николаева. Эстетика символа в архитектуре русского модерна) [5, с. 121], простейший, но насыщенный смыслами. Киновед К. Добротворская показывает в своей статье о «Скорбном бесчувствии» А. Сокурова, как линия модерна образует композиционную основу фильма, отражаясь в движении фильма, «прихотливом, асимметричном, на первый взгляд бесструктурном», в его эстетическом пространстве, в изгибах «S-образных фигур» героинь [1, с. 90]. Различные модальности внедрения линии модерна в композицию фильма имеют множество вариантов. Так, в фильме Т. Воронцовкой «Натурщица» *несущая кривая* маркирует *пространство европейского модерна*, не оставляя места прямым линиям в интерьере или экстерьере. Это пространство явлено в воспоминаниях (флешбеках) главной героини (бывшей жены писателя-символиста Станислава Пшибышевского) и противопоставлено модерну провинциальному (Тифлис, место действия фильма), кото-

рый характеризуется скрупулезностью в подборе мелочей: резной стилизованный растительный мотив с геометрически вычерченной листвой – на спинке кровати светлого дерева, геометрический узор модерна, намекающий на вагнеровский сецессион – на оконных портьерах, кривые, расходящиеся книзу треугольником линии – на спинках стульев, витражная лампа стиля Тиффани на прикроватном столике, кривая линия стеклянной ширмы, обрамляющая этот тщательно подобранный гостиничный декор.

Черная текучая линия как основа интерьера модерна (на сей раз стилизованного, воссозданного в современности) в фильме «Сестрички либерти» связана с колористической символикой, акцентирующей «скорбные тона» (С. Николаева) [5, с. 137]; она обрамляет (обтекает) двери, окна, спинку кровати, раму зеркала, сочетаясь с графичностью расписных панелей, которые своим лаконичным рисунком апеллируют к рисункам тканей основателей стиля либерти – Артура Либерти и Артура Сильвера [8, с. 88]. Черно-белый графический ряд Обри Бердслея в визуальном ряде фильма дополняет ее плавными закруглениями «Черного капота» и «Павлиньей юбки» из иллюстраций к «Саломее».

Возможны альтернативные примеры применения стиля в кино. В фильме «Гарпастум» преобладает сдержанность позднего модерна, выстроенная на контрасте между четкой графичностью черных контуров, геометрического рисунка в фоновых элементах интерьера и размытым живописным фоном в кофейно-сизой гамме, а также на доминировании вертикалей, визуально удлинняющих силуэты, нарушающих пропорции. Из деталей, сообщающих интерьеру одновременно интертекстуальность и анонимность, стоит отметить терракотный бюст девушки с подсолнухами, напоминающей по своей стилистике раннее творчество О. Родена (например, «Девушка с розой на шляпе», 1870), а также фоновое панно с аллегорической фигурой, изображенной в парении или падении, отсылающей композиционно к «Демону поверженному» М.А. Врубеля, а стилистически – к живописи Ж. Дельвиля с его мягкой размытостью клубящихся очертаний, «живописью визуального намека» (особенно к полотну «Сокровища сатаны»). Здесь вспоминается замечание Д. Сарабьянова о том, что врубелевскому Демону «не надо тратить усилия на то, чтобы установить взаимодействие между своей пло-

тью и этой бездной, чтобы войти в нее. Он вылеплен из того же вещества, что и она» [6, с. 78]. Эта визуальная метафора континуального падения в бездну служит фоном появления в фильме поэтов Серебряного Века – Александра Блока, Осипа Мандельштама, Владислава Ходасевича.

Петербургский деревянный модерн является главной визуальной темой фильма Ж.Бардавила «Откровения незнакомцу» по сюжету повести Валерия Брюсова «Последние страницы из дневника женщины», который перенесен авторами фильма из Москвы в Петербург. Этот сценарный ход усилил в фильме не только тему «имперскости», но и визуальную тему модерна. Изысканный деревянный модерн интерьера Елисеевского магазина, изогнутые линии которого тронуты позолотой; модерн загородного дома с аскетичной резной отделкой, распространенный на севере Петербурга; деревянные детали экстерьера петербургских улиц: тяжелые дубовые двери с резьбой в виде дубовых листьев и криволинейными позолоченными ручками, соответствующее обрамление витрин; фрагменты «кружевной» деревянной резьбы, внутренняя лакированная отделка трамвайчика на Невском и т.п.

Пространства модерна и «не-модерна» сосуществуют в кино, конкурируя по линиям взаимовытеснения. В фильме «Господин оформитель» пространство модерна вторгается в пространства «традиционные» в ситуации «преобразования» (философский концепт фильма) консервативного загородного дома комерсанта Грильо в произведение «нового стиля». Художник «оформитель» осуществляет экспансию своего внутреннего мира в микрокосм заказчика, так «вместо массового типа загородного дома появляется потребность в создании дома для избранного заказчика, способного оценить новаторские поиски архитектора. Так возник особый жанр – “дом художника” или “дом для любителя искусства”, который приобрел особое значение в архитектуре модерна» [2, с. 88].

Дом модерна как главное действующее лицо произведения объемлет, преобразует, диктует – словом, *действует* в целом ряде фильмов (подобно тому, как в романе «Наоборот» Ж.-К. Гюисмана дом модерна организует вокруг себя нарратив [3], в романе «Москва» Андрея Белого – *действует* всеми скульптурными элементами: двенадцать старцев (мотив пророчества), семь горестных жён (отсылка к семи убитым жёнам Синей Бороды – главного героя Мандро), голова андрогина (ключевой символ мо-

дерна – в сочетании с «овальными линиями лилий»), символируя собою фатум, грех, тщетное предостережение. Кроме фильма «Господин оформитель», развернувшего *символистскую философию дома*, стоит назвать фильмы, где дом модерн обращён в метафору фатума («Сестрички либерти»), жизненной безысходности («Лестница»), не утратив своих свойств в современности. Единственный носитель этого знания – декадентский фотограф в фильме «Сестрички либерти» воскрешает пространство дома стилистически, позволяя ему жить в персонажах уже осознанной жизнью. Фильм «Лестница» буквализует принцип *перетекающего пространства* в модерне, искривленного, «завязанного в узел», улавливающего персонажей: спуститься по лестнице к выходу невозможно, на одном и том же этаже соседствуют окна чердачные и подвальные и пр.

Трудно назвать отдельные «кинематографические гимны» архитектуре модерн, однако самые «знаковые» здания московского и петербургского модерна в кино «сыграли». В двух экранных версиях повести В.Я. Брюсова «Последние страницы из дневника женщины», «московской» и «петербургской», фигурирует 1) экстерьер московского особняка Рябушинского, арх. Ф. Шехтель, 1900–02 (фильм «Захочу – полюблю») – в качестве особняка Веры, подруги главной героини; 2) интерьер Елисеевского магазина на Невском проспекте, арх. Г.В. Барановский, 1900–03 (фильм «Откровения незнакомцу»). Дом Зингера (арх. П. Сюзор, 1902–04) на Невском проспекте появляется в монтажной экспозиции города в самом начале телесериала В. Ордынского «Хождение по мукам» (1974) (по мотивам А.Н. Толстого) как противопоставление «новой эстетики» визуальным штампам классического петербургского кинотекста. Возникают свои визуальные штампы модерна в кино: доходный дом архитектора А.С. Хренова, построенный по его проекту в Петербурге на ул. Таврической в 1908–09, «играет главную роль» в комедии-модерн Э. Рязанова «Ключ от спальни» – в нем обитает «поэт-декадент Менелай Иваницкий» (С. Маковецкий); парадный подъезд этого же дома появляется в фильме «Гарпастум», где по сценарию находится квартира сербки Аницы, хозяйки декадентского салона (Ч. Хаматова). Однако в других кадрах фильма «Гарпастум» дом Аницы изображает другое известное здание петербургского северного модерна – особняк Форостовского на 4-й линии В.О. (арх. К. Шмидт, 1900–01), известный своим

богатым декором, солярной символикой в оформлении фасада. Ещё одно известное произведение северного модерна с чертами неоклассицизма – особняк Кшесиньской (арх. А. фон Гоген, 1904–06), фигурирует в фильме М. Коростышевского «Игра в модерн» в похожем сюжетном контексте – как особняк польской (драматической) актрисы, состоящей в связи с высокопоставленным лицом – генерал-губернатором Санкт-Петербурга.

Эстетический метаязык утилитарных элементов интерьера, невторостепенных, «стиленесущих» или же «сущих в стиле», возникает в едином пространстве фильмов, стилизующих модерн: это язык окна, язык ширмы, язык зеркала, язык лестницы – каждый из этих элементов интерьера предельно символически нагружен. *Язык окна* – циклопического окна модерн – «говорит» в фильмах «Лестница», «Сестрички либерти», «Дневник его жены», подчеркивая атмосферу тревожности. *Язык ширмы*, несущей иллюзию разграничения в открытом пространстве, в кинематографе инвертирует ее изначальную утилитарную функцию: стеклянная ширма в фильме «Натурщица» заключает интимные сцены в изогнутую раму модерн – «виньетировать» их; в фильме «Про уродов и людей», не скрывая, изламывает, фрагментирует тело раздваивающейся героини геометрическим узором стекла (что соответствует происходящей ломке ее идентичности по сюжету); псевдояпонская вышитая шелковая ширма в фильмах «Жизнь Клима Самгина», «Ключ от спальни» включена в движение фигуры соблазна, театрализуя действия персонажа соблазняющего, возникающего внезапно, как из-за кулис; ширма – обязательный атрибут стиля модерн в кино. *Язык зеркала* связан с декадентским мотивом «двойничества»: огромное зеркало в скульптурной гипсовой раме в стиле работ А. Голубкиной в фильме «Захочу – полюблю» по В. Брюсову отражает фундаментальный нарциссизм героини; высокое удлиненное зеркало в черной резной раме в фильме «Сестрички либерти» символизирует проблему взаимоотражения и взаиморастворения сестер-близнецов, огромный трельяж в фильме «Мания Жизели» символизирует расслоение (растроение) идентичности балерины Ольги Спесивцевой.

Несколько подробнее следует рассмотреть целую *поэму лестницы*, созданную кинематографом о модерне. Ещё в начале XX века, у Евгения Бауэра возникает хрестоматийная эстетизованная сцена перекрещивания ритмов повторяющихся

лестничных мотивов в стиле модерн и движущихся ног (фильм «Дитя большого города», 1914). Кинематограф *анимирует* заложенную в композиции лестницы модерн интенцию движения по ней, от которого она неотделима: это движение сопровождается тягучим ритмом, криволинейностью и плавностью траектории черного женского силуэта в фильмах «Господин оформитель», «Лунные поляны», звуковым рядом «глухого стенания времён» по А. Белому в фильме «Сестрички либерти» и его экспликацией в фильме «Лунные поляны»: мучительное восхождение сопровождается историей о владелице дома, чахоточной графине, умершей на двадцать седьмой ступеньке лестнице со вздохом, «который отныне здесь всегда всегда». Спиралевидная композиция лестницы, увиденной снизу как закручивающаяся *раковина* в фильмах «Хождение по мукам», «Лестница», «Анна Карамазофф», «Игра в модерн» и др. отсылает к еще одному популярному символу модерна. В логике символизма лестница соотносится с *гибелью*, которая (в этой же логике) есть и соблазн, и смерть; гибелью, в метафоре *восхождения* отсылающей к очевидным образам христианского мифа и фрейдистского психоанализа, поэтому лестница – это место кульминационных сцен в кино, перенасыщенное при этом декоративными элементами модерна: витражные окна или же круглые окна наподобие слуховых, геометрический декор перил, лепные карнизы, витражный стеклянный потолок, стеклянные лифты и пр. Фильмы «Счастливые дни», «Про уродов и людей», «Анна Карамазофф» являют собою дурную бесконечность хождения по петербургским лестницам, а фильме «Лестница» она же служит главным действующим лицом, улавливающим, «губящим без возврата» (по тому же Белому), воплощением невозможности линейной логики – и выхода.

Кинематограф активно эксплуатирует изобразительное искусство эпохи модерна как интерьерный фон, как символический ряд, как тему. В этом отношении подлинной антологией живописи символизма стал в 1988 году фильм «Господин оформитель», открывший эту тему и эти произведения впервые для многих зрителей. В них как в символах раскрываются ключевые темы фильма: деструктивного женского начала (Ф. фон Штук – «Саломея», «Грех»), дьявольского дерзания (Ж. Дельвиль «Сокровища сатаны», М. Клиндер «О смерти»), творчества, связанного с безумием и смертью (А. Бёклин «Автопортрет со смертью», ра-

боты О. Редона из «черного» и «цветного» периодов и т.д.) Мы упоминаем здесь только основные произведения, использованные в фильме, т.к. тема живописных аллюзий «Господина оформителя» заслуживает отдельного исследования.

В фильме Т. Воронцовской «Натурщица» на стыке двух живописных тем – темы Эдварда Мунка, фигурирующего в фильме как персонаж и историческое лицо, и анонимного грузинского художника, в стилистике которого угадывается Нико Пиросмани, внезапно возникает третья, завуалированная: лик Христа работы Франца фон Штука, который авторы фильма используют в качестве иконы «моргающий Христос» (закрывающий и открывающий глаза в зависимости от ракурса) в грузинской церкви в Тифлисе (подобная икона действительно известна в Грузии, в монастыре Джвари). Встречается и фоновое использование произведений модерна, «удостоверяющее присутствие стиля» в интерьере: Обри Бердслей в фильме «Сестрички либерти», Альфонс Муха в фильме «Игра в модерн» и т.п.

Выстраивание кадра в стиле модерн, его стилизация является отдельной формой работы кинематографа с искусством того направления, которое само, по выражению Д. Сарабьянова, «теряя из поля зрения реальность, стилизует уже не ее самое, а готовую стилизацию» [7, с. 180]. Часто кинематографическая интерпретация произведений искусства той или иной эпохи «ложится в основу изобразительного ряда фильма и оказывает значительное влияние на поиск художественных образов персонажей» [4, с. 130]. В фильме «Скорбное бесчувствие» есть кадры, стилизованные под живопись прерафаэлитов (Уотерхауса, в первую очередь) в характерной для них «болотной» цветовой гамме. В эксцентричной ретро-комедии «Ключ от спальни» лицо актрисы Е. Крюковой, возникающее постепенно в дымчатом стекле двери, буквально «вписано в раму модерна» (дверную, с окантовкой из нарочито грубо обработанного металла) как витражное или мозаичное панно – или же как живопись с крупным мазком, отсылающая к манере письма и лилово-изумрудно-ультрамариновой цветовой гамме Врубеля (к «Азраилу», «Сирени», «Жемчужине»). Раскрытие излюбленной модерном «павлиньей» темы происходит в фильме «Игра в модерн», где мы видим актрису со спины, медленно удаляющейся от зрителя, уменьшаясь в кадре – она постепенно разворачивает по шахматному полу шлейф, расшитый павлиньими

перьями, демонстрируя профиль – вся эта сцена, решенная в сапфировых тонах, раскрывает тему нарциссизма и отсылает к «Павлиньей юбке» О. Бердслея. Эти статичные «ракурсы», прихотливо-асимметричные и максимально эффектные, соответствуют характеру визуальной культуры модерна, которую можно определить как *культуру ракурса*.

Но стилизация в кинематографе, обращенном к модерну, неизбежно выходит за рамки сугубо визуального, стремясь в синтезе искусств отразить возможно более полное чувственное ощущение пространства модерна – аудиальное, пластическое и практически тактильное. *Модерн ретроверсивно стилизует саму кинореальность*. «Композиционно несущая» линия модерна длится в жесте, в звуке; наиболее близкая к ней природная форма – тонкая вьющаяся струя дыма с ее нервными изломами. В фильмах «Господин оформитель», «О любви», «Натурщица» линия сигаретного дыма выстраивает кадр, ритмически дополняя изогнутую линию в статике интерьера. «Текучесть» линии модерна обыгрывается в мотивах воды, водных капель: в фильме «Натурщица» струйки воды с протекающего потолка в тифлисской гостинице, где происходит любовная сцена, вначале

фантастически обвивают стены и окрашивают потолок бледными разводами, а затем образуют *струящуюся реальность*, пронцаемую для образов прошлого, пропускающую сквозь себя фантомы, хронометрируют эту реальность падающие капли. В фильме «О любви», в последней новелле «Володя», тот же эффект *струящейся реальности* создается отраженными колебаниями воды в большой ванне, спроецированными на полутемную мрачную стену; капли вперемешку со стеклянными бусинами превращаются в эротанатический символ пота любовного и предсмертного, в контексте самоубийства подростка Володи, последовавшего сразу за его сексуальной инициацией.

В нашем тексте мы постарались максимально представить проявления визуального стиля модерна в современном российском кинематографе и сделать попытку обоснования некоей единой «визуальной парадигмы» модерна, образуемой «стилизуемым» кино. Кинематограф сумел «анимировать» искусство модерна, в котором во всех его проявлениях заложена интенция движения; в нём модерна нашел завершение идеи *синтеза искусств* (гезамткунстверт), синхронизированных в едином ритме и творящих целостную суггестию.

Список литературы:

- [1] Добротворская К.А. «Скорбное бесчувствие» и эстетика модерна // Сокуров: [сборник]. Кн.2. – СПб.: Сеанс, 2006. – С. 89–92.
- [2] Горюнов В.С., Тубли М.П. Архитектура эпохи модерна: Концепции. Направления. Мастера. – СПб.: Стройиздат, 1992. – 360 с.
- [3] Гюнсманс Ж.-К. Наоборот. – М.: Флюид, 2005. – 240 с.
- [4] Катаева О.Б. Иконопись как первооснова художественного образа сцены взятия Казани в фильме С.Эйзенштейна «Иван Грозный». // Общество. Среда. Развитие. – СПб, 2012, № 2. – С. 129–134.
- [5] Николаева С.И. Эстетика символа в архитектуре русского модерна. – М.: Директмедиа паблишинг, 2003. – 192 с.
- [6] Сарабьянов Д.В. Русская живопись: вид сбоку // Русская живопись. Пробуждение памяти. – М.: 1998. – С. 66–125.
- [7] Сарабьянов Д.В. Стиль модерна: Истоки. История. Проблемы. – М.: Искусство, 1989. – 293 с.
- [8] Стерноу С.А. Арт нуво: дух прекрасной эпохи. – Белфаксиздатгрупп, 1996. – 128 с.

МИР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК: 63.5(2)
УДК: 391.1 (Р47)

А.Э. Жабрева

«ЗАПОНА НА НЕЙ С КАМЕНЬЕМ, ПЕТЛИ ЖЕМЧЮЖНЫЕ...»: КОСТЮМ РУССКОГО ДИПЛОМАТА КОНЦА XVII В. ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПОТЕМКИНА (ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Сопоставляются изобразительные источники – живописные портреты русского дипломата П. И. Потемкина (1617–1700), выполненные западноевропейскими художниками Г. Неллером и Х. Карреньо де Миранда во время его пребывания за границей, и письменные документы, близкие к этому периоду. На их основе анализируются основные элементы представительского костюма, главным назначением которых была демонстрация статуса посла крупного могущественного Московского государства. Анализируются названия элементов костюма.

Ключевые слова:

английская живопись, изобразительные источники, испанская живопись, история, костюм, XVII в., письменные источники.

В русском искусстве XVII в., еще пронизанном церковными канонами, лишь намечались светские черты: живописцы еще писали условные черты конкретного человека, одежды соответствовали традициям, которые предписывались сводными Подлинниками XVI в. Поэтому в поисках изобразительных источников для истории русского костюма исследователи обращаются к произведениям западноевропейской живописи, в которой уже сложился тип парадного портрета; художники достигли высочайшего мастерства в изображении лица и рук, фактуры тканей и блеска драгоценностей.

Первыми русскими людьми, чьи изображения были сделаны иностранными художниками, становились дипломаты – посол З.И. Сугорский (гравюра «Изображение русского посольства, представлявшего под начальством Захара Ивановича Сугорского императору Максимилиану II на Регенсбургском Сейме в 1576 г.»), посол в Венеции И.И. Чемоданов (живописный портрет неизвестного художника, 1657 г.), российское посольство в Англию в 1662 г. во главе с боярином С.П. Прозоровским (групповой портрет неизвестного художника), Я.Ф. Долгоруков и члены его

посольства в Париже в 1686 г. (четыре гравюры) и некоторые другие.

Исключительное место в ряду этих памятников занимают два портрета боярина Петра Ивановича Потемкина (1617–1700), созданные в период его посольской миссии во Францию, Испанию и Англию (1680–1682).

Наиболее известен поясной портрет Потемкина, написанный английским художником Годфри Неллером (1682, Государственный Эрмитаж, Оружейная палата) [6, с. 43; 18, с. 165]. Это полотно издавна привлекало внимание историков костюма благодаря запечатленным на нем роскошным одеждам. Менее известна в истории русского костюма работа испанского живописца Хуана Карреньо де Миранда (ок. 1681–1682, Музей Прадо), где Потемкин представлен в полный рост [11, с. 152].

Внимание на обоих портретах привлекает не только умное неприоричаемое лицо, спокойная и полная достоинства осанка. Большое значение в облике посла имеет роскошный наряд, свидетельствующий о его высоком социальном положении и важной миссии.

Петр Иванович Потемкин (1617–1700), происходивший из старинного боярского

рода, начинал карьеру с военной службы: во время войны с Польшей уже был воеводой, взял польский Люблин (1655 г.) и шведский Ниеншанц (1656 г.) [9,10, 24]. Будучи стольником, а затем думным боярином и окольным, он участвовал в разных церемониях московского двора, в том числе присутствовал при крещении царевича Петра Алексеевича. Во времена правления царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича он стал крупным дипломатом и возглавлял посольства: в 1667–1668 гг. – в Испанию и Францию, в 1674 г. в – Вену, в 1680–1682 гг. – во Францию, Испанию и Англию. В Англии Потемкин находился с 21 ноября 1681 г. по 15 февраля 1682 г. и был принят королем Карлом II. Русский посол живо интересовался историческими памятниками, осматривал достопримечательности, посетил театральное представление, выказал незаурядные знания и художественный вкус. Можно предположить, что по примеру многих представителей английской и заезжей знати боярин заказал свой портрет известнейшему в то время в Англии художнику. Индивидуальные черты, так детально переданные художником, свидетельствуют о том, что Неллер писал с натуры, однако упоминаний о том, что он встречался с русским послом, нет [18, с. 164]. Обстоятельства написания портрета Потемкина испанским художником неизвестны.

Платью издавна отводилась важная роль в придворных церемониях, предметы одежды, драгоценные ткани, меха и оружие служили дипломатическими подарками не только в Московском государстве, но и во всех странах Европы. Роскошный наряд Потемкина, запечатленный европейскими художниками, как нельзя лучше подходил послу великого Московского государства. Своим внешним видом стольник подчеркивал богатство и мощь страны, по пути следования и во время приемов он часто менял наряды, имея, очевидно, их необходимый запас. В журнале «Mercure gallant», где немало страниц посвящено описанию русского посольства, отмечено, что на пути следования в Париж, боярин переодевался каждый день по одиннадцать раз [25, с. 248–249]. Сам Потемкин, в «статейном списке» – официальном отчете о своей миссии во Францию (подобного источника о пребывании в Англии и Испании не обнаружено) – несколько раз упомянул «посольское платье», однако его описания не дал [13].

Нет единого мнения относительно того, как следует называть одежды и головной убор Потемкина, запечатленные кистью

английского художника. В «Древностях Российского государства» читаем: «Сверх травчатой фрезы, подпоясанный тесьмою с пражкою, на Потемкине ездовая шуба на распах, с откидными рукавами; на крышке ее нашивки с жемчугом и драгоценными камнями; на бедре у него висит кортик, в руке он держит трость. Шапка его с собольим околышем украшена богатою запоною, драгоценными камнями и жемчугом, из коих состоит перо, служившее убранством ездовых шапок» [3, с. 49]. Автор одного из первых исследований по истории русского костюма В.А. Прохоров описывал его живописный наряд иначе: «Нижний кафтан из персидской материи с цветами, малиновый пояс с золотой пражкою, к которому привязан длинный кинжал, в роде ножа: соболья шуба его, с откидными рукавами, покрыта золотой парчой, у застежек широкие узоры из жемчуга и дорогих камней. Шапка – столбунцом опушена соболем, верх из желтой материи украшен дорогими камнями и жемчугом, на шапке украшение

Прием Русского посольства Людовиком XIV в 1681 г. Фрагмент гравюры XVII в.

в роде пера также из жемчуга» [12, вып. 7, с. 48]. Историк материальной культуры М.Г. Рабинович, считая его наряд «типичным» писал: «Потемкин изображен в мурмолке с бриллиантовым аграфом, в опушенной мехом ферезее, из-под которой виден еще другой кафтан, подпоясанный широким матерчатым кушаком» [4, с. 102]. В «Энциклопедии моды» Р.П. Андреевой верхняя одежда посла обозначена как «опашень, выходная и повседневная одежда боярина 17 в.» [22, с. 265]. Во всех изданиях предметы великолепного одеяния русского посла называются по-разному, что отражает объективную картину раздельного существования текстовых и изобразительных источников. Рассмотрим подробнее предметы, составляющие костюм московского посла.

Нижняя из двух одежд Потемкина сделана из парчи или атласа, по ее серебристо-перламутровому фону зеленым и красным шелком вытканы цветы. Это, вероятно, терлик или становой кафтан, отличительными особенностями которых являлись свободные в верхней части и зауженные к кисти рукава и застежка сверху до низу. На портрете работы Неллера хорошо видны часто посаженные пуговицы, идущие от верха до пояса. Они словно собраны из небольших шариков, вероятно жемчужин, и прекрасно гармонируют с перламутровым фоном узорчатой ткани кафтана. Вертикальная планка обрамлена золотой парчой или шнуром.

На полотне, созданном испанским художником, нижнее, распашное, сшитое из алого шелка, платье Потемкина украшено на груди не только пуговицами (посаженными более редко), но и тремя парами нашивок, выполненных очевидно, шелковыми и золотыми нитями. Они расположены симметрично по обеим сторонам планки с застежкой, окантованной золотым шнуром.

Разнообразные нашивки (торчковые нашивки – узоры в виде цветов, розеток и трав, вышитые шелком, и «образцы» – более дорогие, сделанные с использованием золотой нити и жемчуга [16, с. 12; 23, с. 76]), часто использовались для декорирования одежд в XVII в. Подобные украшения встречаются в описях имущества боярина Михайла Татищева (начало XVII в.) [8], царя Алексея Михайловича (середина XVII в.) [2]. В царском гардеробе нашивки были в основном серебряные и золотые с разноцветными камнями и алмазами, с кистями пряденого золота. В обиходе боярина значились нашивки как более простые – из тафты и киндяка на повседневных платьях, так и

побогаче – из шелка и серебра. Их количество, судя по описям, могло доходить до 12, украшались ими любые одежды – зипуны, однорядки, ферезеи, кожухи.

На обоих портретах нижнее платье Потемкина выше талии перехвачено драгоценным поясом с фигурной пряжкой – непременным аксессуаром мужского костюма того времени.

Верхнее платье изготовлено из дорогой тяжелой ткани – парчи или атласа золотого цвета с крупным разноцветным узором и подбито соболями (возможно из числа тех, что выданы были ему для посольства на сумму 600 рублей) [13, с. 682]. Платье отделано широким отложным собольим воротником и имеет откидные рукава, заложенные за спину. Спереди оно украшено нашивками с крупным жемчугом и драгоценными камнями. Узор этих нашивок гармонирует с крупными орнаментальными розетками самой ткани. Видны также шнуры с крупными кистями с жемчужными или канительными «ворвоками», а также пуговица.

Похожая одежда описана уроженцем Саксонии Адамом Олеарием, посетившим Московское государство в 1634 и в 1636–1639 гг. «У верхних кафтанов назади, на плечах, делается широкий воротник; спереди и по бокам разрезы, обшитые золотом, а иногда и жемчугом унизанным, шнурком, на котором висят длинные кисти. Рукава в этих кафтанах такой же почти длины, как и самые кафтаны, но чрезвычайно узки; надевая их, рукава эти собираются на руки во множество складок, так что едва возможно бывает высунуть из них руки наружу: иногда в ходьбе рукава эти распускаются с руки во всю длину, так что они висят гораздо длиннее рук...» [7, с. 160–162].

Одежда, подбитая мехом, традиционно считается шубой, однако, фасон верхней одежды Потемкина не соответствует двум основным видам шуб (русской и турецкой), бывших в употреблении в XVII в.: она недостаточно длинна и широка, не имеет застежек и характерных накладных петлиц, явно предназначена не для согревания, а для демонстрации богатства и знатности. Данная одежда не похожа на польскую шубу, вошедшую в моду в последней четверти XVII в. [17, с. 72–75, 81]. Она также не может быть названа однорядкой, которая шилась без подкладки. Похожим образом, «на опаш», «на опашку», т.е. без пояса или накидку, носился опашень – широкая длинная одежда, с длинными рукавами, сужающимися к запястьям, но он был разнovidностью летнего верхнего платья [4, с. 76].

*Р. Уайт. Портрет П.И. Потемкина.
Гравюра. Ок. 1682 г.*

*Хуан Карреньо де Миранда. Петр Иванович,
Ок. 1681–1682. Музей Прадо (Мадрид).
Холст, масло. 204×120.*

*Годфри Неллер. Портрет П.И. Потемкина.
1682. Государственный Эрмитаж (СПб.).
Холст, масло, 135×103,5.*

*Изображение с портрета стольника
Петра Потемкина. Рисунок Ф. Солнцева.
Древности Российского государства.
СПб., 1853. Отд. 4. Рис. 11. Фрагмент.*

Судя по описям, мехом подкладывались не только шубы, но и зимние фerezеи (фerezеи), что дает повод называть так платье, изображенное на рассматриваемых портретах. Действительно, фerezея, длинная и широкая, с откидными рукавами, шившаяся из дорогих материй и богато украшенная вышивкой, шитьем и жемчугом, была парадной верхней одеждой московской знати XVI–XVII вв. [4, с. 78]. Это видно и из описи имуществ Татищева, где несколько богатых фerezей упомянуты в числе первых среди одежд; фerezеи неизменно упоминаются первыми и в ряду одежд царя Феодора Алексеевича: «А на Великом Государе было платья: фerezея, объярь осинова, с уским круживом; кафтан ездовой, камка китайская брусничной цвет; зипун, тафта бела» [2, с. 646]. Из перечисляемых одежд фerezея очевидно была верхней. Поверх нее мог набрасываться лишь более широкий опашень [2, с. 648].

Действительно, в описях имущества одежды лишь называются, а их фасоны, размеры, особенности, отличающие одну вещь от другой, никак не характеризуются. Составители этих документов, дьяки или торговые люди, хорошо представляли эти отличия и не считали нужным специально фиксировать на этом внимание. Их целью было описание конкретной вещи как материального объекта, обладающего той или иной стоимостью. Поэтому они так тщательно описывали ткани, меха, металлическое кружево; скрупулезно пересчитывали жемчужины, указывая их качество. Наличие таких деталей, как прорехи, пуговицы, кисти, шнуры, запоны, петлицы и т.д. имели значение не только для идентификации конкретной вещи, но и для определения ее цены. Эти сведения оказываются очень важными для исследователей костюма, но мало чем могут помочь в определении края той или иной одежды.

Представляется, что ближе всего по фасону верхнее платье Потемкина к венгерской или польской делии – разновидности богатой шубы, носившейся нараспашку [20, с. 504]. Позируя Неллеру, боярин надел свое богатое платье в прорези перед откидными рукавами. Другой способ ношения этого одеяния – внакидку – запечатлел испанский художник.

Эффектным завершением облика московского посла служит его головной убор, особенно хорошо видный на портрете работы Неллера. Высокая, с плоской тульей, несколько расширяющаяся книзу, опущенная мехом шапка посла, более всего соответствует описанию мурмолки: их

делали из бархата или парчи; вместо окольши имелись меховая опушка или отвороты, пристегивавшиеся петлями и пуговицами [17, с. 82]. Действительно, на обоих портретах Потемкина по обе стороны от запоны с пером и под ней видны жемчужные гроздья, служившие не только украшениями, но и петлями, которые крепили меховую опушку к тулье шапки. Описание похожего головного убора сохранил стартовый список самого Потемкина: «бархатную двоєморхую с соболем, запона на ней с камнем, петли жемчужные, цена той шапке со всем больша семидесят рублев», посол подарил в знак дружбы одному из придворных Людовика XIV [13, с. 293]. Известно, что мурмолки носили в основном молодые щеголи, а также бояре за границей вместо горлатных шапок, вызывавших смех иностранцев.

Если запоны разных форм были частым украшением выходных головных уборов и неоднократно встречаются в разных описях, то украшения в виде пера значительно более редки; они назывались «перо шапошное» или просто «перо» [23, с. 85]. Четыре пера указаны в описи имущества царя Алексея Михайловича [19, с. 73]. Подобные украшения имелись в гардеробе царя Федора Алексеевича: в «Выходах государей царей...» упомянута его «шапка, бархат ал, двоєморх, по морхам обнизано жемчугом, с запаны алмазными и с пером алмазным же» [2, с. 648].

Поскольку в истории русского костюма основной проблемой остается соотнесение изображения и названия, принять какое-либо одно мнение относительно названий одежд, изображенных Неллером и Карреньо де Миранда, невозможно. Наиболее логичным представляется назвать одежды, составляющие костюм посла, терликом и шубой, а головной убор мурмолкой (хотя сам он употреблял слово «шапка»). Невозможно судить и о том, было ли это роскошное платье в широком употреблении среди московской знати последней четверти XVII в. Подобный фасон верхней одежды запечатлен лишь на малоизвестном живописном портрете другого русского посла, Ивана Ивановича Чемоданова (1657 г.) [16, с. 43]. Отличаются цвета и узоры тканей, мягче формы головного убора, иная опушка, шире воротник, но в целом эти два костюма схожи.

В истории русского костюма наряд Потемкина занимает особое место не только благодаря живописному портрету Неллера, но и гравюрам с него, выполненным в то же время голландцем Дж. Блотелингом

и англичанином Р.Уайтом [6, с. 65; 15, т. 3, стб. 1824; 14, вып. 5, № 187, вып. 8, № 321; 18, с. 164]. На обоих гравюрах боярин представлен погрудно, но в разных ракурсах. Работа Р. Уайта интересна вдвойне: под поясным портретом в небольшом медальоне помещено изображение Потемкина в полный рост, благодаря чему мы видим, что его драгоценный наряд достигает щиколоток, а на ногах темные сапоги из мягкой кожи.

Цветная литография, подготовленная с этого изображения, вошла в «Древности

Российского Государства» [3, рис. № 11], а оттуда попала во многие отечественные и зарубежные издания. Художник А.Е. Земцов, иллюстрируя в 1889 г. статью историка и писателя П.Н. Полевого, создал свою версию портрета Потемкина, поместив его на фоне пейзажа с теремом вдали [21]. Портрет московского посла своей живописностью привлекал внимание многих художников XIX–XX вв., а в 1980-х гг. стал образцом для создания боярских одежд к фильму «Юность Петра».

Список литературы:

- [1] Вишневецкая И.И. Драгоценные ткани. – М.: Художник и книга, 2007. –179 с.
- [2] Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича (с 1632 по 1682 г.) / Изд. П. Строев. – М.: тип. А. Семена, 1844. – VIII, 702, 109, [5] с.
- [3] Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению: в 6 отд. / Рис. Ф.Солнцевым. – М.: хромолит. Ф. Дрегерга., 1853. Отд-ние 4: Древние великокняжеские царские, боярские и нарядные одежды, изображения и портреты. – [4], II, 88 с.
- [4] Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этногр. атласу / Отв. ред. М.Г. Рабинович. – М., 1986. – 272 с.
- [5] Жабрева А.Э. История русского костюма с древнейших времен до конца XVIII века на страницах журнала «Нива»: аннот. указ. и альбом ил. – СПб., 2006. – 740 с.
- [6] Незабываемая Россия = Unforgettable: Рус. и Россия глазами британцев XVII–XIX в.: каталог выставки. – М.: Трилистник, 1997. – 271 с.
- [7] Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / пер. П. Барсова. – М., 1870. – 1174 с.
- [8] Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году // Временник Имп. Моск. о-ва истории и древностей российских. Т. 8. – М., 1850. – С. 1–33.
- [9] Побединская А.Г, Сапунов Б.В. Посольство П.И.Потемкина 1680–1681 // У истоков русской культуры, XII–XVII век: сб. ст. – СПб., 1995. – С. 111–122.
- [10] Потемкин П.И. // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением А.А. Половцова. Т. 14. – СПб., 1905. – С. 682–685.
- [11] Прадо в Эрмитаже = El Prado en el Hermitage: каталог выставки / Гос. Эрмитаж, Нац. музей Прадо; науч. ред. Г. Финальди. – СПб.: Гос. Эрмитаж; Мадрид: Нац. музей Прадо, 2011. – 217, [6] с.
- [12] Прохоров В.А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые В. Прохоровым. СПб, 1871–1876. Вып. 1–7. (Русские древности, 1871–1876).
- [13] Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки / отв. ред. Д.С. Лихачев. – М.: Л., 1954. – 491 с.
- [14] Ровинский Д.А. Материалы для русской иконографии. – СПб., 1884–1891. Вып. 1–12.
- [15] Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1–4. – СПб., 1886–1889.
- [16] Русские ювелирные украшения 16–20 веков из собрания Государственного ордена Ленина Исторического музея / Г. Медведева, Н. Платонова, М. Постникова-Лосева и др. – М., 1987. – 343 с.
- [17] Русский исторический костюм для сцены: Киев. и Моск. Русь / сост. Н. Гиляровская. – М.: Л., 1945. –140 с.
- [18] С берегов Темзы – на берега Невы: шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже: каталог выставки / Под ред. Б. Аллена и Л. Дукельской. – [СПб.]: Гос. Эрмитаж, 1997. – 323 с.
- [19] Саввантов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Архива Московской оружейной палаты: с объяснит. указателем. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1865. – [2], 351 с.
- [20] Седов П.В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII в. – СПб., 2008. – 604 с.
- [21] Старинные русские одежды / Рис. А. Земцова // Нива. – 1889. – С. 857.
- [22] Энциклопедия моды / [Андреева Р.П.; отв. ред. М.Стерлигов]. – СПб., 1997. – 411 с.
- [23] Ювелирные изделия: иллюстр. типолог. сл. / Авт.-сост. Р.А. Ванюшова, Б.Г. Ванюшов. – СПб., 2000. – 239 с.
- [24] Galitzine N.V. La Russie du XVIIe siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale: récit du voyage de Pierre Potemkine envoye en ambassade par le tsar Alexis Mikhaïlovitch a Philippe IV d'Espagne et a Louis XIV en 1668. – Paris, 1855.
- [25] Mercure gallant. –1681. May.

ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. САМОКИША*

Рассматриваются особенности трактовки пейзажного жанра в творчестве известного художника-баталиста Николая Семеновича Самокиша (1860–1944). Поставлена проблема взаимосвязи батального жанра с пейзажем, который стал основой многих произведений художника (как живописных, так и графических). Художник представлен как большой знаток природы и любитель лошадей. Приводятся фрагменты воспоминаний Самокиша из его мемуаров и заметки о природе и о пейзаже из альбома «Война 1904–1905 годов. Из дневника художника».

Ключевые слова:

батальный жанр, живопись, иллюстрации, пейзаж, природа, рисунок, Самокиш Н.С.

Известный русский художник-баталист Николай Семенович Самокиш (1860–1944) родился в городе Нежине Черниговской губернии. История этого города, как и многих других городов юга России, была тесно связана с военной летописью и историей полков, поэтому незабываемые воспоминания у будущего художника оставили военные смотры Нежинского драгунского полка – участника многих крупнейших сражений русской армии. Но самые яркие впечатления детства Николая Самокиша были связаны с природой родного края: богатством растительного и животного мира, очарованием закатов, разнообразием осенних красок. В своих мемуарах художник позже напишет: «Я во всем видел непонятную мне, но привлекательную красоту. Часто бабушка спрашивала меня, почему я стою и смотрю вдаль. Но я, конечно, объяснить не мог. Мне хотелось удержать увиденные образы и чудесные цвета в памяти...» [7, с. 6].

Изображение природы стало непременной составляющей в создании общего фона и атмосферы произведений Самокиша. В работах художника обнаружилась тесная связь с пейзажем в трактовке батального жанра, который стал основой его творчества.

Становление Самокиша как художника проходило в то время, когда в русском искусстве пейзаж стремительно и смело развивался как самостоятельный жанр. Чуткое восприятие природы формировало особое художественное видение, которое, в свою очередь, было связано с развитием понятия живописной основы и находило отражение в творчестве художников-современников, работавших в других жанрах.

Во время работы над полотнами художнику-баталисту необходимо изображать не только действия армий, их обмундирование и военные регалии, но и место боя – мест-

ность, где разворачивались битвы. Чтобы верно передать обстановку, композиционно связать военные действия с ландшафтом, выбрать верную точку обзора, приходилось решать панорамно-перспективные вопросы, поэтому обладание знаниями и навыками художника-пейзажиста имело большое значение для творчества Самокиша.

Еще в годы учебы в батальной мастерской Академии художеств, Николай Самокиш интересовался особенностями создания пейзажей и присутствовал на занятиях профессора пейзажной живописи академика В.Д. Орловского¹. В своих мемуарах он оставил самые теплые воспоминания о замечательном пейзажисте [10, с. 63].

Интерес художника к природе проявился в работах, выполненных в сложной технике гравировки на меди, которой он овладел, посещая «Мастерскую для учащихся» профессора Л.Е. Дмитриева-Кавказского². Гравюры с изображением охотника с соколом, борзятника верхом на лошади, или гончих собак, представлялись художником в гармонии с природой. Лаконично, тонкими штрихами передан своеобразный пейзаж. Некоторые его работы вошли в «Подробный словарь русских граверов XVI–XIX веков», составленный Д.А. Ровинским [6].

В творчестве художника-баталиста пейзаж является сценическим пространством. И как декорации в театральных спектаклях несут определенную смысловую и композиционную нагрузку, так и при изображении театра военных действий пейзажу отводится далеко не последнюю роль. Это наблюдалось уже в дипломной работе Самокиша – картине «Русская кавалерия возвращается после атаки на неприятеля под Аустерлицем в 1805 году» (1885), где пейзаж сыграл важную роль в построении композиции. Одинокие трепетные деревца и развороченная пушками земля напоминают о разрушении природы человеком во время войны. Колорит полотна основан на кон-

* См. иллюстрации на 4-й стр. обложки.

трастах освещенных утренним солнцем фигур кавалеристов, темно-гнедых лошадей и приглушенных красок живописной опушки леса. Работая над пейзажем молодой художник обратился к профессору пейзажной живописи Ю.Ю. Клеверу³. В своих мемуарах Самокиш вспоминал: «Он (Клевер), внимательно посмотрев на мою картину, дал мне практические советы и ясные указания... я на другой день... совершенно переписал пейзаж» [10, с. 63].

Роль пейзажа также очевидна в батальных полотнах, выполненных художником для военно-исторического музея в Тифлисе: «Сражение при Авлиаре», «Сражение на реке Иори» и «Защита Наурской станицы» (1887–1888). Отметим, что во время работы художник ездил на Кавказ для сбора пейзажного этюдного материала и изучения особенностей ландшафта местности.

Изображение природы стало основой многих иллюстрационных работ мастера. Рисунки для альбома «23 тысячи миль на яхте «Тамара»» [5] представляют собой великолепные пейзажи, архитектурные зарисовки, работы анималистического и ботанического характера на фоне пейзажных зарисовок. «Цитадель в Каире», «Пагода в Тричинополи», «Озеро Кенди», – вот некоторые названия рисунков, в которых пейзаж трактуется как самостоятельный жанр или присутствует как фон. Пером и тушью он создавал пейзажи, несколькими штрихами передавая красоту природы.

Стоит уделить внимание книге «Лошади (конские породы)» [9], в которую вошли тридцать две раскрашенные таблицы с портретами лошадей разных пород, исполненные Лемерсье⁴ по рисункам Н. Самокиша и Н. Бунина⁵. В таблицах используется пейзажный фон местности, где была выведена та или иная порода лошадей. Степные просторы Киргизии стали декорацией кобыле киргизской породы. Отлично смотрится жеребец туркмено-текинской породы на фоне песков Туркмении: на втором плане пейзажной композиции зритель видит погонщика на верблюде и постройку в восточном стиле. Узнается горный кавказский пейзаж, перед которым величаво стоит жеребец по кличке Карабах. Интерес представляют таблицы с животными, изображенными на территории имения графа И.И. Воронцова-Дашкова⁶ в старинном русском селе Новотомниково Тамбовской губернии на берегу реки Цны. Именно здесь в 1889 г. Самокишем была написана картина «Табун белых рысистых маток на водопое», за которую ему в 1890 г. было присвоено звание академика. По живописному берегу не спеша

идет к реке табун красавиц-лошадей. Последние лучи заходящего солнца освещают облака, чистую воду, шелковистые гривы лошадей. Удивительный теплый колорит картины способствует передаче спокойного состояния вечерней природы.

Знаток и любитель лошадей, Самокиш пользовался большой популярностью среди коннозаводчиков, которые регулярно приглашали его в свои имения. Результатом таких поездок по России и Украине стало множество пейзажных зарисовок, этюдов лошадей, сцен псовой охоты.

Материал пригодился художнику при оформлении издания очерков Н.И. Кутепова «Великокняжеская и царская охота на Руси» [3], которое представляет собой коллективный труд многих известных мастеров⁷ того времени. Перу Самокиша в этом издании принадлежат рисунки: «Старая егерская слобода близ Петергофа», «Выезд к устью р. Тисмянницы великих князей Черниговских, Галицких и Вольнских», «Царский поезд на пути в Савво-Сторожевский монастырь близ г. Звенигорода», «Гуляние в Екатерингофе времени императора Александра I» и многие другие.

Особым образом Самокиш использовал пейзаж в оформлении альбома «Из Украинской старины» [2]. Двадцать листов альбома с портретными изображениями известных героев истории, выполненные художником С.И. Васильковским⁸, обрамлены виньетками Н.С. Самокиша, заполняющими свободное пространство листа. Художник включил в свои рисунки изображение (в основном, на фоне пейзажа) предметов быта, одежды, оружия, военных и религиозных атрибутов. На некоторых листах виньетки передают унылый пейзаж Малороссии и вольный ветер, играющий в камышах Запорожской степи (рисунки «Ярмарка в Малороссии», «Дунавецкая Запорожская Сечь на устье Дуная»). Часть виньеток включает в себя зарисовку архитектурного пейзажа («Путешествие на богомолье знатной дамы», «Церковь-замок в Сутковцах»).

Совсем другое отношение к пейзажу наблюдается в графических рисунках Самокиша в альбоме «Война 1904–1905 года. Из дневника художника» [8]. Здесь изображение природы трактуется не просто как пейзажный фон, участвующий в построении композиции, а служит основой для эмоциональной передачи трагедии войны в целом. Подтверждение тому – мрачный пейзаж чужой страны, как, например, в рисунках «На сопке после штурма», «После взятия траншей», «Отступление из Ляояна в Мукден».

В альбоме привлекают внимание акварельные пейзажи «Кумирня⁹ в Хуаншане», «Дворик китайского дома в Мукдене» и другие виды природы, зарисовки архитектуры и достопримечательностей Маньчжурии. Художник не изображает батальные события: он, словно убирая кистью войну, дает зрителю возможность увидеть красоту края, где идет разрушающая эту красоту война. Приведем слова самого художника: «После месяца походной жизни я снова очутился в Мукдене, но не узнал его. ... Я покинул город в цветущем виде: все было зелено, везде были чистота и порядок... теперь же это представляло полное разорение» [8, с. 37].

В «Дневнике художника» Самокиш описывает состояние природы и особенности местности, где ему приходилось работать. «Я пошел вдоль лагеря и, найдя удобное место в одной фанзе¹⁰, уселся делать пейзаж, который был очень интересен. Сопки терялись в седой дымке тумана... на этом фоне таинственно выступали группы деревьев. Все это было намечено в самых нежных голубовато-серых тонах» [8, с. 7]. Далее художник описывает свое восхождение на сопку Эрдагоу: «Вид с вершины вполне вознаграждал меня за трудности подъема: долина, деревня, река и неприятельские пушки... видны как на ладони, великолепно освещенные утренним солнцем и живописно покрытые блестящим снегом. Была видна знаменитая Путиловская сопка... роща дубовых деревьев, уже изрядно порубленная на топливо, и развалины кумирни, прекрасной даже в своем полуразрушенном виде, с уцелевшими кое-где часовенками...» [8, с. 51]. Так появился рисунок «Зимний пейзаж в Маньчжурии».

Нельзя обойти вниманием пейзажи Самокиша в рисунках к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г., для журнала «Нива», с которым художник сотрудничал многие годы. Пером и тушью была выполнена серия последовательных эпизодов (рисунки «Переход через Неман 12 июня 1812»; «Дело при Моловом болоте 12 июля 1812»; «На валах Смоленска 5 и 6 августа 1812» и другие), отличающихся насыщенностью композиции и тщательностью проработки деталей.

Поездка с учениками батальной мастерской на театр военных действий Первой мировой войны расширила «географию» творчества Самокиша. Отряд художников побывал на Восточном фронте: в районе Ломжи и крепости Осовец. Затем переправился на побережье Черного моря со стороны Турции: бои велись под Карсом, в городах Хопе, Трапезунде. Далее они про-

двигались через Баку, Тифлис, Эрзерум и другие населенные пункты Кавказа. Было сделано множество этюдов с фрагментами боевых действий. В то же время красота природы этих мест вдохновляла и профессора, и учеников на создание пейзажных этюдов с живописными склонами кавказских гор, с сияющим на солнце побережьем Черного моря и пышной южной растительностью.

Пейзаж становится неотъемлемой частью крымского периода творчества Самокиша¹¹. Пляж, базар, улочки старых кварталов, сохранившие черты татарских поселений, привлекали внимание художника. Ярко проявился пейзаж и в живописных картинах («Запорожцы обедают у корчмы», 1918; «Вечер в Крыму», 1920).

В эти годы художник посещал уголки Южного берега Крыма: Ялту, Ливадию, Мисхор, Алупку, Кореиз. Он писал этюды крымских городов и их окрестностей. Появляется картина «В Алупке» (1923), где изображен фрагмент Воронцовского дворца¹² в Алупкинском парке¹³. У входа во дворец стоит кабриолет, запряженный парой лошадей – мирная сцена на фоне летнего голубого неба.

Но только что отгремела гражданская война, и художник, наряду с красотами крымской природы, разрабатывает батальные композиции на тему Перекопской битвы¹⁴. Самокиша создает картины «Ночной штурм Сиваша Красными войсками» (1923), «Штурм Перекопа» (1925). К этому времени изменилась манера письма мастера: он работал без подмалевка, выполняя детальный рисунок тушью, по которому писал «a la prima». В картинах присутствует быстрая, подчас вихревая, динамика боя, что, пожалуй, повлияло и на подход мастера к работе над пейзажем. Изображение местности не несет той эмоциональной нагрузки, которая была характерна для ранних произведений. И хотя на многих картинах этого периода события происходят в конкретной местности – «К.Е. Ворошилов на польском фронте» (1923), «Щорс в бою под Черниговом» (1935) – пейзаж не прописан, он словно ускользает от зрителя, а полотно заполнено изображением дыма и огня.

В то же время Самокиш создает морскую баталию – «Абордаж турецкого корабля казаками» (1932). Пейзаж, на фоне которого разворачивается баталия, у Самокиша незатейлив – море и небо. Однако исследователь его творчества А.И. Полканов отмечал: «С большим искусством художник передал волнующееся море – ритм волн, глубину, прозрачность, цвет волны с

рефлексами цвета, пятнами теней и брызгами от весел» [4, с. 88–89].

Собранный художником еще в 20-е годы этюдный пейзажный материал послужил основой для создания в 1936 г. трех больших акварелей для Алушкинского дворца-музея, отражающих пребывание в Крыму известного поэта А.С. Пушкина. Акварели не сохранились, но о них известно от ученика и исследователя творчества Н.С. Самокиша – Я.П. Бирзгала, который разместил их репродукции в своей книге [1]. В этих работах (акварели «А.С. Пушкин среди татар в Гурзуфе», «А.С. Пушкин в Алушке», «А.С. Пушкин и М.С. Воронцов») особым образом отразились любовь и интерес художника к природе и событиям, связанным с Крымом, а также легендам, повествующим о далеком прошлом Тавриды.

Пейзаж как основа композиции присутствует в поздних картинах художника батально-исторического жанра, которые отражают национально-освободительную борьбу украинского народа: «Поход запорожцев в Крым», «Бунт в Запорожской Сечи» (1938–

1940) и др. «Поход Ивана Грозного на Казань», «Сражение Суворова под Рымником», «Полтавский бой» (1941) – стали последними произведениями художника. Названия картин указывают на наличие пейзажа, необходимого для организации пространства при передаче названных событий.

Николай Семенович Самокиш был не просто художником-баталистом, но свидетелем и участником многих войн. Им сделаны многочисленные пейзажные зарисовки, достоверно передающие природу географических мест, где разворачивались театры военных действий. Его художественная деятельность совпала с периодом, когда батальный жанр приближался к правдивой передаче жизненных впечатлений, что не могло не повлиять и на отношение к трактовке пейзажа. Связь с пейзажем, который он умело использовал в своих работах, проявилась во всех сферах творчества Самокиша, который зарекомендовал себя как художник-исследователь, проявлявший интерес к окружающему его миру, к природе – столь разнообразной и прекрасной.

Список литературы:

- [1] Бирзгал Я.П. Николай Семенович Самокиш. Жизнь и творчество / Я.П. Бирзгал. – Симферополь: Крымиздат, 1940. – 120 с.
- [2] Из Украинской старины: Альбом. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1900. – 98 с.
- [3] Кутепов Н.И. Великокняжеская и царская охота на Руси в 4 т. – СПб.: Изд. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1898–1911.
- [4] Полканов А.И. Николай Семенович Самокиш. Жизнь и творчество (к 100-летию со дня рождения) 1860–1960 / А.И. Полканов. – Симферополь: Крымиздат, 1960. – 120 с.
- [5] Радде Г.И. 23 тысячи миль на яхте «Тамара» в 2 т. – СПб., 1892.
- [6] Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравиров. – Т. 2. – СПб., 1895.
- [7] Самокиш Н.С. Як я став художником. Довідка. Життєвий шлях майстра. – Киев: Мистецтво, 1937.
- [8] Самокиш Н.С. Война 1904–1905 годов. Из дневника художника. – СПб.: Изд. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1908. – 70 с.
- [9] Симонов Л., Мердер И. Лошади (конские породы). – Париж: Изд. Докт. Леонида Симонова, 1895. – 308 с.
- [10] Ткаченко В.Я. Самокиш Н.С. О времени и о себе // Искусство. – 1963. – № 2. С. 63–67.

¹ Владимир Донатович Орловский (1842–1914) – русский и украинский художник-пейзажист. Профессор пейзажной живописи.

² Лев Евграфович Дмитриев-Кавказский (1849–1916) – гравер на меди, рисовальщик, офортист. Не использовал в своих работах традиционного травления, работал сухой иглой.

³ Юлий Юльевич Клевер (1850–1924) – русский художник, профессор пейзажной живописи. Представитель салонно-академической живописи.

⁴ Лемерсье Жозеф-Роз (1803–1887) – литограф, основатель известной французской фирмы «Лемерсье и К».

⁵ Наркиз Николаевич Бунин (1856–1912) – живописец-баталист. Офицер, вольноприходящий ученик Академии художеств.

⁶ Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916) – русский государственный деятель.

⁷ Иллюстрации к I и II тому были выполнены Н. Самокишем совместно с В. Васнецовым. В оформлении следующих томов принимали участие Александр Бенуа, Е. Лансере, А. Васнецов, А. Рябушкин, Л. Пастернак и другие художники.

⁸ Сергей Иванович Васильковский (1854–1917) – русский и украинский живописец-пейзажист. Близкий друг и соратник Самокиша.

⁹ Кумирня – языческая мошеля с кумирами (идолами).

¹⁰ Фанза – тип традиционного жилища в Китае, Корее и некоторых других восточных странах.

¹¹ С 1918 года Самокиш жил и работал в Крыму. До 1922 года в Евпатории, а затем в Симферополе.

¹² Воронцовский дворец – памятник архитектуры (архитектор Эдвард Блор) середины XIX века. Летняя резиденция генерал-губернатора Новороссийского края графа М.С. Воронцова. С 1921 года – музей.

¹³ Алушкинский парк – памятник садово-паркового искусства. Автор-создатель – немецкий садовник К.А. Кебах (1799–1851).

¹⁴ Решающая битва за Крым во время Гражданской войны.

RECYCLING. PLAY, ART AND LIFE

Термин актуального искусства, мало знакомый классическому искусствоведению, рассматривается в «игровом пространстве» современной культуры. При этом затрагивается определяемый этим термином круг явлений в экономике, бытовой культуре и в детской игре.

Ключевые слова:

Африка, игрушка, отходы, художественный ресайклинг, трэш, утильсырьё, индустриальная цивилизация, ready made.

The waste products of our civilization had got into the field of vision of art as early as in the first half of the 20th century; they started to be used as means for creating pieces of art. Since 1980 an English term «recycling» has become somewhat typical for the articles dedicated to Post-Modernism ready-made items. Nowadays recycling is a popular artistic method of actual art, making it possible to extend infinitely its range of means of expression. Its sources lie not only in the experiments of artists from the previous century, but also in artistic and everyday life of the Third World countries, where the low living standards in the second half of the 20th century provoked an accelerated development of utilization of previously unknown materials: old cans, wire, bright-colored plastic and paper wrapping.

Even before the 1970s some domestic items in African families were made from the waste-products of industrial civilization, they were meant for personal use in everyday life. Fabrication of toys using waste materials became an ordinary occupation for local boys. Nowadays the handcrafted articles of this kind are perceived by the whole world as traditional African toys. Eventually this trend opened the way to a real branch of economy playing a significant part in the African export since 1980s [1, p. 14–19].

This is referred to a spontaneous culture-oriented initiative born within these countries merging together traditions and modern life, new forms of local arts and crafts; it emerged as a result of the last century forceful «cultural expansion» of the West. Driven by the low living standards the craftsmen's usage of new, previously unknown materials, namely the waste-products of European civilization, resulted in apparition of new original domestic items and children toys.

The country considered to have given a start to the ideas of recycling is Senegal. The occasion for the phenomenon appearance was the International Art Festival which took place in Dakar in 1966: that's where recycling

pieces of art were presented to the wide audience for the first time.

A real challenge for developing the new trend into a trade was the famous Paris-Dakar motor rally. Apart from the fact that large influx of Europeans coming for the event were leaving behind a great number of new free materials for recycling (mostly plastic and tin cans as well as empty cigarette boxes), local boys got the chance to see different modern vehicles: not being able to obtain copies of such automobiles as factory-produced toys, they started to make toy copies from various metal scrap and plastic waste materials. Rich Europeans as well as journalists who came to see the rally raid were buying these toys as souvenirs with great pleasure. That's how the toys got into Europe and since that time they could be frequently found even in many respectable bourgeois houses.

Gradually transforming into souvenirs for tourists, the recycling toys were extending their sphere of existence. The success of this business in Dakar gave a start to its nascent in other regions. Not only children, but also adults in Madagascar, Angola, Benin, Mali, Burkina Faso, Togo, Ghana and other countries began to make toys. A recycling toy became an indispensable attribute of African markets and a popular export commodity, while the idea of African recycling began to be widely used not only in the African, but also American and European art. The recycling exquisite chef-d'oeuvres and unsophisticated souvenirs, attracting the collectors in the first place, nowadays can be seen both in numerous galleries, museum shops and in major Western trading houses such as «Fair Trade» or «Eine Welt». Nowadays this sector is supported by various private charity organizations rendering assistance to African countries, some of them have included the recycling toy manufacture into the teaching program in African schools. If in the first years of their getting to Europe these hand-made articles were accepted as primitive art

liken with hand-carved African sculpture, masks and ceramics of Magrib, bronze plastic arts of Benin, nowadays they are commercially produced as souvenirs at the small family manufactories. It's not that easy anymore to find among them an item made by a kid or a teen-ager for their personal use.

The production process itself has become more technically sophisticated and specialized. Today the toy producers don't bother themselves with hand-collecting of the materials, but buy them in special utility refuse shops where the waste materials get cleaned and sorted out. Lots of locals are eager to collect the waste in rich suburbs, since for many Africans this is the only opportunity to make their bread.

Every serial recycling toy manufacturer has a set of patterns for producing models which he keeps as a personal business secret. Toy components cut by patterns from tins and beer-cans get knitted or wired together by means of soldering or clipping, sometimes they get a touch of quick painting followed by decoration with pieces of fabric chips or bottle-lids. The souvenir items are often coated with lacquer which gives them more attractive marketable style. Modern recycling toy ceased being a spawn of poverty of African lower social classes, now it is a full-scale branch of economy and successful business for many African families.

Local artists fell in love with recycling, seeing it as an opportunity to create a new branch of national art integrated into modern European art culture. A good example of such integration is the art of Dakpogan brothers from Benin. Their abstract art compositions and statues made from metal packing materials, used car details, pipes, and framework of bicycles and motorcycles inspire wonder in the European museum and exhibition exhibitions. The advanced opportunities of self-expression opened for the artists-recuperators (recupération, Fr. = recycling, Eng.) of the Third World countries and new aesthetics of their work have attracted representatives of the "initiated" Ivy League, who were followed by the middle-class and rich public. Highlighting the national color of their craftwork by including local traditional materials, the African artists immediately aggravated attractiveness of their art for the European market.

Unlike the anonymous craftsmen-recuperators of Africa and Latin America, professional artists not only use old things for their pieces of art, but also accentuate and aestheticize their texture.

Alexander Calder is one of the brightest innovators in the 20-th century art. As a

young man Calder showed a special interest for movement and forms full of humor and playfulness, he was experimenting with various, sometimes totally «inartistic» materials. Such are, for example, his wire portraits that significantly enriched understanding of plastic arts by representatives of Futurism and Cubism.

In the 1920s, in his first Paris period, the beginning artist created a whole series of little animals and other toys made from curtain rings and wire. Those sculpture experiments provided the basis for his first major work: «The Calder Circus» (1926–1930). The idea of this piece of work was suggested by the «Humpty-Dumpty Circus» children toy, which was extremely popular in the beginning of the 20th century. The moving figurines were created from various locally available materials: cigar boxes, spools, corks, paper cuts and fabric chips. Easy to manipulate clowns, ropedancers, gymnasts, musicians and animals could also make unexpected sounds caused by ingenious bellows, rubber pear-pushes and squeakers. The Circus performances, previously accompanied by the popular song Ramona, quickly gained popularity in modernistic intellectual and artistic circles that had accepted and enthusiastically supported the experiments of the beginning artist [4, p. 12].

Later on Calder started using the ideas of recycling in his work on moving and stationary sculptures, such as «Ash-tray with a mobile for S. Steinberg» (1951). His roosters created from cans and wire in 1960-1970-ies, are amazingly similar to African recycling-toys which at that time were only beginning to be introduced to Europe. Were they a source of inspiration for the American artist as African sculpture had once been for Pablo Picasso? Or the roosters of Calder came as a natural result of his inexhaustible interest for toys, play and new materials?

The brightest and the most indigenous successor of Alexander Calder was Jean Tinguely, a Swiss artist. Most of his «toy-like» creations are considered to be the ones of the baluba-period of 1960-1980-ies which is believed to be the most extravagant period of his work marked with experiments with various materials, sometimes unexpectedly fragile and paradoxically-looking in the entire composition. Such is the composition «Pop, Hop, Op & Co» (1962), containing funny balancing abstract figures made of feathers, wire and technical construction components [5].

Perhaps thanks to Calder's good graces, recycling-toy became one of the most popular area of interest of Post Modernism artists. Unlike the ready-made articles of Dada group or

pop-art the recuperators of today are rarely willing to achieve any substitution of sense or axiomatic meanings, while recoding an object, placing it into an unusual environment using the principle «qui pro quo» (that is one instead another). They are apparently following the tradition of the «New Realists» of the 1950s who had used ready-made details and things as brushes, paints and sculptural materials.

Play spirit is manifested here in the choice and unexpected combination of materials, potentiality of which is often revealed only in the process of work. This kind of playing ensures an unlimited diversity of born images – from technical «fetishes» of Reinhard Mukha, an artist from Dusseldorf, to the funny animals by Orlando Wazau from Switzerland.

In the end of the 20th century this trend became noticeable in Russian art as well, at the start it was brightly manifested by the exhibition pieces of art of scene-designers.

Old superannated things were the subject of close interest for Victor Grigoriev, an artist from Saint-Petersburg, since his very childhood. The pockets of the future maestro of artistic kinethism (kinetic movement) were always full of rack-wheels, pieces of wire, little springs and multicolored buttons. He used all these objects to make fantastic toys looking totally unlike standard articles of popular consumption offered in the Soviet stores at that time.

Profession of an artist-technologist of theater and cinema definitely explains the posed character of his early works resembling theatrical maquettes (mock-up) combined of various miniature things and details often unrecognizable under the layers of paint, like in «Temptation» and «Manipulator» of the 1990s. Later on he started to make toy objects representing Pegasus, centaurs, fish and weird zoomorphic wheelbarrows containing glass spaces filled with water included into the whole composition. The artist's works are often turned into little theaters – sort of microcosms in glass boxes and heavy frames. They remind an antique item in the modern interior that looks fallen out of its time, a little alien, weird, but extremely loved and very special. Used as an element of artistically designed media with ever increasing frequency these things are not eager to merge with the surroundings making the stylistic unity, but feel well being enclosed in their own inner world.

There is no sense in asking the author about the shape-generating ideas or semantic codes. Being a dedicated empiricist, he seldom polishes up the form in his sketches and maquettes, modeling and adjusting it all in process. Symbolism of his early works is the result of his long-

time interest in medieval philosophy, occultism and astrology. Once exuberantly literature-oriented, in due course it became more attainable and easy to understand, while somewhat overloaded form of the work has acquired laconism and wholeness. The variety and extravagance of the used materials compensate over and above some modesty of the color-grade. Even the plain unvarnished industrial trash was often used: junk jewelry, cuts of metallic nets, curved aluminum forks were brought to life by means of old clock mechanisms huddled on the shelves of his studio. The recycling by Grigoriev is not a tribute to fashion, but a retained childish vision of the world when the «treasures from garbage-can» familiar to every little boy could become the means for playing and creativity. Emphasized texture expressiveness of the used objects and unlimited fantasy of the artist bringing the whole thing to life with only one movement determine the visual appeal and peculiar decorativeness of the maestro's pieces of art [2, p. 175–176].

Contrary to the automated devices of Victor Grigoriev the mechanic mobility of recycling mechanisms created by young artists Olga Ardovskaya and Tatyana Shubina is reduced to a minimum. In return they offer a great deal of designer's playing with form and materials turning a water valve into a beak of a predatory bird, a tee-pot into an elephant, a gas-tank – into a body of a malicious winged dog and helping literary to sculpture their machine-like constructions from plastic waste and wire camouflaging them with metal-colored paint. It is this playing that softens what at first sight seems to be an alarming formal «malicious rigidity» of their works.

Tatyana Zhurkova, a Russian-American artist, prefers transparent and semi-transparent glass and plastic details: tubes, balls, bracelets, buttons, chandelier pendants etc. They can be brightly painted or be colorless, however in a complex, thoroughly elaborate connection with each other they unexpectedly obtain qualities of glittering precious material.

Tatyana Zhurkova's pieces of work belonging to the late 1990s – 2000 from the «Larvae», «Different Galaxies», and «Sex-Funk-Constructivism» series are obviously appealing to toys. The artist insistently, almost in every object, uses parts of factory-made porcelain dolls. Meanwhile, the doll heads don't fulfill any function of an allegory or allusion; they become components of chimerical artificial organisms, providing them with features of some unique anthropopathy. Thus their bodies are weird constructions reminding larvae, where one can find various items

*Богомол, игрушка. Мали, 2002.
Санкт-Петербургский музей игрушки.*

*Ардовская Ольга, Шубина Татьяна.
Россия. Из серии «Смеханизмы», 2007.
Частная коллекция.*

*Журкова Татьяна. Россия/США
Новорожденная гусеница, 1998.
Частная коллекция.*

of children's everyday life, mostly simple plastic toys: rattles, bricks, fish and tiny little kewpie dolls. Those primary elements are referred to another metaphoric level connected with childhood and playing. United together with transparent plastic tubes, rings, pieces of glass rod and other non-doll stuff they make an original and very expressive modular spinal construction which seems to be alive and mobile. Unexpectedness of this intermixture combination and, most important, the effect caused by it, evoke cheerful surprise as well as a desire to touch and watch. Zhurkova's toys open for very diverse interpretations allow us to find very different sign oriented system in them – from hidden eroticism connected with the fertility cult and Eternal Mother up to nature powers, elements and other worlds [3].

Pieces of art by Russian artists-recuperators first were presented by full scale in series of museum expositions and personal exhibitions taking place in St.Petersburg in 2005–2007. One of the first exhibitions was «Play-recycling» displayed in St.Petersburg Museum of Toys, it demonstrated dramatically a powerful actable potential of this proved trend of modern art.

Bibliography:

- [1] Мари Р., Марченко М.А. Культ и детская игра. Куклы и игрушки Африки // Музеи Петербурга. № 5. – СПб.: СТАМПО, 2008. – С. 14–19.
- [2] Марченко М.А. Авторская художественная игрушка в искусстве 20 века. Проблемы, тенденции, имена / Дисс. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2009. – 312 с.
- [3] Татьяна Журкова / Каталог выставки. ГРМ, Санкт-Петербург 17 января – 11 марта 2002 г. Приложение на рус. языке. – The Foundation for International Arts and Education and Swashbuckler Enterprises, Inc., 2001. – 15 с.
- [4] Baal-Teshuva J. Calder. – Bonn: Benedikt Taschen Verlag GmbH, VG Bild – Kunst, 1998. – 95 p.
- [5] Lыtgens Annelie, Tuyl Gijс. L'esprit de Tingeuely / Ausst.-Kat. Kunstmuseum Wolfsburg. – Bonn: Bildkunst, 2000. – 416 p.

Recycling today, having become a popular artistic method in the contemporary art of Western Europe, the USA and Japan is now obtaining the most unexpected and extravagant forms. Repeating the story of Cinderella, the recycling-objects have quickly turned from «toys for the poor» into challenging artifacts – «artistic toys for the rich» smoothly integrating with the play mainstream of the 20th century art.

РАЗВИТИЕ ИДЕИ КОНТРАСТА КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩЕГО ФАКТОРА В СОНАТЕ КЛАССИЦИЗМА И РОМАНТИЗМА

Статья посвящена теоретическому обоснованию проблемы контраста как атрибутивного признака сонаты, порождающего и формирующего ее концептуальное содержание, образную систему, интонационную драматургию, композиционные особенности и собственно формообразовательные процессы. Раскрыты взаимообусловленность и детерминированность жанрообразующих свойств контраста, его типов, масштаба, приемов регулирования, характера введения историко-стилевым контекстом в сонате классицизма и романтизма.

Ключевые слова:

жанр, классицизм, композиция, контраст, музыкальный язык, романтизм, содержание, соната, форма.

Феномен контраста в музыке представляет собой, с одной стороны, явление узкоспециализированное, охватывающее прежде всего область музыкального формообразования, с другой – универсальную сложно организованную многоуровневую систему, включающую в качестве составных элементов как общелогические нормы художественного мышления, так и иерархически дифференцированный комплекс имманентных музыкальных закономерностей. В качестве репрезентанта общелогических норм художественного мышления контраст имеет всеобщий характер, охватывая все элементы музыкальной структуры. Специфическая его функция – участие в жанрообразовании – включается на уровне содержания, регламентирующего в свою очередь драматургию и музыкальную форму произведения. Именно в содержании реализуются семантические, образно-ассоциативные функции контраста, отражающиеся как в интонационно-смысловом облике тематизма, так и в способе развертывания музыкальной композиции.

Жанрообразующий статус данного феномена присущ главным образом крупномасштабным произведениям, для которых характерен диалогический тип содержания и соответствующие формы. К числу таковых относится соната. Контраст является ее атрибутивным признаком, порождающим и организующим концептуальные идеи, образную систему, интонационную драматургию и собственно формообразовательные параметры музыкальной композиции на всех этапах развития жанра. Кристаллизация этой функции осуществляется в сонате периода барокко, устанавливающей основные принципы взаимообусловленности и детерминированности жанрообразующих свойств контраста, его

типов, масштаба, приемов регулирования, характера введения историко-стилевым контекстом [17].

Дальнейшее развитие феномен контраста получает в эпоху классицизма, ознаменованную глубокими переменами во всех сферах социальной, в том числе духовной жизни, выдвиганием на авансцену активно действующего человека, способного познавать и изменять мир, стать его властелином. Рационалистическая установка сознания ориентирована на адекватное постижение окружающих реалий во всей их полноте, многогранности и противоречивости.

Импульсом для теоретического осмысления явления контраста служат философские искания XVII–XVIII веков, связанные с проблемами гносеологии. Так, уже в классическом рационализме Р. Декарта осуществлен раскол всей действительности на мыслящую и материальную субстанции, на природу и дух, субъект и объект [5]. В трудах Б. Спинозы получают отражение противостояния чувственного и рационального, модусов движения и покоя, протяжения и мышления; последние при этом рассматриваются не в дуалистическом противопоставлении, а как неотъемлемые свойства, атрибуты одной и той же субстанции [14]. В дальнейшем данная проблематика развивается в трудах Д. Локка. Наиболее значимы, на наш взгляд, разработанные ученым положения о внешнем и внутреннем опыте, ощущении и рефлексии, характере взаимодействия между ними, а также понятие сложных идей, включающих в качестве одной из разновидностей идею отношений. Суть последних заключается в рассмотрении и сопоставлении одной идеи с другой и приведении к идеям отношений причины и следствия, тождества и различия [9].

Фундаментальное научное обоснование феномен контраста получает в диалектическом учении, представленном в немецкой классической философии. Согласно теории Г. Гегеля, все в мире находится в непрерывном движении, изменении и развитии. Источником же движения выступает борьба внутренних противоречий, присутствующих каждому предмету, процессу [4]. В сущности, основные законы диалектики – взаимопроникновения противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания – позиционируют контраст и его стадии: различие, противоположность, противоречие как фундаментальные свойства природы, общества и мышления.

Главной целью искусства в эпоху классицизма является отражение действительности в динамике, развитии и сложном переплетении противоречий. Контраст становится ведущей силой, определяющей новое содержание и пронизывающей все грани художественного целого. Не случайно классический этап развития музыкального искусства по праву обозначается как эпоха сонатности. Именно в этот период соната осознается как высшая по всеобъемлемости, независимости и музыкальной специфичности композиция, интегрирующая множество «обертонов» духовного сознания своего времени, подчиняющая их общим канонам философии, эстетики и поэтики музыкального классицизма.

Господствующее положение в системе художественных координат эпохи занимает новая по своей исторической значимости концепция антропоцентризма, утвердившая идею гармоничного и разумно устроенного мироздания, в центре которого находится человек с его земными помыслами и поступками [7]. По сути дела, самоопределение сонаты связано с основополагающими постулатами этой концепции: нацеленность на общезначимые идеалы истины, добра и красоты, апелляция к совершенству, стройности, гармонии, избегание психологических, этических и эстетических крайностей. Культ разума и чувства, понимание их как двуединого духовного стержня обуславливают взаимодополняющее равновесие рационального и эмоционального и детерминируют сущность классической сонатности. Типология ее формируется в контексте нормативности как метода мышления и идеи варибельной его реализации в конкретном произведении. Жанровый ригоризм нацеливает на строгое следование открыта кристаллизовавшимся закономерностям и вместе с тем до-

пускает довольно широкое их толкование. Баланс между универсальностью музыкального языка и индивидуальным его использованием, между типовыми принципами композиции и нерегламентированным их материальным воплощением достигнут в *opus perfectum et absolutum* – совершенном самодостаточном произведении [7, с. 22, 144].

С позиций нового антропоцентризма переосмысливаются фундаментальные понятия пафоса и этоса. Первое из них ориентировано на создание масштабных, величественных, сложных произведений; второе корреспондирует к изящно-пропорциональным, приятным, но не обременительным для восприятия сочинениям [7, с. 144]. Обе эти сферы получают яркое воплощение в классической сонате, органично соединившей изначально контрастные по своим содержательным характеристикам «высокий» и «изящный» стили.

Значительно обновляется в искусстве классицизма диапазон образов, что приводит к расширению и обогащению видов контраста. Особое место в системе мировоззренческих координат эпохи занимает, как известно, категория героического, которая «исследуется» в сонате во всей философско-нравственной полноте и сложности и приводит к рождению классического идеала возвышенного искусства, отличающегося благородством страстей, величественной простотой и строгостью.

В качестве духовной доминанты в сонатной поэтике классицизма выступает также идея аристократизма, обусловившая неразрывное сочетание разнонаправленных постулатов: «правильности и свободы, школы и естественности, точности и изящества, знания и чувства» [7, с. 136], оригинальности и логико-формальной безупречности.

Важнейшая в философии классицизма категория вкуса воплощается в сонате на уровнях идеи, материала и формы – как следование универсальным законам красоты. Эти законы получают выражение в системе общеэстетических и специально музыкальных норм мышления: значительность содержания, направленность его в сферу духовного, этического и эстетического идеалов; равновесие красоты и истины; логическая ясность замысла; стройность и законченность композиции, отвечающей требованиям гармонии, пропорциональности, симметрии, связности и расчлененности; наличие ярких контрастов и смелых новшеств.

Принципиальное значение для развития сонатной идеи имеет и установка на

новое, неортодоксальное. Представляя одно из неотъемлемых качеств европейской ментальности, она интерпретируется как творческое, активное отношение к художественному канону, сформировавшее в итоге иную, отличную от барочной, сонатную семантику.

Общая эволюция сонатной идеи от универсальной риторики раннего классицизма к индивидуальной поэтике высокого классического стиля затрагивает все составляющие содержания, формы, музыкального языка. В содержательном плане прототипом раннеклассической сонаты выступают «светская беседа или чувствительное излияние... На рубеже XVIII–XIX веков, при сохранении прежних топов, появляются и новые: пылкий монолог, поэма, драма, трагедия, что позволяет данному жанру выйти за рамки сугубо камерного искусства» [7, с. 140]. Именно в период зрелого классицизма устанавливается современная трактовка сонаты как одного из основных жанров сольной и камерно-ансамблевой инструментальной музыки, для которого характерны определенный тип художественно-образного содержания, выразительности музыкально-тематического материала, принципы интонационной драматургии, формообразования, структурные закономерности. Сонатность в качестве метода мышления, адекватного утвердившейся в эту эпоху целостной концепции диалектики – универсальной теории и метода познания мира, становится высшим достижением классицизма.

Сонатная драматургия, базирующаяся на многопланово реализованном диалогическом контрасте исходных образно-тематических комплексов, раскрывается как наиболее гибкая и эффективная моделирующая структура, способная выявлять и развертывать в динамике сложные эстетико-философские творческие идеи.

В классической сонате получает дальнейшее развитие система контрастов, сложившаяся в эпоху барокко. Наряду с этим кристаллизуются и принципиально новые, специфические для данного периода и последующей эволюции жанра формы взаимоотношения образных сфер, музыкально-тематических комплексов, композиционных структур. К числу наиболее значимых относится разновидность контраста, определяемая Ю.Н. Тюлиным как динамическое сопряжение. «Именно в динамическом сопряжении... возникает то противоречие тематизма и разделов формы (участков действия), которое нашло наиболее яркое и полное

выражение в драматургии сонатной формы» [15, с. 31]. Другой разновидностью, также являющейся прерогативой сонатной формы, становится, по терминологии М.Г. Арановского, множественный контраст: «Он заложен в дуализме тематической структуры экспозиции, свободе отношений между партиями и в свободе их трактовок, в возможности контрастного вступления и тому подобных приемах. Но главное – в разработке. Суть метода мотивно-тематического развития состоит в диалектике сохранения и обновления. Сохранение необходимо, чтобы установить связь, единую нить всех моментов развития, а обновление – придать каждому из них значение качественно нового этапа. Именно это сочетание *прежнего и нового, нового в прежнем, нового через* *прежнее* и создает в каждый момент тематического преобразования атмосферу события и последовательную связь в цепи событий... Цепь событий, как правило, выстраивалась по линии нарастания контрастности, все большего удаления от исходного пункта, усиления какого-либо качества тематических элементов» [1, с. 22]. Обе разновидности – динамическое сопряжение и множественный контраст – проявляются, как справедливо указывают исследователи, прежде всего в сонатной форме. Вместе с тем эти принципы экстраполируются и на художественно-образное содержание сонатного цикла или моноциклической композиции сонатного типа¹ в целом, определяя специфику жанра, его самодостаточность. Масштабное сопряжение множественных смысловых структур создает впечатление действия и контрдействия, противоборства сил, достижения итога.

Новый импульс развития идея контраста как системообразующего фактора жанра сонаты получает в эпоху романтизма, эстетико-философская программа и художественный метод которого включают в качестве основополагающих проблемы «двоемирия», фантазмагорического переплетения действительности реальной и сотворенной художником, оппозицию героя и «толпы», доминирование субъективно-духовного начала.

Романтическая концепция жанра сонаты формируется в процессе смены мировоззренческих, духовных и творческих ориентиров. Апелляция к вечным онтологическим проблемам, определяющим сущность человеческого бытия, углубление противоречия между личностью и миром, «Я» и «Не-Я» (Фихте), Художником и Волей (Шопенгауэр), романтические анти-

тезы, дихотомии «жизнь-смерть», «добро-зло» становятся ведущими формами выражения остроконфликтного содержания, составляющего суть сонаты в интерпретации композиторов-романтиков.

Отход от нормативности классических норм мышления, восходящих к риторике и драме, и обращение к поэзии и литературе как первооснове смысловой логики приводят к трансформации сонатной идеи в контексте реальной или скрытой программности, а также кристаллизации новой образности и тем самым к расширению и углублению контрастности. Топос сонаты обогащается мотивами лирики, фантастики, трагического фатализма, горькой иронии, скепсиса, культа природного. Принципиальное значение для сонатной концепции приобретает категория исповедальности – главного «нерва» философии, эстетики и искусства романтизма.

Глубокая внутренняя несклонность романтиков к рационализму XVIII века, к просветительскому культу «разума» обуславливает нарушение баланса, взаиморавновесия логически-интеллектуальной и эмоциональной составляющих музыкальной композиции и утверждение прежде всего стихийно-человеческого, мощного в своей непосредственности и интенсивности чувства и как следствие – обострение контрастности содержания.

Дуализм романтического художественного сознания, новое философское соотношение идеального и реального, добра и зла, объективного и субъективного порождает эффект сонатности высшего порядка, приводит в действие самые разнообразные музыкально-языковые антиномии, воплощающиеся в своеобразных сонатных конструкциях.

Весомым завоеванием в аспекте исследуемой темы становится обновление тональной драматургии произведения в целом и отдельных его частей, расширение круга тональностей и изменение функциональных отношений между ними. В частности, значительно переосмысливается роль субдоминантовой сферы, которая проникает в экспозиционные разделы, порождая тем самым контраст особого рода, отличный от классической сонаты [2]. В соответствии с эстетикой романтизма поляризуется противостояние главной и побочной партий, трансформируется их структура [10, с. 421–422]. Складывается также функция «завязки добавочного сонатного отношения» [13, с. 223], инициированная появлением нового тематизма в

разработке, привносящего дополнительный контраст и движущий импульс.

Сонатный ритм усиливает функциональную активность каждого композиционного элемента в системе целого. Динамическое сопряжение музыкально-тематических комплексов нацеливает на диалектическое выявление противостояния, противоборства многопланово развернутых антитез, достижение качественно нового результата как итога развития.

Будучи звучащим отражением «великих движений мирового бытия» [3, с. 322], соната ярко воплощает характерную для искусства романтизма тенденцию индивидуализации, которая порождает разнообразие типов и форм сонатной драматургии, интегрирующих в стереоскопической многогранности и контрастности своеобразные принципы поэмности, песенности, программности, концертной виртуозности.

Свойственный романтизму интерес к скрытым связям внешне несхожего и, на первый взгляд, резко различного, приводит к концепции монотематической сонаты, «познающей» диалектику жизненного процесса во всей его полноте и противоречивости посредством стремления видеть разное как сложно организованное целое, раскрывать множественность в единстве, развивая тем самым сложившийся в эпоху барокко вид единовременного контраста [12] и порождая также принципиально новые типы контрастов.

Новое отношение к категории времени обуславливает иной, по сравнению с классической сонатой, характер динамизма и интонационной драматургии. Вместо классической замкнутости и стабильности романтическая соната тяготеет к разомкнутости и изменчивости: «сущее можно представить только через изменчивое» (цит. по: [16, с. 348]). Последнее реализуется в устойчивом синтезе сонатности с другими методами мышления, рождая типизированные смешанные формы – сонатно-вариационная, сонатно-концентрическая, сонатно-циклическая, сонатно-сюитная.

Отход от явной регламентации и нормативности мышления выдвигает проблему органичности и обоснованности воплощаемого процесса развития художественной идеи в целом и музыкально-интонационной концепции в частности. При всех новациях в основе романтической сонатной драматургии «строгая планировка, расчет, экономия и предусмотрительность в «расходовании» тех или иных средств» [6,

с. 52]. Такое положение вполне соотносимо с эстетическими воззрениями романтиков, настаивавших на интеллектуальном значении музыки: « когда музыка непосредственно вступает в вечную жизнь идеи, ее интеллектуальное значение проявляется со всей несомненностью, – таковое немислимо и отрицать у нее...» [11, с. 217].

В целом соната классицизма и романтизма развивает сформировавшуюся в эпоху барокко концепцию контраста как жанрообразующего фактора, порождая в соответствии с иным историко-стилевым контекстом новые способы реализации идей антистетичности, постижения единства через осмысление противоречий, борение противоположных начал. В сущности, и на данном этапе развития контрастность

как родовой, атрибутивный признак жанра является доминантой творческого замысла произведения, его образно-интонационного содержания, определяет тип драматургии, формы и качество художественно-интонационной выразительности музыкальной композиции. «Качество музыки как мышления» (Б. Асафьев) распространилось за пределы «породившей его формы, проникло в XIX веке в самые “несонатные условия” – вплоть до вариаций и мелкой одночастной формы, стало поистине универсальным» [8, с. 136]. Симптоматично, что сложившаяся в этот период система контрастов – сопоставления «резко выраженных противоположностей» – приводит к переосмыслению всех жанров, властно вовлекая их в свою орбиту.

Список литературы:

- [1] Арановский М.Г. Структура музыкального жанра и современная ситуация в музыке // Музыкальный современник. – 1987, вып. 6. – С. 5–44.
- [2] Баранова И.Н. Особые экспозиции в сонатной форме XIX века. – Петрозаводск: Петрозаводская гос. консерватория, 1999. 191 с.
- [3] Ганслик Э. О музыкально-прекрасном // Музыкальная эстетика Германии XIX века. В 2-х тт. Т. 2. – М.: Музыка, 1982. – С. 283–324.
- [4] Гегель Г. Сочинения. Т. 1. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. – 437 с.
- [5] Декарт Р. Избранные произведения. – М.; Л.: Государственное издательство политической литературы, 1950. – 712 с.
- [6] Житомирский Д.В. Музыкальная эстетика Э.Т.А. Гофмана // Житомирский Д.В. Избранные статьи. – М.: Сов. композитор, 1981. – С. 14–77.
- [7] Кириллина Л.В. Классический стиль в музыке XVIII – начала XIX веков: Самосознание эпохи и музыкальная практика. – М.: Московская государственная консерватория, 1996. – 192 с.
- [8] Климовицкий А.И. Судьбы традиций классической сонатности в двух антагонистических течениях западноевропейской музыки XX века // Кризис буржуазной культуры и музыка. Вып. 3. – М.: Музыка, 1976. – С. 135–162.
- [9] Локк Д. Избранные философские произведения. В 2-х тт. Т. 1. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 734 с.
- [10] Мазель Л.А. Строение музыкальных произведений / 3-е изд. – М.: Музыка, 1986. – 527 с.
- [11] Мундт Т. Эстетика // Музыкальная эстетика Германии XIX века. В 2-х тт. Т. 2. – М.: Музыка, 1982. – С. 213–229.
- [12] Назайкинский Е.В. Принцип единовременного контраста // Русская книга о Бахе. – М.: Музыка, 1985. – С. 265–294.
- [13] Соколов О.В. Об индивидуальном претворении сонатного принципа // Вопросы теории музыки. – 1970, вып. 2. – С. 196–228.
- [14] Спиноза Б. Избранные произведения. В 2-х тт. Т.1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 631 с.
- [15] Тюлин Ю.Н. и др. Музыкальная форма / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Музыка, 1974. – 359 с.
- [16] Холопова В.Н. Формы музыкальных произведений. – СПб.: Лань, 1999. – 496 с.
- [17] Шитикова Р.Г. Контраст в музыке и его жанрообразующая функция в сонате барокко // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 3 – С. 156–161.

¹ Под моноциклической понимается композиция, вбирающая в себя признаки цикла в рамках одностанности.

ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ ИСКУССТВО ГЕНРИЕТТЫ НИССЕН-САЛОМАН

Представлена общая характеристика исполнительской деятельности и анализ репертуара Генриетты Ниссен-Саломан (1819–1879) – известнейшей шведской певицы, гастролировавшей по всей Европе и в России в 40–50-х годах XIX века. Материалом для данной статьи послужили уже известные и впервые вводимые в научный оборот источники, предоставленные Шведской Государственной музыкальной библиотекой Музея музыки в Стокгольме.

Ключевые слова:

вокальное искусство, оперный репертуар, исполнительская деятельность, концертный репертуар, оперная партия.

Генриетта Ниссен-Саломан¹ (1819–1879) – одна из известнейших в XIX веке европейских вокалисток. Ее исполнительская деятельность мало освещена в научной литературе, значимость недооценена. Одна из газет начала XX века пишет: «Пятьдесят лет тому назад... умерла шведская певица, которая была не только современной Дженни Линд², но и достигла таких же наивысших вершин славы, как она. Имя Дженни Линд, ее судьба... известны почти каждому шведу, в то время как имя Генриетты Ниссен-Саломан забыто почти всеми, хотя она всего лишь 60–70 лет тому назад была одной из наиболее знаменитых и почитаемых певиц континента» [10, с. 1448].

Изучение исполнительской деятельности Ниссен-Саломан, осознание того вклада, который она внесла в развитие вокального искусства, необходимо для объективного представления общей картины музыкальной культуры XIX века.

В данной статье представлены характеристика исполнительской деятельности и анализ репертуара Ниссен, осуществленные на основе уже известных материалов, а также новых, предоставленных Шведской Государственной музыкальной библиотекой Музея музыки в Стокгольме. Обобщение источников дает возможность выявить основные черты исполнительского стиля артистки, уровень профессионализма, определить ее место среди других выдающихся певцов середины XIX века.

Артистическая карьера Ниссен продолжалась около двадцати лет и была довольно интенсивной, особенно в течение первого десятилетия. Она родилась в семье состоятельного шведского торговца мануфактурой в Гётеборге 12 марта 1819 года. С детства родные и знакомые восхищаются красивым звонким голосом и музыкальностью Генриетты. В девятнадцать лет ро-

дители по настоянию друзей отправляют ее в Копенгаген на прослушивание к балетмейстеру Королевского театра Огюсту Бурнонвиллю. Он рекомендует Ниссен профессионально обучаться вокальному искусству. С этой целью Генриетта едет в Париж к Мануэлю Гарсиа³. По свидетельству шведского издателя Акселя Кроока: «Мануэль дель Гарсиа при первой проверке певческих способностей высказался довольно удовлетворительно относительно ее голоса и музыкальных способностей, а также с определенным живым восторгом предсказал, что из нее могло бы получиться нечто великое» [Цит. по: 10, с. 1448].

С 1839 года несколько лет Ниссен учится певческому искусству у него, постигая основы лучшей в то время вокальной школы. Дебютирует артистка в 1843 году в Парижской итальянской опере в партии Адальдизы в опере В. Беллини «Норма». После удачного выступления с ней заключают контракт, она начинает работать на одной сцене с такими великими певцами, как Д. Гризи, Ф. Персиани, Л. Лаблаш, Д. Рубини, А. Тамбурини и др.

По окончании контракта Ниссен становится настолько известной, что для нее открываются пути на любые сцены Европы, молодая вокалистка расширяет свой репертуар, гастролируя по разным городам. Сезон 1844–1845 года певица проводит в Петербурге в составе итальянской труппы, представляя партии Донны Эльвиры, Джоанны Сеймур и другие, участвуя в многочисленных концертах [См. об этом: 6].

До 1848 года она работает в Италии, в оперных театрах Генуи, Мантуи, Болоньи, Ливорно, Флоренции и Рима: «...в Болоньи <Ниссен> имела такой огромный успех, что в продолжение двух с половиною месяцев она пела тридцать пять раз в операх: Норма, Девушка-Лунатик и Атилла⁴» [2, с. 40].

В 1848 году Ниссен приезжает в Англию, где выступает в Лондоне на сцене Коvent-Гардена. Если ранее вокалистка пела на шведском, французском и итальянском языках, то теперь осваивает английский, исполнив партию Нормы и Лючии ди Ламмермур [См. об этом: 12, с. 289].

Далее ее гастрольные поездки охватывают Швецию, Норвегию и Германию. Ниссен выступает в Гамбурге, Магдебурге, Ганновере, Бремене, Берлине и Лейпциге, где знакомится со своим будущим мужем датским композитором Зигфридом Саломаном⁵. В одной из русских газет отмечается: «Знакомая Петербургской публике певица Ниссен возбуждает большой восторг в Дрездене и ее с нетерпением ожидают в Берлине. Надо полагать, что она очень усовершенствовалась» [4, с. 266].

В целом, 1840-е годы – период наиболее активной исполнительской деятельности Ниссен: «Она развезжала и давала концерты в городах с требовательной, избалованной, хорошо разбирающейся в музыке публикой, никогда не задерживаясь долго на одном месте, всегда встречаемая ликованием, когда она приезжала, и провожаемая искренним “до свидания”, когда уезжала» [10, с. 1449].

С 1850 года, выйдя замуж, она оставляет театральные подмостки, значительно меньше выступает. Вместе с мужем они гастрольруют с концертами по Европе и России: «... <Ниссен> еще выступала в течение нескольких лет как певица на концертах в России, в Константинополе, в Париже и многих других местах, однако ее основной деятельностью следующую четверть века будет преподавание пения» [12, с. 290]. В течение нескольких сезонов она участвует в концертах Гевандхауза [См. об этом: 9, с. 5–6]. В 1849–1850 годах выступает в 12, а в 1856–1857 годах – в 9 концертах сезона. Об одном из них, где Ниссен исполнила партию Ифигении в сцене из оперы Глюка «Ифигения в Тавриде», читаем: «Этой мыслящей певице удалось в отчетливо выраженных чертах отобразить драматические моменты и представить взорам образ страдающей, мучимой дурными сновидениями греческой девы» [11, с. 63].

Обобщение источников позволяет заключить, что Ниссен – одна из самых успешных вокалисток середины XIX века. Ее одаренность и талант подтверждаются фактами гастрольной жизни певицы, на протяжении которой она не один раз выручает заболевших артисток, выступая за них в оперных партиях или на концерте. В самом начале артистической карьеры бла-

годаря такой случайности Ниссен получает роль Розины в «Севильском цирюльнике» в Парижской итальянской опере, исполнив ее без оркестровых репетиций, вместо Гризи и Персиани [См. об этом: 8, с. 170]. Аналогичный случай произошел с ней в Петербурге, где она спела Розину, заменив П. Виардо [См. об этом: 6, с. 225].

В 1858 году во Франкфурте-на-Майне во время гастролей по Германии Ниссен выступает в партии Ифизы в оратории Г.Ф. Генделя «Иевфай», не зная ее раньше. Благодаря своему мастерству и профессионализму она произвела большое впечатление на слушателей проникновением в «Генделевский дух» [5, с. 14].

В эти же годы свою исполнительскую деятельность ведет соотечественница Ниссен, величайшая певица Линд. Двух шведок связывают особые профессиональные отношения, которые можно охарактеризовать как соперничество, зародившееся еще в период обучения у Гарсиа, с которым Линд начала заниматься в 1841 году [См. об этом: 10, с. 1448]. Неоднократно они выступают перед одной и той же публикой, заставляя невольно проводить сравнение между ними. Долгое время обе вокалистки остаются равными по своему дарованию и мастерству. Автор статьи «Шведский жаворонок» считает, что в 1850 году в Берлине «состоялось решающее сражение между ней <Ниссен> и Дженни Линд... Во время ее <Ниссен> выступления был аншлаг и ее встречали с восторгом, однако то, что ощущалось в атмосфере и частично высказывалось, заставило отчетливо осознать, что пение жаворонка в своем роде, возможно, не уступает пению соловья⁶, но соловей является более изысканной птицей» [10, с. 1449]. По мнению автора, это оказалось весьма болезненным для Ниссен и заставило ее отказаться от дальнейшего продолжения активной артистической деятельности.

По некоторым замечаниям можно предположить, что в ее пении не доставало разнообразия красок голоса при всем его техническом совершенстве: «...он как будто радуется самому себе, переливаясь в звонких трелях; но в нем мало оттенков» [2, с. 40]. Возможно, это одна из причин, по которой Ниссен занимает второе место как певица в сравнении с такими вокалистками, как Виардо и Линд, ее успех и популярность практически забыты уже спустя полвека после завершения карьеры.

Основные черты исполнительского стиля артистки можно выявить в результате более подробного анализа оперного и концертного репертуара Ниссен, включа-

ющего произведения итальянских, немецких, французских, русских композиторов, а также шведские народные песни.

В оперном репертуаре, который можно составить, основываясь на сохранившихся афишах и статьях в периодике, посвященных певице, итальянская музыка занимает первое место. Ниссен исполняет первые и вторые партии в операх «Норма» (Адальджиза, Норма), «Сомнамбула» (Амина) В. Беллини, «Анна Болейн» (Джоана Сеймур), «Велизарий» (Ирена), «Лючия ди Ламмермур» (Лючия), «Лукреция Борджиа» (Лукреция), «Паризина» (Паризина) Г. Доницетти, «Севильский цирюльник» (Розина), «Танкред» (Аменаида) Дж. Россини, «Атилла» (Одабелла), «Эрнани» (Эльвира), «Ломбардцы» (Джизельда), «Двое Фоскари» (Лукреция) Дж. Верди⁷.

Эти партии принадлежат к категории лирико-драматических, в разной степени сочетающих в себе драматизм, страстность с мягкостью и женственностью. Партии опер Беллини, признанного мастера бельканто, требуют совершенства вокальной техники и звуковедения, в операх Верди певцу необходимо обладать драматическим талантом, силой и яркостью голоса. Образы многих героинь, таких как Лукреция Борджиа, Аменаида действенны, решительны; Лючия ди Ламмермур и Амина напротив, символизируют хрупкость и ранимость; Розина полна оптимизма, легкости и веселья. Все эти роли требуют от вокалиста не только совершенного владения голосом, но и разностороннего актерского дарования.

Помимо опер итальянских композиторов Ниссен поет партии в операх Моцарта. Известно об ее в высшей степени удачном выступлении в партии Донны Эльвиры в опере «Дон Жуан», ставшей одной из самых лучших в репертуаре певицы. Помимо идеального в техническом плане исполнения этой сложной для вокалистки партии, в интерпретации Ниссен роль, считавшаяся ранее второстепенной, обретает новую яркую трактовку [См. об этом: 5, с. 12–13].

Ниссен участвует в постановках опер Саломана, ее супруга, музыка которого довольно часто звучит в середине XIX века. В литературном прибавлении к журналу «Нувеллист» отмечено: «Генриетта Ниссен, во Франкфурте, имела чрезвычайный успех в опере Саломана “Бриллиантовый крест”. С таким же успехом Ниссен давала концерты и в Висбадене» [3, с. 72].

Если в оперном репертуаре артистки преобладает итальянская музыка, что не удивительно, учитывая огромную популярность опер Россини, Беллини и До-

ницетти в то время, то ее концертные программы более разнообразны. Они включают оперные арии и сцены не только итальянских композиторов, но и Генделя, Глюка, Моцарта, Мейербергера. В рецензиях можно встретить положительные отзывы об исполнении ею арии из оперы Генделя «Аэций»: «Д-ца Ниссен... вполне оправдала предшествовавшую ей славу и привела слушателей в восторг исполнением арии из “Энцио” Генделя» [2, с. 39]. Эта музыка требует от вокалиста высокой исполнительской культуры, выразительности, внутренней эмоциональности и одновременно возвышенности и точности исполнения. Все перечисленные качества доступны только артистам высшего класса, к которым, несомненно, относится Ниссен.

Концертные программы певицы не ограничиваются оперной музыкой. Выше упоминалось об ее участии в исполнении оратории Генделя, где она проявила высочайший профессионализм. Концертный репертуар Ниссен включает разнообразную в стилевом отношении музыку: А. Марчелло, Ф. Мендельсона, Л. Шпора, А.А. Клапписсона, Ф. Лахнера. Особенно хорошо ей удаются, судя по отзывам, немецкие Lied⁸. Автор одного из отечественных журналов так характеризует ее выступления: «...она пела арию из “Фауста” Шпора, церковную арию Страделлы, большую арию из “Эрнани” Верди и в заключение концерта Шведскую песню. Замечательно, что талант д-цы Ниссен весьма разнообразен... в Германии же она с тем же необыкновенным совершенством исполняет произведения немецкой музыки» [1, с. 32]. В другой статье подчеркивается: «...она обладает необыкновенно богатыми средствами, умноженными основательным музыкальным образованием. В исполнении фиоритур в Итальянских ариях и произведений высокой музыки она в равной степени оказалась превосходною певицею» [2, с. 40].

В процессе изучения исполнительской деятельности Ниссен становится очевидным, что она – величайшая вокалистка, деятельность которой заслуживает внимательного изучения. Автор статьи «Шведский жаворонок» пишет об этом: «<Линд> – артистка, достигшая в своем искусстве наивысшего, давшая своим пением представление о прекрасном. Однако Генриетта Ниссен не заслуживает быть настолько забытой. Ее европейская слава слишком велика, чтобы память о ней в Швеции сошла на нет. Дженни Линд – великая певица и человек искусства. Генриетта Ниссен, возможно, только великая певица. Половины того почтения, кото-

рое мы испытываем перед первой, достойна также и вторая» [10, с. 1449].

В заключение можно сделать следующий вывод: Генриетта Ниссен является одной из выдающихся певиц середины XIX столетия, талант которой, отличная школа и высочайший профессионализм общепризнанны всеми. В период активной исполнительской деятельности она с неизменным успехом выступает в крупнейших оперных театрах и на концертных площадках Европы, в Петербурге и Константинополе. О ней пишут в отечественной и

зарубежной периодике, отмечают красивый сильный голос, блестящую технику, точность исполнения и безупречное чувство музыкального стиля. Репертуар певицы отличается широтой и разнообразием, а исполнение подлинным мастерством и виртуозностью, что лучше всего доказано ее повсеместным успехом.

Для объективного отражения целостной картины развития музыкального искусства XIX века необходимо продолжение поиска и анализ новых источников по данной проблеме, ее дальнейшее изучение.

Список литературы

- [1] Неизвестный автор. Без названия // Литературное прибавление к «Нувеллисту». – 1850, апрель. – С. 32.
- [2] Неизвестный автор. Без названия // Литературное прибавление к «Нувеллисту». – 1850, май. – С. 39–40.
- [3] Неизвестный автор. Без названия // Литературное прибавление к «Нувеллисту». – 1850, сентябрь. – С. 72.
- [4] Неизвестный автор. Без названия // Санкт-Петербургские ведомости. – 1850, № 66, 22 марта. – С. 266, стб. 4.
- [5] Неизвестный автор. Генриетта Ниссен–Саломан. Некролог // Нувеллист. – 1879, № 6. – С. 11–17.
- [6] Пономаренко Е.Ю. Гастроли Генриетты Ниссен-Саломан в России в 1844–1845 годах // Музыкальное образование в современном мире: диалог времен: Сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции (2–3 декабря 2011 г.). – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – С. 223–228.
- [7] Пономаренко Е.Ю. Генриетта Ниссен-Саломан и русская вокальная школа XIX века: к постановке проблемы // Музыкальное образование в современном мире: диалог времен: Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции (10–12 декабря 2009 г.). Ч. II. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 119–123.
- [8] Пономаренко Е.Ю. Исполнительская деятельность Генриетты Ниссен-Саломан в 40–50-х годах XIX века // Музыкальная культура глазами молодых ученых: Сборник научных трудов. Вып. 7. – СПб.: Астерион, 2012. – С. 167–173.
- [9] Fryklund D. Henrietta Nissen, Siegfried Saloman. – Halsingborg: Schmidts Boktryckeri A.-B, 1929. – 19 p. (Материал Шведской Государственной музыкальной библиотеки Музея музыки в Стокгольме)
- [10] Unknown author. Den Svenska Ldrkan // Idun. – 1929, № 52. – P. 1448–1449. (Статья хранится в архиве Шведской Государственной музыкальной библиотеки Музея музыки в Стокгольме. Фонд GV3 Biografiska-anteckningar)
- [11] Unknown author. Untitled // Ny tidning fir musik. – 1857, № 8, February 16th. – P. 63. (Статья хранится в архиве Шведской Государственной музыкальной библиотеки Музея музыки в Стокгольме. Фонд GV3 Biografiska-anteckningar)
- [12] Unknown author. Henriette Nissen-Saloman // Ny illustrerad tidning. – 1879. № 37. – P. 289–290. (Статья хранится в архиве Шведской Государственной музыкальной библиотеки Музея музыки в Стокгольме. Фонд GV3 Biografiska-anteckningar)

¹ Шведская певица и преподаватель вокала, одна из первых профессоров Петербургской консерватории [6; 7; 8; 9].

² Дженни Линд (1820–1887) – шведская оперная певица, гастролировавшая в Европе и США.

³ Гарсиа Мануэль Патрисио Родригес (1805–1906) – известнейший певец (бас) и вокальный педагог XIX века. Певческая школа Гарсиа считалась самой лучшей в Европе, не каждый получал право учиться у него.

⁴ В. Беллини «Норма», партия Адальджизы; «Сомнамбула», партия Амины; Дж. Верди «Атилла», партия Одабеллы.

⁵ Генриетта Ниссен вышла замуж за Зигфрида Саломана 10 сентября 1850 года. После этого она выступала под двойной фамилией Ниссен-Саломан.

⁶ «Шведский соловей» – так называли на родине Дженни Линд, сравнивая ее с Генриеттой Ниссен, которую называли «шведский жаворонок».

⁷ Со многими оперными композиторами певица знакома лично. Партию Ирены в «Велизарии» с ней репетировал сам Г. Доницетти. Сохранилась переписка Г. Ниссен с некоторыми современными композиторами – Дж. Россини, Дж. Мейербером, Ф. Листом, Ф. Мендельсоном и А. Рубинштейном (архив Шведской Государственной музыкальной библиотеки Музея музыки в Стокгольме).

⁸ В одной из афиш значится исполненная ею песня Шуберта «Оцепенение» из вокального цикла «Зимний путь».

«РУССКАЯ ТЕМА» В СОНАТЕ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ГРИГОРИЯ КОРЧМАРА

Статья посвящена Сонате для фортепиано петербургского композитора Григория Корчмара. Освещены некоторые особенности воплощения творческого замысла композитора в рамках сонатного жанра, композиционные приемы и техники, выполнен целостный анализ произведения.

Ключевые слова:

жанр, Г.О. Корчмар, неофольклоризм, современные петербургские композиторы, соната, фортепианная музыка.

Многие композиторы XX в. выбирали жанр сонаты для претворения в жизнь своих творческих идей. Среди отечественных классиков необходимо упомянуть С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича, а из видных представителей петербургской музыки последних десятилетий – Г.И. Банщикова, С.М. Слонимского, Б.И. Тищенко, Г.И. Фиртича и др.

В XX в. вариационность и процессуальность обрели новые трактовки, а тональный и тематический контрасты заметно сдали позиции в воплощениях сонатности. Кроме того, получила развитие полистилистика и возник новый тип смешанных форм, в которых совмещаются черты, ранее необъединяемые. Сонатность как способ передачи образно-тематического контраста по-новому реализовала свой потенциал, а индивидуализированность формы стала знаком времени.

Цель статьи – представление профессиональной аудитории Сонаты для фортепиано Г.О. Корчмара¹ (далее – Соната), основная задача – выполнить ее целостный анализ. Большое значение имеют материалы интервью, которое композитор дал автору статьи по поводу своего сочинения.

В год создания Сонаты, 1975-й, в музыке поднялась так называемая «новая фольклорная волна». Неофольклоризм ярко проявился в творчестве В.А. Гаврилина, Б.И. Тищенко, С.М. Слонимского и др. Мощное фольклорное начало в Сонате сближает ее со многими сочинениями этих авторов. Прямых цитат из народной музыки в произведении нет, за исключением третьей части, где композитор использует украинскую народную колядку «Меланька ходила»² из сборника И.И. Земцовского [2].

Увлечение Г.О. Корчмара образами Древней Руси, русской архаикой выразилось в создании мистерии «Сказание о Борисе и Глебе», в основу которой легли интонации знаменных распева. Заме-

тим, что музыка первой части Сонаты во многом перекликается с мистерией. Симптоматично и то, что сонатный цикл Корчмара возник под впечатлением от фильма А. Тарковского «Андрей Рублев», новеллы которого навеяли содержание каждой из частей. Первая часть воплощает образы начальной новеллы под названием «Полет», вторая – новеллу «Скоморох», финал сопоставим с последней частью – «Колоколом». У композитора быламысль назвать сонату «Деревянная Русь». Впоследствии автор отказался от детальных словесных обозначений, но для понимания этого инструментального произведения небезполезно иметь сведения о первоначальном замысле, о скрытой программе.

Были и другие влияния, в частности, Корчмар называет конкретные сочинения и композиционные средства произведений П. Хиндемита и А. Шёнберга. Но автор отмечает также, что Соната – сочинение переходное, в котором он стремился отойти от принципов новозенцев. Если обратиться к особенностям композиционной техники, то двенадцатитоновой серийности здесь нет. Тем не менее, без элементов серийности не обошлось: композитор использует свободные микросерии, состоящие из трех-четырёх звуков, производя в них всевозможные операции.

Корчмар обращается к трехчастному сонатному циклу, но его драматургическая концепция далека от классической³, о чем говорит, в частности, соотношение темпов: Moderato sostenuto–Allegro vivace–Maestoso. В цикле происходит движение от медленной, эпического характера первой части, через скерцозную, скоморошью вторую – к третьей, наполненной колокольным перезвоном. Соната как бы вырастает из архаичной монодии в современное многозвучие и смешанный склад.

Музыка первой части погружает слушателя в суровые, жестокие образы, ас-

социрующиеся с Древней Русью. Одноголосная монодия сумрачного характера, открывающая произведение, выступает собирательным воплощением знаменного распева. Развитие мелодических оборотов имеет специфический характер, связанный с применением *принципа вызревания тематизма*, что, в свою очередь, апеллирует к музыке Б.И. Тищенко. Начальный скупой мотив (секундовый ход, меняющий направление движения) интонационно как бы «расширяется» (и интервально, и фактурно). В начале второй части, хотя характер музыки здесь совсем другой, также экспонируется простая, на этот раз трихордовая попевка, которая затем видоизменяется интонационно и ритмически.

Можно выделить три крупных раздела, подобных экспозиции, разработке и репризе в сонатной форме, однако в структуре первой части присутствуют и черты индивидуализации. Начальная монодия, с форшлагами, напоминающими всхлипывания и причеты, длится на протяжении 35 тактов, этот раздел можно условно обозначить как «А». Главная партия представлена в виде вырастающей, а затем ниспадающей звуковой волны. С 36-го по 44-й такт излагается новая, более компактная тема, в своей мелодике основывающаяся также на секундовых ходах – это побочный материал «В». Весь этот раздел удержан в тихой, зыбкой, какой-то разорванной, звучности. Фактура состоит из трех пластов, что в нотном изложении потребовало дополнительной строчки. Различия между «А» и «В» столь заметны, они так ярко сопоставляются, что позволяют трактовать весь раздел как экспозицию сонатной формы.

Разработка начинается с 45 такта, как бы вновь с зачина Сонаты, только это уже не монодия, а полифония, т.к. добавляется контрапункт, взятый из оборотов побочной партии. Первая фаза разработки основывается на принципе строфичности. Происходит синтез элементов главной и побочной партий, в фактуре заметно уплотнение: вводятся дублировки, кластеры. Далее подключаются полифонические приемы, интенсифицирующие развитие. Так, с такта 65 (где впервые слышен гуд колокола) материал «В» усложняется каноническими наложениями, а затем возникают вертикальные перестановки. Септимовые дублировки, линейно пронзающие басы (такты 78–81), в сочетании с жесткими интервалами в наложениях верхних голосов создают диссонантную вертикаль. «Колокольный звон» в тактах 82–89 имеет звукоизобразительное значение и выпол-

няет важную драматургическую функцию в форме: это подготовка к «полету». Его тематическую основу составляет начальная интонация «В», которая получает значение «генератора роста» композиционной структуры первой части, но в двойном уменьшении (82-й такт).

Кульминация первой части (такты 94–102) приходится на начало зеркальной репризы. Здесь возникает версия побочного материала в виде «В1» – это и есть «полет в неизвестность». Если в экспозиции главенствовало призрачное *pp*, то теперь – *ff*. Форшлаговая линия становится гораздо более разнообразной и цветистой, чем в начале. «Эйфория полета» обрисована зависанием на секунде *ми-бемоль-ре-бемоль* в высоком регистре с контрапунктирующей (и комментирующей!) речитацией в среднем регистре⁴ (сродни человеческому голосу). Затем следует «срыв» (102-й такт), четко прописанный в тексте. Символизирующий падение аккорд сложного строения, гудящий глубоко в базах, дополнен флажолетами фортепиано. Все это скреплено педальным смешиванием, затем педаль снимается, остаются лишь призрачные звуки флажолетов. Каринность приема налицо⁵. Далее проводятся отзвуки главной партии, но ее монодийная основа теперь обнаруживает свою внутреннюю диалогичность. Динамизированная реприза довольно быстро завершается в 110 такте⁶, там же вступает кода. Заключительный тип изложения выражается здесь в повторности-остинатности: в нижнем голосе удержан варьируемый ритмически ход в объеме *секунды* ля-бемоль–си-бемоль, в верхнем же голосе к обращенной *секунде* (ми–ре) добавляются трихордовые попевки, предвосхищающие начало следующей части.

В целом, форму первой части можно охарактеризовать как сонатную, но обращение с формой – свободное, индивидуализированное, нередко композитор прибегает к волновой специфике в организации материала. Перемена метра – 6/4, 7/4 – связана с вокальной природой музыкального материала. Это характерная черта древнерусской музыки, знаменных распевов и фольклора, пришедшего из глубины веков. Асимметрия, избегание квадратности и буквальная повторности ритмических фигур возводятся в принцип развертывания материала. В основе лежит также вариационность, которая в данном контексте создает эффект свободной речевой выразительности.

Принцип контраста задействован в построении всего цикла. В частности, крайние части имеют переменный метр,

а на протяжении всей средней части размер неизменен: 3/4. Если в основу первой части положен вокальный принцип, то во второй части материал несет в себе черты инструментального наигрыша.

Свободной трактовке в построении второй части подвергается сложная трехчастная форма. В крайних разделах использованы три темы. *Первая* из них, начальный мотив которой выведен из трихордовых попевок коды первой части, носит скомоший характер. Образ потешающего публику скомороха создается специфическими средствами: это монодия, образующаяся путем комбинаторной работы со звуковыми единицами. Повторяющиеся звуки создают устои, а после паузы на целый такт, когда скоморошье действие возобновляется, склад постепенно модулирует в неимитационную полифонию, где среди подголосков есть и подражание гудению дудки. Изложение начального материала занимает большое пространство – такты 1–51. В 52-м такте новая метаморфоза: образуется четырехголосная имитация со сложной организационной формулой, но на элементарном мотиве. Это и кульминация развития первой темы, и одновременно подготовка *второй* темы, которая значительно более лапидарна и танцевальна, чем «кривляющаяся» первая, но интонационно две первые темы близки. *Третья* тема (такты 109–140) отличается чертами маршевости, ее гротеск никак не укладывается в предложенный метр, на ее пути встречается множество синкоп, ее постоянно перебивают вкрапления мотивов из первой и второй тем.

Средняя часть, по своей функции и типу музыкального материала напоминающая трио в танцевальных трехчастных формах, начинается с 141-го такта. Темп тормозится (указание *rosso meno mosso*). Характерное гудение, вызывающее ассоциации с древними гудками и другими инструментами скоморохов, создается почти «бартоковскими» приемами: параллельные выдержанные квинты с дублировками, мелодические слои разведены на две октавы. Примечательно, что в следующих тактах 144–145 слышатся отголоски материала, который экспонировался в самом начале части. Далее октавный интервал дублировки меняется: в нону, в сексту, в септиму, в дециму (терцию), снова в септиму, и, наконец, в тритон (такты 172–175). Применение такого приема, как сообщил Г.О. Корчмар, было навеяно Камерной музыкой № 1 ор. 24 П. Хиндемита⁶. Проведения темы средней части перемежаются реминисценциями из первого раздела, в

частности, в тактах 161–168 вторая тема приобретает оттенок комической жалобы. Таким образом, принцип напоминания ошутимо цементирует структуру.

Реприза (такты 185–240) сокращена и динамизирована. Только вторая тема сохраняет свое регистровое положение и прежний облик, первая и третья окунулись в басовые регистры. Новую фазу развития проходит начальная «кривляющаяся» тема, которая из монодического склада вырастает до подлинного многоголосия. С 224-го такта вторая и третья (в октавном удвоении) темы объединены в контрапункте.

В коде возникает движение шестнадцатыми до генеральной паузы (такт 245). Здесь есть новый эпизод колокольного звучания. И, в качестве апофеоза, в последних четырех тактах проводится начальная попевка второй части с расширением и сложным изложением: шестиголосие политонального плана со встречным движением голосов. Затем следует заключительное прерывание звучания с характерной ритмической фигурой.

Третью часть Г.О. Корчмар в своем интервью условно назвал «Литье колокола», и эта программная установка важна для исполнителя. Форма финала наиболее свободная в Сонате. На первых двух страницах происходит вызревание нового тематизма, поэтому с 1 по 33 такт перед нами вступление, где идет поиск и определение характерных интонаций последующего материала. В основе первой темы (такты 1–15) лежат интервалы обертонового звукоряда от натурального тона До, с которых в звучании *misterioso* и *pp* начинается финал. Интервалы, отделенные в мелодии один от другого, диатоничны – кварта, квинта, секста. С 16-го такта происходит смена «строительного» материала: теперь это септимы, ноны, секунды, многоголосная фактура уплотняется дублировками. Возникает новая контрастная тема, которой суждено сыграть роль обрамления в вырастающей форме.

Главная тема четко сформулирована, начиная лишь с 34-го такта, мелодия как бы нанизывает на одну нить разрозненные интонации из первой темы вступления. Второе проведение в тритоновой транспозиции излагается с 42 такта, а в тактах 46–53 происходит обобщение интонаций второй темы вступления, ползущая неустойчивость звучания сигнализирует о функции перехода к новому разделу.

Контрастом на *ff* и *marcatissimo* в 53-м такте вводится мелодия украинской народной колядки «Меланька ходила». Тут-

то и выясняется, что «вызревало», ведь начинается эта тема, как и первая тема вступления, с хода на кварту, а закругляет мелодическую фразу уже знакомая слушателю трихордовая попевка в объеме квинты. Единство материала подчеркивается и тем, что в подголоске систематически появляется ход шестнадцатыми. Второе проведение темы колядки предусмотрено на кварту выше, это первая вариация.

В большом среднем эпизоде, *Tempo rubato* (*molto improvvisato*), на первый план выходит импровизационность. Возникает образ музыки природы с призрачными отзвуками, с эффектами эхо. Ощущается тематическое родство с уже прозвучавшей музыкой благодаря опоре на интервалы кварты, квинты и сексты, только это родство переходит в другое качество. Вариантно-строфическое строение музыкального материала формируется членением на фразы, причем первые две начинаются с ноты «ре», а третья и четвертая – с «ля». Репетиции изысканны, здесь можно проследить и динамическое разнообразие. Но самой важной отличительной особенностью является работа с мотивами. Автором используется прием «отсекновения»⁸, который также рождает эффект эхо. Наконец, большая объединяющая фраза, пятая по счету, вновь начинается с ноты «ре», как и первые две, только на октаву выше, она построена на ламентации, состоит из нескольких микрофраз и разделяется на звенья. В основе шестой фразы лежат интервалы большой секунды и квинты, что отражает интонационную стихию главной темы. Седьмая фраза также состоит из нескольких микрофраз, наконец, в восьмой фразе композитор вновь напоминает об эффекте эхо. Практически весь большой средний эпизод можно рассматривать как некую свободную вариацию рапсодического плана на фольклорном тематическом материале.

В начале репризного раздела (*Tempo I*) происходит синтез элементов тем финала. Однако характер колядки при ее блуждании в басах превращается в жесткий, угрожающий, т.к. безобидная народная песня помещается в полифонические условия существования. Новый эпизод начинается с *basso ostinato* в нижнем регистре, затем опробуется каноническая имитация (81-й такт), третий голос вступает асимметрично, показывая свою ритмическую автономность. Далее происходит напластование многоголосных канонов по квартам. По своей функции в большой форме финала это развернутая полифоническая вариация на мелодию колядки. В следующей вариации

(такты 89–99) полифоническое начало сохраняется. Колядке здесь придан характер марша. В 91-м такте в правой руке вводится контрапункт, и, не прерывая маршевого движения, начинают наслаиваться фанфарные мотивы из главной темы.

Возникающий далее эпизод (такты 100–113) является кульминационным, он носит колокольный характер. В верхнем мелодическом пласте происходит непрерывное повторение второй интонации главного материала, а внизу, в чередовании двух аккордов слышится набат. Важно отметить пианистическую особенность: в верхнем регистре используется мартеллатная техника, где левая рука играет диатонику по белым клавишам, а правая – пентатонику по черным, причем мелодическая основа взята из интонаций колядки. Максимальная динамика, густые вибрации пассажей, удаленность регистров с охватом полного диапазона фортепиано, сверкающие ходы из мелодии колядки – все это позволяет создать лучезарный образ явленного чуда.

В заключении возвращается второй материал вступления, но, на этот раз, в гимническом звучании и более расширенном виде (такты 114–129). В следующих тактах 130–143 при обращении к интонациям первой темы вступления, сопровождаемым гаммаобразными пассажами (заметим, что «набатные» аккорды в нижних слоях появляются и здесь), вновь используется прием «отсекновения», но на этот раз ступенчато: в такте 135 происходит первое «отсекание сверху» в пассаже, в такте 137 «застревание» на ля-бемоль приводит к последующему «отсеканию снизу». Эффект эхо подчеркивается динамикой: композитор подписывает большое *diminuendo*, вплоть до *pp*. В музыке прослеживается намек на подражание кукушке, как голосу природы и символу судьбы. С одной стороны, это образ природы, а с другой стороны, он несет в себе философское начало. Композитор здесь как бы ставит знак вопроса: А сколько еще впереди?..

В коде (такты 144–156) также звучит тема колядки, но в уменьшении, в высоком тембре колокольчиков – как просветление густой набатной колокольности. И мотив колядки обрывается без каданса, а в басу выдерживается до-мажорный аккорд с внедренной секундой.

Драматургия цикла связана с новеллистичностью и эпичностью, что взято из кинематографического произведения и применено в новых условиях музыкального сочинения. Главным же формообразующим принципом в Сонате является «вызревание тематизма», выращивание

многопластовой музыкальной ткани из одного «интонационного зерна». Моно-тематизм для композитора – важнейший фактор организации музыкального материала. Единым сквозным тематическим «зерном» является интервал секунды, в нем заключена начальная точка развертывания фактуры от одноголосной монодии к многозвучной колокольности. Кроме того, стремясь к единству всех частей Сонаты, автор использует в мотивном плане как секундность, так и квартность.

К Сонате применим термин В.В. Задерацкого – «симфонические сонаты», о которых он пишет: «Полифония оказалась замечательным средством становления симфонической композиции большого масштаба» [1, с. 107]. Наибольшее насыщение полифоническим развитием приходится в Сонате на финал, в структуре которого складывается «рассредоточенная полифоническая форма» (термин В.В. Протопопова). К ее созданию привлекается фольклорный материал, на основе которого складываются полифонические вариации, образуется афористичный тематизм.

Г.О. Корчмар мастерски применяет различные приемы музыкального письма: полифонические – использование контрапункта, *basso-ostinato*, имитационной техники и канонических наплываний, антифонные – переключки наиболее ярких мотивов и др. Следует отметить и обращение композитора к технике политональ-

ности, причем фоновая роль колорита выдвигается на первый план. Хочется сделать акцент на щедром использовании педализации, смешивании слоев, что несомненно характерно для импрессионистического решения пейзажных картин. Однако при детальном рассмотрении образно-тематического плана произведения можно выявить связи с романтическим направлением, на что указывает сфера образов. Это, безусловно, и излюбленная романтиками «колокольность», изображение перезвона в сочетании с регистровым размахом в музыкальной ткани, а также трансформация тематизма. Призывные, провозглашающие интонации, пунктирный ритм темы третьей части порождают ассоциации с «темой воли» А.Н. Скрябина в «Поэме экстаза». Вместе с тем, в контексте эстетико-стилевых тенденций в Сонате усматривается контрастное сочетание романтической и антиромантической направленностей. Так, например, «ударное» звучание фортепиано используется композитором наряду с типично романтическим тембральным окрашиванием музыки.

Соната для фортепиано Г.О. Корчмара – произведение яркое и самобытное, представляющее собой удачное соединение мастерства композиторской техники и палитры средств музыкального языка современности с богатой фантазией творца и высокой эмоциональной содержательностью повествования.

Список литературы:

- [1] Задерацкий В. Музыкальная форма. Вып. 2. – М.: Музыка, 2008. – 526 с.
- [2] Земцовский И. Мелодика календарных песен. – Л.: Музыка, 1975. – 224 с.
- [3] Курносова С. Стилевые горизонты Григория Корчмара // Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании: Материалы конференции. Том 31. Искусствоведение, архитектура и строительство. – Одесса: Черноморье, 2010. – С. 48–55.

¹ Григорий Овшивич Корчмар (р. 11 декабря 1947 г., г. Балтийск) — российский композитор и пианист, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, художественный директор международного фестиваля «Петербургская музыкальная весна», председатель правления Санкт-Петербургского Союза композиторов (с 2006 г.). В 2008 г. Корчмару был присужден грант президента РФ на осуществление проекта «Из „золотого“ архива петербургской музыки».

² Начальный мелодический оборот колядки весьма схож с зачином казацкой народной песни «По Дону гуляет...»

³ Как известно, наиболее часто в трехчастном сонатном цикле встречается темповая схема быстро–медленно–быстро.

⁴ Исполнителю необходимо обратить внимание на то, что композитор намеренно выставляет акценты на каждом звуке этой фразы.

⁵ Главный герой первой новеллы кинофильма «Андрей Рублев» мастерит для себя крылья, чтобы полететь с колокольни, его попытка оканчивается трагически.

⁶ Пианисту следует сделать значимым опорное Си-бемоль в басу, на сильную долю, т.к. ход Си-бемоль – Ля-бемоль – это хороший ориентир для слуха, централизирующий ладовую организацию в сложном музыкальном материале.

⁷ Из интервью Г.О. Корчмара (26.10.2010 г.).

⁸ Терминология Г. Корчмара. Терминология Г. Корчмара.

ЦЕРКОВНО-ПЕВЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЦКА. К ВОПРОСУ О ЗВУКОИДЕАЛЕ*

Анализируются особенности звукоидеала современной традиции православного церковного пения Полоцка. Автор формулирует комплекс проблем, возникающих в процессе возрождения православных церковно-певческих традиций, различных факторов, влияющих на этот процесс.

Ключевые слова:

возрождение православной церковно-певческой культуры, звукоидеал, естественное и искусственное пение, церковно-певческая культура Полоцка.

Современная православная церковно-певческая традиция Полоцка характеризуется особенностями как общего порядка, обусловленными процессом восстановления утраченных традиций церковного пения, начавшимся в конце 80-х гг. прошлого столетия, так и этно-конфессиональными нюансами полоцкого региона, на протяжении нескольких столетий формировавшими индивидуальный облик этой традиции. В данной статье анализируются основные тенденции в церковно-певческой практике полоцкого региона последних двух десятилетий на примере певческого искусства сестер Спасо-Евфросиньевского женского монастыря, основанного св. благоверной княгиней Евфросиньей Полоцкой. Объект исследования – звукоидеал¹ полоцкой церковно-певческой культуры в ее современном состоянии. Под звукоидеалом в современной музыкальной науке понимается система представлений носителей традиции о том, каким должно быть звучание песни во всем комплексе ее составляющих, т.е. характерный для исполнительской традиции канон звучания, предполагающий определенные тембральные, артикуляционные, ритмо-динамические «стереотипы», выявляющие индивидуальный колорит именно этой традиции². Любая традиция – певческая или инструментальная – является воплощением заложенного в художественном сознании ее носителей звукоидеала.

В 1989 году по решению Священного Синода Русской Православной Церкви о возрождении Полоцкой обители началось восстановление монастыря, а вместе с ним – богослужения и монашеского певческого искусства.

Монашеская традиция до настоящего времени сохранила в себе признаки культуры символического, «средневекового» (Ю. Лотман) типа, сформированного еще

в период деятельности Св. Евфросиньи Полоцкой. Духовная преемственность величайшей просветительницы Белой Руси ощущается именно в среде женского монашества. Основная научная парадигма настоящего исследования связана с изучением певческой культуры женских монастырей. Изучение роли личности в процессе хранения духовной и культурной памяти Полоцка представляется перспективным для восстановления осознания уникальности и значимости Полоцка в истории славянской культуры и церковности. Церковно-певческая традиция в ее единстве словесного (логос, разум) и певческого (эмоциональное) начал, позволяет в полной мере выявить те доминантные коды полоцкой культуры, которые составляли ее уникальность и определили ее сохранность на многие столетия.

Церковно-певческую традицию в значительной степени можно отнести к типу культур контактной коммуникации [5]. Существовая в записи (крюковая, нотолинейная), церковно-певческая традиция, тем не менее, в значительной степени функционирует в живом звучании, ее исполнительские каноны передаются изустно, при непосредственном контакте – от певчего к певчему, от поколения к поколению. Зачастую монастыри имеют в своем обиходе одни и те же песнопения, но особенности певческого стиля (тембро-артикуляция, ощущение ритма-времени) различны. Параметры исполнительской традиции также подвергаются изменениям во времени, особенно, если учитывать историческую судьбу Белоруссии и России, где почти полностью была утрачена традиция церковного пения на многие десятилетия. Научный анализ возрождающейся традиции необходим в связи с проблемой возврата утраченных ценностей православной культуры, и, прежде всего, – богослужения.

Слуховой анализ богослужебного пения представляется продуктивным, когда речь идет об изучении и определении своеобразия локальных певческих традиций, в том числе и церковных. Результативность данного подхода доказана в исследованиях Ю. Лемясовой, в том числе касающихся современной полоцкой традиции церковного пения [2].

Записи, послужившие материалом настоящей статьи, фиксируют пение сестер в разные периоды возрождения обители (1997, 2005, 2011)³, и по ним можно определить становление певческой традиции в монастыре, обладающей, безусловно, своими индивидуальными чертами. По сути, эта традиция насчитывает двадцать с небольшим лет, поскольку, в 60-е годы XX века при очередной ликвидации Спасо-Евфросиньевского женского монастыря часть насельниц перешла в Жировицкий монастырь, унеся с собой бережно хранимое певческое искусство. Возникнув после почти 30-летнего безмолвия, она восстановила неизменными песнопения обихода, но само звучание, тембро-артикуляционные особенности соответствовали уже несколько иному звукоидеалу. Назовем некоторые его особенности.

1. При анализе звукоидеала прежде всего обращает на себя внимание тембровая сторона. Преобладает академическая постановка голоса⁴ сестер. Она, хотя и в довольно сглаженная, приглушенная, говорит о стремлении создать свой стиль академического вокала, адаптированный к богослужебной практике. Ансамблевый тембр обладает однородностью, наблюдается тенденция к унификации индивидуального тембра, что свойственно академическим хоровым коллективам.

Существует мнение, что осваивая технику академического вокала, можно уберечься от перегрузок, связанных с частотой и длительностью церковных служб. В одной из своих работ И. Мацневский вводит понятие «естественного» и «искусственного» пения: звукотворчество, поставленное на определенную модель (*bel canto*, китайская опера и т. д.), предполагает перестройку певческого аппарата и отказ от собственной природы. «Природная» певческая интонация, столь ценящаяся и культивируемая в традиционных культурах Запада и Востока, нивелируется при ее соприкосновении с инструментами, ориентированными на равномерно-темперированную систему (противоречие особенно остро ощущается в сочетании голоса и рояля). Вытеснение естественной вокальной интонации в ака-

демической культуре происходит вследствие господства нотолинейной записи, предполагающей иное осмысление природы звука (нота-точка вместо ноты-знака), сочетания звуков, ведь нотация по своей природе инструментальна [6]. В русской и белорусской церковно-певческих культурах мы наблюдаем аналогичный процесс. При переходе от знаменной нотации, предполагавшей системное мышление (знак = тембр, интонация, агогика, высота), к нотолинейной (нота=высота) были утрачены основы естественного пения.

Зачастую можно услышать, когда репетиции хора в монастырях проходят при участии фортепиано (явление не редкое), а распевка, упражнение ориентированы на классическую академическую культуру голоса, «искусственное» пение. В то же время, в женских монастырях Сербии, Греции, Кипра, где сохранились византийские традиции, певческая манера скорее напоминает традиционную, при которой голосоречевой аппарат, диафрагмальные дыхание работают в своем естественном режиме, создавая мощный темброво насыщенный поток звучания. В Белоруссии и России практика «естественного пения», ориентированного на раскрытие объективных и субъективных возможностей певческого аппарата, свойственна пока только творческим коллективам, исполняющим древнерусские церковные песнопения и стремящимся исполнить их в соответствующей исполнительской традиции, учитывая особенности артикуляции, тембра, агогики, соответствия акустике храма⁵.

Современная церковно-певческая практика толерантна к различным системам передачи музыкальной информации. И здесь велико значение возрождения традиции пения по крюкам, поскольку своей природой оно задает условия для «естественного» пения. Здесь выбор певческой позиции, подача звука, границы певческого диапазона принципиально ситуативны – творческое задание приходит изнутри, от самого певца, прекрасно осознающего свои психофизиологические возможности. Как и в традиционной культуре, где многие особенности интонирования идут от слова, имеющего свою интонацию, церковный язык имеет в себе такой же потенциал, и задача певчих – максимально его раскрыть. Кроме того, как отмечает И. Мацневский, традиционные певцы никогда не срывают голос.

2. Плотность, насыщенность, регистровый объем звучания является одним из

составляющих звукоидеала в любой певческой традиции. В полоцкой традиции существуют свои особенности.

Регистр исполнения песнопений – довольно высокий (в диапазоне сопрано – альты), «опорность» низкого регистра большей частью выражен неотчетливо, что дает разреженность, прозрачность звучания, свойственно трехголосье. Очевидно, выстраивание вертикали, фактуры в целом, у певчих обусловлено художественной задачей – достижение образа прозрачности, неотмирности, «бестелесности» звучания. Эта тенденция в настоящее время получила довольно широкое распространение в женском монашеском пении некоторых монастырей. Особенно ощутимо это различие при сопоставлении с певческой традицией Пюхтицкого Успенского женского монастыря, которая существовала непрерывно со дня основания обители. Мощное, насыщенное и, в то же время эмоциональное, трогательное звучание хора пюхтицких монахинь, по певческой манере далекое от академического хора, контрастно современной традиции ансамблевого ровного, приглушенного пения женских монастырей, в которых пришлось заново создавать свои певческие традиции.

Было бы неверно делать поспешные выводы о причинах этого явления – его следует изучать с точки зрения разных факторов. Здесь не только играют роль представления о характере богослужебного пения. Важен и социальный фактор (ограниченное число насельниц, поэтому не всегда есть возможность создать полноценный хоровой коллектив), и, собственно, музыкальный – одновременно с возрождением церковно-певческих традиций в Белоруссии и России наблюдался пик популярности ансамблей старинной музыки Средних веков, Возрождения, Барокко со своим специфическим, сугубо европейским звукоидеалом. Вполне вероятно и живущие в культурной памяти реликты певческой традиции униатов. Последнее особенно актуально в связи с Полоцком, где самосознание культурной традиции балансирует между латинством и славянством. Стоит отметить и общую для России и Белоруссии тенденцию к оскудению и утрате певческого искусства вообще, которое, безусловно, формирует качество певческих ресурсов в монастырях.

3. В полоцкой традиции женского монашеского пения, по всей видимости, существуют свои специфические культурные концепты¹, явно или подспудно повлиявшие на облик традиции в ее современном

состоянии. Прежде всего, речь должна идти о кантах, распространившихся на территории Беларуси в XVII–XVIII вв. и функционирующих по настоящее время. Их музыкальный стиль и эмоциональный строй имели ряд существенных отличий от православной традиции древнего церковного пения. Если рассматривать феномен церковного канта как некий концепт белоруской и русской певческой культуры в целом, то его характерными чертами является: 1) наличие сюжета (нередко потенциально подразумевающего театрализацию или визуализацию), что обусловило его широкое использование в разного рода театральными представлениях (батлейках, праздниках семинарий, братских школ) – в противовес характерной для православной певческой традиции мирозерцательности; 2) передача аффектов радости, печали, ликования и др., родственных барочной системе аффектов; но не древнерусскому церковному пению; 3) ориентированная на европейскую функциональность гармоническая основа и строение фактуры (бас + мелодия, изложенная в терцию); 4) кант провоцирует и особую тембральную манеру – максимальная сглаженность, единство ансамблевого тембра, зачастую нивелирующее индивидуальный тембр; 5) связанная с песенно-танцевальной культурой четкая ритмика кантов. При этом, на наш взгляд, наиболее существенные музыкально-стилевые признаки – функциональное трехголосье – появляясь в других жанрах богослужебных песнопений, так или иначе, индексируют к кантовой традиции. Поэтому можно поспорить с исследователями, утверждающими, что кантовая традиция способствовала сохранению православной церковно-певческой традиции – напротив, она помогала ее забыть, внося элемент театральности, светскости в богослужение.

4. При рассмотрении тембро-артикуляционной стороны церковного пения и чтения необходимо, прежде всего, обратить внимание на проблему артикуляции церковного языка. Постигание его звукового мира, тембрового богатства, в нем заложенного, понимание его «инаковости» по отношению к современному русскому языку ставит перед певчими задачу освоения его артикуляционных моделей, а также интонационного наполнения этой модели.

Звуковой состав церковного языка уже сам по себе привносит в жизнь современного человека иную тембральную стихию. Язык богослужения становится не только

миром новых смыслов, но и новых звучаний. В диаде смысл – звук внимательность и тщание к последнему порождают ясность понимания первого. Лексическая близость и, следовательно, понимание (хотя и относительное) церковно-славянского языка вступают сегодня в противоречие с трудностями произнесения. Несколько отличные от современного литературного языка законы сочетаемости фонем (коартикуляция) требуют и иных артикуляционных жестов, иной артикуляционной моторной программы, непривычной для артикуляционного аппарата современного человека. Трудности произнесения текста зачастую порождают и закрепляют его невыразительное интонирование, его неясную смысловую артикуляцию.

Артикуляционные модели церковно-славянского языка нередко непривычны и неудобны для артикуляционного аппарата современного человека. Наиболее адекватно их озвучивает знаменное пение, как бы вырастающее из интонации чтческой. Чтение нараспев и пение – естественная и, вероятно, единственная форма функционирования церковнославянского языка на протяжении многих столетий, ведь разговорным он не был никогда. Гласные звуки в данном случае, находясь в той или иной степени в позиции ударного, обладают идеальными полноценными тембровыми характеристиками. Еще Л.В. Щерба, отмечая нейтральность гласных звуков русского языка, выделяет их идеальную звукоформу в пении и чтении нараспев: в этой ситуации «<...> различия силы (ударения – А.Т.) и их последствия – различия качества – скрадываются, и <...> таким образом нет безударных гласных» [9: 94–95].

Чтческая артикуляция находится под прямым воздействием акустики храма. Чтец как бы ищет нужный модус вокальной экспрессии, который бы позволил ему «озвучить» храм, сделал бы каждое слово услышанным. Чтческая традиция Свято-Евфросиньевского монастыря отличается ровностью звучания. В пении и чтении сестер слышится своеобразная детскость тембра. Подобная экспрессия возникает, вероятно, и по причине необходимости

читать более звонко, отчетливо выговаривая каждый звук, тем самым усиливая полетность звука. При этом такая важная для чтения Псалтыри характеристика, как выразительность ритма (подчеркивание дыханием фразировки, акцентировка ударений и т.п.) значительно сглажена, сведена к минимуму. Подобная ритмическая ровность, где-то даже монотонность, иногда препятствует восприятию смысла и тем более ощущению богатства звукового строя языка. Есть случаи, когда монахи читают акафист с чувством, несколько «надрывно» – тогда в чтении преобладает певческая интонация, воспринимаемая на слух более результативно, поскольку содержит в себе компонент психоэмоционального выражения⁸, проживания сердечным чувством каждого момента молитвы. Восклицательная интонация в чтении, балансирующая между чтением и пением, в настоящий момент в богослужении не является преобладающей, она сведена к минимуму. Полоцкая традиция также находится в русле этой тенденции.

Приведенные наблюдения показывают связь современной традиции женского монашеского пения полоцкого региона с тенденциями, как общими для современной православной певческой культуры (профессионализация состава хора, уменьшение численности певчих, нивелирование индивидуального певческого тембра, вызванного академической манерой пения, ритмическая артикуляционная сглаженность чтческой манеры), так и свойственной лишь ей (влияние культуры канта) процессами. В настоящий момент происходит активное формирование звукоидеала полоцкой традиции женского монашеского пения. Данное исследование призвано привлечь внимание специалистов в области церковно-певческой культуры, как ученых, так и исполнителей на проблемы формирования этой традиции, участие которых, наряду с поддержанием и развитием певческой культуры на белорусской земле, могли бы оказать самое благотворное влияние на возрождение певческой культуры монастыря св. благоверной Евфросиньи Полоцкой.

Список литературы:

- [1] Котов А.Н, Тимошенко А.А. Выразить невыразимое: Слово звучащее // Голос в культуре. Артикуляция и тембр. Сб. науч. статей / Ред.-сост. И. Чудинова, А. Тимошенко. – СПб., 2007. – С. 5–20.
- [2] Лемяева Ю. Современная певческая традиция Полоцкого Спасо-Евфросиньевского монастыря // Церковно-музыкальный Полоцк и Петербург в пространстве европейской культуры. Сб. науч. ст. / Сост. И. Чудинова, А. Тимошенко. – СПб., 2011.
- [3] Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков // Лотман Ю.М. Чему учатся люди. – М., 2010. – 416 с.

- [4] Мацневский И.В. Звукотворчество в психофизиологическом и энергетическом аспекте. «Естественное» и «искусственное» пение // *Голос в культуре. Греко-славянская школа церковного пения.* – СПб., 2005. – С. 23–25.
- [5] Мацневский И.В. Народная инструментальная музыка как феномен культуры. – Алматы, 2007. – 520 с.
- [6] Мацневский И.В. Сольное пение в традиционной культуре и актуальные проблемы его постижения // Мацневский И.В. *В пространстве музыки.* – СПб., 2011. – Т.1. С.82–97.
- [7] Попова З.Д. Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика.* – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010.
- [8] Чудинова И.А. Византийский звукоидеал: К вопросу о специфике фонизма в литургической речи // *Голос в культуре. Артикуляция и тембр. Сб. науч. статей.* / Ред.-сост. И. Чудинова, А. Тимошенко. – СПб., 2007. С. 20–36.
- [9] Щерба Л.В. *Русские гласные в качественном и количественном отношении.* – М., 1983.

¹ Понятие «звукоидеал» было введено, разработано и получило широкое применение в трудах санкт-петербургской инструментоведческой школы (И. Мацневский, С. Утегалиева, Д. Абдулнасырова, И. Чудинова, В. Шулин и др.).

² Применение понятия звукоидеал как инструмента исследования показало свою результативность на материале церковно-певческой культуры (И. Чудинова, Ю. Лемясева).

³ Основными материалами анализа явились записи CD «Преподобная Евфросиние, славна память твоя» (Хор монастыря под управлением монахини Параскевы), 1997 г., CD «Пойте Богу нашему, пойте...» (Песнопения двенадцатым праздникам. Хор монастыря под управлением посл. Елены Ключинской) 2005 г., а также записи богослужений, сделанные Ю. Лемясовой и автором во время экспедиции 2011 г.

⁴ Это подтверждается сообщением Ю. Лемясовой, упоминающей о занятиях профессиональной вокалистки из Минска с сестрами монастыря.

⁵ Один из примеров – творческая деятельность Андрея Котова, руководителя ансамбля древнерусской музыки «Сирин», на протяжении нескольких лет обучающего певчих в Санкт-Петербургском православном институте религиоведения и церковных искусств (Санкт-Петербургское подворье монастыря Оптина пустынь).

⁶ Под концептом современной лингвистике и когнитивном музыковедении понимается «...дискретная, объемная в смысловом отношении единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа» (6: 34), концепты – это «...своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры» (6: 31). Согласно концепции современной когнитивной лингвистики, концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Лексически невыраженные концепты, представленные внутриязыковыми лакунами, существуют в национальном сознании, отражают явления, присутствующие в национальной действительности. Явления музыкальной культуры и музыкального языка также могут представлять собой культурно значимые концепты.

⁷ Как отмечает А.Котов, если развивать в чтении восклицательную интонацию, то развивается и интонация певческая. По мысли музыканта в период с IX по XIV в. чтеческое искусство находилось в постоянном развитии. Певческая интонация «обострялась» – сначала это прослеживалось в фиксации интонаций окончаний строк (экфонетическая нотация); постепенно появлялись все более детализированные указания на то, как интонировать всю строку, пока наконец не возник сам распев.

ПРЕПОДОБНАЯ ЕВФРОСИНИЯ ПОЛОЦКАЯ И ТРАДИЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАШЕСТВА*

Рассматривается деятельность преподобной Евфросинии Полоцкой в контексте традиций византийского женского монашества.

Ключевые слова:

женская монашеская традиция, св. Евфросиния Полоцкая, звукоидеал богослужения

Почитание преподобной Евфросинии Полоцкой отразилось в Житии, богослужбной гимнографии, иконах. Но главным свидетельством ее святого жития, несомненно, является созидание храмов и основание монастырей, ставших теми зернами русской культуры, из которых произросло великое древо русского женского монашества. То, каковы были корни и изначальный облик традиции монашеской и богослужбной жизни, насажденной на Полоцкой земле трудами преподобной Евфросинии, каковым изначальным звукоидеалом монашеской богослужбной практики, особенно важно знать сегодня, когда повсеместно происходит возрождение монастырской культуры после многих лет ее попраiania и забвения ее духовных ориентиров. Данное исследование – один из возможных подступов к этой важной теме.

Преподобную Евфросинию Полоцкую называют основательницей и покровительницей русского женского монашества. Однако можно представить ее святой облик и в более широком историко-культурном контексте – в кругу преподобных жен византийских, которые продолжали и преумножали труды и подвиги древних подвижников Египта и Палестины. Те немногие сведения, которые мы узнаем из жития преподобной, при рассмотрении их в этой перспективе, передают удивительную картину святости, в ее сопричастности неизменным основам монашеской традиции и в неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего. Именно этот взгляд – изучение жизни преподобной в контексте единой традиции православного монашества, объединяющей славянские и греческие земли в единое поле благодатной жатвы, лежит в основе нашего исследования. Такой подход позволяет поставить вопрос о возможности реконструкции облика богослужбно-певческой практики женского монашества в культу-

ре древнего Полоцка, основные характеристики звукоидеала которой неразрывно связаны со стержневыми константами традиции монашеского бытия.

Вопрос соотношения мужской и женской традиций в монашеской культуре является одним из существеннейших. Из огромного наследия рукописной певческой традиции абсолютное большинство певческих рукописей происходят из мужских монастырей. Каково было пение в монастырях женских, различался ли их певческий стиль и репертуар? Подступ к ответу на этот важный вопрос мы можем найти, изучая самое начало женского монашества, связанное с деятельностью преподобной Евфросинии и с теми изначальными положениями, которые были заложены этой великой святой при основании ею монастырей в Полоцке.

Как известно, житие святой дошло до нас лишь в поздних редакциях, но достаточно подробно передает основной контур ее жизненного пути, на основании самых ранних письменных свидетельств (записанных, вероятно, еще при жизни святой). Преподобная Евфросиния (1104–23.05.1173 или 1167?) была внучкой полоцкого князя Всеслава Брючиславича и дочерью князя Святослава (Георгия) Всеславича и при рождении она получила имя Предслава. Церковная память преподобной празднуется 23(24) мая, а в 3-ю Неделю по Пятидесятнице ее имя вспоминают в Соборе Белорусских святых.

Первоначальный текст Жития преподобной Евфросинии был создан в домонгольское время (XII в.), однако оно дошло до нас лишь в списках XVI–XVII вв. в составе сборников и Минеи четых. Исследователями выявлено достаточно большое количество таких списков (более 130) в нескольких редакциях [1, с. 147–148]. Самый ранний список пространной редакции Жития преподобной Евфросинии был найден Б.М. Клоссом в рукописи, происходящей

* Публикация осуществлена при поддержке РГНФ, проект № 11-24-16002.

из западнорусских земель (ГИМ. Епарх. № 406, нач. XVI в). Известно также и проложное Житие Евфросинии, созданное, вероятно, во 2-й пол. XV в. в западнорусской митрополии. Древнейший список такого краткого Жития обнаружил Б.М. Клосс в Прологе последней четверти XV в. (БАН. 33.19.8). Церковное почитание преподобной Евфросинии отразилось и в певческих книгах. Первую известную нам рукопись, содержащую стихире церковной службы в день памяти святой, Н.С. Серегина датирует XII в. (РНБ, Соф. 96, л. 129 об.–130, славник «Приидите любомудрии»). Выявлены также памятники XVI в. (1586 г. РНБ, КБ 586/843, л.572–573) и XVII в. (РГБ, ф. 379, №65, л.437–440; РГБ, ф. 379, № 58, л.288 об.–289 об.; БРАН, Вят. 9, л.493 об.–494 об.; РНБ, Капеллы 0–472 (0–4), л.262–263 об.) [2, 128–129].

Рассмотренные как факт истории ментальности и свидетельства бытия, тексты Жития и богослужебной гимнографии преподобной Евфросинии являются ценными источниками исследования. В Житии представлено множество исторических подробностей и биографических деталей, относящихся к жизни святой, характеризующих особенности монашеской жизни, устройства монастырей и литургического быта в древнем Полоцке. Гимнографию служб, ей посвященных, можно отнести к самым древним свидетельствам, в которых отразился важнейший комплекс представлений, имеющих, наряду с комплексом фактического материала, существеннейшее значение для возможности реконструкции богослужебно-певческой традиции раннего женского монашества. Подробности жизни преподобной изучаются учеными с давних времен, многие факты уточняются и оспариваются, приводятся новые обстоятельства и доказательства. Однако то, что остается неизменным и несомненным для нас – это неразрывная связь событий земной жизни преподобной Евфросинии, отразивших духовный путь и подвиг святой, с традицией православного монашества, зародившегося в первые века христианства, по образу Евангелия и жития апостольского. «Древо» монашеской культуры, насажденное преподобной Евфросинией на землях древнего Полоцка пустило корни в благодатную почву, и было отростком «благосеннолиственного древа» византийской монашеской традиции. Не случаен факт, «венчающий» деятельность преподобной Евфросинии по устройству монастырей и строительству храмов, – пришествие по ее просьбе из Ви-

зантии в Полоцк Эфесской иконы Божией Матери, которая на многие века стала одним из центральных символов и покровителей Православия на славянских землях.

Самым удивительным в Житии преподобной Евфросинии кажется поступок, совершенный ею перед самой кончиной – она отправляется в Константинополь, а оттуда в Иерусалим, где находит свое последнее земное пристанище. В стихире церковной службы преподобной это событие воспевается так: *«Оумертвивши тело и доушу оживила еси. Из земля отеческыя Полотска града. Воздвигоши во Сионо преиде. И всего своего бозатства раздала еси и тамо приемиши небесная»* (РНБ, КБ 586/843 л. 572 об.). В поступках святых людей, – возможно, что именно в них, а не в произнесенных ими словах (которые могут и не дойти до нас через толщу веков), заключен глубокий смысл и сообщается то, что хотел и должен был святой передать потомкам. Это последнее путешествие святой раскрывает перед нами значимость монашества как «вселенского жития» и вселенскую значимость монашеского подвига преподобной игумении Евфросинии.

Будучи великой святой и «причастницей жизни вечной», преподобная была также и дитя своего времени. Отличительной чертой того периода истории древнего Полоцка, было тяготение к Византии и Константинополю, мыслимому столицей вселенского православия. Эта связь раскрывается во многих обстоятельствах. Храмовая архитектура древнего Полоцка отличалась значительным своеобразием. Так, Софийский собор древнего Полоцка в его первоначальном замысле (1030–1060) строился как напоминание о константинопольской Святой Софии, а не сохранившаяся до нашего времени церковь Бельчицкого монастыря была выстроена как храм-триконх, уникальный на восточнославянских землях, но весьма характерный для Балкан и Афона.

Географическое положение Полоцка во многом определяло своеобразный характер социокультурных процессов этого региона. Полоцкая земля, находясь в самом центре Европы, была раскрыта к греческому христианству, ведь ее крещение было воспринято из Византии, но она находилась и в поле взаимодействия с христианством латинским. Среди епископов Полоцкой епархии, периода ее истории связанного с деятельностью преподобной Евфросинии, известны имена св. Мины (1104–1116), Или (1120–1128), Ксмы Грека (1143–1156), Дионисия (1167–1182/1183),

Николая Грека (1182/1183). Видимо, греческие имена здесь не случайны. Бразды правления епископа Илии, совершившего монашеский постриг преподобной Евфросинии и благословившего ее в деле строительства собора и монастыря, перешли, еще при жизни преподобной, к епископу Косме Греку.

При жизни преподобной совершилось и еще одно важной событие – это изгнание всех полоцких князей с семьями в Византию. В древнерусских летописях есть свидетельство о нахождении полоцких князей вместе с семьями в 1129–1139 гг. в византийской ссылке [4, с. 293]. Среди изгнанников был и отец преподобной Евфросинии. В этом историческом контексте становится понятен стимул событий, завершивших земной подвиг преподобной и расширивших географию ее земной жизни до «вселенских» масштабов, того, почему в глубокой старости она отправляется в Константинополь, а затем, для того чтобы умереть и быть там погребенной, – в Иерусалим. Этот символический «жест», важнейшее событие жизни святой, так же, как и многие другие обстоятельства жизни преподобной Евфросинии, дают все основания полагать ее духовную причастность к православной монашеской традиции, достигшей к тому времени наибольшей полноты своего расцвета именно в Константинополе и Иерусалиме.

Первое изложенное в Житии событие, изменившее не только личную судьбу, но, что не будет преувеличением сказать, и ход всей истории Полоцкого княжества (поскольку он имел большие последствия в социально-религиозном его состоянии) был выбор монашеского пути юной дочерью князя Святослава Всеславича. Когда, согласно Житию, юная Предслава, узнав о намерении отца выдать ее замуж, решает тайно бежать, чтобы стать монахиней, она совершает этот поступок не случайно, но соединяя свою жизнь с древнейшим преданием церкви и многовековой традицией монашества. Предслава решает, что монастырская жизнь в послушании игумении и сестрам важнее богатства и славы, и тайно уходит из дома для пострижения в монашество.

Говоря о началах женского монашества, исследовательница его истории и насельница монастыря Святого Стефана в Метеорах монахиня Феотекки [7] прежде всего, обращает внимание на пророчество Псалтири: *«Приведутся царю девы в след ея, искренняя ея приведется тебе: Приведутся в веселии и радовании, введутся во храм царев»*

(Пс. 44: 15–16). Первое свидетельство о монашеской жизни в Новом Завете – образ земной жизни Божией Матери, введенной во Храм в сопровождении юных девиц, посвятивших свою жизнь Богу. В древнейшей стихире (славнике) преподобной Евфросинии сказано: *«Придите. Любомудрниих песнеми. Богъкрасньми. Ми възпоимъ. Къ достохвальнеи и съмирнеи Еуфросине въсечьстнеию осеняющее древо и неокотаное корение роустьеи земли оублажимъ»* (РНБ, Соф.96, л.129 об.). Образ «осеняющего древа», в похвале преподобной отсылает нас к Акафисту Божией Матери: *«Радуйся, древо благосеннолиственное, имже покрываются мнози»* (Икос 7). В светильне церковной службы преподобной Евфросинии указано и другое ее духовное родство – апостолы Христа: *«Иже древле проповедаша. Радуется вечно Ефросиния о Господе»* (РНБ, КБ 586/843, л. 572 об.) Начальное зерно женского монашества – святая равноапостольная Мария Магдалина (Лк. 8, 2), сестры пр. Лазаря Марфа и Мария (Ин. 11, 1–5), ученицы апостолов – первоученица Фекла, диакониса Фивы (Римл. 16, 1–2), Тавифа (Деян. 9, 36–42), Еводия и Синтихи (Филипп. 4, 2), Ермиони и Евтихия (Деян. 21, 8–9).

Еще одно обстоятельство особо отмечено в песнопениях, посвященных преподобной Евфросинии – это благородство происхождения святой. В стихире, которая поется в церковной службе в день ее памяти сказано: *«Ис корени благородна благородства и многим добротамо. Плодо процвела еси. Возрастши лоза по всеи земли роустеи. И в полотскоу граде осеняюще. И вином веселии напаяеши. Ефросиние присно молящиму ти ся»* (РНБ КБ 586/843, л. 572 об.). События жизни, донесенные до нас ее Житием, вполне сопоставимы с житиями византийских аристократок, ставших монахинями и ктиторами женских и мужских монастырей. Уход в монашество женщин и девиц из аристократических семей был весьма распространен в Византии. Были случаи заточения в монастырь по каким-либо политическим и внутренним причинам, но и сознательного вступления на монашеское поприще было достаточно много: по меньшей мере, к настоящему времени исследователям известно 127 имен, принадлежащих ко всем периодам византийской истории. Среди них – 47 жен высоких государственных чинов, 28 цариц, 22 дочерей императоров и 16 племянниц императоров. Большинство уходило в юном возрасте, в некоторых случаях – после неудачного брака, часто – после вдовства или второго вдовства. Иногда это решение

принималось всеми домашними вместе, всей семьей, родителями и детьми. Были аристократки, которые приняли монашескую схиму в последние дни своей жизни, или даже часы. Среди византийских ктиторисс монастырей наиболее известны имена св. Макрины (327–379), св. Олимпиады (367–408), св. Мелании (383–439), Анны Далассини (ум. 1105), Ирины Дукены (1081–1118), св. Ирины-Ксении (ум. 1135) [7, с. 38–42] Вполне возможно предположить, что преподобная Евфросиния, выходя на путь подвижничества отнюдь не чувствовала себя «первопроходцем», но ощущала себя членом большой монашеской семьи, и поступок, совершенный ей в юном возрасте, может быть прочитан в социокультурном контексте того времени как вполне нормативный и закономерный.

Приняв решение, юная Евфросиния бросилась к своей непосредственной родственнице – вдове ее покойного дяди Романа Всеславича, которая, по словам Жития, была игуменья, и та, удивившись разуму и твердости намерений юной девицы, постригает ее с именем Евфросиния и принимает в свой монастырь. По свидетельству Жития, по завершении обряда монашеского пострижения святая Евфросиния отправилась в монастырскую келью, где, несмотря на сокрушение своего отца и всей семьи, стала пребывать в повиновении игумении и подвижничестве. По прошествии же некоторого времени она просит об уходе в затвор. И здесь, в этой последовательности продвижения на стези монашеской жизни, преподобная Евфросиния следует по пути византийской традиции. Говоря об образе подвижничества византийских аристократок, можно выделить на три формы монашеской жизни. В большинстве случаев они были привержены киновиальной жизни в монастырях вне стен Константинополя, а также и в отдалении от столицы, есть также свидетельства пустынножительств и затворнической жизни. Киновия (общежительная форма монашеской жизни) полагалась началом и «школой» приобщения к монашеской традиции, переход к отшельнической жизни считался следующим этапом восхождения по «лестнице» монашеского совершенствования. О взглядах аристократок на киновии мы узнаем из сохранившихся монастырских Типиконов, некоторые из которых были составлены монахинями-аристократками. Древнейший Типикон был составлен царицей Ириной Дукеной. Он содержит в себе специальный параграф о киновиаль-

ной (общежительной) жизни монахинь в монастыре Кехаритоменис [7, с.47].

То, что находясь в затворе, преподобная Евфросиния занимается писанием рукописей – это еще одно свидетельство ее причастности к традиции и культуре византийского монашества. Грамотность была обязанностью византийского монаха. Игумен мог поставлять монаха на ту или иную монастырскую должность только после того, как найдет его прекрасным изучившим Псалтирь и все церковные чинопоследования, которые необходимо знать каждому монаху «дабы избежать опасности для души» [3, с. 347]. Монах должен был читать книги потому, что это содействовало достижения цели монашества: это было таким же подвигом, как и молитва, отвлекающим ум от мира и очищающим его. Кроме того, чтение книг это был один из важнейших путей передачи монашеской традиции. Так, преподобная Ирина, игуменья константинопольского монастыря Хрисоволанта, «наряду с другими подвигами так прилежно изучала Св. Писание и жития святых, что, казалось, имела вдохновенные пророческие уста» [3, с. 349]. О подвиге стояния, которым она была прославлена, святая узнала из жития святого Арсения, впервые применившего его. В византийских монастырях собирали большие библиотеки и переписывали книги. Каллиграфами были так же и монахини, среди которых прославились своим искусством св. Мелания (383–439), Мария царица Армении (770–797), Евгения (10 в.), а позже монахиня Мария (13 в.), Феодора Раулена Палиологина Кантакузини (1200–1300) [7, с. 62–67].

Проведя некоторое (неизвестное нам) время в затворе, преподобная Евфросиния получает божественное извещение о необходимости еще раз изменить свой образ жизни и принести в мир тот духовный дар, который она стяжала в уединении. Преподобная Евфросиния выходит из затвора, чтобы приняться за строительство храма и киновии. Полагают, что основание Спасо-Евфросиниевского монастыря произошло около 1128 года, впоследствии преподобная основывает и также мужской монастырь (во имя Пресвятой Богородицы), уподобляясь в этом императрице Ирине Дукене, ктитору двух византийских монастырей, мужского и женского, – Христа Человеколюбца и Богородицы Благодатной [5, с. 333]. Завершив свои труды на Полоцкой земле, и чувствуя приближение своей кончины, преподобная Евфросиния отправляется через Константинополь в

Иерусалим: «Сама же блаженная Евфросиния, положивши великий свой наряд обема монастырема з братиею и сестрама, и даст держати сестре своей Евдокеи и оба монастыря» [4, с. 216]. Существовало то, что наследницей своих начинаний преподобная Евфросиния оставляет свою сестру Евдокию, сделав ее игуменьей и женского и мужского монастырей.

В первой стихире на «Господи воззвах» службы вечерни (которая в связи с начальным положением в последовании обычно является средоточием смысла празднуемого события), совершаемой в день ее памяти говорится: «*Иже Евоу прельстившаго змиевымъ образомъ своими ногами попраша еси слабость бо преложиши женскую доушею мужжескою совершениемъ мужества. Возраста исполнение Исоусъ Христова. И добре оукреплъшися Ефросиние, и врага преобидела еси. в женъстеме телеси*» (РНБ КБ 586/843, л. 572). В святости преподобной Евфросинии нашло место отложение женской сла-

бости и достижение мужества, связанное с духовным возрастанием во Христе. Это обстоятельство можно рассматривать как наиболее яркое подтверждение причастности преподобной к византийской монашеской традиции. Святоотеческое писание и писания учителей Церкви, говоря о женском монашестве, никогда не отделяет его от мужского. Так, Иустин, Климин Александрийский и Мефодий Олимпийский, говоря о девственной жизни указывают на равнозначность правил и всего характера подвижнической жизни, как мужчин, так и женщин [6, с. 158]. «Мужской» характер певческого интонирования, сдержанность, собранность, ритмичность и внутреннюю сосредоточенность в пении – все это можно предполагать естественным следствием психологической установки, свойственной византийской традиции женского монашества, воспринятой на Полоцкой земле трудами преподобной Евфросинии.

Список литературы:

- [1] Воронова Е.М. Житие Евфросинии Полоцкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси: В 3 т. Т.1. XI – первая половина XIV в. – Л., 1987. – С.147–148.
- [2] Серегина Н.С. Песнопения Евфросинии Полоцкой // Серегина Н.С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». – СПб., 1994. – С.123–133.
- [3] Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. (Библиотека христианской мысли. Исследования). – 460 с.
- [4] Степенная книга // Полное собрание русских летописей. Т.21. Ч.1. – СПб., 1908. – С. 206–220.
- [5] Пентковский А.М. Кгиторские типиконы и богослужбные синаксари евергетидской группы // Богословские труды. Т. 38. – М., 2003. – С. 321–355.
- [6] Αρχιμ. Αιμιλιανού. Κατηχήσεις και Λόγοι. Σφραγίς γυνήσια. – Εκδόσεις Ορμούλια, 1998. – 474 σ.
- [7] Θεοτόκης Μοναχῆς Ἀγιοστεφανίτισης. Ἡ θέση τῆς μοναχῆς στήν Ὁρθόδοξη Ἐκκλησία. – Ἐκδόση Ἱ.Μονῆς Ἀγ.Στεφάνου. Ἄγια Μετέωρα, 2003. – 158 σ.

Рукописи

ОЛДП F CLXXXV (сер. XVI в.).
 БАН Литвы, ф. 19, № 98 (1530).
 БАН Литвы, ф. 19, № 99 (кон. XV (?) – 1-я четв. XVI в.).
 БРАН Вят. 9, л. 493 об. – 494 об. (XVII в.).
 РНБ Капеллы 0–472 (0–4), л.262–263 об. (XVII в.).
 РГБ, ф.379, № 65, л.437–440. (XVII в.).
 РГБ, ф. 379, № 58, л.288 об. – 289 об. (XVII в.).
 РНБ, КБ 586/843, л.572–573. (1586 г.).
 РНБ, Соф. 96, л.129 об.–130 (конец XII в.).

СОХРАННОСТЬ И ДОСТУПНОСТЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА: АСПЕКТЫ РЕСТАВРАЦИИ И ТРАНСЛЯЦИИ¹

На примере реставрируемого памятника рассматриваются проблемы сохранения информационного потенциала и материальной основы, а также проблемы его трансляции через электронные носители.

Ключевые слова:

консервация, реставрация, сохранение информационного потенциала, трансляция.

Сохранение документального наследия сосредоточенного в библиотечных, архивных и музейных фондах и его трансляция являются важнейшими задачами, стоящими сегодня перед специалистами, работающими в этой области. Физическое разрушение материальной основы памятников письменности и печати, связанное с необратимым воздействием времени и недолговечностью материалов, неподходящими условиями хранения и большая востребованность этих уникальных документов, зачастую сохранившихся в единичных экземплярах, приводят к ухудшению физического состояния документов и, как следствие, ограничению доступа к ним. Задача сохранения ценных документов в настоящее время реализуется в проведении консервационных, реставрационных мероприятий, а также создании электронных копий документов, размещенных в Интернете или на электронных носителях, что позволяет обеспечить широкий доступ. Сегодня работа в этом направлении проводится в большинстве учреждений, где хранится документальное наследие.

В 2007 г. из библиотеки Русского географического общества в научно-исследовательский отдел консервации и реставрации фондов библиотеки Академии наук (НИОКиРФ БАН) поступил комплект переплетенных литографий, карт и таблиц к первому немецкому прижизненному изданию сочинения Филиппа Франца фон Зибольда «Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben- und

Schutzlandern: Jezo mit sudlichen Kurilen, Krafto, Koorai und den Liukiu-Inseln, nach japanischen und europaischen Schriften und eigenen Beobachtungen bearbeitet von Ph.Fr. von Siebold...» («Япония. Архив по описанию Японии и стран, окружающих и граничащих с ней: Йедзо с Южными Курилами, Крафто, Корея и острова Лиукиу, по японским и европейским текстам и некоторым описаниям. Обработал Ф.Ф. фон Зибольд, дирижер, санитарный офицер при Королевской сухопутной армии Нидерландской Индии, рыцарь Ордена Льва и Королевского ордена общественного служения Баварской Короны. Выпущено под покровительством Короля Нидерландов. Лейден, от составителя. Амстердам, от Мюллера и Комп... 1832–1851»).

Историческая и культурная ценность издания возлагает особую ответственность на специалистов, занимающихся обеспечением его сохранности. «Nippon...» был издан после путешествия Ф.Ф. фон Зибольда в Японию в 1823–1829 гг. и представляет собой одно из первых документальных отражений видения Японии европейцами в XIX в.

Наследие Ф.Ф. фон Зибольда, хранящееся в библиотеках и музеях Санкт-Петербурга, достаточно велико и находится в фокусе внимания серьезных исследователей. Так, О.А. Красниковой описан атлас «Atlas von land – und seekart vom Japanische reiche...» (Leiden, 1851 г.), состоящий «из титульного листа и 16 уникальных карт, составленный Ф.Ф.фон Зибольдом» [1, с. 71]. Так же О.А. Красниковой представле-

но подробное описание нескольких гравированных карт, иллюминированных акварелью.

Большое исследование, посвященное ботанической иконографии Ф.Ф. фон Зибольда, проведено Т.А. Черной [5, с. 150; 6, с.109]. Его результаты доступны не только специалистам, но получили широкое признание в Японии и России. Предметом исследования Т.А. Черной была личная коллекция Ф.Ф. фон Зибольда, названная им «*Flora Japonica delineationibus*», которая хранится в библиотеке БИН² уже более 150 лет. Это собрание было куплено Российской академией наук для Ботанического музея в 1869 г. у наследников ученого. Несколько альбомов подготовленных Ф.Ф. фон Зибольдом находятся еще и в фондах библиотеки Кунсткамеры. Как пишет Т.А. Черная: «они оформлены в виде свитка, выполнены на шелке и смонтированы в обрамлении из полосок декоративной японской бумаги» [5, с. 145].

Находясь в Японии Ф.Ф. фон Зибольд изучал японский язык, культуру, историю, науку, экономику и военное искусство страны. Сопровождая дипломатическую миссию Нидерландов Ф.Ф. фон Зибольд выступал в роли переводчика и врача. Также им были собраны обширные естественнонаучные коллекции минералов, растений и животных. Написанные в соавторстве работы «Флора Японии» и «Фауна Японии» принесли ему известность [4, с. 306].

С 1852 г. Ф.Ф. фон Зибольд вел переписку с российской дипломатической миссией в Пруссии и с Императорским русским географическим обществом (ИРГО), предлагая свои услуги в качестве советника по вопросам Японии. В 1853 г. Ф.Ф. фон Зибольда вызывают в Россию, в С.-Петербурге в Министерстве иностранных дел, он получает аудиенцию (этот приезд в С.-Петербург был уже вторым). В апреле того же года Ф.Ф. фон Зибольд стал иностранным членом-корреспондентом ИРГО. В фонд библиотеки Общества он передает два письма на французском языке. Рукописные и печатные отчеты ИРГО, инвентарная копия библиотеки за 1853 и последующие годы, к сожалению, не содержат сведений о поступлении «*Nippon...*» [3, с. 34; 4, с. 305].

В собрании библиотеки РГО находятся два экземпляра «*Nippon...*» 1832 г. издания. Первый экземпляр представляет собой 20 тетрадей (Heftes) в 13 переплетах. Каждая тетрадь объединяет в себе текст и иллюстрации (нераскрашенные и тоновые литографии; припечатные листы; карты; пояс-

нительные таблицы). Формат тетрадей в gr. 4° [4, с. 306], при этом листы иллюстраций сложены пополам. Текстовая часть имеет отдельную пагинацию страниц. Листы иллюстраций пронумерованы от руки, и их общее количество в первом экземпляре РГО составляет 360 листов.

Текст и иллюстрации самим автором разделены на следующие систематические части: математическая и физическая география Японии; население и государство; мифология, история, археология, нумизматика Японии; искусство и наука, язык и литература; религия; сельское хозяйство, животноводство, торговля; военное искусство; фрагменты переводов японских текстов; смесь сочинений, сообщений, новостей и т.п. [4, с. 306]. В уведомлении, помещенном в конце 20-й тетради, Ф.Ф. фон Зибольд отмечает разнообразие научных точек зрения и богатство собранных материалов по описанию страны, к которой прикованы взгляды всех мореплавателей и торговцев. Автор поясняет, что «*Nippon...*» с выпуском тетрадей 17, 18, 19 и 20 закончен, но последующие две дополнительные тетради выйдут в течение 1852 г. В комплекте, принадлежащем библиотеке РГО, таковых нет. В 1851 г., в год окончания публикации «*Nippon...*», Ф.Ф. фон Зибольд издает «*Atlas von Land – Seekarteivom Japanischen Reiche...*» с посвящением И.Ф. Крузенштерну, заслуги которого перед наукой он ценил очень высоко [4, с. 305].

Экземпляры «*Nippon...*» 1832 г. издания имеются в ряде библиотек мира (Великобритания, США). В иностранном фонде БАН хранится 14 тетрадей форматом gr. 4°, но только с текстовой частью. В Британской библиотеке находится экземпляр, публикация которого завершена в 1854 г. Возможно, этот комплект содержит те две дополнительные тетради, о выпуске которых уведомлял Ф.Ф. фон Зибольд. В библиотеке Конгресса предположительно имеется рассматриваемое издание «*Nippon...*» в комплекте 20 тетрадей.

Поднимаемая в этой статье проблема сохранения биоповрежденных литографий к «*Nippon...*» Ф.Ф. фон Зибольда, связана со вторым экземпляром данного издания, хранящегося в библиотеке РГО. Его отличие от первого, прежде всего формат – gr. folio, что позволило оставить листы иллюстраций без сложения пополам. Второе отличие – наличие только иллюстраций: тоновых и раскрашенных акварелью (третье отличие) литографий; припечатных листов; карт; пояснительных таблиц. Листы так же, как в первом экземпляре, про-

нумерованы от руки, на некоторых листах номера не проставлены. Общее количество листов в комплекте 435. Литографии распределены по папкам, озаглавленным по общему названию «Nippon...».

Состояние литографий комплекта «Nippon...» 1832 г. из библиотеки РГО на момент поступления в НИОКиРФ вызывало серьезные опасения. Многие иллюстрации имели высокую степень биологического разрушения – обширная по площади пигментация бумажного листа, выпадение участков, деструкция. При первичном обследовании литографий с мест локализации биоповреждений были выделены жизнеспособные микромицеты плесневой группы. Состояние памятника требовало профессионального внимания специалистов-консерваторов и реставраторов и немедленного проведения дезинфекционных мероприятий.

В настоящее время полностью проведена дезинфекция и консервация всех таблиц комплекта. В зависимости от степени биоповреждения и особенностей выполнения литографий использовали способ антифунгальной обработки. Листы с большой площадью повреждения (более трети площади) и листы, где имелись зоны деструкции материальной основы (с нарушением прочности и фрагментацией листа), двукратно обрабатывались орошением с оборотной стороны раствором имбрицина. Иллюстрации, где биоповреждения занимали меньшую площадь, обрабатывались локально раствором метацида. Через неделю после обработки был проведен контроль эффективности – отобраны пробы и сделаны посевы. Во всех случаях результат отрицательный. Через 28 суток после обработки проведен повторный микологический контроль 30 иллюстраций, отобранных случайным образом. Жизнеспособной микобиоты не выявлено. После дезинфекции альбомы были переданы в сектор реставрации.

Учитывая степень повреждения материальной основы, реставрационные мероприятия объемны и трудоемки. Они проводятся для обеспечения сохранности альбомов и варьируются в зависимости от состояния каждой конкретной таблицы, результатов предварительных обследований памятника, в соответствии с требованиями хранителей и рекомендациями специалистов НИОКиРФ БАН. План реставрационных работ предложенный на реставрационно-методическом совете НИОКиРФ и согласованный с хранителем памятника разрабатывался с учетом

принципа наименьшего вмешательства и максимального сохранения материальной и функциональной подлинности, причем все операции и реставрационные мероприятия, которые запланировано провести, должны быть обратимы. Сегодня около половины литографий реставрированы по специально разработанной методике [3, с. 45]. Ход реставрационных работ тщательно документируется.

Иллюстрации по степени сложности для реставрационных работ были разделены на группы. Из 68 литографий, раскрашенных акварелью и гуашью, 18 повреждены микромицетами; 49 литографий с припечатанным листом, 18 карт, 6 из которых раскрашены, и 18 черно-белых и с тоном, так же повреждены грибами. В настоящее время памятник находится в реставрации.

Дальнейшее обеспечение сохранности документального памятника и одновременно его доступности для широкого круга наших современников – очень сложная задача как с материально-технической точки зрения, так и с точки зрения научно-методического обеспечения. Работа многих современных библиотек и музеев как раз направлена на решение этих задач.

Создание оптимальных условий хранения для редкого и ценного документа предполагает поддержание стабильных условий хранения в соответствующих световом и климатическом режимах, проведение по необходимости реставрационных мероприятий, строго согласованных с хранителем и основанных на данных физических, химических, биологических и прочих исследований. Такое хранение не предполагает широкого и интенсивного использования, экспонирования и ознакомления с оригиналом большого круга читателей (или посетителей музея), поскольку может быть связано с дополнительными световыми, механическими, тепловыми нагрузками на материальную основу документа. В свою очередь, это приводит к тому, что памятник оказывается мало известен широкому кругу людей, постепенно «стирается» представление о его ценности и культурно-историческом значении, и данные, культурные и исторические которые он несет, «выпадают» из процессов информационного обмена, потенциал остается неактуализированным.

Частичным решением проблемы является создание электронных и цифровых копий, доступных для читателей и посетителей музеев, позволяя всем желающим ознакомиться с содержанием памятника,

Литографии до реставрации

Литография после реставрации

при этом оригинал выведен из использования и хранится в максимально благоприятных условиях. В тоже время, подготовка памятника к оцифровыванию так же требует затрат и проведения дополнительных консервационных мероприятий и специальных процедур, защищающих материальную основу оригинала во время копирования. Тем не менее, для комплекта «Nippon...» именно такая стратегия была бы желательной и современной.

Нужно отметить, что современные методы сохранности редких документальных памятников, в том числе и их оцифровка, не решают всех проблем. Как недоступность, так и транслирование через электронные средства приводят к новым проблемам, например, уменьшают значимость уникального документа. Хотя, конечно, специалист всегда предпочтет работу с подлинником. Копия, при самом профессиональном воспроизведении останется всегда просто копией. И какими бы широкими не были возможности воспроизведения, только при контакте с подлинником человек может соприкоснуться со всей полнотой заключенной в нем информации, отражающей дух времени в котором он был создан.

Создание копий расширяет возможность быстрого и удаленного получения информации, но достаточно ли знакомства с памятником в электронном виде? Вос-

принимая документ через материальную или электронную копию, человек не получает всей полноты информации, потому что, экранное изображение памятника искажает масштабное соотношение и на восприятие влияет световой поток с экрана (особенно это касается иллюстраций). Некачественные копии памятников культуры часто встречаются в нашей повседневной жизни, и сегодня назрела необходимость исследовать проблемы восприятия иллюстрированного памятника с копий и через электронные носители.

Комплексный подход в работе по сохранению редких памятников предполагает сотрудничество многих специалистов: биологов, химиков, физиков, психологов, программистов и др. Успех в этом деле возможен в условиях выдвижения и реализации поставленных целей, контроля процесса, наличия специально подготовленных кадров, взаимодействия и координации всех служб, работа которых направлена на сохранность и трансляцию культурного наследия. Все проводимые мероприятия должны дополнять друг друга, проводиться с учетом конкретных проблем и имеющихся ресурсов. Обязательным является мониторинг и оценка результатов мероприятий. Комплексный подход должен базироваться на долговременном планировании, обеспечивая возможность адаптации к любым изменениям.

Список литературы:

- [1] Красникова О.А. Атлас и карты Японии Ф.фон Зибольда из картографического фонда БАН // Россия и Япония: Сб. научных трудов / Отв. ред. В.П. Леонов. – СПб.: БАН; Альфарет, 2007. – С. 71–74.
- [2] Леонов В.П., Черная Т.А. Предисловие к каталогу «Siebolds florilegium of Japanese plants». – СПб., 1995.
- [3] Савина С.В., Тилева Е.А., В.А. Ветрова Л.А., Алмазова Ю.А., Баженова Н.М., Заборовская В.А. Реставрационные исследования и методические обеспечения сохранности биоповрежденного комплекта иллюминированных литографий первого издания «Nippon» Ф.Ф. фон Зибольда из фондов Русского географического общества // Реликвия (Реставрация. Консервация. Музей). – 2011, № 26.
- [4] Тилева Е.А., Савина С.В., Заборовская В.А. Перспективы и методические аспекты сохранения биоповрежденного комплекта литографий карт и таблиц Ф.Ф. фон Зибольда «Nippon. Archiv zur beschreibung von Japan...» 1832 г. из фондов Русского географического общества // Зберігання історико-культурної спадщини. Наука та практика. Наукові доповіді VII Міжнародної науково-практичної конференції. – Киев: ННДРЦУ. – 2009.
- [5] Черная Т.А. Ботаническая иконография Ф.Ф. Зибольда, как пример создания и бытования научно-художественного собрания XIX века // Россия и Япония: Сб. научных трудов / Отв. ред. В. П. Леонов. – СПб.: БАН; Альфарет. – 2007. – С. 145–160.
- [6] Черная Т.А. Некоторые принципы сохранения уникальных рукописных документов // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: Материалы науч. конф., С.-Петербург, 14–15 февр. 2003 г. – СПб., 2003. – С. 108–114.

¹ Автор благодарит за помощь при подготовке статьи к.ф.н., заместителя заведующего кафедрой музейного дела и охраны памятников Никонову А.А., к.б.н., заведующую НИОКиРФ БАН Тилеву Е.А., к.п.н., заместителя директора по научной работе БАН Беляеву И.М.

² БИН – Ботанический институт им. В. Л. Комарова, учреждение Российской Академии наук.

ББК 87.8
УДК 18:001.11

Т.В. Шоломова

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ*

Рассматривается понятие «интеллигенция» в исторической перспективе. Среди исследуемых аспектов: неопределенность самого понятия; трансформация в последние годы советской власти вопроса о «долге перед народом» в проблему доступности материальных благ; отсутствие людей, желающих называться «представителями интеллигенции» в современном обществе, поскольку русская интеллигенция, возможно, эволюционировала в «средний класс», которому свойственно более спокойное отношение к материальным благам и более требовательное отношение к государственной власти.

Ключевые слова:

власть, идеал, интеллигенция, культурный интегратор, материальные и духовные блага, нравственность, народ, средний класс, ценность.

Вопрос о ценностных ориентирах отечественной интеллигенции был и остается актуальным. Не менее животрепещущей является проблема, какую социальную группу следует называть «интеллигенцией», каковы ее характерные признаки и существует ли она сегодня. Под интеллигенцией обычно понимаются «работники умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры» [19, с. 231]. Однако всегда было известно, что русская интеллигенция имеет какие-то особые черты, отличающие ее от интеллектуалов в западноевропейском понимании: «появление в определенной точке пространства, в определенный момент времени совершенно уникальной категории лиц, <...> буквально одержимых еще некоей нравственной рефлексией, ориентированной на преодоление глубочайшего внутреннего разлада, возникшего меж ними и их собственной нацией, меж ними и их же собственным государством» [16, с. 221].

Интеллигенции приписывали прямо противоположные свойства: если один требовал готовности выражать интересы того или иного класса [2, с. 4], то другой – особой нравственности («служение обществу и народу, нравственный аскетизм, приверженность

высоким идеалам, критическое отношение к власти, готовность пожертвовать личным благополучием ради общественного блага» [28, с. 481]). В понятие «интеллигенция» («неуловимая общественно-культурная субстанция» [15, с. 92]) на протяжении его существования вкладывали настолько разные смыслы, что оно проецировалось практически на любую группу населения, исходя из убеждений и интересов дающего определение [11, с. 702], давало возможность использовать его для обслуживания самых разных политических интересов [6, с. 13].

Интеллигенции было свойственно «критическое отношение к власти» [14], благодаря которому ее можно было определить как «интеллектуальную оппозицию, воспринимаемую как общественная сила» [26, с. 193]. Это особое отношение к власти связано, скорее всего, с возникновением интеллигенции не естественным историческим путем, а по указу Петра I, с неспособностью в реальности влиять на политическую ситуацию, что приводило к «глубочайшему внутреннему разладу с государством». Чувство вины перед народом, не менее важное для самоопределения интеллигенции, основывалось на осознании отсутствия равенства социальных возможностей, но, к концу существования совет-

* Статья подготовлена в рамках проекта 12-03-00411 2011-09-27 Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик.

ской власти, превратилось в постоянное переживание о неравной доступности материальных (реже – духовных) благ.

Что касается «нравственного аскетизма», то в реальности склонность к нему вызывала, скорее, насмешку. Скажем, образ советского физика, сложившийся в середине XX в. в отечественном искусстве, был таким: «Положительный физик поет под гитару, танцует твист, пьет водку, имеет любовницу, мучается различными проблемами, дерзает, борется профессионально, бьет по морде отрицательного физика, а в свободное время жертвует собой ради науки» [4, с. 101]. Составитель сборников «Физики шутят», и «Физики продолжают шутить», откуда приведена цитата, доктор физических наук В. Турчин стал впоследствии одним из самых активных и видных советских диссидентов [4, с. 336–337]. Комментировать это обстоятельство можно в том смысле, что «критическое отношение к власти», свойственное лучшим представителям отечественной интеллигенции, проявилось в данном случае не только в молчаливом несогласии; либо что шутки по поводу возможности нарушения даже отдельных моральных заповедей работником умственного труда до добра не довели, а довели до измены Родине.

Поскольку в свое время представители интеллигенции, определяя свое отношение к народу и власти, написали сборники «Вехи» и «Интеллигенция в России» [5], а потом целые тома в качестве комментария к этим сборникам, примем во внимание громадное значение этого события для последующей культуры, – и обратимся к современности.

Сегодня интеллигенцию как политическую силу практически никто не вспоминает; вернее, нет людей, даже политически активных, которые сами бы себя желали называть интеллигенцией (вероятно, именно по этой причине столетний юбилей «Вех» не стал резонансным общественным событием). Так, вышедшие в декабре 2011 г. на Болотную площадь о себе говорили как о «буржуазной толпе» [17]. Упоминание интеллигенции в связи с нынешним возрастанием политической активности возникает, скорее, как эксцесс: когда С. Говорухин процитировал известные слова Ленина [7], никто не обиделся, потому что некому стало обижаться. С. Юрский говорил о том, что такой прослойки, как интеллигенция, больше нет [31]. Редко кто сегодня признаётся, что относит себя к «русской интеллигенции» [30, с. 166], скорее можно встретить полу-

анекдотические случаи употребления однокоренных слов: «эфирное масло можжевельника <...> развивает благородство и интеллигентность» [25, с. 166]. В то же время в г. Иваново существует НИИ интеллигентоведения, созданный при Ивановском государственном университете в 1998 г. на базе Межвузовского Центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», а также активно развивается такая гуманитарная дисциплина как интеллигентоведение, и принимаются меры по ее внедрению в учебные программы других вузов РФ [12 и 20]. Точку поставил электронный ресурс «Slon.ru» статьей «Стонать или не стонать? Почему интеллигенты чаще имитируют оргазм», где под «интеллигентами» имелась в виду люди, не занятые физическим трудом [8]. Написал статью и так удачно озаглавил ее человек молодой; это значит, что выросло в России поколение людей, не понимающих, о чем идет речь.

За процессом вымирания интеллигенции отечественная культура следит уже давно [27, с. 137–138] и по-разному оценивает его причины и последствия. Есть мнение, что нынешнее молодое поколение – «*потерянное*» – никакими признаками, кроме деградации и многочисленных пороков не обладает; при этом «растление нынешней молодежи на совести властителей дум 60–80-х годов, советской интеллигенции, возжелавшей гласности и демократии... ввергшей страну в системный кризис» [23, с. 168]. Вопрос куда интеллигенция делась, решается по-разному. Так, В.И. Толстых цитирует давнее (1997) высказывание А.А. Гусейнова, что интеллигенция променяла служение народу на самолюбование и пресмыкательство перед властью, нравственный аскетизм – на спонсорские подачки, социалистический идеал – на священный принцип частной собственности [28, с. 481]. Нельзя не обратить внимание, что счет за всеобщую деградацию по традиции не выставляют ни самому народу, ни политической элите, а исключительно интеллигенции.

На излете советской власти в ходе популярных дискуссий о проблемах «вещизма» нередко делался вывод, что обладание нравственными качествами вернее характеризует интеллигентного человека, чем способность воспринимать элитарную культуру (то есть вообще ставилась под сомнение возможность выделять «интеллигента» как представителя умственного труда): «Интеллигентный человек – это прежде всего тот, кто умеет сочувство-

вать и сопереживать другим людям. Вот почему для настоящего интеллигента все люди равны, вот почему даже старушка, всю жизнь прожившая в деревне, тоже может быть интеллигентна. Все зависит от культуры души – понятие это вроде бы расплывчатое, но мы всегда чувствуем, есть оно у человека или ее нет» [24, с. 91]. Один из современных авторов поделился наблюдением, что до сих пор среди «неинтеллектуальных», но глубоко верующих студентов чаще можно обнаружить высококонтрастных людей, чем среди тех студентов, кто определяет себя как «интеллектуала» (гуманитарной ориентации) или «интеллигента» (технаря) [23, с. 179]. В качестве промежуточной версии приведу недавно высказанное мнение о том, что возрождение интеллигенции в современной России начнется с утверждения культуры тела: «трезвый спортивный русский человек, к тому же студент, учащийся в университете, – чем не интеллигент?» [21].

Итак, интеллигенция исчезла, отказавшись от нравственного аскетизма и отрехшись от долга перед народом. Возможно, что она естественным путем эволюционировала в средний класс, к которому во всем цивилизованном мире традиционно принадлежат представители умственного труда. Возникла ситуация прямо противоположная западной, где «старый» средний класс – это предприниматели и капиталисты, а «новый» – «белые воротнички», высококвалифицированные специалисты. У нас, в силу исторических обстоятельств, «старым» средним классом оказались 40 млн профессионалов со специальным образованием, в т.ч. «высокопоставленные партийные функционеры, управляющие в сфере экономики, ученые, официально признанные художники, писатели и другие деятели культуры, а также “сторублевая” интеллигенция, включающая учителей, врачей и других советских профессионалов» [9, с. 102]. Всех этих представителей разных групп надо было бы отличать друг от друга, но критерии различия остались неясными. Советская социология исходила из «уникальности» советского общества, которая делала невозможной его стратификацию по западному критерию дохода и потребления [9, с. 103].

Среди попыток классификации отечественной интеллигенции можно встретить, например, такие:

1. Интеллигенция, которая творчески участвует в преобразении неорганической и живой природы на благо человека и занятая в сфере материального производс-

тва: инженеры, техники, агрономы, врачи, ветеринары, зоотехники, работники естественных и сельскохозяйственных наук;

2. Интеллигенция, непосредственно участвующая в творческом преобразовании социальных отношений, в перестройке общественного устройства (государственные и общественные деятели, ученые в области общественных наук);

3. Интеллигенция, которая в своей деятельности сталкивается непосредственно с каждым человеком (учителя, воспитатели, врачи, тренеры, писатели, художники, артисты) [2, с. 121]. Эта классификация 1967 г. демонстрирует свойственную тому времени убежденность в том, что советский человек должен вторгаться в действительность и переустраивать ее по законам красоты, которую он верно определяет с научно обоснованных классовых позиций [29, с. 142–143]. Что всё – от неживой природы до отдельно взятого человека – при желании могло быть «творчески преобразовано», и этого ожидали от каждого советского интеллигента на его рабочем месте (потом, по мере угасания социального энтузиазма, от представителей интеллигенции уже требовали проявления «нравственных качеств», совершенно необходимых для работы с современной техникой [1, с. 53]).

Про неоднородность интеллигенции (разное образование, разный духовный мир, разное материальное и социальное положение, разные приоритеты у разных ее групп, обслуживающих потребности разных слоев населения) писали и ранее [22]. Первый круг интеллигенции – наиболее широкий, его представители необходимы всем примерно в равной мере – врачи, учителя, инженеры, юристы, офицеры, священники, некоторая часть творческой интеллигенции [22, с. 107]. Второй круг – те, чьими трудами обеспечиваются специфические потребности главным образом самой интеллигенции, – историки, философы, социологи, литературоведы, искусствоведы, некоторая часть писателей, композиторов и художников и т.п. Третий круг – генераторы основополагающих идей, определяющих деятельность всей интеллигенции в целом (национальные гении). Эта классификация определяет отличия в мировоззрении, в жизненных установках тех, кто принадлежит к той или иной группе [22, с. 108].

Современная классификация выглядит так:

1. «Высшая интеллигенция» – люди творческих профессий, развивающие науку, технику, культуру;

2. «Массовая интеллигенция» – врачи, учителя, инженеры, журналисты, конструкторы, технологи, агрономы и другие специалисты;

3. «Полуинтеллигенция» – техники, фельдшеры, медицинские сестры, ассистенты, референты, лаборанты. По уровню жизни преобладающая часть этой страты в России живет за чертой бедности. Если представители второй группы представляют из себя давно сформировавшееся и самовоспроизводящееся сообщество [9, с. 107], то представители третьей группы рекрутируются непосредственно из народа, вступают в брак с представителями народа и легче всего в народ возвращаются. Соответственно, «чувство вины перед народом» должно зависеть не просто от принадлежности к интеллигенции, а от принадлежности к определенному слою интеллигенции, то есть от степени удаленности от народа: среди «полуинтеллигенции» этого чувства, возможно, нет совсем, а вот представитель творческой интеллигенции должен мучиться чувством вины перед народом в полном объеме.

Практически единственный вопрос, который обсуждали в связи с интеллигенцией в последнее десятилетие советской власти – ее отношение к материальным благам, которые на официальном уровне настойчиво предлагалось отвергать (обосновывая необходимость «разумного потребления»), а в реальной жизни люди всеми возможными способами пытались отстоять свое право на обладание ими в обстановке тотального дефицита. Как результат – произвести классификацию по уровню доходов советского человека было очень сложно. Если на Западе семьи, имеющие одинаковый доход, располагают примерно одинаковым набором социальных услуг, то у советских семей приходилось выделять такие дифференцирующие признаки как «бесплатные блага из общественных фондов потребления», «приобретение потребительских товаров по льготным ценам», оплата труда в чеках Внешторгбанка, возможность дать образование детям в престижных вузах, «невидимые доходы», хищения и продажа на сторону производственных материалов, внутригрупповой обмен товарами и т.д. [9, с. 104].

Для интеллигенции доступ к материальным благам и отношение к личным возможностям в деле доступа были напрямую связаны с неоднородностью ее состава – и тут уже совершенно точно значение имела не разновидность преобразуемых природных объектов, а возможность обладать дефицитными товарами, которая усугубляла

чувство вины перед той частью народа, которая не всегда имела к ним доступ, и чувства несправедливости по отношению к тем, которые находились в лучшем положении, чем люди с высшим образованием (работники торговли и ВПК [9, с. 107]). Е. Евтушенко в сатирическом стихотворении «Размышления у черного хода» (1983) отразил это сложное нравственно-психологическое состояние. Героиня стихотворения – дочь стрелочницы из Кокчетова Зина Пряжина, не поступившая в ГИТИС, работает дворником на Арбате при гастрономе и регулярно наблюдает следующую картину вопиющей социальной несправедливости: «У хоккейного чудо-героя / Пахнет сумка «Адидас» тайком / Черноходною чёрной икрой / И мужейным почти бальком. / Вот идёт роковая певица, / Всех лимитчиц вводящая в транс, / И предательски гречка струится / Прямо в дырочку сумки “Эр Франс”» [10, с. 753], – и т.д. Сам Евтушенко продемонстрировал промежуточное покаяние («...следы на руках всё стыдней / От политых оливковым маслом / Ручек тех черноходных дверей» [10, с. 753]), вспомнил полуголодное детство, выразил опасение, как бы «им» не удалось «в их “Адидас” впахнуть, как в мешок, / Знамя красное государства» и сформулировал идеологически верный вывод: «Разве с чёрного хода когда-то / Всем народом вошли мы в Рейхстаг?!» [10, с. 754].

На самом деле вот так и выглядела к излету советской власти интеллигентская попытка «преодоления глубочайшего внутреннего разлада, возникшего меж ними и их собственной нацией»: в выражении стыдливости, что у меня есть то, чего у народа нет (оливковое масло), и в заверениях, что существуют гораздо более значимые ценности (победа во Второй мировой войне), но победу над идеологическим противником должен был одержать все-таки не представитель творческой интеллигенции (автор стихотворения), а девушка из народа Зина: «Не стесняйся, свой голос возвьсь» [10, с. 754].

Похожие комплексы и рассуждения можно обнаружить в уже упоминавшихся дискуссиях о проблемах «вещизма», целью которых было обосновать превосходство духовных благ над материальными. Так, в «Комсомольскую правду» прислал письмо какой-то «коллективный автор» из Ленинграда, обладающий не имеющей аналогов способностью «поставить серию фильмов, пронизанных тончайшим ароматом сквозного родства всей русской культуры без различия времен и классов» [18, с. 112]. Он защищал право творческой интеллиген-

ции на эксклюзивные материальные блага (ссылаясь на образ жизни, «соответствующий титулу», А.Н. Толстого) [18, с. 111–117]. Примерно тогда же в самом Ленинграде в газете «Смена» осуждали сорокапятилетнюю женщину-инженера, позволившую себе выразить радость по поводу возможности покупать и носить модные вещи [24, с. 86–88].

К потребительским интересам стали относиться иначе к концу 1990-х, когда в столице Гусейнов писал горькие слова о том, что интеллигенция променяла нравственное первородство на материальные блага, а В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов во глубине России описывали «джентльменский набор интеллигента»: «удобный, не обязательно роскошный, автомобиль, загородный дом или дачу, где можно вести буколические размышления, возможность передвигаться из страны в страну для отдыха или из любопытства и т.д.» [3, с. 80]. Самое неприемлемое заключалось, вероятно, не в том, что нашлись люди, радостно зажившие материально обеспеченной жизнью, а в том, что они признавались в этом, не испытывая угрызений совести. То есть, первым признаком отмирания «нравственного аскетизма» оказалось то, что люди впервые отказались от требуемых советским идеологическим этикетом оговорок, что «дело не в самих вещах – плохо, когда стремление получить эти вещи становится чуть ли не смыслом жизни. Когда машины, джинсы, магнитофоны и прочее станут легкодоступными, само собой произойдет выравнивание материального и духовного состояния человека» [24, с. 86–88].

Парадоксальным образом, когда к концу 1990-х гг. четко обозначились контуры этой «легкодоступности», вместо того, чтобы радостно провозгласить наступившее наконец «выравнивание материального и духовного состояния человека», объявили почему-то о гибели интеллигенции,

способной, как предполагалось, отвергать материальные блага с высоты своего духовного величия. Получается, что из всех возможных ценностных критериев, при помощи которых пытались выделить интеллигенцию как особую социальную группу (критическое отношение к власти, обязанности по отношению к народу, обостренное нравственное чувство) самым существенным оказалось специфическое отношение к материальным благам. Как только исчезла материальная почва для формирования этого специфического отношения, так было тут же заявлено, что интеллигенция пренебрегла духовными интересами или вовсе погибла. Или узнала, что можно называть себя «средним классом».

Однако у среднего класса на Западе есть отличие от русской интеллигенции гораздо более существенное, чем отношение к материальным благам: средний класс является опорой государства в том смысле, что его представители политически независимы. От их воли зависит существование власти, а не наоборот. Средний класс является еще и держателем социокультурного образца, действительного для всего общества в целом, выступает в роли культурного интегратора общества [3, с. 13]. То есть, в отличие от русской интеллигенции, «критическое отношение» которой к власти основано было на том, что за властью интеллигенция наблюдала со стороны, не будучи допущена к ней, и отсюда такое болезненное переживание собственного бессилия в виде «глубокого разлада», средний класс таких терзаний иметь не может, потому что является опорой государства. Пожалуй, для современного российского общества было бы гораздо лучше, если бы сформировался средний класс (в виде 60% независимых от государства людей), чем если сформировалась бы новая интеллигенция со всеми традиционно присущими ей комплексами.

Список литературы:

- [1] Арнольд А. Социалистическая интеллигенция и культурный прогресс. – М.: Московский рабочий, 1980. – 128 с.
- [2] Астахова В.И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. – Харьков: Издательское объединение «Вища школа», 1976. – 156 с.
- [3] Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии. Научно-публицистическая монография / Под редакцией Г.С. Батыгина и Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000. – 272 с.
- [4] Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд-е 2-е, испр. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 368 с.
- [5] Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / Сост., коммент. Н.Казаковой; Предисл. В.Шелохаева. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 462 с.
- [6] Вихавяйнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. / Пер. с англ. Е. Герасимовой и С. Чуйкиной. – СПб: Издательский дом «Коло», 2004. – 416 с.

- [7] Говорухин: интеллигенция – «говно нации»: Интервью. Азар И. // Lenta.ru – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2012/02/13/govorukhin/> (08.07.2012).
- [8] Дзись-Войнаровский Н. Стонать или не стонать? Экономисты выяснили, почему интеллигенты чаще имитируют оргазм. // Slon.ru. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://slon.ru/economics/pochemu_intelligentny_chashche_imitiruyut_orgazm_obyasnyayut_ekonomisty-734809.xhtml (01.09.2012)
- [9] Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.
- [10] Евтушенко Е.А. Размышления у черного хода / Евтушенко Е.А. Весь Евтушенко. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2007. – С. 753–754.
- [11] Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции / Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 685–704.
- [12] Ивановский государственный химико-технологический университет. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://main.isuct.ru/dept/hist/science> (11.07.2012).
- [13] Интеллигенция // Википедия – Свободная энциклопедия. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Интеллигенция> (25.08.2012)
- [14] Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М.: Наука, 1993. – 336 с.
- [15] Кантор В.К. «Веги» в контексте, или Интеллигенция как трагический элемент русской истории // Вопросы философии. – 2010. № 4. – С. 91–109.
- [16] Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура // Кормер В. Крот истории. – М.: Время, 2009. – С. 211–252.
- [17] Латынина Ю. Пушечное мясо для тов. Лимонова. Заметки рядового митингующего // Новая газета. – 2011, 12. декабря. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/columns/50029.html> (30.08.2012)
- [18] Лосото Е. Диалог. – М.: «Молодая гвардия», 1988. – 253 с.
- [19] Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 57000 слов. Изд. 11-е, стереотип. Под ред. Д-ра филолог. Наук проф. Н.Ю.Шведовой. – М.: Русский язык, 1975. – 846 с.
- [20] Раков В.П. Ивановский государственный университет. О терминологическом языке интеллигентоведения. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://rakov.su/O%20term%20yazike.pdf> (11.07.2012)
- [21] Святенков П. Интеллигенция в России умерла, потому что противопоставила себя народу // КМ.RU в России. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/04/18/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-rossii/intelligentsiya-v-rossii-umerla-potomu-> (08.08.2012)
- [22] Севастьянов А. Двести лет из истории русской интеллигенции // Наука и жизнь. – 1991, № 3 – С. 106–113.
- [23] Соколов А. Я хочу быть интеллигентом! – А я нет! Результаты диалогов с постсоветским студенчеством // Нева. – 2008, № 7. – С. 166–180.
- [24] Соловей П. Как удержаться на вершине. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 111 с.
- [25] Справочник по продукции Вивасан. – М., 2009. – 344 с.
- [26] Стоппард Т. Берег Утопии: Драматическая трилогия / Пер. с англ. А.Островского и С. Островского – М.: Иностранка, 2006. – 479 с.
- [27] Толстых В.И. Веги – 2009 // Вопросы философии. – 2009, № 9. – С. 132–141.
- [28] Толстых В.И. Мы были. Советский человек как он есть. – М.: Культурная революция, 2008. – 768 с.
- [29] Трофимов П.С. Эстетика марксизма-ленинизма. – М. «Советский художник», 1964. – 296 с.
- [30] Черепанова Р. «Заведомый антигерой»: русская интеллигенция в комплексах борьбы и подвижничества // Нева. – 2010, № 11. – С.165–186.
- [31] 2012: Рассерженные горожане или новая интеллигенция. Участники: С. Юрский, К.Ларина. // Эхо Москвы. Время выхода в эфир: 29.06.2012. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/year2012/903023-echo/> (08.07.2012)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ: УРБАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД*

Проводится сравнительный анализ двух феноменов социокультурной идентичности и национального менталитета. Дается теоретическое обоснование понятия социокультурная идентичность региона. Но особое внимание уделяется социально-философскому анализу урбантропологического подхода как одного из ведущих в исследовании вышеуказанных проблем.

Ключевые слова:

национальный менталитет, региональная идентичность, социокультурная идентичность, социокультурная идентичность региона, социально-философский анализ, урбантропологический подход,

Нарастающая индивидуалистическая тенденция в умонастроении молодежи связана с кризисом самолокализации в обществе, замкнутостью молодого человека на себя, индифферентностью к различным проявлениям жизни и т.п. Становление социокультурной идентичности молодого человека в условиях современной многоступенчатой системы образования должна быть направлена на формирование представлений о том, не только «кто ты есть?», но и какова твоя индивидуально-личностная связь с обществом, культурой, историей, регионом, в котором ты живешь, и каковы в этом смысле твои жизненные стратегии и перспективы.

Обращение к себе, представление себя как некой целостности с определенными чертами характера, традициями, особенностями исторического развития является одновременно и процессом, и результатом самоопределения социального субъекта в направлении понимания своего отличия от других, дистанцирования себя (так греки идентифицировали себя, дистанцируясь от варваров по принципу владения греческим языком). Часто становление идентичности происходит не по принципу позитивного самособирания, а по принципу противопоставления и противостояния другим [6, с. 8]. Таким образом формируется специфическое восприятие себя в составе целого, проявляющееся в мироощущении, мировоззрении, эмоциональном отношении к миру, поведении, коммуникативных актах. Идентичность задает автоматизм деятельности вышеуказанных ментальных структур, а также некоторым бессознательно протекающим актам, проявляю-

щимся в том числе на уровне общественной психологии.

Обратим внимание на то, что если менталитет представляет собой коллективный способ мировосприятия, лежащий в основе различных отношений, отличающихся относительным постоянством, то идентичность является персонификацией этого коллективного применительно к месту, времени, социокультурной реальности и т.п. Если менталитет нации складывается на протяжении веков, то идентичность в составе персонального целого подвержена воздействию и влиянию ситуативных изменений, являясь более пластичным ментальным образованием. Даже в рамках одной ментальности могут сформироваться идентичности, отличающиеся друг от друга относительно места, времени, специфики социокультурного окружения и т.п. В этом смысле можно говорить, например, об идентичности петербуржцев и москвичей, о северной идентичности, имея в виду не только способ мироощущения и самосознания коренных северных народов, но и жителей крупных промышленных городов Севера (Норильск, Тюмень, Ханты-Мансийск и др.) [4, с. 117–118]. Социокультурная идентичность обеспечивает силу и крепость нации, ее способность противостоять силам распада, провокациям (внутренним и внешним), представляя собой связанную систему идей, чувств, стереотипов мироощущения как в ретроспективе, так и в перспективе. Можно выделить следующие уровни идентичности: индивидуально-личностная, национальная, субнациональная, транснациональная и т.п. К формам идентичности следует отнести – этнокуль-

* Исследование поддержано грантом РГНФ № 11-06-00-207а «Единое образовательное пространство России: модернизация и духовные универсалии отечественной культуры»

турную, социокультурную, территориальную, групповую и т.п. Таким образом, идентичность предстает как внутренняя картина мира человека, включающая представление о его соотносительности с социумом и окружающим миром (природой, культурой, историей, политикой, идеологией, религией и т.п.) и реализуется в разделяемых ценностях, взглядах, гражданской позиции, стереотипах поведения, образе жизни, языке и т.п.

Базис различных видов и форм идентичности – менталитет, как нечто *фундаментально общее*, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, глубинный источник мышления, идеологии, веры, чувств и эмоций, являясь некоей предрасположенностью, внутренней готовностью человека действовать определенным образом. Формируясь в ходе исторического процесса, менталитет образует ту духовно-поведенческую специфичность, которая делает представителей одного народа непохожими на представителей других народов, в силу этого он становится важным фактором самоидентификации той или иной общности [1, с. 191–192]. К существенным условиям, влияющим на становление национальной ментальности следует отнести природные, географические, политические и социально-исторические.

К доминирующим факторам становления российского менталитета русские философы и историки (В.О. Ключевский, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, Н.А. Бердяев и др.) относили *географический* (пространственную протяженность, рассеянность населения по территории, исключительную неблагоприятность для длительного проживания и т.п.), а также *чрезмерную, гипертрофированную государственность*. Оба фактора отразились на психическом складе народа (рутинность труда и сверхусилия при освоении территории, аскетизм и выносливость, терпеливость исконного населения, доминирование государственных интересов над интересами личными, семейными, сословными и т.п.). Государственность, державность проявляется в способности мыслить государственными масштабами, воспринимать государственные интересы как свои собственные (а порой прямо отождествлять себя с государством), что в свою очередь приводит к специфическому пониманию свободы в контексте национального менталитета. Свобода понимается как долг, ответственность, внутренняя умеренность и причастность

общему, а, следовательно, как нравственная ценность, как правда, в отличие от западноевропейского (буржуазно-мещанского) понимания свободы как права личности, ограниченной законом [4, с. 119].

Концентрация политической жизни в руках государства сказалась на бедности гражданского общества, функции которого в XIX и начале XX вв. вынуждено выполняли литература, философия, деятели науки, политическая интеллигенция. Государство в своих стратегических интересах оставалось наднациональным, ответственным за единство нации, одновременно усиливая зависимость индивида от власти, формируя таким образом подданническую политическую культуру (потребность подчиниться власти, ожидания благодетелей, а также того, что она решит насущные проблемы настоящего и будущего), феномен определенный Н.А. Бердяевым как «женственность русской культуры».

Традиция обсуждения проблем организации территориального пространства сложилась в русской философии и истории, начиная с середины XIX в., и продолжилась в XX. И.А. Ильин, размышляя о миссии России, отметил, что ни один народ в мире не имел такого бремени и задания как русский. Первое наше бремя есть бремя земли. «Не мы «взяли» ... то пространство: равнинное, открытое, незащитное – оно само навязалось нам...» (И.А. Ильин). Развивая идею о национальном предназначении, можно сделать предположение, что одним из таких посланных Свыше заданий (предназначений) было освоение этих бескрайних территорий. В данной связи А.Н. Бердяев пишет о мистике русской земли, взаимосвязи между географией физической и духовной, о духовной потенциальности, культурной невыраженности русского народа, о том, что силы русского народа долгое время были скованы освоением и защитой этих огромных пространств. Обратим внимание на исторически сложившееся в менталитете россиян стремление к освоению новых территорий. Но это первичное освоение, как правило, было не обременено капитальным обустройством, как то принято в западных странах, где буквально возделывается каждый клочок земли.

В современных экономических и социально-политических условиях России не посильны крупные затраты по развитию всей территории страны одновременно. В связи с этим встает проблема

определения приоритетов в развитии отдельных регионов России – этапности, очередности, последовательности крупных капиталовложений, выработки и обоснования эффективной макрорегиональной стратегии и т.п. Эффективное решение вышеозначенных проблем, с нашей точки зрения, возможно на основе изучения и адекватной оценки социокультурной идентичности региона (в отличие от региональной идентичности).

Социально-философский анализ социокультурной идентичности региона и возможностей его инновационного развития представляет собой исследование данного феномена с точки зрения следующих теоретических подходов – цивилизационного, урбантропологического, деятельностного. Спецификой данного анализа является целостность рассматриваемых процессов, учет изменяющихся условий жизни общества, социокультурных предпосылок и перспектив развития региона. Если в социально-философской литературе цивилизационный и деятельностный подходы являются достаточно разработанными, то урбантропологический подход нуждается в существенном уточнении.

Город является сложным культурным феноменом. Являясь частью культуры, он в то же время представляет собой материальную и социальную сферу, в которой существуют и развиваются множество субкультур. Два этих взаимодополняющих друг друга условия, как две теоретические схемы, во многом описывают и объясняют развитие городов [5, с. 46]. Рассматривая город как достаточно самостоятельный элемент экономической и культурной жизни региона или страны в целом, уместно поставить вопрос о существовании особой миссии города. Город – это идеальное место, где происходят разнообразные и многоуровневые обменные операции, что в целом характерно для рынка и рыночных отношений. Последние в свою очередь, предполагают множественное взаимодействие социальных институтов, которые можно рассматривать как организованную систему связей и социальных норм, которые объединяют значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества, как экономическим, так и культурным [7, с. 45].

Город с позиции геоурбанистики изначально является одной из основных форм эволюции социальных систем. В совре-

менной литературе город рассматривается как система в большой системе, а еще шире – как часть территориальной социально-экономической системы региона. Город сам по себе представляет сложную систему, включающую подсистемы населения, производства, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, сферы обслуживания, образования, культуры и т.д. В нем формируется сообщество людей, ведущих своеобразный образ жизни в условиях, отличающихся от окружающей сельской местности определенным типом антропогенного преобразования в виде застройки крупными зданиями и другими характерными сооружениями [3, с. 31]. Обратим внимание на классическое определение города, предложенное известным французским урбанистом П. Мерленом как «центра связей, благодаря чему он становится местом концентрации и кооперации людей и их деятельности» [2, с. 18]. Новейшие подходы к определению специфики городской среды, прямо имеющие отношение к теме нашего исследования связаны с пониманием города как специфического места создания и культивирования ресурсов развития (П.Г. Щедровицкий), информационно-культурного разнообразия, сосредоточения различных видов человеческой деятельности.

Урбантропологический подход к анализу социокультурной идентичности региона, с нашей точки зрения, представляет собой единство следующих методологических установок: 1) понимание урбанизации не только как социально-исторического процесса, связанного с повышением роли городов, но и распространения городской культуры, городского образа жизни на близлежащие районы и сельскую местность; 2) взаимосвязь экономической перспективы развития региона и социально-антропологической мотивации его освоения; 3) определение состояния и перспектив развития региона с позиции долгосрочного, полноценного, комфортного проживания человека в нем (предоставления возможностей профессиональной, культурной, образовательной реализованности и роста, психического восстановления и развития и т.п.); 4) существенное изменение самого человека в условиях города (рост разнообразия потребностей, изменение качества жизни, образа жизни, норм поведения, системы ценностей и т.п.).

Таким образом, социальная, экономическая, политическая, идеологическая

жизнь общества имеет культурное изменение. Социокультурная идентичность региона является комплексной характеристикой, указывающей не только на самобытность, самоощущенность и способ осознания культурной уникальности региона (в историко-географическом, производственно-организационном, культурно-цивилизационном аспектах), но и включающая специфическое видение развития социальной и культурной среды, обеспечивающей полноценное,

долгосрочное проживание человека. Способность создавать, организовывать, эффективно управлять (институтами, компаниями, ассоциациями, объединениями и т.п.) является культурно-цивилизационным феноменом, масштаб и качество которого можно исследовать с точки зрения социокультурной идентичности, т.е. с позиции возможности увидеть и осознать свою специфику, но что не менее важно, адекватно оценить перспективы и ресурсы собственного развития.

Список литературы:

- [1] Кукоба О.А. Доминанты российского национального менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. – 2004. – № 2. – С. 191–208.
- [2] Мерлен П. Город. Количественные методы изучения / Пер с франц. – М.: Прогресс, 1977. – 260 с.
- [3] Словарь общегеографических терминов. / Под ред. Л. Д. Сталпа. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – Т. 2.
- [4] Султанов К.В., Романенко И.Б. Социокультурная идентичность молодежи как философская проблема // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 1. – С. 116–120.
- [5] Сусоколов А.А. Культура и обмен: введение в экономическую антропологию: социологу, экономисту, менеджеру / А.А. Сусоколов. – М.: Русская панорама, 2006. – 446 с.
- [6] Феоктистов И. На переломе, в поисках себя // Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2008. – 637 с.
- [7] Циркунов И.Б. Города нового качества (Урбанизация и качество жизни горожан Кольского Севера) / Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, 2008. – 153 с.

ФЕНОМЕН УНИВЕРСАЛИЗМА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЖОУ ГУАНЖЭНЬ

Чжоу Гуанжэнь – уникальная личность в современной китайской культуре. Она известная во всем мире пианистка, педагог, исследователь и общественный деятель. Статья посвящена жизнеописанию Гуанжэнь и освещению ее разносторонней и масштабной деятельности.

Ключевые слова:

творческая личность, универсализм, фортепианное искусство Китая, фортепианное образование.

Широкое межкультурное общение, ставшее своеобразным девизом современной России, требует обогащения представлений одругихцивилизациях.Всветемножащихся связейсКитаемвсоциальной,политической, образовательной и художественной сферах особенно актуальным выглядит обращение кизучению жизни и творчества выдающихся личностей его самобытной культуры.

Чжоу Гуанжэнь – знаменитая китайская пианистка, педагог и социальный деятель-активист, внесшая огромный вклад в популяризацию и развитие фортепианного образования. Она претерпела множество превратностей судьбы, но каждый раз возвращалась к жизни и профессии – триумфально и твердо. К сожалению, в российском научном пространстве совсем нет посвященных ей работ. Отечественная музыкальная наука располагает лишь некоторыми упоминаниями о Гуанжэнь в русскоязычных трудах китайских авторов о фортепианной культуре Китая [2]. Однако исполнительская, общественная и педагогическая деятельность Чжоу Гуанжэнь заслуживает более пристального внимания, что определяет актуальность большихималыхисследовательскихжанров, посвященных ее жизни и творчеству.

Среди многочисленных эпитетов в характеристике творческой личности универсализм фигурирует далеко не всегда: «универсальных гениев в сравнении с людьми какого-то одного таланта довольно мало» [1]. В соответствии с этимологией самого слова¹ исследователи предлагают понимать под универсализмом «такой процесс, который исходит из единого принципа и в силу своего последовательного саморазвития приводит к распространению сферы творчества данной личности на различные области бытия и мышления» [1]. Попробуем проследить «печать» этого феномена в жизни и деятельности Чжоу Гуанжэнь.

Гуанжэнь родилась 17 декабря 1928 года в Ганновере². В четырехлетнем возрасте вместе с родителями возвратилась в Шанхай, где отец устроил ее в немецкую школу, в которой учащимся предоставлялись широкие возможности изучения языков.

Первым учителем фортепиано Гуанжэнь стал Циан Ци. В десять лет благодаря занятиям с ним Гуанжэнь выдержала вступительный экзамен в частную школу Дина Шандэ и училась затем у него. Третьим преподавателем Гуанжэнь был вернувшийся из США Ян Джерен, убедивший ее саму взять нескольких учеников: так Гуанжэнь получила первый педагогический опыт. Необходимо отметить, что в начале 40-х годов XX века в Китае не существовало ни продвинутой педагогической системы, ни подходящего репертуара в фортепианной сфере. По словам самой Гуанжэнь, уровень преподавания был весьма низким [7, р. 4; 4; 5]. Вместе с тем, Циан Ци, Дин Шаньдэ и Ян Джерен являлись исключением из общего правила и стали для начинающей пианистки путеводными звездами в мир музыки.

Из-за проникшего в немецкую школу фашизма, Гуанжэнь была вынуждена покинуть это заведение. Она просила своего отца дать возможность заниматься фортепиано более профессионально. Отец не согласился с кардинальной сменой будущих ориентиров дочери, настаивая на изучении языков. Гуанжэнь проявила твердость, пытаясь доказать верность избранному делу. Отец лишил ее всяческой поддержки, и в результате Гуанжэнь ушла из семьи.

Так в 16 лет, из-за своей любви к фортепиано, Гуанжэнь осталась одна. В это время она встретила своего четвертого учителя – итальянца Марио Пачи, фортепианного «правнука» Ф. Листа. Пачи обладал обширной эрудицией, одинаково

хорошо владел дирижерской палочкой и фортепиано. Именно Пачи принял деятельное участие в организации первого в Китае Шанхайского симфонического оркестра, руководил им более десяти лет. В то же время он обучал игре на фортепиано, вокалу и славился как прекрасный педагог: его учениками кроме Гуанжэнь были еще и Чжу Гонгай, Фу Цонг и другие.

Пачи привил Гуанжэнь понимание стилистических канонов музыки различных эпох. Через год занятий с Пачи Гаунжэнь освоила обширный репертуар, включающий прелюдии и фуги И.С. Баха, сонаты Д. Скарлатти, этюды М. Клементи и И.-Б. Крамера, сонаты В.А. Моцарта, «Лирические пьесы» Э. Грига и «Песни без слов» Ф. Мендельсона, ее исполнительские навыки существенно улучшились, обогатилась образная сторона исполняемых произведений.

После смерти Пачи в 1945 году учителем Гуанжэнь в течение всего лишь года с небольшим (1946–1947) стал еврей Альфред Маркус, побудивший ее к частым выступлениям. Он сам был членом Ансамбля камерной музыки в Шанхае, в состав которого входили иностранцы, в большинстве – из России. После ухода в 1947 он передал свое место Гуанжэнь, давая, тем самым, ей возможность еженедельно играть с лучшими музыкантами в Шанхае. Это существенно улучшило ее исполнительскую технику, выдержку и разнообразило стилистику.

Шестым учителем Гуанжэнь был венгр Бэла Белай, ученик Листа – слепой, чрезвычайно одаренный музыкант, обладающий глубоким пониманием музыки романтиков. Гуанжэнь успела получить драгоценный опыт аутентичного исполнения романтических произведений и гордилась тем, что восприняла его «из первых рук».

После Бэла Белай Гуанжэнь училась у еврейского пианиста Уиденбауха, предложившего Гуанжэнь играть сонаты Бетховена – все 32 – для того, чтобы составить полное представление об особенностях формы, звука и исполнительской интерпретации сочинений композитора, что явилось существенным вкладом в процесс постижения молодой пианисткой стиля Бетховена.

В течение 1948–1955 Гуанжэнь выступала как солистка с Шанхайским и Центральным симфоническими оркестрами. В 1948, будучи только девятнадцатилетней, она исполнила Концерт *d-moll* для фортепиано с оркестром (К. 466) В.А. Моцарта и произвела совершенную сенсацию. В начале 1949 года Гуанжэнь дала сольный концерт: она исполнила четыре баллады

и экспромты Ф. Шопена, а также ор. 90 Ф. Шуберта. Критика благоволила и публика стала постепенно отличать концерты молодой пианистки.

Вскоре после коммунистического переворота в Китае (октябрь 1949) Гуанжэнь столкнулась с необходимостью принимать трудное решение. Все ее преподаватели и коллеги либо уехали из страны, либо покинули Шанхай. Гуанжэнь получила приглашение эмигрировать во Францию, но после долгих раздумий осталась на родине. Позже она будет вспоминать: «Без помощи моей родной страны, вне ее живой «подпитки» я бы никогда не добилась успеха, как музыкант» [7, р. 6].

В марте 1951 Гуанжэнь заняла третье место в фортепианном конкурсе на Третьем Берлинском Международном фестивале молодежи и студентов. Она стала первой китайской пианисткой, выигравшей международные состязания. В 1954 году Гуанжэнь приняла участие в Четвертом Международном молодежном фестивале, проходившем в Румынии.

Год спустя Гуанжэнь продолжила обучение у профессора из Советской России Арама Татуляна, который в течение двух лет (1955–1957) преподавал в Центральной консерватории в Тяньцзине. У него обучалась целая плеяда китайских молодых исполнителей – Лю Шикунь, Гу Шэнин, Чэн Биган, Го Чжихун, Инь Чэнцзун, Чжэн Лицинь [2, с. 47–49]. Общение с Татуляном расширило тембровую палитру и техническое мастерство Гуанжэнь, придало большую гибкость и существенно улучшило качество и силу звука. Для того чтобы устранить некоторую жесткость и сухость ее исполнения, Татулян рекомендовал Гуанжэнь программу, с которой она справилась блестяще: Три Концертных этюда (*Il lamento, La leggierezza, Un sospiro*), Два Концертных этюда (*Waldesrauschen, Gnomensreigen*) Ф. Листа и Этюды-картины ор. 33 С.В. Рахманинова.

Освоение Гуанжэнь приемов и манеры исполнения, свойственных русской пианистической школе, не только полностью трансформировало облик пианистки в сторону большей проникновенности и лиризма, но в дальнейшем сыграло огромную роль в выработке ею собственных педагогических принципов. Не будет большим преувеличением сказать, что Гуанжэнь, как и другие китайские пианисты, имевшие счастье общения с Татуляном, явились проводниками традиций русской фортепианной педагогики и исполнительства в китайскую музыкальную культуру [2; 5, р. 13–17].

При содействии Татуляна Гуанжэнь стала преподавателем фортепианного факультета Центральной Консерватории, одновременно выступая на пекинской и Тяньцзиньской сценах. Важным качеством Гуанжэнь-пианистки, начавшем формироваться с первых лет ее карьеры, становится огромное внимание к фортепианным опусам китайских композиторов, которые систематически включались ею, наряду с классикой, в концерты.

В 1956 году Гуанжэнь выступила с Фантазией Шумана *C-dur* в Первом Шумановском международном фортепианном конкурсе в Восточной Германии, получив восьмую премию. Критика нашла ее звук прекрасным и чистым, технику мощной, стиль аутентичным, образное содержание драматичным [5, р. 24]. На родине педагогическая карьера Гуанжэнь развивалась не менее звездно: ее избрали заместителем декана фортепианного факультета Центральной консерватории.

В годы Культурной революции Гуанжэнь постигла та же судьба, что и многих других артистов, художников, музыкантов: беды следовали одна за другой. В 1968 году ее мужа с позором отстранили от занимаемой им должности главы Центрального оркестра и он покончил с собой в знак протеста. Почти сразу саму Гуанжэнь лишили любимой работы. Вынужденная самостоятельно растить сына и дочь, Гуанжэнь уехала на одну из ферм (как и многие преподаватели Центральной консерватории, которые вынуждены были либо пропагандировать насаждаемую новым правительством культурную политику в сельской местности, либо погибать и терять близких). Там она занималась земледельческими работами – вскапывала землю, выращивала рис и т.д... Из-за чрезмерного физического труда она надорвала свои силы; кроме того, несчастный случай покалечил указательный палец ее левой руки.

В середине 1970-х годов прежний режим начал ослабевать. Гуанжэнь вернулась в Пекин в числе других пианистов налаживать фортепианное образование. В конце 1978, когда была восстановлена Центральная консерватория, Гуанжэнь стала главой фортепианного факультета и возобновила свою творческую жизнь. Благодаря упорному труду, она возвратила прежний уровень исполнительства, давала множество сольных концертов и вдохновляла коллег.

Фонд Эдгара Сноу Университета Миссури в штате Канзас (США) в 1980 году пригласил Чжоу Гуанжэнь прочитать цикл

лекций, посвященных китайской фортепианной музыке. Даже несмотря на то, что ее указательный палец на левой руке не вполне оправился после увечья, Гуанжэнь согласилась. Лекции и исполнение ею целого ряда фортепианных произведений китайских авторов имели огромный успех и транслировались по всей территории США. В результате Гуанжэнь получила 28 приглашений с просьбами о лекциях и концертах от других университетов страны. Помимо любимых ею Моцарта, Бетховена и Шопена, она играла знаменитые на ее родине фортепианные опусы «Песня пастушонка» (1934) Хэ Лугина, «Звуки флейты и барабана в сумерках» (1975) Ли Инхая, «Вышивание надписи на золотом полотне» Ван Цзяньчжона (1973), «Осенняя луна отражается в спокойном озере» (1973) Чэй Пэйсюня и ее собственные «Вариации на Хэбэйскую тему».

В этом же году пианистка побывала в Германии, куда ее пригласила Дрезденская филармония: программа концерта, совмещавшего, как и в Америке, произведения классиков, романтиков и неизвестные в Европе фортепианные сочинения китайских авторов произвела глубокое впечатление на немецкую аудиторию. Повидимому, огромный успех этого выступления Гуанжэнь обусловил повторное приглашение от Дрездена в 1989 году.

Как только Гуанжэнь со всей страстью предалась исполнительской деятельности, в ее жизни произошла еще одна трагедия. 14 мая 1982 года накануне выступления перед иностранными гостями Гуанжэнь вызвалась помочь передвинуть концертный рояль. Одна из ножек рояля сломалась и инструмент упал на пол, придавив правую руку Гуанжэнь. Безымянный палец был сломан, средний, указательный и мизинец практически расплющены. Согласно врачебным прогнозам, пальцы надо было ампутировать. Но озвучивший этот приговор доктор, услышав, что пациентка – та самая Чжоу Гуанжэнь, попытался сделать все возможное, чтобы спасти руку. Сломанные и раздробленные пальцы собрали по частичкам, и это уже было чудом! Но разве мог доктор, да и сама Гуанжэнь даже предположить, что она будет играть вновь?

Гуанжэнь начала осознавать, что отныне ее уделом будет лишь педагогическая деятельность. Чтобы не впасть в уныние, она посвятила время своего выздоровления чтению книг по педагогике, истории фортепиано, психологии исполнительства. Именно в этот период она сформулировала принципы преподавания, в которых

совмещались мировая практика и ее собственный опыт. Утешая себя тем, что может продолжить работу на ниве фортепианного образования, Гуанжэнь несколько примирилась с произошедшей с нею трагедией. Беда стала понемногу отступать перед этой несгибаемой женщиной. К ее великой радости, когда сняли гипс, оказалось, что кости собранных по крошечным осколкам пальцев срослись правильно, а это грело сердце надеждой играть вновь. Буквально сразу Гуанжэнь начала тренировать свою руку, стуча искалеченными пальцами по деревянной доске, на которой была нарисована клавиатура. Никогда раньше она не могла себе даже вообразить, сколько усилий нужно будет употребить на то, чтобы хотя бы медленно двигать ее прежде такими гибкими пальцами, и сколько боли и слез это будет стоить!

Спустя всего лишь год после трагедии – год упорного и мучительного труда – Гуанжэнь снова была в состоянии играть. 16 мая 1983 года она дала публичный концерт в Пекинском университете. Среди приглашенных был делавший операцию хирург Ли Тингай. После концерта университетские студенты вместе с самой пианисткой и вернувшим ей счастье сцены доктором, праздновали успех, восхищаясь мужеством, волей и талантом Гуанжэнь.

Несмотря на тяжелую педагогическую нагрузку, Гуанжэнь с головой окунулась в концертную деятельность. Но она никогда не забывала о грандиозных планах, вынашиваемых в больничных стенах. В сентябре 1983 Гуанжэнь вместе с несколькими коллегами-единомышленниками при поддержке компании по производству музыкальных инструментов *Beijing's Xinghai Piano Company* основала Синхайскую молодежную фортепианную школу (*Xinghai Youth Piano School*).

С этого момента Гуанжэнь не имела ни одного выходного дня. Для того чтобы сэкономить время, несмотря на свои годы, она даже научилась ездить ... на мотоцикле. Официальные лица Департамента автотранспортных средств, с которыми она общалась во время сдачи экзамена на получение водительских прав, даже представить не могли, что перед ними прославленная пианистка – так профессионально она отвечала на вопросы билета, и настолько ловко управлялась с самим мотоциклом.

В конце 1985 года Гуанжэнь внезапно оглохла на левое ухо. Доктора советовали лучше заботиться о здоровом ухе, не давая ему нагрузки большей, чем оно могло бы вынести. Однако по-прежнему, не снижая

темпов, она продолжала гастролировать, преподавать и руководить. Благодаря ее заботе, студенты *Xinghai Youth Piano School* превосходно выступали на Пекинских молодежных фортепианных конкурсах, многие продолжали обучение в консерватории и за границей. В начале 1990-х годов Гуанжэнь открыла более масштабную, чем в Синхае, школу с поэтичным названием «Друзья музыки», куда привлекла множество молодых и талантливых преподавателей. Параллельно, с начала 90-х Гуанжэнь работала в Центральной консерватории. Она лично воспитала плеяду замечательных пианистов Китая, среди которых Ван Юйцзя, Юан Шэн, Хан Ли и другие.

Кроме административной, исследовательской и педагогической работы, она также выступала как автор ряда учебно-методических пособий и статей, посвященных фортепианной педагогике и исполнительству. Гуанжэнь способствовала продвижению музыки как необходимой составляющей образованного человека, участвовала в крупномасштабных мероприятиях по узкоспециальной и общегуманитарной подготовке кадров в фортепианной сфере. Так, с 1995 по 2005 гг. она организовала десять обширных «тренингов», выпускниками которых стали 1600 учителей. Результаты ее деятельности, гастролов и встреч с выдающимися коллегами из других стран переплавлялись в материал для основанного Гуанжэнь журнала «*Piano Artistry*», в котором и по сей день она является главным редактором.

В 2004 при финансовой и материальной поддержке *Beijing's Xinghai Piano Company* она основала специальный Центр фортепианного искусства Чжоу Гуанжэнь (*Zhou Guangren's Center of Piano Art*). Здесь Гуанжэнь организовала учебный процесс согласно созревшей у нее философии педагогики и исполнительства. Полувеклая художественная практика, глубокая эрудиция, -знания об особенностях возрастной психологии детей и преклонение перед очень востребованным в странах Дальнего Востока³ «Сузуки-методом» позволили Гуанжэнь создать в своем Центре уникальную творческую лабораторию по воспитанию блестящих пианистов. Многие аспекты деятельности Центра получили отражение в знаменитой на весь музыкальный Китай книге Гуанжэнь «Искусство преподавания фортепиано» [3].

Однако ни общественная и педагогическая, ни исследовательская и журналистская ипостаси, ни уже почтенный

возраст не мешали Гуанжэнь заниматься исполнительством. Так, летом 1995 года она триумфально выступила с Концертом для фортепиано *A-dur* (К. 488) В.А. Моцарта в Лондоне вместе с *Britten-Pears Orchestra*. В течение 90-х годов она неоднократно выступала с лекциями и концертами в Мангейме, Ганновере и Лондоне, давала мастер-классы.

Как пианистку с мировым именем Гуанжэнь много раз приглашали в жюри международных конкурсов имени Вана Клайберна, Джини Бахауэр, М. Лонг и Ж. Тибо, П.И. Чайковского, А. Рубинштейна, Владимир Горовица и ряд других. На родине Чжоу Гуанжэнь была председателем жюри Первого и Второго Международных конкурсов пианистов, состояла в жюри фортепианного конкурса «Жемчужная река», руководила регулярными конкурсами, проводимыми *Xinghai Youth Piano School*.

В настоящее время Гуанжэнь совмещает многие виды деятельности: она является членом Национального художественного совета по образованию и членом группы экспертов Национального общества любителей фортепиано, советником Пекинского ответвления Национального объединения профессионалов-пианистов. До последнего времени Гуанжэнь руководила фортепианным факультетом Центральной консерватории, выступала в ка-

честве лектора и исполнителя, занималась литературно-исследовательским трудом.

Заслуги Гуанжэнь на педагогическом поприще были отмечены следующими наградами: «Ветеран Труда» (1994), «Лучший преподаватель» (1998), «За достижения в области науки и образования» (2000), «Преподавательская премия Пекинского университета» (2006), «Золотой колокол: За труд всей жизни» (2006).

Чжоу Гуанжэнь – одна из уникальнейших личностей в пространстве музыкальной культуры Китая. Широта интересов, масштаб деятельности, стойкость перед, казалось бы, сокрушающими личными событиями, мировое признание – все это рисует очень притягательный образ, реализующий в своем бытии принцип универсализма. Разносторонность как основное качество, применимое к характеристике жизненного и творческого пути Гуанжэнь, в то же время, явилось одним из необходимых «кирпичиков» в монументальном на сегодняшний день и внушающем уважение во всем мире прочном «здании» китайской фортепианной педагогики и исполнительства. И пусть данный материал не исчерпывает всего многообразия деятельности Чжоу Гуанжэнь, все же он может внести определенную лепту в заполнение российской исследовательской лакуны, связанной с изучением современной китайской музыкальной культуры.

Список литературы:

- [1] Гаврюшин Н.К. Универсальность творческой личности // Методолог. Сайт, освященный изоретательским задачам и методам их решения. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.metodolog.ru/00159/00159.html (01.12.2012)
- [2] Хуан Пин Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы. – СПб.: Астерион, 2009. – 158 с.
- [3] Чжоу Гуанжэнь Искусство преподавания фортепиано. – Пекин: Изда-тельство Центральной консерватории, 2007. – 652 с.
- [4] Bian Meng. The Formation and the Development of Piano Culture in China. – Beijing: Yuehua Press, 1996. – 184 p.
- [5] Chi Lin. Piano Teaching Philosophies and Influences on Pianism at the Cen-tral Conservatory of Music in Beijing, China: A Monograph. – М.М.: Louisi-ana State University, 1995. – 88 p.
- [6] The Piano Is My Life – female pianist Zhou Guangren // Modern and Con-temporary Chinese Musicians' Biographies / Ed. Wei Tingge. – Shenyang, China: Spring Wind Cultural Press, 1994. – P. 1099–1100.
- [7] Zhou Guangren Interview by author // Piano Artistry. – February, 2007. – P. 4–8.

¹ Слово образовано о латинских корней *unus* – один и *verto* – поворачиваю: универсализм дословно можно перевести на русский язык как «едино-развертывающий».

² Фактологический материал данной статьи основывается на жизнеописании пианистки, составленном Вэй Тингэ [6].

³ Сузуки-метод – направление в музыкальной педагогике, автором которой является японский скрипач Шиничи Сузуки (1898–1998). Он исходил из принципиальной обучаемости ребенка музыке, если поместить его в соответствующую среду. Как ребенок постигает родной язык – легко и без принуждения – так и процесс музыкального обучения можно наладить согласно этим же принципам естественности.

ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАРОДА

Рассматривается символическая природа традиционного календаря. В частности, отмечается, что символика традиционной культуры русского народа обладает большим теоретико-методологическим потенциалом: в традиционных формах выражаются ключевые символы-ценности и символы-идеи народа. Календарный (и в этом соответствии обрядовый) год строился по принципу вечного круговорота. При этом утверждалось единое знание, понимаемое как вечное возвращение к началу, открывающее перед людьми новые жизнеустроительные горизонты, в связи с чем актуальным является выделение и исследование концепта «возрождение».

Ключевые слова:

календарь, концепт «возрождение», русская традиционная культура.

Русская традиционная культура в своей сущности предстает в качестве уникальной символической системы, раскрытие значений которой приводит к постижению ее содержания. Символика традиционной культуры русского народа обладает большим теоретико-методологическим потенциалом: в ней выражаются ключевые символы-ценности и символы-идеи народа (мифологические, религиозные, социальные, этнические, художественные и государственные). Полновесно реализуясь, концепт «возрождение» емко проявляется в символической природе традиционного календаря и обрядовой культуре русского народа.

Основу календаря составляла система наблюдений – первичное постижение окружающего природного пространства, не требующее специальных знаний и умений. При этом, наблюдения за видимыми фазами луны, от которых напрямую зависела вегетация растений и человеческое плодородие, солнечными циклами, влияющими на смену времен года, дополнялись сводом указаний для ритуальной и практической деятельности человека.

Земледельческий аграрно-обрядовый календарь был синтезом рационального (практического) и иррационального (ритуально-магического) знания, поскольку сквозь призму мифологической мировоззренческой основы была создана серьезная эмпирическая база астрономических открытий (объективным свидетельством служит знаковая система кружков и полумесяцев в изобразительном искусстве, система примет – метеорология). Примером воплощения в земледельческом календаре аграрно-мифологической картины мира служит загадка о календаре: «Выросло дерево от земли до неба. На том дереве двенадцать сучков; на каждом сучке по четыре коше-

ля, в каждом кошеле по семь яиц, а седьмое красное!». Здесь сплелись воедино и мифологическое «дерево жизни», и православное воскресенье. В то же время, очевидная (простая) отгадка, по мнению А.А. Коринфского, («Дерево – год, сучки – месяцы, кошеле – недели, семь яиц – семь дней, седьмой день – красен-праздничек, воскресеньице») напрямую соотносила эту реалию обыденной трудовой жизни с самой емкой культурной реалией язычества – *Мировым деревом* – символом жизни как таковой, вечного возрождения [5, с. 16].

Жизнь русского народа – народа-землепашца – пронизывали обрядово-ритуальные действия *магического* характера: *продуцирующего* (способствующего получению искомого результата) и *профилактического* (направленного против враждебной силы).

«Аграрная магия, являвшаяся главным стержнем языческого культа, требовала близости к природе ... – аргументированно подтверждает Б.А. Рыбаков. – Календарь языческих молений слагался, во-первых, из четырех солнечных фаз... Во-вторых, годовой языческий цикл складывался из сезонных аграрных обрядов, часть которых впоследствии была приурочена к христианским праздникам» [7, с. 164–165]. При этом ориентация на солнце или луну носила важный характер. Фиксация «возрождающегося» солнца или «набирающей» луны определяла весь цикл сельскохозяйственных работ.

Основными точками отсчета были дни зимнего (22 декабря) и летнего (22 июня) солнцестояний, весеннего (21 марта) и осеннего (23 сентября) равноденствий. В первую половину года, отмечает Ф.С. Капица, земледелец вспахивал поля, сеял, выводил на пастбище скот, потому и «обращения к высшим силам природы были проникнуты просьбами о помощи в обес-

печении будущего урожая». Вторую (время сенокоса, жатвы, обмолота и обработки собранного урожая) – «благодарил природу за помощь» [4, с. 7].

Деревенские обряды, игры и хороводные песни, основанные на первобытном знании как профилактическом, так и продуцирующем, позже сосредоточились вокруг христианских праздников: Рождества Христова, Васильева дня, Крещения, Пасхи, Фоминой недели, Троицы, Юрьева дня (св. Георгия), Николина дня (Николая-чудотворца), Ивана Купалы (Иванова дня, Иоанна-Крестителя), Ильи-пророка, Покрова Богородицы, Козьмы и Демьяна.

Земледельческий календарь стал полноценным воплощением концепта «возрождение». Он не только персонафицировал природу мифа, но и отражал имевшиеся представления о времени первородном и времени обновления – возрождения сил природы, которые, по сути, и послужили началом его практической (эмпирической) заданности. Само восприятие времени пахарем было основано на ежегодной повторяемости явлений природы, соответствовавших круговороту солнца. Потому и циклический принцип развертывания времени (с равноположенностью прошлого, настоящего и будущего) приобретал в земледельческом календаре универсальную форму.

Земледельский календарь предполагал не только соотнесение, но и уподобление жизни земледельца в его социально-аграрной направленности природному миру в его вечно возрождающейся динамике: начальной активности (подготовка), трудовой активности (получение результата (урожая), периода ожидания (окончание полевых работ). При этом сезонное деление календарных праздников и обрядов непосредственно зависело от природно-климатических условий проживания, цикличности сельскохозяйственных работ и повседневной жизни земледельцев.

Рассмотрение календарных обрядов с учетом земледельческих работ, определивших их характер и особенности, позволило ряду исследователей выделить два варианта: а) обряды, вызывающие урожай, б) обряды, сопровождающие получение урожая. Временные рамки этих циклов определялись периодом созревания хлебов и овощей.

Обрядовые циклы начинались в конце предшествующего месяца и заканчивались в первой половине следующего месяца. Исключения составляли даты, связанные с передвижным характером весенних праздников, зависевших от первого весеннего новолуния. Считающаяся главным празд-

ником весны Пасха не имеет постоянного числа, справляется в разные дни (примерно от 22 марта до 25 апреля). От празднования Пасхи зависит Масленица, Вознесение, русальная неделя, Троица и Духов день. Эти «скользящие» праздники, сопровождавшиеся многочисленными обрядами, приходятся на конец января–февраль (Масленица, 8-я неделя до Пасхи), конец марта–апрель (Пасха), май–июнь (Вознесенье – 40-й день после Пасхи; русальная или семицкая неделя – 7-я после Пасхи; Троица и Духов день – 50-й и 51-й дни после Пасхи).

Соположенными (зеркально отражающими друг друга) мыслялись в сознании нашего предка времена года. Зима симметрична лету, осень – весне, что выразилось в сходной последовательности более или менее «отмеченных» дней и зафиксировалось в многочисленных пословицах, приметах, загадках, сравнивающих времена года. «В земледельческом календаре, – отмечает А.К. Байбурин, – все составные части увязаны: одно время года определяется по другому, а каждый месяц составляет пару с противоположным ему месяцем второго полугодия» [2, с. 11]. Последнее наблюдение, отмеченное ученым, выразилось в целой системе привязанных к определенным дням и сезонам примет и поверий. Обычно они представляли собой выражения типа «если... то...», например: «много снегу – много хлебу»; «вода разольется – сена наберется».

Повторение, основанное на символике возрождения, тех или иных природных состояний служило предпосылкой появления так называемых варьированных повторений дней. Фиксацию этого, как отмечает ряд этнографов, находим в традиционном народном календаре. Например, рождественским Святкам соответствовали так называемые Зеленые – летние (приходившиеся на конец июня) или весенние (Троицкие) обряды (И.П. Сахаров). Дублирование дней, по мнению И.П. Сахарова, образует костяк календаря и календарной обрядности, выражаемый в подробностях действия, соответствующего мертвенному или плодородящему состоянию природы [8].

Большую степень повторения обрели игры, подчеркивает И.П. Сахаров, соотносимые с ряженьем, зажжением костров, купанием и т.д. Отклонение в повторяемости этих игр наблюдается в осенние месяцы, когда на первый план выдвигаются обряды, связанные с уборкой урожая. По существу, характер и целеустремленность игр октября-июля едина: они только варьируются применительно к той обстановке, в которой совершаются.

Символика календарного обряда зачастую (если праздник не приходился на время поста) также характеризовалась использованием одних и тех же атрибутов и действий: обходом дворов, персонификацией праздника в песнях и ритуальных действиях с куклами (образы Коляды, Масленицы, Купалы), использованием природных украшений (трава, ветви деревьев, украшенные лентами ветки и т.д.), употреблением определенных видов пищи (кутья, блины, крашеные яйца, печенья «козули», «жаворонки»), почитанием предков.

Праздники включали целые ритуальные комплексы. Ф.С. Капица описывая масленичный обряд отмечает, что с каждым днем масленичной недели (встреча, заигрыш, лакомка, разгул, тещины вечерки, золовкины посиделки, прощенное воскресенье) связан свой комплекс обычаев и ритуальных действий. В этот день бытовал обычай «возить дерево»: сухое дерево (березу или ольху), спиливали и укрепляли на снях, украшали лентами, лоскутами, бубенчиками и проводили его вдоль колесо [4, с. 157].

Во время масленичной недели совершали обряды поминовения и продуцирующие обряды. Обряды поминовения ярко иллюстрировали первый и последний день Масленицы: первый блин первого дня не ели, отдавали нищим на помин души (этнографы связывают этот обычай с культом усопших), в последний день – воскресенье (целовник, Прощеный день) полагалось не только просить прощения друг у друга, но и сходить на кладбище, попрощаться с умершими. [4, с.159].

Обряды встречи весны приурочивали к Благовещенью. Утром молодежь поднималась на крыши или забиралась на возвышенности (бани, верхушки скирд или поленицы) и начинала «гукать», призывать весну. Но поскольку праздник приходился на время Великого поста, с ним не связывались пиршества и людные гуляния. В этот день происходило специальное освящение просфор в церкви (потом ее могли класть в сетево, брать с собой в поле, скармливать домашнему скоту). В праздник выпускали на волю птиц, произнося приговор:

Синички-сестрички,
Вы по воле полетайте,
Вы на вольной поживите,
К нам весну скорей ведите.

На праздник также распространялось запрещение работать на земле и ездить в лес. В этот день совершали очистительные обряды: били в металлическую посуду, зво-

нили в колокольцы, сжигали солому и всякое старье, совершали ритуал освящения зерна – освещение иконой с изображением Благовещенья и произнесением приговора:

Матерь Божья!
Гавриил-архангел!
Благовестите, благоволите,
Нас урожаем благословите,
Овсом да рожью,
Ячменем, пшеницей,
И всякого жита сторицей.

Входящие в летний цикл праздников Зеленые Святки являлись рубежом лета и зимы и состояли из нескольких обрядов: внесения в село березки, завивания венков, кумления, похорон кукушки (Костромы или русалки). При этом березка считалась символом неисчерпаемой жизненной силы. Во всех обрядах участвовали ряженные, изображавшие чертей, животных, русалок. Исполнялись обрядовые песни с *имитативным* сюжетом «Ты удайся, удайся мой лен» (в танцевальных действиях девушки сеяли, пололи, дергали, трепали, чесали, пряли лен), «Мы просо сеяли» (участники имитировали процессы сева, молотбы, засыпания в загреб проса).

Важнейшие осенние сельскохозяйственные праздники жажинки (начало жатвы) и дожинки (окончания) не имели закрепления в календаре, поскольку напрямую зависели от созревания злаков, также были наполнены обширным комплексом обрядов.

Начало жатвы отмечалось особым обрядом «первого снопа», называемого «именинником» (как правило, его жала старшая женщина в семье). Сноп обвязывали разноцветными лентами, украшали цветами и ставили под иконами в переднем углу. По окончании жатвы сноп скармливали домашним животным, сохраняя зерна (символы будущего урожая – возрождения жизни хлебов) до следующего сева.

Процесс жатвы сопровождался обрядовыми заживными песнями, строй и ритм которых помогали организации тяжелого труда. Как описывает А.А. Коринфский, по утрам выходили «зажинчики и зажинщицы на свои загоны, зацветала-пестрилась нива мужицкими рубахами да платками бабьими, ...песни заживные переключались от межи до межи. На каждом загоне шла впереди всех прочих сама хозяйка с хлебом-солью да со свечкой. Первый сжатый сноп – «зажиночный» – звался «снопом-именинником» и ставился особь от других; ввечеру брала его зажинщица, шла с ним впереди своих домашних, вносила в избу и ставила именинника в красный угол хаты... На

дожинки по деревням устраивали «мирскую складчину», ...пекли пирог из новой муки... и праздновали окончание жатвы, сопровождая особыми, приуроченным к тому, обрядом». В складчине участвовали всем миром, поскольку, стараясь закончить работу быстрее, часто хлеб дожинали «всем миром» [5, с. 106].

Сопровождалось особыми обрядовыми действиями и окончание жатвы. Как отмечают этнографы, в отдельных регионах оно было связано с обрядом «козы»: старшая жнея оставляла небольшую круглую площадку несжатых колосьев, вокруг и внутри которой насыпалась трава, клались ломти хлеба, посыпанные солью. Колосья связывались наверху, образуя небольшой шалаш, называемый «козой». Над козой читались молитвы, благодарящие Бога за урожай и благополучный исход труда.

К концу жатвы был приурочен и обряд женитьбы серпа: жницы благодарили серп за то, что он был хорошим тружеником и не резал рук. Как отмечает Ф.С. Капица, серп обматывали пучком колосьев (при этом они свешивались с острия), «несколько раз кололи землю с приговором: «Ниву ждали / Страду пострадали / Гибкими спинами / Острыми серпами. / Слава Богу, / До Нового году». На поле оставляли несжатый пучок колосьев, пожинальную «бороду» («заламывали бороду»), предназначенная кому-нибудь их христианских святых: Илье Пророку, Николе Чудотворцу или Егорию. Стебли свивали жгутом, а колосья втаптывали в землю. Затем сверху клали кусок хлеба, посыпанного солью. При этом женщина приговаривала: «Вот тебе, Ильях, борода, / Раста овес на прок, / Корми добро коня» [4, с. 151].

Последний сноп приносили в церковь и освящали. Его также украшали лентами, лоскутами, цветами, фиксирует Г.П. Блинова, «ставили под образа, где он стоял до Покрова... В день Покрова его торжественно выносили во двор и с особыми закличаниями скармливали домашним животным, чтобы не болели. Закормленная таким образом скотина считалась подготовленной к долгой суровой зиме» [3, с. 107]. Зерно из снопа в начале будущего сева подсыпали в сетево.

Вместе с тем с повторяемостью, закономерно отмечается исследователями, обнаруживается и периодичность проведения обрядов.

Использование одних и тех же элементов в разных обрядах замкнутого годового цикла, с одной стороны, по мнению В.Я. Проппа, объяснялось цикличностью повторений жизненных явлений и «единой мировоззренческой основой и объединяю-

щей все действия и помыслы земледельца задачей вырастить и сохранить урожай», с другой – утверждало понимание возобновляемости всего живого как некоего заданного мирозданием закона [6, с. 54].

При этом «возобновляемость» основы валась на статично закрепленных в календаре элементах, проявляемых сквозь призму разворачивания механизма концепта «возрождение». Таким образом, своеобразное отношение к времени в мозаике культурных традиций явилось скрытым фундаментом, определяющим суть всей земледельческой культуры.

Так вводилась символика центрального семиотического ряда – символика круга, кольца, колеса. *Круг* – первичный символ единства бесконечности. Движение по кругу означало постоянное возвращение к самому себе, возрождение первоначала.

Идея круга проявилась в календаре и была связана одной смысловой связью с солнцеворотом. Календарь природы строился на том, что каждая дата, отмеченная на круге, обозначает поворот погоды. *Кольцо* – всегда рассматривалось как символ сближения, совершенства и бессмертия. *Колесо* служило символом солнца, бега времени по определенной колее. Потому движущееся колесо было знаком динамизации самой жизни [9, с. 31].

К началу II тысячелетия практически каждый день года оказался связан в христианской традиции с памятью того или иного святого, апостола или другого почитаемого лица, особо чтимыми чудотворными иконами. Как писал А.К. Байбурун, «церковный месяцеслов пристраивался не на пустое место, а на сложившийся задолго до него народный земледельческий календарь... Церковные даты служили лишь удобными ориентирами для определения последовательности земледельческих работ и занятий. Земледельческое осмысление этих дат отчетливо проявляется при ближайшем рассмотрении» [2, с. 4].

Основой для нового календаря явились *святцы*. Праздничные циклы, соединяясь между собой, образовали цепочку ежедневных средних и малых праздников (полупраздников), календарных примет и наблюдений, зарифмованных в присловья, образуя устный крестьянский календарь – *земледельческий месяцеслов*.

К церковному календарю оказался приуроченным календарь хозяйственный: начало сева, сенокоса, жатвы и т.д. Аграрный год продолжал условно делиться на две части. К первой части аграрного года – зима и весна, – носившей охранительный характер,

«отходили» два главных праздника подвижной части календаря, символизирующие саму идею возрождения, Масленица (славянский Новый год) и Пасха, а ко второй – лето и осень, – носившей благодарственный характер, – третий праздник подвижной части календаря Троица – Зеленые Святки – символ окончательно пробуждения природы. Не случайно, в основе их празднования закладывалась символика разжигания *огня* (в виде костра или священного огня Воскрешения), символика горящих колес, спускаемых с пригорков, игры с кольцами или крестные ходы, совершаемые в обхождении по кругу культовых мест.

Формой проявления очищения, возрождения, обновления человека в обрядовой жизни жизни пронизывающие круглый год посты. Эта нравственная сторона поста влияла на повседневную жизнь русского человека, в которой не допускались ни игры, ни песни, ни шумные сборища; разрешались лишь песни закликательного содержания (окликания), и то они не пелись, а скорее кричались.

Календарный (и в этом соответствии обрядовый) год строился по принципу вечно-го круговорота. Русский человек понимал его практическое выражение – зима и лето сменяют друг друга, и верил, что год, как, по сути, и вся жизнь человека, символически отражает переменчивый баланс сил Зла и Добра, Света и Тьмы. При этом утверждалось единое знание: вечное возвращение Жизни, открывающее перед людьми новые жизнеустроительные горизонты.

По мнению А.Н. Афанасьева, календарная обрядность исходила из мировых координат (деления года на летние и зимние циклы, когда весна – преддверие лета, а осень – зимы). Обрядность, утверждает ученый, как бы образовывала восходящую кривую от Рождества к Иванову дню и нисходящую – от Иванова дня к Рождеству. Такая траектория движения давала пред-

ставление о годовом обрядовом круговороте, опорными точками которого были зимний и летний солнцевороты [1].

Календарь явился великим архаическим символом возрождения, борьбы природных стихий. При этом восстановление равновесия каждый раз было «динамическим», то есть подвижным, о чем и свидетельствовал, по мнению русского человека, сам естественный годовой цикл природы – «круглый год».

Возникая на основе производственной деятельности, обряды также стали средством выражения архетипного основания традиционной культуры, формой трансляции коллективных эмоций и духовного здоровья, механизмом передачи многовекового опыта земледельческой культуры, ее ценностей и идеалов. Не случайно система обрядовых действий выполняла множество функций: организационную (трудовую), прогностическую, утилитарно-эстетическую (художественную), коммуникативную, социальную и т.д.

При всей своей консервативности (русские народные обряды одни из наиболее архаичных) обряды, в определенной мере отражали изменения, происходившие в культуре русского народа на протяжении его истории, под действием глубоких и длительных этнокультурных процессов, меж-культурной коммуникации (будь-то смена хозяйственного уклада, территории проживания, утверждение религии и т.д.).

Календарь и обряд заключили в себе богатейший опыт людей по освоению природы и окружающей среды, систематизированный и сакрализованный (архетипный) в призматическом сознании в идее реализации концепта «возрождение». Календарь и обряд в их художественном оформлении дали запечатление модели мира человека традиционной культуры и природы, так полноценно выразившихся в художественном творчестве русского народа.

Список литературы:

- [1] Афанасьев А.Н. Народные праздники. Древо жизни. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
- [2] Байбурун А.К. Календарь и трудовая деятельность человека. (Русский народный традиционный календарь). – Л.: Знание, 1989. – 32 с.
- [3] Блинова Г.П. Художественное творчество народа в календарных праздниках и обрядах // Народная художественная культура / Учебник; под ред. Баклановой Т.И., Стрельцовой Е.Ю. – М.: МГУКИ, 2000. – С. 76–111.
- [4] Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. – М.: Наука; Флинта, 2008. – 216 с.
- [5] Коринфский А.А. Народная Русь. – Смоленск: Русич, 1995. – 656 с.
- [6] Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт ист.-этногр. исслед.). – М.: Лабиринт, 2000. – 188 с.
- [7] Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
- [8] Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым / Сост. и коммент. С.Д. Ошевского; предисл. Г.П. Присенко. – Тула: Приок. кн. изд-во, 2000. – 477 с.
- [9] Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: ООО «Тросинг», 2002. – 591 с.

МИФОЛОГЕМА СВАДЬБЫ В «РУСАЛКЕ» А.С. ДАРГОМЫЖСКОГО: К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ ОРИЕНТИРЕ ФИНАЛА ОПЕРЫ

Драма А.С. Пушкина «Русалка» осталась незавершенной. Поэтому А.С. Даргомыжскому, когда он обратился к сюжету пушкинской драмы, пришлось самому создавать финал. Рассмотрению специфики оперного финала в контексте мифологемы свадьбы посвящена данная статья.

Ключевые слова:

мифологема, русская опера, образы художественного произведения, сюжеты о морских девах.

Опера А.С. Даргомыжского «Русалка» принадлежит к выдающимся явлениям русской культуры, она разносторонне освещена музыковедческой литературе. Из трудов, посвященных этому произведению, необходимо прежде всего вспомнить масштабный отклик А. Серова [16, т. 1, с. 254–338], впервые напечатанный в 1856 в нескольких номерах «Музыкального и театрального вестника», рецензии Ц. Кюи [11], Ф. Толстого [19]. Большое внимание опере уделено М. Пекелисом [13, т.2; 14], А. Глузовым [5], А. Гозенпудом [6] и другими музыковедами [9; 15; 21; 22]. В трудах названных исследователей подчеркнуты тесные связи с музыкой М.И. Глинки, представлен подробный анализ оперы, опирающийся на солидную источниковедческую базу, выявлены новые по сравнению с драмой А.С. Пушкина «штрихи» в драматургии, обосновано то значение, которое имела «Русалка» для русского оперного искусства.

Однако же, несмотря на, казалось бы, основательную изученность, существуют ракурсы, обойденные вниманием исследователей. Особую, на наш взгляд, интригу представляет собой созданный Даргомыжским финал. Как известно, литературный первоисточник – драма Пушкина «Русалка» – остался неоконченным, и композитор оказался перед необходимостью «дописывать» его. Вспомним тот общеизвестный факт, что либретто Даргомыжский создавал сам, относясь к тексту Пушкина со всей деликатностью. Подобная бережность обусловлена личным знакомством, неоднократными встречами и, как следствие, – огромным пиететом композитора перед Пушкиным, глубоким знанием и пониманием его творчества, что отражено во всех монографиях, посвященных Даргомыжскому. Вместе с тем, в либретто фигурирует все же будто «завершенный» пушкинский текст, поэтому обращение к «проблеме финала» представляется нам вполне зако-

номерным. Однако рассмотрение созданного композитором окончания немислимо вне специфического контекста мифологемы свадьбы в опере.

Обосновывая использование нами самого термина мифологема, прибегнем к возможно краткому обзору существующих определений в науке. Термин возникает в Западной Европе и Америке в начале XX века. Испанский филолог Альварес де Miranda под мифологемами понимал некие «мифологические темы», которые оказываются центральным ядром мифа и воплощением которых становятся его герои и образы [23, р. 48]. Сошлемся также на недавно вышедшее фундаментальное исследование Дж. Холлиса, который определяет мифологему, как «отдельный фундаментальный элемент или мотив любого мифа» [20, с. 16]. Подтверждение корректности и адекватности данного определения находим и у признанных российских ученых. Так, С.М. Телегин во многом принимает вышеизложенную точку зрения, дополняя ее некоторыми необходимыми атрибутами: «Понятие “мифологема” шире, чем “архетип”. Допустимо использование сочетаний “мифологема горы”, “мифологема города”, но говорить об “архетипе горы” или “архетипе солнца” совершенно недопустимо с позиций теории Юнга...» [18, с. 15]. И далее, резюмируя, ученый дает такое определение рассматриваемой дефиниции: «под мифологемой мы понимаем изначальный первообраз, “семя”, из которого вырастает конкретный образ или сюжет» [17, с. 92].

Сложная, многозначная тема свадьбы выступает своего рода скрепляющей нитью «Русалки». Обращает на себя внимание «изломанность» свадебной линии в опере, ярким – «лежащим на поверхности» – примером чему является драматургия второго действия: сюда вносит своего рода «червоточину» песня героини, идущей

щая совершенно вразрез с атмосферой пира. Однако это отнюдь не единственный пример насыщения амбивалентной семантикой ситуации свадьбы в опере. В конце сцены «Берег Днепра. Мельница» сам Пушкин «рисует» своеобразную инверсию свадебного действия [2]. Даргомыжский, вслед за поэтом, еще более усиливает этот болезненный «оборотнический» смысл. Так, к написанным Пушкиным «атрибутам» свадебного торжества [2, с. 15] композитор добавляет развернутые народно-хоровые сцены, чего нет в пушкинском первоисточнике. То, что подобный прием в оперной драматургии имеет «отстраняющее» значение – известный факт: на общем фоне трагедия личности выглядит более выпукло.

Однако в первом действии «Русалки» наличие масштабных разножанровых хоровых крестьянских номеров и игр, образующих своего рода хоровую сюиту, кроме выполнения указанных «отстраняющих» функций, еще более усиливает «свадебные» ассоциации. И пусть, на первый взгляд, не столь очевидные, они при ближайшем рассмотрении отсылают к таким глубоким и издавна укоренившимся народным обычаям, на что нельзя не обратить внимание.

Как известно, ни Пушкин, ни Даргомыжский специально не оговаривают, в какое время года происходит действие. Однако по некоторым косвенным признакам можно предположить, что это конец лета или осень. На это указывают именно народные сцены. Так, согласно ремарке композитора, «крестьяне входят с граблями и косами [курсив наш. – Н.В.]» [7, с. 48], что наводит на мысль о сенокосе или же окончательной уборке полей. Далее, две песни являются хороводной и плясовой («Заплетися, плетень» и «Как на горе мы пиво варили»). Разумеется, указанные жанровые разновидности были востребованы в крестьянском быту круглый год, но наиболее всего осенью, после сбора урожая. Какое же еще значение имеет осень в народном календаре? Так ведь это же – время свадеб! Возможно, интуитивно, «вычерпывая» смыслы из «коллективного-бессознательного», а может быть, и вполне намеренно¹, но Даргомыжский следует народной традиции, обогащая возможную, но так и несостоявшуюся «свадьбу» непременным участником – народом, что позволяет идентифицировать этот фрагмент оперы в нужном ключе и, значит, «прочитать» все возможные смыслы от такого «опознавания».

Драматичный диалог Наташи и отца разворачивается на хоровом фоне, и хор здесь выступает как активный участник событий («Наташа, что с тобой, что за причина слез?» [7, с. 101]) и как комментатор («Можно ль так, скажи сама, отца родного упрекать?» [7, с. 102]). Даргомыжский вкладывает в уста Наташе, помимо проклятий отцу и отречение от родных («Прочь все! Родных не знаю я!». Этого текста нет в пушкинском первоисточнике [7, с. 102–103]): драматизм финала первого действия достигает здесь высочайшей точки накала, вслед за которой следует роковая развязка («Мы развенчались, – сгинь ты, мой венец!» [7, с. 109–110]). Такая трактовка сцены еще более углубляет заложенную Пушкиным инверсионную семантику свадьбы в конце первого действия оперы.

Инверсия свадьбы в первом акте и настоящая свадьба во втором образуют своего рода зеркальную композицию в драматургии оперы. Однако же на этом дальнейшее развертывание, точнее, искажение, свадебной линии не завершается: отголоски обеих свадеб слышны в конце третьего действия, в дуэте Мельника и Князя: «Зачем же, князь, вечер ты не приехал к нам? У нас был пир [здесь и далее курсив наш. – Н.В.], тебя мы долго ждали» [7, с. 238].

Отметим, что в этой сцене также подспудно даются косвенные намеки на время года. Князь вновь возвращается на старые места, к старым воспоминаниям и снова – осенью: «Что это значит? Листья, поблекнув, вдруг свернулись и с шумом, как дождь, посыпались на меня!» [7, с. 225–226] (для сравнения приведем пушкинский текст: «Что это значит? Листья, поблекнув, вдруг свернулись и с шумом / Посыпались как пепел на меня»). Картина общего запустения («Вот мельница; она уж развалилась...» [7, с. 218–219]) подчеркивается атмосферой увядания природы. Осень, как символ умирания, незримо присутствует как в начальной, так и последних картинах оперы.

Как драматично на этом фоне звучат обращенные к Князю слова безумного Мельника: «Здорово, зять!» (пример 1 [7, с. 226]), отсылающие к свершившимся событиям начала оперы и «коверкающие» обычай здороваться самого Князя (пример 2 [7, с. 26]).

Из приведенных фрагментов становится очевидным, насколько прочно Мельник усвоил и не забыл за истекшее с последней роковой встречи время интонации Князя: они воспроизведены им почти в точности.

Пример 1

Мельник

Здо-ро - во, здо - ро - во, зять! Я здеш-ний во - рон!

Пример 2

Князь К Наташе к Мельнику

Здо - ро - во, мильный друг! Здо-ро-во, мель-ник!

Пример 3

Мельник

Доб - ро по-жа-ло-вать, си - я - тель-ней-ший князь!

Как разнятся они с той пышной велеречивой фразой, которой он приветствовал гостя в начале (пример 3 [7, с. 27]):

И какой глубокий психологический подтекст несет в себе этот прием! Подражание княжеским манерам живописует всю бездну отчаяния и мстительной памяти, в которой жил несчастный старик все эти годы, помня до мелочей, до деталей обстоятельства давно свершившейся трагедии!

Искажение свадебной линии еще более усугубляется в последнем акте оперы, когда Мельник, мертвой хваткой вцепившись в Князя, обращается к Княгине и Ольге с такими речами: «Он наш жених, его мы не уступим! Сегодня свадьба, и вас на пир я приглашаю!» [7, с. 294]. Вспомним, что подобного текста у Пушкина нет, поскольку финал оперы создан Даргомыжским. Предположим, что при его написании композитор мог ориентироваться на то самое «коллективное бессознательное», подсказывавшее неизменную концовку всех произведений, основанных на русалочьей теме. Как правило, в окончаниях большинства этих сюжетов свадьба соседствует с похоронной тематикой. Так, в либретто одной из европейских предшественниц «Русалки» – опере «Ундина» Гофмана – финальная картина свадьбы Хульбранда и Бергальды заканчивается смертью рыцаря и словами хора, прощающего ему любовь к русалке и отпускающего его к водным духам [24, с. 216–244]. В концовке самой повести «Ундина» Фуке в переводе Жуковского также тесно соседствуют свадьба и погребение рыцаря (Ундина, превратившись в ручей, навсегда обвивает его могилу). Важно отметить, что в описании свадьбы рыцаря и

Бергальды постоянно предвосхищаются будущие печальные события [8]. Иными словами, перед нами – еще одна мифологическая обусловленная бинарная оппозиция [1] сюжетов о морских девах¹ «свадьба – похороны», имеющая под собой более глубокий смысл противопоставления и диалектического единства жизни и смерти.

Руководствуясь, по-видимому, каждому понятными чувствами симметрии и чутьем, согласно которому должен развертываться мифологический сюжет, Даргомыжский создает такой финал, в котором находят разрешение все «заявленные» в первом действии конфликты: несостоявшаяся свадьба Наташи и Князя должна совершиться, виновник злодеяний должен потерпеть ту же кару, какую уготовил героине, а сама героиня, наконец, должна обрести свою любовь и, одновременно, удовлетворить жажду мести. Подобная развязка вполне обоснована в контексте развития оперного действия, но для нас важно то, что такой финал предусматривается и логикой развертывания именно мифологической стороны произведения.

«Костяком» драматургии пушкинского первоисточника является цикличность, понимая в мифологическом ключе, а именно, в смене естественных фаз «жизни – смерти – воскрешения или новой жизни» [2, с. 116]. Внимательный взгляд заметит, что третья фаза этого универсального цикла – воскрешение или новая жизнь – представлена в драме Пушкина не столь ярко, как первые две, что связано с неочеченностью произведения. Даргомыжский усиливает эту, сугубо мифологическую черту драматургии, демонстрируя

в либретто и самой опере *полный* цикл. Картина влекомого к ногам Наташи-Русалки Князя вполне удовлетворяет ее любовным и мстительным желаниям, а сам Князь является неперменным действующим лицом – женихом! – в наконец-то восстановленном *космосе* героини, с чего, по сути, начинается следующий цикл, своего рода воскресение².

Очевидно, что свадебные мотивы финала обусловлены, с одной стороны, народной традицией. Как часто фольклорные сказочные образцы завершают свое повествование именно картиной свадебного пира! Нет, по-видимому, нужды уделять внимание тому, как хорошо знали о подобных финалах и сам Пушкин³, и Даргомыжский. С другой стороны, такое драматургическое решение объясняется и известным воздействием современной художественной практики. Вспомним, насколько популярной в русской культуре оказалась «Днепровская русалка» и ее многочисленные «продолжения»!

В финале «Русалки» Н.С. Краснополяского Леста появляется на свадьбе Видостана и Милославы и, срывая брачный венец с невесты, фактически, крадет жениха. Заключительная картина оперы живописует следующее зрелище: «Хрус-

альные чертоги Русалки на дне Днепра. Леста на возвышенном троне. Видостан пред нею на коленях. По ступеням стоят с розовыми гирляндами русалки, держащие над любовниками розовые венки» [10, с. 193–194].

По всей видимости, такого рода финал и послужил своего рода интуитивным образцом, то есть ориентиром для Даргомыжского. Подчеркнем, что за подобными концовками, венчающими собою ряд драматических сказочных событий, как правило, стоит сугубо мифологический смысл «восстановления космоса» или «космизации хаоса»⁴. Если не упускать из виду мифологичность «Русалки», то созданный Даргомыжским финал оперы в этом ракурсе окажется *логичным, угадываемым* и даже *архетипичным*, поскольку так завершается большинство мифологических сюжетов. И тогда можно многое было бы возразить одному из первых рецензентов шедевра Даргомыжского Серову – автору замечательной, глубокой, контекстно-масштабной работы [16, т.1, с. 254–338]. Он был недоволен недостаточно, на его взгляд, «жизненным» и реалистичным финалом оперы⁵. Однако мифологическая первооснова «Русалки» обуславливает именно такой конец.

Список литературы:

- [1] Верба Н.И. К проблеме пересечения архетипов сюжетов о морских девах с мировоззренческими константами эпохи романтизма // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 2. – С. 124–128.
- [2] Верба Н.И. К проблеме трансформации системы архетипов сюжетов о морских девах в культуре XIX века (на примере драмы «Русалка» А.С. Пушкина) // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 3. – С. 113–117.
- [3] Верба Н.И. О претворении «русалочьей тематики» в культуре эпохи романтизма // Музыкальная культура глазами молодых ученых: Сборник научных трудов. Вып. 5. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 27–32.
- [4] Верба Н.И. Сюжеты о морских девах в культуре романтизма: к проблеме архетипов // Музыкальная культура глазами молодых ученых. Вып. 5. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 32–49.
- [5] Глумов А.Н. Музыкальный мир Пушкина. – М.; Л.: Музгиз, тип. «Известий» в Москве, 1950. – 280 с.
- [6] Гозенпуд А.А. Музыкальный театр в России: От истоков до Глинки. Очерк. – Л.: Музгиз, 1959. – 782 с.
- [7] Даргомыжский А.С. Русалка: Опера в 4 действиях, 6 картинах. Клавир. – М.: Музыка, 1975. – 312 с.
- [8] Жуковский В.А. Ундина. Старинная повесть из Ламонт Фуке в стихах В.А. Жуковского. – СПб.: А.Ф. Девриен, 1912. – 95 с.
- [9] Канн-Новикова Е.А. Хочу правды: Повесть об Александре Даргомыжском. – М.: Музыка, 1971. – 140 с.
- [10] Краснополяский Н.С. Днепровская русалка // Борисова Н.А. Лирическая драма А.С. Пушкина о Русалке: источники, творческая история, поэтика. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 193–194.
- [11] Кюи Ц.А. «Русалка». Опера г. Даргомыжского // Музыкально-критические статьи. – Пг.: редакция журнала «Музыкальный современник», 1918. – С. 118–129.
- [12] Мелетинский Е.М. Мифологическое мышление. Категории мифов // Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – М.: РГГУ, 2000. – С. 24–31.
- [13] Пекелис М.С. Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение: В 3-х т. – М.: Музыка, 1966–1983.
- [14] Пекелис М.С. Даргомыжский и народная песня. К проблеме народности в русской классической музыке. – М.; Л.: Музгиз, 1951. – 212 с.
- [15] Ремезов И.И. А.С. Даргомыжский. – М.: Гос.муз. изд-во (Музгиз), 1963. – 128 с.
- [16] Серов А.Н. Русалка. Опера А.С. Даргомыжского // Избранные статьи: В 2-х т. – М.; Л.: Музгиз, 1950.

- [17] Телегин С.М. Ступени мифореставрации: Из лекций по теории литературы. – М.: Спутник+, 2006. – С. 78–121.
- [18] Телегин С.М. Термин «мифологема» в современном российском литературоведении // Архетипы, мифологема, символы в художественной картине мира писателя: Материалы Международной заочной научной конференции 19–24 апреля 2010 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 14–16.
- [19] Толстой Ф.М. Разбор Русалки, оперы А.С. Даргомыжского, Ростиславом (извлечено из «Северной пчелы»). – СПб.: Тип. Н. Греча, 1856. – 31 с.
- [20] Холлис Дж. Мифологема: Воплощения невидимого мира. – М.: Класс, 2010. – 184 с.
- [21] Хопрова Т.И. Красногородцева Г. Александр Сергеевич Даргомыжский: Краткий очерк жизни и творчества. – Л.: Музгиз, 1959. – 94 с.
- [22] Шлифштейн С. А.С. Даргомыжский: Лекция / Изд. 2-е. – М.: Гос.муз. изд-во, 1955. – 28 с.
- [23] Miranda Angel Alvarez de Obras: En dos Tomos. – Madrid: sin. edit., 1959. Т. 2. – 262 p.
- [24] Hoffmann E.T.A. Undine: Zauberoper in drei Akten / Von E.T.A.Hoffmann; Im Klavierauszug neu bearbeitet von H.Pfzner. Leipzig: C.F.Peters: S.a. – 246 c.

¹ Вспомним, что ранние детские годы Даргомыжского прошли в родовом имении – селе Новый Твердунов на Смоленщине, в окружении деревенской природы и в общении с дворовыми, среди которых самым ярким «персонажем» для будущего композитора была няня, знавшая, как и в случае со знаменитым тезкой Даргомыжского, множество сказок, песен и явившаяся для него одним из «проводников» в мир родной культуры [21, с. 3]. Поэтому вопрос о намеренности или же бессознательности отражения композитором народной традиции в опере остается риторическим.

² Общая фабула «сюжетов о морских девах» такова: неперенное родство со стихией воды, выход в наш, человеческий мир, связь с человеком (любовь, брак, нередко – рождение детей как в браке, так и вне его), предательство со стороны человека (как правило, сопряженное либо с недоверием к героине, невыполнением обета, либо с наличием соперницы) и возвращение в родную стихию, месть, или, напротив, прощение человека. Мотив предательства сначала присутствует не во всех фольклорных и мифологических образцах, а выкристаллизовывается в народной традиции, а затем активно развивается в пласте художественных произведений эпохи романтизма [3; 4].

³ Исчерпывающей иллюстрацией к сказанному служат бессмертные строки А. Блока: «Умрешь – начнешь опять сначала / И повторится все, как встарь: / Ночь, ледяная рябь канала, / Аптека, улица, фонарь».

⁴ Вспомним «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», заканчивающуюся такими строками: «И никто с начала мира / Не видал такого пира; / Я там был, мед, пиво пил, / Да усы лишь обмочил...». Или же «Сказку о царе Салтане...», которая повторяет концовку вышеназванной «Сказки о мертвой царевне..»: «И садятся все за стол; / И веселый пир пошел / <...> Я там был; мед, пиво пил / И усы лишь обмочил».

⁵ Согласно мнению исследователей, «космизация хаоса, упорядочение земной жизни составляют главный пафос мифологии вообще» [12].

⁶ Обозначенные упреки в «нежизненности» финала «Русалки» стали, пожалуй, так называемым «общим местом» в критических работах об опере.

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: НА ПУТИ К ЕДИНОМУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ*

Исследуются эвристические возможности гуманитарных технологий как основы формирования парадигмы единого образовательного пространства России. Дается характеристика гуманитарных технологий в образовательном процессе, анализируются возможности гуманитарных технологий в сфере управления социальными процессами.

Ключевые слова:

гуманитарные технологии, инновации, модернизация образования, социальные процессы, управление, компетентностный подход.

Начало XXI столетия ознаменовалось существенными изменениями во всех областях человеческой жизни, в том числе, в области образования. Что представляет собой российское образование сегодня? В чем заключаются его цели, что представляют собой участники образовательного процесса?

Классический подход к образованию как к процессу получения и восприятия информации сегодня оказывается неактуальным. Для того чтобы любая процедура транзакции оказалась успешной, необходимо, прежде всего, выстраивание эффективной системы взаимодействия между субъектами, действующими в образовательном поле. Следовательно, образование связано с интересующими взаимоотношениями. Практически вся современная деятельность специалиста в любой отрасли основывается на взаимодействии с целью общения и обмена информацией, т.е. на гуманитарной, или коммуникативной компетентности.

В этом смысле подлинно инновационным подходом к обновлению образовательных практик, является существенная трансформация проблемного поля современного образования: от обучения, т.е. разнообразных операций по производству, обмену и распределению знаний, к радикальному обновлению самих процедур

трансляции знания. И ключевая роль в этом процессе принадлежит гуманитарным технологиям, т.е. способам развития личности.

Любая образовательная система фундирована соответствующими ей социально-экономическими и политическими факторами. Или наоборот, социально-экономические и политические условия порождают определенную образовательную парадигму. Иными словами, «образовательный вопрос» всегда предполагает четкое понимание того, как, для кого и для чего функционирует существующая образовательная система.

Главное звено образовательного процесса – учащийся; кто он, в какой среде воспитывается, каковы его цели и надежды? Другая сторона медали – социокультурная и экономическая среда, в которой ему предстоит действовать; какие требования предъявляет она к знаниям и компетентностям будущего успешно специалиста?

Процессы тотальной реформации в современном российском образовании детерминированы целым рядом факторов, как мирового, так и национального характера. Важнейшим из них является расширение пространства информационного взаимодействия. Этот процесс в России в последние десятилетия совпал с радикальной

* Работа поддержана грантом РГНФ №11-06-00-207а, проект «Единое образовательное пространство России: модернизация и духовные универсалии отечественной культуры».

ломкой экономических, политических, культурных, нравственно-мировоззренческих ориентиров. Мы видим, что образование переживает целый ряд проблем, связанных с выстраиванием и переживанием, подчас весьма болезненным, собственной идентичности.

Как и современное образование, сегодняшний ребенок радикально отличается по своим нравственным и мировоззренческим принципам от своего «советского» собрата. Важная проблема российского образования – слабо формализованный «социальный заказ» на востребованных обществом и государством специалистов. Какие профессионалы необходимы России сегодня?

Оценку подготовки нынешних специалистов дает рынок. Работодатели отмечают у выпускников российских высших учебных заведений недостаток знаний, слабо выраженную коммуникативную компетентность, завышенные амбиции. Кроме того, необходимо учитывать появление в современной креативной экономике целого ряда престижных и увлекательных специальностей, научиться которым в академической среде не представляется возможным ввиду отсутствия соответствующих образовательных программ. Речь идет о таких специалистах, как коуч, спичрайтер, социальный технолог, блогер, системный аналитик, ивентор (event-специалист) и т.д.

Кроме того, сегодня мы наблюдаем безудержную неконтролируемую экспансию информационного потока, оказывающего колоссальное воздействие на сознание подрастающего поколения: эстетизация образов насилия, драк, убийств, террора средствами массовой информации приводит к формированию антигуманистических ценностей. Что можно противопоставить такому деструктивному влиянию? Только воспитание навыков конструктивного взаимодействия, коммуникативной компетентности, социального интеллекта.

Естественно, в этих условиях требуется радикальная модернизация образовательных стратегий, поскольку именно образование выступает в роли барьера, сохраняющего в неприкосновенности нравственные, моральные качества личности. Сегодня в пору говорить о необходимости радикального антропологического поворота от позитивистской модели образования, предполагающего обучение определенному набору знаний к совершенно новой, гуманистической парадигме, на-

правленной на синергичное развитие личности ребенка.

Помимо целевого и методологического видения проблемы реформирования образования, можно отметить также организационно-структурную и управленческую компоненты. На наших глазах среди участников образовательного процесса происходит смена ролей. Директор учебного заведения становится менеджером, управляющим; Учитель превращается в навигатора, модератора, коуча, фасилитатора; Какую роль играет современный Ученик – self-made man? Еще совсем недавно, 20–30 лет назад, ведущими трендами образовательных практик были так называемые «креативная экономика» и «общество знаний». Сегодня мы говорим об эпохе фьюжн [7], ключевая характеристика которой – абсолютная эклектика и междисциплинарный подход к изучению и управлению объектами. Одним из теоретиков нового состояния общества выступил М. Фуко со своей концепцией «знания-власти».

Согласно Фуко, образование, знание и информация сегодня являются уже не просто факторами исторического развития культуры и общества, но вместе с самой системой коммуникаций образуют особую структуру смыслов, роль которой в обществе становится ключевой. Подобные изменения в системе производства (знание как основной ресурс и продукт постиндустриального общества) приводят к тому, что применение ряда принципов классической философии и образования оказывается невозможным.

Фактор затрат на производство товаров или услуг, учитываемый в экономической модели, основанной на труде индустриального общества, не работает в эпоху фьюжн, поскольку из процесса производства устраняется сам фактор редкости блага.

Исходя из этого, М. Фуко разрабатывает оригинальную теорию «знания-власти», в которой развивает мысль об органической связи власти и образования.

Власть в его концепции уже не может принадлежать какому-то одному классу, сословию, социальной группе или стране. Власть невозможно монополизировать или перераспределить, она не может быть локализована в аппарате государства, поскольку распространяется по всему полю социальности, пронизывая все сообщество. Таким образом, Фуко подчеркивает, что власть перестает быть строго институциональной, юридической, или экономической. Имея наиболее глубокую связь со знанием, она пронизывает своими луча-

ми все общество, всю культуру. Не существует поля власти без пересекающегося с ним поля знания, также как не существует и знания, которое не предполагало бы соответствующего отношения властных структур.

Фуко утверждает, что не существует науки и власти по отдельности, но есть фундаментальное отношение «знание-власть», которое, принимая различные формы, проходит сквозь всю историю европейской культуры.

Сегодня значение этих форм проявляется с наибольшей силой и очевидностью. В наши дни, действительно, основу власти составляют знания и информация. В этом смысле, действительно, путь к власти лежит через овладение информацией. «Воля к власти», или «воля к могуществу», о которой говорил Ницше, в обществе фьюжн становится «волей к знанию».

Согласно Фуко, реально власть по-прежнему принадлежит элите, однако доступ к власти и ее отправлению обусловлен знанием и информацией, а не отношением к собственности, как это было раньше. Кроме того, сам статус интеллектуалов/интеллигентов в российском обществе существенно размыт. Неоднократно подчеркивалась исследователями [6] сложность определения критериев интеллектуалов как элитных социальных групп. М. Фуко в этой связи представляет новый тип интеллектуала: на смену классическому мудрецу, вещающему от имени Логоса, приходит конкретный специалист.

Современный интеллектуал действительно становится по преимуществу не столько узким специалистом, сколько компетентом [7], вооруженным новыми методами и инструментами анализа, который моделирует, считает и мысленно проигрывает ситуации.

В обществе фьюжн творец уступает место эксперту и специалисту, которые становятся главными героями. Загнанные процессы сказываются не только на положении интеллектуалов, они воздействуют и на другие социальные слои, изменяя их функции и роли, размывая их качественную определенность.

Для понимания эпохи фьюжн представляется важным отметить следующие ключевые характеристики:

– Место группы владельцев средств производства (основная часть капитала) занимает правящая элита, отличающаяся уровнем образования и знаний. Место конфликта труда и капитала занимает борьба знания и некомпетентности.

– Общей характерной чертой современного общества является последовательный сдвиг от технико-технологического детерминизма, характерного для «постиндустриального общества» к аналитике и включению в образовательные практики широкого круга социокультурных феноменов.

– Большинство современных исследователей придерживаются мнения, что в основе трансформации социальных систем в целом, лежит фактор знаний и механизмов, связанных с их освоением.

– В условиях высокоразвитого производства первостепенное значение приобретает так называемая сфера постматериальных ценностей – сфера услуг, индустрия развлечений, система образования, и т.д.

– Главной тенденцией ситуации фьюжн станет взаимопроникновение систем естественного (человеческого) и искусственного интеллекта.

В этом смысле обращение к опыту использования гуманитарных технологий наглядно демонстрирует возможности инновационного развития образовательных процессов в современной России. Фактически, сама идея и смысл гуманитарных технологий заключается в том, чтобы сформировать концептуальное видение целей, средств, задач и путей их реализации в системе российского образования.

Основное отличие гуманитарных технологий от традиционных педагогических средств и приемов заключается в том, что гуманитарные технологии – это технологии, ориентированные на развитие человеческой личности во всей полноте ее свойств и качеств. То, что на языке античной педагогики, называлось словом «пайдейя» – образование Личности. То есть, помимо «знаниевого» компонента, сюда включаются разнообразны способы совершенствования моральных, мировоззренческих, нравственных качеств человека.

Таким образом, гуманитарные технологии представляют собой важнейшее средство, с помощью которого может быть реализована новая, подлинно гуманистическая образовательная парадигма за счет использования разнообразных средств самореализации личности. В этом отношении, исконное «поле работы» гуманитарных технологий – это все области, связанные с коммуникацией и intersubъективным взаимодействием.

Хрестоматийное определение гуманитарных технологий звучит как «социальная технология, основанная на практи-

ческом использовании знаний о человеке в целях создания условий для свободного и всестороннего развития личности» [5]. Иными словами, гуманитарные технологии как модель управления социальными процессами представляют собой технологическое – транслируемое воздействие на социум в целом, либо на отдельные социальные группы, которые могут быть маркированы как элитные, т.е. критически важные для функционирования общества. Мы видим, что гуманитарные технологии выступают в качестве важнейшего способа бытия и функционирования всего комплекса гуманитарного знания. В этом отношении, гуманитарные технологии могут быть поняты и эффективно использованы единственно в контексте развития конкретной общественной ситуации.

Принципиально важный для современной гуманитаристики подход к технологизации гуманитарной сферы, демонстрирует школа коммуникативной социологии Ю. Хабермаса. Рассматривая общество как систему коммуникаций, мы видим основополагающую роль коммуникативных процессов. Иными словами, коммуникация из просто «общения» становится важнейшим индикатором социальных процессов, с помощью которого можно отследить динамику общественного развития целого ряда экономических, политических, образовательных, культурных институтов. В этих условиях именно гуманитарные технологии призваны выполнять технологическую-коммуникативную функцию, обеспечивающую коммуникацию и интеграцию между различными элементами существенно фрагментированного современного общества.

В отечественной мыслительной традиции представление о гуманитарных технологиях восходит к работам выдающегося философа и методолога Г.П. Щедровицкого и его школы СМД – Системно-мыслительной методологии. Объектом критики со стороны этого направления стали традиционные для общества и науки XX в. представления об управлении социальными и мыслительными процессами, опирающиеся на характерные для науки и образования 1960–1980-х гг. абстрактность, натурализм, объяснительные модели познания. Г.П. Щедровицкий в своей программе мыслительности методологии противопоставил подобному подходу принципиально инновационный процесс постоянного генерирования новых идей, концептов, моделей, дискурсов. По словам Г.П. Щедровицкого «смысл методологической

работы состоит... не столько в познании, сколько в создании методик и проектов... Она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново [10, с. 91]. Основные продукты таких технологий – новые знания, смыслы, мыслительные конструкции, проекты, стратегии, нормы, методические указания, в отличие от классических, «точных» научных выводов, проверяются не на логическую или эмпирическую истинность, а на реализуемость и эффективность. Здесь уместно подчеркнуть, что, как указывает С. Дацюк [3], именно упор на содержательной компоненте отличает отечественную традицию гуманитарных технологий от западной.

Гуманитарные технологии, как уже неоднократно отмечалось исследователями, это технологии инноваций, производство новых моделей «мыследеятельности». По существу, сегодня мы можем говорить о попытках негации, снятия характерного для всего XX столетия антагонизма между «точными», техническими, и гуманитарными науками, между деятельностью и мышлением. В контексте гуманитарной технологии человек выступает как открытая нелинейная символическая система, находящаяся в процессе постоянной коммуникации. В этом смысле, гуманитарные технологии формируют определенное поле социально-коммуникативного действия, в том числе, включающего в себя этические аспекты. При этом сами технологии оказываются зависимы от содержания той или иной практики коммуникации.

Мы видим все большее и активное присутствие гуманитарных технологий на образовательных «рынках». Если говорить об эвристике гуманитарных технологий применительно к образовательному процессу, то здесь эти технологии призваны выполнять следующие функции:

- Умение ориентироваться в информационных потоках, анализируя знания и информацию, необходимые специалисту в той или иной области для принятия решения.
- Формирование навыков саморазвития и самосовершенствования.
- Умение самостоятельно, экономично и эффективно решать проблемы, связанные не только с профессиональной деятельностью.
- Развитие навыков эффективного действия в условиях высокой неопределенности.

Таким образом, гуманитарные технологии представляют собой практическое использование наработок системы

216 гуманитарного знания в сфере управления социальными, экономическими, политическими, культурными процессами. Современные технологии основываются на творческом, креативном способе видения мира, что отличает этот подход от традиционного абстрактно-логического познания. В такой модели управления социальными процессами существенное значение приобретает «капитализация» человеческих ресурсов, что дает повод говорить об «антропологическом капитале» как важнейшем ресурсе инновационного развития.

Классические образовательные схемы, основанные на линейности, дифференциации знаний, превалировании абстрактно-логического мышления, себя исчерпали. В современных образовательных моделях все более значимую роль начинает играть «человеческий фактор», т.е. специалисты, обладающие ключевыми коммуникативно-технологическими компетентностями. В этом смысле, гуманитарные технологии сегодня – это способ конструирования и проектирования управляемых инноваций, всего общественного развития.

Гуманитарные технологии при подобном подходе представляют собой деятельность профессиональных единиц или сообществ по решению крайне сложных проблем в условиях высокой неопределенности, неполного информирования и совместного действия. Именно поэтому гуманитарные технологии могут стать основанием для инновационной образовательной парадигмы, искомой целью и итогом которой выступает компетентность как лично ориентированный результат, т.е. система деятельностных признаков специалиста.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном российском образовании сложилась довольно благоприятная ситуация для использования гуманитарных технологий как одного из наиболее эффективных средств реализации компетентностного подхода. При этом главная задача такой парадигмы – не декларативная, а действительная интеграция всех областей современного гуманитарного знания, направляющая современные образовательные модели и процессы в поле единого образовательного пространства.

Список литературы:

- [1] Гончаров С.А. Гуманитарные технологии в образовании и социальной сфере // Вестник Герценовского университета. – 2008, № 5 (55). – С. 9–15.
- [2] Гуманитарные технологии – высокие и низкие // Компьютерра. – 2005, № 35. – С. 22–31.
- [3] Дацюк С. Коммуникативные стратегии. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://korolewstvo.narod.ru/psychostat/comstr.htm>
- [4] Елисеев С.М. Проблемы и парадоксы гуманитарных технологий // Гуманитарные технологии и политический процесс в России: сборник статей; под ред. Л.В. Сморгунова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 223 с. – С. 21–34.
- [5] Кузнецова Н.А. Расширение гуманитарных технологий на основе компетентностного подхода // Интернет-журнал «Эйдос». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-3.htm>
- [6] Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Ред. В. Куренной [и др.]; авт. предисл. В. Куренной. – М.: Наследие Евразии, 2009. – 367 с.
- [7] Спиваковский В.М. Образовательный взрыв. – Киев: ЧВ «МУВЦ "Гранд-Экспо"», 2011. – 436 с.
- [8] Соломин В.П. Гуманитарные технологии как инновация в образовании // Вестник ТГПУ. – 2011, № 4 (106). – С. 124–127.
- [9] Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. – Минск: Экономпресс, 2000. – 224 с.
- [10] Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – 800 с.

ВОЛОНТЕРСКИЙ ЦЕНТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ПО ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ И СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ УЧАСТИЯ В ОЛИМПИАДЕ «СОЧИ-2014»

Исследуется деятельность Волонтерского Центра Санкт-Петербурга по проблемам обучения и подготовки студентов высших учебных заведений для участия в проведении XXII Олимпийских игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи.

Ключевые слова:

волонтер, благотворительность, доброта, нравственность, Сочи-2014.

Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ при подготовке молодежного волонтерского движения особое внимание обращает на то, что Россия получила почетное право провести главный спортивный форум планеты, который в тоже время является важнейшим мировым событием. Был представлен и реализуется комплекс мероприятий, проводимых Организационным комитетом XII Олимпийских зимних и XXI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи.

В декабре 2010 г. в Москве состоялась торжественная церемония награждения победителей конкурса учебных заведений Российской Федерации на право стать Центром подготовки волонтеров для участия в проведении XXII Олимпийских и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи. Конкурс «Волонтерские центры России» проводился среди высших и средних специальных учебных заведений РФ по 11 направлениям: «Транспорт», «Медицина», «Допинг-контроль», «Обслуживание делегаций и команд, протокол, лингвистические услуги», «Технологии», «Церемонии», «Коммуникации и пресса», «Административная деятельность и аккредитация», «Сервис», «Обслуживание мероприятий и работа со зрителями», «Паралимпийская символика». Заявки на участие в конкурсе были поданы от 8 вузов нашего города и от 60 вузов России. В число 26 победителей вошел Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики (СПбГУСЭ) по направлению «Сервис». Он стал единственным вузом Санкт-Петербурга, удостоенным этого почетного звания. После Олимпиады Центр станет площадкой для подготовки волонтеров к другим крупным мероприятиям, в частности, к Чемпионатам мира [5, с. 2].

Для проведения Олимпиады «Сочи-2014» привлекается большое количество волонтеров, готовых оказывать помощь, но одного желания недостаточно. На та-

ком важном событии требуются подготовленные и обученные волонтеры, поэтому по всей стране созданы Центры привлечения и подготовки волонтеров для участия в Олимпиаде «Сочи-2014». Всего будет подготовлено около 25 тысяч волонтеров из 26 городов России. Они разделены на три группы: волонтеры общего профиля, волонтеры-специалисты и спортивные волонтеры [6].

С целью изучения деятельности волонтерского Центра Санкт-Петербурга по привлечению и подготовке студентов-волонтеров для участия в Олимпийских играх нами было проведено исследование. Для достижения поставленной цели решались задачи: изучить цели и задачи студенческой молодежи для участия в волонтерском движении на Олимпиаде «Сочи-2014»; рассмотреть права и обязанности волонтеров-участников Олимпиады «Сочи-2014»; сравнить отечественный и зарубежный опыт волонтерского движения студенческой молодежи; изучить организацию и цели волонтерского Центра в Санкт-Петербурге на базе СПбГУСЭ; рассмотреть формы и методы подготовки студенческой молодежи к волонтерским обязанностям при участии в Олимпиаде «Сочи-2014»; разработать рекомендации по улучшению процесса подготовки волонтеров к работе на Олимпиаде «Сочи-2014».

Анализ показал, что цель Центра привлечения и подготовки волонтеров состоит в развитии и самореализации студентов путем ознакомления с различными видами социальной активности, вовлечения их во Всемирное добровольческое движение, что, безусловно, влияет на воспитательный процесс. Это важно еще и потому, что молодые люди на практике смогут узнать о социальной жизни города, проблемах и нуждах различных групп населения, приобретут жизненный опыт. По сути дела, сама по себе благотворительная деятель-

218 ность и причастность к проблемам другого человека формирует у волонтера такие личностные, нравственные качества как чувство сострадания, милосердия, заботы, воспитывает чувство толерантности.

Подготовка студентов-волонтеров в Центре, в настоящее время, проводится по таким направлениям как: теоретическая подготовка, непосредственное обучение, участие и помощь в организации городских мероприятий.

Теоретическая подготовка основывается на самостоятельном ознакомлении с книгой «Сочи 2014: поехали!». Кроме того, в теоретическую подготовку входит презентация Олимпийских игр и множество дополнительных проектов, просветительских семинаров, которые «прививают» базовые знания и с успехом проводятся для руководства и сотрудников партнеров «Сочи-2014»: «Сбербанк», РЖД, «Роснефть», «Ингосстрах», DOW Chemical, Procter & Gamble) и лицензиатов (ЗАО «Хохломская роспись», ООО «ХАТБЕР-М»). Семинары в традиционном формате также активно используют компании «Мегафон» и Procter & Gamble для погружения своих сотрудников в олимпийскую тематику. В мультимедийной версии лидеры международного Олимпийского и Паралимпийского движения, чемпионы, представители государственной власти рассказывают об истории и философии Игр, их подготовке и проведении, специфике Игр в Сочи. Мультимедийный «квест» был успешно представлен широкой общественности (в частности, более чем 120 тысячам посетителей Русского Дома «Сочи-2014» в Ванкувере в феврале 2010 года) и руководству Российской Федерации. Как сообщает пресс-служба СПбГУСЭ, еще до открытия Олимпиады в Сочи волонтеры смогут участвовать в таких мероприятиях, как саммит АТЭС в 2012 г. во Владивостоке и XVII Всемирная летняя универсиада-2013 в Казани [3, 4].

Следует отметить, что процесс обучения волонтеров проходит по специальной программе, утвержденной Оргкомитетом «Сочи-2014». Программу и содержание обучения формирует официальный Поставщик – тренинговая компания ООО «Бизнес тренинг» (ЕХЕСТ Group). При этом состав учебных модулей базируется на опыте предыдущих организаторов Игр (Ванкувер-2010, Лондон-2012). Тренерский состав для обучения волонтеров ЕХЕСТ Group будет формироваться совместно с самими волонтерскими центрами.

Обучение волонтеров в целом разделено на три основных этапа. Первый – обучение в волонтерских центрах (осень 2012 – осень

2013 гг.). Он включает в себя очные и дистанционные формы обучения по девяти обучающим модулям. Каждый модуль рассчитан на четыре-пять дней –тренингов. Занятия в рамках модуля могут проходить как непрерывно (пять дней подряд) – для тех, кто проживает далеко от волонтерского центра, так и более продолжительно (например, каждую субботу в течение нескольких месяцев). К июню 2012 г. каждый волонтерский центр сформировал несколько графиков обучения и разослал их кандидатам. При подтверждении того или иного графика волонтер будет зачислен в соответствующую группу очного обучения. Между очными модулями организовано дистанционное обучение – рассылка заданий и информационных материалов, решение онлайн-модулей. Также задействованы социальные сети, а дистанционное ознакомление с объектами Игр можно будет пройти с помощью 3D-модели.

Отдельной задачей стоит вопрос обучения всех волонтеров олимпийской терминологии на иностранных языках. В Санкт-Петербурге повышением уровня знаний иностранного языка занимается Центр европейских языков Санкт-Петербургского университета сервиса и экономики. В первую очередь, акцент сделан на разговорный английский язык. Формировать профессиональные группы и делить всех обучающихся в зависимости от степени знания языка будет официальный поставщик «Сочи-2014» EF English First.

Второй этап обучения – практический. Проходить «практику» волонтеры будут на тестовых соревнованиях на олимпийских объектах в Сочи. Перед началом соревнований все они пройдут краткий вводный курс, тренинг-знакомство с объектом и инструктаж по выбранному направлению. В феврале текущего 2012 г. в организации тестовых соревнований в Сочи уже приняты участие 700 волонтеров.

Третий этап – самый короткий и насыщенный. Он пройдет непосредственно перед Играми, зимой 2014 г., и станет, по сути, «генеральной репетицией» того, что волонтеры будут делать по своему направлению во время крупнейшего спортивного события планеты.

Около 500 волонтеров набраны из студентов СПбГУСЭ и еще столько же человек – из числа других жителей Петербурга.

С целью анализа работы Центра в Санкт-Петербурге по подготовке студентов-волонтеров нами проведен опрос сотрудников Центра и волонтеров-участников программы (30 человек). Кроме того, использовалась

включенное наблюдение за работой добровольцев в самом Центре и непосредственно на городских мероприятиях.

По мнению большинства опрошенных волонтеров-студентов, главным в их деятельности являются доброта и любовь к людям, желание помочь и возможность приобретения опыта по оказанию помощи людям. Немаловажным представляется и получение удовлетворения от проделанной работы. Из наиболее важных качеств, необходимых молодым волонтерам, студенты определили стрессоустойчивость, коммуникабельность, вежливость, доброжелательность, оптимизм, предприимчивость. Помимо этого, были выделены такие качества как активность, бескорыщность и трудолюбие. К тому же важную роль играют лидерские и организаторские способности. Особое внимание привлекли ответы на вопрос об информированности студентов о Центре волонтерского движения «Сочи-2014» в Санкт-Петербурге. По результатам опроса выяснилось, что большая часть учащихся (39%) узнали о мероприятии и возможности участия в движении из Интернета; 34% опрошенных – на официальном сайте олимпиады; 26% – в университете на «Дне открытых дверей», от преподавателей и кураторов групп; 13% в единичных случаях – из рекламы в метро; 9% от знакомых.

На вопрос «Почему вы решили стать волонтером?» Были получены следующие результаты: 34% студентов проявили интерес к волонтерской деятельности; 22% студентов – из желание попасть на Олимпиаду; 13% – желание работать, получение опыта; 9% – нравиться общественная деятельность; 4% – попробовать что-то новое.

По поводу обучения в волонтерском Центре, мнения волонтеров разделились пополам. Одним волонтерам тренингов и занятий хватает (отмечено, что они занимают немало времени), другим хотелось бы больше всевозможных занятий, в основном речь идет об английском языке и тренингах по командной работе.

Для большинства волонтеров именно иностранный язык является главной трудностью, многие из них могут спокойно читать и писать на другом языке, но сложность заключается именно в общении, что и требуется от участников олимпийского движения.

Из опроса мы узнали, что побуждает волонтеров участвовать организации Олимпиады «Сочи-2014»: возможность поучаствовать в событии мирового масштаба, посмотреть на организацию Олимпиады изнутри, увидеть вживую знаменитых личностей из

разных стран, побывать в городе Сочи, найти новых друзей с разных городов России, получить бесценный опыт. Некоторые, если будет такая возможность, хотели бы после Олимпиады остаться в спортивном комплексе в Сочи на постоянной работе. Однако для волонтеров участие в Олимпиаде 2014 г. не является основной целью. Сама идея волонтерства пришлось по душе многим студентам, и участие в культурно-массовых мероприятиях в Санкт-Петербурге тому доказательство. Больше половины опрошенных волонтеров сказали, что если им не удастся попасть на Олимпиаду, они будут продолжать принимать участие в городских событиях и отстаивать честь своего университета.

Важным фактором успешной подготовки волонтеров является заинтересованность сотрудников и руководства волонтерского Центра. Начальник Центра, Марина Линович и ее заместитель Лариса Шарахина охотно отвечали на вопросы, и помогли в сборе информации, и подчеркнули, что большинство волонтеров активные и добросовестные люди, готовые получать новые знания.

Кроме того, следует отметить роль волонтеров в оказании помощи на мероприятиях и праздниках, проводимых в Университете сервиса и экономики. Волонтеры занимаются практически всей общественной, культурно-массовой деятельностью, помогают в проведении праздников, концертов, спортивных соревнований, оформлении и украшении помещений университета. Можно сказать, что в университете много активных и талантливых студентов, и создание Центра привлечения и подготовки волонтеров помогло собрать их всех вместе, что служит надежной опорой для университета.

К недостаткам работы Центра можно отнести, по словам волонтеров, не всегда четкие указания и распределение обязанностей. Система информации о событиях не всегда проработана до конца. Также волонтерам хотелось бы больше тренингов и занятий по лидерской подготовке, командной работе и иностранному языку, преимущественно разговорному. Необходимо проработать вопрос о поощрении волонтеров, за проявленную инициативу и активное участие в мероприятиях.

По результатам проведенного исследования необходимо:

– для максимально эффективного привлечения студентов в ряды волонтеров проводить агитационные семинары в университете, на которых будет дана информация о деятельности волонтерского Центра. Кроме того, в Центре должна быть

проработана реклама и раздаточный материал на более качественном уровне;

– для большего участия студентов в благотворительном волонтерском движении в Центре необходимо располагать информацией о расписании и учебных графиках студентов, во избежание конфликтных ситуаций по поводу посещаемости мероприятий;

– для большинства волонтеров, иностранный язык является главной трудностью, многие из них могут спокойно читать и писать на другом языке, но сложность заключается именно в общении, что требуется от участников олимпийского движения. Поэтому важно проводить тренинги на иностранном языке, для возможности их свободного общения с гостями Олимпиады из других стран.

– для ощущения необходимости и значимости мероприятий для университета необходимо разработать общую систему поощрения волонтеров, тогда волонтерская деятельность станет почетной и уважаемой, и количество добровольцев возрастет [2, с. 78–86].

Для подготовки студентов-волонтеров России в различных сферах деятельности представляется существенным обратить внимание на факторы успешной волонтерской работы, которые уже изучили и описали зарубежные исследователи. Среди них: определение точного содержания термина «волонтер», что важно в определенных ситуациях; определение круга деятельности волонтеров; понимание мотивов как волонтера, так и заказчика; разработка процесса приема волонтеров; отработка технологии проведения общих информационных собраний и первичных собеседований; четкое описание должностных обязанностей; понимание миссии организации; поддержка и контроль волонтеров; разъяснение взаимоотношений между волонтерами и персоналом; создание системы поощрения волонтеров.

Оргкомитет «Сочи–2014» в ходе подготовки Паралимпийских игр участвует также в разработке программы по формированию безбарьерной среды, одной из важных составляющих которой является инклюзивный подход. При поддержке Оргкомитета проходят различные мероприятия, способствующие продвижению Паралимпийских ценностей на территории России. Данный подход транслируется и для волонтеров. В частности, был проведен тренинг для волонтерской сборной команды России, посвященный особенностям взаимодействия с людьми, имеющими инвалидность, которые необходимо учесть для успешного проведения Игр в Сочи. В процессе тренинга были определены основные стереотипы, препятствующие интеграции людей с инвалидностью в полноценную жизнь общества. Так большинство общественных мест и транспорт в России не соответствуют критериям безбарьерной среды, и многие люди с инвалидностью не имеют возможности самостоятельно и беспрепятственно передвигаться и в полной мере пользоваться городской инфраструктурой. Поэтому в ходе подготовки Паралимпийских игр 2014 г. необходимо применять новые универсальные стандарты городского планирования, которые станут примером для других городов России, и позволят участникам и гостям соревнований чувствовать себя комфортно [1, с. 27–33].

Следовательно, основой волонтерской программы «Сочи–2014» является не только вовлечение всех российских регионов в подготовку к Играм, но и возрождение добровольческого движения в стране в целом, т.е. сделать волонтерство в России привычным, понятным и почетным делом. Таким, каким оно является во всем мире, где добровольные общественные объединения охватывают от 30% до 40% населения и существуют не только на бумаге, но и проявляют себя в конкретных делах.

Список литературы:

- [1] Ахметгалеев Э.Д. Участие в волонтерском движении – как условие социально-профессионального становления студента в вузе // Казанский педагогический журнал. – 2009, № 3. – С. 27–33.
- [2] Бархаев А.Б. Отношение студенческой молодежи к участию в волонтерском движении // Социология образования. – 2008, № 1. – С. 78–86.
- [3] Волонтеры ВГУЭС вернулись из Лондона // Официальный сайт Волонтеров «Сочи–2014». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://vol.sochi2014.com> (16.08.2012)
- [4] Волонтеры «Сочи–2014» стали “Games Makers” лондонской Олимпиады // Официальный сайт Санкт-Петербургского университета сервиса и экономики. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://service.in.spb.ru> (15.08.2012)
- [5] Киселева О. Тысяча и одна ночь осталась до Олимпиады в Сочи // Санкт-Петербургские ведомости. – 2011, № 85.
- [6] Стань волонтером Олимпиады «Сочи–2014». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.sochi2014.com> (12.08.2012)

ALMA MATER. ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА С ВЫПУСКНИКАМИ

Проанализирован накопленный в России за последние годы опыт взаимодействия вузов и выпускников, показаны основные формы и стратегии взаимодействия. Охарактеризован опыт педагогических вузов по выстраиванию различных уровней взаимодействия с выпускниками, формы экспертно-аналитического сопровождения профессиональных карьер.

Ключевые слова:

выпускник педагогического вуза, мониторинг, профессиональная самореализация, профессиональная карьера, рынок труда, трудоустройство, экспертная деятельность, экспертно-аналитическое сопровождение.

За долгую историю высшего образования в России сложились традиции продолжительного и продуктивного взаимодействия между высшим учебным заведением и выпускниками. Однако на каждом новом этапе по-разному видятся цели, задачи и способы такого взаимодействия.

Трудоустройство выпускников и их дальнейшие профессиональные карьеры являются одним из критериев работы высшего учебного заведения. Вместе с тем, обеспечение трудоустройства сегодня не является прямой обязанностью вуза, как, скажем, это было в советское время, когда существовала система «распределения». Сопровождение карьеры и прежде не было предметом специальной деятельности, исключая те случаи, когда выпускник оказывался в дальнейшем сотрудником вуза, входил в число преподавателей. В то же время и современный выпускник не несет перед вузом формальной ответственности за свое трудоустройство и профессиональный рост. То есть стороны (вуз и выпускник) друг в друге заинтересованы, но формальными обязательствами не связаны.

Сегодня эффективность взаимодействия вуза и выпускников зависит, прежде всего, от инициативной деятельности, нередко от самоорганизации, имеет многообразные формы и различную эффективность: от периодических встреч выпускников до создания особых финансовых фондов (эндаументов). Спонсорская поддержка вузов со стороны выпускников не входит в предмет рассмотрения нашей статьи. Тем более, что педагогический университет, чьи выпускники ориентированы, прежде всего, на работу в сфере образования, а не на бизнес и не на политику, хотя и эти пути для них возможны, возлагать серьезные надежды на такие фонды вряд ли может.

Вместе с тем взаимодействие с выпускниками для педагогического университета чрезвычайно важно. Прежде всего – в том плане, что для современного вуза, которому необходимо гибко реагировать на потребности рынка труда, на меняющуюся структуру занятости и появление новых профессий, поколения выпускников являются ближайшим и доступным каналом обратной связи, потенциальными партнерами, сведущими консультантами и экспертами. В этом плане современный вуз, который во многом зависит от рынка труда, но напрямую влиять на него не может, систематическое взаимодействие с выпускниками, представляется необходимой сферой деятельности.

Одним из самых распространенных форм взаимодействия является мониторинг трудоустройства, который проводится по отношению к «свежему» выпуску текущего календарного года. Результаты такого экспресс-мониторинга входят в отчетные показатели вуза и влияют на его место в рейтингах. Между тем, очевидно, что эти показатели являются недостаточными – и для оценки профессиональной самореализации выпускников, и для оценки качества полученного образования. В современных условиях высокой мобильности, меняющегося рынка труда данные опроса выпускников, проведенные спустя два-три месяца после вручения диплома быстро утрачивают актуальность.

Сравнительно недавно некоторые вузы начали долгосрочные проекты мониторинга, предполагающие анкетирование выпускников в несколько этапов, с интервалами в полгода, год, два-три года. Так, задачи лонгитюдного проекта мониторинга, начатого в 2011 г. в Высшей школе экономики, определены как анализ изменений в карьерных позициях выпускни-

ков ВШЭ, анализ субъективной оценки полученного образования, актуальной и потенциальной активности выпускников во взаимодействии с вузом [9, с. 1].

Мониторинг трудоустройства выпускников становится сегодня частью маркетинговой компании вузов – информация об успешных выпускниках сообщается на сайтах приемных комиссий, публикуется в буклетах. Несмотря на то, что это самый очевидный способ привлечь к себе внимание абитуриентов, немногие педагогические вузы используют такую информацию в качестве рекламы факультета или специальности.

Кроме мониторинга трудоустройства выпускников как показателя качества полученного образования, все больше говорят о выпускнике как о потенциальном клиенте учебного заведения. Выпускники могут обращаться в родной вуз для повышения квалификации, дополнительного образования, второго высшего образования, постдипломного образования, а также для обучения своих детей. И для достижения этих целей взаимоотношения с выпускникам необходимо выстраивать на долгосрочной основе.

Использование сведений о выпускниках в рекламной кампании вуза, как и привлечение выпускника за новыми образовательными услугами, составляют часть маркетинговых стратегий взаимодействия, разработка которых сейчас активно идет. Т.В. Бакун в своей диссертации отмечает, что «наиболее эффективная форма взаимоотношений – коммуникации. Коммуникации в маркетинге образовательных услуг предполагают создание и ведение соответствующих баз данных, в которых фиксируется и постоянно обновляется информация о целевых потребителях, их характеристиках, особенностях нужд, потребностей и спроса на услуги. Осуществляется информирование клиентов о новых направлениях и услугах вуза и поддержание обратной связи» [2, с. 15].

Создание баз данных о выпускниках представляет собой особую форму работы, обеспечивающую как взаимодействие вуза с выпускниками, так и различные возможности анализа данных для решения внутривузовских задач, для выстраивания взаимоотношений вуза с рынком труда. Базы данных о выпускниках, как отмечают специалисты по информатизации образования, предоставляют возможности расширения информационной образовательной среды вуза, «в данной области ресурсы и сервисы, входящие в состав информации-

ной образовательной среды, могут оказать существенное влияние на интенсивность и эффективность подобной работы» [1, с. 6]. Наличие баз данных и их обновление дает возможность выстраивания долгосрочных отношений, проведения аналитических исследований, стратегического и тактического планирования партнерских отношений.

Сегодня базы данных создаются различными способами – путем телефонных опросов, на основании электронных анкет, путем использования социальных сетей. Эта работа находится на начальном этапе, но совершенно очевидно, что будет расширяться. Здесь многое зависит от наличия программного обеспечения и соответствующих специалистов. В этой деятельности есть и правовой аспект, связанный с хранением персональных данных. Словом, ведение баз данных выпускников, является обеспечением взаимодействия, но как вид деятельности – это самостоятельная и специфическая работа.

Одновременно сегодня обсуждается создание Федерального реестра выпускников образовательных учреждений очной формы обучения, который должен быть увязан с «Единым реестром государственных дипломов о высшем профессиональном образовании» (ведется с 2005 г.). Предполагается также возможность независимой верификации данных реестра с привлечением данных Федеральной налоговой службы и Пенсионного фонда, что позволит, по мысли разработчиков концепции, уточнять и проверять данные о выпускниках, корректировать образовательные стандарты и классификационные показатели профессий. В качестве прецедентов реестр выпускников ориентирован на различные зарубежные персональные базы данных, например, в США (Integrated Postsecondary Education Data System), в Финляндии (Register of Completed Education and Degrees Register of Providers of Education) [7, с. 35–39].

Взаимодействие с выпускниками является для вуза каналом обратной связи, что необходимо для совершенствования и актуализации образовательного процесса. Важной стратегией взаимодействия является создание партнерских отношений вуза с выпускниками, которые сегодня, чаще всего реализуются через ассоциации выпускников. Кроме участия выпускников в различных мероприятиях вуза, а также представления университета общественности на разных уровнях, выпускники, как правило, выражают го-

товность выступать в качестве экспертов и консультантов, организаторов мастер-классов, участников круглых столов и семинаров, ярмарок вакансий. Выпускники готовы выступить в качестве наставников (руководителей и соруководителей) в инновационных, предпринимательских и творческих проектах студентов, готовы сотрудничать в организации производственных практик, в волонтерской деятельности студентов. Также нередко высказывается готовность к сотрудничеству в рамках научно-исследовательских или бизнес-проектов. [10, с. 49–50]

Ассоциации выпускников создаются по всей стране – от небольших вузов до всемирно известных. Они могут быть созданы на базе отдельных факультетов и других структурных подразделений университетов. Примером такого многообразия ассоциаций в рамках одного вуза может служить Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. На сайте университета представлено более 20 ассоциаций выпускников, которые имеют разнообразные цели и задачи. Данное разнообразие и творческий подход организаторов позволяет выявить особенность каждого факультета и составить представление о том, что ждёт потенциального выпускника МГУ в будущем.

Развитие и активная работа ассоциаций выпускников по всей России – это возможность эффективно использовать потенциал выпускников для решений различных задач, что становится особо актуальным в условиях развивающейся и возрастающей конкуренции на рынке образовательных услуг. Такое развитие даёт возможность рекламировать вуз как внутри страны, так и за рубежом, так как выпускники являются «лицом» вуза, также сохраняется преемственность поколений, «историческая память», их традиции и обычаи как компоненты корпоративной культуры вуза.

Опыт педагогических вузов по выстраиванию различных уровней взаимодействия с выпускниками, если судить по информации, размещенной в публичном доступе в сети Интернет, в большинстве своём формируется на базе Центров содействия трудоустройству и профориентации¹.

В 2002 г. начал свою работу Центр профориентации и трудоустройства Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара. Целью центра является содействие трудоустройству выпускников, развитие партнёрских отношений с предполагаемыми работодателя-

ми, а также мониторинг трудоустройства выпускников, анализ информации о рынке труда, организация семинаров, конференций, выставок, способствующих поддержке карьерного роста выпускников. Аналогичной деятельностью занимается Центр содействия трудоустройству выпускников Новосибирского государственного педагогического университета, начавший свою работу так же в 2002 г.

Центр содействия трудоустройству выпускников РГПУ им. А.И. Герцена «Мост» создан в 2003 г. [4]. Основные направления его работы: предоставление информации о вакансиях, сотрудничество с работодателями и соискателями, психологическая помощь выпускникам. Также осуществляется аналитическая деятельность, ведётся статистика трудоустройства выпускников, анализируется динамика спроса и предложения на рынке труда, прогнозирование трудоустройства выпускников текущего учебного года [8]. Здесь идет постоянная активная деятельность: проводятся «Ярмарки вакансий», семинары для студентов и выпускников «Успешная карьера: ориентиры молодым», регулярно проводятся встречи выпускников с представителями органов образования, обсуждаются предлагаемые вакансии и условия работы с каждым выпускником индивидуально. Взаимодействие с выпускниками, отображение их деятельности, способствует привлечению потенциальных студентов, позволяет проиллюстрировать возможность успешной профессиональной самореализации.

На базе Иркутского государственного педагогического университета в 2007 г. создан центр содействия занятости и трудоустройству выпускников, результаты деятельности которого, правда, не отражены на официальном сайте университета. В 2007 г. появился региональный центр содействия занятости студентов и трудоустройства выпускников Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, однако на сайте информация о деятельности, о вакансиях не обновляется.

Центры содействия трудоустройству выпускников, созданные на базе педагогических вузов, как правило, ставят перед собой задачи содействовать выпускникам в профессиональной самореализации, осуществляют юридические консультации по защите социальных прав и интересов. Благодаря активному обмену информацией в рамках сайта вуза выпускники могут поделиться опытом друг с другом, передать позитивный опыт студентам, найти вакансии,

соответствующие их профессиональному уровню. Сегодня, когда помощь выпускнику в трудоустройстве и сопровождение профессиональной карьеры рассматривается как сфера социальной ответственности вуза [3; 6], деятельность Центров содействия видится в новом свете.

Несмотря на кажущуюся определенность каналов трудоустройства выпускников педагогического вуза, на деле все обстоит непростой. Специалисты отмечают, что выпускники, получившие гуманитарное образование, сталкиваются с большими трудностями при поисках работы, чем выпускники естественно-научных и технических направлений подготовки. Вакансии в учебных заведениях представлены крайне неравномерно. Так, в школах учителей информатики и иностранных языков традиционно требуется значительно больше, чем историков, филологов, культурологов [5, с. 51–52]. Кроме того, часть выпускников гуманитарных специальностей, работающих, казалось бы, не по специальности, на самом деле реализуют компетенции, связанные с умением работать с большими объемами информации, создавать и редактировать различного рода тексты и т.п. [5, с. 52–53]. То есть некоторые каналы трудоустройства не рассматриваются как прямо относящиеся к специальности, хотя в реальности таковыми являются.

Результаты экспресс-мониторинга, проведенного в 2011–2012 гг. на факультете философии человека РГПУ им. А.И. Герцена, в целом укладываются в описанную картину. 68% респондентов – выпускников 1997–2011 гг. посвятили себя работе в образовательных учреждениях или в административных и управленческих структурах, связанных с образованием. 32% работают вне сферы образования, но за этим скрываются и творческие профессии (фотохудожники, сценаристы, журналисты, работники радио и телевидения), и работа в сфере информационных технологий, в сфере рекламы и связей с общественностью.

Несмотря на то, что менее половины опрошенных выпускников посвятили себя деятельности, соответствующей полученной специализации, большинство дает высокую субъективную оценку полученному образованию. Знания и навыки, полученные на факультете философии человека, изменили мировоззрение студента, перед выпускниками открылся новый мир, они по-другому взглянули на многие вещи в жизни. Общая эрудиция, навыки критического анализа, умение работать

с информацией, креативность в решении различного рода проблем отмечаются выпускниками как важные компетенции, способствовавшие личной социализации и профессиональному росту [11].

Еще один важный вывод из проведенного экспресс-мониторинга заключается в следующем. Для верной оценки востребованности выпускников на рынке труда и для выстраивания долгосрочных взаимоотношений с выпускниками необходимо видеть динамику профессиональных биографий. Так, скажем, о партнерских взаимоотношениях можно задумываться с выпускниками, спустя пять–семь лет после завершения образования. Проводимые же традиционно мониторинги охватывают лишь текущий год выпуска и не направлены на создание баз данных, что позволяло бы вузу (факультету) поддерживать контакты и проявлять инициативу по развитию отношений с выпускниками.

Несмотря на предоставление информации о вакансиях, взаимодействие педагогических вузов с выпускниками вне сферы трудоустройства, на базе ассоциаций или сообществ выпускников развито довольно слабо, подобные структуры существуют лишь в немногих педагогических вузах. Предоставленная в публичном пространстве информация о деятельности ассоциаций выпускников педагогических вузов позволяет говорить о недостаточном использовании потенциала такого канала взаимодействия.

Так, в Рязанском государственном педагогическом университете им. С.А. Есенина в 2009 г. создана ассоциация выпускников, которая предоставляет информацию о лучших выпускниках, в ее планы входит проведение Дня выпускников. С 2011 г. функционирует Ассоциация выпускников в Томском государственном педагогическом университете, направленная на создание базы данных выпускников, организации их встреч, налаживания научных, деловых связей с предприятиями и учреждениями.

Важным показателем успешной деятельности высшего учебного заведения является предоставление информации о достижениях и успехах своих выпускников, наличие подобной информации иллюстрирует успешность вуза, создает его имидж и позволяет повысить его популярность и престиж. Подобная информация представлена лишь в немногих педагогических вузах. Пример наиболее полной и насыщенной информации представлена на сайте факультетов Московского госу-

дарственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Здесь практически каждый факультет предоставляет видеочёт о выпускниках.

В заключение хотелось бы отметить, что педагогические вузы не менее активны

по сравнению с классическими университетами, экономическими и техническими вузами в плане выстраивания долгосрочных взаимоотношений с выпускниками. Однако здесь еще много нереализованных возможностей.

Список литературы:

- [1] Атанасян С.Л., Григорьев С.Г., Гриншкун В.В., Козловских Л.А. Систематизация подходов к информационному взаимодействию педагогического вуза с выпускниками // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2009, № 4. – С. 5–11.
- [2] Бакун Т.В. Маркетинговый подход к формированию взаимоотношений вуза с выпускниками / Автореф. ... канд. экон. н. – Омск, 2011. – 16 с.
- [3] Бараблина С. В., Мехришвили Л. Л. Социальная ответственность: роль высших учебных заведений // Вестник международных организаций. – 2012, № 1. – С. 203–218.
- [4] Владимирова С.В., Мальчукова А.А. Центр содействия трудоустройству выпускников «Мост». Новые формы работы // Вестник Герценовского университета. – 2007, № 4. – С. 78.
- [5] Елина Е.Г. Развитие гуманитарного образования и проблемы трудоустройства выпускников гуманитарных факультетов // Вестник Герценовского университета. – 2011, № 11. – С. 51–55.
- [6] Капичникова И.Ю., Никитина Е.А. Востребованность, трудоустройство и сопровождение профессиональной карьеры выпускников. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2011, № 1. – С. 196–201.
- [7] Комплексная методика мониторинга трудоустройства выпускников образовательных учреждений профессионального образования (проект) // Рынок труда и рынок образовательных услуг. Регионы России. Федеральный информационный ресурс. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://labourmarket.ru/iform1/info/kompleksnaja-metodika.pdf> (15.10. 2012).
- [8] Мальчукова А.А. Особенности трудоустройства молодых специалистов – выпускников РГПУ им. А. И. Герцена 2010 года // Вестник Герценовского университета. – 2011, № 3. – С. 58.
- [9] Отчет по исследованию «Мониторинг выпускников НИУ ВШЭ 2011». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://cim.hse.ru/alumni> (15.10.2012).
- [10] Тимченко В.В. Сопровождение карьеры выпускников: Актуальный взгляд на проблемы взаимодействия вузов с работодателями // Аккредитация в образовании. – 2008, № 3. – С. 48–50.
- [11] Шахно Н.В., Орлов А.А. Экспресс-мониторинг результатов образовательной деятельности выпускников факультета философии человека РГПУ им. А.И. Герцена // Гуманитарное знание. Вып. 16. – СПб.: Астерион, 2012. `

¹ Анализ проводился на основе информации, размещенной на сайтах педагогических университетов. Арзамаский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара (<http://agri.info/index.html>, 05.09.2012); Педагогический институт Восточно-Сибирской государственной академии образования (Иркутск, <http://isttu.irk.ru/postupayuschim/fakultety/fp/>, 07.09.2012); Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского (<http://kspu.kaluga.ru/default.aspx>, 06.09.2012); Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова (<http://mggu-sh.ru/mggu/ob-universitete>, 11.09.2012); Новосибирский государственный педагогический университет (<http://www.nspu.net/>, 04.09.2012); Оренбургский государственный педагогический университет (<http://www.ospu.ru/>, 10.09.2012); Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (<http://www.herzen.spb.ru/>, 09.09.2012); Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина (<http://www.rsu.edu.ru/applicants/about-the-university>, 15.09.2012); Томский государственный педагогический университет (<http://tspu.edu.ru/>, 09.09.2012).

МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ СЕРВИСА

Исследуются философско-методологические основания построения экономической теории сервиса, специфика которой состоит в том, что потребление товаров и услуг совпадает с производством человека как вторичным производством. При этом меняются местами в отношении цели и средства такие основополагающие категории, как абстрактный и конкретный труд, общественно-необходимое и свободное время.

Ключевые слова:

модернизация, производство, потребление, социальная сфера, сервис, труд, товар, человек, экономическая структура.

Специфика предмета исследования обусловлена рассмотрением человека как цели общественного производства, совпадающего с потреблением товаров и услуг. Поэтому философско-методологическим основанием построения теории сервиса является комплексное осмысление феномена человека.

«На само построение естественнонаучной теории влияют характеристики человека как физического существа, то есть способ включенности человека в природу, определяемый его физическими параметрами» [3, с. 33]. В связи с этим настоящей потребностью исследования человека является процесс вовлечения в анализ самых различных, на первый взгляд кажущихся несовместимыми, областей современного научного знания. Преодоление разобщенности космологии и социологии, физики и психологии в исследовании человека является принципом развития, который ориентирует на анализ источников саморазвития человека [1]. Принцип историзма определяется как «особый методологический постулат, включенный в общую структуру материалистической диалектики» [9, с. 235]. Принцип развития требует теоретического выделения основного противоречия. Путь к выявлению этого противоречия заключается в разрешении некоторой проблемной антиномии. Причем «такие антиномические проблемы могут образовать даже особый ряд восхождения» [2, с. 192], являющийся отражением развития основного противоречия человека.

Развивающаяся теория обладает «способностью до некоторой степени опережать развитие исследуемого объекта, создавая научно обоснованные модели его будущего состояния» [2, с. 194]. Любой материальный объект, в том числе и человек, «возникает и существует в рамках такой достаточной большой системы объектов, в которой связи между объектами уже не выступают на уровне... случайных взаимодействий, а становятся существенными условиями возникновения и существования каждого из них и системы как целого» [7, с. 167].

Историзм воспроизводит не развитие вообще, а конкретно-всеобщую форму развития материального мира. Мир может рассматриваться «в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [5, с. 497]. Логическое отражение особенностей данной формы и совпадает с определением развития в его всеобщем виде. Следовательно, теоретическое воспроизводство человека и его саморазвивающейся сущности дает возможность понять развитие материального мира в его наиболее высокой форме.

Диалектика исторического и логического при исследовании человека находит свое отражение в методе восхождения от абстрактного к конкретному, который является развитием принципа единства исторического и логического [7, с. 208–210]. Восхождение от абстрактного к конкретному наиболее полно и всесторонне отражает как сущность, так и временную последовательность форм развития человека.

Формируясь на основе диалектического синтеза исторического и логического, данный метод представляет собой наиболее развитый и целостный метод познания человека [6, с. 37–38]. Принцип развития должен быть применен и к самим методам и принципам теоретического рассмотрения человека: он требует последовательного перехода от более простых форм знания о человеке и «более простых познавательных процедур к более сложным формам знания и более сложным процедурам» [12, с. 9].

Научная теория человека «представляет собой такую синтетическую форму знания» [10, с. 157], в которой все ранее полученные естественно-научные и гуманитарные знания о человеке объединяются в единую систему [8, с. 99–107]. Рассмотрение практики как универсального взаимодействия, обуславливающего сущность человеческого бытия, выступает методологическим обоснованием в исследовании социокультурной и научно-познавательной деятельности человека. К. Маркс в анализе капиталистического общества исходил из товара как из клеточки (простейшей абстракции), поскольку товар выступал ведущей стороной противоречия в его отношении с человеком. Развитие общества преобразует эту систему, где ведущей стороной становится человек, выступающий в разных качествах, которые следует различать (природное, производственное, социальное, духовное).

Основной общесоциологический закон определяющей роли способа производства в развитии общества имеет различные аспекты: отношения базиса и надстройки, производительных сил и производственных отношений. В литературе сложилось недостаточно обоснованное мнение о противопоставлении базиса и общественного бытия как способа производства. Однако дело заключается в том, что само выделение в способе производства таких сторон, как производительные силы и производственные отношения, имеет смысл лишь конкретно в их отношении друг к другу как сторон диалектического противоречия. Когда же мы соотносим способ производства с надстройкой или общественным сознанием, то их противоположность становится относительной, она снимается в едином понятии соответственно базиса или общественного бытия. Элементы производительных сил (трудящиеся люди с их навыками и средства производства) «входят» в общественное бытие и базис не наряду с производственными отношениями, а как их другая форма (т.е. как продукт труда, предмет обмена, распределения и

потребления). Эти элементы относятся к общественному бытию не как природно-материальные, а как общественно-материальные. В качестве элемента производительных сил человек выступает лишь тогда, когда он сам является продуктом труда и, в условиях отчужденного труда, – предметом обмена и потребления.

Уточнение содержания понятия «общественное бытие» следует искать не в отношениях, выходящих за пределы производственных, а в более строгом анализе последних как на общественном, так и на индивидуальном уровнях.

Понятие «общественное» применительно к сознанию употребляется в разных смыслах (продукт общественной деятельности, отражение общественного бытия, отношение к индивидуальному сознанию), что само по себе вызывает известную полисемию. В первом смысле всякое сознание является общественным как продукт развития общества, в третьем – соотношение общественного сознания с индивидуальным обусловлено общественным и индивидуальным бытием. После того, как разграничены понятия природно-материального и общественно-материального, необходимо аналогично разграничить два вида сознания, отражающего природное бытие (естественные науки) и общественное бытие (общественные науки). Взаимосвязь этих видов сознания порождает третий вид – технические науки, отражающие способ воздействия человека на природу.

Отношения внутри способа производства между производительными силами и производственными отношениями есть материальное взаимопроникновение природы и общества. Часть природы, с которой взаимодействует общество и которая входит в структуру производительных сил – это предмет труда. Под воздействием орудий труда он преобразуется и приобретает новые свойства (способность удовлетворять потребности, быть предметом обмена и распределения, т.е. способность включаться в общественное взаимодействие, стать элементом общественного бытия). Однако качество предмета обладает лишь относительной самостоятельностью, независимостью от природного материала.

Взаимосвязь идеального и природного опосредована практикой. Учитывая второй признак, который в экономической науке называется производством (а произведенное распределяется, обменивается и потребляется), получаем, что практика по отношению к природе выступает в качестве экономической структуры (производство,

распределение, обмен и потребление). По отношению же к идеальному, если учесть то, что производство идеального есть производство человека, практика выступает не в экономическом, а в антропологическом аспекте.

Для того, чтобы из элементов экономической структуры вывести понятия стоимостей, необходимо использовать понятие превращенной формы (например, превращенная форма труда содержится в продукте производства). Так, превращенная форма отношений в процессе производства есть стоимость, в процессе распределения и обмена – меновая стоимость, и – потребления – потребительная стоимость. Совокупность этих стоимостей, являющихся признаками (продукт производства, предмет обмена, и потребления), образует понятие товара. Разновидность товара, у которого обмен и потребление совпадает, есть деньги, а отношения неравного обмена между стоимостью произведенного продукта и стоимостью рабочей силы – капитал.

Система общесоциологических законов возникает при рассмотрении многокачественности экономической структуры, взятой по отношению к различным социальным факторам. По отношению к производительным силам общества экономическая структура выступает в качестве производственных отношений, к надстройке – базиса, к общественному сознанию – общественному бытию, к социально-экономической структуре – признаков класса, к общественному прогрессу – его критерия (общественно-экономическая формация), к государству – основания его типа, к революции – ее объективных предпосылок.

Развитие товарно-денежных отношений реализуется как разрешение противоречия между абстрактным и конкретным трудом, между стоимостью товара в ее денежном эквиваленте и потребительной ее стоимостью, определяющей способ бытия человека. Если ведущей стороной этого противоречия является конкретный труд, то он создает такую потребительную стоимость, которая служит средством развития человека. Здесь обнаруживается новая закономерность – в процессе потребления производится сам человек; потребление, оставаясь вторичным по отношению к производству, в известном смысле выступает производством более высокого порядка, чем производство вещей.

Закон возрастающих затрат на средства производства для производства средств производства в сравнении с затратами на средства производства для производства

предметов потребления специфически действует в условиях научно-технического прогресса. Наблюдается зависимость решения экономических задач от гражданских, нравственных качеств, профессиональной подготовки человека при его работе с весьма сложной и дорогостоящей техникой.

Развитие общества подошло к рубежу, при котором дальнейший экономический прогресс становится невозможным без резко возрастающих затрат на самого человека.

Переход от классической экономической теории Д. Риккардо и А. Смита к экономической теории К. Маркса связан с введением в теорию нового конструкта, обеспечивающего симметрию между стоимостью произведенного продукта и стоимостью заработной платы – прибавочной стоимости. Подобный метод введения новых идеализированных объектов в теорию современной физики называется методом калибровочных полей. С их помощью реализуется переход от глобальной симметрии к локальной, обусловленной обменом частиц на более глубоком уровне сущего.

Методологические особенности построения экономической теории социальной сферы обусловлены оборачиванием соотношения средств и целей способа производства при переходе от экономического аспекта практики к социальному. При этом товар становится средством, а производство человека – целью.

Время, затрачиваемое на общественно-необходимый труд, как мера стоимости заменяется свободным временем как условием свободного развития человека. Последнее включает в себя потребность в труде по производству товаров, и в этом реализуется тождество производства и потребления.

Развитие экономической теории в XX в. столкнулось с пониманием конечности географической среды как предмета труда и с дискретностью процесса труда, а, следовательно, стоимости. Эти особенности современной экономической теории напоминают релятивистские и квантовые принципы неклассической физики и свидетельствуют о неклассическом характере современного экономического мышления. Его неклассичность возрастает в социальной сфере с нелинейной зависимостью результата от процесса вложений в человека.

Нелинейность, открытость и когерентность (взаимозависимость) системы отношений человека и производственного процесса позволяет судить о ней как о самоорганизующейся системе, описываемой средствами синергетики. Это обстоятель-

ство обнаруживает недостатки использования классического логико-математического анализа, включающего методы вариационного исчисления, использованные Л.С. Канторовичем

Превращение человека в цель общественного производства – сущность экономики социальной сферы, и введение этой сущности как нового конструкта в теорию обеспечивает «симметрию» на более глубоком уровне. Учитывая вышесказанное, можно полагать, что более адекватной формой описания этих процессов может служить теория нечетких множеств.

Эффективная социально-экономическая политика зависит от синтеза различных политикоэкономических концепций [13]. Первая – классическая теория А. Смита и Д. Риккардо исходит из того, что конкурентная рыночная система саморегулируется. Рыночная конкуренция ограничивает развитие потребностей, способностей и мышления человека, а общественная собственность порождает иждивенчество, экономическое рабство. В условиях неравновесности экономика не сводится к оптимизации деятельности «экономического человека», и теория должна учитывать закономерности группового поведения, роль производительных сил и государства [4]. Вторая – марксистская, основанная на идее прибавочной стоимости, в основе которой лежит общественно необходимый труд, создающий стоимость, а иные формы де-

ятельности лишь перераспределяют произведенный продукт по законам обмена. Третья – теория Дж. М. Кейнса, согласно которой государство через реформы создает механизмы экономического роста, систему общественных работ, бюджетного финансирования, переподготовки кадров. Четвертая – институционально-эволюционная рассматривает экономику как подсистему общества наряду с другими подсистемами. При этом экономический рост предстает средством повышения качества жизни и творческой активности людей.

Методология социально-экономического развития должна опираться на синтез экономических концепций и определять курс реформ, направленных на перевод России с ресурсно-сырьевой модели экономики на инновационную модель. Последнее предполагает развитие приоритетных направлений модернизации экономики: энергосбережение, космические и ядерные технологии, новейшие исследования в области медицины и информатизации общества. Реализация этих направлений обещает «инновационный прорыв в нашем воспроизводстве и формирует стратегию инновационного развития до 2020 г.» [11, с. 23].

Современные научно-технические инновации могут рассматриваться как средство превращения человека в цель общественного производства, предполагающего переход сервисной сферы на новый качественный уровень.

Список литературы:

- [1] Батенин С.С. Человек в его истории. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 295 с.
- [2] Диалектика научного познания: очерк диалектической логики / Рук. авт. коллектива Д.П. Горский – М.: Наука, 1978. – 479 с.
- [3] Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история : (пробл. теории ист. процесса). – М.: Политиздат, 1981. – 288 с.
- [4] Кротов М.И. Политическая экономия современного консерватизма: методологическая основа управления социально-экономическими процессами // Мир человека. – Т. 9. – № 1. – 2009. – С. 7–22.
- [5] Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 207 с.
- [6] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46.– Ч. 1. – М.: Политиздат, 1968. – 564 с.
- [7] Материалистическая диалектика как общая теория развития / Ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Наука, 1982–1987. Кн. 1 : Философские основы теории развития / Ред. Г.А. Давыдова, М.М. Новоселов, Б.Я. Пахомов. – 1982. – 496 с.
- [8] Назиров А.Э., Сафронов И.А. Философские основания единства научного знания о человеке // Естественно-научные и социогуманитарное знания. – Л.: ЛГУ, 1990. – С. 99–107.
- [9] Ракитов А.И. Историческое познание : систем.-гносеолог. подход. – М.: Политиздат, 1982. – 303 с.
- [10] Рузавин Г.И. Научная теория: Логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1978. – 244 с.
- [11] Сидоров А.И. Потенциал Вольного экономического общества России – на пользу регионам // Общество. Среда. Развитие. – 2011, № 4. – С. 20–24.
- [12] Эвристическая и прогностическая функции философии в формировании научных теорий. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 214 с.
- [13] Bringing the state back in / Ed P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 390 p.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ОСМЫСЛЕНИЕ НООСФЕРЫ

УДК 504.7+001.1
ББК 20.1

А.И. Субетто

ГЕЛИОКОСМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРАЗИЙСТВО КАК МОМЕНТЫ ВЕРНАДСКИАНСКО-ГУМИЛЕВСКОГО ПЕРЕВОРОТА В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Дается философская характеристика научной парадигмы ХХІ в., определяемой как вернадскианско-гумилевский переворот в научной картине мира, который должен лечь в основу модели устойчивого развития человечества – управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Евразийский компонент теории А.Н. Гумилева рассматривается как важнейшая составляющая ноосферогенеза.

Ключевые слова:

Вернадский В.И., Гумилев А.Н., евразийство, ноосферогенез, русский космизм.

100-летие со дня рождения Льва Николаевича Гумилева и 150-летие со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского – титанов русского Возрождения [8], ученых-энциклопедистов – образуют своеобразное временное «перекрестие», на котором с помощью философско-научной рефлексии мы постигаем сущность происходящих перемен и наступающего будущего, его альтернатив, зависящих от нашего научно-теоретического постижения собственной человеческой природы и вмещающей ее в себя Природы с большой буквы.

XX век – это не только век исторического трагизма, век прорыва человечества к новым формам исторического бытия в лице социализма, но и век великих исторических открытий и свершений, в ряду которых творческие достижения В.И. Вернадского и А.Н. Гумилева можно считать звездами первой величины. Само их творчество и его результаты – часть общего потока научной рефлексии русского космизма. Особенно близкими к их теоретическим поискам находятся творческие поиски С.Н. Булгакова П.А. Флоренского (учение о пневмосфере) и А.Л. Чижевского (гелиобиология и космобиология, закон квантитативно-компенсаторной функции биосферы).

В 2006 г. И.Ф. Малов и В.А. Фролов, обобщая взгляды на космическую организованность живого вещества или живого

мироздания В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского, ввели понятие «меморандум Вернадского–Чижевского» или «космический меморандум организованности живого мироздания» [6]. Автором в 2009 г. этот «меморандум» в названии и, соответственно, по смыслу был расширен до «меморандума С.Н. Булгакова–В.И. Вернадского–А.Л. Чижевского» [8, с. 505], потому что космическая организованность живого мироздания является базисной конструкцией философии хозяйства С.Н. Булгакова. Он писал, что сама «возможность потребления принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания, на изначальном тождестве всего сущего, благодаря которому возможен обмен веществ и их круговорот, и, прежде всего, предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни» [1].

В контексте такого взгляда на Вселенную, в контексте «метафизического коммунизма мироздания» по С.Н. Булгакову и находится то «перекрестие» творческих наследий В.И. Вернадского и А.Н. Гумилева, которое автор назвал «великим синтезом»¹, и который культурно-научной ответственности, в первую очередь российской, еще предстоит совершить в ХХІ веке.

Этот «великий синтез» может быть обозначен как вернадскианско-гумилевский переворот в научной картине мира начала ХХІ века. Ведь не случайно Лев Николаевич Гумилев одно из ведущих, и принци-

пиальных для всего его творческого наследия, произведений – научный трактат (по его оценке) – назвал «Этногенез и биосфера Земли» [3], указывая на прямую связь своей теории этногенеза и пассианарогенеза, исторической этнологии с учением о биосфере и ноосфере В.И. Вернадского.

Понятие вернадскианско-гумилевского переворота в научной картине мира начала XXI века многомерно. Выделим следующие концептуальные «измерения» этого переворота.

1. Вернадскианско-гумилевский переворот в научной картине мира есть своеобразная конкретизация «вернадскианской» научно-парадигмальной революции (о которой открыто заявили еще в 1993 г. Макс Полунин и Жак Гриневальд) и концепция, которую мы представили в развернутом виде в коллективной монографии «Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке» в 2003 году, выпущенной к 130-летию со дня рождения В.И. Вернадского.

Вернадскианская революция, по нашей оценке, охватывает весь комплекс научного знания, определяет программу ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI в., формирование ноосферизма как целостной научно-мировоззренческой системы XXI века, в которой важнейшим «фокусом» становится управленческая парадигма, осознание того, что единственной моделью устойчивого развития человечества в XXI веке является управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

Творчество А.Н. Гумилева, находясь в русле вернадскианской революции в системе научного мировоззрения, порождает свою научно-парадигмальную революцию, захватывающую вначале основания научных знаний об этносах, а через них всю систему знаний о человеке и обществе, реабилитирующую географический детерминизм, придавая ему новые основания, а также развивая гелиобиологическое «измерение» этнологии и человековедения, которое имплицитно присутствует в учении о биосфере и ноосфере В.И. Вернадского и получило развернутое развитие в творчестве А.Л. Чижевского. Теория пассианарогенеза А.Н. Гумилева как важнейшая часть его теории этногенеза и исторической этнологии придает новые ракурсы видения связи эволюции человека на Земле, в т.ч. социальной эволюции – истории, в первую очередь через энергетическую связь, с процессами в Космосе и Солнечной системе как слож-

нейших системах организмоцентрического типа с собственными гомеостатическими (гомеокинетическими) механизмами.

2. Вернадскианско-гумилевский переворот, таким образом, включает в себя «гелиокосмическую революцию», которую автор выделяет как самостоятельное явление, особый тип «измерения» и вернадскианской революции, и вернадскианско-гумилевского переворота. Об этом автор сделал доклад на «Гумилевских чтениях», посвященных 95-летию А.Н. Гумилева, в СПбГУ. «Теория этногенеза А.Н. Гумилева и гелиобиология А.Л. Чижевского – гелиокосмическая революция в общей научной картине мира на протяжении XX века» [8, с. 401–403]. Следует отметить, что гелиокосмическое «измерение» позволяет не только исследовать энергетическое воздействие Космоса и Солнца на этническую субстанцию социальной эволюции человечества, придавая новые основания историометрии по А.Л. Чижевскому, но и через ритмику (циклику) исторической пульсации энергетики этноса, калиброванной конкретными временными оценками и географическими местоположениями, – получить информацию о состоянии ближнего космоса и его контактах с Землей и монолитом живого вещества человечества. А.Н. Гумилев, размышляя о возможных источниках пассианарных толчков, писал: «говоря о возможных источниках пассианарных толчков, мы не отбросили только одну гипотезу – космическое излучение. Правда, при нынешнем уровне знаний о ближнем космосе, эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих. Если эта гипотеза и в дальнейшем не встретит противоречащих ей фактов, то этнология даст возможность получить данные о состояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией» [3, с. 473].

Мистическим совпадением является, что 1939-й год, символизирующий собой вершину мирового признания А.Л. Чижевского, стал и годом открытия А.Н. Гумилевым явления пассианарности. «Пассианарность. Это слово вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием в марте 1939 года проникло в мозг автора как удар молнии» [4, с. 31]. Отмечу, что теория пассианарогенеза и теория этногенеза А.Н. Гумилева переключается с основными положениями «гелио-историко-системогенетического прорыва» А.Л. Чижевского (в моем определении): (1) с появлением историометрии как исторической циклометрии,

фиксируемой с помощью «кривых всемирной истории человечества»; (2) с фиксацией гелиогенетической колебательности в плотности исторических событий, которая мною трактовалась как фиксация гелиогенетической цикличности социальной эволюции монолита разумного живого вещества (в лице человечества), погруженного в живое вещество Биосферы [8, с. 404].

3. Вернадскианско-гумилевский переворот базируется на «энергетическом космизме»². Фактически энергетический космизм – важнейшее измерение «Меморандума С.Н. Булгакова – В.И. Вернадского – А.Л. Чижевского», которое стало неотъемлемой частью и творческого наследия В.И. Вернадского, и творческого наследия Л.Н. Гумилева, и которое получило подтверждение в концепции физического времени-энергии Н.А. Козырева, в космоантропологии В.П. Казначеева и его учеников – А.Н. Дмитриева, И.Ф. Мингазова, Е.А. Спирина, А.В. Трофимова.

Этнос есть особая форма проявления эволюции человека как биосоциального существа, в которой происходит синтез биологической и социальной эволюции, причем такой синтез, – и это надо осознать, – который не может быть редуцирован ни к одной из его составляющих.

Открытие Л.Н. Гумилева в том и состоит, что своим эмпирическим обобщением, которое легло в основу его теории этногенеза и исторической этнологии, он показал, что «внутриэтническая эволюция» «равно не похожа на социальную и биологическую» эволюции, и что движителем этой эволюции является процесс перехода к «этноландшафтному равновесию» [3, с. 235].

Именно в этом контексте этнос приобретает функцию особого механизма ноосферогенеза. Автор показывает, что ноосферогенез XXI века, становление «ноосферы Будущего» невозможны вне установления планетарной (космопланетарной) этнической кооперации на Земле, которая становится носителем ноосферы, как нового качества Биосферы, в XXI веке. В этом в новом качестве Биосферы коллективный человеческий разум приобретает функцию «регулятора» (об этой функции писал еще Н.Ф. Федоров) социоприродной эволюции, становясь частью гомеостатических механизмов Биосферы, Земли, в будущем – Солнечной Системы, Космоса, подчиняясь их законам и по-человечески «оразумляя» их. Но для этого надо, чтобы на сознании человеческого Разума были поставлены «заслонки, именуемые “совести”» [3, с. 468] (как на это указал Л.Н. Гумилев). Мы должны пом-

нить, предупреждал Л.Н. Гумилев, что «Мы не одиноки в мире! Близкий Космос принимает участие в охране природы, а наше дело – не портить ее. Она – не только наш дом, она – мы сами. Ради этого тезиса и был написан трактат, который теперь закончен. Посвящаю его великому делу охраны природной среды от антисистем» [3, с. 469].

Гумилевское учение о евразийстве или гумилевское евразийство в оценке автора – неотъемлемая часть вернадскианско-гумилевского переворота в системе научного мировоззрения, которая не только раскрывает этно-цивилизационно-исторические основания в самой философии истории России, но и одновременно в какой-то мере объясняет, в том числе научно-философско-исторически, почему именно в России произошел космический прорыв (полет Ю.А. Гагарина вокруг Земли) в советскую эпоху, почему именно Россия подарила миру учение о биосфере и ноосфере В.И. Вернадского и историческую этнологию, теорию этногенеза и пассонарогенеза Л.Н. Гумилева. Сама эпоха русского Возрождения с ее ноосферно-космическим вектором, начавшаяся с петровской эпохи и длящаяся уже более 300 лет, есть своеобразное порождение российского евразийства, большого евразийского хронотопа бытия, особой миссии Российской Евразии в планетарной эволюции – быть местом «подвеса» маятника истории и соответственно историческим предиктором.

«Евразийство» возникло в начале XX века (Н.С. Трубецкой, П. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский и другие), с одной стороны, на «волне» философско-исторической рефлексии, восходящей к Н.Я. Данилевскому и отрицающей европоцентризм философии истории, а с другой стороны – как осмысление оснований бытия России в форме самостоятельной, евразийской цивилизации, в которой на протяжении всей истории вершится синтез «Востока» и «Запада», «Европы» и «Азии», с диалектическим «снятием» каждой из этих ипостасей, их качеств.

В настоящее время появилось много работ, пытающихся расширить понятие евразийства, придать ему скорее географический смысл, чем сложившийся российско-цивилизационный смысл (как это было характерно для философии и геополитики «евразийцев»), охватить им весь единый континент, соединяющий в себе «Азию» и «Европу», по отношению к которому «Европа» – лишь «полуостров».

Автор остается на позиции российского евразийства, т.е. евразийства как некоего

качества России, которое делает ее отдельным цивилизационным континентом, сосуществующим на равных и с «Европой», и с «Азией», и не являющимся и ни «Европой», и ни «Азией» (на что указывал еще фельдмаршал М.И. Кутузов в беседе с Александром I, когда встал вопрос об участии российской армии, и соответственно России, в освобождении европейских стран от оккупации наполеоновскими войсками).

Л.Н. Гумилев в своей концепции евразийства развил понимание о «евразийской оси» истории человечества, на которую, наверное, первым указал Макиндер: «Россия занимает в целом мире столь же центральную стратегическую позицию, как Германия в отношении Европы» (цит. по [5]).

Многотысячелетняя история этого пространства, которое занимает российская Евразия, с позиции этно-цивилизационной истории, показывает, что его стабилизация происходила тогда, когда возникало некое государственно-цивилизационное единство. Последний этап такого единства установился вместе с появлением российской державы. Распад СССР обозначил «дрейф» к возникновению «большой смуты» на этой территории, если не победят обозначившиеся тенденции к новому установлению евразийской интеграции на этом пространстве.

Стабилизация на российско-евразийском пространстве – главный геополитический фактор устойчивого – ноосферного развития человечества. Кровавая смута, распад России, чего пытается добиться глобальной империализм мировой финансовой капиталократии в США и в целом англо-американского мира, – будет озна-

чать, что здесь появится «черная дыра» в форме военного коллапса, с применением оружия массового поражения, которая «втянет» в себя все человечество, – и это будет конец бытия в форме ускоренной экологической гибели.

Вот почему ноосферогенез XXI века – становление ноосферной парадигмы устойчивого развития человечества – предполагает сохранение России, становление евразийской кооперации этносов в форме российского суперэтноса, – и на основе ноосферно-мировоззренческих установок – становление в будущем планетарной – ноосферной – этнической кооперации.

И здесь евразийскую концепцию Л.Н. Гумилева трудно переоценить. Она становится частью Ноосферизма, как научно-мировоззренческого основания, становления управляемой социоприродной гармонии на Земле на основе ноосферного экологического духовного социализма.

Отмечу, что на антикапиталистическую направленность евразийской логики Истории России указывали «евразийцы» в начале XX в. В частности, Н.С. Грубецкой видел, что «тревожная одномерная тень Запада, как трупное пятно, распространялась по всему миру, поражая “цветущую сложность” народов, культур и цивилизаций недугом плоско-буржуазного конца истории» [5, с. 647].

Евразийство Л.Н. Гумилева и как часть его этнологии, и как его мировоззрение, и как его завещание, несомненно, становится значимой частью фундамента философии истории России, в которой евразийство соединяется с учением о ноосфере В.И. Вернадского, становясь ноосферизмом.

Список литературы:

- [1] Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Глава III. Значение основных хозяйственных функций. Потребление. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak01.htm> (03.12.2012)
- [2] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Мишель и Ко, 1993. – 334 с.
- [3] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 496 с.
- [4] Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. – М.: Экспресс, 1993. – 544 с.
- [5] Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 928с.
- [6] Малов И.Ф., Фролов В.А. Космический меморандум организованно-сти живого мироздания // Дельфис. – 2006, № 4 (48). – С. 65–75.
- [7] Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. – СПб.: Астерион, 2010. – 544 с.
- [8] Субетто А.И. Эпоха Русского Возрождения (Титаны Русского Возрождения). Т. I. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2008. – 500 с.
- [9] Ягодинский В.Н. Космология духа и циклы истории / Научн. ред. Ю.Г. Бондаренко и В.Д. Кравченко. – М.: 2010. – 320 с.

¹ В настоящее время завершается подготовка конференции «Владимир Иванович Вернадский и Лев Николаевич Гумилев: Великий Синтез творческих наследий» и издается коллективная научная монография с одноименным названием по присланным в Оргкомитет материалам.

² Понятие «энергетический космизм» введено В.Н. Ягодинским, чтобы подчеркнуть космо-энергетическую составляющую всей системы взглядов А.А. Чижевского [9].

ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ В ГЕНЕЗИСЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИКОНОБОРЧЕСТВА (726–843 гг.)

Статья посвящена проблеме влияния природных катаклизмов на возникновение византийского иконоборчества. Рассматривается вопрос интерпретации стихийных бедствий применительно к иконоборческому периоду. Представлен анализ двух концепций: согласно первой, стихийные бедствия были истолкованы как наказание за иконопочитание, по второй – за иконоборчество.

Ключевые слова: Византия, иконоборчество, иконопочитание, Лев III Исавр, патриарх Никифор, природные катаклизмы, равненское землетрясение, Феофан Исповедник.

Природные катаклизмы оказывали значительное влияние на ход мировой истории – и самым своим фактом и его переживанием обществом, которое в определенные исторические периоды наделяло их особыми смыслами. Обращение к данному вопросу связано и со стихийными бедствиями, происходящими в наше время. Цунами в Таиланде, землетрясение в Японии, наводнение в Крымске, наводнение в Дербенте... Таким образом, сама жизнь актуализирует проблему выявления взаимосвязи стихийных бедствий как с прецедентами современности, так и с явлениями в мировой истории.

Проблема стихийных бедствий в освещении христианских авторов часто связывается с жизнью общества и политическими событиями. Христианские источники нередко свидетельствуют о любом землетрясении как о чудесном предзнаменовании [27, р. 47]. Впрочем, огромный интерес к землетрясениям отмечается и в ранних религиозных и магических космологиях, на что обращает внимание итальянская исследовательница Э. Гвидобони. Землетрясения воспринимались как проявления божественности Посейдона, Зевса или результат действий мифологических фигур. До IV в. сведения о землетрясениях фиксировались с учетом их религиозных и магических значений, и эта традиция продолжалась значительно дольше [27, р. 48]. Христианство рассматривало землетрясения как божественный феномен, стоящий над законами природы; как проявление Божественного промысла, который сотрясает землю с целью сообщить нечто, либо наказать за моральные или религиозные проступки [27, р. 50]. В 102 фрагменте у Филастрия сообщается следующее: ересью является вера в то, что землетрясения происходят не по воле и гневу Божию, но в силу самой природы вещей, поскольку не принимается во внимание то, что говорит Писание [29, col. 1216; 27, р. 50].

В сознании византийцев землетрясения считались проявлением таинственной Силы Божией, неким эсхатологическим признаком Второго Пришествия [27, р. 52]. «Согласно эсхатологическим представлениям византийцев, основывавшимся на Апокалипсисе (Откр. 6:12; 8:5; 16:18), перед концом света, во времена Антихриста, должны последовать страшные землетрясения...» [4, с. 183].

В Новом Завете, в Апокалипсисе написано следующее: «И в тот же час произошло великое землетрясение, и десятая часть города пала, и погибло при землетрясении семь тысяч имен человеческих; и прочие объята были страхом и воздали славу Богу небесному. Второе горе прошло; вот, идет скоро третье горе. И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр. 11:13–15).

Природные катаклизмы интерпретируются как некий знак гнева Божьего. В связи с этим интересно проследить, как в христианской традиции стихийные бедствия осмыслились по отношению к истории византийского иконоборчества. Известные византийские историки Феофан Исповедник (ок. 760–818 гг.) и патриарх Константинопольский Никифор (ок. 758–828 гг.) повторяли рассказы об извержении подводного вулкана, случившимся в 726 г. Они описывали картину, как кипело море между островами Фирасом¹ и Фирасием², под действием огня образовывались камни, дым приобретал огненный вид, огромные камни заполонили все море около Малой Азии у Лесбоса, Абидоса до самой приморской Македонии. Вследствие этих аномальных процессов образовался новый остров, подобно прежде возникшим островам Фире и Фирасии [20, с. 295–296; 11, с. 342–343.]

И Феофан Исповедник [20, с. 296], и патриарх Никифор [11, с. 343] упоминают о реакции на это событие императора Льва III Исавра (717–741 гг.): царь, узнав об этом происшествии, подумал, что последнее явилось знамением гнева Божьего против иконопочитания. По мнению К.Н. Успенского, историки описывая вышеозначенные события, пользовались одним источником [19, с. 211–212]. Таким образом, византийские историки связывали вышеописанный катаклизм (точнее его интерпретацию Львом Исавром) с иконоборческой политикой, инициированной императором. По патриарху Никифору и Феофану Исповеднику, можно говорить о влиянии внешних факторов, в том числе стихийных бедствий на возникновение иконоборчества. Кстати, византийский историк конца XI в. – начала XII в. Георгий Кедрен, в том числе, описывал данный катаклизм и признавал особую роль последнего в возникновении иконоборческого движения [25, col. 871 BC].

Данное извержение вулкана, соответственно, могло быть использовано иконоборцами против православия. Но существует и другая интерпретация стихийного бедствия, рожденная в среде иконопочитателей: патриарх Никифор считал, что катаклизмы явились следствием иконоборчества [11, с. 346–347]. Помимо извержения вулкана и землетрясения такому толкованию были подвергнуты также и другие природные катаклизмы. Например, болезни, дождь, мрак, буря, великий мороз, сильный град, ливень, ненастье и непостоянство погоды. Патриарх Никифор говорил о появлении смертоносной болезни, вследствие которой люди погибали и исчезали [11, с. 346]. Причем, особую силу болезнь приобрела именно в Византии. Зараза сопровождалась также появлением страшных чудес: крестообразных фигур на священных облачениях, на одежде, на дверях.

Патриарх Никифор свидетельствовал: «Эти явления порождали у всех великий ужас и изумление, как предвещавшие близкую гибель... Все это людям благомыслящим представлялось посещением гнева Божия за то, что тогдашний безбожный и нечестивый царь и все те, кои согласились с его преступным учением, дерзнули наложить руки на святые иконы к поношению церкви Христовой» [11, с. 346–347].

Феофан Исповедник также считал стихийные бедствия наказанием за иконоборчество. Феофан пишет следующее: «заразительная смерть... наказывала не-

честивого Константина и отвращала его от неистовства против святых церквей и досточтимых икон, хотя он как древний фараон остался неисправимым» [20, с. 309]. Феофан Исповедник говорил о появлении красных маслянистых крестиков на церковных одеждах и на платьях людей. «Горесть и отчаяние овладели всеми по неведению сего знамения: гнев Божий нещадно истреблял не только жителей в городе, но и во всех окрестностях его» [20, с. 309].

Еще одним источником, трактующим природные катаклизмы как наказание за иконоборчество является «Повесть, рассказывающая о святых и честных иконах, и как и по какой причине святая Великая и соборная Церковь Божия приняла ежегодно справлять [праздник] Православия в первое воскресенье святого Поста» [14]. Данное произведение описывает события второго периода византийского иконоборчества. А именно, царствование и кончину византийского императора-иконоборца Феофила (829–842 гг.), а также обстоятельства, касающиеся самодержца после его смерти.

Итак, повесть освещает следующие события: «И Константинополь был сожжен холодом и суровойшей и великой зимой – а еще была долгая и свирепая, и тяжелейшая зима, и сильный голод; зной и воспламенение воздуха, и ненастье и непостоянство погоды, а к тому же и страшные и частые землетрясения, обличавшие безмерную порочность и злочестие правителя» [14, с. 94–97]. Таким образом, автор повести связывает природные катаклизмы с поведением императора. Видимо, под порочностью и злочестием подразумевается приверженность императора Феофила иконоборчеству – в следующем пассаже автор указывал на то, что император Феофил «превозмог даже богомерзкое злодейство» императора-иконоборца Константина V Копронима (718 (имп. с. 741) – 775 гг.) и других императоров-иконоборцев [14, с. 96–97].

Георгий Монах (Амартол), хронист IX в. также, говоря о правлении императора Феофила, специально отмечал, что катастрофические явления: великий мороз, сильный град, дождь, мрак, ливень, буря и частые страшные землетрясения обличали согрешение и злодеяние императора, который воспринял ересь. [9, с. 501].

Данная интерпретация стихийных бедствий в связи с иконоборческой деятельностью императора Феофила содержится в славянском переводе XIV в. (на болгарский язык) хроники Константина

Манассия (XII в.): «По Михаиле же цартова сын его Феофил... якоже скверный Копроним. Такового ради его беззакония... мраз же бысть лют и труси страшни на обличение того беззакония» [15, с. 337]. В греческом тексте мы этих данных не нашли, но проблема осложняется тем, что до сих пор не существует критического издания греческого текста Константина Манассии [24].

Значимый след оставило в памяти современников равеннское землетрясение 725–744 гг. Хотя источники не говорят напрямую о влиянии последнего на начало византийского иконоборчества, однако, не исключена возможность того, что это землетрясение также могло быть расценено как свидетельство гнева Божия на иконопочитание. Андрей Агнелл упоминает о землетрясении, постигшем Равенну и Классе, в трех местах своего труда, но, в основном, в главе 89 (с. 335–336), где, говоря о жизни епископа Агнелла (вторая половина VI в.), он пишет следующее: «он переосвятил крещальню в церкви св. Мартина, украсил ее мозаиками, но апсида церкви, поколебленная землетрясением, была разрушена в период архиепископа Иоанна V Младшего...» [23, р. 335–336; 27, р. 361].

Данное землетрясение упоминается также в «Жизни Иоанна V», 39 епископа, в связи с церковью, известной как базилика Петриана. В главе 151, с. 376 написано следующее: «Иоанн, 39 (епископ). Он был очень терпеливый, смиренный и мягкий. Во время его епископства базилика Петриана обвалилась вследствие землетрясения после мессы в воскресенье» [23, р. 376; 27, р. 361–362]. Затем, в главе 155 Андрей Агнелл отмечает, что в период архиепископа Сергия произошли следующие события: «Он решил перестроить базилику Петриану, которую полностью разрушило землетрясение...» [23, р. 378; 27, р. 362].

Применительно к обсуждению в историографии проблемы связи византийского иконоборчества со стихийными бедствиями можно сказать следующее.

В.В. Болотов [3, с. 679] и А.В. Карташев [8, с. 582] указывали на восприятие политической элитой византийского общества извержения вулкана в 726 г., которое описывали Феофан Исповедник и патриарх Никифор, как наказания Божьего за почитание святых икон византийцами. По мнению современных исследователей К. Шенборна [21, с. 141], К. Манго [28, р. 1], император Лев III Исавр (717–741 гг.) интерпретиро-

вал данный катаклизм 726 г. гнев Божий против иконопочитания. Д.Е. Афиногенов, говоря о втором периоде иконоборчества (787–843 гг.), указывает на интерпретацию стихийных бедствий автором вышеназванной «Повести о прощении императора Феофила» как гнева Божия на несправедную власть и народ [1, с. 86; 2, с. 131].

подавляющее большинство ученых признают определенную взаимосвязь стихийных бедствий и византийского иконоборчества [5, с. 39; 6, с. 527; 12, с. 221; 13, с. 72–73; 26, р. 94, 110–111]. Однако, с данной концепцией не согласны другие исследователи: Г. Яред, К.Н. Успенский и Е.Э. Липшиц [22; 10; 18; 17]. Г. Яред высказался против достаточно скептически [22, с. 729]. Е.Э. Липшиц, исходя из марксистской идеологии, критиковала сообщения о роли природных катаклизмов в возникновении иконоборчества [10, с. 182]. К.Н. Успенский говорил о тенденциозности убеждений, связывающих природные катаклизмы с византийским иконоборчеством [18, с. 425; 17, с. 238].

Подводя итог, следует отметить, что данные исследователи слишком категоричны в своих выводах. Они не учитывают того, что для средневекового человека все было взаимосвязано. Если человек являлся венцом творения и владыкой мира, то тем самым его преступления приводили к хаосу в природе.

Итак, стихийные бедствия, случившиеся в Средиземноморском регионе в VIII в., были истолкованы различными партиями по-своему [7, с. 453; 16, с. 446]. Иконоборцы рассматривали катаклизмы как наказание за иконопочитание, а иконопочитатели как возмездие за иконоборчество. Природные катаклизмы использовались в идеологической борьбе как сторонниками, так и противниками иконопочитания. Так как конечная победа была на стороне иконопочитателей, то в христианской традиции закрепилось убеждение, что катаклизмы явились знаменем гнева Божьего против иконоборчества.

Таким образом, на основе источников было изучено влияние природных катаклизмов на возникновение и идеологию византийского иконоборчества. Византийцы, будучи людьми религиозными, связывали стихийные бедствия с догматическими вопросами, истолковывая их как наказание Божье и используя как аргумент в развернувшейся в империи идеологической борьбе иконопочитателей и иконоборцев.

- [1] Афиногенов Д.Е. Замерзший Босфор и святые иконы // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. – 1997, № 4. – С. 85–93.
- [2] Афиногенов Д.Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия. – Москва: Индрик, 2004. – 192 с.
- [3] Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Т. 3–4. История церкви в период вселенских соборов. – Минск: Харвест, 2008. – 768 с.
- [4] Василек В.В. Отражение стихийных бедствий в кондаках святого Романа Сладкопевца. // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей Сретенской духовной семинарии. – 2010, вып. 2. – С. 179–207.
- [5] Величко А.М. История византийских императоров в пяти томах. Т. III. – Москва: ФИВ, 2010. – 416 с.
- [6] Дворкин А.Л. Очерки по истории вселенской православной церкви: курс лекций. – Москва; Нижний Новгород: ООО «Риза», Изд-во «Христианская библиотека», 2008. – 937 с.
- [7] Иконоборство и римские папы // Христианское чтение. Ч.1. – 1865. – С. 447–493.
- [8] Каргашев А.В. Вселенские соборы. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 686 с.
- [9] Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: текст, исследование и словарь. Т. I / Изд. подг. В.М. Истрин. – Петроград: Издание отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук, 1920. – 612 с.
- [10] Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры VII – первая половина IX века. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 483 с.
- [11] Никифора, святого отца нашего, патриарха Константинопольского, краткая история со времен после правления Маврикия // Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. – Минск: Харвест, 2001. – С. 305–356.
- [12] Острогорский Г.А. История Византийского государства / Пер. М.В. Грацианского; ред. П.В. Кузнецов. – Москва: Сибирская Благовонница, 2011. – 895 с.
- [13] Остроумов Г. Догматическое значение седьмого вселенского собора. Научно-историческое исследование важности и необходимости иконопочитания по поводу заблуждения г. Пашкова и его единомышленников. – Карлсруо: Придворная типография В. Гаспера (Ф. Гокеля), 1884. – 203 с.
- [14] Повесть, рассказывающая о святых и честных иконах, и как и по какой причине святая Великая и соборная Церковь Божия приняла ежегодно справлять [праздник] Православия в первое воскресенье святого Поста // Афиногенов Д.Е. «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия / Пер. Д.Е. Афиногенова. – Москва: Индрик, 2004. – С. 89–115.
- [15] Русский хронограф. Ч.1. Хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 22. – 1911.
- [16] Терновский Ф.А., Терновский С.А. Греко-Восточная церковь в период вселенских соборов. – Киев: Университетская типография (И. Заводского), 1883. – 551 с.
- [17] Успенский К.Н. Очерки по истории Византии. Ч.1. – Москва: Издательское Общество при Историко-Философском факультете Московских Высших Женских Курсов, Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1917. – 268 с.
- [18] Успенский К.Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его хронография // Византийский Временник. Т. 3. – 1950. – С. 393–438.
- [19] Успенский К.Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его хронография (Продолжение) // Византийский Временник. Т. 4. – 1951. – С. 211–262.
- [20] Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского; предисловие О.М. Бодянского. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1884.
- [21] Шенборн К. Икона Христа: Богословские основы / Пер. Е.М. Верещагина; под ред. Е. Гейнрихс. – Милан–Москва: Христианская Россия. 1999.
- [22] Яред Г. Отзыв о св. Фотие, патр. Константинопольском его современников – в связи с историей политических партий византийской империи // Христианское чтение. – 1872, № 4. – С. 710–750.
- [23] Agnellus. Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis // Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum Rerum Langobardicarum et Italicarum. / Ed. O. Holder-Egger. – Hannover, 1978. – P. 263–391.
- [24] Constantini Manassis. Compendium chronicum // Patrologia cursus completus, series graeca. Т. 127. – 1864. – Col. 219–427.
- [25] Georgii Cedreni. Compendium historiarum // Patrologia cursus completus, series graeca. Т. 121. – 1894. – Col. 23–1166.
- [26] Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III with Particular attention to the Oriental Sources. – Louvain, 1973. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 346. Subsidia 41). – 220 p.
- [27] Guidoboni E., Comastri A., Traina G. Catalogue of ancient earthquakes in the Mediterranean area up to the 10th century. – Bologna: Istituto Nazionale di Geofisica, 1994. – 504 p.
- [28] Mango C. Historical introduction // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. / Ed. A. Bryer, J. Herrin. University of Birmingham. March 1975. – Birmingham, 1977. – P. 1–6.
- [29] Sancti Philastrii episcopi Brixiani. Liber de haeresibus, cum praecedentibus prolegomenis // Patrologia cursus completus, series latina. Т.12. – 1845. – Col. 1049–1302.

¹ Современная Фира (Тира) – столица острова Санторини, находящаяся на вершине утеса, на краю древнего вулкана.

² Современный остров-вулкан Санторини.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

УДК551.51
ББК 28.08

Л.С. Ивлев

АЭРОЗОЛИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Обсуждается влияние аэрозолей природного и антропогенного происхождения на климатические процессы. Показано, что учёт аэрозольного воздействия на климат в настоящее время выполнен недостаточно корректно в первую очередь из-за неточности сведений о процессах генерации и физико-химических свойствах атмосферных аэрозолей. Изложено современное состояние знаний по этим вопросам.

Ключевые слова:

альbedo, вулканический материал, глобальные изменения климата, природные и антропогенные аэрозоли, стратосфера, сульфаты, фазовые переходы воды.

Климатическая система Земли существенно изменилась за время, прошедшее с начала промышленной революции, причем некоторые из изменений имеют явно антропогенное происхождение, что делает необходимым получение объективной информации об изменениях климата, их воздействиях и возможной реакции на изменения [24].

Для диагностики наблюдающихся изменений и изменчивости климата необходимо знать, насколько значительно и необычно существующее глобальное потепление; наблюдаются ли существенные изменения общей циркуляции атмосферы и океана, а также осадков и влагосодержания атмосферы; какова роль терригенных аэрозолей в климатических процессах и как быстро изменялся климат в далеком прошлом [5; 6; 8; 34].

Бесспорны изменения в составе атмосферы: увеличение содержания углекислого газа, аэрозоля ряда парниковых газов (ПГ) и, возможно, уменьшение содержания стратосферного озона, а также изменение структуры поля облачности.

Надёжно установлены факты 1) прогрева приземного воздуха, сопровождающиеся потеплением тропосферы и похолоданием стратосферы (спад восходящего потока длинноволновой радиации от тропосферы); 2) более быстрое потепление на суше, чем в океане; 3) более быстрое

потепление в высокогорных районах (за счет «альбедной» обратной связи); 4) выхолаживание атмосферы, обусловленное аэрозолями, сдерживающее повышение приземной температуры воздуха (ПТВ); 5) возрастание среднеглобального содержания водяного пара в атмосфере, усиление осадков и испарения, а также интенсификация глобального круговорота воды; 6) интенсификация «режима Эль Ниньо», что сопровождается сдвигом зон осадков на восток; 7) ослабление термохалинной циркуляции (ТНС), порождающее ослабление потепления в Северной Атлантике [8; 22]; 8) интенсивное проникновение потепления в глубину океана в высоких широтах.

Эти факты в изменении глобального климата далеко не всегда согласуются с концепцией антропогенного «глобального потепления» [23]. В частности, существует неадекватность моделей климата применительно к условиям Арктики [27]. В большинстве случаев рассчитанные тренды атмосферных характеристик слабее наблюдаемых. Вычисленное потепление климата оказалось наиболее значительным осенью над Арктическим океаном, тогда как наблюдаемое потепление сильнее всего проявлялось зимой и весной над континентами. В последние десятилетия наблюдается пространственное распространение погодных аномалий на многие регионы Земли.

Большинство моделей, в которых учтены как парниковые газы, так и сульфатные аэрозоли, согласуются с данными наблюдений за последние 50 лет. Однако модельные расчеты не объясняют потепление климата при учете только антропогенных факторов, и оказываются вполне адекватными, если принять во внимание как природные, так и антропогенные воздействия [8].

Возможно, что хорошее согласие рассчитанного и наблюдаемого векового хода ПТВ в значительной степени обусловлено случайной взаимной компенсацией погрешностей. Иллюстрацией неадекватности результатов численного моделирования являются их расхождения с наблюдениями относительно изменений температуры у земной поверхности и в свободной тропосфере. Согласно моделям, повышение температуры в тропосфере должно быть более быстрым, чем вблизи земной поверхности, тогда как наблюдения за период 1979–2000 гг. показывают, что повышение температуры в свободной тропосфере происходит более медленно, а, возможно, и отсутствует вообще, что может объясняться терригенной природой аэрозолей, имеющих значительное время жизни, особенно при вулканических извержениях.

Необходимо учитывать два противоположных фактора: антропогенно обусловленное потепление за счет роста концентрации CO_2 (усиления парникового эффекта) и похолодание, порожденное чисто рассеивающим сульфатным аэрозолем [7]. Численное моделирование климата привело к выводу, что наблюдавшиеся изменения теплосодержания океана можно объяснить главным образом ростом концентрации парниковых газов в атмосфере, но имеется большая неопределенность оценок РВВ за счет сульфатного аэрозоля и вулканических извержений. Следовательно, основной причиной неадекватности моделей климата [5; 6; 24] является неучет роли атмосферных аэрозолей, а также того обстоятельства, что климатическая система открыта по отношению к внешним космическим воздействиям. Согласие наблюдений и расчетов представляет собой результат подгонки, даже с точки зрения одного лишь климатообразующего фактора – атмосферных аэрозолей. В модельных расчетах практически не учитывается, что аэрозоли – не только рассеивающий, но и поглощающий компонент атмосферы [2; 4; 14; 15; 16].

Внезапные изменения климата особенно существенны в периоды перехода кли-

мата из одного состояния в другое, которые могут инициировать тектонические, в частности, вулканические процессы. Это, как и антропогенные воздействия на климат, может способствовать смещению климатической системы в сторону порогового уровня, что повышает вероятность внезапных изменений климата.

Трудности более долговременного предсказания катастрофического явления обусловлены хаотичностью тектонических процессов в сложно построенной земной коре, многообразием физических процессов, трудным учётом триггерных механизмов малых внешних возмущений, ведущих к взрывному развитию явления. Оптимистично настроенные исследователи считают, что можно использовать экспериментально установленные факты возникновения предвестников в очаге будущего землетрясения или вулканического извержения, а также успехи теории вероятностного прогноза катастрофы в условиях детерминированного хаоса.

Естественные и антропогенные факторы изменения климата. Некоторые результаты в области исследований изменения глобального климата не согласуются с концепцией антропогенного «глобального потепления». В частности, существует неадекватность моделей климата применительно к условиям Арктики. В большинстве случаев рассчитанные тренды атмосферных характеристик слабее наблюдаемых. Вычисленное потепление климата оказалось наиболее значительным осенью над Арктическим океаном, тогда как наблюдаемое потепление сильнее всего проявлялось зимой и весной над континентами. В последние десятилетия наблюдается пространственное распространение погодных аномалий на большие регионы, включая весь земной шар.

Усиление потепления климата в высоких широтах СП – характерный признак антропогенно обусловленного глобального потепления. Из анализа данных прямых измерений ПТВ на станциях «Северный Полюс» за 30 лет и дендроклиматических косвенных данных за последние 2–3 столетия следует, что упомянутого однородного усиления потепления не наблюдалось, а изменения климата как последнего столетия, так и десятилетий характеризовались сильной пространственно-временной неоднородностью: в Арктике одновременно формировались регионы как потепления, так и похолодания климата [19; 20].

Модельные расчеты не объясняют потепление климата при учете только ан-

тропогенных факторов, но оказываются вполне адекватными, если принять во внимание как природные, так и антропогенные воздействия (за счет парниковых газов и сульфатного аэрозоля). Численное моделирование реакции на только природные возмущающие воздействия не объясняет потепления во второй половине XX-го века. Этот вывод основан на анализе результатов численного моделирования изменения среднеглобальной ПТВ за последние 50 лет, из которых следует, что учет природно обусловленных возмущающих воздействий (солнечная активность, вулканические извержения) продемонстрировал похолодание климата (главным образом за счет крупных извержений, происшедших в 1982 и 1991 гг.), что позволило считать мало вероятным влияние лишь природных факторов климата [9].

По данным спутниковых наблюдений (начиная с 1979 г.), тренд среднеглобальной температуры нижней тропосферы (0–8 км) составил $+0,07^{\circ}\text{C}/10$ лет [9; 10]. Согласно данным аэрологических зондирований, имело место повышение среднеглобальной температуры нижней тропосферы, составившее около $0,03^{\circ}\text{C}/10$ лет и значительно уступающее росту ПТВ (примерно $0,15^{\circ}\text{C}/10$ лет) [14].

Авторы [14] выполнили численное моделирование изменений ПТВ с учетом наблюдавшегося роста концентрации ПГ и заданного повышения содержания сульфатных аэрозолей в тропосфере, влияние которого оценено путем эквивалентного изменения альbedo земной поверхности. Рассчитанное значение ПТВ составило $-0,2^{\circ}\text{C}$ и было обусловлено главным образом изменениями условий облачности и влажности почвы.

Пространственная структура и изменчивость высоты тропопаузы, определяемой по «холодной точке» (минимуму температуры) вертикального профиля температуры, определяются главным образом волнообразными флуктуациями, подобными волнам Кельвина.

Таким образом, необходимо учитывать всегда два противоположных фактора: антропогенно обусловленное потепление за счет роста концентрации CO_2 (усиления парникового эффекта) и похолодание, порожденное чисто рассеивающим сульфатным аэрозолем. Согласие наблюдений и расчетов представляет собой результат подгонки и в действительности отображает расхождение, а не согласие, которого не может быть по определению. Даже с точки зрения одного лишь климатообразую-

щего фактора – атмосферных аэрозолей. Давно и хорошо установлен тот факт, что аэрозоли – не только рассеивающий, но и поглощающий компонент атмосферы [5–7; 14–16]. Современные модели климата неадекватны [1–3; 13; 17; 18], что побуждает рассматривать их как всего лишь первоначальный этап развития численного моделирования климата.

Из некоторых оценок следует, что роль CO_2 как ПГ может сравняться с вкладом метана и окажется существенной также как фактор снижения качества воздуха на большей части СП. Концентрация метана в атмосфере возросла по сравнению с имевшей место (по косвенным данным) в 1750 г. в 2,5 раза и продолжает увеличиваться. Особый интерес представляет динамика закиси азота, включая проблему палеовариаций. Анализ динамики круговорота N_2O за последние 106 тыс. лет, приводит к выводу, что к концу последнего периода оледенения океанические выбросы N_2O в атмосферу возросли на $40 \pm 8\%$, что имеет важное значение для процесса круговорота углерода.

В последние десятилетия наблюдается пространственное распространение погодных аномалий на большие регионы, включая весь земной шар. Поэтому исключительно важное значение имеют дальнейшие исследования различных мод общей циркуляции атмосферы и океана и соответствующее совершенствование моделей общей циркуляции. В регионах холодного климата образование снежного покрова сопровождается сильным ростом альbedo, что благоприятствует дальнейшему похолоданию (так называемый «альбедный эффект»). Существенные климатические обратные связи ассоциируются с динамикой термохалинной циркуляции.

Численное моделирование климата привело к выводу, что наблюдавшиеся изменения теплосодержания океана можно объяснить главным образом ростом концентрации парниковых газов в атмосфере, но имеется большая неопределенность оценок РВВ за счет сульфатных аэрозолей и вулканических извержений [6; 7; 18].

Внезапные изменения климата особенно существенны в периоды перехода климата из одного состояния в другое. Поэтому если антропогенные воздействия на климат могут способствовать смещению климатической системы в сторону порогового уровня, то это означает возможность повышения вероятности внезапных изменений климата. При этом, важное значение имеет не только величина, но и

скорость антропогенного воздействия на климатическую систему. Более быстрое потепление климата должно способствовать более сильному ослаблению термохалинной циркуляции, что благоприятствует ускорению смещения к пороговому уровню изменений климата (в этих условиях динамика термохалинной циркуляции становится менее предсказуемой). Трудности идентификации и количественной оценки всех возможных причин внезапных изменений климата, низкая предсказуемость вблизи пороговых уровней свидетельствуют о том, что проблема внезапных изменений климата будет всегда отягощена более серьезными неопределенностями, чем проблема медленных изменений [17; 18].

Особый интерес в плане внезапных изменений климата представляют аэрозоли, возникающие в результате глобальных катастрофических явлений, которые могут служить спусковым механизмом внезапного изменения климата, и, которые практически всегда связываются с солнечным влиянием на земные процессы [2]. Физические механизмы этого влияния далеко не всегда ясны. Хотя достаточно основательно рассмотрены проблемы взаимодействия солнечных радиационных потоков на земные магнитосферу, ионосферу, атмосферу и подстилающую поверхность, однако процессы гравитационного и, возможно, электрического взаимодействия Солнца и Луны с внутренней частью Земли исследованы совершенно недостаточно. Учитывая массу взаимодействующих при этом объектов, а, следовательно, и энергетику происходящих в ней процессов, важность этих взаимодействий очевидна.

Например, вклад терригенных аэрозолей, возникающих при различных тектонических процессах и при выветривании почвы, в общее содержание атмосферных аэрозолей составляет примерно 40%. Но для больших высот ($z > 10$ км), где влияние рассеивающего солнечную радиацию фактора на радиационный режим атмосферы существенно, этот вклад может быть больше, в первую очередь за счёт аэрозолей вулканического происхождения. Причём особый интерес представляют аэрозоли, возникающие в результате глобальных катастрофических явлений, во время мощных вулканических извержений эруптивного типа, вносящие наиболее существенный вклад в изменчивость оптических характеристик атмосферы и, следовательно, – в глобальные изменения климата [7; 8; 23; 24; 27], и связаны с солнечным влиянием на климат Земли [2]. Выбранный в

стратосферу вулканический материал по актинометрическим наблюдениям существует в ней более года, то есть наблюдается флуктуации радиационного и температурного режима в средней атмосфере длительностью не менее года. Причём влияние аэрозолей как ядер конденсации на образование облачных систем и изменение глобального альbedo планеты Земля может быть существеннее, чем просто рассеивающего и поглощающего солнечную радиацию материала в разных слоях атмосферы. В нижних слоях атмосферы выделение и поглощение теплоты фазовых переходов по величине сравнимы с радиационными эффектами. При этом возникают динамические процессы, которые ещё более усложняют физическую картину.

Собственно пылевые частицы опускаются до тропосферы за несколько месяцев в зависимости от размеров частиц и высоты их выброса. Однако практически наблюдаемая более длительная замутнённость стратосферы обусловлена в первую очередь длительными процессами образования аэрозольных частиц очень малых размеров из газовой фазы вулканического материала (сернистый газ, водяной пар, хлориды, окислы азота и т.п.) [7]. Другой причиной длительного существования аэрозольного материала в высоких слоях атмосферы являются последовательные интенсивные извержения одного или нескольких вулканов после первого мощного извержения. В частности, наблюдается определённая связь между солнечной активностью – количеством солнечных пятен и извержениями, а также между вулканической активностью и изменением скорости вращения Земли. Для исследования последней были использованы данные, представленные в монографии [11].

Устанавливалась связь амплитуды вулканической активности (учитывающей число мощных извержений и их балльность) и скорости изменения частоты вращения Земли $\Delta v / \Delta t$. Для данных с 1860 по 1886 г. наблюдается сильная корреляция между изменениями скорости вращения и интенсивностью эруптивных извержений. Предположительно основными внешними (геофизическими и космическими) факторами триггерного воздействия на возникновение землетрясений и вулканических извержений могут являться: 1) солнечная активность, 2) скорость вращения Земли, 3) земные приливы, 4) различные геомагнитные явления и 5) метеорологические факторы.

Космические факторы, в частности рота-ционные силы, создают очень слабые напряжения, не превышающие 0,1 Па, а приливные силы в результате взаимодействия Луны, Солнца и Земли провоцируют напряжения до 10 Па. Ось вращения Земли испытывает периодические колебания и вынужденную нутацию с гармониками, обусловленными относительными положениями Солнца, Луны и Земли, основные из которых имеют периоды 13,7 суток, 27,6 суток, 6 месяцев, 1 год, 18,6 лет. Гармоника с периодом 18,6 лет имеет максимальную амплитуду $\cong 9''$. К этим колебаниям добавляются колебания, связанные со свободной периодической прецессией Земли – Чандлеровский период (1,2 года), а также кратные и почти кратные ему, и однолетний цикл, связанный с сезонной циркуляцией.

Из Фурье-анализа гармоник индекса SOI, выполненных в [9], следует, что основными гармониками угловой скорости вращения Земли (больше 1,5 года) являются: 1–2,1; 2–2,54; 3–2,74; 4–3,58; 5–4,58; 5–6,07; 7–10,4; 8–11,9; 9–18,7. Первые четыре связаны со свободной нутацией Земли, 6-я и 9-я – со взаимодействием с Луной, 7-я соответствует цикличности солнечной активности, 8-я обусловлена взаимодействием с Юпитером, 5-я – неясно. Цикличность угловой скорости вращения Земли вокруг своей оси с периодами в 2,1, 2,4, 2,8, 3,6, 6 лет, соответствующая гармоникам 1, 2, 3, 4, 6 вызвана чередующимися явлениями Эль-Ниньо или возникновение Эль-Ниньо связано со свободной нутацией Земли. На свободную нутацию Земли накладывается в первую очередь её взаимодействие с Луной. Также присутствуют гармоники, связанные с Солнцем и обусловленные, видимо, вращением Юпитера вокруг Солнца, периодичность которого должна отражаться на Солнце. Известно, что в спектре временного хода чисел Вольфа присутствует помимо 11-летнего цикла солнечной активности ещё и близкий к нему цикл, связанный с движением Юпитера. Гармоника 8 является достоверной и большой по амплитуде, не взирая на то, что погрешность её определения невысока. С учётом погрешности её можно причислить к влиянию Солнца (влияние основного 11-летнего цикла солнечной активности). В свою очередь Эль-Ниньо должно влиять на тектонические напряжения в земной коре: движения океана и атмосферы вносят коррекцию в скорость вращения Земли вокруг своей оси. Вероятно, механизм явления Эль-Ниньо – это

возникновение сильного толчка, приводящего к появлению течений, переносящих тепло на запад Тихого океана вследствие изменения параметров гравитационного взаимодействия Земли с другими телами Солнечной системы [9]. Обладая упругостью, Земля под влиянием приливообразующих сил деформируется, и внутри нее происходит перераспределение масс, обуславливая возникновение дополнительных сил. Такое возмущение индуцирует дополнительный гравитационный потенциал, возникающий от соответствующих деформаций.

Существует большое количество факторов, вызывающих изменения локальных полей напряжений. Например, постоянно действующая сила гравитации, которая не производит тектонической работы, но влияет на формирование местного поля напряжений. Дополнительные источники напряжений в земной коре связаны с участками разогрева, местного плавления, вулканизма. Возникающие при этом термонапряжения действуют на ограниченном пространстве, искажая более обширное поле напряжений, и могут быть причиной триггерных процессов сброса напряжений.

В последние годы развиваются идеи о значительно более важной роли процессов дегазации ядра Земли в ряде геофизических и метеорологических явлений [11], чем это принято считать: наличие на Земле постоянных бароцентров, аномальные атмосферные явления, корреляционно связанные с геофизическими

В [6] рассматривается связь с вулканическими процессами. Особенно важными для развития математических моделей тектонических процессов являются гипотезы о более высокой подвижности тектонических плит, чем принято (вместо 0,1–1 мм/год – десятки см/год [11]), а также пульсационная (гидридная) теория увеличения и уменьшения объёма Земли при её постепенном расширении.

Как уже утверждалось ранее, наиболее существенный вклад в изменчивость оптических характеристик атмосферы вносят мощные вулканические извержения эруптивного типа, для которых наблюдается определённая связь между солнечной активностью – количеством солнечных пятен и извержениями. Масс-спектрометрический анализ выбрасываемого вулканического материала показывает, что вода составляет 95% от всех газов вулканического происхождения. Очевидно, во время тектонических процессов морская вода в

случае быстрого «катастрофического» раздвижения участка коры и образовании гигантской полости заполняет последнюю. Заполнение этой полости водой, а не магмой, обладающей значительно большей вязкостью, реализуется при расслаивании и разломе плиты. Последующий нагрев воды и высокое давление среды ведут к изменению физико-химических свойств воды: она приобретает свойства кислоты и растворяет дно и потолок плиты, утоньшая их до состояния, в котором возможен прорыв водой, находящейся в сверхкритическом состоянии.

Тренд общего содержания аэрозолей в атмосфере. Анализ данных по аэрозольным загрязнениям с 1980 по 1990 гг. обнаруживает определённую тенденцию уменьшения содержания аэрозолей в этот период. Возможно, это обусловлено падением общего содержания аэрозолей после извержений вулканов Сант-Хеленс и Эль-Чичон. В то же время обнаруживается тенденция убывания концентрации взвешенных веществ в воздухе зарубежных городов Калькутты, Афин, Мадрида, Милана за десятилетний период с 1975 по 1985 гг. [1]. Сопоставление этих результатов позволяет сделать вывод, что убывание концентрации аэрозолей имеет явно не антропогенное происхождение, поскольку объём антропогенных выбросов в мире в 80^х годах почти не уменьшался.

Если полагать, что в данном случае существенно уменьшается фоновая компонента, обусловленная естественными природными процессами, то полученный результат отражает многолетнюю динамику существования атмосферных аэрозолей.

Данные многолетних рядов наблюдений свидетельствуют о наличии волнообразных изменений концентрации аэрозолей в нижней атмосфере, обусловленных естественными причинами, период колебаний которых близок к известному 11-летнему циклу. Анализ возможных причин появления длительных трендов счетной концентрации аэрозолей свидетельствует, что убывание концентрации антропогенных аэрозолей объясняет не более 15% изменения их величины, при общем изменении в несколько раз. Анализ других причин такой цикличности привел к выводу, что они создаются многолетней изменчивостью общей циркуляции атмосферы и, в частности, перестройкой зональной компоненты на меридиональную. Уменьшение счетной концентрации аэрозолей над территорией Западной Сибири в период

с 1984 по 1990 гг. сопровождалось уменьшением над этой территорией количества восточных форм циркуляции и небольшим ростом западной и меридиональных форм. Данные за 1983 и 1991 гг. отклоняются от этой тенденции. Аналогичный вывод можно сделать, обратившись к индексам циркуляции Каца: падение концентрации аэрозолей происходит на фоне общего роста интенсивности зональной формы циркуляции при относительно небольших вариациях интенсивности меридиональной.

Тренд концентрации аэрозолей в середине 80-х годов был обусловлен циркуляционными процессами: увеличением повторяемости и интенсивности зональной западной циркуляции при повышении повторяемости меридиональной циркуляции без существенного изменения ее интенсивности. Это подтверждается и ростом индекса циркуляции Блиновой, который представляет собой отношение линейной скорости движения воздуха вдоль круга широты к расстоянию до оси вращения Земли. Этот индекс с 1984 по 1989 гг. вырос с 34 до 42, т.е. интенсивность зональной циркуляции в этот период возрастала. При усилении интенсивности западного зонального потока над Уральскими горами увеличивается вероятность образования высотного гребня давления, который выполняет блокирующую роль. На территорию Западной Сибири начинают поступать воздушные массы с Северного Ледовитого океана по ультраполярным траекториям. На фоне усиления интенсивности западной зональной циркуляции одновременно имеет место повышение повторяемости блокирующих процессов над Уралом с 16% в 1983 г. до 30% в 1988 г. Отсюда следует, что тренд концентрации аэрозолей обусловлен сложением двух процессов: 1) повышением повторяемости умеренных воздушных масс, поступавших с Атлантического океана по зональным траекториям, и 2) изменением траектории арктических масс, которые попадали на территорию Западной Сибири не через Европейскую территорию России, а по ультраполярным (меридиональным) траекториям с Карского моря. Поэтому арктические массы были более чистыми [1].

Такой вывод следует также из анализа данных химического состава аэрозолей. За рассматриваемый период в составе аэрозолей значительно возросло содержание NH_4^+ , и Na^+ , которые относятся к морским аэрозолям. Из роста этих компонентов можно исключить антропогенный фактор.

Окончание следует

- [1] Белан Б.Д., Толмачев Г.Н. Временная изменчивость аэрозоля над Западной Сибирью в тропосфере // *Оптика атмосферы и океана*. Т.9. – 1996, № 1. – С. 99–105.
- [2] Ивлев Л.С. Начала физики погоды- и климатообразования. Ч. 1. Т. 2. Влияние аэродисперсных систем на динамические и другие климатообразующие процессы в атмосфере. Природные и техногенные аэрозоли. – СПб.: ВВМ, 2009. – 285 с.
- [3] Ивлев Л.С., Волгин В.М. Вулканы, как тепловые машины // *Международная конференция «Естественные и антропогенные аэрозоли. VI. 7–10.2008 г.» / Сборник трудов*. – СПб.: ВВМ, 2009. – 89–93 с.
- [4] Ивлев Л.С. Кондратьев К.Я. Хворостовский С.Н. Влияние космического мусора на состав, оптические свойства и физические процессы в верхней и средней атмосфере // *Оптический журнал*. Т. 68. – 2001, № 4. – С. 3–12.
- [5] Кондратьев К.Я. Глобальные изменения климата: данные наблюдений и результаты численного моделирования // *Исследования Земли из космоса*. – 2004, № 2, С. 61–96.
- [6] Кондратьев К.Я., Ивлев Л.С. О воздействии антропогенного аэрозоля на климат // *Доклады АН*. Т. 340. – 1995, № 1. – С. 98–100.
- [7] Кондратьев К.Я., Ивлев Л.С., Крапивин В.Ф. Свойства, процессы образования и последствия воздействий атмосферного аэрозоля: от нано – до глобальных масштабов. – СПб.: ВВМ, 2007. – 858 с.
- [8] Маккитрик Р. Тренды в данных о температуре воздуха, полученные с учетом внутренне обусловленной корреляции // *Изв. Русского геогр. об-ва*. Т. 134. – 2002, вып. 3. – С. 16–24.
- [9] Никольский Г.А., Черкасов А.А. Факторы, формирующие Эль-Ниньо, связанные с движением Земли // *Материалы между. конференции «Естественные и антропогенные аэрозоли» 29.09–04.10.1997*. – СПб.: НИИ Химии СПбГУ, 1998. – С. 73–82.
- [10] Сидоренков Н.С. Атмосферные процессы и вращение Земли. – СПб.: Гидрометеиздат, 2002. – 366 с.
- [11] Сывороткин В.А. Глубинная дегазация Земли и глобальные катастрофы. – М.: Геоинформцентр, 2002. – 250 с.
- [12] Anastasio C., Martin S.T. Atmospheric nanoparticles // *Rev. Miner. And Geochem*. V. 44. – 2001. – P. 293–349.
- [13] Angell J.K. Effect of exclusion of anomalous tropical stations on temperature trends from a 63-station radiosonde network and comparison with other analyses // *J. Climate*. V. 16. – 2003, № 13. – P. 2288–2295.
- [14] Christy J.R., Spencer R.W. Reliability of satellite data sets // *Sci*. V. 301. – 2003, № 5636. – P. 1046–1047.
- [15] Collins M., Senior C.A. Projections of future climate change // *Weather*. V. 57. – 2002, № 8. – P. 283–287.
- [16] Essex C., McKittrick R. Taken by Storm. The Troubled Science, Policy and Politics of Global Warming. – Toronto: Key Porter Books, 2002. – 320 p.
- [17] Haigh J.D. Climate variability and the influence of the Sun // *Sci*. V. 294. – 2001, № 5549. – P. 2109–2111.
- [18] Han J.-H., Hung H.-M., Martin S.T. Size effect of hematite and corundum inclusions on the efflorescence relative humidities of aqueous ammonium nitrate particles // *J. Geophys. Res*. V. 107. – 2002, № 9–10. – P. AAC3/1–AAC3/10.
- [19] Hanson D.R., Eisele F.L. Measurement of prenucleation molecular clusters in the NH₃, H₂SO₄, H₂O system // *J. Geophys. Res*. V. 107. – 2002, № D12. – P. AAC10/1–AAC10/18.
- [20] Heintzenberg J., Okada K., Luo B.P. Distribution of optical properties among atmospheric submicrometer particles of given electrical mobilities // *J. Geophys. Res*. V. 107. – 2002, № D11. – P. AAC2/1–AAC2/10.
- [21] Jaworowski Z. Sun rules the climate // *21st Century Science and Technology*. Winter 2003/2004. – 2003. (In print).
- [22] Kondratyev K.Ya. *Multidimensional Global Change* // Chichester, U.K.: Wiley/PRAXIS, 1998. – 761 pp.
- [23] Kondratyev K.Ya. Key issues of global change at the end of the second millennium // *Our Fragile World: Challenges and Opportunities for Sustainable Development*. V. 1. – EOLSS Vorruner, 2001. – P. 147–165.
- [24] Kondratyev K.Ya., Cracknell A.P. *Observing Global Climate Change*. – L.: Taylor & Francis, 1999. – 562 p.
- [25] Lean J., Rind D. Earth's response to a variable Sun // *Sci*. – 2001, v. 292. – P. 234–236.
- [26] Metzger S., Dentener F., Pardis S., Lelieveld J. Gas/aerosol partitioning. 1. A computationally efficient model // *J. Geophys. Res*. V. 107. – 2002, № D16. – P. ACH16/1–ACH16/24.
- [27] Metzger S., Dentener F., Krol M., Jenken A., Lelieveld J. Gas/aerosol partitioning. 2. Global modeling results // *J. Geophys. Res*. V. 107. – 2002, № D16. – P. ACH17/1–ACH17/23.
- [28] Moritz R.E., Bitz C.M., Steig E.J. Dynamics of recent climate change in the Arctic // *Sci*. – 2002, v. 297. – P. 1497–1502.
- [29] Narukawa M., Kawamura K., Hatsushika H., Yamazaki K., Li S.-M., Bottenheim J.W., Anlauf K.G. Measurement of halogenated dicarboxylic acids in the Arctic aerosols at polar sunrise // *J. Atmos. Chem*. – 2003, v. 44/ – P. 323–335.
- [30] Oreopoulos L., Marshak A., Cahalan R.F. Consistency of ARESE II cloud absorption estimates and sampling issues // *J. Geophys. Res*. V. 108. – 2003, № D1. – P. 13/1–13/16.
- [31] Quinn P.K., Miller T.L., Botes T.S., Ogren J.A., Andrews E., Shaw G.E. A 3-year record of simultaneously measured aerosol chemical and optical properties at Barrow, Alaska // *J. Geophys. Res*. V. 107. – 2002, № D11. – P. AAC8/1–AAC8/15.
- [32] Quinn P., Bates T. Comparison of regional aerosol chemical and optical properties from the European, Asian, and North American plumes // *IGACTiv Newsletter*. – 2003, № 28. – P. 24–30.
- [33] Shamir N.J., Veizer J. Celestial driver of Phanerozoic climate? // *GSA Today*. V. 13. – 2003, № 7. – P. 4–10.
- [34] Stratospheric Processes and their Role in Climate (SPARC). A Project of the WMO/ICSU/IOC World Climate Research Programme (WCRP). SPARC Assessment of Stratospheric Aerosol Properties. Febr. 2006. WCRP-124, WMO/TD № 1295, SPARC Report № 4. – 322 pp.

В.В. Дроздов, Н.П. Смирнов, Г.Т. Фрумин, А.В. Косенко

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КЛИМАТООБРАЗУЮЩИХ ПРОЦЕССОВ НА ОКЕАНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЖИМ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЧУЖЕРОДНЫХ ВИДОВ, ПРИВОДЯЩИХ К БИОЛОГИЧЕСКОМУ ТРАНСГРАНИЧНОМУ ЗАГРЯЗНЕНИЮ*

Рассмотрены особенности многолетней изменчивости притока высокосоленых вод из Северного моря в Балтийское. Проанализировано и обосновано влияние климатообразующих процессов и природных механизмов, приводящих к возникновению интенсивных затоков североморских вод и их влияние на распространение чужеродных видов. Выполненный комплексный анализ причин динамики водообмена показал высокую степень зависимости его параметров от значений объема стока рек Швеции и уровня режима в юго-западных районах Балтики и пр. Каттегат. Показано, что параметры речного стока и интенсивность водообмена между морями находятся в свою очередь в высокой степени зависимости от степени и характера атмосферной циркуляции над Северной Атлантикой в целом, в качестве показателя которой использовались различные варианты индексов Северо-Атлантического колебания (North Atlantic Oscillation – NAO).

Ключевые слова:

Балтийское море, динамика климата, трансграничное биологическое загрязнение, океанологический водообмен, океанологический режим, чужеродные виды.

В последние десятилетия одним из основных приоритетов в научных исследованиях учёных всего мира стало изучение колебаний климата на планете и их возможных последствий. Климатические изменения способны в значительной степени повлиять на ход широкого спектра естественных процессов, таких как океанологические, гидрологические и гидробиологические. При этом колебания климата и связанные с ним процессы изменения температурного режима воздуха, воды, режима осадков, водности рек, а также показателей биопродуктивности способны оказывать существенное и в некоторых случаях определяющее воздействие на интенсивность развития экономики ряда регионов России.

Перенос чужеродных морских организмов в новые для них природные условия с балластными водами судов и на их внешней обшивке, либо иными путями, определен Глобальным экологическим фондом (ГЭФ) как одна из четырех наиболее существенных угроз для Мирового океана [4; 5]. На долю морского транспорта приходится более 80% мировых перевозок, при которых ежегодно по всему земному шару перевозится от 3 до 10 млрд т водяного балласта. Водяной балласт является

незаменимым для безопасной и эффективной эксплуатации современного морского транспорта, обеспечивая остойчивость судов. Однако балластные воды могут представлять серьезную угрозу как для природы и экономики, так и для здоровья людей. В водяном балласте могут содержаться сотни видов морских организмов, чьи небольшие размеры позволяют им легко попасть в танки через отверстия приемных кингстонов. Ущерб окружающей среде от инвазивных чужеродных видов может значительно превышать отрицательные последствия всех других антропогенных факторов, в том числе токсического загрязнения [6; 8; 19; 21]. В отличие от большинства загрязняющих веществ антропогенного происхождения, которые в природных экосистемах в ходе процессов самоочищения обычно разрушаются и поддаются эффективному контролю со стороны человека, успешно вселившиеся чуждые организмы могут размножаться и распространяться в окружающей среде часто с непредсказуемыми и необратимыми последствиями. Оказавшись в новой среде, где нет обычных для них паразитов и хищников, чужеродные виды часто размножаются в огромных количествах. В результате конкуренции или выедания они могут по-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ по гранту 14.В37.21.0651 «Разработка методов квотирования биогенных нагрузок и снижения рисков химического и биологического загрязнения трансграничных водных объектов на основе комплексного анализа данных гидрометеорологического мониторинга».

давливать или полностью вытеснять местные виды, что приводит к упрощению структуры сообщества и снижению его устойчивости к внешним воздействиям. Вселение чужеродных видов может способствовать ухудшению качества воды, распространению паразитов и болезней, в том числе опасных для человека [1; 2; 4–6; 19; 21].

К наиболее опасным чужеродным организмам, получившим распространение в морях Северо-Запада РФ, и в частности в Балтийском море, принадлежат двустворчатый моллюск дрейссена *Dreissena polymorpha*, китайский мохнаторукий краб *Eriocheir sinensis*, хищное планктонное ракообразное *Cercopagis pengoi*, гребневик мнемипсис *Mnemiopsis leidy*, токсичные сине-зеленые водоросли и другие виды, имеющие солоновато-водное и типично морское происхождение [5; 17; 20–22].

В целях координации действий по защите морской среды от трансграничного биологического загрязнения в 1992 г. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) предложила Международной морской организации (ИМО) создать эффективный механизм контроля, позволяющий снизить ущерб, наносимый «населением» балластных танков морских судов. Дипломатическая конференция, проходившая с 9 по 13 февраля 2004 г., приняла международную конвенцию по Контролю и управлению за корабельными балластными водами и отложениями [19]. Это новая международная конвенция принята с целью предотвращения потенциально разрушительных эффектов распространения вредных водных организмов, переносимых балластными водами судна.

В целом за последнее столетие в Балтийском море произошло расселение весьма значительного количества чужеродных видов. По литературным данным [1; 2; 5; 7; 17; 20; 21], уже к 1951 г. в Балтике появилось 14 новых видов (в течение XX-го в.), а к 1963 г. – 20. К 1999 г. количество чужеродных видов-интродуцентов во всех частях Балтийского моря увеличилось по сравнению с 1950-м в 2 раза, а в конце первого десятилетия XXI в. – в 2,5 раза. Во многих случаях быстрое распространение вселенцев объясняется наличием у многих из них в жизненном цикле свободно плавающей планктонной личинки.

Особенностью географического положения Балтийского моря является его значительная изолированность от открытого океана, по причине узости и мелководности Датских проливов и наличие значительного объема поступающего пресного

речного стока. В результате его акватории подвержены значительному опреснению, а полный обмен всей водной массы моря происходит не менее чем за 27 лет [15; 16]. Периодическая адвекция трансформированных североморских вод в южную и центральную части Балтики, обладающих повышенной соленостью и значительным содержанием растворенного кислорода, оказывает в основном положительное воздействие на морскую экосистему. Происходит значительное сокращению придонных сероводородных зон, улучшаются экологические условия воспроизводства организмов обладающих океаническим происхождением, расширяются ареалы и повышается урожайность ценных промысловых рыб [9–12]. Однако на этом фоне создаются благоприятные предпосылки для интенсивного расширения ареалов и успешной акклиматизации большинства наиболее опасных чужеродных видов.

Целью данной работы является обоснование природных механизмов влияния климатообразующих процессов на параметры водообмена Балтийского моря с Северным, океанологический режим и экологические условия, необходимые для распространения и акклиматизации в Балтике чужеродных видов перемещающихся с балластными водами судов.

Факторы формирования водообмена между Балтийским и Северным морями. В настоящее время механизм водообмена в Датских проливах, согласно мнению большинства исследователей [3; 7; 9; 11; 15; 16], представляется следующим образом. В районе Датских проливов и пролива Каттегат существует двухслойная система течений: в поверхностном опреснённом за счет значительного речного стока слое, водные потоки следуют в направлении Северного моря, формируя выходное течение, а в придонных горизонтах наблюдается проникновение солёных североморских вод в Балтийское море (входное течение). Такая система течений считается нормальной для данного района при малых скоростях ветра (до 5 м/с). При этом расходы верхнего потока могут значительно превосходить расходы нижнего. Так, при наличии антициклона над Центральной Европой, скорости ветра менее 8 м/с и значительном речном стоке, скорость течения на поверхности может в 20 раз превосходить придонные скорости. Прохождение циклонов с Северной Атлантики на восток и северо-восток сопровождается сильными западными ветрами. При этом система течений в проливах перестраи-

вается, и на всех горизонтах отмечаются входные потоки. В штормовых условиях в таких случаях в Балтийское море поступает огромное количество солёных вод. Так, в ноябре–декабре 1951 г. через проливы проследовало около 200 км³ североморских вод [16]. Сильные восточные ветры, напротив, благоприятствуют преобладающему выносу вод из Балтийского моря.

Таким образом, водообмен Балтийского моря с Северным, являясь весьма изменчивой характеристикой, может быть показателем характера и направленности взаимодействия водных масс этих морей. Крупномасштабная изменчивость атмосферных процессов, развивающихся над Северной Атлантикой и территорией Европейского континента, приводит к колебаниям соотношения уровня между Балтийским и Северным морями. Возникающие в этом случае потоки воды в проливах также являются одним из важных факторов водообмена. За счёт речного стока создаётся постоянный поток пресных вод различной интенсивности, направленный в Северное море. Компенсационное плотностное противотечение с незначительными по абсолютному значению скоростями потока составляет ещё один фактор водообмена.

Сезонная и многолетняя изменчивость параметров водообмена. В годовом ходе суммарный водообмен ($Q_{\text{сумм.}} = Q_{\text{приток}} + Q_{\text{отток}}$) характеризуется максимумами в весенние месяцы; в этот же период в большинстве случаев наблюдается наибольший отток воды из Балтийского моря ($Q_{\text{от.}}$), что определяется максимальными расходами рек в период весеннего половодья. Максимальный приток воды

в море ($Q_{\text{пр.}}$), как правило, имеет место в осенний и зимний периоды что в связи с усилением атмосферной циркуляции над морем и зоной проливов, что способствует поступлению вод в Балтику.

Межгодовая изменчивость водообмена между Балтийским и Северным морями и его составляющими проявляется в виде модуляций годового хода (изменений от года к году амплитуды, формы кривой, значений экстремумов) и долгопериодных колебаний. На рис. 1 представлены особенности многолетней изменчивости значений притока в Балтийское море и оттока. Данные с 1893 по 1975 гг. основываются на расчетах ЛОГОИН [16], данные с 1976 по 2005 гг. получены на основе материалов HELCOM [22].

В межгодовой изменчивости притока воды в Балтийское море можно выделить следующие главные особенности. С начала XX в. до 1920 г. и с 1940 г. до 1950-х гг. наблюдалось значительное возрастание приточной составляющей водообмена, причём наибольшие значения притока отмечались в последний период, когда максимумы, имевшие место в начале века, были превышены на 150 – 200 км³/год. В начале 1970-х годов снова было зафиксировано несколько максимальных значений притока, приближающихся к экстремальным, однако ясная тенденция к возрастанию притока не проявилась. Уменьшение поступления солёных североморских вод в Балтику было характерно для 90-х годов XIX в., для начала 1920-х гг. В период с 1920 по 1940 г. интенсивность притока находилась на низком уровне. Следующие периоды снижения притока пришлись

на конец 1950-х годов и середину 1980-х – начало 1990-х. В последний период наблюдалось самое значительное снижение интенсивности притока североморских вод в Балтику в XX в. Спектральный анализ приточной составляющей водообмена позволил выявить, что наиболее выраженный период ее изменчивости соответствует 56 годам. Выделяются также периоды длительностью 22, 18 и 3,4 года.

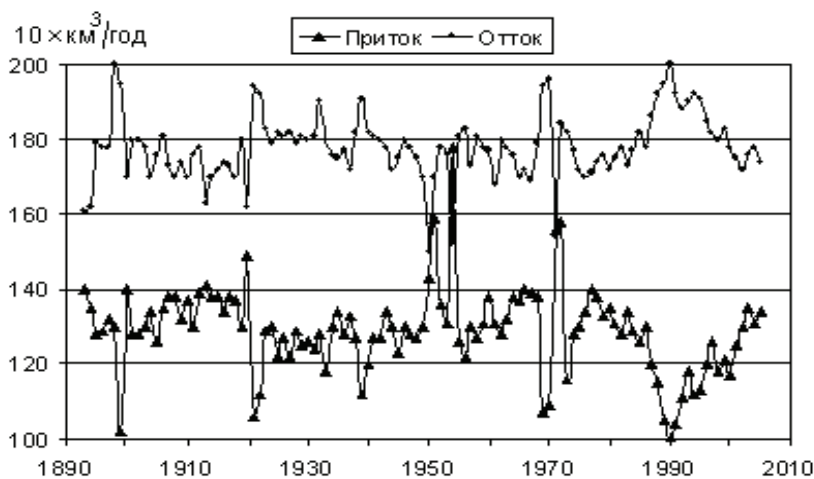

Рис. 1. Многолетняя динамика средних годовых значений приточной и отточной составляющих водообмена.

Влияние на водообмен значений разностей уровненной поверхности моря. Уровневая поверхность Балтийского моря формируется в результате совместного влияния таких факторов, как речной сток, водообмен с Северным морем, атмосферные осадки и испарение с поверхности моря, изменчивость атмосферного давления, скорости ветра, приливообразующих сил, циркуляции вод, и зависит также от колебаний земной коры и морфологических особенностей бассейна. Применительно к задачам настоящего исследования рассмотрение межгодовых и сезонных колебаний уровня представляется весьма обоснованным в силу того, что от величины разностей уровней в Балтийском и Северном морях может зависеть направленность водных потоков в зоне Датских проливов. Это в свою очередь определяет условия для проникновения в Балтику североморских вод, способных оказывать существенное влияние на режим моря.

Для целей сравнительного анализа динамики уровненной поверхности из совокупности имеющихся постов наблюдений были выбраны 7 наиболее репрезентативных, расположение которых представлено на рис. 2. Координаты пунктов следующие: Эсбьерг (Esbjerg) 58°28' с.ш., 08°26' в.д., Смоген (Smogen) 58°22' с.ш., 11°13' в.д., Гедсер (Gedser) 54°34' с.ш., 11°56' в.д., Кобенхавн (Kobenhavn) 55°41' с.ш., 12°54' в.д., Владиславово (Wladyslawowo) 54°48' с.ш., 18°25' в.д.

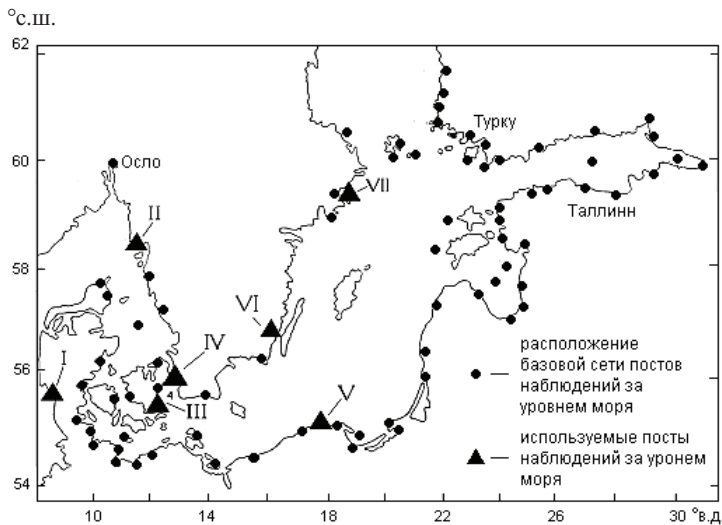

Рис. 2. Схема опорной сети уровневых постов Балтийского моря. Условным знаком и римскими цифрами обозначены посты наблюдений за уровнем, данные по которым используются в настоящей работе. I – Эсбьерг; II – Смоген; III – Гедсер; IV – Кобенхавн; V – Владиславово; VI – Кунгхольмсфорт; VII – Стокгольм.

Выбор конкретных пунктов был обусловлен, во-первых, наличием достаточно продолжительных рядов наблюдений (не менее 40 лет), во-вторых, расположением пунктов. Пункты Гедсер и Кобенхавн находится в зоне Датских проливов, пункт Смоген – в северной части пролива Каттегат, поэтому данные их наблюдений способны объективно отражать изменчивость уровня моря в районе наиболее тесного взаимодействия водных масс Балтики и Северного моря. Пост Эсбьерг расположен на западном побережье Дании. Данные его наблюдений отражают колебания уровня в восточной части Северного моря, непосредственно примыкающей к зоне проливов. Пост Владиславово отражает изменчивость уровня в юго-восточной части Балтики. Пост наблюдений Кунгхольмсфорт (Kungholmsfort) расположен на побережье Швеции около о. Эланд (54°48' с.ш., 18°25' в.д.).

Анализируя многолетние данные о динамике уровня моря на избранных постах наблюдений приходим к следующим выводам. На постах Эсбьерг и Гедсер проявляется общая тенденция к постепенному возрастанию уровня моря за весь рассматриваемый период, на посту Смоген – к снижению. Уровень на посту Кобенхавн демонстрирует незначительное возрастание только с начала 1970-х гг. По-видимому, данная ситуация может объясняться воздействием вертикальных движений земной коры, выражающихся в постепенном опускании территории Дании и поднятии территории Швеции. Колебания уровня моря, зарегистрированные на посту Владиславово, не позволяют однозначно говорить о наличии какой-либо заметной тенденции. Существенные возрастания уровня здесь были отмечены в 1967, 1981, 1989 гг., снижения – в 1960, 1969, 1984 гг. В сезонном ходе уровня для большинства районов Балтийского моря можно выделить два максимума и два минимума. Для зоны Датских проливов в годовом ходе уровня проявляется выраженный минимум в период с марта по май и максимум в августе (в западной час-

ном опускании территории Дании и поднятии территории Швеции. Колебания уровня моря, зарегистрированные на посту Владиславово, не позволяют однозначно говорить о наличии какой-либо заметной тенденции. Существенные возрастания уровня здесь были отмечены в 1967, 1981, 1989 гг., снижения – в 1960, 1969, 1984 гг. В сезонном ходе уровня для большинства районов Балтийского моря можно выделить два максимума и два минимума. Для зоны Датских проливов в годовом ходе уровня проявляется выраженный минимум в период с марта по май и максимум в августе (в западной час-

ти проливов) или в октябре (в восточной части). Для южного побережья Балтийского моря характерны два максимума: основной в августе и вторичный, менее значительный подъём уровня – в декабре. Проявление минимумов приходится соответственно на март–апрель и сентябрь–октябрь. В целом наиболее общими чертами в годовом ходе уровня Балтийского моря можно признать наступление минимумов в весенний период и в начале осени. Максимальные значения уровня приходятся на лето и позднюю осень.

Таким образом, в результате того, что осенью в Северном море, в проливах Скагеррак и Каттегат, отмечается высокое стояние уровня, а в Балтийском море в этот период – низкое стояние, складываются благоприятные условия для возрастания притока солёных североморских вод в Балтику. В связи с этим при исследовании особенностей механизма «влива» североморских вод следует обратить особое внимание на величины разностей уровней в осенний период.

При анализе многолетних значений уровней моря, осреднённые за три осенних месяца (сентябрь–ноябрь) для тех же пунктов наблюдений, что использовались при рассмотрении средних годовых колебаний уровней, выявляется следующая картина. Средний за осенний период уровень моря на посту Владиславово превышает соответствующий уровень на посту Гедсер практически на протяжении всего совместного периода наблюдений. Сравнивая значения уровней моря между постами Кобенхавн и Смоген можно заметить, что в период с 1911 по 1938 гг. уровень моря в северной части пролива Каттегат значительно (от 100 до 250 мм) превышал уровень в юго-западной Балтике. В дальнейшем, до 1984 г., для величин разностей уровня были свойственны несколько меньшие значения относительно предшествующего периода, которые, как правило, не превосходили 150 мм. С 1985 по 1993 гг. уровень моря в северной части пролива Каттегат превосходил уровень на посту Кобенхавн не более чем на 100 мм, кроме того, в 1978, 1985, 1990 и 1991 гг. наблюдалась обратная ситуация, когда уровень моря в Юго-западной Балтике превышал уровень на посту Смоген. Максимальное превышение уровня наблюдалось в 1990 г. и составило 82 мм применительно к средним значениям за осень. Применительно к средним годовым значениям превышение составило только 38 мм. При сравнении осреднённых за осенний период значений уровня

моря на постах Смоген и Гедсер обнаруживается, что в 1990 г. уровень на посту Гедсер превышал уровень на посту Смоген на 70 мм. Привлекая дополнительные данные, удалось установить, что уровень моря на посту Слипсхавн (Slipshavn, 55°17'с.ш., 10°50' в.д.), который располагается в зоне Датских проливов на 1°6' западнее пункта Гедсер, в 1990 г. также превысил уровень на посту Смоген на максимальное значение за весь совместный ряд наблюдений. Это превышение составило 140 мм за осенний период, тогда как использование средних годовых величин уровней даёт превышение только на 70 мм.

В целом на основе сравнительного анализа динамики уровней моря, можно с уверенностью говорить о том, что в самом начале 1990-х гг. имело место экстремальное возрастание уровня в юго-западной Балтике, что не могло способствовать возрастанию приточной составляющей водообмена между Балтийским и Северным морями и проникновению в Балтику значительного объёма солёной вод с высоким содержанием растворенного кислорода.

Подтверждением обнаруженных особенностей являются данные корреляционного анализа представленные в табл. 1. На рис. 3 показано сравнение величин разностей уровня между данными постами с приточной составляющей водообмена и солёностью в придонном горизонте Готландской впадины (горизонт 240 м).

Данные о динамике солёности и концентрации кислорода в придонных горизонтах Балтики получены на основе сведений ЛОГОИН (1951–1991 гг.) [16], АтлантНИРО (1980–2000 гг.) [13] и HELCOM (2000–2010 гг.) [22].

Влияние на параметры водообмена климатообразующих процессов и Северо-Атлантического колебания. Погода и климат Северной Атлантики и прилегающих к ней районов Северной Америки и Евразии в значительной мере зависят от атмосферной циркуляции над Северной Атлантикой, которая представлена системами Исландского минимума и Азорского максимума давления. Указанные системы называют центрами действия атмосферы. Благодаря им в умеренных широтах над Северной Атлантикой постоянно осуществляется перенос воздушных масс с запада на восток. Интенсивность переноса поддержана значительным колебанием во времени вследствие того, что параметры центров действия, т.е. их положение в пространстве и выраженность, варьируют. За меру интенсивности западного переноса

принимают разность атмосферного давления на станциях, расположенных около климатических центров действия [9; 14]. Эту разность давления, определяемую, как правило, в среднем за зимние месяцы, называют Северо-Атлантическим колебанием (North Atlantic Oscillation – NAO). Индекс атмосферной циркуляции NAO широко используется в мировой практике изучения колебаний климата и их причин.

Установлено, что возрастание интенсивности атмосферной циркуляции над северной Атлантикой сопровождается ростом скорости переноса тепла и влаги с океана в направлении Северной и Северо-Восточной Европы. В регионе Балтики в это время наблюдается потепление, происходит возрастание температур воздуха и воды, а также снижение площадей ледового покрова в зимнее время. Развитие циклонической деятельности приводит также к увеличению объема жидких и твердых атмосферных осадков, выпадающих на территорию Норвегии, Центральной и Северной Швеции и Финляндии. Рост интенсивности атмосферных осадков приводит к значительному увеличению расходов рек западной и северной частей водосборного бассейна в Балтику. Наличие положительного характера связи некоторых рек Прибалтики с Северо-Атлантическим колебанием можно объяснить исходя из предположения о некотором изменении траектории движения отдельных циклонов к юго-востоку при их движении над

континентом. Циркуляция поверхностных вод в Балтийском море, как и в большинстве других морей северного полушария, в целом носит циклонический характер, т.е. в направлении против часовой стрелки. В связи с этим есть основания полагать, что речные воды, поступающие в море с территории Швеции, в дальнейшем распространяются, в силу своей относительно малой плотности, преимущественно на юг и юго-запад. Усиление западного переноса будет способствовать развитию данной тенденции. Ее следствием будет являться определенное возрастание уровня моря в юго-восточной части Балтики, в особенности в мелководных и узких проливах Эрессун (Зунд) (уровенный пост Кобенхавн) и Малый Бельт (уровенный пост Гедсер), что в свою очередь ведет к замедлению процесса поступления водных масс из Северного моря. Получены положительные и значимые при 99%-м уровне обеспеченности коэффициенты корреляции между значениями среднего годового речного стока со Скандинавского полуострова в Балтику и средними годовыми значениями уровня моря на посту Гедсер (Дания) ($r = 0,434$) и Кобенхавн ($r = 0,461$), что подтверждает все вышесказанное.

В периоды снижения интенсивности атмосферной циркуляции над Северной Атлантикой увеличивается водность рек, бассейны которых располагаются на территории Германии и Польши, в то время как сток со Скандинавского полуострова

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между средними годовыми разностям уровней моря (ΔH) и значениями факторов морской среды в Готландской и Гданьской впадинах Балтики

Параметр	Временной сдвиг относительно ΔH , гг.	ΔH на постах в среднем за год		
		Смоген и Кобенхавн	Смоген и Гедсер	Владиславо и Гедсер
Соленость в Готландской впадине, 240 м	0	0,684**	0,576**	-0,144
	1	0,571**	0,527**	-0,196
	2	0,602**	0,501**	-0,145
Соленость в Готландской впадине, 100 м	0	0,312	0,293*	-0,126
	1	0,281*	0,272	-0,113
	2	0,187	0,165	-0,084
Соленость в Гданьской впадине, 100 м	0	0,314*	0,301*	-0,136
	1	0,341*	0,326*	-0,154
	2	0,338*	0,315*	-0,148
Кислород в Готландской впадине, 240 м	0	0,523**	0,483**	-0,265
	1	0,524**	0,433**	-0,218
	2	0,544**	0,431**	-0,201

Примечание. Коэффициенты корреляции, выделенные знаком «**», соответствуют 99% уровню обеспеченности, знаком «*» – 95% уровню обеспеченности.

снижается. Можно предположить, что подобная ситуация также могла бы привести к некоторому возрастанию уровня моря в юго-западной Балтике и к соответствующему ограничению поступления североморских вод. Однако в таком случае, между значениями индексов NAO и солёностью, а также концентрацией растворённого кислорода должны были быть получены положительные коэффициенты корреляции. Но результаты произведенных расчётов, свидетельствуют об обратном. Возрастание значений индекса NAOоб. сопровождается снижением значений солёности и концентрации растворенного кислорода в придонном горизонте Готландской впадины ($r = -0.445$ при $P = 99\%$).

Таким образом, необходимо признать, что уровень моря в юго-западной части Балтики и в южных районах Датских проливов зависит в основном от поступления речных вод из северных и северо-западных областей бассейна. Однако это не означает, что при низких значениях интен-

сивности атмосферной циркуляции над северной Атлантикой и соответственно сниженном стоке рек Швеции создаются благоприятные условия для проникновения в Балтику водных масс из Северного моря. Необходимо учесть, что при слабой активности циклонических процессов нельзя ожидать существенного возрастания уровня в Северном море, а, следовательно, и соответствующего напора в проливе Каттегат, что на фоне увеличения весенних расходов рек южных регионов также не позволит проникнуть в Балтийское море значительным по объёму атлантическими водными массам. Оптимальные условия для проникновения североморских вод в Балтику можно ожидать при значениях индексов NAO, близких к среднему.

Анализ степени и характера связей между Северо-Атлантическим колебанием и динамикой уровня моря в различных районах Балтики показал следующее. Многолетняя динамика уровня моря на большинстве используемых постах наблю-

дений демонстрирует наличие значимой связи с обобщенным индексом NAOоб. при отсутствии временного сдвига. Наибольшая степень тесноты связи с интенсивностью атмосферной циркуляции ($r = 0,512$ при $P = 99\%$) характерна для уровня моря на посту Кунгхолмсфорт (Kungholmsfort), который расположен на южном побережье Швеции. Уровень моря на посту Кобенхавн, который расположен в зоне Датских проливов, также демонстрирует наличие связи с NAOоб. при высоком уровне обеспеченности ($r = 0,421$ при $P = 99\%$). Наименьшая значимая теснота связи с интенсивностью атмосферной циркуляции над Северной Атлантикой характерна для уровня моря на посту Смоген, который расположен в северо-восточной части пролива Каттегат ($r = 0,223$ при $P = 95\%$). С уровнем моря в Стокгольме значимая связь

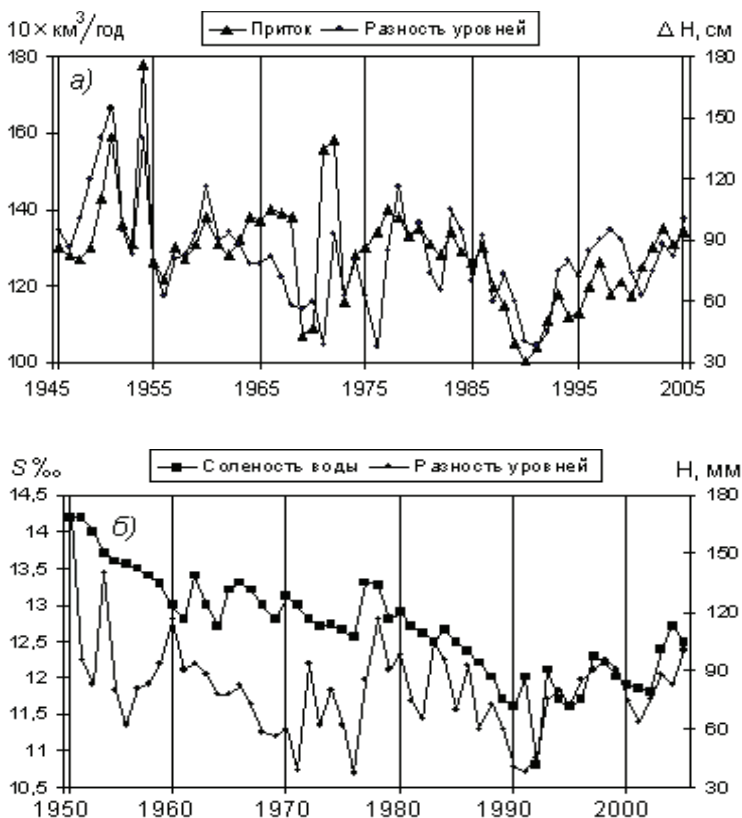

Рис. 3. Сравнение многолетней динамики значений средней годовой разности уровней моря на постах Смоген и Кобенхавн с приточной составляющей водообмена между Северным и Балтийским морями (а) и солёностью в придонном горизонте Готландской впадины (б).

отсутствует. Данные о динамике уровня Балтики, а также о речном стоке с различных участков бассейна моря получены из [22].

В целом рост интенсивности атмосферной циркуляции над Северо-Атлантическим регионом приводит к незначительному ($r = 0,302$ при $P = 95\%$) подъёму уровня моря у побережья западной Дании на посту Эсбьерг. В северо-восточной части пролива Каттегат, на посту Смоген, теснота связи с НАО ещё ниже. В связи с этим нельзя ожидать значительного поступления водных масс из Северного моря в Балтийское и возрастания уровня в собственно Балтийском море за счёт горизонтальной адвекции. Однако уровень моря на постах Кобенхавн и Кунгхолмсфорт, расположенных вблизи побережья Южной Швеции, демонстрирует достаточно высокую зависимость от Северо-Атлантического колебания. Весьма интересной особенностью оказалось то, что связь динамики интенсивности атмосферной циркуляции с разностями уровней моря между северной частью пр. Каттегат и юго-западными районами Балтики имеет отрицательный характер. Это является подтверждением вышесказанного о том, что в периоды роста НАО предпосылки для формирования мощного затoka не создаются.

Обобщив особенности многолетней динамики описанных выше гидрометеорологических характеристик, можно прийти к выводу о том, что за последние 50–100 лет наиболее экстремальные их значения наблюдались в период с конца 1980-х до начала 1990-х гг. Именно в это время интенсивность атмосферной циркуляции над Северной Атлантикой достигла экстремально высоких за последние 100 лет значений, что привело к увеличению средних годовых температур воздуха на западном и восточном побережьях Балтийского моря, до одних из самых высоких значений, а также к значительному возрастанию температуры воды в промежуточных и глубинных горизонтах глубоководных впадин. Одновременно с этим уровень моря в юго-западных районах Балтики на постах Кобенхавн, Гедсер и Кунгхолмсфорт достиг наибольших величин за последние 100 лет регулярных наблюдений. На этом фоне в период с 1990 по 1992 гг. резко снизились значения солёности в глубинном и придонном горизонтах крупнейших впадин, причем в придонном горизонте Готландской впадины в 1992 г. было зарегистрировано экстремально низкое значение солёности за весь период инструменталь-

ных наблюдений. Снижение солёности и концентрации кислорода в глубинных и придонных горизонтах крупнейших впадин Балтийского моря на фоне развития атмосферной циркуляции над Северной Атлантикой говорит о формировании в этот период определённого препятствия для проникновения в Балтику североморских вод. Таким препятствием может быть только возрастание уровня моря в южных, и в особенности в юго-западных районах моря расположенных непосредственно перед зоной Датских проливов.

Итак, следует признать в силу всего сказанного выше, что мощный и продолжительный заток североморских вод в Балтику, способный привести к существенному изменению гидрохимического и гидробиологического режима южных и центральных районов становится возможным только при значениях интенсивности атмосферной циркуляции над Северной Атлантикой, близких к средним или немного ниже нормы. Это вполне согласуется с анализом натуральных данных. Например, очень мощный заток 1951 г. проявился на фоне значений НАОоб., равном 0,1 в долях дисперсии при среднем значении за период с 1895 по 2005 гг., равном $-0,022$. Менее мощные затoki в 1970, 1978, 2004 гг. произошли при значениях НАОоб., равных соответственно $-0,8$; $-1,1$; $-0,79$ и т.д. Исключительно маломощные затoki формируются при значениях НАО, значительно превышающих норму. Например, экстремально низкое поступление североморских вод в 1989 и 1990 гг. происходило на фоне значений НАОоб. соответственно $+3,9$ и $+3,1$. Данную закономерность целесообразно использовать в дальнейшем для разработки методики прогнозирования параметров водообмена между Северным и Балтийским морями.

Успех акклиматизации многих чужеродных видов и высокие оценки параметров производимых ими биологического загрязнения в некоторых морях Северо-Запада России, во многом зависят от специфики местных океанологических и гидрологических условий. Для чужеродных видов-интродуцентов из многих районов мира, моря Северо-Запада России, и в особенности мелководные южные и восточные заливы Балтийского моря, устьевые зоны, оказались по своим океанологическим условиям наиболее подходящими для акклиматизации, массового развития и натурализации. В Финском заливе в последнее десятилетие происходит интенсивное строительство новых крупных портовых

сооружений (порты Усть-Луга, Приморск, Высоцк и др.). Поэтому следует ожидать дальнейшего распространения и успешной акклиматизации чужеродных видов, привносимых с балластными водами су-

дов, в особенности в периоды усиления притока высокосолёных водных масс северо-морского происхождения в южные, центральные и частично в восточные районы Балтики.

Список литературы:

- [1] Алимов А.Ф., Панов В.Е., Крылов П.И. и др. Проблема антропогенного вселения чужеродных организмов в водоемы бассейна Финского залива // Экологическая обстановка в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 1997 году. Справочно-аналитический обзор. – СПб., 1998. – С. 243–249.
- [2] Алимов А.Ф., Орлова М.И., Панов В.Е. Последствия интродукций чужеродных видов для водных экосистем и необходимость мероприятий по их предотвращению // Виды-вселенцы в европейских морях России. Сборник научных трудов. – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2000. – С. 12–23.
- [3] Альтшулер В.М. Водообмен через Датские проливы и проблема анализа расчета водного баланса Балтийского моря // Труды ГОИН. – 1980, вып. 152. – С. 67–77.
- [4] Биологические инвазии в водных и наземных экосистемах / Ред. А.Ф. Алимов, Н.Г. Богущкая. – М.: Т-во научн. изд. КМК, 2004. – 436 с.
- [5] Виды-вселенцы в европейских морях России / Отв. ред. Матишов Г.Г. – Апатиты: КНЦ РАН, 2000. – 312 с.
- [6] Волков С.В., Костюченко С.В., Зайцева С.Г. и др. Эффективный метод обеззараживания воды и ультрафиолетовое облучение // Инновации. Технологии. Решения. – 2007, № 2. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.sibai.ru/content/view/760/890/>
- [7] Дгебуадзе Ю.Ю. Проблемы инвазий чужеродных организмов // Экологическая безопасность и инвазии чужеродных организмов: Сб. матер. круглого стола Всерос. конф. по экологич. безопасности. – М., 2002. – С. 11–14.
- [8] Драгинский В.Л., Алексеева Л.П., Самойлович В.Г. Озонирование в процессах очистки воды. – М.: Дели принт – 400 с.
- [9] Дроздов В.В., Смирнов Н.П. Колебания климата и донные рыбы Балтийского моря. – СПб.: Изд. РГГМУ, 2008. – 249 с.
- [10] Дроздов В.В., Смирнов Н.П. Многолетняя динамика климата и гидрологического режима в районе Балтийского моря и ее причины // Метеорология и гидрология. – 2011, № 5. – С. 77–87.
- [11] Дроздов В.В. Особенности влияния динамики уровня моря в юго-западной Балтике и пролива Каттегат на гидрохимический режим в глубоководных горизонтах и промысловую продуктивность // Экологическая химия. Т. 20. – 2011, вып. 1. – С. 28–41.
- [12] Емельянов Е.М., Кравцов В.А. Гидрохимические особенности проникновения трансформированных североморских вод в юго-восточную Балтику // Океанология. Т.42. – 2002, № 1. – С. 54–59.
- [13] Зазера А.С. Многолетние изменения гидрологических характеристик глубинных вод юго-восточной Балтики (1980–2000 гг.) // Промыслово-биологические исследования АтлантНИРО в 2000–2001 гг.: сб. науч. тр. Т. 2. Балтийское море. – Калининград: Изд. АтлантНИРО, 2002. – С. 7–12.
- [14] Смирнов Н.П., Воробьев В.Н., Кочанов С.Ю. Северо-Атлантическое колебание и климат. – СПб.: Изд-во РГГМУ, 1998. – 122 с.
- [15] Суставов Ю.В. Водообмен Балтийского моря с Северным и его основные компоненты. Проблемы исследования и математического моделирования экосистемы Балтийского моря // Международный проект «Балтика», Вып.1. – Л.: Гидрометеиздат, 1983. – С. 45–56.
- [16] Проект «Моря СССР» Гидрометеорология и гидрохимия морей. Т. 3. Балтийское море, Вып. 1. Гидрометеорологические условия – СПб.: Гидрометеиздат, 1992.
- [17] Региональный центр по биологическим инвазиям. – 2001. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.zin.ru/projects/invasions/>
- [18] Belt Project. Seawater exchange of the Baltic. Measurement and methods // By Torben Schelde. – Denmark, 1980. – 107 p.
- [19] IMO (2004) International Convention for the Control and Management of Ships' Ballast Water and Sediments. International Maritime Organization. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.imo.org> (01.11.2004)
- [20] Leppakoski E., Gollasch S., Olenin S. (eds) Invasive Aquatic Species of Europe. Distribution, Impacts and Management. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. – 583 p.
- [21] Leppakoski E., Gollasch S., Gruszka P. et al. The Baltic – a sea of invaders // Can. J. Fish. Aquat. Sci. – 2002, v. 59. – P. 1175–1188.
- [22] HELCOM. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.helcom.fi/environment2/ifs

О ВОДЕ И АЭРОЗОЛЯХ ВУЛКАНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ВЫСОКИХ СЛОЯХ АТМОСФЕРЫ

Данные по мощным вулканическим извержениям за последние сто лет, основанные на критическом анализе, позволяют утверждать, что вулканический водяной пар и аэрозоли существенно меняют структуру и оптические свойства верхних слоев атмосферы. Наблюдается сепарация аэрозолей и газов, способствующая образованию облачных систем, а также обогащению в верхних слоях атмосферы ряда элементов глубинного происхождения.

Ключевые слова:

внутрикоровые разломы, вулканический пар, коэффициент обогащения, магма, нуклеация, сульфатные аэрозоли, фотофорез, эруптивные вулканические извержения,

Начальный процесс извержения. По современным представлениям, причиной вулканических извержений является высокое давление растворённых в магме газов [22]. Удерживаемое верхними слоями земной коры это давление вызывает резкое расширение газов в зонах пониженного давления в земной коре: местах раздела отдельных плит, плавающих на магме, трещинах в земной коре, местах пониженной толщины твердого поверхностного слоя коры [23]. Вырывающиеся наружу газы, ускоряясь, увлекают магму, приводят к большим напряжениям в твёрдом материале земной коры, окружающем трещину и его возможному разрушению. Движение газа носит взрывной характер и создаёт извержение. Газ увлекает за собой в атмосферу магму и твердый материал земной коры, выбрасывая всё это в виде пепла, пыли и камней [26]. Предполагая, что скорость выбрасываемых твёрдых частиц порядка $3 \cdot 10^2$ м/с и пренебрегая сопротивлением воздуха их движению, получим максимальную высоту подъёма для них $Z < 17$ км. После извержения магма под действием внутреннего давления вытекает наружу через образовавшееся отверстие в земной коре и замедляет своё движение при увеличении вязкости. Если в магме, подходящей к месту извержения, успеет скопиться газ, то извержение может повториться. Если же этого не произойдёт, то вулкан

будет бездействовать до тех пор, пока снова не появится возможность выхода наружу для газов, скопившихся в магме [27]. В процессах образования вулканических извержений и их реализации большую роль играют внутрикоровые полости и разломы [3] и циркулирующая в них вода [30; 38].

Газ из кратера вулкана вырывается в атмосферу в виде цилиндрической колонны, расширяющейся с уменьшением скорости подъёма V и высотой, определяемой, в первую очередь, длительностью напора извергающегося газа. Приблизённый расчёт силы сопротивления подъёму колонны и её радиуса может быть сделан согласно уравнению Стокса $F(Stk) = 6\pi\eta r(t,z)v(t,z)$. Заметим, что вырывающийся из жерла вулкана газ на 90–95 % является водой находящейся в сверхкритическом состоянии [25]. Сила напора воды определяется внутренним давлением, создаваемым магмой $F_{мг} = \rho g(t,z)^2 r$, которое варьирует в громадных пределах от нескольких атмосфер до нескольких тысяч. При сохранении величин внутреннего давления и потока водяной массы (массы перегретого водяного пара в единицу времени) выбрасываемая из жерла колонна перегретого водяного пара не будет размываться, пока скорость восходящего потока будет значительно превосходить скорости движения окружающего воздуха. Высота газовой колонны может значительно превосходить 17 км.

Существенная трансформация колонны будет происходить за счёт её радиационного охлаждения и фазовых переходов при достижении температуры ниже критической. В силу всего вышесказанного, численные расчёты процесса извержения имеют смысл для конкретных и в значительной степени контролируемых условий.

При достижении относительного равновесия с окружающим воздухом поток вулканического пара будет ещё обладать плавучестью за счёт отличия молекулярного веса ($\mu(\text{N}_2 + \text{O}_2) / \mu(\text{H}_2\text{O}) = 29/18$). Количество более тяжёлых газов: сернистого газа, карбонилсульфида, галогенидов значительно меньше. Их сепарация будет наблюдаться на вершине колонны, где скорость конвекции станет равной 0.

Разнообразие условий накопления газа в магме создаёт разнообразие его выброса в атмосферу. Для изменения состава и свойств высоких слоёв атмосферы имеет значение мощный вертикальный эруптивный выброс газа балльности 4 и более [13].

Примечательно, что наблюдения показывают подъём газо-пеплового облака на огромную высоту (Кракатау – до 60 км, Эль-Чичон – до 37 км), и их оседание происходит только через очень продолжительное время [34]. Например, облако вулкана Кракатау осело через три года, а облако Эль-Чичона наблюдалось в Италии и Японии через полгода и было причиной понижения температуры в северном полушарии на $-0,5^\circ$ в течение трех лет. Для климатически значимых извержений эруптивного типа можно полагать в среднем, что самые мелкие вулканические частицы вместе с газами вулканического происхождения поднимаются в атмосферу на высоту более 20 км и могут существовать в стратосфере на протяжении нескольких лет. Нами неоднократно наблюдалась генерация аэрозольных частиц над поверхностным слоем в окрестности вулкана перед усилением вулканической активности, а также при относительно слабом землетрясении. Очевидно, внутренние тектонические процессы создают пылевые частицы, отличающиеся от собственно вулканических частиц микроструктурой и химическим составом [5; 8]. Актинометрические наблюдения свидетельствуют об их значительном подъёме в атмосферу вплоть до стратосферы. Это может объясняться только возникновением над земной поверхностью масштабных волновых процессов.

Собственно пылевые частицы с $r > 0,1$ мкм опускаются до тропосферы за несколько месяцев в зависимости от раз-

меров частиц и высоты их выброса. Часто наблюдается более длительная замутнёность стратосферы, обусловленная в первую очередь длительными процессами образования аэрозольных частиц очень малых размеров из газовой фазы вулканического материала (водяной пар, сернистый газ, хлориды, окислы азота и т.п.). Сернистый газ, выбрасываемый в стратосферу в количестве $\sim 10^7$ т/год [20], вступает в химические и фотохимические реакции с различными газовыми и аэрозольными компонентами атмосферы, в результате чего образуются в стратосфере новые аэрозольные частицы: сульфатные – на стадии газо-пеплового выброса; и сернокислотные – через год и более после извержения (по результатам анализов импакторных аэростатных проб, сделанных нами) [10].

То, что вулканические извержения являются мощными источниками сульфатного аэрозоля является общепринятым положением [34]. Например, в результате происшедшего 14–16 июня 1991 г. самого мощного и эффективного по своему воздействию на радиационные характеристики земной атмосферы за последнюю половину 20-го века взрывного извержения вулкана Пинатубо на Филиппинах ($15,1^\circ$ с.ш.; $120,4^\circ$ в.д.) в стратосферу (на высоту более 30 км) было выброшено 14–26 мегатонн газообразного SO_2 [20]. При постоянной времени трансформации его в аэрозоли около 35 суток произошло достаточно быстрое образование сернокислотных аэрозолей $\text{H}_2\text{SO}_4 / \text{H}_2\text{O}$, масса которых достигла примерно 30 Мт. Основная часть вулканического облака перемещалась на запад и через 3 недели после извержения полностью опоясала земной шар. В течение примерно двух недель существенная часть облака пересекла экватор и достигла широты $\sim 10^\circ$ ю.ш. В период первых 2-х месяцев основная масса аэрозольного облака была сосредоточена в полосе широт 20° ю.ш. – 30° с.ш. и сформировала тропический резервуар аэрозольного вещества, оказавшийся под сильным воздействием квазидвухлетних колебаний (КДК). Этот резервуар был устойчивым или нестабильным в зависимости от фазы (восточной или западной) КДК (извержение произошло во время восточной фазы и поэтому тропический максимум слоя эруптивных аэрозолей был устойчивым; только через 3–4 месяца аэрозоли стали распространяться в средние широты южного полушария). На высотах менее 20 км происходило сравнительно быстрое перемещение аэрозолей в средние и высокие широты северного по-

лушария. Через разрывы в тропопаузе и посредством гравитационного осаждения осуществлялось поступление аэрозолей из стратосферы в тропосферу. Глобальная масса сульфатных вулканических аэрозолей достигла максимума в октябре 1991 г., а затем уменьшилась в е-раз примерно за 1 год [35].

Очевидно, что количество водяного пара вулканического происхождения в стратосфере, учитывая его плавучесть и малое количество ядер конденсации в высоких слоях атмосферы, существенно (примерно в 20 раз) превосходит количество сернистого газа, т.е. порядка $(2-5) \cdot 10^8$ т.

Такое количество водяного пара в стратосфере может обеспечить отношение смеси до величины порядка 10^{-4} г/г. Известный спор экспериментаторов в 60–70-х гг. о влажной и сухой стратосфере объясняется проведением измерений водяного пара в разные периоды вулканической активности Земли [1; 29; 31].

Пространственно-временное распределение вулканических извержений. Статистический анализ мощных эруптивных вулканических извержений был выполнен для выявления пространственно-временных закономерностей и связей между извержениями для периода с 1835 г. Определённой цикличности в извержениях вулканов установить не удалось, возможно, из-за малой статистики извержений (примерно 100 случаев). Можно осторожно сказать, что возможна неустойчивая цикличность с периодом около 40 лет, что близко к 44 годам, обнаруженным для цикличности в активности земной коры [17; 28].

Вулканические извержения состоят из нескольких близких по времени (несколько месяцев) извержений, разделённых промежутком в несколько лет от последующих, в течение которых идёт спад вулканической активности, и носят цепочечный характер. Временные интервалы между извержениями в одной цепочке имеют соотношения 1:2:4:8, что характерно для каскадных процессов. Причём почти в каждой цепочке наблюдаемых последовательных извержений одно, иногда два, извержения имеют интенсивность 5 и более баллов. Из одиноких извержений лишь одно извержение (Косигуана, 1835 г.) было пятибалльным. В 4-х цепочках с числом извержений $n > 6$ начало цепочке давало извержение с балльностью более 4. (Извержение вулкана Кракатау в 1883 г. с последующим извержением в 1886 г. в середине цепочки вулкана Окатайна; извержения вулканов Агунг в 1963 г. и Шивелуч в 1964 г.; извержение

вулкана Сент-Хеленс в 1980 г. с последующим в середине цепочки двойным извержением вулкана Эль-Чичон в 1982; вулкана Амдрум в 1951г. с окончанием цепочки извержением вулкана Безымянный в 1956 г.). В двух случаях (для извержений с $n = 2$ – извержение вулкана Ксудачи, 1907 г. и с $n = 3$ – извержения вулканов Чикурашки в 1853 г. и Шивелуч в 1854 г.) цепочки заканчивались наиболее сильными извержениями. В 8 случаях наиболее сильное извержение с балльностью 5 и более происходило в середине цепочки. (Аскла, 1875 г.; Санта-Мария, 1902 г.; Новорупта, 1912 г.; Азул, 1932 г., Харимкотан, 1933 г.; Толбачик, 1975 г.; Пинатубо, 1991г., Худсон, 1991г.). В 6 цепочках (для $n = 2 - 3$ случая, для $n = 3 - 1$ случай, для $n = 4 - 1$ случай, для $n = 5 - 1$ случай) не отмечалось извержений балльностью выше 4. (Возможно, в отдельных случаях балльность извержений в середине цепочки была занижена).

Наиболее сильными извержениями современности были извержения вулканов Эль-Чичон (03.1982) и Пинатубо (06.1991) с разницей во времени 9 лет. Лидарные измерения коэффициентов обратного рассеяния ($m^{-1} \text{стер}^{-1}$) на длине волны 694 нм, проведённые в Западной Европе в периоды этих извержений, показали резкое увеличение аэрозольной компоненты длительностью по три года. Детальный анализ вариаций суточных значений интегрального коэффициента обратного аэрозольного рассеяния во время этих извержений показывает, что при этом наблюдалась высокая вспышечная и геомагнитная активность (геомагнитный индекс $Dst > 100$), а главное первому извержению предшествовало сильное извержение вулкана Сент-Хеленс (05.1980), а второе сопровождалось мощным извержением вулкана Худсон (08.1991).

Таким образом, из изложенного выше следует, что эруптивные вулканические извержения

состоят из цепочек, которые носят каскадный характер. Возможно, это способствует длительному характеру действия извержений на глобальный климат Земли. Мощные вулканические извержения эруптивного типа вносят существенный вклад в изменчивость оптических характеристик атмосферы [13; 17]. Выброшенный в стратосферу вулканический материал по актинометрическим наблюдениям существует в ней более года. При извержении наблюдается гравитационная сепарация вулканических продуктов.

Пространственной структура стратосферных аэрозолей исследована оптиче-

кими методами достаточно основательно. Основными результатами этих исследований последних лет можно считать установление закономерностей широтного хода вертикальной структуры (высоты слоев повышенной концентрации аэрозолей, их зависимость от подстилающей поверхности и сезона, зависимость функции распределения частиц). Обнаружена зависимость концентрации стратосферных частиц от излучения высокоэнергетических космических солнечного и галактического происхождения. Лидарные измерения коэффициента обратного аэрозольного рассеяния позволил утверждать, что на высотах больше 20 км могут образовываться аэрозольные слои из – за эффектов гравитифореза. Так как последние годы практически не проводятся прямые измерения стратосферных аэрозолей, трудно говорить о микроструктуре частиц, участвующих в образовании этих слоёв, что, несомненно, ограничивает наши знания по микроструктуре стратосферных аэрозолей и её изменчивости.

Исследования химического состава вулканических аэрозолей. Комплексные измерения аэрозолей приземного слоя атмосферы вблизи действующих вулканов в аэрозольной лаборатории НИИФ СПбГУ проводились неоднократно: в период 1974–1981 гг. на Камчатке (Толбачик, Ключевской, Горелый, Карымский, Мутновский), а затем в 1994–95 гг. в Мексике вблизи вулканов Попокатепетль и Колима [6; 9; 12]. Распределение частиц по размерам с $r \geq 0,2$ мкм определялось с помощью фотоэлектрического счетчика АЗ-5М, а для $r \leq 0,5$ мкм с помощью электронно-микроскопического анализа и рентгено-флюоресцентного анализа импакторных и фильтровых аэрозольных проб [11]. Были выполнены достаточно многочисленные измерения химического и элементного состава аэрозолей вулканического происхождения, которые свидетельствуют о сходных процессах их образования и дальнейшей эволюции: эмиссия продуктов истирания стенок кратера и частиц измельченной лавы, а также паров водяного пара, сернистого газа, соляной кислоты, легко испаряющихся металлов, вступающих в дальнейшем в различные химические реакции и последующей конденсации продуктов реакции. Химический анализ дыма и пылевой материи для различных вулканов показывает преимущественное содержание соединений кремния – 60–80%, сульфатов – 30–10%, кальция – 3–10%, соединений алюминия – 0–20%,

железа – 1–10%. Однако более детальное рассмотрение результатов химического и элементного анализа, в т.ч. выполненное другими авторами, свидетельствует и о существенных различиях в составе выброшенного материала для разных вулканов [33]. При анализе изменчивости элементного состава аэрозолей вулканического происхождения удобно использовать нормировку содержания элементов в нем по эталонному материалу – элементному составу магмы, изверженной лавы, пеплу различных пород [21].

Нормировка содержания элементов реально должна проводиться по элементному составу земной коры с использованием в качестве референтного элемента, в частности кремния. В этом случае ошибка для большинства элементов не должна превышать 20–30%. Результаты использования единой методики для выявления пространственно-временной изменчивости элементного состава вулканических аэрозолей (значения факторов обогащения) при извержениях вулкана Попокатепетль представлены в табл. 1.

Отчетливо видно изменение отношения концентраций элементов в зависимости от высоты. Для *Na, K, Mn, Ba, S, V, Sc, Hf, Yb, As, Eu, W, Se, Au* наблюдается увеличение фактора обогащения с ростом высоты, а для *Cl, Pb, Br, Cd* – уменьшение.

Это свидетельствует, вероятно, о более быстром аэрозолеобразовании и конденсационном росте частиц, содержащих *Cl, Pb, Br* и *Cd*, чем соединений, содержащих другие элементы. Еще более интересна временная изменчивость факторов обогащения для ряда других элементов. Относительно постоянны значения *FE* для *Al, K, Ba, Cl, Th, Sm*.

Для элементов *Fe, Ca, Mg, V, Cr, La, Co, Sc* наблюдалось заметное превышение фактора обогащения только в первый день, а для элементов *Ti, Mn, W, Cd, Zn, Cu, Pb, Au* отмечается регулярное уменьшение фактора обогащения, причем у *Zn, Cu, Cd, Pb* это уменьшение более чем на порядок величины.

Изменения содержания *Al* по сравнению с их содержанием в земной коре в продуктах ряда извержений значительно сильнее, особенно в лавах дунитовой породы, а *Ca* и *Mg* в сиенитах, в которых наблюдаются также заметные потери *Fe, Na, K, Ti, Mn, Ni* и *P*. Еще более значительны вариации содержания элементов в пеплах. Например, элементный анализ пепла при извержениях вулкана Попокатепетль (21.12.94 г. – 28.01.95 г.) показал, что пепел

сильно обогащен по сравнению с земной корой такими легко возгоняемыми элементами, как *S, Bz, Pb, Hg, Zn, Cu*, фактор обогащения $FE(x) = [x]_a / [x]$ которых превосходит 10 и изменяется в зависимости от времени выброса пепла.

Сходно поведение также элементов *As, Sb, Se, Br*, у которых наиболее высокое значение фактора обогащения в первый день измерений, резкое уменьшение (на порядок) во второй день, а затем регулярное уменьшение, причем у *Br* на третий день FE уменьшается еще в 15 раз. Самая высокая интенсивность эмиссии вулканического вещества у вулкана Августин в атмосферу наблюдалась 2 февраля 1976 г. При этом факторы обогащения увеличились у элементов *Na, Pb, Hg, Ca*, а их заметное уменьшение наблюдалось у *S, Mg, Cs, Rb, Cr, Co*, имеющих $FE < 1$ и *Cu, Ba, Sr, V*, имеющих $FE > 1$. Особый случай представляет элемент *S*, у которого $FE < 1$ со 2 по 4 февраля и возрастает к 21 февраля до 49.

Для данных, полученных при извержении Попокатепетля, значительная часть террогенных элементов (*Fe, Al, Ca, K, Ti, Cr, Mn, Ga, Zr*) получены очень низкие значения FE . Для большинства элементов отмечается увеличение фактора обогащения вплоть до 14 января 1995 г. с последующим уменьшением FE , соответствующим сильному ослаблению интенсивности извержения.

Для серы фактор обогащения с начала измерений был уже достаточно высоким $FE = 200$, а к 28 января он достиг значений 440–600. Также наблюдалась сильная зависимость факторов обогащения для отдельных элементов от метеорологических условий: для *S* увеличение FE отмечалось в ночные и утренние часы, а для *Cu, Br, Se* – в дневные.

Большие массивы данных ΔN ($r \geq 0,2$) были получены при различных метеорологических условиях и интенсивностях эмиссии вулканического вещества, в частности в Мексике вблизи вулканов Колима и Парикутин [14–16]. Во время извержения вулкана Попокатепетль (21 декабря 1994 – 28 января 1995г.) выполнялись измерения аэрозолей с помощью фотоэлектрического счетчика АЗ-5М с борта самолета и исследовались пепловые выпадения [30; 32].

Ещё раз отметим, что более длительные и сильное загрязнение атмосферы наблюдается в результате выброса газовых серосодержащих соединений (сернистого газа, карбонилсульфида), которые трансформируются в серную кислоту и сульфаты [18]. В частности, длительное воздействие извержения вулкана Пинатубо обусловлено в пер-

вую очередь процессом образования сернокислотных аэрозолей в нижней стратосфере [30]. Наблюдается статистически значимая связь между вулканической активностью и климатическими характеристиками [4].

Таким образом, для мощных вулканических извержений характерно изменение химического состава аэрозольных частиц с ростом высоты: сильное обогащение ряда умеренно летучих элементов (мышьяк, селен, свинец, кадмий, цинк) в мелких частицах, а также элементов, характерных для магмы (кремний, кальций, скандий, титан, железо, цинк, торий), содержащихся в более крупных частицах. Это можно интерпретировать только как то, что источником вещества верхней границы шлейфа являются не частицы разрушенной вершины вулкана, а горячие выбросы магмы.

Отмечаются также изменения химического и элементного состава вулканического вещества в разные периоды извержения [14; 15; 24]. Проведенный анализ состава пород при отдельных извержениях свидетельствует о значительных вариациях их элементного состава. Наибольшим постоянством отличается содержание двуокси кремния. Характерны следующие данные по содержанию двуокси кремния в лавах вулканов разного типа: базальтово-толеитовые (вулкан Килауэа) 47–52%, андезитные (вулкан Фуэго) 48–54%, фонолитово-тефритовые 50–55%, дацитовые (вулкан Сент-Хеленс) 65–70%, риолитовые (вулкан Аскья) 68%.

Анализ химического состава дыма и пылевой материи вулканов показывает преимущественное содержание в них соединений кремния: $60 \div 80\%$, сульфатов: $10 \div 30\%$, кальция: $3 \div 10\%$, соединений алюминия: $0 \div 20\%$, железа: $1 \div 10\%$ [26].

При длительном действии вулканические извержения являются значительным источником малых газовых компонентов (МГК) и аэрозолей в тропосфере и нижней стратосфере, причем механизмы образования аэрозолей, как вторичного продукта газофазных и других реакций, весьма разнообразны. Выполненные вблизи береговой линии наблюдения [37], около вулкана Килауэа (Гавайские о-ва), обнаружили в вулканическом аэрозольном шлейфе МГК, образующиеся при взаимодействии воды и поступающей в океан вулканической лавы. Анализ нормированных по отношению к составу гавайского базальта значений концентрации МГК шлейфа выявил наличие линейной «лог-лог» (в двойной логарифмической шкале) связи концентрации и коэффициентов выбросов (как индикаторов летучести). Нормированные значения

концентрации аэрозолей коррелируют с соответствующими значениями для растворенного фумарольного газа от вулкана Килауэа, а также для фумарольных конденсатов, поступающих от вулканов Кудрявый и Мерапи (несмотря на различие механизмов трансформации элементов в газовую фазу). Приближенные оценки региональной скорости осаждения на поверхности океана *Cu, Cd, Ni, Pb, Mn, Zn, Fe* и *P* привели к значениям, превосходящим фоновые скорости более, чем в 50 раз. Таким образом, вулканы могут быть важными источниками как токсикантов, так и биогенов для окружающего их океана. Но вряд ли это может создать существенные изменения в глобальной экосистеме даже при большом поступлении лавы в океан.

В работе [35] было выполнено численное моделирование трансформации эруптивных аэрозолей в глобальных масштабах с помощью модели LLNL/IMPACT (Ливерморская лаборатория, США), в которой учтены как химические процессы, так и перенос

при воспроизведении метеорологических условий с использованием 46-слойной модели общей циркуляции атмосферы (пространственное разрешение 2° широты × 2,5° долготы), разработанной в Годдардовском центре космических полетов.

Результаты численного моделирования показали, что они достоверно воспроизводят формирование тропического резервуара аэрозолей в полосе широт 20° ю.ш. – 30° с.ш. через несколько месяцев после извержения и согласуются с характеристиками распространения аэрозолей, полученными по данным спутника SAGE-II. Данные глобального распределения эруптивных сульфатных аэрозолей позволили рассчитать скорость однородной нуклеации (1/см³с) льдообразующих частиц из H_2SO_4/H_2O . Полученные результаты сопоставимы с данными для выбросов природных и антропогенных сульфатных аэрозолей вблизи земной поверхности.

Большие значения скорости нуклеации характерны (в случае вулканических аэро-

Таблица 1

Коэффициенты обогащения FE (x) по Si для различных элементов в аэрозольных пробах при извержении вулкана Попокатепетль

Элемент	29.12.94	06.01.95	14.01.95	21.01.95	27.01.95	27-28.01	28.01.95
Fe	0,24	0,228	0,72	0,36	0,40	0,40	0,32
Al	1,04	1,20	1,64	1,36	1,12	1,24	1,60
Ca	0,48	0,52	0,84	0,68	0,68	0,72	0,72
S	1,92	340	432	364	180	92	436
P	≤ 4,	≤ 7,	21,	≤ 7,	≤ 4,	≤ 6,0	6,8
Cl	28,8	44	144	100	26,4	52	68
K	0,16	0,20	0,20	0,12	0,32	0,28	0,28
Ti	0,36	0,24	0,48	0,52	0,48	0,48	0,44
Cr	0,72	0,44	3,00	2,16	0,60	1,24	0,76
Mn	0,12	0,22	0,60	0,15	0,27	0,32	0,24
Ni	0,37	0,33	2,24	0,80	0,56	0,92	0,80
Si	8,4	2,08	18,0	3,16	0,96	1,36	2,40
Zn	1,12	0,64	7,2	2,32	1,56	2,64	2,44
Ga	0,23	0,19	2,44	1,56	0,52	≤ 0,44	1,20
S	13,6	18,0	104	28	6,4	1,8	44
Br	10,4	12,4	48	19,8	22,4	12,8	9,2
Rb	0,18	0,22	2,16	1,32	0,48	0,64	1,08
Sr	0,40	0,40	0,44	0,92	0,56	0,68	0,44
Y	≤ 0,54	1,08	≤ 296	3,44	≤ 0,72	≤ 1,20	3,52
Zn	≤ 0,34	0,27	1,52	0,72	0,72	0,72	0,52
Hg	≤ 180	≤ 260	≤ 740	≤ 360	≤ 180	≤ 240	≤ 330
Pb	5,2	7,6	36	13,6	7,2	12,8	11,6

золей) для слоя вблизи экваториальной тропопаузы и вообще вдоль тропопаузы (на «дне» главного вулканического аэрозольного слоя) в течение первого года после извержения. В случае эруптивных аэрозолей скорость нуклеации гораздо больше, чем для сульфатных аэрозолей от наземных источников, но в течение второго года после извержения скорости нуклеации становятся сравнимыми. Таким образом, вулканические аэрозоли, а также водяной пар вулканического происхождения могут оказывать существенное воздействие (посредством однородной нуклеации) на условия образования перистых облаков и их глобальную эволюцию. В частности, на их образование может влиять и интенсивность космических лучей [19].

Представленные выше материалы позволяют сделать некоторые выводы о структурных изменениях верхних слоёв атмосферы в результате мощных эруптивных извержений вулканов.

1. Вода вулканического происхождения является главным компонентом продуктов вулканических извержений в стратосфере, обуславливающих вариации содержания водяного пара до высот 70–80 км, в част-

ности, в связи с её малым молекулярным весом.

2. Пылевые частицы при длительном непрерывном действии извержения могут подниматься выше 17 км.

3. Наблюдается сепарация в вертикальном распределении газов и аэрозолей. Сепарация газов обусловлена сильным различием молекулярных весов выбрасываемых газов и наблюдается в слоях с пониженной конвективной деятельностью. Сепарация аэрозольных частиц объясняется различной микроструктурой частиц и возникающими при этом гравитофоретическими эффектами.

4. Наблюдаемые изменения химического и элементного состава аэрозольных частиц в зависимости от периода извержения и высоты наблюдения частиц обусловлены нуклеационными свойствами извергаемого в атмосферу материала с разными физико-химическими характеристиками.

5. Присутствие в атмосфере вулканических аэрозолей и водяного пара ведёт к радиационному воздействию на климат, особенно в сочетании с факторами солнечной активности (космические лучи, магнитное поле).

Список литературы:

1. Андреев С.Д. Водяной пар // Радиационные характеристики атмосферы и земной поверхности / Под ред. К.Я. Кондратьева. – Л.: Гидрометеониздат, 1969. – С. 21–27.
2. Веретенко С.В., Софиева В.Ф., Ивлев Л.С. Вариации концентрации стратосферного аэрозоля в ходе солнечных протонных событий января 2005 года по данным GOMOS // Труды XI Пулковской конференции по физике Солнца. Физическая природа солнечной активности и прогнозирование ее геофизических проявлений. – СПб., 2007 – С. 85–88.
3. Жабрев И.П., Каракин А.В., Лобковский Л.И. Пульсирующее глубинное пустотное пространство и свободная циркуляция метеорных вод в земной коре // Докл. РАН. Т.345. – 1995, № 2. – С. 231–233.
4. Ивлев Л.С. Аэрозоли, возникающие в результате деформации земной коры // Материалы межд. конференции «Естественные и антропогенные аэрозоли» 29.09–04.10.1997. – 1998. – С. 73–82.
5. Ивлев Л.С. Микроструктурные особенности аэрозолей вулканического происхождения // Оптика атмосферы и океану Т. 9ю – 1996, № 8. – С. 1039–1057.
6. Ивлев Л.С. О связи вулканической активности и климатических характеристик // Материалы V межд. конференции «Естественные и антропогенные аэрозоли» 29.09–04.10.1997. – 1998. – С. 64–72.
7. Ивлев Л.С. Структура стратосферных аэрозолей в атмосфере // Параметризация некоторых видов непреднамеренного и направленного воздействия на атмосферные процессы. – Л., 1984. – С. 74–89.
8. Ивлев Л.С., Давыдова-Мартинес В.И., Варгас О.А., Мартинес А. Изменчивость характеристик аэрозолей, озона и сернистого газа в приземном слое при землетрясении в Западной Мексике // Оптика атмосферы и океана. Т. 11. – 1998, № 5. – С. 490–494.
9. Ивлев Л.С., Жуков В.М., Иванов В.А., Кудряшов В.И. Изучение структуры и элементного состава стратосферных аэрозолей импакторным методом во время советско-американского эксперимента 1987 года // Труды ГГО. – 1990, вып. 534. – С. 137–145.
10. Ивлев Л.С., Жуков В.М., Кудряшов В.И., Михайлов Е.Ф. Прямые измерения вещества вулканического происхождения в нижней атмосфере // Оптика атмосферы и океана. Т. 6. – 1993, № 10. – С. 1249–1267.
11. Ивлев Л.С., Иванов В.А., Жуков В.М. Эволюция морфологической структуры стратосферных аэрозолей // Труды ГГО. – 1990, вып. 534. – С. 146–153.
12. Ивлев Л.С., Карпов Г.А., Кист А.А., Кулматов Р.Б., Абдуллаев Р., Семова А.Ю., Федченко М.А. Исследование структуры и химического состава аэрозолей в приземном слое атмосферы районов вулканической активности Камчатки // Вулканология и сейсмология. – 1986, № 1. – С. 32–42.
13. Ивлев Л.С., Колосов А.С., Терёхин С.Н. Роль и механизмы эруптивных извержений в изменениях климата Земли. // Сборник трудов V международной конференции «Естественные и антропогенные аэрозоли» 21.05–24.05.2006. – СПб., 2008. – С. 145–159.

14. Ивлев Л.С., Кудряшов В.И., Ариас М.Е., Варгас А.О. Комплексное исследование оптико-метеорологических параметров атмосферы в окрестности вулкана Колима (Мексика). Ч.1. Сухой сезон // Оптика атмосферы и океана. Т. 11. – 1998, № 7. – С. 748–767.
15. Ивлев Л.С., Кудряшов В.И., Ариас М.Е., Варгас А.О. Комплексное исследование оптико-метеорологических параметров атмосферы в окрестности вулкана Колима (Мексика). Ч.2. Влажный сезон // Оптика атмосферы и океана. Т. 11. – 1998, № 8. – С. 884–898.
16. Ивлев Л.С., Кудряшов В.И., Эдвардс А. Исследование микроструктуры и элементного состава аэрозолей вблизи вулкана Парикутин (Мексика) в период дождей // Известия Русского географического общества. Т. 130. – 1998, вып. 2. – С. 38–43.
17. Ивлев Л.С., Миронова И.А. Пространственно-временные характеристики мощных вулканических извержений. Сборник трудов IV международной конференции «Естественные и антропогенные аэрозоли» 6.10–09.10.2003 г. – СПб., 2005. – С. 182–185.
18. Ивлев Л.С., Сирота В.Г., Хворостовский С.Н. Влияние окисления вулканической двуокиси на содержание серонокислотных аэрозолей и озона в стратосфере // Оптика атмосферы и океана. Т. 3. – 1990, № 1. – С. 37–43.
19. Ивлев Л.С., Хворостовский С.Н. Механизмы влияния высыпаний высокоэнергетических частиц на процессы образования облачного покрова в средних и высоких широтах // Труды межд. конф. «Физика атмосферного аэрозоля». – М., 1999. – С. 176–190.
20. Кондратьев К.Я. Комплексный мониторинг последствий извержения вулкана Пинатубо // Исследования Земли из космоса. – 1993, № 1. – С. 111–122.
21. Кондратьев К.Я., Ивлев Л.С., Галиндо И. Применение понятия фактора обогащения при исследовании продуктов вулканических извержений // Докл. АН. Т. 394. – 1995, № 6. – С. 581–583.
22. Кондратьев К.Я., Ивлев Л.С., Крапивин В.Ф. Свойства, процессы образования и последствия воздействий атмосферного аэрозоля: от нано – до глобальных масштабов. – СПб.: ВВМ, 2007. – 858 с.
23. Кропоткин П.Н. Возможная роль космических факторов в геотектонике // Геотектоника. – 1970, № 2. – С. 30–46.
24. Кудряшов В.И., Ивлев Л.С. Анализ элементного состава атмосферных аэрозолей в районе вулканов Колима и Попocatepetль (Мексика) в 1994–1995 гг. // Материалы межд. конференции «Естественные и антропогенные аэрозоли» 29.09–04.10.1997. – СПб, 1998. – С. 457–479.
25. Мархинин Е.К. Вулканы и жизнь. (Проблемы биовулканографии). – М.: Мысль, 1980. – 196 с.
26. Раст Х. Вулканы и вулканизм. – М.: Мир, 1982. – 344 с.
27. Федотов С.А. Магматические питающие системы и механизм извержений вулканов. – М.: Наука, 2006. – 455 с.
28. Хаин В.Е. Цикличность и тектоника // Основные теоретические вопросы цикличности седиментогенеза. – М.: Наука, 1977. – С. 213–221.
29. Calfee R.F., Gates D.M. Calculated slant – path absorption and distribution of atmospheric water vapor // Applied Optics. Vol. 5. – 1966, № 2. – P. 57–63.
30. Frost B., Bucher K. Is water responsible for geophysical anomalies in the deep continental crust? A petrological perspective // Tectonophysics. – 1994, vol. 231. – P. 293–309.
30. Galindo J., Ivlev L.S., Gonzalez A., Ayala R. Airborne measurements of particle and gas emissions from the December 1994 – January 1995 eruption of Popocatepetl Volcano (Mexico) // Journ. Volcanology and geotherm. Research. – 1998, vol. 83. – P. 197–217.
31. Houghton J.T., Seeley J. S. Spectroscopic observation of the water vapour content of the stratosphere // Quaterly J. Roy. Met. Soc. Vol. 86. – 1960, № 358. – P. 116–120.
32. Ivlev L.S., Galindo J., Kudryashov V.J. Estudio de Aerosoles y Cenizas Dispersados Durante la Eruption de Volcan Popocatepetl del 21 de Diciembre 1994-Resultados Preliminares. Report Centro Univesitario de Investigaciones en Ciencias de la Tierra. – Colima: Universidad de Colima, Mexico, 1996. – P. 257–284.
33. Kondratyev K.Ya., Ivlev L.S., Krapivin V.F. Atmospheric Aerosol Properties. Formation, Processes and Impacts. – Chichester: Springer Praxis Publ., UK, 2006. – 572 p.
34. Kondratyev K.Ya., Galindo I. Volcanic Activity and Climate // A. Deepak Publ. – Hampton, VA, 1997. – 382 p.
35. Liu X., Penner J.E. Effect of Mount Pinatubo H₂SO₄/H₂O aerosol on ice nucleation in the upper troposphere using a global chemistry and transport model // J. Geophys. Res. V. 107. – 2002, № D12. – P. AAC2/1–AAC2/18.
36. Pinto J.P., Turco R.P., Toon O.B. Self-Limiting Physical and Chemical Effects in Volcanic Eruption Clouds. // Journ. Geophys. Research. Vol. 94. – 1989, № D8. – P. 11.165–11.174.
37. Sansone F.J., Benitez-Nelson C.R., Resing J.A., De Carlo E.H., Vink S.M., Heath J.A., Huebert B.J. Geochemistry of atmospheric aerosols generated from lava-seawater interactions // Geophys. Res. Lett. V. 29. – 2002, № 9. – P. 49/1–49/4.
38. Sibson R.H., Moore J.M., Rankin A.H. Seismic pumping – a hydrothermal fluid transport mechanism // Journ. of geological society. Vol. 131. – 1975, № 6. – P. 653–659.

ЧЕРТЫ ЕДИНСТВА В ПРИРОСТЕ СОСНЫ И ЕЛИ НА СОЛОВЕЦКОМ АРХИПЕЛАГЕ И ФАКТОРЫ СРЕДЫ

Выявлены годы с аномально большими и малыми величинами прироста годовичных колец сосны и ели, произрастающих на островах Соловецкого архипелага. Установлено, что глобальные факторы среды (солнечная и геомагнитная активность, галактические космические лучи, циркуляция атмосферы северного полушария) оказывают большее влияние на формирование прироста деревьев, чем региональные – атмосферные осадки и температура воздуха.

Ключевые слова:

аномалии, галактические космические лучи, геомагнитная активность, индексы прироста годовичных колец, обобщённая серия, солнечная активность, типы циркуляции.

Леса Соловецкого архипелага являются уникальным объектом для определения влияния природных факторов на рост деревьев. Здесь леса занимают 67,7% территории и являются основным средообразующим компонентом природной среды. Лесные насаждения Соловецких островов, их структура, состояние, прирост и влияние на них региональных и глобальных факторов природной среды являются предметом наших исследований [1–7].

В данной статье рассмотрен прирост по обобщённым сериям годовичных колец сосны и ели (табл. 1), приведённых к сопоставимому виду путём расчёта их индексов (отклонений от 10-летней календарной нормы). Обобщённая серия по сосне насчитывает 455 годовичных колец (1553–2007 гг.), по ели – 232 годовичных кольца, анализ проведён за период с 1776 по 2007 гг.

Расчёты показали, что совпадения отклонений прироста меньше нормы составили 68 лет, а больше нормы – 52 года, в сумме – 120 лет или 52%.

Для определения факторов среды, влияющих на формирование прироста деревьев, отобраны две группы лет с отклонениями прироста $\geq 102\%$ и $\leq 98\%$ для периода с 1891 по 2007 гг. (табл. 2). За это время есть данные метеорологических наблюдений по станции «Соловки».

В состав факторов среды были включены: средние месячные температуры воздуха и месячные суммы атмосферных осадков по м. с. «Соловки», характеристики солнечной и геомагнитной активности, галактические космические лучи, приходящие на границу атмосферы, характеристики циркуляции атмосферы северного полушария по типизации Б.Л. Дзержеевского, представленные 4-мя группами элементарных циркуляци-

онных механизмов для северного полушария [8–11]. Перечисленные факторы проанализированы за 24 месяца, т.е. за год до аномальных приростов и в год их образования, что позволяет определить распределение элементов в период относительного покоя и двух периодов вегетации. За меру возможного влияния факторов было принято отношение элементов среды в годы аномально больших приростов годовичных колец к данным в годы малых (табл. 3).

В табл. 3 приведены только расчёты годовых характеристик. Они позволяют сделать вывод о незначительном влиянии температуры воздуха накануне (100%) и в годы аномалий (99,3%) и осадков (101 и 105%) соответственно. Высокие значения солнечной и геомагнитной активности характерны для лет с малым приростом, что отразилось в показателе солнечной активности накануне (68,6%) и в годы аномалий (84%). Показатели геомагнитной активности соответственно равны 89,1 и 87,6%. В то же время галактические космические лучи показали накануне 151%, а в год аномалий – 136%. Меридиональная северная группа не имеет существенных различий накануне и в годы аномалий (100 и 101%). Отрицательно влияет на прирост меридиональная южная циркуляция (63,5 и 67,8%). Нарушение в зональности и зональная циркуляция благоприятны для роста сосны и ели. Особое значение имеет зональная циркуляция в годы с большим приростом.

Для формирования представлений о внутугодовом распределении каждого из анализируемых факторов нами принят тот же порядок, как при рассмотрении средних годовых значений, принятый в табл. 3. На рис. 1 приведён ход чисел Вольфа накануне и в годы максимальных и минимальных

Обобщённая серия индексов (К%) годовых колец сосны и ели (жирным шрифтом выделены годы совпадения аномалий прироста двух пород)

годы	1776	1777	1778	1779	1780	1781	1782	1783	1784	1785
сосна	92,2	90,3	111,4	101,3	100,4	96,8	98,1	94,0	110,0	108,3
ель	111,1	123,5	123,5	98,8	128,2	115,4	89,7	102,6	76,9	74,3
годы	1786	1787	1788	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795
сосна	93,4	100,0	104,7	94,3	97,8	106,4	99,2	87,2	90,4	92,3
ель	105,6	96,2	89,1	104,8	100,3	87,6	94,1	109,6	100,0	101,3
годы	1796	1797	1798	1799	1800	1801	1802	1803	1804	1805
сосна	97,2	108,8	113,8	109,9	109,8	114,6	123,2	105,4	101,8	101,4
ель	109,0	98,0	103,0	99,5	108,4	106,2	106,0	105,1	88,1	96,9
годы	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814	1815
сосна	88,5	84,3	93,9	91,4	95,6	89,0	99,8	96,5	126,5	114,6
ель	100,6	96,4	89,4	102,1	89,0	85,8	87,0	94,7	97,4	109,2
годы	1816	1817	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824	1825
сосна	92,0	88,4	99,6	95,5	79,8	92,5	96,7	96,7	98,9	104,8
ель	98,6	99,2	107,7	123,9	104,0	107,9	111,0	106,0	95,9	94,8
годы	1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835
сосна	105,1	108,2	102,8	112,6	121,1	113,5	109,6	101,5	101,3	101,8
ель	93,9	94,6	105,6	85,3	101,0	98,6	98,9	95,5	107,1	101,1
годы	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845
сосна	90,4	85,5	85,3	90,1	106,9	105,2	101,8	99,1	100,0	98,0
ель	106,3	89,6	103,6	110,5	111,4	105,9	109,9	111,4	98,3	94,1
годы	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855
сосна	104,2	92,5	97,1	98,4	98,5	97,0	95,9	100,5	108,3	105,9
ель	92,3	93,7	99,3	102,0	97,9	94,3	91,0	94,4	97,9	100,3
годы	1856	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865
сосна	101,0	98,2	100,3	95,2	112,5	110,9	102,2	103,8	105,2	97,2
ель	99,9	101,8	110,9	107,2	101,9	106,8	99,5	104,3	108,3	103,9
годы	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875
сосна	91,1	89,3	94,2	97,6	120,1	107,6	99,3	100,9	97,3	98,4
ель	92,1	95,0	97,9	94,1	102,9	96,5	95,4	103,3	95,6	95,8
годы	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885
сосна	97,0	96,6	94,1	91,2	93,0	96,2	99,5	98,4	95,3	101,3
ель	102,1	107,7	103,9	102,3	104,4	106,0	103,0	102,3	96,5	103,1
годы	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895
сосна	101,3	104,9	103,1	106,5	118,2	117,6	114,1	109,2	97,9	90,2
ель	94,3	99,2	95,8	93,7	109,6	107,4	103,7	103,8	95,2	96,9
годы	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
сосна	88,7	90,7	91,4	86,4	93,4	97,4	95,1	96,0	106,3	105,2
ель	96,9	96,5	98,3	97,5	103,1	104,5	99,2	104,0	107,4	101,3
годы	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
сосна	104,5	101,6	104,2	96,1	102,6	105,3	102,3	101,9	96,7	100,5
ель	99,2	99,4	94,8	88,7	105,8	106,3	108,2	93,2	97,0	103,4
годы	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
сосна	101,4	99,6	92,4	97,8	92,7	97,6	100,9	102,2	108,2	108,9
ель	98,0	97,9	90,4	100,8	104,2	99,1	101,9	98,0	100,7	103,2
годы	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
сосна	99,3	101,6	95,4	93,2	107,0	100,8	99,3	92,8	97,5	93,2
ель	101,0	102,4	93,9	95,0	99,7	93,0	94,0	98,9	97,0	97,7
годы	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
сосна	96,3	104,0	101,2	107,7	100,9	96,6	97,9	101,6	101,4	100,4
ель	103,9	101,2	109,1	104,7	116,6	112,4	109,7	102,7	93,3	91,6
годы	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
сосна	94,3	93,7	102,6	107,6	104,8	104,8	97,6	104,3	109,7	97,5
ель	92,1	96,5	95,3	90,3	98,4	99,0	94,9	104,6	112,6	103,9
годы	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
сосна	88,8	100,9	97,7	92,8	110,2	97,8	94,5	93,2	96,3	97,9

ель	102,6	105,3	90,6	89,5	111,8	110,5	101,3	97,1	96,2	101,0
годы	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975
сосна	103,8	110,5	98,4	96,8	118,3	108,8	106,4	101,8	90,9	91,1
ель	99,6	98,3	94,9	90,8	97,8	95,0	102,9	99,7	100,7	93,5
годы	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985
сосна	92,0	101,2	94,0	94,6	94,5	105,1	100,7	109,0	107,1	95,9
ель	90,6	109,1	99,1	111,3	103,1	105,5	82,4	102,6	107,1	100,0
годы	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
сосна	94,8	94,0	102,5	96,5	109,2	95,9	93,1	95,7	95,0	99,8
ель	106,9	109,4	102,9	80,1	72,0	88,4	95,8	96,0	98,1	115,4
годы	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
сосна	104,6	101,3	103,2	102,3	117,8	95,5	87,8	91,3	90,2	93,7
ель	103,9	106,2	111,1	113,0	95,7	93,9	99,2	79,2	77,8	85,7
годы	2006	2007								
сосна	90,2	94,1								
ель	103,9	126,0								

Таблица 2

Годы аномалий прироста сосны и ели с 1891 года

K ≥ 102			K ≤ 98			K ≥ 102			K ≤ 98		
годы	сосна	ель	годы	сосна	ель	годы	сосна	ель	годы	сосна	ель
1891	117,6	107,4	1894	97,9	95,2	1940	100,9	116,6	1959	92,8	89,5
1892	114,1	103,7	1895	90,2	96,9	1943	101,6	102,7	1963	93,2	97,1
1893	109,2	103,8	1896	88,7	96,9	1953	104,3	104,6	1964	96,3	96,2
1904	106,3	107,4	1897	90,7	96,5	1954	109,7	112,6	1969	96,8	90,8
1905	105,2	101,3	1899	86,4	97,5	1957	100,9	105,3	1975	91,1	93,5
1910	102,6	105,8	1909	96,1	88,7	1960	110,2	111,8	1976	92,0	90,6
1911	105,3	106,3	1914	96,7	97,0	1972	106,4	102,9	1989	96,5	80,1
1912	102,3	108,2	1918	92,4	90,4	1977	101,2	109,1	1991	95,9	88,4
1915	100,5	103,4	1928	95,4	93,9	1983	109,0	102,6	1992	93,1	95,8
1922	100,9	101,9	1929	93,2	95,0	1984	107,1	107,1	1993	95,7	96,0
1924	108,2	100,7	1934	97,5	97,0	1988	102,5	102,9	1994	95,0	98,1
1925	108,9	103,2	1935	93,2	97,7	1996	104,6	103,9	2001	95,5	93,9
1927	101,6	102,4	1946	94,3	92,1	1997	101,3	106,2	2003	91,3	79,2
1937	104,0	101,2	1947	93,7	96,5	1998	103,2	111,1	2004	90,2	77,8
1938	101,2	109,1	1952	97,6	94,9	1999	102,3	113,0	2005	93,7	85,7
1939	107,7	104,7	1958	97,7	90,6						

Таблица 3

Отношения элементов среды в годы аномально больших приростов годичных колец к данным в годы аномально малых приростов (%)

Накануне	В годы аномалий	Циркуляция атмосферы	Накануне	В годы аномалий
W – 68,6	84,0	меридиональная северная	100,0	101,0
Aa – 89,1	87,6	меридиональная южная	63,5	67,8
ГЭВ – 151	136,0	зональная	124,0	129,0
°С – 100	99,3	нарушение зональности	126,0	117,4
P мм – 101	105,0			

приростов сосны и ели, позволяющий проследить диапазон их колебаний за 24 месяца. Следует отметить, что в годы накануне дат аномальных приростов диапазон различий значительно больше, чем в годы аномалий, причём для формирования больших

приростов благоприятной является низкая активность солнца. При этом в годы с минимальным приростом более отчётливо выражена особенность внутригодного распределения чисел Вольфа, а даты максимумов в обоих случаях приходится на июль месяц.

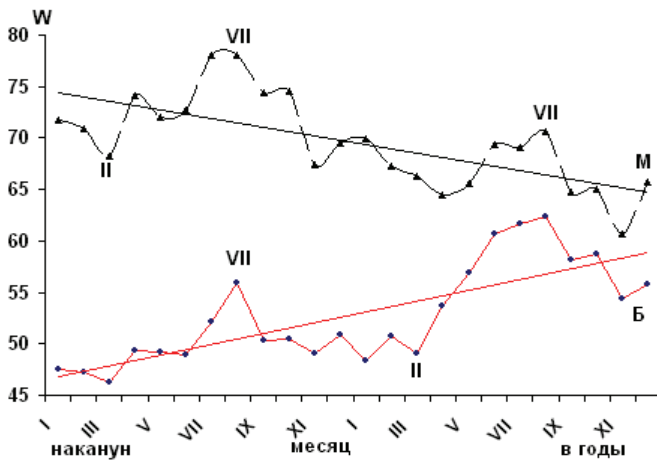

Рис. 1. Распределение чисел Вольфа накануне и в годы минимальных (М) и максимальных (Б) приростов деревьев. Коэф. корр. – 0,2.

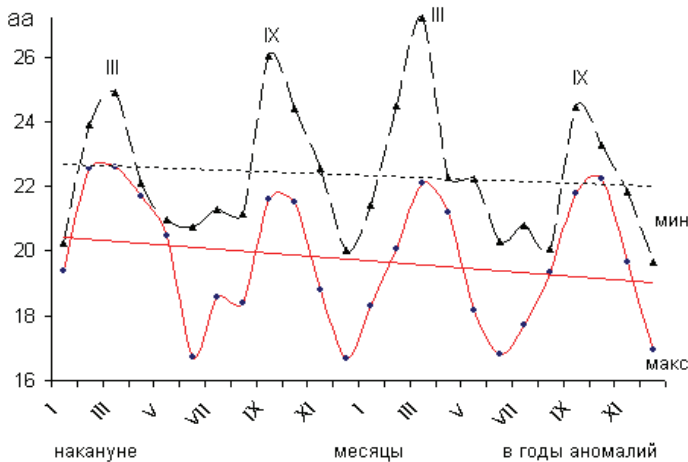

Рис. 2. Геомагнитная активность накануне и в годы максимумов (Макс) и минимумов (Мин) прироста деревьев. Коэф. корр. 0,78.

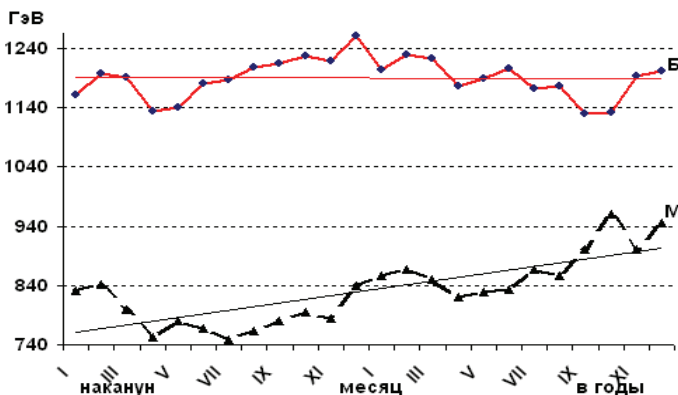

Рис. 3. Галактические космические лучи на границе атмосферы накануне и в годы больших (Б) и малых (М) приростов деревьев. Коэф. корр. – 0,2.

Изменение геомагнитной активности имеет хорошо выраженный сезонный ход, который, показывает, что большие приросты формируются при малых значениях геомагнитной активности (рис. 2).

Максимальных значений геомагнитная активность достигает в обоих случаях в марте и сентябре. Линейные тренды в распределении геомагнитной активности имеют противоположную направленность в сравнении с солнечной активностью.

Внутригодовой ход галактических космических лучей, приходящих на границу атмосферы, показан на рис. 3. Большие приросты сосны и ели формируются при высоких значениях галактических космических лучей, что имеет физическое обоснование: при высокой активности Солнца проникновение галактических космических лучей существенно сокращается.

К числу глобальных факторов также относится циркуляция атмосферы северного полушария. На рис. 4 приведены результаты анализа зональной циркуляции, дающие возможность проследить внутригодовое распределение циркуляции (дни) накануне и в годы аномалий. Накануне дат аномальных приростов повторяемость зональной циркуляции не превышает 7 дней с максимумом в июле. В годы аномально больших приростов повторяемость зональной циркуляции с января по апрель не многим меньше 20 дней, после чего наступает снижение, и минимум наблюдается в июле (10 дней), а затем до конца года идет увеличение повторяемости.

В годы минимальных приростов происходит увеличение повторяемости зональной циркуляции. В годы минимума приростов наблюдается почти зеркальная повторяемость с максимумом в июле до 5-ти дней.

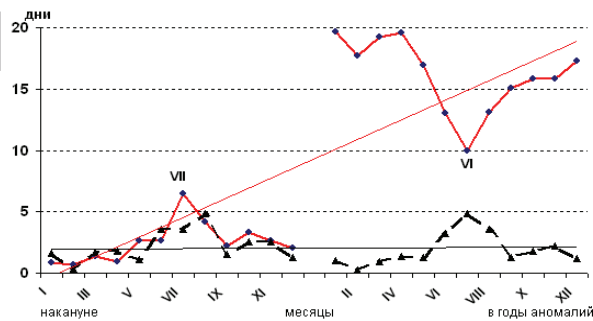

Рис. 4. Количество дней с Зональной группой циркуляции (ЭЦМ 1а – 2в) накануне и в годы Больших (сплошная линия) и малых (пунктир) приростов деревьев.

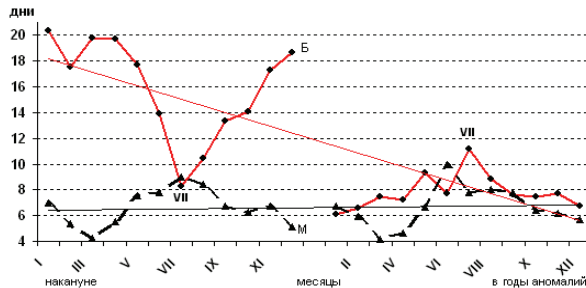

Рис. 5. Группа нарушения зональности (ЭЦМ 3–7 бл) в годы больших (Б) и малых (М) приростов деревьев.

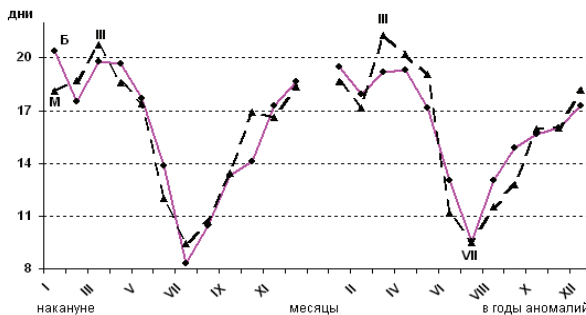

Рис. 6. Меридиональная северная группа циркуляции (ЭЦМ 8а – 12г) в годы больших (Б) и малых (М) величин прироста деревьев.

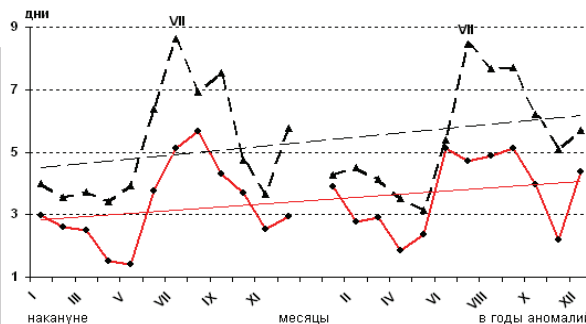

Рис. 7. Меридиональная южная группа циркуляции (ЭЦМ 13з и 13л) в годы больших (Б) и малых (М) приростов деревьев.

Анализ повторяемости группы ЭЦМ нарушения зональности (рис. 5) накануне и в годы аномальных приростов показал сходную картину распределения, но только в зеркальном изображении. Так, в годы аномалий больших приростов 4 месяца имеет место высокая повторяемость зональной циркуляции, после чего идёт резкое снижение до июля, сменяющееся увеличением её повторяемости до конца года. В то же время накануне дат с минимальным приростом происходит зеркальное изменение повторяемости зональной циркуляции только на половину с меньшими амплитудами. В годы с аномально большими приростами максимальная повторяемость зональной циркуляции выше и максимум приходится на июль, но амплитуда колебаний значительно меньше, чем накануне дат аномалий.

Группа ЭЦМ меридиональной северной циркуляции по количеству дней с её повторяемостью имеет весомый вклад, диапазон колебаний в разные месяцы от 8 до 23 дней (рис. 6). Максимальные значения меридиональной северной циркуляции наблюдаются в холодную часть года (январь–апрель), а минимальные – в июле. Следует отметить, что накануне и в годы дат аномалий значительных различий нет.

Меридиональная южная циркуляция атмосферы имеет значительно меньшую повторяемость, чем северная (рис. 7).

Как накануне, так и в годы аномалий преобладание южной группы ЭЦМ не способствует аномально большому приросту сосны и ели, что подчёркивает ход линейных трендов.

Анализ распределения температуры воздуха накануне и в годы аномалий прироста сосны и ели показал, что различия имеют минимальные значения (рис. 8).

Это даёт основание утверждать, что температура воздуха не имеет существенного значения при формировании условий прироста годичных колец деревьев.

Однако в годы с большим приростом наблюдается более высокая температура в июле–сентябре.

Анализ распределения атмосферных осадков накануне и в годы

с противоположными аномалиями прироста показал, что наибольшие различия наблюдаются в периоды относительного покоя с февраля по апрель (рис. 9).

Так, накануне меньшее количество осадков способствует большему промерзанию почвенного покрова, а в годы с аномально большим приростом наблюдается обратная картина.

В результате исследований прироста сосны и ели выявлены годы с аномально

большими и малыми величинами ширины годичных колец сосны и ели, произрастающих на островах Соловецкого архипелага. Установлено, что глобальные факторы среды (солнечная и геомагнитная активность, галактические космические лучи, циркуляция атмосферы северного полушария – кроме меридиональной северной) оказывают большее влияние на формирование прироста сосны и ели, чем региональные – атмосферные осадки и температура воздуха.

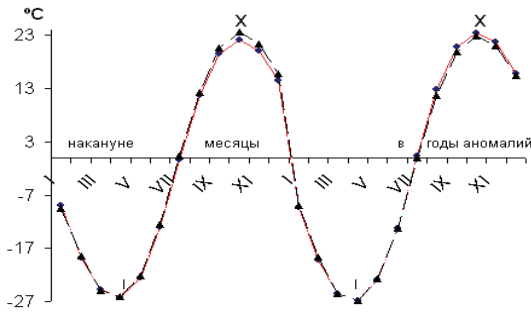

Рис. 8. Температура воздуха накануне и в годы максимума (сплошная линия) и минимума (пунктир) прироста деревьев. С нарастающим итогом.

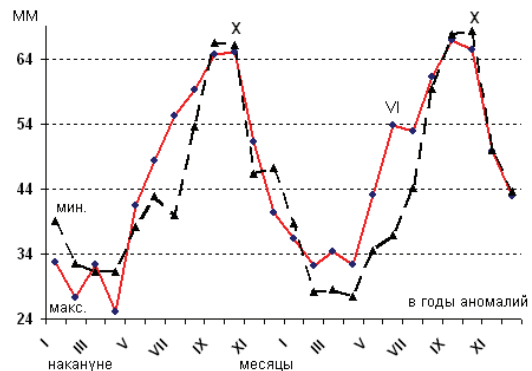

Рис. 9. Распределение осадков накануне и в годы больших (макс) и малых (мин) величин прироста деревьев.

Список литературы:

- [1] Соболев А.Н. Лесные насаждения Соловецкого архипелага, их состояние и закономерности изменения под влиянием рекреации / Автореф. ... канд. сельскохозяйств. наук. – Архангельск, 2009. – 21 с.
- [2] Ловелиус Н.В., Соболев А.Н., Феклистов П.А. Прирост деревьев и климатические данные как элементы мониторинга природной среды Соловецких островов // Проблемы мониторинга природной среды Соловецкого архипелага: Материалы IV Всероссийской научной конференции. – Архангельск, 2009. – С. 45–46.
- [3] Соболев А.Н. Основные итоги реализации программы мониторинга природной среды Соловецкого архипелага в 2003–2007 гг. // Соловецкий сборник. Вып. 6. – Архангельск, 2010. – С. 65–82.
- [4] Феклистов П.А., Соболев А.Н. Лесные насаждения Соловецкого архипелага (структура, состояние, рост). – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – 201 с.
- [5] Ловелиус Н.В., Соболев А.Н. Прирост деревьев и климат на Соловецком архипелаге // География: проблемы науки и образования. Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. LXIII Герценовские чтения. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 151–155.
- [6] Ловелиус Н.В., Соболев А.Н. Изменения прироста деревьев и элементов климата на Соловецком архипелаге // Общество. Среда. Развитие. – 2010, №3. – С. 257–262.
- [7] Соболев А.Н., Феклистов П.А. Структура, состояние и характер роста древостоев основных лесобразующих пород Соловецкого архипелага // Соловецкий сборник. Вып. 7. – Архангельск, 2011. – С. 76–88.
- [8] Кононова Н.К. Классификация циркуляционных механизмов северного полушария по типизации Б.Л. Дзердзеевского. – М. 2009. – 372 с.
- [9] Стажков Ю.И., Сvirжеvский Н.С., Базилевская Г.А., Сvirжеvская А.К., Квашнин А.Н., Крайнев М.Б., Махмутов В.С., Крючкова Т.И. Поток космических лучей в максимуме кривой поглощения в атмосфере и на границе атмосферы (1957–2007). – М., 2007. – 77 с.
- [10] Daily solar indices. – Интернет-ресурс. Режим доступа: ftp://ftp.ngdc.noaa.gov/STP/SOLAR_DATA/SUNSPOT_NUMBERS/
- [11] UK Solar System Data Centre. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ukssdc.ac.uk/wdcl/wdc_menu.html

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРОМАГНИТНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ МОДУЛЯ БЕСПРОВОДНОЙ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ ПО ПРОТОКОЛУ IEEE 802.15.1 (BLUETOOTH) НА ДИНАМИКУ ВЫРАБОТКИ УСЛОВНОГО ПИЩЕВОГО РЕФЛЕКСА У КРЫС

Проведено исследование влияния электромагнитного излучения модуля беспроводной передачи данных по протоколу IEEE 802.15.1 («Bluetooth») на динамику выработки условного пищевого рефлекса у белых крыс в трехлучевом лабиринте. Показан угнетающий эффект двенадцатидневной экспозиции на процессы обучения и памяти. Таким образом, информационные сверхслабые уровни воздействия ЭМИ являются значимыми для когнитивной функции мозга и требуют всестороннего исследования.

Ключевые слова:

беспроводная передача данных, персональный компьютер, трехлучевой лабиринт, условный пищевой рефлекс, электромагнитное излучение.

Мировой научной общественностью признано, что электромагнитные поля искусственного происхождения являются значимым экологическим фактором с высокой биологической активностью [3]. Анализ планов отраслей связи по передаче и обработке информации показывает, что в ближайшем будущем будет нарастать использование технических средств, генерирующих электромагнитную энергию в окружающей среде.

Широкое применение персональных компьютеров, являющихся потенциальными источниками электромагнитного излучения со спектральным составом в диапазоне частот от 0,01 до 3 ГГц [9] и постоянных электромагнитных полей [14], обусловило необходимость изучения влияния этих технических средств на экологическую обстановку рабочего места пользователя.

В настоящее время компании, производящие персональные компьютеры и мобильные телефоны, пытаются избежать ужесточения контроля и соответствующего нормирования параметров выпускаемой продукции, указывают на то, что энергия электромагнитного излучения продукции слишком мала, чтобы оказать значимое негативное влияние путем нагревания биологических тканей. Тем не менее, возникновение множества неблагоприятных воздействий электромагнитного излучения наблюдается при его интенсивностях в несколько сотен тысяч раз меньших, по сравнению с предписанными в стандартах безопасности [21]. В таких случаях не может происходить нагревания тканей, а потому нетепловое воздействие электромагнитного излучения представляет

особый интерес для биологии, медицины и экологии, а его всестороннее изучение необходимо для становления принципиально новой научной платформы для нормирования.

Динамичное развитие информационных технологий и беспроводных средств связи постоянно расширяет спектр используемых населением технических средств – источников ЭМИ и ставит перед научным и медицинским сообществами проблему сложности прогнозирования долгосрочных эффектов соответствующего воздействия [19]. Подобное состояние проблемы придает особую важность любым результатам исследований в области электромагнитобиологии, важнейшим прикладным аспектом которой является экологическая обстановка на рабочем месте пользователя.

Таким образом, в настоящее время особо актуальными являются вопросы комплексного исследования биологического эффекта ЭМИ технических средств связи, хранения и обработки данных нового поколения. К подобным устройствам относятся широко распространенные в быту и рабочих местах персональные компьютеры, неблагоприятное воздействие ЭМИ которых (в стандартном режиме загрузки аппаратных средств) показано в ряде исследований [11; 12].

Особый вклад в спектр ЭМИ ПЭВМ вносят беспроводные устройства передачи данных по протоколу IEEE 802.15.1 «Bluetooth», однако значимость этой составляющей в качестве источника неблагоприятного биологического воздействия практически не исследована, а потому требует экспериментальной проверки.

Клинико-физиологические исследования людей, работающих в условиях воздействия на организм ЭМП различных диапазонов, показали, что у них отмечаются нарушения высшей нервной деятельности, аналогичные результаты получены при работе с лабораторными животными [5; 6]. Показано, что хроническое воздействие ЭМИ приводит к развитию таких негативных последствий, как болезнь Альцгеймера, болезнь двигательных нейронов и болезнь Паркинсона [26], которые сопровождаются гибелью специфических нейронов и могут быть классифицированы как нейродегенеративные заболевания. Многие исследователи считают, что формирование системной реакции организма на облучение ЭМП происходит прежде всего с участием ЦНС [2; 16; 17]. Причем существуют доказательства нетепловой природы эффектов, например, противоположное тепловому действию уменьшение скорости проведения возбуждения при воздействии ЭМИ [15].

Целью настоящего исследования является оценка биологического эффекта ЭМИ средств беспроводной передачи данных на когнитивную функцию мозга млекопитающих с возможностью экстраполяции результатов для организма человека, для чего решались следующие задачи:

1 Оценить возможность влияния электромагнитного излучения модуля беспроводной передачи данных по протоколу IEEE 802.15.1 на становление условнорефлекторной деятельности у белых беспородных крыс в трехлучевом лабиринте.

2 Определить сроки экспозиции, необходимые для физиологических эффектов ЭМИ.

Материалы и методы. Объектом исследования являлись самцы белых беспородных крыс в возрасте четырех месяцев. В соответствии с моделью Махинько и Никитина [7], результаты исследования с такими животными могут служить материалом для экстраполяции на организм мужчины в возрасте 22 лет. Животных разделили на две группы сравнения, по десять особей каждая.

Экспозиция животных в ЭМП ПЭВМ осуществлялась беспрерывно. Животные

каждой экспериментальной группы содержались в клетках, по 5 голов в каждой [13], на расстоянии 0,3 м от ПЭВМ. Питьевая вода предлагалась без ограничения. Кормление проводилось раз в сутки, в день эксперимента – после предъявления манежа.

В качестве источника ЭМИ использовали портативные персональные компьютеры (тактовая частота ЦПУ – 1,06 ГГц) с модулем «Bluetooth». Значения напряженностей электрического и магнитного полей, а также уровни плотности потока энергии (ППЭ) ПЭВМ приведены в таблице 1.

Условия экспозиции групп сравнения отличались исключительно режимами аппаратной загрузки компьютеров: если в первой группе (экспериментальный контроль) ПЭВМ работал в стандартном режиме аппаратной загрузки, то во второй группе компьютер работал в режиме активации модуля «Bluetooth». Таким образом, любые достоверные отличия между группами следует расценивать как результат влияния ЭМИ модуля беспроводной передачи данных. Срок экспериментальной экспозиции составил 12 суток.

Метод оценки влияния ЭМИ на физиологию высшей нервной деятельности настоящего исследования – тест «Трехлучевой лабиринт», в котором животное должно выбирать правильный рукав согласно условной стимуляции (свет). Данный тест позволяет выявлять нарушения памяти и обучаемости у исследуемых животных под действием исследуемого фактора [20].

Целью испытаний в трехлучевом лабиринте является оценка скорости формирования условного пищевого рефлекса у исследуемого объекта и выявление вероятных отличий по этому показателю между экспериментальной группой и контролем.

Определяемая характеристика – количество (доля) правильных выборов в трехлучевом лабиринте. За правильный выбор принимается заход в луч с условным стимулом (свет) и пищевым подкреплением.

Задачей является оценка воздействия экспериментального фактора на процессы долговременной памяти и условнорефлекторной деятельности крыс.

В устройстве «Трехлучевой лабиринт» (рис. 1) происходит попеременное для

Таблица 1
Напряженности магнитного и электрического полей ПЭВМ и величины ППЭ ПЭВМ

Параметр	Напряженность магнитного поля 1–30 МГц (А/м)	Напряженность электрического поля 1–300 МГц (В/м)	Интенсивность ППЭ >300МГц (Вт/м ²)	Интенсивность ППЭ модуля Bluetooth (Вт/м ²)
Значение	1,3·10 ⁻¹	1,1·10 ⁻¹	8,2·10 ⁻⁷	5,5·10 ⁻²

270 | трех лучей предъявление условного стимула, при заходе крысы в такой луч (случай правильного выбора), крыса получает пищевое подкрепление, при заходе в луч без условного стимула (случай неправильного выбора) крыса не получает пищевое подкрепление. Устройство лабиринта запрограммировано таким образом, что, выходя из любого луча, крыса находится в условиях выбора двух других лучей: подкрепленного и не подкрепленного, потому исходный уровень правильных выборов необученного животного, адаптированного к условиям лабиринта – 50%.

Метод позволяет получить точную кривую обучения по серии экспериментов [12; 20]. При этом за счет произведенной автоматизации экспериментальной установки, появляется возможность свести присутствие человека в экспериментальной комнате к минимуму.

Оцениваемые показатели – общее количество лучей, посещенных за время эксперимента и количество правильных выборов.

Экспериментальные исследования проводились в соответствии с общепринятой стереотипной моделью [20], однако автоматизация процесса позволила регистрировать искомые параметры без участия пользователя. Для повышения чувствительности метода, произвели предварительный отбор животных по общим параметрам горизонтальной двигательной активности в тесте «Открытое поле».

Результаты влияния двенадцатидневной экспозиции животных на становление условного пищевого рефлекса представлены на рис. 2.

Результаты исследования свидетельствуют о непосредственном влиянии ЭМИ

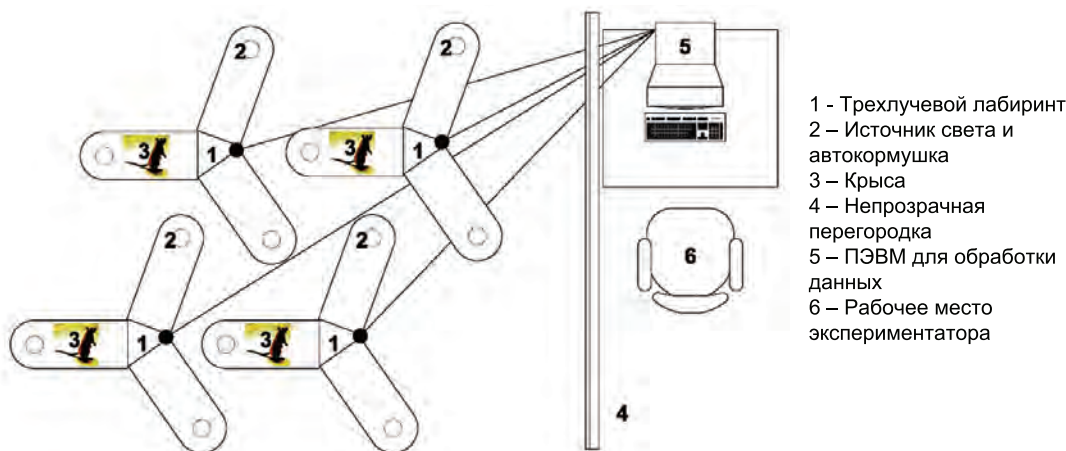

Рис. 1. Схема экспериментального комплекса «Трехлучевой лабиринт».

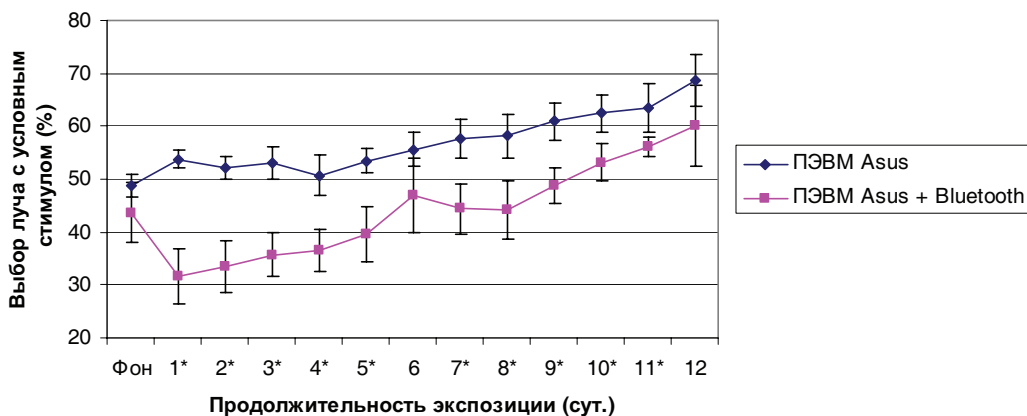

Рис. 2. Влияние ЭМИ модуля «Bluetooth» ПЭВМ на скорость выработки условного пищевого рефлекса у самцов белых беспородных крыс. Данные представлены в виде $m \pm SEM$. * - достоверное отличие между группами, $p < 0,05$.

модуля беспроводной передачи данных «Bluetooth» на скорость выработки условного пищевого рефлекса у крыс. Достоверные отличия наблюдаются в первые сутки экспозиции (53,68 и 31,67 % правильных выборов лучей). В экспериментальной группе животных происходит не только задержка в росте кривой обучения, а ее падение ниже отметки в 50% (до десятого предъявления лабиринте). Последнее, по нашему мнению, свидетельствует об активном избегании животными рукавов со световым стимулом, несмотря на предварительную адаптацию животных к обстановке лабиринта.

Таким образом, активация модуля «Bluetooth» привела к более значительным изменениям в когнитивной функции мозга животных (сильная задержка в скорости выработки условного пищевого рефлекса, признаки тревожности), чем таковые при воздействии ПЭВМ в стандартном режиме загрузки аппаратных средств.

К настоящему моменту аналогичных исследований (влияние длительного воздействия ЭМИ модуля «Bluetooth») не проводилось, так как предполагается что, ЭМИ модуля «Bluetooth» слишком слабы для оказания достоверного эффекта на процесс выработки условных рефлексов. Однако наши результаты подтверждаются данными экспериментов с различными моделями [8; 10; 12; 23; 24; 25], где показан выраженный биологический эффект при сходных параметрах напряженности ЭМП, а минимальное значение ППЭ ЭМИ, оказывающее значимый эффект на параметры поведения млекопитающих (рефлекс избегания у крыс) составляет $1 \cdot 10^{-7}$ Вт/м² [22].

Исследования влияния ЭМИ на процессы памяти посредством анализа динамики выработки условных рефлексов в экспериментальных установках типа лабиринт проводились неоднократно, в большинстве случаев был показан угнетающий эффект воздействия, что являет-

ся подтверждением результатов нашего исследования. Так, в [18] показано, что ЭМИ ПЭВМ при одночасовой экспозиции усиливает возбудительные процессы в ЦНС и сдвигает вегетативный гомеостаз в сторону парасимпатического преобладания, физиологическим проявлением чего является нарушение механизмов памяти. К специфике влияния ЭМИ относится развитие дисфункции вегетативного отдела нервной системы [4].

Дополнительный эффект активации модуля «Bluetooth», показанный в настоящем исследовании, выражен значительно сильнее, чем непосредственный эффект ЭМИ портативного ПЭВМ [12].

Возможные объяснения полученных данных по воздействию модуля «Bluetooth» дает теория информационных воздействий ЭМП на биосистемы [1], основанная на нетепловых и биорезонансных воздействиях ЭМП на биологические системы и процессы. Так, реакция на воздействие сверхслабых ЭМП показана для целого ряда биологических систем. Например, описано ускорение роста высших растений [25], изменения динамики размножения дрожжей [8; 24], изменения в локомоции диатомовых водорослей [23].

В результате проведенных экспериментальных исследований и их интерпретации нами сделаны следующие выводы:

1 Электромагнитное излучение модуля беспроводной передачи данных по протоколу IEEE 802.15.1 «Bluetooth» оказывает достоверный угнетающий эффект на выработку условного пищевого рефлекса у белых крыс в трехлучевом лабиринте.

2. Первые физиологические нарушения выявлены через сутки экспериментальной экспозиции.

3 Модули беспроводной передачи данных являются потенциально опасными для процессов высшей нервной деятельности пользователей персональных компьютеров в случаях их длительного непрерывного использования.

Список литературы

- [1] Акоев И.Г., Алексеев С.И., Тяжелов В.В. Первичные механизмы действия радиочастотных излучений // Биологические эффекты электромагнитных полей. Вопросы их использования и нормирования. – Пущино: АН СССР. НЦБИ, 1986. – С. 4–14.
- [2] Григорьев Ю.Г., Лукьянова С.Н., Рышков В.В., Григорьев О.А., Макаров В.П., Полинцев Ю.В. Реакция человека на электромагнитное излучение сотового телефона // Материалы Межд. сов. «Электромагнитные поля. Биологическое действие и гигиеническое нормирование». – Geneva, Switzerland: World health organization, 1999. – P. 525–536.
- [3] Григорьев Ю.Г., Бичелдей Е.П., Меркулов А.В., Степанов В.С., Шенфельд Б.Е. Определение подходов к нормированию воздействия антропогенного электромагнитного поля на природные экосистемы // Радиационная биология. Радиоэкология. Т. 43. 2003, вып. 5. – С. 544–551.
- [4] Колебания и волны (гигиеническая оценка, нормирование, защита) / Уч. пос.; под. ред. Ю.В. Лизунова, О.П. Ломова. – СПб.: Диалект, 2006. – 272 с.

- [5] Лобанова Е.А., Гордон З.В. Исследование обонятельной чувствительности у лиц, подвергавшихся воздействию СВЧ // О биологическом воздействии сверхвысоких частот. – М.: Наука, 1960. – С. 52–56.
- [6] Лобанова Е.А., Гончарова А.В. Исследование условнорефлекторной деятельности животных (белых крыс) при действии ультракоротких и коротких волн // Гигиена труда и профзаболеваний. – 1971, № 1. – С. 29.
- [7] Махинько В.И., Никитин В.Н. Константы роста и функциональные периоды развития в постнатальной жизни белых крыс. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 308–326.
- [8] Мухачев Е.В., Михайлова К.А., Габай И.А., Носов В.Н. Метод биотестирования влияния электромагнитного излучения УВЧ диапазона с использованием модели ингибируемого роста колоний дрожжей *Saccharomyces cerevisiae* // Общество. Среда. Развитие. – 2011, № 4. – С. 247–250.
- [9] Мырова Л.О. Защита от электромагнитных излучений // Безопасность и охрана труда. – 2008, № 1. – С. 5–11.
- [10] Носов В.Н., Мухачев Е.В., Габай И.А. Возможность экспресс-анализа воздействия абиотических факторов на биологические системы, основанная на использовании зародышей *Danio rerio* (Teleostei) // Материалы 3-й Всероссийской конференции с международным участием «Медико-физиологические проблемы экологии человека». – Ульяновск, 2009. – С. 226–227.
- [11] Носов В.Н., Габай И.А., Мухачев Е.В., Михайлова К.А. Воздействие электромагнитного излучения ПЭВМ различных производителей на пролиферацию *Paramecium caudatum* // Материалы 5-й Всероссийской конференции с международным участием «Медико-физиологические проблемы экологии человека». – 2011. – С. 194–195.
- [12] Носов В.Н., Мухачев Е.В., Габай И.А., Михайлова К.А. Воздействие электромагнитного излучения модуля беспроводной передачи данных Bluetooth на обучение крыс в трехлучевом лабиринте // Материалы 5-й Всероссийской конференции с международным участием «Медико-физиологические проблемы экологии человека». – 2011. – С. 193–194.
- [13] Степанчиков М.Ю., Здобнова И.М., Зарубенко И.И., Лазарева Н.А., Гуляева Н.В. Исследование эффектов центрального введения β-амилоидного пептида (25–35): патоморфологические изменения в гиппокампе и нарушение пространственной памяти // Журнал высшей нервной деятельности. Т. 54. – 2004, № 5. – С. 705–711.
- [14] Сынзыныс Б.И., Ильин А.В. Биологическая опасность и нормирование электромагнитных излучений персональных компьютеров. – М.: Русполиграф, 1997. – 64 с.
- [15] Тигранян Р.Э., Хафизов Р.З., Тяжелов В.В. Действие низкоинтенсивного СВЧ-ЭМП на нервно-мышечный препарат лягушки // Тез. докл. Всес. симп. Биологическое действие ЭМП. – Пушкино, 1982. – С. 14.
- [16] Холодов Ю.А. Реакция нервной системы на электромагнитные поля. – М.: Наука, 1975. – 207 с.
- [17] Чиженкова Р.А. Импульсные потоки популяций корковых нейронов при СВЧ-облучении: межспайковые интервалы // Радиационная биология. Радиоэкология. Т. 41. – 2001, № 6. – С. 700–705.
- [18] Шевель Д.М. Электромагнитная безопасность. – М.: Век, 2002. – 432 с.
- [19] Binhi V.N. Report from Russia – electromagnetic fields and human health // The third international conference «Electromagnetic fields and human health – fundamental and applied research». – 2003. – P. 17–25.
- [20] Choy KH, Dean O, Berk M, Bush AI, van den Buuse M. Effects of N-acetyl-cysteine treatment on glutathione depletion and a short-term spatial memory deficit in 2-cyclohexene-1-one-treated rats. // Eur. J. Pharmacol. – 2010, № 15. – P. 224–228.
- [21] Goldworthy A. The biological effects of Weak Electromagnetic Fields. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.goldworthy-bio-weak-em-0.7.doc. – 2007. – P. 1–15.
- [22] Havas M. Analysis of health and environmental effects of proposed San Francisco Earthlink Wi-fi network // San Francisco Earthlink Wi-fi network. – San Francisco, 2007. – 51 p.
- [23] McLeod M., Stein M., Beach D., The product of the *mei3* gene, expressed under control of the mating-type locus, induces meiosis and sporulation in fission yeast // EMBO J. – 1987, V. 6. – P. 729–736.
- [24] Mehedintu M., Berg H., Proliferation response of yeast *Saccharomyces cerevisiae* on electromagnetic field parameters // Bioelectrochem. Bioenerg. – 1997, V. 43. – P. 67–70.
- [25] Muraji M., Tatebe W., Fujii T. On the effect of alternating magnetic field on the grows of primery root of corn // Met. Fac. Ing. Osaka city univ. – 1992, V. 33. – P. 61–68.
- [26] WHO – World Health Organization 2007. Extremely low frequency fields. Environmental health criteria. – Geneva, Switzerland, 2007. – 238 p.

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

ЧИСЛО

Универсалия культуры; образно–логическое обобщение представлений о красоте, порядке, мере, гармонии, симметрии/асимметрии и др. этого ряда; мифологема, запечатлевшая недискретность и упорядоченность Космоса с его богами, человеческой действительностью и артефактами; инструмент магии, эзотерического знания, гадания; принцип иерархизации и счисления. В плане генезиса и истории Ч. фиксирует ритмические доминанты бытия, порождая термины их описания; служит метатермином в семье числовых категорий, в мире пластической и символической стереометрии и нумерологии как форме интегрального знания; заполняет знаками своего семантического поля области логического умения и эстетической практики, лежащие между искусством и наукой (золотое сечение, линия Хогарта, идея математического черновика в живописи Ренессанса; Кабала, мистика и символика чисел; алхимия и астрология). Типология чисел позволяет выявить природу национальных картин мира. Ч. в ходе эволюции от знака, маркирующего универсальные оппозиции Космоса и быта, развивается в категорию инструментально–космологического (Египет) и иррационального (открытие нуля) содержания; насыщается онтологическим и эйдологическим смыслом (Античность), утверждается в основе сложных политеистических иерархий (Индия, Китай, Япония), становится объектом и приемом метапсихологического видения (в пиктографии и гадательных операциях Старого Китая). Если западное мышление осталось при пифагорейской формуле «вещи – это числа» (т.е. Ч. – логический принцип и эй-

дос–первообраз богов, явлений, качеств, существ и вещей), то Восток принял обращенный смысл той же формулы: «числа – это вещи» (т.е. числа – это объект конструктивного соматического переживания и материал своего рода условной комбинаторики, конфигурирования и проектирования ментальных пространств сознания). Ч. в западных культурных моделях знаменует идею порядка и количества; Восток ценит в числах «качества»: ритмическую предсказуемость, иррационально–вещественную амбивалентность (мнимые числа), надлогическую «хитрость», ускользаемость в них последнего смысла (т.е. «последнего числа»). Античное понимание чисел как автономных структур создало традицию аритмологической герменевтики (наиболее яркую – в эллинистический период: Прокл, Плотин, Порфирий, Ямвлих, Филон Александрийский) и теологии (Августин, Боэций, Петрици, Фома Аквинат). Библейская алфавитно–числовая система сефирот (повлиявшая на арабскую магию текста и через византийскую традицию – на числовые контексты славянских азбуковников), наряду с астролог. и алхимической символикой, родственной числовому мировидению Дальнего Востока, составили основу мирового эзотерического знания, впоследствии профанированного в эклектических учениях масонства и оккультизма. Ренессанс развил возможности особой филологии числа (Данте), поддержал идущую от Платона традицию создания утопий и антиутопий на основе регулятивного числа (Ф. Бэкон, Т. Кампанелла, Т. Мор, Ф. Рабле; ср. опыты Ш. Фурье, и Э. Кабэ и в XX в. – Р. Музиля, а в России –

* Продолжение. Начало в №№ 1'06, 1–4'07, 1–4'08, 1–4'09, 1–4'10, 1–4'11, 1–3'12.

Ф. Булгарина, В. Одоевского, В. Хлебникова, Е. Замятина); создал учение о Божественной Пропорции (Лука Пачоли) и гармонической архитектонике (Л.–Б. Альберти), связал с Эросом и антропологической проблематикой (Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола), повысил в ранге инструментально–логическую эстетику числа (Леонардо, Дюрер), заново осознал Ч. как универсалию Космоса и как основной структурный принцип микросмоса (Николай Кузанский, Дж. Бруно). Философия математики и числовая эстетика разводит свои объекты в эпоху Кеплера, Лейбница и Г. Сковороды. Позже осуществляются попытки математического прогноза будущего («дифференциал истории» в «Войне и мире» Л. Толстого). XX в. проявил особое внимание к эстетико–числовой технологии текста (см. тему числа в авангардной поэзии: В. Брюсов, Н. Гумилев, А. Белый, З. Гиппиус), к вопросам эстетики математического мышления (П. Флоренский). Поиск «формулы красоты» в гуманитарных комплексных исследованиях обернулся актуализацией и тематизацией «красоты формулы». Если для классического рационализма Ч. свидетельствует о совершенстве Божьего творения («Бог–математик» Лейбница) и положено как имманентный принцип его саморазвития, то философско–литературный авангард увидел в чис-

ле угрозу сплошь детерминированного мира, обращенную на личность (тема «петербургской литературы», рассмотревшей «регулярность» Невской Столицы как фундаментальный принцип Числа–Города и Города–Логоса). Брюсов тематизировал Ч. в урбанистической и «научной» поэзии; Хлебников пытался отыскать алгоритмы истории (ритмику рождения великих личностей; прогноз последовательности морских катастроф), Д. Хармс пытался осознать эстетические возможности нуля. Релятивные картины мира, возникшие в науке и искусстве на рубеже веков, размыли классические абрисы чисел как эйдосов красоты и совершенства. Числовые символы в прозе Борхеса знаменуют общность мировой культурной памяти на фоне гротескной реальности и бессмысленной истории. Тем интенсивнее в трудах математиков нашего столетия эстетизируется числовая архитектура точного знания (Н. Бурбаки, Н. Винер). Неопифагорейской ностальгией повита современная космогония и космология, общая теория систем, теории игры и конфликта, экспериментальная психология, труды адептов нетрадиционной историологии (группа проф. М.М. Постникова); пафос числа присущ неоструктуралистским штудиям культуры, языка и мифа, постмодерну в поэзии, живописи и музыке, дизайну, моде на оккультное знание.

Тексты: Брюсов В.Я. Числа, 1898; Мир электрона, 1922; Гумилев Н.С. Слово, 1921; Гиппиус З.Н. Числа, 1903; Кеплер И.О. шестиугольных снежинках. М., 1983; Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978; Рытхеу Ю. Магические числа // Новый мир. М., 1985. № 6, 7, 8; Хармс Д. Sicfinitum (Хармс Д. Полн. собр. соч. 1997. Т. 2. С. 309–312); Хлебников В. Числа, 1912; Учитель и ученик. О словах, о городах и народах. Разговор 1, 1912; Спор о первенстве, 1914; Закон поколений, 1914; Своясн, 1919; Соллерс Ф. Числа. Роман. 1968.

Исследования: Айрапетян В. 1) К числам в графике неолита // Структура текста–81. М., 1981. 75–76; 2) Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992 (указ.); Бражникова Н.С. Число в стиле Маяковского // Поэтика реализма. Куйбышев, 1984. С. 75–86; Бернфельд С. Числа // Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т. 15. С. 874–880; Бревде Г.М. Иносчисление // Хлебниковские чтения. СПб., 1991. С. 101–105; Бурбаки Н. Архитектура математики // Н. Бурбаки, Очерки по истории математики. М., 1963. С. 245–259; Былинин В.Н. Одна из форм книжной поэзии: вербально–числовые тождества // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988. С. 18–27; Бычков В.В. Зарождение средневековой эстетики числа и ритма // Философия искусства в прошлом и настоящем. М., 1918. С. 67–123; Васильев А.В. Числовые суеверия. Казань, 1886; Вейль Г. Математическое мышление. М., 1989; Ветловская В.Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых» // Труды Отдела древнерус. литерат. Л., 1971. Т. XXVI. С. 139–150; Володарский А. И. Древнеиндийские системы нумерации // Индийская культура и буддизм. М., 1972. С. 82–89; Григорьев В.П. Образ числа // В.П. Григорьев. Грамматика идиостилия. В. Хлебников. М., 1983. С.119–130; Демидов С.С. О математике в творчестве П. Флоренского // П.А. Флоренский и культура его времени. Марбург, 1995. С. 54–69; Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л., 1990; Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия знаковых систем. М., 1978; Ильин И.А. Эстетика гармонии и числа // И.А. Ильин. История искусства и эстетика. М., 1983. С. 221–252; Исупов К.Г. 1) Число как метафора истории (Борхес и Хлебников) // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе 19–20 вв. Пермь, 1989. С. 154–163; 2) «Номо Numerans» Николая Кузанского // Историко–философский ежегодник'92. М., 1994; Исупов К.Г., Ульянова О.Н. Число в поэтике утопического жанра // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988. С. 36–47; Карапетьянц А.М. Древнекитайская системология и математика // XII Научн. конференция «Общество и государство в Китае». М., 1981. Ч. 1. С. 58–72; Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995; Кобзев А.И. 1) Методология традиционной китайской философии // Народы Азии и Африки. М., 1984. № 5. С. 52–62; 2) Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1993; Лахузен Т., Максимо-

ва Е., Эндриус Э. О синтетизме, математике и прочем... Роман «Мы» Е.И. Замятина. СПб., 1994; Лосев А.Ф. 1) Диалектика числа у Плотина. М., 1928; 2) Числовая и структурная терминология в греческой эстетике периода ранней классики // Вопросы античной филологии. М., 1966. С. 29–44; Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры // Ю.М. Лотман. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 58–63; Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972; Кудин П.А. Пропорции в картине как музыкальные созвучия. СПб., 1997; Марр Н.Я. О числительных // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. Сб. статей. I; Нидербуде А. Между формализмом и интуитивизмом: Математика и литература в начале XX в. // Литературоведение XXI в. Тексты и контексты русской литературы СПб. – Мюнхен, 2001. С. 162–178; Новичкова Т.А. Традиционные числа в былинах // Известия ОЛЯ АН СССР. М., 1984. Т.43. № 2. С. 144–155; Пиаже Ж. Генезис числа у ребенка // Ж. Пиаже. Избр. психол. труды. М., 1969; Равдоникас Ф. В. Музыкальный синтаксис. СПб., 2002; Садов А. И. Знаменательные числа. СПб., 1909; Силард А. 1) Андрей Белый и П. Флоренский (Мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством) // *Studia Slavica Hungarica*, 1987. № 33. S. 227–238; 2) Жанровые проблемы символистской прозы (роман и математика) // *Studia slavica Hungarica*, 1988. № 34. S. 93–112; 3) Математика и заумь // Заумный дадаизм и футуризм в русской литературе. Берн, 1991. С. 333–352; Симонов Р.А. Математическая мысль Древней Руси. М., 1977; Страхов Н. Н. О времени, числе и пространстве // Русский вестник, 1897. Январь; Сыркин А.Я. Числовые комплексы в ранних упанишадах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. IV. С. 76–85; Топоров В.Н. 1) К семантике троичности (слав. 'тризна') // Этимология–1977. М., 1979; 2) К семантике четверичности (анат. 'мен') // Этимология–1981. М., 1983; 3) О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3–58; 4) Числа // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 629–631; Ульянова О.Н. 1) Число в диалоге мировоззрений // Известия Груз. АН. Серия философии и психологии. Тбилиси, 1985. № 4. С. 43–48; 2) Число в истории эстетического опыта // Филос. науки. М., 1986. № 5. С. 147–151; Феофан (В.Л. Быстров). архим. Тетраграмма, или Ветхозаветное Божественное имя. СПб., 1905; Флоренский П.А. 1) Пифагоровы числа // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5; 2) Приведение чисел // Богословский вестник. М., 1916. Июль. С. 292–321; Фролов Б.А. Числа в графике неолита. Новосибир., 1974; Шапочников Н.А. Опыт математического выражения понятий и выводов этики. М., 1896; Чистякова Э.И. Символ как число в теории символизма (По поводу философских размышлений А. Белого) // Филос. и социолог. науки. Киев, 1989. № 6. С. 92–96; Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960; Эккартсгаузен К. Наука числ (Ключ к тайнам Природы). СПб., 1815; Эльбрус А. Поэтика и математика (Хуруфизм в средневековой восточной поэзии и его математическое раскрытие). Баку, 1973; Granet M. *La pensée chinoise*. Paris, 1934; Menninger K. *Number words and number symbols. A cultural history of numbers*. Camb. (Mass.), London, 1970; Whit J. *Mathematical Imagery in Musil's «Young Torless» and Zamyatin's «We»* // *Comparative Literature*. 1966. P. 71–78.

ЭСТЕТИЗМ

1) Перенос явлений искусства на бытовую реальность; 2) восприятие исторически актуальной действительности как эстетического артефакта; 3) самоорганизация биографии как художественного произведения. Термин «Э.» широко употребляется в негативном оценочном смысле, когда имеется в виду Э. ренессансного типа, чреватый ложной героизацией «я», гиперсемиотизацией реальности (она «читается» как текст символистский или загадывается как энигматический), кризисом общения, страхом перед жизнью. Романтический Э. превращает жизнь в «роман», а реальных людей – в его «персонажей» (см. театрализовано-«литургический» культ «прекрасных дам» в среде немецких романтиков и русских символистов). Итог этой разновидности эстетизма – профанация Эроса, превращение его в эротофагию (Ф. Степун). Таков и ницшеанский Э., в кот. окончательно разведены этическое и эстетическое: первое обращено в амбивалентно-циническое самоосмеяние–величание, а второе – в неведающую собственной альтернативы самодовлеющую «красоту» (т.е.

красоту силы, витальной цепкости, онтологического упрямства). Э. оказывается суррогатом веры и лже-религией. Бессознательная подоплека названных форм саморазрушения «я» – нарциссизм; его дериватами в сфере бытового поведения можно считать кокетство, салонное «жизнетворчество», намеренное шутовство и юродство, самолюбование отчаянием, «самосочиненность» (словечко Достоевского), и творческий самообман. Однако подлинные социальные мотивации могут иметь и вполне трагический характер. Они принуждают насильственно овнешненное «я» к спасительному театру личин и к исполнению ампула ожидаемых обществом ролевых стратегий (Теккерей В Книга сновов, 1847). В ситуации, когда «в жизни жизнь переходит в искусство» (Б. Пастернак) мы имеем дело с эстетической защитной реакцией на отчужденную «я» враждебную действительность. Европейская тема приносимого искусством зла (Т. Манн) родилась из предпочтения «духа музыки» хтоническому гнету внешних стихий чуждого мира; но «рождение искусства из духа

музыки» (Ницше), знаменует для романтической традиции эстетизма не победу гармонических орудий Аполлона, а торжество дионисийского экстаза в хаосе. В русской традиции в красоте не только спасение (по реплике героя Достоевского, Зосимы), но также и искупление. Нетрудно эстетизировать страдание и превратить его в предмет греховного самолюбования (о чем многократно предупреждали подвижники аскетического опыта), но и картина мира, в котором не страдает никто, как у Лейбница, с его гипероптимистической теодицеей, – может стать результатом эстетского восприятия мироздания за рамками органического Зла. В дневниковой записи русского мыслителя: «Есть красота, и есть служение красоте, и есть потребительское отношение к красоте: эстетизм. И очень похожий на эстетизм есть оптимизм,, как, тоже вовсе не оправдываемая личным творчеством добра, вера, что все в мире идет к лучшему» (Пришвин М. Незабудки. М., 1969. С. 152). Второе значение термина «Э.» («эстетика истории») актуализируется уже в эпоху перехода от мифологических описаний к раннеисторическим, в рамках которых человек, вовлеченный в мировой поток необратимого времени, может быть понят лишь в категориях возвышенной трагедии (карма в традициях индуизма и буддизма; Судьба в трагическом историзме Ветхого Завета) и мистериально–жертвенной катастрофы (эсхатологич. пафос «Откровения» Иоанна Богослова). Драматизованная историография Античности и Средневековья, хронографии Византии и историческая проза возрожденцев, декоративно–приключенческие мемуары и хроники Просвещения и героическая монументальность русских летописных сводов, беллетризованный пассаизм романтиков, с их обостренной исторической интуицией и поэтической историософией, – весь этот эстетический опыт памяти усовершенствовал особый механизм зрелищного восприятия прошлого («феатр истории», «высокое зрелище») то в виде спектакля («игра»), то в виде картины («эффразис»), то в виде литературного текста («роман жизни» в «Евгении Онегине»), а позже – в поэтике синема. Термины, фиксирующие типы мистической коллективности («почва», «соборность», «богочеловечество», «всемирность», «симфония», «ноосфера»), также обогатились эстетическими акцентами. «Философия истории» Гегеля – в той же мере героический эпос Мирового Духа, в какой «Закат Европы» О. Шпенглера – трагический фарс, а

«Смысл истории» Н. Бердяева – манихейский фельетон. Третий смысловой слой термина «Э.» (построение жизни как текста) важен для философской критики всякого художнического артистизма и того специфического единства высказывания, поступка и произведения, кот. Грибоедов и Батюшков отразили в формуле «пишу, как живу и живу, как пишу», а М. Пришвин назвал творческим поведением. Мыслители и художники романтического типа свои биографии творят по закону литерат. жанра («песня», «поэма», «роман») или по действию высокого сакрального архетипа («поэт = жрец/жертва», «изгнанный пророк», «мессия»; «Встреча», «Голгофа»). В поведении и реальных судьбах вольнодумцев и масонов 18 в., Карамзина, Пушкина, Голя, Герцена, Бакунина позитивный Э. жизнестроения отвечал осознанному мессианизму как основному стимулу творчества. Тот же мессианский Э. стал формой художнической судьбы Ф. Достоевского, Н. Федорова, К. Леонтьева, В. Гаршина, Л. Толстого, В. Соловьева, А. Блока (ср. тему «вестничества» у оберидутов (Я. Друскин) и Д. Андреева. Умельченно–редуцированный вид приобрел Э. такого типа при переходе его из мессианизма в учительско–пропагандистский миссионеризм демократического толка в эстетике круга «Современника» и «Отечественных записок» (Н. Чернышевский, Н. Некрасов). Направленным жизнестроительным активизмом отмечено творчество большинства символистов и футуристов. В бытовом и философском опыте софиологов и имяславцев, «апокалиптиков» (В. Свенцицкий) и «соловьевцев» (А. Белый), в памятниках «христианского символизма» («Столп и утверждение Истины», 1914 П. Флоренского) и персонализма («Самопознание», 1940 Н. Бердяева), в творчестве мирискусников и авангардной теории «магического» (Ф. Сологуб) театра и «театра для себя» (Н. Евреинов), в философско–исторической критике (П. Бицилли) сложно переплелись ностальгический пассаизм и стилизация старых эпох и мировоззрений «александризм», «греческое возрождение», православное визионерство и инославные рефлексы, декадентская гримаса отвращения к «низкой» действительности, салонная утонченность цитатной риторики, мессианская поза («апокалиптики», «голгофские христиане» «нововиновцы»), юродская самоирония, культ от добра и зла отрешенной красоты, эстетика гибели, мода на эзотерическое знание, философия Эроса и Танатоса, истерическая эсхатология

последнего исторического дня, цинический пафос революционного разрушения и привычный трагизм русской исторической реальности. На этом фоне самоорганизация личной биографии как упорядоченного текста была единственно возможной для философа и художника формой онтологического поединка с разрушенным миром ценностей и распавшейся на осколки личности, т.е. преобразования хаоса стихий в космос культуры (миры, по слову Блока, должно строить «не на хаосе, а из хаоса»). Автор концепции «эстетической самоорганизации личности» – Ф. Степун, как ранее – П. Флоренский и С. Булгаков, уверены, что в форме личности каждый становится формой само себя. В ранних работах А. Мейера говорится об эстетической завершенности бакунинской жизни и о революционере как «художнике–артисте»; позднее он построит концепцию жертвенной мистерио-

логии культуры, согласно которой все частные сознания поднимаются к единомножественному «Верховному Я»; оформляется эта богочеловеческая Встреча в контексте литургико–эстетического действия. Русская богословско–эстетическая теодицея и художественное оправдание жизни искусством сошлись в общей точке положительной эстетики жизни и истории. Глубину конфликта меж этическим и эстетическим в Э. русская религиозная философия изучала на героях Достоевского; особое внимание снискал Э. Ставрогина (С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Аскольдов–Алексеев). Эстетизованная бесовщина вторым накатом настаивает нашу современность: см. артистизм цинизма и профессионально эстетизованного глумления над человеком и святынями христианской культуры в литературе, живописи и публицистике вырвавшегося на свободу андеграунда.

Тексты и исследования: Аркан Ю. Л. Эстетизм в философии // Звучащая философия. СПб., 2003. С. 10–22; Аскольдов С.А. Психология характеров у Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и матер. Л., 1924. Сб. 2; Барбье д'Оревильи Ж.А. О дендизме и Джордже Бремеле, 1845. (Вступ. статья М. Кузмина). СПб., 1912; Бердяев Н.А. 1) Константин Леонтьев. Париж, 1926; 2) Мутные лики («Воспоминания о А. А. Блоке» А. Белого // Эпопея. 1922. № 1–3) // София. Проблемы русской духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923; Бодлер Ш. Поэт современной жизни // Ш. Бодлер об искусстве. М., 1986; Бухштаб Б.Я. Эстетизм в поэзии 1840–х гг. в пародии Козьмы Прутков // Труды Отдела новой русской литературы. М.; Л., 1948. Вып. 1; Габитова Р. М. 1) Философия немецкого романтизма. М., 1978; 2) Философия немецкого романтизма. Гельдерлин. Шлейермахер. М., 1989; Гайденок П.П. Трагедия эстетизма. М., 1970; Гальцева Р.А. Семь злейших духов // Вопросы литературы, 1991. № 8. С. 37–49; Гроссман Л.П. Дендизм Пушкина // Л. Гроссман. Этюды о Пушкине. М., 1925; Лотман Ю. М. Русский дендизм // Ю. М. Лотман. Беседы о русской культуре (Быт и традиции русского дворянства <18 – нач. 19 века>). СПб., 1994. С. 123–135; Исупов К.Г. 1) Роман Ф. Степуна «Николай Переслегин» в истории отечественного эстетизма // Тезисы Междун. конф., посвящ. 120–летию И.А. Бунина. Елец, 1990; 2) Русская эстетика истории. СПб., 1992; Ильин А.А. // Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. 21. Сноб // А.А. Ильин. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 129–131; // Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. 1. Теория. М., 1920; Кутлуни А.Г., Малышев М.А. Эстетизм как способ понимания жизни в философии Ницше // Филос. науки. 1990. № 9. С. 67–76; Леонтьев К.Н. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам). М., 1912; Степун Ф.А. Николай Переслегин. Париж, 1929; Насимович С.Т. Эстетизм и эстетика // Багульник, 1916. № 3; Ерасова Е. Маски Макса // Иностран. литература, 2003. № 11. С. 234–241; В.К. Артистическая эпоха и ее последствия (По страницам Федора Степуна) // Вопросы литературы. М., 1997. № 2. С. 124–165; Колесникова А.В. Жизнетворчество как способ бытия интеллигенции. АКД. Новосибирск, 2003; Стъянова И. Към начало на естетизма // Филос. альтернативи. София, 2002. Г. 11. № 5. С. 28–40; Троллоп А. Щеголь ли он? Роман. СПб., 1878; Чернышева М. «Г-н Г. рисует денди...» Шарль Бодлер о дендизме повседневной жизни // Преломления: Труды по теории и истории литературы, поэтике, герменевтике и сравнительному литературоведению. СПб., 2004. Вып. 3. С. 181–186; Чулков Г. Траурный эстетизм // Аполлон, 1910. № 4.

А. Ю. Жанаев, Д.Д. Цыренов

«ПОГРАНИЧЬЯ КУЛЬТУР – КУЛЬТУРЫ ПОГРАНИЧЬЯ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ – НОВЫЕ ВЫЗОВЫ»

2–30 мая 2012 г., Варшава

В условиях пограничья культур как феномена, возникающего в столкновении с чужой цивилизацией, актуальным становится защита и интеграция идентичности при соответствующей коммуникативной компетенции взаимодействующих субъектов. Для реализации этой задачи с 2011 года работает Польско-Сибирская группа в рамках программы «Poland-Russia: Opening the window» и Международная школа гуманитарных наук восточной Европы.

Пилотный проект был сосредоточен на реконструкции польско-российского взаимопонимания в сфере представлений и стереотипов. Нынешний семинар, организованный Институтом междисциплинарных исследований «Artes Liberales» Варшавского университета посвящен исследованию «Пограничья культур – культуры Пограничья: старые проблемы – новые вызовы». География включала профессорско-преподавательский состав и молодых преподавателей, аспирантов и студентов из России (Санкт-Петербург, Улан-Удэ, Якутск), Польши (Варшава, Познань), Украины (Львов, Запорожье, Киев).

Круг обсуждаемых проблем достаточно широк. Краткий обзор содержания докладов показывает, что в них затрагиваются актуальные темы теории, методологии и практики современной науки. Центральной идеей семинара стало исследование взаимодействия культур с точки зрения конгруэнтности междисциплинарного подхода, который, согласно проф. А.О. Бороноеву (Санкт-Петербург), является важнейшим фактором интеграции наук. Именно такой всесторонний научный диалог, по мнению ученого, способствует разрешению проблем взаимодействия цивилизаций. Несмотря на отсутствие четких цивилизационных границ, нельзя отрицать существование пограничьи, которые должны стать полем диалога, а не местом столкновения. Одной из форм такого диалога является российское *евразийство*

рубежа XIX–XX веков, многие идеи которого на фоне экономических и этнических вопросов могут быть весьма эффективными для современной России. Согласно данной концепции русская и «периферийные нерусские» культуры образуют *многонациональную* нацию с особой евразийской идеологией и русской культурой в качестве ее центра. С другой стороны, не отрицается функционирование региональных культур и идеологий, но могут работать своя или чужая идентичность и эмпирические знания. Концепция рассматривает Россию как регион Пограничья: «Россия – не Европа и не Азия, а русский мир, который вбирает культуру европейскую и азиатскую». Евразия предстает как иерархическая модель взаимодействующих цивилизаций, гарантией существования которой являются идеи взаимоуважения и поиска диалога.

Иную перспективу Пограничья как конкретной периферийной области рассматривает д-р И. Пешков (Познань) на опыте пограничной жизни забайкальских диаспор в Китае. Регион, который сейчас включает современное Забайкалье и округ Хулун-Буир (Барга) во Внутренней Монголии, был некогда относительно интегрированным районом, где в результате многовекового сосуществования китайцев, монголов, русских, эвенков, дагуров образовалось особое трансграничное сообщество с тесными родственными и экономическими отношениями. Бурные события XX века (гражданская война, панмонгольское движение, культурная революция, модернизация, приток пришлого населения, обострение советско-китайской геополитической конкуренции) изменили состав населения региона, вызвав вынужденную эмиграцию части забайкальских сообществ на территорию Китая. Дальнейшая концептуализация государственной границы и появление официальных нарративов о прошлом региона определяет возможность

акцептации диаспор (забайкальских) в эмиграции и на родине, создавая ментальный барьер между представителями одного сообщества через «доминирование политической солидарности над этнической». Таким образом, при наличии идентичного исторического опыта, представители одного сообщества по обеим сторонам границы выбирают разные виды памяти, которая является не только субъективным пониманием прошлого, но и отражением политических и социальных практик конструирования границ двух государств.

И. Пешков, отказываясь от модернистского понимания истории, обращается к нарративам непосредственных свидетелей реальных исторических событий. Практическая ценность данного подхода поддерживается в выступлениях доктора Альберта Явловского (Варшава), посвященным исследованиям микроистории, отказывающейся от чрезмерной концентрации на политических, экономических и макросоциальных факторах. Вместо этого предлагается совершенно иная перспектива восприятия социальных и культурных процессов, где точкой отсчета является сам человек, его жизненный опыт и локальная историческая память. Одним из качественных методов исследования микроистории, предложенный Явловским, является эксплоративный метод анализа визуального материала (фотографии), рассматривающий повседневную жизнь людей в качестве важного индикатора широких социальных процессов.

Другой пример использования микроистории Пограничья рассматривается д-ром В. Симоновой (Санкт-Петербург), которая с помощью локальных нарративов описывает различные аспекты жизненной стратегии эвенков Северобайкальского района Бурятии. Результаты исследований региона показывают, что, несмотря на экономические и социальные изменения XX века, затронувшие данное сообщество, до сих пор не потеряли актуальность традиционные техники и навыки выживания в условиях тайги. Это позволяет наблюдать встраивание локальных представлений о развитии и организации быта в динамику направлений культурной политики по отношению к коренному населению Сибири. В условиях такого культурного Пограничья, можно наблюдать различные формы синкретизации традиций, представляющую уникальный продукт цивилизационного взаимодействия. В. Симонова обозначила круг острых проблем, от решения которых, возможно, зависит будущее

существование данной локальной формы социальной организации.

Сходные вопросы были подняты профессором У.А. Винокуровой (Якутск), которая, с точки зрения экософии и знания коренных народов о состоянии Земли, представила парадигму выживания человека в экстремальной среде обитания в условиях глобального изменения климата. Центральной идеей новой концепции является возрождение национального способа организации быта. При этом важнейшей составляющей отношения к смыслу существования являются память человека и этническая память, активизирующаяся для мобилизации духовных ценностей, унаследованных от предыдущих поколений.

Кроме того, профессор У. Винокурова рассматривает этнокультурное образование и этнокультурную идентичность народов России в условиях ратификации Болонской декларации и введения ФГОС. В качестве этнокультурного образования Винокурова понимает составную часть общего государственного образования в полиэтничном государстве, многомерное историко-политическое, социокультурное и педагогико-организационное явление, основой которого является творческое освоение этнокультурных ценностей. Однако в условиях введения ФГОС, как она утверждает, происходит унификация образования: исчезает национально-региональный компонент. Таким образом, в условиях пограничья культур повышается роль образования, которое определяется как арена борьбы за поддержание конкурентоспособности России при глобальном переосмыслении инновационных и экономических преобразований в обществе.

Представленный круг проблем является примером осмысления современной ситуации Пограничья и ее отдельных аспектов. По докладам, которые были представлены как микроспецикурсы по темам, состоялись дискуссии, которыми искусно руководили проф. Я. Кеневич и проф. З. Морохоева.

Всеми участниками Международного семинара-школы и приглашенными учеными было отмечено актуальность темы и новизна методологического подхода, предложенная организаторами дискуссии.

В конце семинара состоялось обсуждение вопросов продолжения и развития Международного проекта и издания сборника статей по материалам.

Намечено, что следующий семинар-школа состоится в мае 2013 года.

ПЯТЫЕ ДОРЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ «БУДДИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» 13–15 июня 2012 г., Санкт-Петербург

Конференция «Доржиевские чтения» посвящена памяти основателя Санкт-Петербургского дацана «Гунзэчойнэй» Хамбо-ламы Агвана Лобсана Доржиева (1854–1938) – выдающегося бурятского буддиста, придававшего большое значение развитию сотрудничества между представителями академической науки и буддийскими учеными.

Пятые Доржиевские чтения были организованы Институтом восточных рукописей РАН, Буддийской традиционной Сангхой России и Санкт-Петербургским благотворительным общественным фондом «Общество бурятской культуры *Ая-Ганга*».

На открытии Чтений, состоявшемся в Зеленом зале ИВР РАН, с приветствиями выступили акад. РАЕН, д. филос. н. А.О. Бороноев (председатель Оргкомитета), директор ИВР РАН, д. и. н. И.Ф. Попова, заместитель начальника департамента Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике, к. филос. н. О.С. Королева, хамбо-лама монастыря «Тарвалин» (Улан-Батор) Тулгаагийн Ариунболд и настоятель Санкт-Петербургского дацана «Гунзэчойнэй» Б.Б. Бадмаев.

На пленарном заседании были прочитаны доклады об истоках буддизма у тюрков в VI–VIII вв. (С.Г. Кляшторный, ИВР РАН), тексте Винаи из рукописи, найденной в Мерве (М.И. Воробьева-Десятовская, ИВР РАН), а также об институте «чанчжу» («постоянно живущих») в буддийских общинах государства Си Ся (Е.И. Кычанов, ИВР РАН).

Доклады, представленные в первый день работы конференции, были по преимуществу посвящены жизни и деятельности Агвана Доржиева, а также научным экспедициям в буддийские регионы. На заседании прозвучали сообщения, посвященные деятельности Агвана Доржиева в сакральных местах Трансбайкалья (С.Д. Сыртыпова, ИПЭЭ РАН), пребыванию Далай-ламы XIII в Монголии (Шагдарсүрэнгийн Сонинбаяр, Институт науки и культуры при монастыре Гандан, Улан-Батор), воспоминаниям окинских бурят об Агване Доржиеве (Б.С. Дугаров, ИМБТ СО РАН), документам о разграблении буддийского храма в Петрограде, хранящимся в архиве Эрмитажа (Д.В. Иванов, МАЭ РАН), а также Хангайской экспедиции С.А. Кондратьева 1928 г. (И.В. Кулганек, ИВР РАН, и В.Ю. Жуков, СПб ГАСУ), традиции буддийских паломничеств в Непале (Н.И. Неупокоева, независимый исследователь, монастырям

Восточной Индии (А.В. Федорова, независимый исследователь) и дзэн-буддийским искусствам (Н.А. Субангулова, УрФУ).

К открытию конференции в ИВР РАН было приурочено проведение двух выставок: «Сакральная Азия» (фотографии путешественника В. Киплюкса) и «Тибетские рукописи и ксилографы из фондов ИВР РАН» (организаторы: А.В. Зорин и А.А. Сизова, ИВР РАН).

На второй день работа конференции продолжилась в Государственном музее истории религии. Тематика докладов была связана с рассмотрением буддизма как фактора общественной жизни стран Азии и проблемами возрождения буддийской традиции в России, а также с полевыми исследованиями, хранением и изучением памятников буддийской культуры. Прозвучали доклады о религиозном возрождении в современной Бурятии (Д.Д. Амоголонова, ИМБТ СО РАН), о документах по истории дацана «Гунзэчойнэй», хранящихся в монгольских архивах (Норов-цэрэнгийн Амгалан, Институт науки и культуры при монастыре Гандан, Улан-Батор), о бурятской и калмыцкой диаспоре Москвы (М.Г. Банаева, МЭФИ), о реставрации дацана «Гунзэчойнэй» (Б.Б. Бадмаев, Санкт-Петербургский дацан «Гунзэчойнэй»), о правоспособности буддийских дацанов Бурятии как некоммерческих юридических лиц (В.А. Шаглахаев, Централизованная религиозная буддийская организация Республики Бурятия «Майдар»), о преломлении идей западной философии в произведениях Б.Д. Дандарона (С.Л. Бурмистров, ИВР РАН), о межкультурном диалоге буддийских женщин в глобальном мире (Ж.А. Аякова, филиал НГУЭУ в Улан-Удэ), о буддийской бронзовой курильнице, подаренной Санкт-Петербургскому дацану в 2011 г. (Ю.И. Елихина, Государственный Эрмитаж), о религиозной ситуации в Бурятии (Н.Ц. Хантургаева, ВСГУТУ), о Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха 1924–1928 гг. (Э.А. Томша, СПб отделение Международного Центра Рерихов), о буддийской коллекции Б.П. Сальмонта (В.Н. Мазурина, ГМИР), о буддийской коллекции Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в музеях Иркутска (Е.В. Асалханова, ИрГТУ), о буддийских культовых предметах в музейном пространстве (М.Ф. Альбедиль, МАЭ РАН), об истории буддийских центральноазиатских этнографических коллек-

ций П.К. Козлова (М.Н. Кожевникова, СПбФ ИИЕТ РАН), о практике культурных заимствований между Южной Азией и Дальним Востоком (Н.Г. Краснодембская, МАЭ РАН), а также о жизненном пути Агвана Доржиева (Ю.Ц. Тыхеева, О.А. Шишмарева, ВСГУТУ). Заседание завершилось докладом О.С. Хижняк (ГМИР) «Структура буддийского храма и структура экспозиции Государственного музея истории религии», прочитанном непосредственно в залах музея.

В последний день работа конференции проходила в ИВР РАН по двум секциям. На секции истории и философии прозвучали доклады, посвященные концепции тцг в монгольском буддизме XVII в. (Т.Д. Скрынникова, ИВР РАН), изучению V главы «Абхисамаяаланкары» (Р.Н. Крапивина, ИВР РАН), буддийскому ученому Чоки Агвану Пунцоку (Н.Д. Болсохоева, ИМБТ СО РАН), мифологии рая в религиозной жизни Китая I–II вв. (М.Е. Кравцова, СПбГУ), истории отношений буддизма и конфуцианства в эпоху Эдо (К.Г. Маранджян, ИВР РАН), буддизму при первых маньчжурских правителях (Т.А. Пан, ИВР РАН), распространению буддизма на землях между Волгой и Уралом (М.Л. Швецов, Донецкий центр Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины; А.Е. Кожевин, УлГУ), письмам Высокомудрого Рэннэ (В.Ю. Климов, ИВР РАН), буддийской секте «красношапочников» в Монголии (Тулгаагийн Ариунболд, монастырь «Тарвалин», Улан-Батор), документам Архива востоковедов ИВР РАН по поездкам А.М. Позднева в Калмыцкую степь (Т.В. Ермакова, ИВР РАН), взаимоотношениям между калмыцкими ламами и российскими чиновниками в проведении противооспенных прививок в XIX в. (Иноуэ Такэхико, Университет Хоккайдо, Саппоро), этнографическим исследованиям российских экспедиций в Центральной Азии (А.И. Андреев, Т.Ю. Гнатюк, СПбФ ИИЕТ РАН), трехязычному словарю буддийской тематики из собрания Института восточных рукописей РАН (Н.С. Яхонтова, ИВР РАН), копиям буддийских грамот из архивной коллекции А.М. Позднева (С.С. Сабрукова, ИВР РАН) и документам о поездке В.Л. Котвича в Монголию в 1912 г. (О.Н. Полянская, БГУ).

Доклады, прочитанные на секции литературы и источниковедения, были посвящены деятельности монгольского буддийского

переводчика Алтангэрэл-убаши (К.В. Алексеев, СПбГУ), китайским переводам махаянской Махапаринирвана-сутры (С.Ю. Рыженков, ИВР РАН), монгольским переводам сутры Аштасахасрика Праджняпарамита (Н.В. Ямпольская, Бернский университет), медицинскому трактату Джамгёна Конгтрула Лодрэ Тхае (А.В. Теплякова, независимый исследователь), становлению тибетской медицинской традиции согласно трудам Муге Самтэна (Е.Ю. Харьков, независимый исследователь), сочинению Аку Шейраба Гьяцо «Перечень нескольких редких книг» (А.А. Сизова, ИВР РАН), легенде о служанке Унмён из хроники «Самгук юса» (Ю.В. Болтач, ИВР РАН), буддийским элементам в монгольском народном этиологическом рассказе (Д.А. Носов, ИВР РАН), отражению буддийской традиции в русской литературе (А.Н. Соловьев, независимый исследователь), образу Миларайбы в современной бурятской поэзии (Л.С. Дампилова, ИМБТ СО РАН), лингвистическим особенностям китайских буддийских текстов (И.С. Гуревич, ИВР РАН), монгольским буддийским памятникам XVIII в. (Мунхцэцэг Энхбат, СПбГУ), текстам тибетского переводчика и йогина Пэл Гало в коллекции Института восточных рукописей РАН (А.В. Зорин, ИВР РАН), историческим сюжетам в монгольской шаштре «Букет белых лотосов» (Т.Ю. Евдокимова, ИВР РАН) и бурятскому ксилографу избранных песнопений Миларэпы (А.А. Туранская, СПбГУ).

После окончания заседаний участники Доржиевских чтений посетили Санкт-Петербургский дацан «Гунзэчойнэй», где состоялось торжественное закрытие конференции и подведение ее итогов.

Конференция является крупным научным форумом, на котором обсуждаются такие актуальные в наши дни темы, как возрождение буддийской традиции в России и роль буддизма в современном мире, а также широкий круг вопросов, связанных с историей, историографией и источниковедением буддизма, с исследованием буддийского рукописного, книжного и архивного наследия. Предложенный организаторами формат конференции открывает путь к взаимообогащающему конструктивному диалогу между носителями буддийской традиции и учеными-востоковедами, дальнейшее развитие которого представляется весьма перспективным и желательным.

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И III МОЛОДЕЖНАЯ ШКОЛА-СЕМИНАР «УЛЬТРАБАЗИТ-БАЗИТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ СКЛАДЧАТЫХ ОБЛАСТЕЙ И ИХ МИНЕРАГЕНИЯ»

27–31 августа 2012 г., ст. Байкальский прибор (Республика Бурятия)

IV международная конференция и III молодежная школа-семинар «Ультрабазит-базитовые комплексы складчатых областей и их минерагения» были организованы и проведены Геологическим институтом СО РАН и Бурятским отделением Российского минералогического общества при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 12-05-06055-г) в рамках проекта МПГК № 592 при поддержке ЮНЕСКО. Конференция была посвящена памяти бывшего директора Геологического института СО РАН Э.Г. Конникова (1935–2011).

В конференции участвовали 42 специалиста научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, производственных учреждений из Улан-Удэ, Хабаровска, Благовещенска, Иркутска, Новосибирска, Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга. С учетом соавторов и заочных участников география участия значительно шире – включая Австралию, Великобританию, Германию, Китай, США и Японию. Представлено 33 устных доклада, в том числе сделанные студентами, магистрантами и аспирантами. Еще 27 докладов заочных участников опубликовано в сборнике материалов конференции.

Были проведены геологические экскурсии на Йоко-Довыренский дунит-троктолит-габбровый массив (Северо-Байкальский район) и обнажение Уточкина падь (Ферсмана) Ошурковского апатитового месторождения (Иволгинский район). Культурную программу составили экскурсии в Посольский монастырь, по г. Улан-Удэ, этнографический музей под открытым небом и дацан в местности Верхняя Березовка.

Пленарное заседание открыл А.А. Арикин (Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Москва) докладом о Довыренском интрузивном комплексе: его геохимии, петрологии и истории сульфидного насыщения исходных магм. Е.В. Скляр (Институт земной коры СО РАН, Иркутск) через минералогию пироксенитов Тажеранского массива (Западное Прибайкалье) рассмотрел их генезис. Б.Б. Дамдинов (Геологический институт СО РАН, Улан-Удэ) сделал обзор благороднометалльной минерагении офиолитового комплекса Восточного

Саяна. Е.В. Кислов (Геологический институт СО РАН, Улан-Удэ) продемонстрировал геолого-генетическую модель рифейских рифтогенных ультрамафит-мафитовых комплексов с платинометалльно-медно-никелевым оруденением.

И.Ю. Сафонова (Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, Новосибирск) проинформировала о новом проекте IGCP № 592 «Образование континентальной коры Центральной Азии». Ф.П. Леснов (Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, Новосибирск) привел результаты детальных SHRIMP-II U-Pb исследований полихронных цирконов из пород Березовского мафит-ультрамафитового массива (Восточно-Сахалинская офиолитовая ассоциация) Е.В. Шарков (Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Москва) посвятил свой доклад геологии, петрологии и рудоносности раннепалеопротерозойского Мончегорского расслоенного мафит-ультрамафитового комплекса в Кольском регионе.

Затем работа проходила по секциям «Геология и тектоническая позиция ультрабазит-базитовых комплексов, геодинамическая интерпретация и минерагенические критерии», «Петрология, минералогия, геохимия и условия образования ультрабазит-базитовых комплексов, локальный прогноз оруденения», «Природа рудных концентраций в ультрабазит-базитовых комплексах и их связь с петрогенезом, мантийными источниками и режимом флюидов», «Месторождения и рудопроявления в ультрабазит-базитовых комплексах, особенности минерального сырья, методы анализа».

Все заседания сопровождались бурными дискуссиями, вызванными различными взглядами участников конференции не только на решающую роль тех или иных петро- и рудогенетических процессов, но и отстаивании ими преимуществ физико-химической или геологической основы петрологических исследований.

Участники конференции отметили как возросшее количество докладов, посвященных металлогении и рудообразующим процессам, так и преобладающий интерес к проблемам хромитового, медно-никелевого и платинометалльного сырья. Отмечены также

доклады студентов, магистрантов, аспирантов и молодых специалистов, чей высокий уровень свидетельствует о хорошей школе.

В резолюции конференции участниками признано целесообразным развивать физико-химическое и геологическое направления петрологии ультраосновных и основных пород, усилить интерес ко всем видам минерального сырья, связанного с этими породами. Институту геологии и минералогии СО РАН и Новосибирскому госуниверситету было предложено провести в 2015 г. V международную конференцию «Ультрамафит-мафитовые комплексы и их минералогия» в п. Шира

Республики Хакассия на базе студенческих практик с геологическими экскурсиями. При этом высказано пожелание предусмотреть на последующих конференциях секции, посвященные геологии и геофизике ультрамафит-мафитовых комплексов, их метаморфизму и гипергенезу, щелочно-ультраосновным массивам и габбро-гранитным сериям.

Участники благодарят организаторов конференции: Геологический институт СО РАН, Бурятское отделение Российского минералогического общества, Российский фонд фундаментальных исследований и проект МПГК № 592 при поддержке ЮНЕСКО.

А.А. АЛИМОВ

ИНТЕГРАЦИЯ НАУК И ЗНАНИЙ В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Следующий, 2013 год станет Годом окружающей среды в России и одновременно он совпадает с 150-летием со дня рождения выдающегося российского ученого В.И. Вернадского, заложившего основы современного понимания глобальных проблем, в том числе и экологической.

Одна из важных идей В.И. Вернадского, высказанная им более 70-ти лет назад, заключалась в том, что он предполагал, что в дальнейшем человеческие знания будут развиваться не по наукам, а по проблемам.

Экологическая проблема, являющаяся одной из наиболее сложных и противоречивых по содержанию, полностью подтвердила это предвидение великого мыслителя.

В связи с этим вызывает значительный интерес проведенный в октябре этого года Всероссийский научно-технический форум «Экология: синтез естественнонаучного, технического и гуманитарного знания», в рамках которого особое место занимала I школа Интерэкоправа.

Школа Интерэкоправа проходила в Саратовском государственном техническом университете им. Ю.А. Гагарина под эгидой Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Российского экологического союза, Московской инициативы в развитие международного права окружающей среды. В работе школы приняли участие более 100 человек, среди которых были представители 13 зарубежных государств. Значительную часть участников Школы представляли преподаватели высших учебных заведений, которые в настоящее время работают в 46 российских и 21 зарубежном ВУЗе.

Особое значение работе Школы придавало заочное участие в ней ряда известных российских юристов-экологов, а также экс-министра окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации (1991–1996), Председателя Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды (1996–2000) члена-корреспондента РАН В.И. Данилова-Данильяна.

Основное направление работы было связано с правовыми вопросами в сфере окружающей среды и развития, однако и другие аспекты социально-экологической проблематики не остались без должного внимания.

Модераторам Школы к.ю.н., старшему научному сотруднику Отдела наблюдения и применения экологического законодательства и права Евразийского научно-исследовательского института проблем права Е.Н. Абаниной и к.ю.н., координатору Московской инициативы в развитие международного права окружающей среды Е.А. Высторобцу удалось обеспечить широкое представление тематики докладов участников, раскрывших правовые и политические аспекты международной экологической преступности, правовые инструменты глобального режима захоронения радиоактивных отходов, международно-правовые механизмы охраны окружающей среды в недавнем прошлом и на современном этапе, включая анализ решений Конференции ООН «Рио+20», участие общественности в решении глобальной экологической проблемы, а также ряд других вопросов, связанных с развитием и применением интерэкоправа.

В связи с влиянием доктрины международного права окружающей среды на форми-

рование международно-правового сознания и на соответствующую позицию государства, были рассмотрены вопросы государственной природоохранной политики, включая проблему экологического образования, воспитания и просвещения разных уровней и различных направлений.

Из зарубежных участников особо интересные сообщения были сделаны известной американской специалисткой из Принстона (Штат Нью-Джерси) Элли Лука. Кроме того, специально для Школы Интерэкоправа были подготовлены материалы Людвига Крамера, проф. Европейского и Немецкого экологического права в Бременском университете, проф. Университетского колледжа Лондона, а также университетов Брюжа Гента (Бельгия), Копенгагена (Дания), Печского (Венгрия; осн. в. 1367 г.), Стокгольма (Швеция), Севильи (Испания), Монреаля (Канада), в которых была представлена позиция автора по вопросу развития значимости Орхусской конвенции для ее будущего представления в разработке региональных соглашений, например, в Центральной Америке, Африке или Южной Азии.

Не обошлась без внимания участников Школы и эколого-правовая проблема освоения Арктики, в частности юридические аспекты получения права на проведение разведки и разработки полезных ископаемых только при получении разрешения соответствующих прибрежных государств, а также при соблюдении введенного ими режима предотвращения загрязнения арктических территорий.

Представителем Великобритании Ф. Сэндзом были представлены конкретные примеры принятия решений на основании анализа трех судебных процессов, а известный бельгийский юрист и композитор Хеерц ванн Хоорик поделился опытом внедрения инновационных экономико-правовых механизмов сохранения природной среды за счет средств «эконакоплений», предложив возможное использование их в международном экологическом праве.

И, наконец, следует назвать интересную информацию о наиболее полной в мире базе эколого-правовых данных, представленную профессором Орегонского университета США Рональдом Б.Митчеллом с учетом технологий, методики и понятийного аппарата международного экологического права.

В итоговом документе Школы Интерэкоправа подчеркивалась значимость развития и роста числа дискуссионных площадок, на которых обсуждаются актуальные вопросы интерэкоправа, включая международное экологическое право и международное право окружающей среды, понятие,

предмет, метод, источники, актуальные шаги по развитию интерэкоправа, а также вопросы сравнительных эколого-правовых исследований, для продолжения конструктивной работы по развитию этой области знания и практической деятельности, для эффективного взаимодействия международных и внутригосударственных общественных организаций, ведущих и начинающих ученых, руководителей и специалистов в целях экологизации правовой жизни для обеспечения права настоящего и будущих поколений на благоприятную окружающую среду.

С учетом проведенной Школы и опыта, полученного в последнее время, ее участники обратились с призывом и предложением ко всем лицам, которые по содержанию своей службы, работы и деятельности связаны с небезразличными для общества вопросами:

1. Поддержать и принять участие в подготовке антологии интерэкоправа, планируемой к изданию ЕврАзНИИПП, РЭС, МИРмпОС в 2013 году.

2. Учитывать в правоприменительной деятельности и при нормотворческой работе следующее научное понятие экологической информации, пока не имеющее официального российского определения, в предлагаемой нами (Высторобец Е.А., Тронин С.Е., 2011 г.) правовой формулировке – «информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация) — сведения о состоянии окружающей среды и природных ресурсов, об источниках загрязнения окружающей среды и природных ресурсов или иного вредного воздействия на окружающую среду и природные ресурсы, о радиационной обстановке, о состоянии земель, поверхностных и подземных вод и других компонентов природной среды, природных объектов, природно-антропогенных объектов, антропогенных объектов, иные сведения о состоянии окружающей среды, доступ к которым неограничен и предоставляется бесплатно на условиях и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, кроме случаев, установленных Конституцией Российской Федерации» *mutatis mutandis* – с соответствующей заменой для применения на международном уровне и во внутригосударственных целях.

3. Продолжить работу по согласованной криминализации, классификации, кодификации, обеспечению неотвратимости наказания и преследованию за совершение международных экологических преступлений, в том числе на региональном и субрегиональном уровнях, включая решение проблем, связанных с накоплением практики режима соблюдения и имплементации Конвенции

Совета Европы о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства от 04.11.1998 СДСЕ № 172 и других инициатив, имеющих близкие цели.

4. Находясь в режиме соблюдения, воздержаться от присоединения к / и ратификации Конвенции Эспо от 25.02.1991, Орхусской конвенции от 25.06.1998, но предпринять инициативы по совершению международных договоров, отвечающих публичным экологическим интересам, практике, юридической технике, учитывающих лучший отечественный и международный опыт, например, в рамках процесса Евразийского Союза.

5. Содействовать общественному участию по сближению позиций и международному правовому признанию согласованных позиций приарктических государств; государств, утилизирующих отработавшее ядерное топливо и радиоактивные отходы, а также по иным вопросам, в первую очередь, связанным с сохранением биологического разнообразия, территориальной охраной природы и рациональным использованием ресурсов.

Также участники Школы выразили свою убежденность в том, что ее результаты на-

ряду с другими событиями 2012 г. могут рассматриваться, как вклад в содействие государству со стороны научных и общественных кругов при подготовке проведения в Российской Федерации Года охраны окружающей среды в 2013 году и в связи с этим высказали свою признательность Евразийскому научно-исследовательскому институту проблем права, Российскому экологическому союзу, Российской ассоциации международного права, Русскому географическому обществу, Союзу экологов Республики Башкортостан, Московской инициативе в развитие международного права окружающей среды, а также иным общественным объединениям и высшим учебным заведениям, особенно Саратовскому государственному техническому университету им. Ю.А. Гагарина, Новосибирскому государственному университету за активное участие их представителей в работе Школы и выражают надежду на продолжение плодотворного сотрудничества.

Участники приняли решение о проведении очередной Школы интерэкоправа в подобных условиях не ранее 2014 года, но не позже, чем через пять лет.

Н.В. Ловелиус

ТАЙМЫРСКОМУ КРАЕВЕДЧЕСКОМУ МУЗЕЮ 75 ЛЕТ

Таймырский Краеведческий музей есть основание рассматривать как банк сведений об истории, современном состоянии и развитии культуры полярной цивилизации коренных народов Таймыра.

Участие в Юбилейных торжествах 5–7 октября 2012 г. даёт основание ещё раз подчеркнуть особую важность деятельности этого замечательного самого северного в мире краеведческого музея, который был создан 75 лет назад. Время его создания совпало с наибольшей интенсивностью освоения природных ресурсов Арктики. С первых же лет своего существования музей начал выполнять своё высокое назначение: собирать материальные и документальные источники, исследовать их и делать доступными для населения Таймыра, гостей Дудинки. Современные средства коммуникаций позволяют распространять положительный опыт работы музея далеко за пределы нашей страны.

В торжествах приняли участие заместитель Министра культуры Красноярского края Ольга Сергеевна Васильева, глава Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района Сергей Владимирович Батурин и его первый заместитель Галина Валерьевна Гав-

рилова, глава г. Дудинка Алексей Михайлович Дьяченко, представитель ЗФ ОАО «ГМК «Норильский Никель» Геннадий Николаевич Дульнев, директор ЗТФ ОАО «ГМК «Норильский никель» Игорь Борисович Уздин, начальник управления образования Татьяна Александровна Друпова, доцент Норильского индустриального института Галин Александрович Смирнов.

Торжественные мероприятия проходили с участием гостей из различных регионов России, для которых была организована экскурсия по городу и морскому порту с посещением одного из атомных судов «Заполярный», работающего круглогодично на трассе Северного морского пути. Гости познакомились с великолепными экспозициями музея, с детальными характеристиками их создания. Заслуги 16 лучших сотрудников музея были отмечены Почётными грамотами и благодарственными письмами губернатора Красноярского края и Министерства культуры.

Особый интерес вызвал Круглый стол, открытый докладом директора музея заслуженным работником культуры РФ Ольгой Павловной Корнеевой «Таймырский музей – история и современность». В работе круг-

*Директор Таймырского Краеведческого музея
Ольга Павловна Корнеева.*

*Слева направо: Марат Толгатович Беринг,
капитан атомохода «Заполярный», Маола
Георгиевна Ушакова*

лого стола принял участие прямой потомок капитана-командора Витуса фон Беринга, руководителя Великой Северной экспедиции, Марат Толгатович Беринг. Его отец был расстрелян в 1937 в Дудинке, посмертно реабилитирован.

Доклад Маолы Георгиевны Ушаковой, руководителя Музея института океанологии РАН, почетного полярника и дочери знаменитого полярного исследователя Георгия Алексеевича Ушакова, был замечательно проиллюстрирован трудами её отца и его современников по изучении Крайнего Севера.

В формате on-line из Финляндии в конференции приняла участие дочь инженера-конструктора Владимира Михайловича Беринга, политзаключённого, расстрелянного в Дудинке в 1937 году.

В заключительный день празднования состоялась презентация книг:

– Н.А. Предтеченская. Дудинка. Время. Люди. Судьбы (2012, 87 с.).

– Б.Т. Чуприна. Традиционные украшения долган (2012, 30 с.).

– Город, где швартуются сердца. Фото альбом. (2012, 216 с.).

– С. Богданова, Н. Болина, Ю. Волкова, А. Герасимов, и др. Таймыр, история и современность.. (2012, 264 с.).

Торжества завершились с ощущением благоприятного настроения на продолжение сотрудничества всех участников и пожеланиями успешной работы самому северному в мире Краеведческому музею.

Н.В. Никифорова

ИСТОРИЯ ТЕХНОЛОГИИ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

«Технология отражает и одновременно формирует общество?» «Как изучать развитие технологии в социальной и культурной перспективе?» Эти вопросы – на повестке дня историков и гуманитарных исследователей. У истоков такой постановки проблемы были такие ученые, как Томас Хьюз (Thomas R. Hughes) и Лео Маркс (Leo Marx). Их тексты сейчас считаются классическими и знакомы каждому американцу, даже далекому от изучения технологии.

В своей первой книге [5] («Сети власти: электрификация в западном обществе, 1880–1930») Хьюз предположил понятие «технологических систем», включающих как материальные артефакты (технические средства,

аппараты, естественные ресурсы), так и системообразующие элементы (производственные фирмы, коммунальные предприятия, банки, университеты, научно-исследовательские программы, законы). Технологические системы одновременно являются созданными социальными субъектами и оказываются социально-образующими – включают в себя людей как компоненты. Они никогда не оказываются автономными и самодостаточными. Примерами таких систем могут быть электрические, телекоммуникационные сети, банки [5].

Книга Л. Маркса [7] («Машина в саду: Пасторальный идеал в Америке») послужила катализатором американского национально-

го дискурса вокруг идеи технологии. Маркс анализировал механизм и особенности формирования американской идеи процветания и успеха, символическую образную составляющую американской литературы рубежа XIX и XX веков и концентрировал свое внимание на сюжете вторжения технологических объектов в природный ландшафт: Главной тенденцией Маркс считал тему внезапного вторжения индустриального в дикий природный ландшафт. Основным конфликтом эпохи, с которым имеет дело литература – противоречие между свободной и безмятежной жизнью на лоне природы и репрессивностью промышленной цивилизации [7].

В США научное сообщество активно разрабатывает экономические, политические, идеологические, социальные, культурные аспекты науки и техники. Деятельность американского общества истории технологии (Society for the History of Technology – SHOT) направлена на изучение технологии, ее истории и связи с социальными и культурными процессами [10] и ведется с 1958 г. Предмет изучения обозначается не только как **история технологии**, но и как **технологическая история культуры** или культурная история технологий. Среди декларируемых задач этой научной институции – исследование взаимосвязи технологических объектов и практик с политическими, экономическими, трудовыми, деловыми, экологическими, процессами, наукой, искусством [13].

Инициатором и идеологом общества был Мелвин Кранцберг (Melwin Kranzberg), ему принадлежит высказывание, ставшее классическим: «технология – не хорошая и не плохая, но в тоже время она и не нейтральна» [6]. Это утверждение постулировало неверность популярной идеи технологического детерминизма и отражало признание равного воздействия общества и технологии друг на друга. Кранцберг был автором курсов по истории технологии для будущих инженеров [9].

Подход к рассмотрению технологии как существеннейшего компонента национальной культуры США институализирован в системе современного высшего образования. Многие американские университеты предлагают своим студентам курсы по технологии в истории США. Например, Массачусетский технологический институт, а также Принстонский университет предлагают студентам курс «Технология в американской истории» о взаимосвязи истории технологии и социальной истории американского общества с колониальных времен до настоящего времени, курс основывается на идее, что технология одновременно является отражением социо-

культурных ценностей и одним из факторов трансформации этих ценностей.

Вокруг SHOT постепенно сформировалось целое научное направление, предметом изучения которого являются технологии в широком социокультурном контексте. Особое внимание уделяется изучению крупных технологических систем, сквозной темой, объединяющей различные научные методы и подходы, является рассмотрение американской технологии как репрезентации национальной идентичности. Членами SHOT сейчас являются 1500 человек по всему миру. Сообщество выпускает ежеквартальный журнал и «Технология и Культура» [12] и ежемесячный вестник «Исторические перспективы изучения технологии, общества и культуры». Ежегодно общество проводит научные встречи-конференции, каждая четвертая встреча организуется за пределами США, что способствует расширению академических контактов и укрепляет международное присутствие сообщества.

В октябре 2012 г. встреча прошла в Копенгагене, в здании Копенгагенской Школы Бизнеса. Проблематика открывающей пленарной лекция «Транснационализм и история технологии» определила все последующие дискуссии. Программные доклады, тематика научных секций, а также повестка дня научных групп по интересам были проникнуты идеей транснациональности. Вслед за культурным и социальным поворотом в изучении технологической истории в XX в. можно говорить о происходящем транснациональном повороте.

Вопрос о том, возможна ли транснациональная история технологии и будет ли такая перспектива исследования адекватной, остается открытым. Однако эвристический потенциал, способный вывести в авангард темы, прежде находившейся на периферии, при следовании такой методологии очевиден. Многие сходятся в том, что таким образом удастся пересмотреть и предложить более свежее и, возможно, лучшее понимание концепта национального. Транснациональная история технологии предполагает исследование трансграничных механизмов взаимодействия, изучение международных институций, закономерности развития международных явлений. На основе такой методологии возможно сопоставление и выявление общности политических тенденций различных эпох [15].

Пленарная сессия закончилась докладом Эден Медины (Индианский университет в Блумингтоне) – лауреата книжной Премии Сидни Эдельштейна. Эта премия была учреждена в 60-х известным историком хи-

мини, основателем корпорации Декстер Кемикал (Dexter Chemical Corporation). Премия присуждается автору выдающейся книги по истории технологии, опубликованной за прошедшие 3 года. В 2012 г. этот приз – у Э. Медины за книгу «Кибернетические революционеры. Технология и политика в Чили при Альенде» [8], в которой автор предлагает два утопических видения развития страны: политическое и технологическое. Основываясь на обширном материале, Медина изучает кибернетическую систему, задуманную чилийским правительством и призванную объединить всеобъемлющий системный подход, децентрализованное управление, взаимодействие человека и компьютера, национальную телексную связь, контроль над индустриальным сектором практически в режиме реального времени, моделирование поведения динамических систем. Иллюстрацией утопического синтеза технологических и политических механизмов является проект Киберсин, система централизованного компьютерного управления плановой экономикой, реализовавшийся в Чили при Сальвадоре Альенде. Кабинет Киберсин оборудован футуристическими креслами с встроенными в них панелями управления, на стене – экраны, отображающие различные данные, мигание красных лампочек сообщает о сложных экономических ситуациях. По словам автора, изучение данного проекта позволяет понять не только технологические амбиции правительства, находящегося в процессе социальных изменений, но и по-новому взглянуть на чилийскую революцию. Технологии, как считает Медина, – это «исторические тексты», когда мы их читаем, мы читаем саму историю. В докладе Медина отметила, что изучение истории технологии делает свой вклад в транснациональную историческую модель, может привлечь внимание исследователей к потоку технологических идей и артефактов, инфраструктурных объектов, функционирующих в трансграничном измерении.

При подготовке конференции комитет SHOT обозначил приоритетные темы. Среди них, в первую очередь, «**технология, устойчивое развитие и окружающая среда**», что включает экологически рациональный дизайн, управление натуральными инфраструктурами (воздух, вода, почва), технологии эффективного использования энергии, использование пространства в мегаполисе, городской транспорт и строительство дорог в исторической и социальной перспективе. Отдельный семинар был посвящен предупреждению, управлению антропогенными и природными катастрофами и разрешению их последствий (модели эвакуации после

Фукусимы, DIY-движения (Do-it-yourself) после Фукусимы – общественные движения, участники которых определяют уровень радиации в различных районах и сообщают об этом заинтересованным людям и институтам). Также были доклады, посвященные урагану Катрина, Чернобыльской аварии, инфраструктурным технологическим системам в странах Азии.

Во-вторых, «**Технология, отношения Запада и Востока и Холодная война**». Организаторы конференции отмечают, что историю холодной войны принято рассказывать в контексте отдельных стран, но такой способ интерпретации истории представляется устаревшим. Поэтому приветствовались сюжеты переплетения, взаимодействия, совместного развития наций в рамках Холодной войны (co-operation or «hidden continuities» during the Cold War). Объединяющим мотивом различных докладов была идея «глобальной холодной войны» (global Cold War). Среди тем докладов – взаимобмен технологиями и знаниями в Европе, военные технологии и технология в период войны, технологический шпионаж, использование технологии в модернизационных моделях, «социотехническое воображаемое» в Азии в период Холодной войны (sociotechnical imaginaries in Cold War Asia), взаимоотношения местных инженеров и представителей ООН (Тайвань, Индонезия, Индия), электрификация Индонезии и национальная идентичность.

Популярной темой оказалась **советская культура, история советских технологий, советского технического образования**. Особенно большое количество слушателей собрали доклады, посвященные контактам между СССР, Европой и Америкой в период Холодной войны, перенятие или обмен технологиями и идеями, способы получения и внедрения зарубежных идей в СССР; культурные и социальные аспекты функционирования и развития советских научных городов (академгородков), история советской кибернетики, образ американской технологии в формировании советской идентичности.

Необходимо отметить другие темы конференции: повседневные технологии в культурно-историческом контексте (от комплекта инструментов первых американских поселенцев до финской сауны); технологическое наследие (проблемы музеефикации и культурного осмысления); цифровая эстетика (Digital Aesthetics) (микрокинематорграфия в современном голливудском кино, перцепция 3d-моделей, техники и эстетика фотонабора).

В рамках конференции проодились мастер-классы *групп по интересам* – научных сообществ, созданных под эгидой SHOT,

разрабатывающих различные научные направления технологической истории.

В последние годы в Европе актуальна тема рассмотрения европейской истории через историю технических объектов и объектов технологической инфраструктуры. Было предпринято несколько таких проектов, наиболее видный – группа Tensions of Europe (возможный перевод – «Напряженности Европы») [14]. Это международная европейская сеть, объединяющая исследователей-историков, научные, образовательные организации и объекты культурного наследия. Цель проекта – формирование коллективной транснациональной памяти европейского культурного наследия. Это попытка рассмотреть европейскую историю, культуру и сам феномен европейской интеграции через призму технологических объектов и образов. На данный момент достигнутый результат – проект *Inventing Europe* (изобретая Европу), электронный портал, представляющий коллекцию из нескольких виртуальных туров, основанных на коллекциях музеев-участников. Каждый тур раскрывает какой-либо аспект истории технологии в Европе (технологии повседневности, история Европы как история инфраструктурных сетей, электронные способы коммуникации, история европейских стран в связи с историей их колоний, интеллектуальные сообщества Европы).

Несколько дней продолжалось обсуждение в группе *Computers, Information and Society*, заинтересованной в истории информационных технологий и компьютерной индустрии. Исследования ученых этой группы включают социологический, компаративистский, исторический подходы [11].

В фокусе оказались темы взаимодействия информационных технологий и политики (интернет как политический инструмент); направления развития информационных технологий в связи с колебанием политических курсов в Европе; история компьютерного образования в XX в.; музеификация компьютерной индустрии; социальное измерение информационных технологий (понятия престижа и благополучия в контексте социальной стратификации специалистов); рефлексия относительно электронных новшеств в европейском обществе (электронное правительство и государственные услуги).

5 октября была организована пленарная лекция с участием получателя высочайшей награды SHOT – медали Леонардо да Винчи (она вручается ученым, сделавшим ощутимый вклад в дело изучения технологической истории через публикации, преподавание, научные исследования), на которой изображен автопортрет да Винчи и его афоризм

«Основные источники энергии – вода, ветер и огонь». В 2012 г. премию получил Виебе Бикер (*Wiebe Bijker*), профессор университета в Массстрихте. Многие его тексты вошли в библиографию классических курсов по истории технологии, среди них «Социальное конструирование фактов и артефактов: или чем социология науки и социология технологии могут помочь друг другу» [3], он был участником коллективных изданий, ставших хрестоматийными («Социальное конструирование технологических систем новые направления в социологии и истории технологии» [1], «Формируя технологию / строя общество: исследования социотехнологического поворота» [4]). Его имя связано с понятием «социального конструирования технологии», у которого даже есть устоявшаяся принятая аббревиатура SCOT (*Social Construction of Technology*). Данная концепция предполагает определяющую роль общества в направлении развития технологии. Центральная работа, постулирующая модель социального конструирования технологии – «О велосипедах, бакелите и лампочках: к теории социотехнического поворота» [2]. В этой книге рассказываются три истории, в каждой из которых оригинально раскрывается взаимопересечение разных хронологических периодов, научных и технических дисциплин, взаимосвязь технологического и экономического с социальным; основная забота автора – раскрыть социальное происхождение технологии. Сюжет с велосипедами исследует гендерный фактор в формировании технологии; история о бакелите освещает, как социальные факторы включаются в процессы, казалось бы, чисто научные или деловые; сюжет о флуоресцентных лампах предлагает понимание того, как политические и экономические процессы могут влиять на форму технологических объектов. Комитет премии отметил, что важнейшим предприятием на пути к пониманию социального измерения технологии была серия семинаров и мастер-классов, организованных Бикером. Ему удалось привлечь выдающихся представителей научного направления, а многие молодые участники семинаров впоследствии стали известными исследователями технологии.

Масштаб конференции (50 секций, программные доклады, заседания двух научных групп по интересам) является индикатором популярности технологической истории в мировом научном сообществе. Междисциплинарность исследований приводит к плодотворным и оригинальным результатам, многие исследования являются частью больших проектов, вовлекают сразу несколько исследователей из разных областей (напри-

мер, над проектом по истории компьютерной индустрии могут трудиться социолог, занимающийся интервью, историк и антрополог, обеспечивающие теоретическую реф-

лексию). Темы конференции затронули как сугубо исторические вопросы, так и актуальные, практически происходящие в реальном времени, феномены.

Список литературы:

- [1] Bijker W.E., Hughes T.P., Pinch T. *The Social Construction of Technological systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. – Cambridge: The MIT Press, 1987. – 412 p.
- [2] Bijker W.E. *Of Bicycles, Bakelites, and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change*. – Cambridge: The MIT Press, 1997. – 384 p.
- [3] Bijker W.E., Pinch Trevor J. *The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other* // *Social Studies of Science*. – 1984, Vol. 14. – P. 399–441.
- [4] Bijker W.E. *Shaping Technology / Building Society: Studies in Sociotechnical Change (Inside Technology)*. – Cambridge: The MIT Press, 1992. – 343 p.
- [5] Hughes T.P. *Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983. – 475 p.
- [6] Kranzberg M. *Technology and History: «Kranzberg’s Laws»* // *Technology and Culture*. Vol. 27. – 1986, № 3. – P. 544–560.
- [7] Marx L. *The Machine in the Garden: Technology and the Pastoral Ideal in America*. – Oxford University Press, 1964. – 343 p.
- [8] Medina E. *Cybernetic Revolutionaries: Technology and Politics in Allende’s Chile*. – MIT Press, 2011. – 312 p.
- [9] Segal H.P. *Technology, History, and Culture: An Appreciation of Melvin Kranzberg* // *Virginia Quarterly Review*, Vol. 74, №1, 1998, pp.641-653. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.vqronline.org/articles/1998/autumn/segal-technology-history/>
- [10] SHOT. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.historyoftechnology.org/>
- [11] Special Interest Group Computers, Information and Society. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.sigcis.org>
- [12] *Technology and Culture*. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.techculture.org/>
- [13] *The Society for the History of Technology. Organizational notes* // *Technology and Culture*. Vol 1. No.1, 1959, pp. 106 – 108.
- [14] *Tensions of Europe Network*. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.tensionsofeurope.eu/>
- [15] Vleuten E. *Toward a Transnational History of Technology: Meanings, Promises, Pitfalls* // *Technology and Culture*, Volume 49 №4, October 2008, pp. 974 – 994.

А.В. Петров

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КИТАЙСКАЯ И РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ», 26–27 октября 2012 г., Пекин

В Пекине 26–27 октября 2012 года состоялась международная конференция на тему «Китайская и российская молодежь в контексте глобализации». Конференция была организована Китайским университетом молодежной политики, Центром российских исследований Бюро переводов при ЦК КПК и Российско-Китайским Центром факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Конференция стала 10-м совместным научным мероприятием в рамках реализации договора о проведении сравнительных социологических исследований между Центром российских исследований Бюро переводов при ЦК КПК и Российско-Китайским Центром факультета

социологии СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет на конференции представляли профессор А.О. Бороноев, профессор, координатор оргкомитета с российской стороны А.В. Петров, доцент Л.А. Лебединцева, аспирантка К.С. Карасева.

От имени организаторов конференции на открытии выступили Генеральный секретарь Бюро переводов при ЦК КПК, профессор Ян Цзиньхай и Председатель совета Китайского университета молодежной политики, профессор Ни Баньвэнь. В выступлениях они обратили внимание на важность социологического анализа проблем молодежи России и Китая, который необходимо осуществлять, учитывая влияние современных глобальных

трансформационных процессов на возможность их эффективного решения, а также пожелали успешной работы всем участникам.

От имени факультета социологии СПбГУ на открытии конференции и на пленарном заседании выступил профессор А.О. Бороноев. В приветственном слове он, в частности, отметил, что проведение подобных мероприятий стало доброй традицией и хорошей основой для проявления взаимного интереса российских и китайских ученых к сравнительному анализу социально-экономической трансформаций, развертывающихся в наших странах на протяжении последних десятилетий. Поскольку молодежь – важнейшая движущая сила социальных изменений, то ее проблемам, возможностям и перспективам их решения следует уделить особое внимание. В своем докладе, вызвавшем большой интерес у китайских специалистов, А.О. Бороноев отметил, что трансформационные процессы в условиях глобализации затрагивают многие проблемы современного жизнеустройства людей и народов. Идет процесс развития потребительства, активное внедрение его идеологии, возрастает господство институтов, которые осуществляют свои функции вне границ государств и культур, ущемляя иногда понятия их достоинства, самодостаточности, самоопределения. В этих условиях очень остро встают вопросы эффективного нацестроительства и внутренней политики государств. Эти действия являются важной формой деятельности национальных государств, против чего активно выступают многие либералы, для которых нет понятия национально-государственных интересов, глобализационные процессы в рамках их идеологии являются их религией. Гражданская (государственная) идентичность, безусловно, – это определенная конструкция и выбор индивида, составляющий основу по-

литической, культурно-духовной общности жителей страны, что имеет большое значение для стабильности общества и консолидации многих интересов, существующих в общности. Поэтому в любом государстве уделяется большое внимание становлению и функционированию идентичности граждан страны, непротиворечивому отношению между личностью и

государством и защите исторической памяти, символов и границ государства.

В российско-китайской конференции приняли участие социологи, культурологи, историки и представители иных социальных наук. Большой интерес конференция вызвала у молодых ученых Пекина. В конференции приняли активное участие учащиеся Китайского университета молодежной политики и других университетов Пекина. На конференцию были также приглашены представители молодежных общественных организаций России и Китая.

Условно проблематику докладов можно разделить на теоретико-методологические исследования процессов глобализации и их влияния на трансформацию российского и китайского обществ и эмпирические социологические исследования конкретных проблем молодежи и повышения эффективности молодежной политики в наших странах. В ходе двухдневной конференции был проведен ряд секционных заседаний, на которых рассматривались такие темы, как: проблемы гражданской и цивилизационной идентичности молодежи, роль молодежи в политической жизни, отношение молодежи к глобальным социально-политическим и экономическим трансформациям, активизация участия молодежи в общественно-политической жизни, проблемы адаптации молодых специалистов в усложняющихся глобальных условиях деятельности частных и государственных предприятий, проблемы занятости молодежи. Отдельной темой, которой было посвящено много докладов, стала проблема образования молодежи и повышения роли молодежи в развитии интеллектуального капитала России и Китая.

В ходе обсуждения проблематики докладов состоялось множество дискуссий, в рамках которых российские и китайские ученые

смогли высказать собственную точку зрения на сложные процессы глобальных социальных и политических трансформаций, познакомиться с результатами собственных эмпирических исследований, проанализировать особенности осуществления молодежной политики в России и Китае. Особое внимание участники конференции уделили перспективам совместных сравнительных социологических исследований проблем молодежи. В частности, в качестве перспективных направлений социологических исследований были названы: образование и проблемы трудоустройства выпускников российских и китайских вузов, изучение девиантного поведения и маргинализации молодежи, участие молодежи и молодежных организаций в политической жизни.

В заключение конференции были подведены ее итоги, сформулированы некоторые рекомендации по совершенствованию молодежной политики в наших странах, а также

обсуждены перспективы дальнейших сравнительных социологических исследований, осуществляемых социологами Пекина и Санкт-Петербурга.

По итогам конференции планируются публикации в российских и китайских научных изданиях.

Оргкомитет российско-китайской конференции выражает благодарность всем предприятиям и организациям, которые приняли участие в подготовке и проведении конференции. Особая благодарность – Генеральному секретарю Бюро переводов при ЦК КПК Яну Цзиньхаю, координатору оргкомитета с китайской стороны Сюй Сянмэй, а также отдельная благодарность – руководителю Китайского университета молодежной политики профессору Ни Банвено, профессорам Сяо Фэну, Чжан Цинхуну, Ли Вэю, студентам и аспирантам Китайского университета молодежной политики, принимавшим активное участие в ее организации.

Н.В. Ловелиус

К ИТОГАМ «ДЕНДРО–2012» В МГУЛеса. МУДРОЕ НАЧАЛО БУДЕТ СЛУЖИТЬ ВЕЧНО 7–10 ноября 2012 г., Мытищи

*Памяти ушедшим в мир иной
и работающим сейчас исследователям леса
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

В Московском государственном университете леса в г. Мытищи 7–10 ноября прошла Международная конференция «Дендро–2012». Общая направленность представленных докладов сводилась к выявлению перспектив использования сведений о годичных кольцах деревьев для решения задач рационального использования, воспроизводства и охраны лесных богатств России. В конференции приняли участие специалисты из Германии, Латвии и многочисленных субъектов Российской Федерации.

Нельзя не провести определённую параллель между серией такого рода конференций в СССР и в России. Мне выпало счастье быть среди участников самой первой из них, организованной по инициативе Б.П. Константинова – Героя Социалистического Труда и вице-президента АН СССР, – проведенной в 1968 г. в Вильнюсе. Очередная конференция была проведена в Каунасе в 1972 г. В проведении первой и второй конференций основная нагрузка по их организа-

ции выпала на академика АН Литовской ССР Л.А. Кайрюкштиса (директора ЛитНИИЛХ) и кандидата сельскохозяйственных наук Т.Т. Битвинскаса (зав. лаборатории дендроклиматохронологии АН Лит. ССР). В последующие годы подобные совещания проводились в Ленинграде (в программе XII-го Всемирного Ботанического Конгресса, 1975 г.), в Архангельске, Свердловске, Красноярске, Иркутске и др. городах. Вне всякого сомнения, сами конференции и материалы издаваемых докладов приносили пользу для науки, учебного процесса, практики лесного хозяйства и смежных отраслей.

Определённым аналогом наших конференций уже много лет является традиционная международная конференция «Евродендро». На таких совещаниях я бывал – в Польше, Литве, Словении; там раз в 2 года проходит подведение итогов работы и обмен опытом специалистов различных стран.

Со времени проведения первой всесоюзной конференции прошло 44 года, к ог-

ромному сожалению, многих её участников уже нет среди нас. Время никого не щадит... А мудрое начало в изучении лесов, заложенное ими, живёт и развивается. У истоков ряда направлений исследования годичных колец деревьев были известные специалисты: профессор Б.А. Колчин – дважды Лауреат Государственной Премии (Москва), член-корреспондент АН СССР А.А. Молчанов (Москва), профессор Б.А. Тихомиров (Санкт-Петербург), академик АН СССР Г.И. Галазий (Иркутск), кандидат географических наук В.Е. Рудаков (Ялта), доктор биологических наук Т.Т. Битвинкас (Каунас), доктор физ.-мат наук Г.Е. Кочаров (Санкт-Петербург), доктор географических наук В.Н. Адаменко (Санкт-Петербург) и др.

На заложенные на первой конференции основах продолжают работать лаборатории по исследованию годичных колец древесных растений под руководством: профессора С.Г. Шиятова (Екатеринбург), академика РАН Е.А. Ваганова (Красноярск), доктора биологических наук Е.С. Чавчавадзе (Санкт-Петербург), доктора биологических наук Э.Д. Лобжанидзе (Тбилиси) – участников первой конференции.

Вновь организованы исследования в Институте географии РАН – членом-корреспондентом РАН О.Н. Соломиной (Москва), профессорами географии К.Н. Дьяконовым и А.Ю. Ретеюмом (МГУ им. М.В. Ломоносова), профессором С.М. Матвеевым (ВГЛТА), профессором В.А. Липаткиным, кандидатом сельскохозяйственных наук С.Б. Пальчиковым и доктором биологических наук Д.Е. Румянцевым (МГУЛеса), доктором биологических наук В.И. Ворониным (Иркутск). В ряде городов России работают специалисты, использующие данные по годичным кольцам деревьев при комплексных исследованиях лесных экосистем в нашей стране и на сопредельных территориях.

Если Г. Ф. Морозов в своем классическом труде «Учение о лесе» писал: «лес – явление географическое», то с позиций современных знаний можно определить: «лес как явление космическое», которое является одним из самых ёмких элементов биосферы не только по запасам биомассы, но сведений о ней. Лес относится к числу возобновляемых природных ресурсов и, как любая биологическая система, требует к себе бережного отношения.

Привлекательными в проведённой в стенах старейшего лесного учебного заведения России конференции являются её многопла-

новость, участие в исследовательской работе молодёжи. Важность этой конференции подчёркивалась участием в ней всего руководства МГУЛеса во главе с ректором профессором В.Г. Санаевым. Участники конференции тепло поздравили его с избранием возглавлять университет на новый срок.

Прочитанные доклады можно разделить на несколько направлений, среди которых: методическое, лесохозяйственное, дендрохронологическое, незаконные рубки, археологическое, астрофизическое. Обстоятельный доклад профессора В.В. Коровина, посвящённый деятельности камбия может служить примером классических исследований в анатомии древесных растений. Наибольший интерес вызвали доклады С.Б. Пальчикова, С.М. Синькевича, Ю.М. Жаворонкова, В.А. Липаткина, раскрывающие одну из ключевых проблем совещания – решение проблемы незаконных рубок. В других докладах существенно расширены представления об использовании годичных колец древесных растений в географических, биологических и лесохозяйственных исследованиях.

Более удачного сочетания Московского государственного университета леса и Некоммерческого партнёрства «Стратегический альянс «Здоровый лес» для решения задач, поставленных перед участниками конференции, найти невозможно. В качестве примера может служить «Лаборатория по исследованию годичных колец деревьев» Аризонского университета, имеющая более чем 100-летнюю историю. Неразрывность научной и учебной работы исключает потерю приемственности в подготовке кадров. Аналогичное решение, принятое в работе лаборатории по изучению годичных колец МГУЛ, заслуживает высокой оценки.

Уровень приветственных писем в адрес конференции: Совета по сохранению природного наследия нации в Совете Федерации и Федерального агентства лесного хозяйства России придают высокий статус проведённой конференции. У меня от участия в её работе и о самом университете, в котором я побывал впервые, осталось самое светлое впечатление. Особенно хочу отметить качественную роль в организации и в проведении конференции Сергея Борисовича Пальчикова, Дениса Евгеньевича Румянцева и Ивана Александровича Гераськина, сделавших всё возможное для нашей успешной работы и пожелать им удач в благородном деле служения науке о лесе во благо России.

УНИВЕРСАЛИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ vs. ГЛУБИННЫХ ОСНОВАНИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРИЧИНЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ К.Г. ИСУПОВА «УНИВЕРСАЛИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ»*

Вопрос об универсалиях цивилизации прежде всего упирается в вопрос о тех дефинициях, которые стоят за термином «цивилизация», то есть – в определение данного понятия. В статье К.Г. Исупова «Универсалии цивилизации» [5] данный вопрос деликатно обойден молчанием, что вполне понятно – термин «цивилизация» имеет несколько трактовок и до сих пор является предметом дискуссий. Однако Константин Глебович, допустив такой эпистолярный ход, породил определенную оппозицию терминов, поскольку помещенная в авторский словарь «Космос русской культуры» статья «Универсалии цивилизации» явно не соответствует этому самому космосу, ибо описанные в статье универсалии вступают в очевидные противоречия с глубинными основаниями русской культуры и, безусловно, не относятся к числу ее фундаментальных концептов (описание которых, по замыслу автора, и являлось целью словаря «Космос русской культуры» [6, с. 79]). С другой стороны, насколько описанные в статье признаки являются именно *универсалиями* для цивилизации?

Чтобы разобраться в обозначенных вопросах уместно, вернувшись к истокам, рассмотреть стоящие за термином «цивилизация» концептуальные положения, вычленив универсалии какого именно стоящего за определениями понятия описывает К.Г. Исупов, и, соотнеся их с сущностным ядром – глубинными основаниями русской культуры, определить причину указанного расхождения.

Стоящие за словом «цивилизация» смыслы претерпевали значительные трансформации с момента введения в научный обиход [3], в качестве же основоположников, наиболее подробно разрабатывавших данную тему, обычно называют Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Ф. Конечны («польский Тойнби»). Анализируя сущностные совпадения в их концепциях, П. Сорокин выделяет следующее [27, с. 177–204]: цивилизации с их точки зрения – это функционирующие как реальное единство культурные суперсистемы, определяющие в относящихся к ним социально-культурных единицах большую часть изменений в области идеологии, поведения, материальной культуры.

Каждая из цивилизаций зиждется на какой-то одной основной предпосылке (конечной ценности), которую «цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех своих основных компонентах и подсистемах» [27, с. 196]. Каждая культурная суперсистема обладает причинно-смысловым единством и благодаря этому сохраняет свою самобытность, самоидентичность даже при изменениях в составляющих ее компонентах.

Существует ли в их концепциях постоянно звучащее в «универсалиях цивилизации» К.Г. Исупова противопоставление культура/цивилизация, при котором цивилизация – «ржавчина культуры», ее «энтропийный негатив» [5, с. 228]? В целом можно сказать, что цивилизация понимается основоположниками именно как культурная суперсистема, т.е. противопоставление отсутствует (культурно-исторические типы у Данилевского, великие культуры у Шпенглера, модели культуры, основанные на высших ценностях у Кребера, культурные системы или мировые культуры у Нортропа). Что касается конкретных фундаментальных признаков, то «универсалиям цивилизации», согласно статье [5], присущ «лже-экзистентный характер, они знаменуют количества прогресса, а не глубинные качества исторической жизни», проявляют «кризис участного присутствия творческого «я» в мире» [5, с. 228]. Однако, например, Данилевский подчеркивал именно творческие способности как одно из основных цивилизационных качеств, определяя два основных направления опредмечивания творческого потенциала – цивилизации как «позитивные творцы истории» и как проявляющие общекультурно значимую творческую созидательность в какой-либо области деятельности (греческая цивилизация – в эстетической области, индийская – в сфере воображения, фантазии и мистики и т.д.). В описании же сфер деятельности цивилизации Данилевский на первое место ставил религиозную деятельность, проявленную в первую очередь в народном мировоззрении, основанном на вере и составляющим основу всей нравственной жизни, а на второе место помещал деятельность культурную – то есть акцентировал аксиологическую и культур-

*Исупов К.Г. Космос русского самосознания. Универсалии цивилизации // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 3(24). – С. 228–230.

ную составляющие как основные признаки цивилизации.

Тойнби также подчеркивал связь цивилизации именно с творческим началом, а также подробно рассматривал роль цивилизации в развитии сущностных, экзистентных смыслов, связанных с ээтерализацией (возвышением) ценностей. Значимость этики в устройстве цивилизации выделял и Конечны, указывая категорию добра первой при анализе характерного для цивилизации «метода устройства коллективной жизни» [23, Гл. 7, 24]. Как духовное и этическое начало, независимое от материальных сторон жизни, определял цивилизацию А. Швейцер [26, т. I], причем немецко-французский философ и культуролог считал неправомерным разделять термины «культура» и «цивилизация» и определял последнюю как этап достижения высокого уровня культурного развития и высоких моральных принципов [26, т. I, с. 24]

Современные исследователи также осмысливают цивилизацию в контексте ее духовно-культурной природы: так, Ш. Эйзенштадт подчеркивает ведущую роль в возникновении и развитии цивилизаций определенного «типа духовной элиты, которая и выступила как носитель моделей культурного и социального устройства общества в соответствии с некоторым трансцендентным видением мира» [18, с. 338, см. также I], сформировав концепцию культурно-религиозной основы как определяющей в становлении и функционировании цивилизаций и постулируя экзистенциальные основы в качестве базовых в устройении цивилизации. [18, 13].

В современных исследованиях отдельное направление составляют работы, в которых в качестве цивилизационного фундамента осмысливается религия как духовная основа, вписанная в весь пласт культурной жизни – таковы, например, работы по изучению Индийской цивилизации [15; 16], Дальневосточных цивилизаций [4, с. 360–379; 22], Буддийской цивилизации [11, с. 415–434], Исламской цивилизации [14; 20; 21]. Впрочем, религию в качестве цивилизационной основы отмечал еще Тойнби, выделяя христианскую, исламскую, индуистскую цивилизации.

Единственную частичную параллельность демонстрируемого в «универсалиях» подхода, противопоставляющего культуру как творческое, экзистенциальное начало деградирующе-отчуждающей цивилизации можно усмотреть с концепцией О. Шпенглера [12]: хотя немецкий философ и не противопоставлял культуру и цивилизацию, однако для него цивилизация – это последняя стадия развития культуры, период агонии и застоя. С соответствующими негативными характеристиками, приобрета-

емыми культурой на этой фазе ее развития. Однако представляется важным тот факт, что значимым для немецкого философа является анализ состояния прежде всего европейской (фаустовской) культуры, которая на тот момент находилась, с его точки зрения, в стадии цивилизации – стадии упадка (именно поэтому, не смотря на обширное исследование в своем двухтомнике специфики различных выделяемых им цивилизаций, оба тома называются именно «Закат Европы»). Вполне возможно, что именно ощущение тех реалий, в которых находился О. Шпенглер, как реалий деградации и повлияли на его концепцию цивилизационного развития.

В случае с рассматриваемыми «универсалиями» также создается впечатление, что в них описывается именно видение Западной цивилизации. Действительно, трудно соотносить с Античной, Египетской или Вавилонской цивилизациями выделенные как оппозиции культура/цивилизация оппозиции «искусство / порно», «св. мощи / Мавзолей», «спортивное единоборство/ дуэль», и даже «инициация/ пытка» [5, с. 228]. Или соотносить с древними цивилизациями множество описанных в статье как универсалии атрибутов (культовое значение коммерции и денег, антропоморфизация машин и электроники, прогресс аудио- и видеотехники, служащий деградации диалогических качеств мышления и поведения и пр.) [5, с. 229].

Однако решение вопроса, какой именно цивилизации описываются универсалии, лишь отчасти проясняет причины их критического осмысления (скажем, среди тех же представителей западной культуры ряд негативно охарактеризованных К.Г. Исуповым феноменов осмысливается вполне позитивно [17; 19; 25]). Представляется, что причина данного негативизма связана в первую очередь с тем, что осмысление проводится именно с позиции русской культуры, глубинные основания которой вполне выстраиваются в оппозиционные пары с базовыми принципами западной (прежде всего – американской) культуры: внутренняя духовность / внешняя религиозность, коллективизм / индивидуализм, эмоциональность / рациональность, справедливость / формальная законность, нестяжательство/ культ денег...

Такие глубинные основания русской культуры, оппозиционность по отношению к ряду базовых ценностных ориентаций западной культуры и формирует ощущение деструктивности, коррозионности, профанности агрессивно наступающих на нас западных ценностей, осмысляемых в статье [5] как цивилизационные универсалии. Однако признание плюралистичности как принци-

па существования цивилизаций и использование компартивистского подхода уже изменит способы отбора обще-цивилизационных универсалий, а рассмотрение России как особой цивилизации позволит выделить не только общее, но и специфически-русское в цивилизационном. Последний подход не только имеет исторические корни (осмысление чужеродности по отношению друг к

другу России и Европы в цивилизационной концепции Данилевского, возможность появления русской цивилизации, подавленной и искаженной инородной цивилизацией у Шпенглера, выделение в качестве отдельной православной христианской цивилизации в России у Тойнби), но и активно разрабатывается представителями современной российской науки [2; 7–10].

Список литературы:

- [1] Айзенштадт Ш. «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных со-словий // Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М., 1992.
- [2] Бессонов Б.Н. Российская цивилизация. М., 1997.
- [3] Будагов Р.А. История слов в истории общества. М., 1971.
- [4] Васильев А.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
- [5] Исупов К.Г. Космос русского самосознания. Универсалии цивилизации // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 3(24). – С. 228–230.
- [6] Исупов К.Г. Космос русского самосознания. От автора // Общество. Среда. Развитие. – 2006, № 1. – С. 79–80.
- [7] Межуев В.И. Российский путь цивилизационного развития // Обозреватель. – 1997, № 10.
- [8] Платонов О. Русская цивилизация. – М., 1995.
- [9] Российская цивилизация / Под общ. ред. М.П. Мчедлова. – М., 2003.
- [10] Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. – М., 1998.
- [11] Старостин Б.С., Старостина Ю.П. Ученые Запада, Востока и России о буддийской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций. – М. 1998.
- [12] Шпенглер О. Закат Европы. – М., 2009.
- [13] Эйзенштадт С.Н. Прорывы осевого времени // Цивилизации. – М., 1995. Вып.3.
- [14] Brunschvig R. Perspectives // Unity and Variety in Muslim Civilization. – Chicago, 1955.
- [15] Choudhuri N. Hinduism: A Religion to Live By. – London: Chatto & Windus, 1979. – 352 p
- [16] Dumont L. Essai sur le système des castes. – P., 1967.
- [17] Eisenstadt S.N. Political Systems of Empires. – N.Y., 1963.
- [18] Eisenstadt S.N. Comparative Liminality: Liminality and Dynamics of Civilization // Religion. – 1985, № 15.
- [19] Elias N. The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. – L.; N.Y., 1978.
- [20] Gibb H.A.R. Studies on the Civilization of Islam. – Boston, 1962.
- [21] Grunebaum G.E. von. The Problem: Unity in Diversity // Unity and Variety in Muslim Civilization. – Chicago, 1955.
- [22] Jochim Ch. Chinese Religions: A Cultural Perspective. – N.Y., 1986.
- [23] Koneczny F. On the Plurality of Civilisations. – London: Polonica Publications, 1962.
- [24] Koneczny F. Rozwój moralności. – Lublin, 1938.
- [25] Service E. The Origins of State and Civilization. – N.Y., 1975.
- [26] Schweitzer A. Kulturphilosophie. B. I. Verfall und wiederaufbau der Kultur. – München: Verlag C.H. Beck, 2007.
- [27] Sorokin P. Sociological Theories of Today. – N.Y.; L., 1966.

Е.А. Бестужев

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С.А. ЕМЕЛЬЯНОВА «СКОЛЬКО СТОИТ РУССКАЯ ИДЕЯ? ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИДЕАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО»*

Словосочетание «русская идея», вытряхнутое из нафталинового мешка достаточно грустной российской истории в начале 90-х годов ушедшего XX-го века, продолжает то и дело всплывать в политическом лексиконе и в философской мысли современной России.

О «русской идее» сегодня много говорят и спорят, она имеет своих поборников и противников. В то же время, значительная часть современных россиян к ней индифферентна или вообще не слышали подобного словосочетания.

* Емельянов С.А. Сколько стоит русская идея? Практические аспекты проблемы идеального и национального. – СПб.: Алтейя, 2012. – 143 с.

Интерес отдельных политиков и обществоведов к проблеме «русской идеи» многие объясняют исключительно крахом коммунистической идеологии и страстным желанием людей тоталитарного типа найти новое идеологическое обоснование «железного занавеса». Это имеет место, но дискурс современных интерпретаций «русской идеи» гораздо шире. Ошибочность вкладываемых сегодня в понятие «русская идея» смыслов заключается в том, что все они сводятся к двум антагонистическим полюсам: с одной стороны, с помощью этого понятия пытаются обосновать изоляционизм и самобытность некой «русской цивилизации», другой – рассматривают «русский мир» как часть Европы.

Существует точка зрения, что «русский мир» как неотделимая часть европейской общности органически чужд потугам евразийцев и новоиспеченных консерваторов навязать модернизирующейся и вестернизирующейся России парадигму «русской цивилизации». Поэтому, чтобы правильно сформулировать «русскую идею», следует делать это с европейских позиций «русского мира», а не лубочного самобытничества евразийцев.

Однако сторонники модернизации, отрицая евразийско-почвеннический изоляционизм, отбрасывают и «русскую идею» как таковую, отдавая ее на откуп силам тоталитарного, а точнее – советского реванша. В данном случае понятие «русская идея» становится символом всех сторон общественной и политической жизни современного российского общества.

Отсюда вытекает необходимость более глубокого раскрытия смысла «русской идеи». Ввиду этого научно-публицистическое исследование доктора философских наук С.А. Емельянова приобретает особую актуальность. Данная работа не раскрывает понятие «русская идея» во всей его многогранности, но дает хорошую основу для размышления и стимулирует исследователей более тщательно заниматься данной темой. Автор дает развернутую картину взглядов на формирование «русской идеи» и идеала социальной справедливости. Также хорошо представлена специфика русской философии, ее идейные и религиозные истоки.

Тем не менее, автор остается в плену почвеннических представлений, взятых на вооружение современными идеологами охранительного консерватизма. Через всю работу красной нитью проходит противопоставление России Западу, в котором, по мнению исследователя, должна выкристаллизоваться «русская идея».

Имеется, на мой взгляд, ряд ошибочных постулатов. Например, мы видим противопоставление протестантского и технологически развитого Запада и русской ментальности. Эта мысль созвучна утверждениям почвенников, противопоставляющих русскую духовность западной материальности, хотя Западу были свойственны не менее значимые духовные прорывы. В технологическом отношении западное общество было и остается по сей день более здоровым по сравнению с российским.

Важной заслугой автора следует считать то, что он раскрыл в своей работе историческую преемственность советского коммунизма и своеобразно искаженного на русской почве православия. Свойственные христианству идеи социальной справедливости были доведены до абсурда, когда побираться на паперти стало считаться добродетелью, а зарабатывать и добиваться своим трудом успеха – чуть ли не грехом. Данная традиция была заложена в идеологии московского царства. В этом плане идеи соборности, жертвенности, холопского верноподданничества, сакрализации власти, равенства в нищете ради высокой идеи формируют отнюдь не русскую, а антирусскую идею. Мне представляется, что любой проект, направленный на отрыв «русского мира» от европейского тела является антинациональным и русофобским.

В очень доступной для широкого круга читателей форме представлены идейные и религиозные предпосылки событий 1917 г. О том, что идеология Третьего Рима органически переросла в идеологию Третьего Интернационала, писал еще русский философ Н.А. Бердяев. Автор с других позиций полностью подтвердил справедливость этого утверждения, опровергая утверждения о том, что большевизм был результатом заговора мировой закулисы.

В дополнение следует отметить, что «русской идее» достаточно внимания уделяли политические деятели русской эмиграции. Прежде всего, это относится к идеологии солидаризма НТС. Идеи солидаризма строились на формировании русского национального идеала в контексте единой европейской общности. К сожалению, автор не уделил внимания изучению этих работ.

В целом, работу С.А. Емельянова «Сколько стоит русская идея? Практические аспекты проблемы идеального и национального» можно считать заслуживающей внимания и положительной оценки, так как она актуализирует очень важные для России проблемы и помогает читателю сформировать свое собственное мнение.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С.И. ШЕЛОНАЕВА «МЕДИАПРОСТРАНСТВО: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»*

В последнее время концепт «медиапространство» все чаще становится объектом исследования, однако большая часть работ относится к области журналистики и теории коммуникации. Тем более интересна представленная монография С.И. Шелонаева, в которой сделана успешная попытка широкого социологического осмысления проблематики медиапространства, рассматриваемого как сверхусложняющийся социальный объект, выступающий особой частью социального пространства и обнаруживающий принципиально новые возможности, включая способности к автономности и саморазвитию. Медиапространство, по мысли автора, институционализируется в рамках новой парадигмы общества как саморегулирующейся и саморазвивающейся системы.

Институционализация мыслится С.И. Шелонаевым как процесс последовательного усиления слабых связей в сети отношений между социальными субъектами, имеющими общие потребности, для удовлетворения которых необходимы организованные действия. Это с необходимостью означает, что процесс институционализации должен включать «сетевую» стадию. Представления о социуме как саморазвивающейся системе и теория социального пространства дают возможность описать институционализацию как трансформацию институциональных форм и предложить интегративную модель институциональной динамики. Интегративная модель институциональной динамики позволяет адекватно описать современную систему средств массовой коммуникации как совокупность иерархических и сетевых институтов, а также субститутов различного генезиса и различной природы – медиапространство.

С.И. Шелонаев успешно обосновывает тезис о том, что формирование собственной внутренней структуры медиапространства является следствием его аутопойезиса. В нем равно существуют формальные иерархические и сетевые институты, а также нестабильные институциональные образования (субституты). Все эти институциональные образования в топологическом смысле описываются автором как социальные поля, в свою очередь состоящие из субполей.

Обращаясь к особенностям медиапространства современного российского общества, автор предлагает характер цензурирования контента в качестве интегрального критерия, характеризующего единообразие базовых правил устойчивого воспроизводства практик, и позволяющего отнести определенный институт к тому или иному сегменту медиапространства.

В книге предложена структурная модель, которая включает сегменты иерархических медиа, сетевых медиа и производных от них субститутов, различающихся институциональными правилами. Так, для иерархических медиа характерен режим премодерации, а для сетевых медиа – постмодерации. Субституциональные формы медиа характеризуются смешением способов модерирования контента.

Топологическая неоднородность структуры медиапространства, показывает автор, проявляется в «цене входа/выхода» социального агента в/из медиапространства, что можно рассматривать как базовый структурный принцип организации данного социального феномена. На внешней границе медиапространства, где расположены сетевые медиа, эта цена минимальна и соответствует экономическим возможностям большинства взрослого населения России.

Остается сожалеть, что вне текста монографии осталась проблема соотношения структурной и функциональной моделей медиапространства в российском обществе с соответствующими социальными институтами других стран.

Другой ключевой темой исследования С.И. Шелонаева является роль медиа-акторов в структуре медиапространства, претендующих на роль образчиков поведенческих и нравственно-этических моделей, и при этом обладающих специфическим набором ценностных, личностных и поведенческих характеристик. Частью этой группы являются представители самих средств массовой информации, другая часть входит в медиапространство из других сфер человеческой деятельности. Непосредственно вовлеченными в медийный процесс оказываются не только носители массового сознания, но и представители элит, в т.ч. культурной, научной, политической и т.д. Для

исследования отдельных характеристик деятельности акторов в медиапространстве автор последовательно и очень обстоятельно рассматривает развитие представлений об «избранных» или «творческом меньшинстве» от античности до современных социологических концепций.

В целом, книга С.И. Шелонаева представляет собой интересное и серьезное исследование актуальной и животрепещущей проблемы, заполняющее наблюдающийся пока пробел в отечественной социологической науке, и открывающее новые горизонты исследования mass media.

В.И. Грищенко

ПРАВДА О ВОЙНЕ. ОТЗЫВ НА МОНОГРАФИЮ Н.А. СЕДЫХ «ИСТОКИ И УРОКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. КНИГА 1. ИСТОКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. КНИГА 2. УРОКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»*

Я, Грищенко Валентин Иванович, учитель-пенсионер, фронтовик, любил историю как предмет и люблю историю как науку. Бесспорно, что меня больше всего интересуют события 2-й мировой войны и особенно события Великой Отечественной войны. Я очень много перечитал литературы об этом периоде. Казалось, что меня уже не может удивить ни одна публикация о Великой Отечественной войне.

Но я ошибся. Как только взял в руки капитальный труд Николая Артёмовича Седых** «Истоки и уроки Великой Победы», интуиция мне подсказала, что это что-то величественное, достойное особого внимания со стороны читателя. И я не ошибся.

С захватывающим вниманием я прочитал («проглотил» в прямом смысле) двухтомник. Какая глыба! Какой богатый фактический материал. Многое мне знакомо, но, как правдиво, доходчиво и конкретно Автор преподносит читателю отдельные эпизоды и события художественным словом. А что стоят содержание глав «Необходимость объединения страны», «Что делать» И всё то же извечное «Кто виноват?» и «Что делать?»

Н.А. Седых доходчиво излагает свои мысли, суждения – так, что и первокласснику понятно. Читая монографию, я к счастью, не пользовался словарём иностранных слов, в нем не было никакой необходимости. А стиль описания событий!

Когда у меня спрашивают, о чём я рассказываю своим слушателям, а это в основном молодёжь, учащиеся школ, я отвечаю:

– Правду о войне.

Я бессменный председатель Комиссии по патриотическому воспитанию молодёжи при райсовете ветеранов войны и труда. В книгах Н.А. Седых как раз и находишь правду о войне. А какой разносторонний и правдивый материал мировой истории и Великой Отечественной войны!

В этом труде очень много конкретных данных. Все они к месту. Казалось бы, сухие числа, но без них, безусловно, нельзя полностью раскрыть и правдиво показать грандиозность и результативность описываемых событий (те же «Котлы» 1941–1942 гг.).

Не могу умолчать о том познавательном и воспитательном значении монографии, особенно для молодёжи, для курсантов высших учебных заведений и для слушателей военных академий. Я поражаюсь работоспособностью автора, создавшего такое объёмистое, всеохватывающее научное исследование. Он вложили в этот труд, не боюсь так выразиться, чистоту своего сердца.

Я с благодарностью и уважением отношусь к Николаю Артёмовичу за предоставленную мне возможность пополнить свои знания по самому памятному героическому и трагическому периоду в моей жизни – времени Великой Отечественной войны.

Приятно и то, что автор этой монографии – наш земляк. Значит, «серогозцы не паут задних».

Здоровья Вам, многоуважаемый Николай Артемьевич, активный творческой деятельности!

* Седых Н.А. Истоки и уроки Великой Победы. Книга 1. Истоки Великой Победы. – СПб.: Астреион, 2008. – 236 с.; Седых Н.А. Истоки и уроки Великой Победы. Книга 2. Уроки Великой Победы. – СПб.: Астреион, 2011. – 672 с.

** Николай Артёмович Седых – доктор технических наук, профессор, лауреат Премии Совета Министров СССР, старший научный сотрудник Военного инженерно-технического института (Санкт-Петербург).

SUMMARY

S.A. Dyatlov

Entropy economy: methodological aspects of the analysis of world financial and economic crisis

Substantiation was given for the authorial cross-disciplinary methodological approach synthesis to the investigation of the entropy economy, disclosure of its essence, analysis of its particular manifestations. A number of new concepts were introduced to the scientific practice and their subject was disclosed, such like “target development dominant”, “dominant competitive advantage”, “synergic integrated effect”. The necessity of transition to a new development model was substantiated, which is defined as innovative and hypercompetitive economy with innovative and synergic development dominant and the appropriate mechanism for macro-regulation.

Key words: entropy economy, entropy methods, synergic integrated effect, target development dominant

O.I. Lebedeva

Management of real estate in the conditions of the russian economy

For transition to economic methods of land management and real estate should have a full and accurate information on the status of land and property, and their distribution in the different forms of ownership, the economic evaluation of state protection tax.

Key words: management of real estate, ground relations, real estate, state ownership, real estate market, real estate assessment.

V.F. Bogachov, N.V. Metlyuk

Innovative business structures: cloud principle of formation

The paper deals with characteristics of formation of the innovative management structures based on cloud principles. Main features, advantages and disadvantages were defined in comparison with other management structures.

Key words: business structures, cloud structure of management, crowdsourcing, social network, business struggle.

A.I. Losev

Logistics album as an information data array to determine the prospects of logistics projects (on the example of the project «DANKO»)

Abstract: In this article introduces the notion of the - logistic map and logistics album. The principles of their formation and methods of estimation of logistic projects. Analyzed the main features of the logistics of the project «DANKO», calculated assessment of these criteria and the overall assessment of the project.

Key words: the logistic map, logistics album, the far East region, the Arctic region, the project «DANKO».

V.N. Rudchenko

Multi-level approach in tourism product formation

This article is devoted to the characteristics of the tourist product in terms of its multi-level formation structure. The main advantage of the proposed issue in tourist product formation is the ability to use at the same time all its levels and each level separately.

Key words: tourist product, the formation of the tourist product, the levels of tourism product.

A.A. Kuprin, I.V. Zhuk

Role of adaptive potential in creation of effective mechanisms of operation of business to changing conditions of functioning

Questions connected with the analysis of forms of adaptation of the enterprises, disclosures of directions of necessary changes in their activity and interrelations where the analysis of productivity of adaptation of the enterprises is represented to the most important, definition of depth of qualitative shifts in their industrial and organizational structure Are considered. In this connection a role of adaptive potential to changing conditions of functioning and scales of its practical application in modern economy considerably increase in operation of business.

Key words: adaptive potential; adaptability of control systems; adaptable activity; controlling; systems of quality.

Management of development of small entrepreneurship in the context of organizational-economic cooperation of entrepreneurial structures

In the article the author examines the essence of organizational and economic cooperation of entrepreneurial structures, analyzes the correlation between the concepts of «development» and «structural changes» small business and considers the directions of the transformation of the organizational-economic forms of interaction and linkages of small and large business structures. The author as a form of control of organizational-economic interaction in the conditions of market economy offers the formation of a self-sufficient economic system. Management of development of small entrepreneurship in the direction of the organizational-economic interaction, the author offers in the form of the creation of a public information system, as well as the formation of business networks on the basis of building a franchise relationships.

Key words: small business, craft business, organizational-economic development, self-sufficient economic system, franchising, information system, business network.

V.V. Rizzi

Status, problems and prospects of development of the tourist potential of the North-West Federal District

The article gives a brief description of the North-West Federal District in terms of its geographical location, natural, recreational, cultural resources. Condition, stated prerequisites, challenges and threats to the development of tourism in the region are described. Federal and regional legislation regulating the development of tourism in the area are presented. The directions of the development of the tourist potential of the North-West Federal District are showed.

Key words:

tourism potential, recreational resources, world heritage sites, event and business tourism, the tourist flow.

J.N. Spiridonova

The Formation of the First sharing Insurance Communities in Russia

The analysis of creation and development of the first conntoy sharing insurance communities in the end of XIX – beginning of XX century is given in the article. The historical backgrounds, conditions of appearing and developing of the institution of social insurance in Russia are observed. The role of the first Share – holders is analysed. The first steps of national businessmen on the insurance marked having made much contribution info this field and having a certain place on the market of insurance service are also analysed. The foreign participation in the Russian insurance business is shown.

Key words: insurance, states, insurance institutions, insurance communities, insurance law system, types of insurance.

V.A. Ermolov

Violation of continuity of power in Russia first half of xix century and society's attitude to the prestige crowned in memoirs

Speaking about the problems of continuity of power and prestige crowned heads of the Russian Empire in the nineteenth century. The conclusion is drawn that the success or failure of many endeavors was directly related to their inability or unwillingness to take responsibility and make decisions.

Key words: government under the Constitution, liberalism, public life, opposition, succession, revolution, autocracy, terrorist.

A.Y. Suslov

Modern historiography russian socialist party: theorist-methodological aspects

Modern theorist-methodological approaches are considered In article to study of the historiographies Russian socialist party – socialist-revolutionary and social-democrat. Emphases addresses on understanding the term «historiography», features soviet and post soviet of the history science, categories дискурса, intellectual history and history memory.

Key words: historiography, socialist parties, intellectual history, history memory.

T.A.Abramova

The industry of the soviet union: scheduled progress and cyclicity

The article analyses the development of the Soviet industry. Cyclic characteristic features of the USSR economy end its exposure to ware fluctuations are revealed. The main attention of the author is given to the importance of economy planning which was approved for the first time as an integral element of market setting in the Soviet Union industry.

Key words: industry, economy, national economy, economical development, administrative system of managment, economic growth, planning, cyclic.

Ships of lend-lease for the Soviet Union during the Great Patriotic War

The article is devoted to the deliveries of military ships from Great Britain and the USA to the Soviet Union during the war 1941 – 1945 under conditions of lend-lease. The author investigates the role of Britain and American ships in main military operations made by the Soviet Navy during the struggle against Nazi Germany and its allies in Europe.

Key words: Grand alliance, war ships, Great Patriotic War, Great Britain, Navy, lend-lease, submarine's destroyers, Soviet Northern Fleet, the USSR, the United States, torpedo boats, minesweepers.

R.I. Filippenko

Kharkov School of History of Art: A. I. Kirpichnikov

The article deals with the formation of science of fine art in Kharkiv University and covers the Kharkiv period in the life of the first-rate scientist for his days A. I. Kirpichnikov. Being a philologist, historian of art, professor of Kharkiv, Novorossiisk, and Moscow Universities, Corresponding Member of St. Petersburg Academy of Sciences, he left a deep trace in domestic science.

Key words: A.I. Kirpichnikov, Kharkiv University, history of art.

E.E. Tarando

The Theory of Property in the Economic Sociology

In this article the point of view about insertion of the problems of property in the field of the economic sociology is defended. The sociological approach to the relations of property forms the special sociological theory – the sociology of property. The description of the theoretical basis of the sociology of property is given – the property is defined as the social relationship, the subject and the object is analyzed from a position of the sociology, the questions of the field of the sociology of property are marked.

Key words: property, sociology of property, institute of property, subject of property, object of property.

I.G. Afanasieva

Individual and society interaction as social function of property

Summary: in given article are investigated the problems of interrelation of the individual and society based on new social function of a property. In this paper are also studied the interrelation between a property and character of the person, and between social roles and a distribution principle in line with an ideas of justice. Besides, there is analyzed the strong-willed maintenance of a property based on a factor of violence and the public contract.

Key words: economic functions of property, social functions of property, property relation, property institute, moral and valuable foundations, relation of person to things, personality embodiment in things, strong-willed the maintenance of property, personality formation, economic and social roles, philosophy of individualism, economic consciousness, property distribution, social inequality, alienation of benefits.

P.G. Chernikova

Category of «Transcendental Experience» in the artistic traditions of XX century

This article attempts to analyze, describe and create new level of understanding of the text, the vehicle which is the subject of nowadays culture, whether it is a literary work, a photography, a unique or quoted image having a high level of connotations. In this publication, there is an appeal to the space of modern life. This phenomenon combines the eternal and the momentary, space harmonies and contrasts, a measure of time plastic, from the point of view of history, and the exact amount, in terms of individual time far person. The article provides a number of concepts and works of art that have shaped one of the most influential areas of culture and philosophical discourse XX century. In the text demonstrates the thoughts and ideas have been widely developed in the present and asserting their timeless relevance in matters of culture and art.

Key words: threshold condition and eternal themes in contemporary art, modern trends in art, artistic image, the aesthetic object, symbol, vanguard, intentionality, alternative, simulacrum.

V.A. Kutz

Protective functions in the culture system: the optimal strategy of risk reduce based bayesian approach

The Bajesian approach is considered as universal for information and bodily self-defense. This approach is applied to the analysis of martial arts in general and Russian fisticuffs in particular.

Key words: average risk, Bayesian approach, self-defense, Russian fisticuffs.

A.A. Petrova

Russia in the period of «great reforms» of Alexander II in the perception of Spanish explorer

The article deals with the history of the visit of the famous Spanish scientist A. Pascual to Russia, his impressions of the visit to St. Petersburg, Moscow and other cities, which he published in his famous work "Memories of Russia". "Memories" A. Pascual played a significant role in shaping the views on the far northern country in the Spanish public opinion of the XIX century.

Key words: history of Russian-Spanish relations, the history of new time, the history of diplomacy.

International relations system in the Russian civilization

Is proposed that the Russian society as a system, which includes elements of ethnic groups, and members-area, which can form the territorial and ethnic subsystem. The characteristic elements are highlighted ethnic, group and sub-ethnic relations in the system. It is concluded that the existing inter-ethnic communication should be developed and strengthened in an effort to complicate the set of links and add new ones. Russia's national policy should take account of the federal structure of the state, as well as labor migration and immigration.

Key words: state, international relations, people, national policy, nation, paternalism, Russian civilization, area, federal structure, goal setting, ethnoses.

E.V. Stecko

«Global governance» and the role of non-governmental organizations in its development

The article is devoted to the problems of globalization and «global governance». Global governance is considered as a mechanism to counter global challenges and as a prototype of the future world order. It examines the strengths and weaknesses of the idea of «global governance». Special attention is paid to the role of non-governmental organizations, their status, methods of work and the role in the formation of the global steering.

Key words: globalization, global problems, global governance, international relations, international non-governmental organizations, United Nations.

F.R. Dzhantueva

Political parties – an indicator of civil society (on the example of Kabardino-Balkarian Republic)

Political parties can be called mediators between social forces, ideologies and official state institutions. Political parties provide interaction between the state and the civil society. This aspect of contemporary Russian politics is the most crucial and controversial.

Since the scope of the relationship between the society and the state is the core of the political system, it is here that the principle of democracy is implemented (or not implemented).

Key words: civil society, political parties, politics, elections, the State Duma.

A.V. Petrov

Social Partnership and Youth Employment in the modern Global Economy

This article discusses the problems of youth employment in the current context of global socio-economic transformations. Attention is given to discussions about the problems of global unemployment and measures to address them. This article discusses the role of social partnership in solving the problems of employment

Key words: youth employment, global unemployment, international economic relations, social partnership, economic sociology, sociology of labour.

D.A. Vinogradov

Vectors of the corporate social responsibility of business in modern Russia

The article analyzes the problem of the formation of the concept of corporate social responsibility in Russia. Special attention is paid to the initiatives of the business community to address the formation of corporate social responsibility at the present stage of development of the Russian business.

Key words: corporate social responsibility, social oriented business, sustainable development, corporate citizenship, entrepreneurship, economic sociology, sociology of entrepreneurship.

K.S. Kokombaev

Multiethnic society and the aspects of nation's lifestyle

Important in the historical perspective of Kyrgyzstan took the Soviet period, when the intensity of the Kirghiz-Russian relations was determined by the status of the union republic within the USSR. Kyrgyzstan, being in the political, economic and socio-cultural interests of the Soviet orbit, has received the corresponding vector of social and historical development.

It should be emphasized that with the collapse of the Soviet multinational state, in the early years of the sovereignty and independence, a significant proportion of newly Kyrgyzstan could not renounce the identity of union identity.

Despite the negative effects of internationalist political doctrine of the Soviet state, the leadership of the newly Kyrgyzstan, thanks not lost spirit was able to maintain multi-ethnic flavor of the country.

Key words: soviet people, lifestyle, internationalism; polyethnicity.

I.N. Denisov

Leningrad – Hero-city: history of turning to Saint-Petersburg

Explores the historical, legal and moral aspects of the renaming of Leningrad in Saint-Petersburg, produced in 1991.

Key words: blockade of Leningrad, the Supreme Soviet of the USSR, Leningrad, the Leningrad Soviet, Saint-Petersburg, toponymics.

The language policy and its role in formation of construction of the nationhood in Peoples Republic of Tuva (Tannu-Tuva) between 1921–1944

This article discusses the efforts of the construction of nationhood and the role of language policy. The main argument of this article is that the national literature language is a constructed phenomenon. They were constructed in order to raise national consciousness.

Key words: nation, politics of language, Siberia, Republic of Tuva. Buddhism, old-Mongolian language, Tibetan language.

I.B. Gorbunova, M.S. Zalivadny

Formalized music by Iannis Xenakis as an attempt of mathematical representation of the logical regularities in music

The article analyzes the mathematical interpretation of logical regularities in music, made by the outstanding French composer and architect of Greek origin Iannis Xenakis (1922–2001) in his main work on theory of composition.

The authors of the article use the settled approaches of studying the structure of messages by set theory, theory of probabilities and theory of information. These approaches allow to elicit Xenakis' most significant contributions to the solution of the aforementioned problem that are essential for contemporary theory of music and practical composition.

Key words: Iannis Xenakis, mathematics and music, set theory, theory of probabilities, theory of information.

O.A. Kirillova

«Art nouveau» Style and Aesthetics in Russian film

«Art nouveau» Style (the end of XIXth – beginning of XXth centuries) is first explored in contemporary Russian film whereby it is represented in various genres: screenings, biographies, stylizations etc.

Key words: «Art nouveau» Style, visual dimension, stylization, the space of style, culture of foreshortening, the synthesis of arts (Gesamtkunstwerk).

A.E. Zhabreva

«It's brooch with precious stones, loops of pearls...»:

Russian ambassador Peter Potemkin's attire (according visual and written sources)

The article compares the image sources – portraits of Russian ambassador Peter Potemkin (1617–1700) by West European painters G. Kneller and J. C. de Miranda and some written documents close by that period. The author analyzes the main elements of Potemkin's representative attire, which carry the main idea to demonstrate the ambassador's high status. The author tries to bring together the names and images of clothes and decorations.

Key words: Russia, 17th century, costume, image sources, writing sources, Spanish painting, English painting

S.V. Layshenko

Landscape in the Work of N.S. Samokish

In this article the main features of landscape genre treatment in the work of the famous painter of battle scenes Nikolai Semenovich Samokish (1860-1944) is explored. The problem of the connection between battle-piece genre and landscape, that became the basis for many of his compositions (both paintings and drawings), is raised. The description of some works, including illustrations, that contain landscape or landscape background is given. The artist is shown as a connoisseur of nature and a horse-lover. The fragments of the recollections from his memoirs, as well as notes about nature and landscape from his album "The War 1904-1905. From artist's diary", are cited.

Key words: N.S. Samokish; battle-piece genre; landscape; painting; drawings; illustrations; nature.

M.A. Marchenko

Recycling. Play, Art and Life

The term of "Actual art" little-known by traditional art-criticism is considered in the "play-field" of contemporary culture. Range of events occurring in economics, everyday life culture and child's play aspects determined by the same term are also touched upon.

Key words: civilization, culture, trash, toy, Africa, modern, ready-made.

R.G. Shitikova

The development of the idea of contrast as a genre-forming factor in a sonata of classicism and romanticism

The article is devoted to the theoretical substantiation of the problem of contrast as a sonata attributive sign that causes and forms its conceptual content, image system, intonation dramatic concept, compositional features and its form-building processes proper. The article reveals interdependence and determinism of the genre-forming properties of contrast, its types, scope, methods of regulation, the way of introduction with the historical and stylistic context in a sonata of classicism and romanticism.

Key words: classicism, romanticism, genre, sonata, contrast, composition, content, form, musical language.

Vocal performance of Henrietta Nissen-Saloman

The article provides an overall analysis of the performance and repertoire of Henrietta Nissen-Saloman (1819–1879), the eminent Swedish singer, going on tours all around Europe and Russia in the 40–50s of the XIXth century. The article is based on the both new and familiar scientific sources, which were granted by the State Swedish Musical Library, affiliated to the Musical Museum, Stockholm.

Key words: vocal art, opera and concert repertoire, performance activity, operatic part.

S.E.Kurnosova

«Russian trend» in piano sonata by Gregory Korchmar

The article deals with the analysis in multi aspects of the Piano Sonata by the composer from Saint-Petersburg Gregory Korchmar. Some peculiarities of composer's idea, devices and special technique of the composer are explored by the author.

Key words: G. Korchmar, sonate, genre, neo folklore trend, piano music, modern Saint-Petersburg composers.

A.A. Timoshenko

Church singing tradition of modern Polozk. About sound ideal

The article is dedicated to peculiarities of sound ideal of contemporary Polozk orthodox singing tradition. Author formulates different factors that influence on the process of rebirth of orthodox singing tradition of Polozk women monastery.

Key words: church singing culture of Polozk, soundideal, natural and artificial singing, rebirth of church singing culture.

I.A. Chudinova

St. Euphrosyne of Polotsk and the traditions of the Byzantine women's monasticism

St. Euphrosyne activity considered in the context of the Byzantine tradition of women's monasticism. The goal of this study is a reconstruction of the initial sound ideal of liturgical singing of Russian nuns.

Key words: emale monastic tradition, holy Evfrosinia of Polotsk, soundideal of Church worship.

V. A. Zaborovskaya

Aspects of restoration and broadcasting

On the example of the restored monument considered a problem of preservation of information capacity and material basis, as well as the problems of its broadcast via electronic media.

Key words: conservation, restoration, and preservation of information capacity, transmission.

T.V. Sholomova

Values guidelines of russian intelligentsia

This article is devoted to impossibility to describe the concept "Russian intelligentsia" in historical perspective; in the last years of Soviet power typical intelligentsia's question about "the obligations to the people" has transformed into a problem of accessibility of material benefits.

Today there is probably no one who wants to call himself the "representative of intelligentsia", but it doesn't mean that intelligentsia has degraded. On the opposite, it seems that intelligentsia has evolved into the "middle class" with its' rather calm attitude towards material benefits and rather demanding attitude towards the state power.

Key words: values, intelligentsia, moral, ideal, people, power, material benefits, spiritual values, middle class, cultural integrator.

I.B. Romanenko, E.N. Barsukova

Social and Cultural Identity and National Mentality: Urbanal and Anthropological Approach

The article deals with problem of the comparative analysis of the phenomena of social and cultural identity and national mentality. The author defines the notion of social and cultural identity of the region. But a special attention is paid to the analysis of the urbanal and anthropological approach of the problems mentioned above.

Key words: social and cultural identity, national mentality, social and cultural identity of the region, regional identity, urbanal and anthropological approach, social and cultural analysis.

Cin Cin

The phenomenon of universalism of the creative personality based on the life and activity Zhou Guangren

Zhou Guangren is a unique personality in modern Chinese culture. She is a famous in China and in the whole world performer of piano music, a prominent teacher, a researcher and a talented organizer of music-education centres. This article is devoted to consideration of biography of Zhou Guangren, his performing, pedagogical and organizing activity.

Key words: China's piano art, piano performance and education, universalism of the creative personality.

Forms of the embodiment of the concept «revival» in calendar and ceremonial culture of Russian people

In the article is discussed in detail the symbolic nature of the traditional calendar. In particular, it was noted that symbols of traditional culture of Russian people has a great theoretical and methodological potential: key symbols-values of people's ideas are expressed in traditional forms.

The calendar (and according to ceremonial) year was built on the principle of eternal circle. Thus the uniform knowledge understood as eternal return by the beginning, opening before people the new vital horizons affirmed.

Key words: Russian traditional culture, calendar, the concept «revival».

N.I. Verba

The Mythologem of the Wedding in «The Russalka» A.S. Dargomyzhsky: to the Question about the Semantic Landmark in the Final of the Opera

As is known, A.S. Pushkin's drama «The Russalka» has remained unfinished. Therefore, A.S. Dargomyzhsky, when he turned to the plot of Pushkin's drama, had to create the final himself. This article is devoted to consideration of the specifics of the finals in the context of the wedding myth in the opera.

Key words: mythologem, Russian opera, the images of the works of art, the plots about the Sea Maides.

K.V. Sultanov, A.A. Vosresensky

Humanitarian Technologies: Toward a unified educational space

The article deals with analysis of the heuristic capabilities of humanitarian technologies as the basis for the paradigm formation of a single educational space in Russia. A characteristic of humanitarian technologies in the educational process and exploring of the possibilities of humanitarian technologies in the management of social processes are given in the article.

Key words: humanitarian technology, innovation, modernization of education, social processes, management, competence approach.

V.S. Moiseeva, D.M. Manikina

Volunteer Center of St.-Petersburg to prepare students of higher and secondary specialized educational institutions to participate in the Olympic Games "Sochi-2014"

The purpose of this article is to study the activities of Volunteer Center of St. - Petersburg on education and training of high school students to participate in the XXII Olympic and XI Paralympic Winter Games 2014 in Sochi.

Key words: volunteer, charity, moral, kindness, educational activities and traditions.

V.A. Rabosh, A.S. Makashova, N.V. Shachno

Alma mater. Forms of interaction of the pedagogical university with graduates

Over recent years, Russia has experience of interaction between universities and graduates. Described the basic shape and strategy of their interaction, the experience of pedagogical universities to interact with alumni, form expert analytical support professional careers.

Key words: graduate teaching institution, monitoring, professional fulfillment, career development, labor market, employment, expert activities, expert and analytical support.

A.E. Nazirov

The constructing methodology of a service theory

This article is devoted to the research of the philosophical-methodological foundations for constructing an economic theory of service. The specificity of this theory is that the consumption of goods and services corresponds to human production as secondary production. Along with this, such fundamental categories as abstract labour and concrete labour, socially necessary time and free time are reversed in terms of means and purpose.

Key words: consumption, economic structure, human, labour, modernisation, production, social field, service.

A.I. Subetto

Geliokosmic Revolution and Eurasian theory as moments Vernadskiy-Gumilev-revolution in the scientific picture of the world beginning of the XXI century

Philosophical paradigm XXI century is defined as Vernadskiy-Gumilev-revolution in the scientific world picture. Model of sustainable human development should be based on social intelligence. Eurasian theory of L.N. Gumilev is important genesis component of noosferizm.

Key words: V.I. Vernadsky, L.N. Gumilev, Eurasian theory, noosferizm, noosferogenez, Russian Space Art.

The natural cataclysms in the genesis of the Byzantine iconoclasm (726–843)

In this article the Byzantine and Christian understanding of natural cataclysms are considered. The author offers a hypothesis about the influence of the Ravenna earthquake 725–744 on genesis of the Byzantine iconoclasm. This paper also presents a number of evidence (Byzantine sources) between the relationship of natural disasters and Byzantine iconoclasm.

Key words: Byzantium, iconoclasm, Leo III the Isaurian, natural cataclysms, patriarch Nicephorus, reverence of the icons, the Ravenna earthquake, Theophanes the Confessor.

L.S. Ivlev

Aerosols and global climate changes

There is the observation of the influence of natural and anthropogenic aerosols on the climatic processes. We can see that the calculation of aerosol influences on the climate in present time wasn't made reasonably enough mostly because of the inaccuracy of data about the processes of generation and on physico-chemical properties of atmospheric aerosols. Up-to-date state of the knowledge on the subject is observed.

Key words: natural and anthropogenic aerosols, global climate changes, albedo, sulphate, volcanic substance, stratosphere, phase transitions of water.

V.V. Drozdov, N.P. Smirnov, G.T. Frumin, A.V. Kosenko

Justification of the natural mechanisms of influence of climate-forming processes on the Oceanological mode of the Baltic sea and the environmental conditions necessary for the spread of invasive species on the move with the ballast waters of ships, leading to biological cross-border pollution

The peculiarities of long-term variability of inflows of high salt water from the North sea into the Baltic. Analyzed and justified the impact of climate-forming processes and the natural mechanisms leading to the emergence of intensive North sea waters and their impact on the spread of alien species. Made a comprehensive analysis of the causes of the dynamics of water exchange showed a high degree of dependence of its parameters on the values of the volume of the river flow Sweden and level regime in the South-Western parts of the Baltic sea, and Kattegat. It is shown that the parameters of the river runoff and intensity of water exchange between the seas are in turn the high degree of dependence on the degree and character of the atmospheric circulation over the North Atlantic as a whole, as an indicator of which used different variants of the indices of the North-Atlantic oscillation (North Atlantic Oscillation - NAO).

Key words: the Baltic sea, transboundary biological pollution, alien species, the dynamics of climate, oceanological regime and water exchange.

L.I. Divinsky, L.S. Ivlev

Water and aerosols of volcanic origin in the upper atmosphere

Based on a critical analysis of the data on a powerful volcanic eruptions over the past century suggest that volcanic water vapor and aerosols significantly change the structure and optical properties of the upper atmosphere. There is separation of aerosols and gases that contribute to the formation of the cloud, as well as enrichment in the upper atmosphere, a number of elements of deep origin.

Key words: raptive volcanic eruption, magma, intracrustal faults, volcanic vapor, sulphate aerosols, the enrichment factor, photophoresis, nucleation.

N.V. Lovelius, A.N. Sobolev, P.A. Feklistov

Features unity in the growth of pine and spruce at Solovetsky Archipelago and the environmental factors

He article reveals the years of concurrent large and small quantities of growth of annual rings of pine and spruce growing on the Solovki islands .. It is shown that global environmental factors: Northern Hemisphere atmospheric circulation, solar and geomagnetic activity, galactic cosmic rays have a much higher vibration amplitudes opposite anomalies during growth than regional - air temperature and precipitation.

Key words: indices of growth of tree rings, generalized series, solar activity, geomagnetic activity, galactic cosmic rays, anomalies, sampling, types of circulation, a running total.

E.V. Muhachev, I.A. Gabay, V.N. Nosov K.A. Mihaylova, D.P. Kanajkin

The influence of electromagnetic radiation of wireless Bluetooth device (IEEE 802.15.1 protocol) on dynamics of rats feed conditioned reflex develop

The research of wireless data transmitter by IEEE 802.15.1 protocol module ("Bluetooth") electromagnetic radiation effect on white rats feeding conditional reflex developing dynamics in Y-ray maze were examined. The depression effect of twenty-day exposition on training and memory processes was shown. Thus, the informatics overweak levels of EMR treatment are significant for cognitive brain function and demand a overall detailed analysis.

Key words: electromagnetic radiation, Y-maze, feed conditioned reflex, PC, wireless data transfer.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева». E-mail: abramova_ta@bk.ru

Алимов Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, председатель Комиссии по охране природы Санкт-Петербургского отделения Русского географического общества, доцент факультета Международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: alimovandrey@yandex.ru

Афанасьева Ирина Германовна – аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: i_afanasieva@bk.ru

Барсукова Елена Николаевна – аспирантка кафедры философии Российского государственного университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: omnia.perfecta@gmail.com

Бестужев Евгений Леонардович – эксперт уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге, сотрудник отделения прикладной политологии ГУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. E-mail: semeljan@mail.ru

Богачёв Виктор Фомич – доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, Санкт-Петербург. E-mail: nmetluk@mail.ru

Болгач Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург. E-mail: pavlovasoc@mail.ru

Верба Наталья Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: verba.natalia@yandex.ru

Виноградов Денис Андреевич – аспирант кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: petroval4@yandex.ru

Воскресенский Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: voscres@gmail.com

Габай Илья Андреевич – соискатель Научно-исследовательского центра «Арктика» ДВО РАН, Санкт-Петербург. E-mail: gabay.ilya@gmail.com

Горбунова Ирина Борисовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры информатизации образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: gorbunova@herzen.spb.ru

Грищенко Валентин Иванович – фронтовик, участник Великой Отечественной войны, учитель-пенсионер (русская литература), бывший директор Нижесерогодской школы, зав. РайОНО, пос. Нижние Серогозы Херсонской области, Украина. E-mail: terrahumana@asterion.ru

Денисов Игорь Николаевич – инженер, публицист, Санкт-Петербург. E-mail: lector@asterion.ru

Джантуева Фатима Рашитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик. E-mail: kob-dfr@mail.ru

Дивинский Леонид Исаевич – доктор физико-математических наук, декан метеорологического факультета, профессор кафедры экспериментальной физики атмосферы Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: divinsky@rshu.ru

Дроздов Владимир Владимирович – кандидат географических наук, доцент кафедры экологии Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: vladidrozдов@yandex.ru

Дятлов Сергей Алексеевич – доктор экономических наук, профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, Санкт-Петербург. E-mail: dyatlovsergal@yandex.ru

Евдокимова Ольга Михайловна – соискатель кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: olgaeutexas@mail.ru

Ермолов Владимир Александрович – преподаватель истории и философии СПб УОР, Санкт-Петербург. E-mail: lector@asterion.ru

Жабрева Анна Эрнестовна – кандидат педагогических наук, научный сотрудник Библиотеки РАН, Санкт-Петербург. E-mail: annazhabreva@mail.ru

Жанаев Аюр Тумэнович – аспирант Бурятского государственного университета, Улан-Удэ. E-mail: ayur_zhanaev@mail.ru.

Жук Игорь Васильевич – аспирант Санкт-Петербургского университета управления и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: kuprinandrej@ Rambler.ru

Заборовская Виктория Александровна – художник-реставратор научно-исследовательского отдела консервации и реставрации фондов библиотеки Академии наук, соискатель кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: vikaz@yandex.ru

Заливадный Михаил Сергеевич – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербург. E-mail: info@conservatory.ru

Захаров Николай Львович – доктор социологических наук, профессор кафедры управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург. E-mail: znl29@mail.ru

Ивлев Лев Семенович – почетный работник высшего образования РФ, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией физического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: ivlev.lev@mail.ru

Исупов Константин Глебович – доктор философских наук, профессор, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: kgisupov@mail.ru

Канайкин Денис Петрович – соискатель Научно-исследовательского центра «Арктика» ДВО РАН, Санкт-Петербург. E-mail: gabay.ilya@gmail.com

Кириллова Ольга Алексеевна – кандидат философских наук, докторант кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: olga-kirillova@yandex.ru

Кислов Евгений Владимирович – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. заведующего лабораторией геохимии и рудообразующих процессов Геологического института СО РАН, Улан-Удэ. E-mail: evg-kislov@ya.ru

Кокомбаев Кубатбек Султаналиевич – кандидат социологических наук, доцент. Докторант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: skubat50@mail.ru

Комарков Александр Юрьевич – аспирант кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: Sashok1@yandex.ru

Косенко Ангелина Владимировна – ассистент кафедры экологии Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: gfrumin@mail.ru

Кошелева Татьяна Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского университета управления и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: kosheleva1205@ Rambler.ru

Курпин Андрей Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Сосновоборского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург. E-mail: kuprinandrej@ Rambler.ru

Курносова Светлана Евгеньевна – корреспондент редакции газеты «Педагогические вести», аспирантка Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: svetotysik@yandex.ru

Куц Владимир Анатольевич – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник ОАО «Концерн «Гранит-Электрон», Санкт-Петербург. E-mail: 2697305VK@inbox.ru

Лебедева Олеся Ильгизовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Нижнекамского института информационных технологий и телекоммуникаций (филиала) ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева», Нижнекамск. E-mail: olesyagaf@mail.ru

Ловелиус Николай Владимирович – доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного учреждения «Государственный природный биосферный заповедник «Таймырский», Почетный житель Хатангского района Таймырского (Долгано-Ненецкого) Автономного Округа, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: lovelius@mail.ru

Лосев Александр Илларионович – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и статистики Санкт-Петербургского государственного технологического университета (технического университета), докторант кафедры коммерции и логистики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, Санкт-Петербург. E-mail: ail55@mail.ru

Ляшенко Светлана Владимировна – научный сотрудник Государственного Русского музея, соискатель ученой степени кандидата искусствоведения по кафедре русского искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина РАН. E-mail: academy1757@gmail.com

Макашова Анастасия Салиховна – аспирантка кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: terrahumana@asterion.ru

Маникина Дарья Михайловна – специалист по учебной работе Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: dashok 90_05 @ mail. ru

Марченко Мария Александровна – кандидат искусствоведения. Дибург, Германия. E-mail: homommm@mail.ru

Мельникова Алла Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург. E-mail: 88alla88@mail.ru

Метлюк Николай Валерьевич – аспирант кафедры коммерческой деятельности и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, Санкт-Петербург. E-mail: nmetluk@mail.ru

Михайлова Ксения Андреевна – соискатель Научно-исследовательского центра «Арктика» ДВО РАН, Санкт-Петербург. E-mail: gabay.ilya@gmail.com

Моисеева Валентина Степановна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: vs_moiseeva@mail.ru

Мухачев Евгений Владимирович – соискатель Научно-исследовательского центра «Арктика» ДВО РАН, Санкт-Петербург. E-mail: gabay.ilya@gmail.com

Назирев Анатолий Эзелевич – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: tola-50@mail.ru

Никифоров Владимир Викторович – кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург. E-mail: nix@asterion.ru

Никифорова Наталия Владимировна – кандидат культурологии, преподаватель гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург. E-mail: blondarama@gmail.com

Носов Виктор Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Арктика» ДВО РАН, Санкт-Петербург. E-mail: gabay.ilya@gmail.com

Петров Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, исполнительный директор Российско-Китайского Центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: petroval4@yandex.ru

Петрова Ариадна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: petroval4@yandex.ru

Пономаренко Елена Юрьевна – аспирантка Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: sebyakina@mail.ru

Рабош Василий Антонович – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, проректор по учебной работе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: terrahumana@asterion.ru

Рицци Виталий Витальевич – кандидат экономических наук, докторант Балтийской академии туризма и предпринимательства, Санкт-Петербург. E-mail: mail@batpr.ru

Романенко Инна Борисовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Российского государственного университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: in_romanenko@rambler.ru

Рудченко Вероника Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. E-mail: verorud@yandex.ru

Смирнов Николай Павлович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экологии Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: smirnoff@rambler.ru

Спиридонова Юлия Николаевна – доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Саранск. E-mail:

Стецко Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: Ali1814@yandex.ru

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург. E-mail: subal1937@yandex.ru

Султанов Константин Викторович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: child2000@bk.ru

Сулов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета, Казань. E-mail: plusha131333@yandex.ru

Тарандо Елена Евгеньевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: elena.tarando@mail.ru

Тимошенко Алиса Анатольевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств, Санкт-Петербург. E-mail: alisa2507@yandex.ua

Тэзич Мустафа Джан – аспирант кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: cantezic@yahoo.com

Филиппенко Ростислав Игоревич – кандидат исторических наук, доцент, Национальный фармацевтический университет (НФаУ), Харьков, Украина. E-mail: filrost@rambler.ru.

Фрумин Григорий Тевелевич – доктор химических наук, профессор кафедры экологии Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: gfrumin@mail.ru

Цинь Цинь – аспирант кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: qinqin1017@gmail.com

Цыренов Даши Дашанимаевич – кандидат экономических наук, старший преподаватель Бурятского государственного университета, Улан-Удэ. E-mail: dashi555@mail.ru

Черникова Полина Георгиевна – аспирантка кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: chernikovarg@rambler.ru

Чудинова Ирина Анатольевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, ученый секретарь Российского института истории искусств. E-mail: alisa2507@yandex.ua

Шахно Наталья Викторовна – аспирант кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: terrahumana@asterion.ru

Шемякина Мария Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород. E-mail: mary-ru2004@mail.ru

Шитикова Раиса Григорьевна – кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: rshitikova@mail.ru

Шоломова Татьяна Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. E-mail: tatyasholomova@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2012 г.

№
вып. Стр.

ОБЩЕСТВО

Эффективное управление

<i>Афанасьева И.Г.</i> Собственность и распределение: к вопросу о распределительной функции собственности	1	8
<i>Богачев В.Ф., Метлюк Н.В.</i> Инновационные предпринимательские структуры: облачный принцип формирования	4	14
<i>Власова М.С., Ильина О.В., Морохина В.И.</i> Современное состояние и тенденции развития подготовки кадров в государственном и негосударственном секторах системы образования	1	23
<i>Власова М.С., Ильина О.В., Морохина В.И.</i> Разработка методики расчета интегрального показателя оценки потенциала образовательного учреждения	2	19
<i>Волкова Н.Ю.</i> Проблемы внедрения системы контроллинга предпринимательскими структурами Магаданской области	3	9
<i>Гасанов А.Н.</i> Государственное регулирование развития туризма в Азербайджане	2	14
<i>Дегтярёв Г.М., Носов В.Н.</i> О возможности предвидения кризисных явлений в мировой экономике и в социально-политической сфере	1	12
<i>Дятлов С.А.</i> Энтропийная экономика: Методологические аспекты анализа мирового экономического кризиса	4	4
<i>Евдокимова Л.О.</i> Концепции развития ресурсного потенциала субъектов экономики: сравнительный анализ, методологические решения	3	4
<i>Евдокимова Л.О.</i> Человеческий потенциал в методологии развития сферы услуг	1	34
<i>Збрицкий А.А., Чистов Л.М.</i> Обоснованная модель расширенного воспроизводства капитала (средств производства) в становлении и развитии экономической теории	1	4
<i>Зеленина А.Е., Петров А.В.</i> Особенности и перспективы системы управления трудовыми ресурсами в современных ТНК (на примере филиала Hyundai Motor Company в Санкт-Петербурге)	1	29
<i>Коряков А.Г.</i> Механизм государственного стимулирования устойчивого развития предприятий химической отрасли России: структура и этапы реализации	3	14
<i>Лебедева О.И.</i> Управление недвижимостью в условиях российской экономики	4	10
<i>Лосев А.И.</i> Логистический альбом как информационный массив данных для определения перспективности логистических проектов (на примере проекта «ДАНКО»)	4	18
<i>Лоскутов В.И.</i> Ответственность менеджмента – необходимое условие процветания общества	1	17
<i>Неустров С.С.</i> Пути активизации инновационного фактора развития экономики Якутии	2	4
<i>Очирова Т.Б.</i> Современные проблемы принятия управленческих решений в сфере туризма	3	18
<i>Петрова Е.Е.</i> Учет факторов загрязнения окружающей среды и экономии ресурсов в ходе анализа инвестиционных проектов	2	9
<i>Рудченко В.Н.</i> Многоуровневый подход в формировании туристского продукта	4	21
<i>Феклистов И.Ф.</i> Ресурсный потенциал коммерческих предприятий сферы услуг	2	26

Рыночная среда

<i>Антонова А.Б., Пятковская Е.Ю.</i> Инфраструктура общественного питания как элемента туристской дестинации: использование кластерного подхода при разработке направлений совершенствования	1	45
<i>Буга А.В., Куприн А.А., Самодуров А.А.</i> Особенности оценки бизнеса и имущественного комплекса предприятия в целях антикризисного управления	3	27
<i>Кошелева Т.Н.</i> Управление развитием малого предпринимательства в условиях организационно-экономического взаимодействия предпринимательских структур	4	29
<i>Куприн А.А., Жук И.В.</i> Роль адаптивного потенциала в создании эффективных механизмов управления предприятием в изменяющихся условиях функционирования	4	25
<i>Лебедева О.И.</i> К вопросу об управлении недвижимым имуществом	3	22

<i>Рицци В.В.</i> Состояние, проблемы и перспективы развития туристского потенциала Северо-Западного федерального округа	4	34
<i>Сафронова Л.Ф.</i> Кластерный подход к стратегическому развитию лесопромышленного комплекса Северо-Западного региона	1	39
История и современность		
<i>Абрамова Т.А.</i> Анализ циклических процессов в промышленности советского союза	4	54
<i>Брачев В.С.</i> «Дело» Я.М. Захера	2	41
<i>Грекова О.В.</i> Время царствования Алексея Михайловича в отечественной историографии (по материалам периодической печати второй четверти XIX в.)	1	50
<i>Дельвиц В.С.</i> «Светлицы» Петра I на территории усадьбы графа Ф.А. Головина в Новой немецкой (Иноземной) слободе в 1722–1725 гг.	2	36
<i>Елешин А.В.</i> Формирование митраизма в Киликии и Коммагене	2	31
<i>Ермолов В.А.</i> Преемственность власти и осуществление реформ в XIX веке	4	44
<i>Ермолов В.А.</i> Состояние сельского хозяйства северо-восточных районов Ленинградской области и жизнь колхозников накануне Великой Отечественной войны	1	70
<i>Захаров А.М.</i> Чехословацкие добровольцы в сражении при Зборове (2 июля 1917 г.): зарождение национально-революционной традиции	3	36
<i>Комарков А.Ю.</i> Корабельный ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны	4	59
<i>Комарков А.Ю.</i> Ленд-лиз для СССР в первый год Великой Отечественной: особенности, проблемы, итоги	1	74
<i>Лопина И.А.</i> Дискуссии о национально-государственном устройстве и положении этнических меньшинств в периодической печати революционной эпохи. 1917 г.	1	60
<i>Малькова Т.Н.</i> Учетно-финансовая практика Великого Новгорода XI–XIV веков по текстам берестяных грамот	3	31
<i>Пыхалов И.В.</i> Заградительные отряды: история создания и применения (на примере Северо-Западного театра военных действий в 1941 году)	2	46
<i>Пыхалов И.В.</i> Российский парламентаризм в 1917 г.: опыт неуправляемой демократии	1	66
<i>Синова И.В.</i> Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних на рубеже XIX–XX веков	1	55
<i>Спиридонова Ю.Н.</i> Формирование первых акционерных страховых обществ в России	4	39
<i>Суслов А.Ю.</i> Российские социалисты после октября 1917 года: проблемы теории и методологии изучения	4	49
<i>Филиппенко Р.И.</i> Харьковская школа истории искусства: А. И. Кирпичников	4	64
Стратегия дискурса		
<i>Афанасьева И.Г.</i> Взаимодействие личности и общества как социальная функция собственности	4	74
<i>Добровольский С.Г.</i> Жизнь как пороговое блуждание	3	41
<i>Куц В.А.</i> Защитные функции в системе культуры: оптимальная стратегия снижения риска на основе байесовского подхода	4	84
<i>Лимонов В.А.</i> Философско-художественная концепция исторического процесса в испанском барокко (на примере творчества Бальтасара Грасиана)	3	48
<i>Пигров К.С., Султанов К.В.</i> Университет и молодежь в гражданском обществе: историко-философский взгляд	1	104
<i>Тарандо Е.Е.</i> Теория собственности в экономической социологии	4	69
<i>Черникова П.Г.</i> Категория «запредельного опыта» в художественной традиции XX века	4	79
Глобализация: полемика цивилизаций		
<i>де Робертис А.-Д.</i> Отношения между НАТО и Россией: от конфронтации к диалогу	1	79
<i>Джантуева Ф.Р.</i> Политические партии – индикатор состояния гражданского общества	4	106
<i>Земцова И.В.</i> Отношение русской интеллигенции к еврейской интеграции в русскую культуру (2-я половина XIX – начало XX вв.)	2	57
<i>Коган С.И.</i> Народная дипломатия как форма культурного сотрудничества СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны и в послевоенный период	1	94

<i>Кокомбаев К.С.</i> Глобализационная политика и национально-государственная трансформация	3	56
<i>Кокомбаев К.С.</i> Полиэтнический социум и проблемы образа жизни народа	4	102
<i>Кузнецова Е.И.</i> Проблемы формирования гражданской нации: основные аспекты националостроительства	2	63
<i>Моисеева В.С.</i> Воспитание у школьников Санкт-Петербурга толерантного отношения к детям других национальностей	3	60
<i>Никифоров В.В.</i> О системе межнациональных отношений в русской цивилизации	4	94
<i>Петрова А.А.</i> Россия периода «великих реформ» Александра II в восприятии испанского путешественника	4	89
<i>Полынов М.Ф.</i> «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи	1	84
<i>Севостьянов А.С.</i> Российская политика в Центрально-азиатском регионе и ближневосточные геополитические проблемы	1	90
<i>Солодовникова Н.В., Корженко О.М.</i> К проблеме сохранения национального государства: Россия между этнизацией и интернационализацией	2	52
<i>Стецко Е.В.</i> «Глобальное управление» и роль неправительственных организаций в его становлении	4	110
<i>Томайчук Л.В.</i> Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси	3	52
<i>Тюрин А.В.</i> Международные контакты и творческие поездки ленинградских писателей в годы хрущевской «оттепели»	1	99

Феномены социального развития

<i>Бороноев А.О., Глотов М.Б.</i> М.М. Ковалевский в истории русской социологии Н.И. Кареева	2	68
<i>Бузин В.Н.</i> Управленческие воздействия на медиaprостранство	3	68
<i>Бузин В.Н.</i> Уровни управления российским медиaprостранством	1	121
<i>Виноградов Д.А.</i> Векторы развития корпоративной социальной ответственности предпринимательства в современной России	4	121
<i>Виноградов Д.А., Петров А.В.</i> Социальная ответственность российского бизнеса в период современного глобального экономического кризиса: проблемы и тенденции	3	64
<i>Ларкина Э.И.</i> Сущность индивидуального и общественного самосознания: социально-философский анализ	3	73
<i>Лебединцева Л.А.</i> Понятие и сущность интеллектуального труда в современных экономико-социологических исследованиях	1	108
<i>Мальчѐнков И.Е.</i> Паттерны социального пространства в современном социологическом дискурсе	2	73
<i>Манокин М.А.</i> Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты	3	77
<i>Никифорова С.В.</i> Миграция: отдельные аспекты повседневности	1	112
<i>Петров А.В.</i> Социальное партнерство и проблемы занятости молодежи в современной глобальной экономике	4	116
<i>Романьчев И.С.</i> Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении	3	82
<i>Росенко С.И.</i> Социальная дифференциация российского постсоветского общества	2	83
<i>Султанов К.В., Романенко И.Б.</i> Социокультурная идентичность молодежи как философская проблема	1	116
<i>Чаплашкин Н.В.</i> Методика социологического исследования современного состояния свободной занятости в России	2	78
<i>Шамкова С.В.</i> Социально-демографический портрет суицидентов среди молодежи Санкт-Петербурга	2	87

Антропология и этнология в XXI веке

<i>Евстигнеев Ю.А.</i> Кыпчаки: этнос и его имя	3	97
<i>Евстигнеев Ю.А.</i> Куманы/куны: кто они?	2	91

<i>Прудникова М.М.</i> Понятие этноса и его методологическое значение (понятие этноса и его соотношение с понятием нации)	3	86
<i>Субетто А.И.</i> Историческая этнология Л.Н. Гумилева как парадигмальная научная школа в человековедении XXI века	3	90
Правовое общество		
<i>Алешина А.В., Косовская В.А.</i> Медиация как результат взаимодействия конфликтологии и юриспруденции	2	112
<i>Дорская А.А.</i> Передача имущества религиозного назначения религиозным организациям: проблема юридической квалификации	2	107
<i>Денисов И.Н.</i> Город-герой Ленинград: история превращения в Санкт-Петербург	4	125
<i>Ковалев А.С.</i> Нарушение прав и основные типы жалоб нетрудоспособных граждан в инвалидных домах Сибири в 1920–1930-х гг.	2	102
<i>Троценко К.В.</i> Соотношение закона и обычая в регулировании жизнедеятельности сибирских народов Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.	2	98
Языки культуры		
<i>Бедирханов С.А.</i> Отражение исторической памяти в национально-поэтическом сознании лезгин 1960–1980-х годов	2	120
<i>Бугрий Е.П.</i> Иноязычный компонент в языковом состоянии Петербурга	2	115
<i>Верба Н.И.</i> К проблеме трансформации системы архетипов сюжетов о морских девах в культуре XIX века (на примере драмы «русалка» А.С. Пушкина)	3	113
<i>Верба Н.И.</i> К проблеме пересечения архетипов сюжетов о морских девах с мировоззренческими константами эпохи романтизма	2	124
<i>Губанов О.А.</i> Художественный символ и симулякр: эстетическое противостояние	3	103
<i>Горбунова И.Б., Заливадный М.С.</i> Опыт математического представления музыкально-логических закономерностей в книге Я. Ксенаксиса «Формализованная музыка»	4	135
<i>Игнатова С.А.</i> Полифония и постмодернизм в романе У. Эко «Имя розы»	3	108
<i>Кириллова О.А.</i> Визуальная стилистика и эстетика модерн в российском кино	4	139
<i>Костякова Ю.Б.</i> Медиаистория: от понимания к определению сути и понятия	3	118
<i>Ляшко А.В.</i> Культурологическая интерпретация современной конкурсной практики в России	3	123
<i>Николаева М.Ф.</i> Советский плакат (1917–1941): между искусством и медийной технологией	3	129
<i>Тэзич Д.М.</i> Языковая политика и ее роль в формировании строительства нации в Тувинской Народной Республике (Танну-Тува) в 1921–1944 гг.	4	131
<i>Реженинова Н.Р.</i> Понятие «фортепианное переложение» как терминологическая проблема	3	133
Мир художественной культуры		
<i>Ван Вэй</i> Полемика о судьбе живописи Гохуа в Китае в конце XX века	1	153
<i>Гутарева Ю.И.</i> Пейзажный жанр «сансухва» («горы–воды») в корейском искусстве в период поздний Чосон (XVIII – сер. XIX вв.).	2	148
<i>Дединкин М.О.</i> «Товарищество пролетарского искусства» Фридриха Брасса в Германии и России	1	147
<i>Жабрева А.Э.</i> «Запона на ней с камнем, петли жемчужные...»: костюм русского дипломата конца XVII в. Петра Ивановича Потемкина (по изобразительным и документальным источникам)	4	144
<i>Евдокимова Л.А.</i> Пенсионерский период творчества художника-медальера А.Ф. Васютинского	3	136
<i>Иванова Е.М.</i> Применение техники композиции И. Шиллинга в ранних произведениях Э. Брауна	3	166
<i>Катаева О.Б.</i> Иконопись как первооснова художественного образа сцены взятия Казани в фильме С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный»	2	129
<i>Кузьмина М.Ю.</i> Развитие в искусстве приемов монтажа как способа актуализации культуры в информационном обществе	2	135
<i>Кулижникова Н.П.</i> Тенденции народной декоративной живописи начала XX в. на примере творчества вологодских мастеров росписи	1	126

<i>Курносова С.Е.</i> «Русская тема» в сонате для фортепиано Григория Корчмара	4	167
<i>Ляшенко С.В.</i> Пейзаж в творчестве Н.С. Самокиша	4	150
<i>Марченко М.А.</i> Recycling. Play, Art and Life	4	154
<i>Овсянкина Г.П.</i> «Пушкинская симфония» Бориса Тищенко в мировой музыкальной пушкинине	3	162
<i>Пономаренко Е.Ю.</i> Вокально-исполнительское искусство Генриетты Ниссен-Саломан	4	158
<i>Ромашина Н.А.</i> Интерпретация живописного этюда интерьерера в творчестве русских художников XIX–XX веков	3	142
<i>Ромашина Н.А.</i> Графический этюд в творчестве русских художников конца XIX – начала XX вв.	2	144
<i>Ромашина Н.А.</i> Технические и композиционные особенности натюрморта в этюде в творчестве русских художников первой половины XX века	1	137
<i>Тимошенко А.А.</i> Церковно-певческая традиция современного Полоцка. К вопросу о звукоидеале	4	172
<i>Хомич Е.Г.</i> Импрессионизм в пейзажной живописи К.А. Сомова	2	140
<i>Христолюбова Т.П.</i> Особенности теоретико-художественных идей К.С. Петрова-Водкина	1	132
<i>Цинь Цинь</i> Жизненный и творческий путь у цзущяна	3	147
<i>Чудинова И.А.</i> Концепция универсализма в музыкальной культуре Полоцка и Петербурга	3	151
<i>Чудинова И.А.</i> Преподобная Евфросиния Полоцкая и традиции византийского женского монашества (к вопросу о реконструкции облика богослужебно-певческой практики древнего Полоцка)	4	177
<i>Шитикова Р.Г.</i> Развитие идеи контраста как жанрообразующего фактора в сонате классицизма и романтизма	4	158
<i>Шитикова Р.Г.</i> Контраст в музыке и его жанрообразующая функция в сонате барокко	3	156
<i>Штиглиц Е.О.</i> Исследование творчества Карла Росси. Неизвестное в известном	1	141

Культурное наследие

<i>Заборовская В.А.</i> История изучения документального памятника: аспекты реставрации и трансляции	4	182
<i>Ломакин Ю.А., Дунаев С.А.</i> Обретение храма на таицкой земле (из опыта выявления памятника архитектуры на территории исторического поселения)	3	171
<i>Юнова А.Н.</i> К вопросу о превентивных мерах сохранения культурного наследия в Германии	3	176

Ценностный опыт

<i>Барсукова Е.Н., Романенко И.Б.</i> Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход	4	193
<i>Богданова Д.Ш.</i> Профессиональный спорт в современной культуре: проблема маргинализации	2	162
<i>Верба Н.И.</i> Мифологема свадьбы в «Русалке» А.С. Даргомыжского: к вопросу о смысловом ориентире финала оперы	4	207
<i>Вознесенская А.П.</i> Образ женщины-нигилистки как отражение смены ценностной парадигмы в культуре России XIX в.	2	153
<i>Елешин А.В.</i> Роль некоторых диаспор в западных сатрапиях Ахеменидской державы в формировании митраизма	1	158
<i>Зимбули А.Е.</i> Ложь: нравственно-оценочные аспекты	3	187
<i>Рябов В.В.</i> К вопросу о перспективах становления гражданского общества современной России	1	163
<i>Сидоров А.И.</i> Юридические пословицы и поговорки в правовой практике русского народа	3	193
<i>Сидорова Г.П.</i> Советская хозяйственная культура в формах материальной предметности и образах массового искусства 1960–1980-х гг.: тело человека	3	199
<i>Соломин В.П., Султанов К.В.</i> Управляемость общества и социальный порядок	3	181
<i>Тарандо Е.Е.</i> Распределительная справедливость: к вопросу о социально-экономических особенностях принципов распределения	2	157

<i>Цинь Цинь</i> Феномен универсализма творческой личности на примере жизни и деятельности Чжоу Гуанжэнь	4	197
<i>Шемякина М.К.</i> Формы воплощения концепта «возрождение» в празднично-обрядовой культуре русского народа	4	202
<i>Шоломова Т.В.</i> Ценностные ориентиры отечественной интеллигенции	4	187
<i>Щекотин Е.В.</i> Качество жизни в глобальном обществе риска: методологический подход	1	167
Педагогический опыт		
<i>Акимов С.С.</i> О своеобразии педагогической системы Арзамасской школы живописи А.В. Ступина	1	177
<i>Верещагина Н.О.</i> Становление методической компетентности бакалавров и магистров в области географического образования	1	187
<i>Ганина С.А.</i> Концепция свободного воспитания: опыт социально-философской рефлексии феномена детства	1	183
<i>Ежеленко В.Б.</i> Российская педагогическая реальность: генезис «модернизации» образования	1	172
<i>Моисеева В.С., Маникина Д.М.</i> Волонтерский Центр Санкт-Петербурга по подготовке студентов высших и средних специальных учебных заведений для участия в Олимпиаде «Сочи-2014»	4	217
<i>Рабош В.А., Макашова А.С., Шахно Н.В.</i> Alma mater. Формы взаимодействия педагогического вуза с выпускниками	4	221
<i>Султанов К.В., Воскресенский А.А.</i> Гуманитарные технологии: на пути к единому образовательному пространству	4	212
Научный поиск		
<i>Назифов А.Э.</i> Методология построения теории сервиса	4	226

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Осмысление ноосферы

<i>Акимов Ю.Г.</i> «Истинный север, сильный и свободный»: фактор северности в формировании канадской национальной идентичности	1	197
<i>Волович В.Н.</i> К вопросу об экологической безопасности страны	1	192
<i>Евдокимова О.М.</i> Природные катаклизмы в генезисе византийского иконоборчества (726–843 гг.)	4	234
<i>Марсадолов Л.С., Григорьев Ал.А., Паранина Г.Н.</i> Древнее мегалитическое наследие Северо-Запада России в системе региональных коммуникаций	2	172
<i>Окоренков В.Ю.</i> Состояние метрологического обеспечения метеорологических средств измерения Росгидромета	1	208
<i>Паранина Г.Н.</i> Свет в лабиринте: время, пространство, информация	1	202
<i>Рагулина М.В.</i> Морфологические исследования культурного ландшафта: интегральный взгляд	3	204
<i>Рудченко Н.Н.</i> Направления отечественной и зарубежной инновационной политики в области энергетических проектов	2	182
<i>Субетто А.И.</i> Гелиокосмическая революция и евразийство как моменты вернадскианско-гумилевского переворота в научной картине мира начала XXI века	4	230
<i>Субетто А.И.</i> Ноосферное образование как механизм ноосферной человеческой революции в XXI веке и прорыва человечества к космоноосферной парадигме будущей Истории	2	177
<i>Сычина Н.А.</i> Календарь в традиционной культуре коренных народов Западной Сибири (к методологии культурологического исследования)	2	167
Глобальный экологический кризис: мифы и реальность		
<i>Гладкий Ю.Н., Тимофеев А.Д.</i> «Жаркое лето-2010» в России: о поиске причин и... климатическом оружии	3	210
<i>Гордеева С.М., Малинин В.Н.</i> О типизации траекторий циклонов, приводящих к невоским наводнениям	2	187

<i>Дроздов В.В., Смирнов Н.П., Фрумин Г.Т., Косенко А.В.</i> Анализ влияния климатообразующих процессов на океанологический режим Балтийского моря и экологические условия, необходимые для распространения чужеродных видов, приводящих к биологическому трансграничному загрязнению	4	245
<i>Ивлев А.С.</i> Аэрозоли и глобальные изменения климата	4	238
<i>Малинин В.Н.</i> Гольфстрим и климат Европы	1	214
<i>Никитин О.П., Касьянов С.Ю.</i> Поверхностные течения вокруг Японских островов: пути распространения радиоактивного загрязнения вследствие аварий на АЭС «Фукусима-1»	2	194
<i>Павловский А.А., Митина Ю.В.</i> Возможные последствия повышения уровня Финского залива в XXI столетии для прибрежных территорий Санкт-Петербурга	1	221
<i>Рудченко Н.Н.</i> Инвестиционная политика в сфере экологических проектов и альтернативной энергетики: отечественный и зарубежный опыт	1	227
<i>Седых Н.А.</i> Проблемы спасения стран Балтики от воздействия боевых отравляющих веществ (химического оружия) фашистской Германии	2	199
<i>Украинцева В.В., Поспелов И.Н.</i> О новом комплексном методе реконструкции климатов и прогнозирования климатических изменений в будущем	3	216
<i>Украинцева В.В., Поспелов И.Н.</i> О новом комплексном методе реконструкции климатов и прогнозирования климатических изменений в будущем	2	203

Природная среда

<i>Дивинский Л.И., Ивлев Л.С.</i> О воде и аэрозолях вулканического происхождения в высоких слоях атмосферы	4	255
<i>Ловелиус Н.В., А.Н. Соболев, П.А. Феклистов.</i> Черты единства в приросте сосны и ели на Соловецком Архипелаге и факторы среды	4	262
<i>Новичкова-Иванова Л.Н.</i> Водоросли экосистем степей Евразии	2	213
<i>Мухачев Е.В., Габай И.А., Носов В.Н., Михайлова К.А., Канайкин Д.П.</i> Влияние электромагнитного излучения модуля беспроводной передачи данных по протоколу IEEE 802.15.1 (Bluetooth) на динамику выработки условного пищевого рефлекса у крыс	4	268
<i>Пигольцина Г.Б., Зиновьева Н.А., Савкина А.О.</i> Детальная оценка пространственной изменчивости термического режима воздуха в районе проведения зимних олимпийских игр «Сочи-2014»	3	223
<i>Румянцев В.А., Крюков Л.Н.</i> Особенности природы цианобактерий	2	221
<i>Румянцев В.А., Крюков Л.Н.</i> Особенности природы цианобактерий	1	232
<i>Труханова И.С., Сагитов Р.А., Веревкин М.В., Алексеев В.А., Андриевская Е.М.</i> Ладожская кольчатая нерпа и рыбный промысел: почему возник конфликт?	2	232
<i>Улицев В.И.</i> Изменчивость уловов трески в северо-восточной Атлантике и факторы среды	2	228

ЛЕКСИКОН

<i>Исупов К.Г.</i> Космос русского самосознания		
Танатология	1	239
Тень	1	242
Трагическое	2	239
Универсалии культуры	2	242
Универсалии цивилизации	3	228
Факт / Событие	3	230
Хандра	3	232
Число	4	273
Эстетизм	4	275

НОВОСТИ

<i>Алимов А.А.</i> Интеграция наук и знаний в решении экологической проблемы	4	283
<i>Алимов А.А.</i> О международной конференции «Арктика в условиях глобализационных изменений»	2	261

<i>Алимов А.А., Ермолина М.А.</i> Рецензия на книгу «Экологические положения конституций»	2	256
<i>Алимов А.А., Самусевич И.Н.</i> Экологические проблемы больших городов и промышленных зон	3	235
<i>Бестужев Е.А.</i> Рецензия на книгу С.А. Емельянова «Сколько стоит русская идея?: практические аспекты проблемы идеального и национального»	4	296
<i>Болтач Ю.В.</i> Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир», 13–15 июня 2012 г., Санкт-Петербург	4	280
<i>Грищенко В.И.</i> Правда о войне. Отзыв на монографию Н.А. Седых «Истоки и уроки Великой Победы. Книга 1. Истоки Великой Победы. Книга 2. Уроки Великой Победы»	4	299
<i>Датчиков Г.И.</i> Отзыв на монографию Н.А. Седых «Истоки и уроки Великой Победы. Книга 1. Истоки Великой Победы»	3	234
<i>Жанаев А. Ю., Цыренов Д.Д.</i> «Пограничья культур – культуры пограничья: старые проблемы – новые вызовы», 2–30 мая 2012, Варшава	4	278
<i>Захаров Н.А.</i> Рецензия на книгу С.И. Шелонаева «Медиапространство: опыт социологического анализа»	4	298
<i>Кислов Е.В.</i> Байкальская международная конференция «Геология месторождений полезных ископаемых»	2	260
<i>Кислов Е.В.</i> IV международная конференция и III молодежная школа-семинар «Ультразабит-базитовые комплексы складчатых областей и их минерагения» 27–31 августа 2012 г., ст. Байкальский прибор (Республика Бурятия)	4	282
<i>Кривич Н.А.</i> 215 лет Российскому государственному педагогическому университету им. А.И. Герцена	1	244
<i>Крышталева М.К.</i> Близость «Другому». Рецензия на выставку фоторабот Анны Астрианц «Мадагаскар. Визуальная антропология» (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, факультет философии человека)	1	246
<i>Лётин В.А.</i> Дворец – феномен истории, искусства и... культуры	2	253
<i>Ловелиус Н.В.</i> К итогам «Дендро–2012» в МГУЛеса. Мудрое начало будет служить вечно Мытищи, 7–10 ноября 2012 г.	4	292
<i>Ловелиус Н.В.</i> Таймырскому краеведческому музею 75 лет	4	285
Научно-практическая конференция «Проблемы и пути развития системы гидрометеорологической безопасности Союзного государства»	2	258
<i>Мельникова А.А.</i> Универсалии цивилизации vs. глубинных оснований русской культуры: причины противостояния. Рецензия на статью К.Г. Исупова «Универсалии цивилизации»	4	294
<i>Никифоров В.В.</i> Александр Иванович Субетто о сверхидее для всего человечества. К 75-летию ученого	2	246
<i>Никифорова Н.В.</i> История технологии в транснациональной перспективе: результаты, вызовы, перспективы	4	286
<i>Петров А.В.</i> К юбилею профессора Асалхана Ользоновича Бороноева	2	251
<i>Петров А.В.</i> Международная конференция «Китайская и российская молодежь в контексте глобализации», 26–27 октября 2012 г., Пекин, КНР	4	290
<i>Сидоров А.И.</i> Как я провел... 9 мая 1945 года	2	244
<i>Субетто А.И.</i> Памяти Алексея Васильевича Галкина (7.10.1931–5.06.2012), выдающегося ученого, общественного деятеля, яркого представителя отечественного высшего сельскохозяйственного образования	3	237
<i>Украинцева В.В.</i> Рецензия на книгу Р.Г. Барри Тин Ив Гана «Глобальная криосфера. Прошлое, Настоящее и Будущее»	1	248

УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

1. Материалы к публикации представляются на электронном носителе на адрес редакции (191015, Санкт-Петербург, а/я 83, Суворовский пр., 61, ЦНИТ «Астерион») или по электронной почте: terrahumana@asterion.ru, terrahumana@terrahumana.ru. При необходимости прилагается распечатка. Электронная версия должна полностью соответствовать распечатке. Объем статей – 0,5 авторского листа, включая ссылки и сноски. Схемы, иллюстрации и таблицы, необходимые для раскрытия проблемы, не должны увеличивать объем статьи более чем на 0,1 авторского листа.

2. Аспиранты и соискатели учёной степени кандидата наук должны предоставить рецензию или отзыв научного руководителя, заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза.

3. Редакция в целях научного и методологического обеспечения устойчивого развития общества и гармоничного сосуществования социальной и природной среды реализует концепцию, которая заключается в создании условий для креативного диалога между учеными гуманитарных и естественных наук.

Согласно запросу ВАК об обеспечении более эффективной работы экспертных советов ВАК редакционный совет принял решение об определении приоритетных направлений журнала (согласно классификации отраслей знаний ВАК): 03 – биологические науки, 07 – исторические науки, 08 – экономические науки, 09 – философские науки, 17 – искусствоведение, 22 – социальные науки, 24 – культурология, 11 – географические науки. До утверждения ВАК официальной специализации журналов рекомендуем авторам учитывать, что публикации других отраслей знаний могут не засчитываться ВАКом при рассмотрении диссертационных работ.

Журнал будет продолжать прием, рассмотрение и публикацию статей других отраслей знаний, не связанных с соисканием ученой степени кандидата или доктора наук.

4. Все рукописи проходят внутреннее рецензирование, могут быть возвращены на доработку или отклонены. Учитывая важность взаимного обмена мнениями между учеными, необходимость развития междисциплинарного дискурса, особенно между гуманитарными и естественными науками, редакция журнала полагает полезным увеличение количества как авторов, так и читателей нашего журнала. В связи с этим предпочтение при рассмотрении материалов отдается подписчикам журнала. Публикация материалов аспирантов осуществляется на бесплатной основе.

5. Текст должен быть набран в редакторе Microsoft Word.

Текст не должен содержать двойные и более пробелы, табуляции, разбит на колонки.

Кавычки должны выглядеть так: «... ...», кавычки внутри цитат так: «... “...” ...».

Иллюстрации должны быть предоставлены отдельно в виде файлов с расширением .JPG.

Таблицы, формулы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть пронумерованы в порядке их упоминания в тексте.

Надписи на рисунках даются на русском языке. Рисунки и другие иллюстрации должны быть подписаны. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

6. Статья должна быть снабжена индексами УДК и ББК. Статью должны сопровождать аннотация и список ключевых слов на русском языке, название, резюме и список ключевых слов на английском языке, список литературы.

7. Список литературы оформляется следующим образом:

– названия располагаются в алфавитном порядке;

– сведения об издании включают (в указанной последовательности) фамилию автора, его инициалы, название издания, номер тома / части (если есть), сведения об ответственности, место издания (город), название издающей организации, год издания, количество страниц;

– для статей из журналов, газет, сборников необходимо указать основное название издания, из которого взята статья; номер выпуска, тома, части; номера страниц, на которых эта статья находится; для журналов и газет – дату выпуска.

8. Ссылки на источники оформляются в квадратных скобках двумя числами. Первое указывает порядковый номер издания в списке литературы, второе – номер страницы. Например, «[4, с. 25]». Все поясняющие примечания и сноски даются на последней странице текста статьи.

9. Сведения об авторе статьи предоставляются на русском и английском языках и включают:

– фамилию, имя, отчество полностью;

– ученое звание / ученую степень;

– название и шифр специальности, если планируется защита диссертации;

– должность и место работы / учебы / соискательства;

– город проживания / работы;

– контактные телефоны, e-mail.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- В.В. Никифоров (председатель ред. совета), кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург.
- К.Г. Исупов (главный редактор), доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
- Н.А. Кривич (зам. главного редактора), кандидат культурологии, главный редактор издательства «Астерион», Санкт-Петербург.
- А.А. Алимов, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, председатель комиссии по охране природы Русского географического общества, Санкт-Петербург.
- А.О. Бороноев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- Ю.Н.Гладкий, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, вице-президент Русского Географического общества, Санкт-Петербург.
- А.А. Збрицкий, доктор экономических наук, профессор, ректор Государственной академии специалистов инвестиционной сферы, Москва.
- Я. Кеневич, профессор, зам. директора Института Междисциплинарных исследований «Artes Liberales» Варшавского университета, Варшава.
- Н.В. Ловелиус, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории географии и природоиспользования Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.
- В.Н. Малинин, доктор географических наук, профессор Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург.
- Л.В. Никифорова, доктор культурологии, профессор кафедры музееведения и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, член Союза художников РФ, Санкт-Петербург.
- А.В. Петров, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, исполнительный директор Российско-Китайского Центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург.
- В.А. Румянцев, доктор географических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.
- А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- И.Я. Фроянов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России с древнейших времен до 1917 г. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.
- Л.М. Чистов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (ИНЖЭКОН), Санкт-Петербург.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «Центр научно-информационных технологий «Астерион». 191015, Санкт-Петербург, а/я 83, (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70. E-mail: asterion@asterion.ru

Дизайн обложки – Е.Ю. Абдушукурова
Подготовка оригинал-макета – ЦНИТ «Астерион»

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 324-. Подписано в печать 21.12.2012. Бумага офсетная. Формат 70×100¹/₁₆. Объем 27,75 п. л. Тираж 800 экз. Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, (812) 685-73-00, 970-35-70, E-mail: asterion@asterion.ru, <http://www.terramana.ru>